

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-03-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-03-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

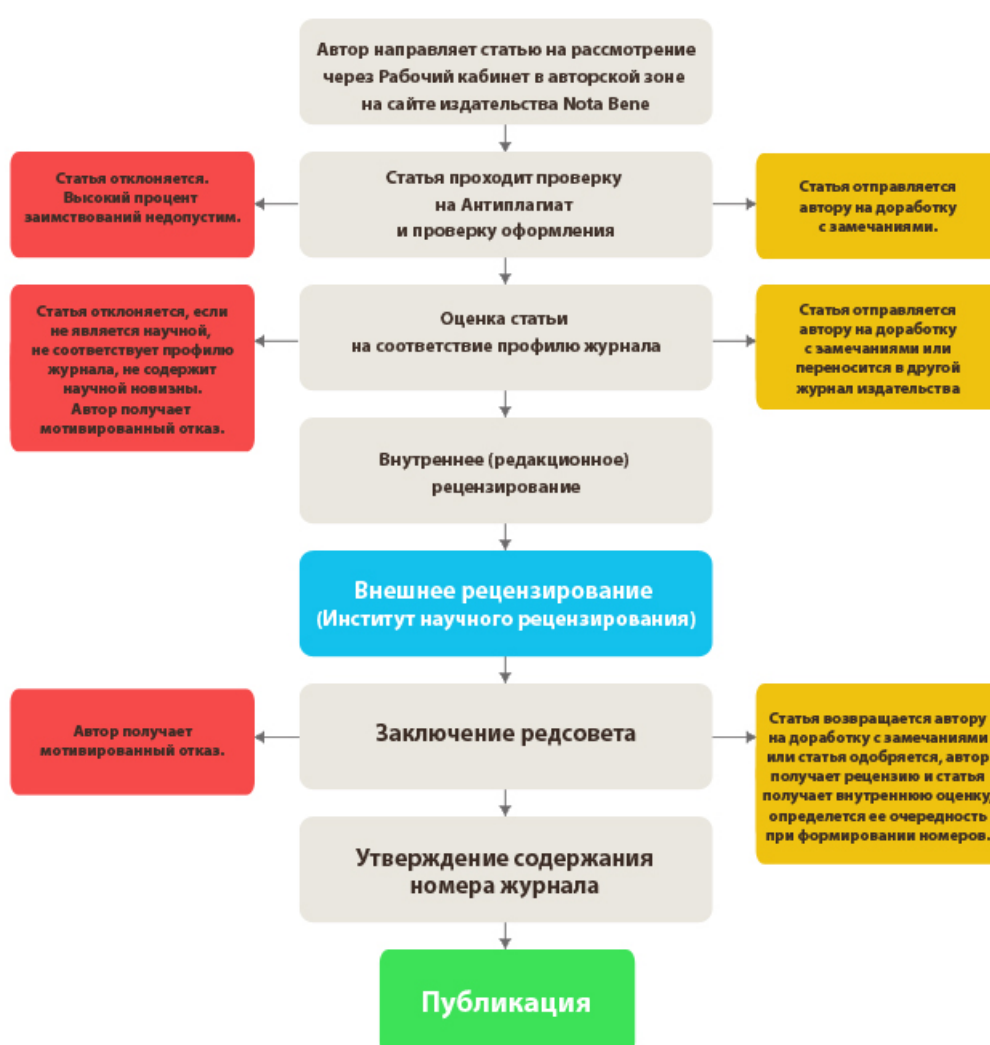
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Вань Г., Шабельская Н.К., Щепетов П.А. Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект	1
Сюй Л. Лексика насекомых, отображающая воздействия на объекты окружающего мира: лексическая интерпретация	14
Бутакова Д.Д. Диссертация С. Маслуха «Акустическая...» как подтверждение сохранения представлений о харфовой структуре языка в арабской лингвистике	24
Юе Ж. Учебное проектирование курса «Деловой устный перевод в русско-китайской языковой комбинации» в эпоху искусственного интеллекта — на примере обучения с помощью ChatGPT	34
Кучина Н.В. Значение голоса в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан»	44
Франчук О.В., Деревскова Е.Н., Подгорская А.В. Представления о строении небесного свода в картине мира православного христианина X–XVII вв. (на материале канонических и апокрифических текстов)	57
Шляпов И.В., Титовнина Е.И., Гурушкин П.Ю. Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях: перспективы и риски	72
Сунь В. Лингвистический анализ политического медиадискурса в Китае: эволюция, актуальные проблемы и тенденции	85
Ян И. Особенности репрезентации фейк-ньюс в социальных сетях Китая	101
Еникеева Е.М. Кризисная и конфликтная коммуникация в политической сфере: общее и особенное	111
Лю Б., Перфильева Н.В. Исследование интертекстуальности новостных заголовков на материале китайских источников	123
Бахтурина И.М. Повтор в эссе "Трагическое чувство жизни" М. де Унамуну и его отражение в переводе Е.В. Гараджи с испанского на русский язык	136
Марьянович Д., Галоян Н.Г. Русский духовный стих как часть культурного и языкового наследия русской и сербской духовной лексики	145
Куринная А.А., Баканова А.В. Изучение фразеологического и паремиологического корпуса испанского языка: основные этапы	155
Сунь В. Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания	167
Луговских К.М. Манипулятивные приемы в политическом медиадискурсе США на примере предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца	176
Дорский А.Ю., Дорский А.А. Информационные противостояния в российской футбольной индустрии: кейс Алексея Матюнина	184
Плотников И.П., Пархитко Н.П. К вопросу о тематической специфике каналов депутатов КПРФ в Telegram	196
Морозова Г.В., Якупов Б.И., Гаврилов А.Р., Акимов А.А. Медийное обеспечение как инструмент повышения осведомленности и доверия российской молодежи к	212

дистанционному электронному голосованию

Усова Е.В. Технология оценки эффективности деятельности по связям с общественностью	222
Булгарова Б.А., Ли Я., Хань Ч., Ань С. Микропуть распространения основных социалистических ценностей Китая с точки зрения новых медиа	231
Коптев Д.А. Анализ стратегий перевода конструкций с предикативом надо в русско-английском устном и письменном переводе	241
Куралева Т.В., Лекомцева И.А. Дихотомии в теории перевода и обучении переводу	252
Ли С. Репрезентация семантики лексемы «сладость и Тянь/Гань» через призму межкультурного сопоставления	261
Снеткова М.С. Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто	272
Леонович Е.О., Ляшенко И.В., Дрыгина Ю.А. Фитонимы в британском фольклоре (лингвокультурологический подход)	292
Ли Л., Лазарева О.В. Менталитет и национальный характер в русских и китайских паремиях	305
Овсепян С.А. Лингвокультурная специфика семантики слова «счастье» в русском и армянском языках	317
Гареева Л.М., Кравчук Т.В., Тоухар А.О. Ритмическая организация прозы А. П. Чехова	332
Дубаков Л.В., Чжан И. Принципы оборотничества и зооморфизации реальности в романе А. А. Старобинец «Лисьи Броды»	343
Найденова Р.Р. Тема смерти в прозе Маргарет Этвуд	351
Сапрыкина О.А., Хрипунова А.Г. Испанские мемориальные речи в аспекте прагмалингвистики	363
Ярзада Б. Категории числа и рода и их текстовые функции в персидском и русском языках	371
Ван Т., Ван Ш. Нейминг продуктов питания: семиотический аспект	392
Александрикова Л.Г. О словарном представлении фразеологизмов в русской и китайской лексикографии	405
Сычев Р.В. Глагол их в какчикельском языке Колониального периода и его роль в неглагольной предикации	419
Птукян А.Р. Мотивационный дискурс и его место в системе дискурсивного знания	435
Уразаева Н.Р., Уразаева С.И., Весна В.М. Категория эмотивности как отражение отношения человека к миру в молитвенных текстах (на материале немецкого языка)	442
Токарева М.С. Тексты Зинаиды Волконской сквозь призму концепции Kunstreligion	455
Харченко М.А. Межкультурная компетенция и множественные идентичности в контексте использования английского языка в институциональной среде	464
Михеев Н.А. Структурно-семантические типы английских паремий тематики «финансовое положение»	475

Contents

Wan G., Shabelskaya N.K., Shchepetov P.A. The concept of "pride" in Russian and Chinese languages: linguocultural aspect	1
Xu L. Insect vocabulary reflecting effects on objects of the surrounding world: lexical interpretation	14
Butakova D.D. S. Maslukh's dissertation «Acoustic...» as evidence for the persistence of ideas about the harf structure of language in Arabic linguistics	24
Yue R. Educational design of the course "Business interpretation in the Russian-Chinese language combination" in the era of artificial intelligence (using the example of ChatGPT)	34
Kuchina N. The importance of the voice in Alessandro Baricco's novels «Silk» and «Sea-Ocean»	44
Franchuk O.V., Derevskova E.N., Podgorskaya A.V. Ideas about the structure of the firmament in the worldview of an Orthodox Christian of the X-XVII centuries (based on canonical and apocryphal texts)	57
Shlyapov I.V., Titovkina E.I., Gurushkin P.Y. Artificial intelligence technologies in digital HR communications: prospects and risks	72
SUN W. Linguistic Analysis of Political Media Discourse in China: Evolution, Current Problems and Trends	85
Yang Y. Features of fake news in Chinese social networks	101
Enikeeva E. Crisis and conflict communication in the political sphere: general and special	111
Liu B., Perfilieva N.V. A study of the intertextuality of news headlines based on Chinese sources	123
Bakhturina I. Repetition in the essay "The Tragic Feeling of Life" by M. de Unamuno and its reflection in the translation by E.V. Garaggi from Spanish into Russian	136
Maryanovich D., Galoyan N.G. Russian Spiritual Verse as a part of the cultural and linguistic heritage of Russian and Serbian Spiritual Vocabulary	145
Kurinnaia A.A., Bakanova A.V. The Study of the Phraseological and Paremiological Corpus of the Spanish Language: Main Stages	155
Sun' V. Reflection of the author's Religious Views in fantastic images and folk demonology in N. V. Gogol's Early Prose and Pu Songling's Short stories: typological aspect of description	167
Lugovskikh K.M. Manipulative techniques in the US Political media discourse on the example of the election debates by D. Vance and T. Waltz	176
Dorskii A.Y., Dorskii A.A. Information confrontations in the Russian football industry: the case of Alexei Matyunin	184
Plotnikov I.P., Parhit'ko N.P. On the issue of the thematic specifics of the channels of the Communist Party deputies in Telegram	196
Morozova G.V., Yakupov B.I., Gavrilov A.R., Akimov A.A. The effectiveness of information support for remote electronic voting in Russia	212

Usova E.V. Technology for evaluating the effectiveness of public relations activities	222
Bulgarova B.A., Li Y., Han C., An . A micro-path of spreading China's core socialist values from the perspective of new media	231
Koptev D.A. Russian-to-English interpreting and translation of constructions with the predicative nado (надо)	241
Kuraleva T.V., Lekomtseva I.A. Dichotomies in Translation Studies and Translator Training	252
LI X. The representation of the semantics of the lexemes "sweetness" and 甜/甘 by cross-linguistic and cross-cultural comparison	261
Snetkova M.S. Lexico-Stylistic Means of Creating Images of Galicia and Galicians in «Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians» by Martin Sarmiento	272
Leonovich E.O., Lyashenko I.V., Drygina Y.A. Phytonyms in British folklore (linguistic and cultural approach)	292
Li L., Lazareva O.V. Mentality and national character in Russian and Chinese parodies	305
Hovsepyan S. Linguistic and cultural specifics of the semantics of the word "happiness" in the Russian and Armenian languages	317
Gareeva L.M., Kravchuk T.V., Touahar A.O. Rhythmic organisation of A. P. Chekhov's prose	332
Dubakov L., Zhang Y. The principles of werewolfism and zoomorphization of reality in the novel by A. A. Starobinets «Fox Fords»	343
Naydenova R.R. The theme of death in prose by Margaret Atwood	351
Saprykina O.A., Khripunova A.G. Spanish memorial speeches in the aspect of pragmalinguistics	363
Yarzada B. Categories of number and gender and their textual functions in Persian and Russian	371
Wang T., Wan S. Food product naming: semiotic aspect	392
Aleksandrikova L. On the dictionary representation of phraseological units in Russian and Chinese lexicography	405
Sychev R.V. The Colonial Kaqchikel verb ux and its role in non-verbal predication	419
Ptukyan A.R. Motivational discourse and its place in the discursive knowledge system	435
Urazaeva N.R., Urazaeva S.I., Vesna V.M. The category of emotivity as a reflection of a person's attitude to the world in prayer texts (based on the German language)	442
Tokareva M.S. Texts by Zinaida Volkonskaya through the prism of the Kunstreligion concept	455
Kharchenko M.A. Intercultural Competence and Multiple Identities in the Context of English Language Use in an Institutional Setting	464
Mikheev N.A. Structural and semantic types of English paremias on the subject of "financial situation"	475
Metadata in english	485

Litera

Правильная ссылка на статью:

Вань Г., Шабельская Н.К., Щепетов П.А. Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73079 EDN: YISQWO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73079

Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект

Вань Гуанфу

аспирант, филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 700

✉ 157723746@qq.com

Шабельская Ника Кирилловна

ORCID: 0000-0002-6764-0630

аспирант, кафедра иностранных языков филологического факультета; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ shabelskya.nk@mail.ru

Щепетов Павел Андреевич

ORCID: 0009-0006-2178-3894

аспирант, кафедра международных экономических отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ pavel_shchepetov@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73079

EDN:

YISQWO

Дата направления статьи в редакцию:

18-01-2025

Дата публикации:

31-01-2025

Аннотация: Концепт «гордость» занимает одно из центральных мест в системе морально-этических понятий. В условиях интенсификации отношений между Россией и Китаем знание особенностей перцепции носителей языка в области ключевых морально-этических категорий является действительно важным инструментом в выстраивании межкультурной коммуникации. Объектом исследования данной статьи выступает концепт «гордость» в китайской и русской лингвокультурах. В исследовании приводится сравнительный анализ данного концепта на массивах данных фразеологических единиц двух языков с точки зрения лингвокультурологии для выявления особенностей их функционирования, проявления потенциала культурной идентичности. Авторами рассматриваются особенности перцепции «гордости» с точки зрения носителей двух культур, а также анализируются сходства и различия в понимании этого концепта.

Авторы обращают внимание на исторический контекст формирования представлений, что даёт возможность увидеть динамику изменений в восприятии контекста «гордость» во времени. Исследование проводится на основе анализа русских и китайских фразеологизмов, включая пословицы и поговорки. При написании статьи использовался описательный, компонентный (анализ лексического значения) и сопоставительный диахронический анализ концептов. Авторы приходят к выводу, что концепт «гордость» обладает полярными значениями, начиная от оттенка «позитивная гордость», заканчивая семантической коннотацией «негативного высокомерия». При использовании концепта «гордость» в рамках нормы, данная категория в обеих культурах воспринимается как нейтральная или положительная. Анализ фразеологизмов с позиции диахронического сопоставления показал, что восприятие концепта в китайском языке отличается относительной «стабильностью» в разные периоды времени, в то время как в русском языке этот концепт испытывал значительные изменения под воздействием внешнеязыковых или экстралингвистических факторов. Исследование сходств и различий в восприятии концепта в русском и китайском языках позволяет не только расширить представление об особенностях этих языков, но и даёт возможность улучшить взаимопонимание между представителями разных народов. Проведённый анализ открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики. Будущие исследования могут быть сосредоточены на более детальном изучении других концептов, их эволюции и влияния на межкультурное взаимодействие, а также на сравнительном анализе концептов в других языках и культурах.

Ключевые слова:

концепт, гордость, ценности, сравнительный анализ, экстралингвистический факторы, семантика, ценностная парадигма, лингвокультурология, перцепция, значения

Концепт – это основная единица человеческого мышления, абстракция и обобщение существенных признаков объективных вещей. Будучи связующим звеном между языком и культурой, концепт является не только ядром языкового выражения, но и носителем культурного подтекста. В разных языковых системах на формирование и выражение концептов глубокое влияние оказывает культурный фон, отражающий уникальный способ восприятия мира каждым народом. Понимание одного и того же концепта в разных культурах может быть различным. Кроме того, коннотация концептов не является

фиксированной, она постоянно развивается с изменениями в истории, обществе и культуре, поэтому изучение выражения концептов в языке и культуре не только помогает понять мировоззрение и ценности разных народов, но и создает теоретическую базу для межкультурной коммуникации. З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [\[1, с. 24\]](#).

С развитием лингвокультурологии в России концепт как предмет исследования стал важной темой для изучения во многих направлениях языкознания, таких как сопоставительная лингвистика и когнитивная лингвистика. А.В. Рудакова в своей работе отмечает, что в рамках когнитивной лингвистики концепт представлен различными структурными единицами, такими как фрейм, прототип, гештальт, схема, сценарий (скрипт), инсайт и другие. Эти единицы могут быть выражены в языке с помощью лексем, устойчивых выражений, фразеологизмов, синтаксических конструкций, содержащих типовые пропозиции, а также целых текстов [\[2, с. 84\]](#).

В XXI веке концепт «язык – культура – человек» стал одной из самых востребованных тем исследований в лингвокультурологии. Человек является носителем языка, а культура оказывает влияние на его языковую и культурную картину мира, поэтому все большее количество антропологических концептов становится объектом изучения многих лингвистов. Концепт «этика и мораль» тесно связан с традиционной культурой, национальным духом и особенностями. Л.Г. Саяхова обосновывает выделение ключевых категорий «человек», «язык», «культура», которые стали основополагающими для лингвокультурологии и для лингвокультурологического подхода к обучению языку [\[3, с. 9\]](#). С развитием глобализации такие концепты, как доброта, совесть, честь, активно сравниваются в различных языках и культурах. Однако концепт «гордость» изучается в сопоставительном языкознании значительно реже и до сих пор не подвергался детальному анализу в русско-китайской языковой и культурной картине мира.

В данной статье проводится сравнение концепта «гордость» в контексте различий между культурами и языками Китая и России. Объектом исследования данной статьи выступает концепт «гордость» в китайской и русской лингвокультурах. Предмет исследования является национально-культурная специфика концепта «гордость» в китайском и русском языках. Научная новизна данного исследования заключается в глубоком и детальном сопоставительном анализе концепта «гордость» в русской и китайской лингвокультурах на основе фразеологических единиц. В ходе исследования были использованы различные научные методы: описательный, компонентный (анализ лексического значения) и сопоставительный диахронический анализ концептов.

Концепт «гордость» в русском языке

Этимологически прилагательное «гордый» восходит к старославянскому «грѣдь», далее — к общеславянской основе «gъrdъ» [\[4, с. 109\]](#). Е.Е. Стефанский в своей статье указывает, что гордость имеет отрицательную коннотативную характеристику с точки зрения ценностной парадигмы [\[5, с. 61\]](#). В современном российском обществе гордость имеет как положительное, так и отрицательное значение. С точки зрения эволюционной нейросоциологии гордость как эмоция явилась результатом адаптации человека к

высокому статусу в социальной иерархии: «Гордость позволяет продемонстрировать другим свое доминирующее положение, превосходство. Это в целом положительная эмоция соединяет в себе гнев (повышает вероятность успеха в достижении желаемой цели социального превосходства) и радость (от достигнутого)» [6, 26].

В словаре Т.Ф Ефремовой приводятся следующие определения «гордости»:

- 1) чувство собственного достоинства, самоуважения. Национальная г.;
- 2) чувство удовлетворения от чего-н. Г. победой;
- 3) кого или чья. О том, кем (чем) гордятся. Этот студент г. института;
- 4) преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежительное отношение к другим; высокомерие, надменность [7].

В книге «Путь жизни» Л.Н. Толстой пишет: «Гордость тем гадка, что люди гордятся тем, чего надо стыдиться: богатством, славой, почестями». Это говорит о неоднозначности понимания концепта «гордость» в русской лингвокультуре.

Русский язык, как и любая другая живая языковая система, на протяжении веков претерпевал значительные изменения. Изменялись социальные, культурные и религиозные контексты, что отражалось на понимании гордости в русском языке. В древнерусском языке, как отмечает О.А. Кузнецова, концепт «гордость» понимался шире, чем в настоящее время. В большинстве своём гордость имела негативное определение. Гордость понималась как проявляемое внешнее превосходство в чём-либо, связанное с высокомерием, дерзостью. Гордость также ассоциировалась с особым социальным статусом личности (например, правитель), которая может проявляться в таких поведенческих паттернах как суровость и жесткость [8, с. 27].

С приходом христианства произошло полное переосмысление концепта «гордость» в языке. В православной традиции гордость стала рассматриваться как один из семи смертных грехов. Гордость воспринималась как один из главных пороков человека, часто её называли «основой» для всех остальных грехов. В христианской этике гордость понимается как качество человека, связанное с высокомерием и эгоизмом, проявляющееся в противопоставлении себя Богу и другим людям: «Но тем большую дает благодать; посему и сказано: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак.4:6) [9].

В советское время концепт «гордость» под влиянием новых идеологических реалий был пересмотрен. Определение гордости приобрело положительный окрас и стало ассоциироваться прежде всего с коллективизмом, патриотизмом и верностью коммунистическим идеалам. Гордость в советском обществе проявлялась в первую очередь в признании достижений коллектива (например, текст на плакате «Мой завод – моя гордость!» (автор Н.П. Байракова)). Гордиться своей страной, её историей и культурой стало важной частью государственной идеологии (текст на открытке «Наша гордость, наша сила, наша власть!»).

Со сменой политической идеологии изменилось и понимание концепта «гордость», гордость в большей степени стала связана с индивидуальными достижениями человека. В настоящее время, как было отмечено выше, гордость имеет скорее положительную окраску. Это подтверждается и результатами исследования, проведённого Е.И. Поляковой [10]. При этом гордость имеет некую «черту» допустимости, при переходе

которой отношение к гордости изменяется. Если гордость проявляется в виде высокомерия и пренебрежения к другим, то она крайне резко осуждается обществом [\[11\]](#).

Таким образом, концепт «гордость» в русском языке в различные исторические промежутки имел разные интерпретации, которые отражали изменения в социальных, культурных и религиозных контекстах. Понимание гордости продолжает эволюционировать, адаптируясь к новым условиям и ценностям общества.

Концепт «гордость» в китайском языке

В китайском языке слово 骄傲 «гордость» может иметь разные значения и использоваться в различных контекстах. «Гордость» (骄傲) – это сложное слово, состоящее из двух иероглифов: «骄» (цзяо) и «傲» (ао). Оба иероглифа имеют свои уникальные значения и в древнекитайском языке обладают разными происхождениями и содержаниями. Согласно «Шовэнь цзецзы» («说文解字») изначальное значение иероглифа «骄» – «высокая статная лошадь». В графической структуре этого иероглифа элемент «马» (лошадь) сочетается с элементом «乔» (высокий, большой). Изначально «骄» использовался для описания высоких, сильных и величественных лошадей [\[12\]](#). Поскольку такие лошади ассоциировались с уверенностью и горделивостью, значение иероглифа современем расширилось, впоследствии он стал описывать человеческие эмоции или особенности поведения, такие как самодовольство и высокомерие. Иероглиф «傲» имеет основное значение «высокомерное поведение». В «Шовэнь цзецзы» он определяется как «不逊也», что означает «надменность, неуважение». В структуре иероглифа элемент «人» (человек) сочетается с «敖» (свобода, вольность), что символизирует непринуждённость и склонность к беззаботному или независимому поведению [\[12\]](#).

Таким образом, эти два иероглифа объединяют в себе значения, связанные с эмоциями уверенности, самодовольства и высокомерия, что делает слово «骄傲» особенно выразительным. Вэнь Минь в своей статье отмечает, что в современном китайском языке слово «骄傲» (гордость) чаще использует первое значение, связанное с иероглифом «骄» (цзяо), поскольку у иероглифа «傲» (ао) слишком ярко выражена негативная окраска [\[13, с. 43\]](#).

В китайской культуре гордость является не только внутренним чувством, но и жизненной позицией. Это чувство находится под глубоким влиянием конфуцианского учения и часто тесно связано с сильным патриотизмом и семейными ценностями китайского народа. Слово «гордость» также часто ассоциируется с такими понятиями, как высокомерие и чувство собственного достоинства. В этой статье будет проведён анализ использования слова «гордость» в различных контекстах и его значений. В китайской этической и моральной культуре слово «гордость» имеет сложное значение. Кроме того, оно имеет различные моральные коннотации как в положительном, так и в отрицательном контексте. Этот двойной атрибут лежит в основе отношения к гордости в традиционной китайской культуре. В китайской культуре гордость как положительная эмоция часто используется для выражения признания собственных или чужих достижений. Конфуцианская философия провозглашает принцип «добиваться самосовершенствования, в порядке содержать семью, управлять государством и нести Поднебесной мир» («修身齐家治国平天下»), который тесно связан с положительным значением гордости. В «Лунь юй» говорится: «Если человек не будет вести себя с достоинством, то не сможет завоевать уважение, а если не будет учиться, то не сможет

стать надёжным». Это подчеркивает, что человек может добиться уважения окружающих через упорный труд. Гордость как продолжение чувства успеха становится стимулом, побуждающим человека к реализации своего потенциала [14].

В современном обществе гордость также тесно связана с коллективной честью. Например, «национальная гордость» считается важным элементом культурной идентичности и сплочённости народа. Такая гордость не только усиливает чувство принадлежности отдельного человека, но и укрепляет единство коллектива. Слово «гордость» часто ассоциируется со словом 自豪 «гордый» в положительном смысле, отражая более позитивные оценки достижений, самобытности и чувства культурной принадлежности. Взаимосвязь между «гордостью» и «гордым» проявляется и в моральном значении, которое они несут. В конфуцианской культуре гордость как положительная эмоция часто ассоциируется с чувством ответственности и миссии. Люди испытывают гордость за свои начинания и в то же время ощущают большую социальную ответственность.

Несмотря на положительные аспекты гордости, в китайской этической культуре неоднократно звучали предостережения о ее негативных последствиях. Конфуцианство подчеркивает важность смирения и самоанализа, утверждая, что чрезмерная гордость может привести к высокомерию и чванству, которые препятствуют прогрессу личности. В «Шаншу» говорится «полнота влечет за собой потери, а смирение приносит пользу» («满招损, 谦受益») [15]. Это говорит о том, что чрезмерная гордость может вызвать самодовольство и в конечном итоге привести к неудаче. Гордости в современной жизни придается скорее воспитательное значение, оно также зачастую соотносится с высокомерием «高傲», что противоречит конфуцианскому учению о смирении. Китайская поговорка гласит: «谦虚使人进步, 骄傲使人退步» («Скромность ведет к прогрессу, гордость — к регрессу»). Это выражает одно из жизненных правил, которого китайцы придерживаются уже тысячи лет [16]. Поэтому мы можем увидеть в китайском народе черты мягкости и смирения. Индивидуальный героизм не поощряется в китайском обществе, поскольку это тоже считается признаком гордыни (高傲) на определенном уровне.

«Чувство собственного достоинства» (自尊心) означает признание и уважение человеком собственной ценности. «Гордость» (骄傲) как сложная эмоция может проявляться как на личном уровне, так и на коллективном, отражая национальную гордость и самоуважение. Эта эмоция, как правило, исходит из внутренней потребности в самоуважении. Независимо от того, идет ли речь о личном самоуважении или о национальной гордости, гордость тесно связана с этими понятиями. На личном уровне самоуважение представляет собой признание человеком собственной ценности. Когда человек гордится своими достижениями, его чувство гордости зачастую основано на удовлетворении потребности в самоуважении. Если гордость является внешним проявлением эмоций или жизненной позиции, то самоуважение отражает внутренний мир человека. На национальном уровне самоуважение выражается в коллективной гордости за свою культуру, историю и достижения [17], особенно в Китае, где конфуцианская культура пропагандирует «дух семьи и государства», идеал «Сначала переживать горести всех, а радоваться только после всех» (先天下之忧而忧, 后天下之乐而乐). Тысячелетнее историческое развитие тесно связало внутренний мир китайского народа с судьбой страны и общества. По мнению Чжана Шифэя, патриотизм и привязанность к родной стране являются духовным символом китайской нации, выражением духовного состояния китайского народа, а также движущей силой для великого возрождения

китайской нации [\[18, с. 33\]](#).

Фразеологизмы с компонентом гордости в русском и китайском языках

Фразеологизм – это уникальное явление в языке и культуре, которое является кристаллизацией мудрости народа и воплощением культурного накопления. В лингвокультуре фразеологизмы рассматриваются как важное окно для понимания культурной психологии нации. Они отражают уникальное понимание и отношение народа к природе, обществу и самому себе. В то же время изучение фразеологизмов тесно связано с теорией «концепта» в языке. Н. Н. Почуева в своей статье указывает, что концепты формируются в сознании человека в процессе познания окружающего мира, выступая носителями знаний и представлений о нем. Эти концепты находят свое выражение в языке через различные типы фразеологических значений и грамматических структур, которые служат формами их фиксации и передачи [\[19, с. 47\]](#).

Во фразеологизмах многие фиксированные выражения несут в себе определенный конкретный или абстрактный концепт, который отражает не только когнитивные характеристики пользователей языка, но и систему ценностей в культурном контексте. Изучение связи между фразеологизмами и концептами позволяет выявить особую роль фразеологизмов в кросс-культурных контекстах. С одной стороны, фразеологизмы стали важным инструментом культурной трансляции благодаря формальной фиксированности их языковых символов. С другой стороны, они служат языковыми репрезентациями концептов и служат мостом для межкультурного диалога и коммуникации. В.Н. Телия считает, что «особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение» [\[20, с. 231\]](#). Изучение того, как фразеологизмы воплощают порождение и передачу концептов в конкретных культурах, не только помогает углубить понимание культурных функций фразеологизмов, но и дает важные знания для межкультурной коммуникации и переводоведения. В широком смысле пословицы, поговорки и фразеологизмы, обладают устойчивой структурой и берут свое начало в народной литературе и истории. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают, что пословицы являются одной из форм проявления фразеологизмов [\[21, с. 736\]](#). Поэтому в данной статье мы проанализируем фразеологизмы, связанные с гордостью в русском языке с точки зрения их широкого понимания. Анализ этих фразеологизмов позволит глубже понять языковую и культурную картину мира носителей русского языка, связанную с концептом «гордость».

В русском языке большинство фразеологизмов, связанных с гордостью, имеют негативную окраску и часто ассоциируются с высокомерием. Эти фразеологизмы учат людей, показывают необходимость саморегуляции поведения и избегания чрезмерной самоуверенности и высокомерия. Они не только отражают критику общества по отношению к гордости, но и подчеркивают ценность скромности. Через эти выражения русская культура передает важное сообщение – чрезмерная гордость и высокомерие часто приводят к изоляции, неудаче и даже к самоуничтожению: *«Гордый рог сломит Бог»*; *«Дышать гордостью»*; *«От гордости мало корысти»*; *«Гордым быть — глупым слыть»*; *«Гордая голова слетает с плеч первой»*; *«Во всякой гордости черту много радости»*. Однако встречаются фразеологизмы, в которых одобряется гордость в умеренном ее проявлении: *«Гордость хороша в меру»*; *«Без гордости человек что тряпка, всяк ноги вытрет»*. Данные выражения позволяют сделать вывод о том, что проявляемая в меру гордость играет важную роль в формировании самооценки и чувства собственного достоинства человека, способствуя сохранению внутреннего

стержня и уверенности в собственных силах.

Фразеологизмы – это важное языковое явление в китайском языке, которое выражает глубокие мысли и богатый культурный подтекст в краткой форме и фиксированной структуре. За тысячи лет исторического развития фразеологизмы стали не только кристаллизацией мудрости народа Хань, но и важным аккумулятивным источником социальных ценностей, культурных традиций и этики. Являясь уникальной языковой единицей, фразеологизмы широко используются в литературе, разговорной речи и повседневном общении, они способны в высокой степени обобщать сложные эмоции и мысли. Фразеологизмы о гордости – важная часть идиоматической системы, отражающая многослойное понимание эмоции гордости в китайской культуре. От позитивной гордости до негативного высокомерия, от личных чувств до национальных настроений – эти фразеологизмы раскрывают значение гордости в различных контекстах и ее этические и моральные коннотации.

В китайском языке позитивные фразеологизмы, связанные с гордостью и гордыней, часто используются для выражения признания и подтверждения достижений, а также высокой оценки заслуг. Такие фразеологизмы обычно несут положительный смысл и могут вдохновлять людей на достижение высоких целей. Пример: *引以为傲* – Гордиться чем-либо, считать что-то предметом гордости; *光宗耀祖* – Принести славу предкам, прославить свой род; *扬眉吐气* – Почувствовать удовлетворение после успеха, избавиться от угнетённости и ощутить гордость. С выражением «гордость» (*骄傲*) связаны и негативные понятия, которые часто используются для описания высокомерного, самоуверенного поведения или неуважения к другим. Такие выражения, как правило, носят назидательный характер: *骄兵必败* – Самоуверенность приводит к поражению, гордыня армии ведёт к её поражению; *目中无人* – Смотреть свысока на других, быть высокомерным и пренебрежительным к людям; *妄自尊大* – Переоценивать себя; высокомерно относиться к собственным способностям. В китайских фразеологизмах также содержатся выражения, которые связаны как с личным чувством собственного достоинства, так и с национальной гордостью. Эти фразеологизмы не только отражают индивидуальное чувство ценности, но и передают коллективные эмоции китайской нации: *自强不息* – Постоянно стремиться к самосовершенствованию; быть стойким и непреклонным; *民族之光* – Слава нации; *гордость народа*; *忧国忧民* – Переживать за страну и её народ; думать о благе народа и государства.

Заключение

Таким образом, был проанализирован концепт «гордость» в китайском и русском языках. Восприятие концепта «гордость» в китайском языке отличается относительной «стабильностью» во времени. В русском же языке данный концепт претерпевал значительные изменения под влиянием культурных, религиозных и политических трансформаций. Основываясь на проведённом нами исследовании, можно сделать вывод, что в настоящее время подходы к пониманию концепции «гордость» в русском и китайском языках в значительной степени схожи. Гордость при проявлении её в рамках нормы в обеих культурах воспринимается как нейтральная или положительная категория. Важно отметить, что фразеологизмов, имеющих такое значение, в русском языке значительно меньше, чем в китайском. Основным отличием между восприятием концепта «гордость» в русском и китайском языках на современном этапе является преобладающая ассоциация гордости в китайском языке с коллективизмом и национальной идеей, что было свойственно русскому языку в советский период. Такое понимание гордости, безусловно, связано с политическим строем страны. В то время как в русском языке гордость связана в первую очередь с индивидуальными достижениями и

самооценкой личности. Проведённый анализ позволяет улучшить понимание межкультурных различий в русском и китайском языках, открывает перспективы для проведения дальнейших научных исследований.

Библиография

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка; Воронеж, 2006.
2. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. Воронеж: Истоки, 2004. 80 с.
3. Саяхова Л.Г. Методология и методологическая система формирования лингвокультурологической компетенции тюркоязычных учащихся на уроках русского языка. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 294 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель, 2004. Т. 1. 588 с.
5. Стефанский Е. Е. Концепт «Гордость» в восточнославянских и польской лингвокультурах // Язык и культура, 2021. С. 59–69.
6. Шкурко Ю.С. Развитие эволюционной нейросоциологии: поведенческие биограммы и биологическая предрасположенность к социальному неравенству // Социологические исследования, 2018. №9. С. 23-29.
7. Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 14.01.2025).
8. Кузнецова О.А. Мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в древнерусском языке // Вестник Томского государственного университета, 2013. № 375. С. 26–29.
9. Послание Иакова, глава 4 // Библия онлайн. [Электронный ресурс]. – URL: <https://only.bible/bible/rst-jbl/jas-4.6-10/> (дата обращения: 14.01.2025).
10. Полякова, Е. И. Ассоциативно-вербальное поле концепта гордость / Е. И. Полякова // Таврические филологические чтения : материалы II Всероссийской научной конференции, Мелитополь, 30 марта 2024 года. – Мелитополь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мелитопольский государственный университет, 2024. – С. 78-83.
11. Медведева, Д. И. Концептуализация гордости в русской и сербской лингвокультурах (на материале лексических и фразеологических единиц) / Д. И. Медведева // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 133-143. – DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_1_133_143.
12. Shuowen5. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.shuowen5.com/%E5%B9%B3_zi (дата обращения: 15.10.2023).
13. Мин В., Тяньи Л. Использование ключевого значения для анализа синонимов: примеры и исследование значений — на примере «素», «质», «骄», «傲» // Журнал Университета Кайфэна, 2022. №36(04).С.42–45.
14. Лунь юй. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lunyu.5000yan.com/> (дата обращения: 15.10.2023).
15. Шаншу. [Электронный ресурс]. – URL: https://m.gushiwen.cn/mingju/juv_e5b944a5f0ed.aspx (дата обращения: 15.10.2023).
16. Чуньчэн Чж. Понимание скромности Коммунистической партии Китая в трёх измерениях // Вестник Китайского нефтяного университета (издание по общественным наукам). — 2024. — Т. 40, № 03. — С. 67–76. — DOI:10.13216/j.cnki.urpcjess.2024.03.0009.
17. Чжан Иу. «Национальное чувство гордости» у китайцев крепкое и чистое // Вестник Китайского народного политического консультативного совета. — 2018. — № 16. — С. 36–37.

18. Шифэй Чж. Патриотизм, возникающий в трудностях и испытаниях// Народный форум, 2020. №9. С.32–35.
19. Почуева Н.Н. Фразеологический концепт: сущность и структура (на материале русского и английского языков) // European Science, 2018. № 8(30). С. 46-49.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
21. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Пословицы как разряд фразеологизмов (новый подход к старой категории) // Русский язык: Исторические судьбы и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 736.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект» представляет собой исследование в области концептологии и лингвокультурологии. Исследование носит сопоставительный характер и сравнивает особенности концепта «гордость» в китайской и русской лингвокультурах.

Текст статьи хорошо структурирован. В статье представлены введение, основная часть и библиография.

Во введении автор рассматривает разные определения понятия концепта в современной лингвистике.

В основной части автор последовательно обращается к этимологии и истории формирования современного концепта «гордость» в русской и китайской лингвокультурах. При анализе отмечает амбивалентность понятия гордость в обеих лингвокультурах.

В статье также проанализированы разные виды русских и китайских фразеологизмов, содержащих рассматриваемый концепт.

Таким образом, автор демонстрирует глубокое понимание как русского, так и китайского лингвистического материала.

Анализируя современное состояние концепта «гордость» в русском и китайском языках, автор в заключении делает вывод о том, что «в настоящее время подходы к пониманию концепции «гордость» в русском и китайском языках в значительной степени схожи. Гордость при проявлении её в рамках нормы в обеих культурах воспринимается как нейтральная или положительная категория. Важно отметить, что фразеологизмов, имеющих такое значение, в русском языке значительно меньше, чем в китайском. Основным отличием между восприятием концепта «гордость» в русском и китайском языках на современном этапе является преобладающая ассоциация гордости в китайском языке с коллективизмом и национальной идеей, что было свойственно русскому языку в советский период. Такое понимание гордости, безусловно, связано с политическим строем страны. В то время как в русском языке гордость связана в первую очередь с индивидуальными достижениями и самооценкой личности».

Данный вывод подтверждается результатами проведенного анализа, и его можно считать достоверным.

Стиль статьи научный, информация представлена объективно.

Объём статьи является достаточным.

Статья содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Однако в статье существует ряд легкоустраняемых недостатков.

Так, отсутствуют или недостаточно четко отражены важные структурные элементы научной статьи, такие как предмет исследования, методология исследования, актуальность и научная новизна, наличие которых является необходимым условием для публикации.

Таким образом, можно заключить, что статья «Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций в области сравнительной концептологии и после незначительной доработки может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Концепт "гордость" в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект».

Предмет исследования – национально-культурная специфика концепта «гордость» в русском и китайском языках.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, сравнения, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что языковая картина мира направлена в первую очередь на отображение познавательных и ценностных концептов, отмеченных лингвокультурной спецификой и характеризующих носителей определенной лингвокультуры. Концепт «гордость» принадлежит к числу основных концептов русской и китайской культур, определяющих специфику русского и китайского языкового сознания, отражающих национальное мировосприятие и обладающих ценностным для русской и китайской лингвокультурных общностей содержанием.

Научная новизна исследования заключается в его сопоставительном характере: концепт «гордость» подвергается детальному анализу в русской и китайской языковых и культурных картинах мира, проводится сравнение интерпретаций концепта «гордость» в контексте различий между культурами и языками России и Китая.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, дан обзор теоретической базы исследования); концепт «гордость» в русском языке (рассмотрены основные интерпретации концепта в русском языке, отмечена трансформация восприятия гордости как отражение изменений в социальных, культурных и религиозных контекстах); концепт «гордость» в китайском языке (рассмотрены основные интерпретации концепта в китайском языке, описана трансформация восприятия гордости, отмечено влияние конфуцианской философии на восприятие гордости в китайской культуре); фразеологизмы с компонентом гордости в русском и китайском языках (рассмотрены фразеологические единицы с концептом «гордость» в русском и китайском языках, сопоставительное исследование фразеологизмов дало автору возможность выявить особенности концептуализации окружающей действительности русского и китайского народов); заключение (автор делает общие выводы о сходствах и различиях в восприятии концепта «гордость» в рассматриваемых культурах); библиография (включает 17 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты

будут интересны тем, кто занимается исследованием феномена языковой картины мира и изучением культуры русского и китайского народов. Исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации на межнациональном уровне, проведенный анализ даёт актуальное представление об особенностях концептуализации окружающей действительности русским и китайским народами через призму концепта «гордость», это помогает лучше понимать менталитет носителей культуры и учитывать его в процессе межкультурного общения.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования, стоит также указать источники эмпирического материала и его объем. Теоретический анализ современных источников является недостаточным.
2. В части «Концепт "гордость" в русском языке» рассматривается эволюцию восприятия гордости в русской культуре, однако автор заканчивает советскими временами, было бы уместно охарактеризовать современные интерпретации концепта.
3. Было бы хорошо привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи, например, добавить примеры из художественной литературы.
4. Следуют упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. Необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.
5. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», нацелена на изучение лингвокультурных особенностей концепта «гордость» в двух неродственных языках. Работа предполагает сопоставительный анализ одного из базовых эмоциональных концептов, в обоих лингвокультурах приобретающего диаметрально противоположные коннотации. Материалом исследования выбраны фразеологические единицы с понятием "гордость" в русской и китайской лингвокультурах, сопоставительный анализ которых дает основание вскрыть национально-культурную специфику в культурах и языках Китая и России.

Работа хорошо структурирована. В разделе "Концепт «гордость» в русском языке» приводятся словарные значения слова «гордость», указываются коннотативные характеристики, присущие данному концепту в современном российском обществе, которые оцениваются и как положительные, и как отрицательные. Автор прослеживает развитие отношения к гордости в русском обществе от древнерусского до современного, справедливо подмечая переломные этапы в его осмыслении: христианская мораль, рассматривающая гордость в качестве порока в противовес смирению; крутой поворот в советское время, когда идеология трансформировала понятие в положительный феномен коллективизма; в настоящее время концепт трактуется как положительный,

связываясь с индивидуальными достижениями человека. Вместе с тем, как отмечает автор, «гордость имеет некую «черту» допустимости»: в виде высокомерия и пренебрежения к другим она крайне резко осуждается обществом.

В разделе «Концепт «гордость» в китайском языке» автором рассматривается происхождение иероглифов, передающих значение гордости, на основе чего делается вывод о преимущественной негативной окрашенности данного понятия. Однако поскольку «в китайской культуре гордость является не только внутренним чувством, но и жизненной позицией», под влиянием конфуцианского учения, особенностей истории развития Китая гордость оказалась фундаментом в становлении идей патриотизма и семейных ценностей китайского народа. Как утверждает автор, концепт «гордость», связываясь с понятиями высокомерия и чувства собственного достоинства, приобретает коннотации как в положительном, так и в отрицательном контексте: «в китайской культуре гордость как положительная эмоция часто используется для выражения признания собственных или чужих достижений» – именно на этом основывается понятие «национальной гордости» как один из важнейших элементов культурной идентичности и сплочённости китайцев; но не поощряются высокомерие, чванство, индивидуальный героизм, поскольку это считается признаком гордыни, противостоящей конфуцианскому учению о смирении.

В процессе изучения фразеологизмов с компонентом «гордость» в русском и китайском языках автор стремится выделить концептуальные черты культурно-национального мировидения двух народов, заключенные в устойчивых сочетаниях слов. Фразеологизмы с понятием «гордость» в русском языке чаще содержат негативную окраску вследствие ассоциации с высокомерием, однако одобряется гордость в умеренном ее проявлении как основа формирования самооценки и чувства собственного достоинства человека. В китайской паремиологии фразеологизмы о гордости выражают различные эмоции: «от позитивной гордости до негативного высокомерия, от личных чувств до национальных настроений». Результаты подобного сопоставительного подхода исключительно важны в русле постижения языков, в практике межкультурной коммуникации и переводоведении.

В работе замечены некоторые опечатки: «В китайских фразеологизмы также содержатся»; «Предмет исследования является национально-культурная специфика концепт «гордость» в китайском и русском языках». Также приведена цитата Л.Н. Толстого, однако в списке литературы не указан источник.

В целом, представленная статья отличается хорошей содержательной составляющей, библиография отражает труды, помогающие раскрыть изучаемую проблематику. Считаем, что задачи, которые ставил перед собой автор, достигнуты. Работа «Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект» рекомендуется к печати.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сюй Л. Лексика насекомых, отображающая воздействия на объекты окружающего мира: лексическая интерпретация // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73253 EDN: AOHRRS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73253

Лексика насекомых, отображающая воздействия на объекты окружающего мира: лексическая интерпретация

Сюй Линьлин

ORCID: 0000-0003-0890-8278

аспирант; кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения; УрФУ

620078, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51

✉ 792680883@qq.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73253

EDN:

AOHRRS

Дата направления статьи в редакцию:

31-01-2025

Дата публикации:

07-02-2025

Аннотация: Данная статья посвящена компонентному и сопоставительному анализу семем лексики, обозначающей насекомых, содержащей дифференциальный признак аспекта воздействия насекомых на объекты окружающего мира в русском и китайском языках. Целью статьи является сопоставительный анализ лексики, обозначающей насекомых, в русском и китайском языках, содержащей дифференциальный признак аспекта воздействия насекомых на объекты окружающего мира. Предметом исследования данной статьи является лексика, обозначающая насекомых и отражающая их воздействие на объекты окружающего мира в русском и китайском языках. Объект исследования – 28 лексем содержат указание на дифференциальный признак аспекта воздействия насекомых на объекты окружающего мира в русском языке и 42 лексемы в китайском языке, которые были отобраны в словарях. В данном исследовании

используются следующие методы: классификации, семантический анализ, компонентный анализ и сопоставительный анализ. Данный аспект лексики, связанный с насекомыми, не был изучен. В результате анализа были выявлены дифференциальные семы в дифференциальных признаках аспекта «воздействие насекомых на объекты окружающего мира» в русском и китайском языках, также обнаружены различия и сходства в представлении этих признаков в двух языках. В статье отмечается, что в русском языке 20,58% лексем относятся к общим характеристикам воздействия насекомых на кого-то и что-то, тогда как в китайском языке данный показатель достигает 46,15% (в соответствии с выделенным корпусом энтонимов). Обнаружено, что в русском языке лексемы, воздействие насекомых на объекты окружающего мира в большинстве своем характеризуются в отрицательном ключе. В дефинициях акцентируется внимание на вредоносном характере воздействия насекомых на флору, в том числе на агрокультуру, на фауну и человека, а также на предметы быта человека. В русских случаях отмечается благотворное влияние насекомых на объекты окружающего мира. В китайском языке насекомые также подразделяются на вредных и полезных – в зависимости от их роли в экосистеме. В их дефинициях проводится четкое противопоставление полезных и вредных насекомых, фиксируется различный характер воздействия насекомых на экосистему в процессе их метаморфоза и в зависимости от внешних условий.

Ключевые слова:

насекомое, энтонимы, аспект, дифференциальная сема, дифференциальный признак, семантический анализ, воздействие насекомых, объекты окружающего мира, русский язык, китайский язык

Введение

Лексика, обозначающая насекомых, отображает важный фрагмент картины мира и представляет собой языковая картина мира, отражающий культурные, этнолингвистические и когнитивные особенности конкретной нации [\[1\]](#). Исследование категориально-лексических сем (далее – КЛС) и дифференциальных признаков (далее – ДП) данной лексики позволило выявить сложные взаимосвязи между языком, мышлением и окружающей действительностью. Анализ подобных единиц в оптике сопоставительного анализа способствует более глубокому осмыслению механизмов концептуализации природных явлений в языке.

Целью статьи является сопоставительный анализ лексики, обозначающей насекомых, в русском и китайском языках, содержащей дифференциальный признак аспекта воздействия насекомых на объекты окружающего мира. Для достижения поставленной цели в исследовании используются следующие методы: классификации, семантический анализ, компонентный анализ и сопоставительный анализ. Предметом исследования данной статьи является лексика, обозначающая насекомых и отражающая их воздействие на объекты окружающего мира в русском и китайском языках. Данный аспект лексики, связанный с насекомыми, ранее не был изучен.

В рамках исследования акцентируется внимание на таких ключевых понятиях, как «аспект», который определяется как «совокупность однотипных сем, характеризующих особенности объекта номинации в заданной перспективе» [\[2, с. 39\]](#), а также «энтоним» – термин, употребляемый для обозначения наименований различных видов насекомых,

их разновидностей и стадий метаморфоза [3, 3]. Энтонимы относятся к зооморфной лексике и, как правило, отражают характерные признаки конкретных видов насекомых [4, 5].

Предварительно нами был составлен корпус лексики данной группы в русском и китайском языках. Для этого мы обратились к «Большому толковому словарю русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко, «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова и «Словарю современного китайского языка» под редакцией Люй Шусяна и Дин Шэншу. Выявленный корпус включает 91 единицу в китайском языке и 69 – в русском языке.

Компонентный анализ выделенных лексических единиц, осуществленные с целью сопоставительного анализа их компонентного состава обнаружил как сходства, так и различия их семантики в русском и китайском языках. В результате проведенного анализа выявлен семантический комплекс категориальных сем (далее – КС) и ДП, которые характеризуют свойства выделенной группы слов [6, 7]. Полученные результаты позволяют провести классификацию лексических единиц.

Компонентный анализ классификации лексики, осуществленный на основе идентификаторов слов и ДП. Обнаружено, что в семантический комплекс лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) «Насекомые» входят следующие КЛС: «внешние характеристики насекомых», «пищевое поведение насекомых», «воздействие насекомых на объекты окружающего мира», «продолжительность жизни», «запах», «тип издаваемых звуков», «отряд», «количество насекомых», «характеристики перемещения», «повадки», «пол особи», «способ размножения», «место обитания», «стадия развития».

На основе данных идентификаторов КЛС была осуществлена дальнейшая классификация подгрупп, зависящих от дифференциальных сем (далее – ДС), входящих в значение энтонимов. Так, в подгруппу «воздействие насекомых на объекты окружающего мира» входят ДС аспектов «общая оценка воздействия насекомых», «влияние насекомых на растения», «влияние насекомых на живые существа: животных и людей», «влияние насекомых на предмет».

Важно отметить, что одна лексика с семантикой «насекомое» может иметь множество признаков, поэтому энтонимы, называющие его, входят сразу в несколько групп и подгрупп, которые часто пересекаются [8].

ДС аспектов «общая оценка воздействия насекомых», «влияние насекомых на растения», «влияние насекомых на живые существа: животных и людей», «влияние насекомых на предмет» определяют отличительные признаки ЛСГ «насекомое». Репрезентанты этих аспектов интерпретируют связи насекомых с окружающей средой, а также разнообразие и специфику их взаимодействий [9].

Результаты анализа ДП аспекта «воздействие насекомых на объекты окружающего мира» в русском языке

Обратимся к более подробному описанию результатов, полученных в результате анализа энтонимов русского языка с ДП аспекта «воздействие насекомых на объекты окружающего мира». Итак, в выделенном нами корпусе русских словарных дефиниций 28 лексем содержат указание на ДП аспекта «воздействие насекомых на объекты окружающего мира», что составляет 20,58% от общего числа лексем. Среди них в 20 случаях (28,99% от общего числа) даётся «общая оценка воздействия насекомых». ДС

аспекта «влияние насекомых на растение» представлена 15 лексемами (21,74%). ДС аспекта «влияние насекомых на живые существа: животных и людей» содержится в 10 лексемах (14,49%). ДС аспекта «влияние насекомых на предметы» зафиксировано в 3 лексемах (4,35%).

«Воздействие» определяется как «действие, оказываемое кем-л., чем-л. на кого-л., что-л.» [10]. «Общая оценка воздействия насекомых» представляет собой оценку поведения насекомых в окружающем мире, закрепленную в языке. Эта оценка может иметь как положительный, так и отрицательный характер, в зависимости от того, каково влияние насекомых [11]. Нами обнаружено, что все 20 энтомонимов (*блоха, вредитель, дровосёк, жук, короед, капустница, медведка, овод, саранча, таракан, тля, хрущ, шелкопряд, медяница, теленомус, филлоксера, червец, черепашка, щитовка, моль*), входящие в группу «общая оценка воздействия насекомых», содержат отрицательную оценочную семантику, выражаемую лексический репрезентант «вредитель».

Стоит отметить, что в дефинициях некоторые репрезентанты слов не только указывают на принадлежность насекомых, названных энтомонимами, к вредителям, но и определяют объект их деструктивного и даже интрузивного воздействия [13, 14]. Конкретные объекты воздействия указаны в следующих группах: «влияние насекомых на растения», «влияние насекомых на живые существа: животных и людей» и «влияние насекомых на предметы».

ДС аспекта «влияние насекомых на растения» указывает на характер взаимодействия насекомых с флорой окружающего мира. Так, многие насекомые являются **«вредителями леса»**: *короед, хрущ, дровосек* [15]. Некоторые репрезентанты в группе «влияние насекомых на растения» отражают несколько аспектов их воздействия. Так, насекомые могут оказывать разрушительное влияние на разные виды сельскохозяйственных культур или на лесной массив: некоторые насекомые являются **«вредителями картофеля, хлебных злаков»** [17]. Короед, «грызущий кору и древесину» [15], оказывает разрушительное влияние на деревья. *Шелкопряд* и *гусеница* также являются **«опасными вредителями древесных насаждений»** [15]. В данном случае определение «опасный» указывает на степень вреда, а номинации конкретных сельскохозяйственных культур или пород деревьев – на область вреда. Репрезентанты «лес», «картофель», «хлебный злак», «кора», «древесина» и «древесный насаждение» обозначают объекты воздействия насекомых.

Гусеница и капустница в период своей личиночной стадии являются вредителями сельскохозяйственных культур. В словарных дефинициях это описывается следующим образом: *гусеница* – «обычно наносящая **вред сельскохозяйственным растениям**» [15]; *черепашка* – насекомое, «являющееся опасным **вредителем злаков**» [17]; *капустница* – «гусеница, которая **поедает капусту** и другие крестоцветные растения» [17].

Среди дефиниций русских энтомонимов встречаются такие, которые не указывают на конкретный объект воздействия, широко обозначая область вредного влияния. Так, *щитовка* – это «**вредитель растений**» [18]. *Тля* также вредит многим растениям, будучи определяемой как «**растительная вошь**». *Саранча*, в свою очередь, тоже имеет широкий диапазон разрушительного воздействия, в дефиниции указывается, что это насекомое, «**уничтожающее растительность и посевы**» [15]. В то же время насекомые, наблюдение за которыми, вероятно, обеспечивается более тщательно, описываются в

дефинициях более конкретно. Так, *филлоксера* воздействует только на один вид растений, представляя собой **«вредителя винограда»** [17].

Воздействие насекомых на живое существо: животных и людей преимущественно носит негативный характер. В исследуемом русском материале единственным полезным насекомым для животных является *теленомус*, выступающий регулятором численности вредных насекомых. Теленомус – это насекомое, *«паразитирующее в яйцах насекомых..., которое используется для борьбы с этими вредителями»* [17].

Значительная часть негативного влияния насекомых на животных проявляется в их роли векторов возбудителей инфекционных или паразитарных заболеваний. Так, *слепень, блоха, вошь, комар, муха*, согласно определениям, *«являются переносчиками возбудителей опасных заболеваний»* [15]. В дефинициях данных репрезентантов специфицируются конкретные заболевания, вызываемые патогенным состоянием живого организма: *блоха* – возбудитель чумы, *вошь* – сыпного тифа, *комар* – малярии, *муха* – тифа, дизентерии и других заболеваний.

Некоторые дефиниции, в которых используются синтаксические формы «для чего», «кому» и «каких», указывают на объект влияния патогенов. Так, *слепень* определяется как **«переносчик возбудителей заболеваний сельскохозяйственных животных»** [17], *блоха* и *вошь* опасны **«для человека и животных»** [18].

Самка *слепня* **«наносит чрезвычайно болезненные укусы животным, человеку»**; *москит* **«причиняет болезненные укусы»** [19]. Эти насекомые наносят человеку физические страдания в виде болезненных укусов. В сравнении с этим в дефиниции «вредителя» непосредственно указывается на деструктивное воздействие насекомого на объекты окружающей среды: **«причиняющее вред в быту»** [15].

В группе ДС аспекта «влияние на предмет», используется синтаксическая модель «причастие + дополнение / обстоятельство», которая эксплицирует специфику вредоносного воздействия различных типов вредителей на предметы. Рассмотрим следующие примеры:

- складские *вредители* определяются как насекомые, **«причиняющее вред в складском хозяйстве»** [16];
- древоточцы характеризуются как насекомые, **«истачивающее деревянные части зданий, мебель»** [15];
- червь *книгоед* описывается как насекомое, **«заводящееся в старых бумагах, книгах»** [18].

Таким образом, в русском языке в ряде лексем отражён ДП аспекта «воздействие насекомых на объекты окружающего мира». Значительная часть из них характеризует явление в отрицательном ключе, включая общее влияние насекомых на людей, растения и предметы. Нередко акцентируется вредоносность для флоры, связанная с поражением сельскохозяйственных и лесных культур, или для фауны и человека, в частности роль насекомых как переносчиков опасных заболеваний. Однако встречаются и исключения, связанные с полезным воздействием. Влияние на предметы выражается в специализированных случаях, включая ущерб конструкциям. Словарные дефиниции обычно содержат уточнение о природе и масштабах вреда, формируя связи между

насекомыми и их окружающей средой [11, 12].

Результаты анализа ДП аспекта «воздействие насекомых на объекты окружающего мира» в китайском языке

Далее обратимся к материалам китайского языка. В составленном нами корпусе содержится 42 лексемы с указанием на ДП аспекта «воздействие насекомых на объекты окружающего мира», что составляет 46,15% от общего числа исследуемых лексем. Среди них в 24 единицах (26,37% от общего числа) представлена ДС аспекта «общая оценка воздействия». ДС аспекта «влияние на растение» зафиксирована в 26 лексемах (28,57%). ДС аспекта «влияние насекомых на живые существа: животных и людей» отмечается в 11 лексемах (11,09%). ДС аспекта «влияние на предмет» представлена в 5 лексемах (5,49%).

В группе ДС аспекта «общая оценка воздействия насекомых» в китайском языке указывается, являются насекомые вредными или полезными. Большинство насекомых являются вредителями, к ним относятся *вредитель*, *дровосек*, *Kirkaldyia deyrollei* (вид гигантского водяного клопа), *гусеница капустницы*, *капустная моль*, *тля*, *щитники*, *большая крапивница*, *кузнечик*, *моль*, *саранча*, *стрекоза*, *таракан*, *хрущ*, *белокрылка тепличная*, *огневка азиатская стеблевая*, *Cirpsis knipuncta* (вид бабочки-совки), *куколка насекомого*.

Незначительная часть насекомых – полезны для экосистемы, животных и быта человека, сюда можно отнести *полезных насекомых*, *жужелицу*, *стрекозу*, *сезонных насекомых*, *божью коровку* [16]. Кроме того, некоторые насекомые на разных стадиях своего метаморфоза или в разных условиях играют различную роль в экосистеме, что зафиксировано в дефинициях. Так, *бабочка*, «*некоторые личинки которой поедают урожай*» [20], является вредителем. В то же время личинки бабочки могут поедать вредных насекомых, например, *тлю*, в таком случае они оцениваются как полезные насекомые.

Еще одной яркой иллюстрацией полярной оценки воздействия насекомых является метаморфоз «*водяного скорпиона*» [20]. Согласно дефиниции, «*молодые личинки питаются мелкими насекомыми*» [20], влияя таким образом на регуляции комаров и представляя собой полезных насекомых. В то же время, на более зрелой стадии они «*охотятся на мальков рыб*» [20, превращаясь «*вредителями в пресноводном рыбном хозяйстве*» [20].

Следовательно, в зависимости от различного влияния насекомых на окружающую среду, их определяют как полезных или вредных. Репрезентанты «*мелкие насекомые*», «*урожай*», «*паразит*», «*уничтожение комаров*» и «*мальки рыб*» указывают на объекты воздействия насекомых.

ДС аспекта «влияние насекомых на растение» проявляется через глаголы и уточняющие определения, которые подчеркивают характер воздействия насекомых. Например, *дровосек* «*поедает шелковицу, фруктовые и чайные деревья*» [20], что демонстрирует разрушительное воздействие насекомых на древесные растения. *Капустная моль* и *капустная тля* «*повреждают овощные культуры, особенно крестоцветные*» [16]. Здесь акцентируется внимание на вредоносном характере их воздействия.

Тля, *хрущ*, *кузнечик*, *ночница*, *озимая совка*, *саранча*, а также *моль* в целом описываются как «*сельскохозяйственные вредители*» [20]. *Щитники* «*высасывают*

сок из стеблей и плодов сои, риса, хлопка» [20], что указывает на их негативное влияние на конкретные сельскохозяйственные культуры. Особое внимание уделяется таким вредителям, как *тепличная белокрылка*, которая наносит ущерб «112 семействам и 653 видам растений» [13]. Её вредоносность подчеркивается через перечисление повреждаемых культур, таких как «огурцы, фасоль, баклажаны, помидоры, перец, восковая тыква, фасоль» и другие. *Дрозofiла* «часто **наносит вред** росту тропических фруктов» [20]. *Палочник* «**питается** листьями» [16].

В противоположность этому, *светлячок* «**поедает вредителей**» [20], что приносит пользу урожаю. *Богомол* – «**хорош** для сельского хозяйства» [20]. Таким образом, каждое из насекомых имеет четко выраженное влияние – вредоносное или полезное, что отражается в соответствующей ДС.

ДС аспекта «влияние насекомых на живые существа: животных и людей» подчеркивает роль различных насекомых в контексте их воздействия на людей и животных, которое может быть как положительным, так и отрицательным.

При описании полезных насекомых указывается на их благотворный характер воздействия на среду. Например, *полезные насекомые* «прямо или косвенно **приносят пользу** человеку» [20]. *Водяной скорпион* «играет определенную роль в **уничтожении комаров**» [20]. Слова «приносят пользу» и «уничтожение комаров» указывают на способы проявления полезного поведения, а слово «человек» – на адресата.

Отрицательное воздействие насекомых связано преимущественно с распространением заболеваний. Так, *вошь* способна «**передать множество болезней**» [20]. Взрослые особи бычьих червей «могут **передать различные заболевания**, такие как холера и брюшной тиф» [20]. *Тараканы* также могут распространять данные инфекции. *Москит паппатачный*, в частности самки, является «**переносчиком** калаазара и **лихорадки**» [20]. Репрезентанты «холера», «брюшной тиф», «калаазар» и «**лихорадка**» указывают на типы вирусов, которые передаются через насекомых. Формулировка «взрослые черви» уточняет стадию развития паразитов, представляющих угрозу.

Самки комаров и *мошка* «**высасывают кровь** человека и животных», [20] что делает их потенциальными переносчиками различных заболеваний. Репрезентанты «высасывают кровь» подчеркивает способ распространения инфекций. Что касается *пчел*, они могут **ужалить человека**, и термин «ужалить» указывает на их потенциальную опасность и влияние на здоровье человека.

Влияние насекомых на неодушевленные объекты, согласно дефинициям в китайском языке, носит преимущественно разрушительный характер. Например, *термиты* «чрезвычайно **разрушительны** для лесов, зданий, мостов и железных дорог» [16]. «Чрезвычайно» подчёркивает степень их разрушительности. *Саранча* может «**повреждать** старые бумаги и книги» [20]. *Таракан* «часто **загрязняет** пищу и **портит** одежду» [20]. *Рачки-древоточцы* и *сверлящие шаровки* «повреждают утварь» [16], а *чешуйница* «**способствует разложению** одежды и книг» [20]. Такие глаголы, как «разрушить», «заводиться», «загрязнять», «портить» и «способствовать разложению», описывают способы разрушения или порчи объектов насекомыми, что оказывает значительное влияние на повседневную жизнь человека.

Заключение

Итак, в китайском языке насекомые так же, как и в русском языке, в основном подразделяются на вредных и полезных – в зависимости от их роли в экосистеме. Вредители наносят ущерб сельскохозяйственным культурам, деревьям и являются переносчиками болезней, таких как холера и брюшной тиф. В свою очередь, полезные насекомые либо снижают популяцию вредителей, либо играют иную положительную роль. Насекомые также способны разрушать неодушевленные предметы: к примеру, термиты повреждают конструкции зданий, а тараканы портят продукты питания и ткани. Таким образом, дефиниции в данном контексте проводят ясное разделение между полезными и вредными насекомыми, акцентируя внимание на их роли в экосистеме и специфике воздействия на разные объекты.

Сопоставительный анализ русского и китайского языков, посвященный описанию ДП «воздействие насекомых на объекты окружающего мира», обнаруживает как пересечения, так и различия в принципах классификации. В русском языке лишь 20,58% лексем относятся к общим характеристикам воздействия насекомых, тогда как в китайском данный показатель достигает 46,15%.

В обоих языках характер акцента преимущественно сосредоточен на вредоносном воздействии насекомых, особенно в контексте их влияния на растения, животных и человека. Русские дефиниции в большей степени подчеркивают негативные стороны воздействия, такие как перенос болезнетворных агентов и разрушение материальных объектов. В противоположность этому, китайские формулировки фиксируют полезную роль некоторых насекомых: светлячков и богомолов, полезных в сельском хозяйстве. Примечательно, что в русском языке такие конкретные примеры противопоставлены лишь единичным упоминаниям, как, например, теленомус в регуляторной функции.

Воздействие насекомых на растения ассоциируется у представителей обоих языков с ущербом агрокультуре, однако китайские описания предусматривают детализацию вредоносности для различных конкретных видов. То есть лексический баланс и детализация в китайском языке более выражены. Помимо этого, в отношении неодушевленных объектов языки проявляют значительные лексические сходства в характеристиках ущерба.

Библиография

1. Попова, З.Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.
2. Бабенко, Л.Г. Учебно-методический комплекс дисциплины «Лексикология русского языка» : учебное пособие. Екатеринбург, 2008. 126 с.
3. Мусси, В. Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты. Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. С. 45–53.
4. Захваткин, Ю.А. Курс общей энтомологии. М. : Колос, 2001. С. 20–22.
5. Стернин, И. А. Методы описания семантики слова. Ярославль : Истоки, 2013. 34 с.
6. Бабенко, Л.Г. Интерпретация категоризации мира в идеографическом словаре как способ выявления скрытых смыслов // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2006. С. 8–21.
7. Уфимцева, А.А. Лексическое значение : принцип семасиологического описания лексики. М. : Наука, 1986. 240 с.
8. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского

языка). М. : Наука, 1973. 279 с.

9. Белевцова, Т.Б. Энтомологическая метафора как средство концептуализации внутреннего мира человека. Филология и культура. 2019. № 3 (57). С. 32–37.

10. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М. : Высшая школа, 1982. 152 с.

11. Маклакова, Е.А., Стернин, И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж : Истоки, 2013. 277 с.

12. Cruse, D. A. Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. [Электронный ресурс]. <https://philarchive.org/rec/CRUMIL-2> (дата обращения: 17.12.2024).

13. Ли, Ц., Ван, Х., Чжан, М. Влияние вредителей на рисовые культуры. Пекин: Издательство сельского хозяйства, 2021. с. 526

14. Чжан Чжи, Чжан Цинюнь. Лексическая семантика / Чжи Чжан, Цинюнь Чжан. Пекин: Коммерческое издательство, 2012. 386 с.

15. Большой толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. 862 с.

16. Большой словарь современного китайского языка / под ред. Гун Сюешэн. Пекин: Коммерческое издательство, 2015. 2012 с.

17. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

18. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 17.09.2023).

19. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 17.09.2023).

20. Люй Шусян, Дин Шэншу. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2017. 1800 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает лексика, обозначающая насекомых и отражающая их воздействие на объекты окружающего мира в русском и китайском языках. Актуальность работы продиктована как интересом лингвистов к энтомологической лексике в силу ее специфики и способности отражать культурные, этнолингвистические и когнитивные особенности конкретного народа, стереотипы поведения людей, быть символами тех или иных свойств / качеств человека, так и сравнительно-сопоставительной направленностью: анализируется лексико-семантическая группа «Насекомые» в языковых системах китайского и русского языков. Материалом исследования послужил корпус энтомологической лексики в русском и китайском языках, составленный автором(ами) по «Большому толковому словарю русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко, «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова и «Словарю современного китайского языка» под редакцией Люй Шусяна и Дин Шэншу. Данный корпус включает 91 единицу в китайском языке и 69 – в русском языке.

Теоретической основой научной работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам когнитологии и когнитивной лингвистике, семасиологии, семантико-когнитивному анализу языка (З. Д. Попова, И. А. Стернин, Д. Н. Шмелев, А. А.

Уфимцева, Е. А. Маклакова, Д. Алан Круз, Чжан Чжи, Чжан Цинюнь), особенностям этимологической лексики (В. Мусси, Т. Б. Белевцова). Библиография насчитывает 20 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Следует отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным трудам (изданным в последние 3 года), что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; сравнительно-сопоставительный и статистический методы; семантический и компонентный анализ и др.

В ходе обзора теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрены энтонимы русского языка с дифференциальным признаком «воздействие насекомых на объекты окружающего мира» и проведен аналогичный разбор данной лексики в китайском языке. Сформулированы выводы о том, что словарные дефиниции проводят четкое разделение между полезными и вредными насекомыми, акцентируя внимание на их роли в экосистеме и специфике воздействия на разные объекты; в обоих языках преимущественно акцентируется вредоносное воздействие насекомых на растения, животных и человека и др.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в комплексное изучение концепта «насекомые» и энтомологической лексики с дифференциальным признаком «воздействие насекомых на объекты окружающего мира». Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лексикологии, лингвокультурологии, сопоставительной лингвистике и переводоведению. Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения материала тяготеет к научному типу.

По мнению рецензента, автору(ам) можно подкорректировать название статьи, заменив словосочетание «лексика насекомых» на «энтомологическая лексика» (например, Энтомологическая лексика с дифференциальным признаком «воздействие на объекты окружающего мира»: лексическая интерпретация). Данное замечание носит рекомендательный характер.

Также обращаем внимание на техническую ошибку в предложении «Лексика, обозначающая насекомых, отображает важный фрагмент картины мира и представляет собой языковая картина мира, отражающий культурные, этнолингвистические и когнитивные особенности конкретной нации».

В целом, рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна и оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бутакова Д.Д. Диссертация С. Маслуха «Акустическая...» как подтверждение сохранения представлений о харфовой структуре языка в арабской лингвистике // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.72656
EDN: AFZLQA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72656

Диссертация С. Маслуха «Акустическая...» как подтверждение сохранения представлений о харфовой структуре языка в арабской лингвистике

Бутакова Дарья Дмитриевна

ORCID: 0009-0002-9567-3357

аспирант; институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. МВ.
Ломоносова

600027, Россия, Владимирская область, г. Владимир, Суздальский пр-т, 11А, кв. 87

✉ butakova.darya@yandex.ru

[Статья из рубрики "Фонетика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.72656

EDN:

AFZLQA

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Дата публикации:

09-02-2025

Аннотация: Хотя современная наука оперирует принятыми в общем языкознании терминами для описания фонетики и фонологии арабского языка, не все учёные согласны с подобным подходом. Диссертацию Саада Маслуха «Акустическая характеристика арабского консонантизма и вокализма и нормы поэтической рифмовки» можно считать ярким примером того, что арабская лингвистика продолжает, пусть и не всегда эксплицитно, опираться на харф как основу ее просодического строя, напрямую связанного с фонетикой и фонологией. Саад Маслух, не отвергая введенных Ибрагимом Анисом понятий, рассматривает поэтические произведения на литературном арабском и египетском разговорном языках, исходя из акустических и перцептивных характеристик конечных звуков в исходе поэтической строки, который непосредственно связан с

понятием паузальной формы слова, чьи нормы выстроены на основе харфовой теории и потеряли четкость и структурность после перехода к слоговому описанию языка. Это становится явным при сопоставлении текста диссертации с трактатами по грамматике классического периода, которые основываются на харфовой структуре просодии арабского языка, и с работами современных ученых, перешедших на терминологическую базу западного языкознания. Свои выводы Маслух основывает на экспериментальных данных. Он убеждается, что соотношение долгого гласного к краткому в арабском языке составляет 4:1, что значительно отличается от общепринятого мнения о том, что долгий элемент получается из соположения двух кратких. При сильном сокращении носители перестают узнавать знакомые им слова. В некоторых случаях происходило качественное изменение звуков. На основе этих данных ученый утверждает, что просодическая и фонематическая долгота в арабском языке имеют разную природу, что никогда не позволяло долгому и краткому гласным оказываться вместе в пределах одной рифмы. Это можно также считать подтверждением теории о том, что краткий гласный является неотъемлемой частью харфа с реализованным согласным компонентом, а долгий – самостоятельной единицей. Поэтому можно говорить о том, что изучение просодических явлений арабского языка при помощи экспериментальной фонетики и с опорой на харфовую теорию способно дать наиболее полное видение данного уровня языка.

Ключевые слова:

Саад Маслух, Ибрагим Анис, харф, звук, слог, арабская лингвистическая традиция, мора, паузальная форма слова, арудный стих, долгота гласного

Сегодня арабская лингвистика выстраивает описание языка (как литературного, так и разговорного), базируясь на терминологии, выработанной западным языкознанием. Данная система проникла в арабскую науку в течение нескольких последних десятилетий и прочно укрепилась в ней благодаря египетскому филологу Ибрагиму Анису [\[11\]](#) и его последователям [\[14\]](#). Вместе со своими учениками он внес значительный вклад в переход арабской лингвистики, которая веками опиралась при описании языка на термин «харф», не имеющий аналога в понятийной системе общего языкознания, к несвойственным для нее ранее понятиям «звук», «слог», «ударение» и т.д.

Харф, который можно поставить в соответствие введенному Н.С. Трубецким [\[18\]](#) для обозначения слога с кратким гласным термину «мора», где долгота представляется как сумма двух кратких элементов, использовался представителями классического периода арабского языкознания в качестве обозначения минимальной единицы нескольких уровней языка, в том числе фонетического и просодического. Подход классической арабской грамматики в данном исследовании рассматривается на примере трактатов Сибавайхи [\[1, 8, 17\]](#), Мабуррада [\[10\]](#), Ибн Джинни [\[5, 6\]](#), Замахшари [\[7\]](#), Ибн ал-Джазири [\[4\]](#) и Галайини [\[9\]](#). Все они занимались разработкой и систематизацией правил литературного арабского языка с опорой на коранические чтения.

При этом термин «харф» понимается современными арабистами по-разному. Одни ученые предлагают считать его фонемой, другие – слогом, третьи – слогофонемой. Существует также не субстанциональное, а процессуальное понимание данного термина, что свидетельствует о его сложной природе, не укладывающейся в рамки общего языкознания.

Ключевым свойством харфа в традиции являются его огласованность или неогласованность, напрямую связанные с его структурой, что обуславливает его функцию как маркера связной речи или как показателя просодической паузы соответственно. При этом просодический сегмент обязан начинаться с огласованного харфа, а заканчиваться неогласованным (подробнее см. [\[12, 13\]](#)). Эти требования вызывают определенные изменения в тех случаях, когда то или иное слово не соответствует этим нормам. Кроме того, харфовая теория породила понятия полной и паузальной форм слова, которые указывают на место слова во фразе и отличаются качеством конечного харфа.

Ибрагим Анис отверг данную систему, отказавшись от использования аутентичных понятий, приведя терминологию арабского языкознания в соответствие с общелингвистической, выстраивая описание языка на базе термина «звук».

Однако, как показывает исследование на основе сравнительно-исторического метода с привлечением концептуального и когнитивного анализа, не все арабские ученые полностью отказались от понятийной системы, построенной на термине «харф». Лингвист Саад Маслух в своей диссертации «Акустическая характеристика арабского консонантизма и вокализма и нормы поэтической рифмовки» [\[15\]](#), написанной под руководством Г.М. Габучана, рассматривает фонетические и просодические особенности рифмовки на арабском литературном языке и египетском диалекте, а при сопоставлении с трактатами арабской традиционной лингвистики [\[3\]](#) появляется возможность проследить преемственность между грамматистами классического периода и находящимся под влиянием общего языкознания Маслуха. Важно отметить, что он не прибегает в своей работе к термину «харф», указывая, что понимает его как букву и звук одновременно, продолжая следовать путем Ибрагима Аниса и опираясь на предложенное им описание слоговой структуры арабского языка, однако общий вектор его видения норм построения поэтической строки ничем не противоречит харфовой теории классического периода арабской лингвистики и даже подтверждает ее.

При этом он утверждает, что Сибавайхи, как автор первого трактата по грамматике, считал фонетику и просодию неделимым целым, а его последователи разбили звуковую структуру языка на два пласта, которые со временем перестали пересекаться практически полностью, что существенно повлияло не только на фонетическую теорию, выработанную арабской лингвистической традицией, но и стиховедение. Саад Маслух также отмечает, что литературоведы часто пренебрегают просодией, изучая звуковую сторону поэтических произведений. Кроме того, он подчеркивает, что, за исключением Ибрагима Аниса, автора первой научной работы по фонетике в арабском языкознании после его знакомства с европейской традицией, лингвисты не обращаются к поэзии в вопросах фонетической структуры арабского языка, что существенно влияет на результат анализа.

Ученый отмечает, что целью его работы является поиск закономерностей построения рифмы в поэзии на литературном языке и египетском диалекте. Можно утверждать, что свое внимание он концентрирует на исходе стихотворной строки, пытаясь выделить закономерности построения рифмы, которая напрямую связана с явлением паузальной формы слова.

Важно отметить, что нормы построения стихотворной строки на АЛЯ, как пишет Д.В. Фролов [\[19, 20\]](#), по своей природе базируются на термине «харф». Как утверждает ученый, просодический строй языка дает «начало и ритму речи в целом, и стиху» [\[20, с.](#)

[59\]](#), а «просодическая пауза слышима и просодически значима в конечной позиции». Т.е. можно говорить о том, что паузальная форма слова, являющаяся естественным порождением просодического строя АЛЯ, оказывается существенной частью стихотворной строки, маркируя ее конец. При этом данное образование обладает «собственным ритмом» [\[20, с. 60\]](#), который связан с ритмом входящих в него словесных моделей. В свою очередь бейт (стихотворная строка) является «метрической идеализацией паузальной группы». При этом паузальная форма слова выступает маркером конца поэтической строки или полустихия.

Следует также отметить, что в поэтической речи паузальное членение обладает некоторыми особенностями, не характерными для стандартной позиции исхода просодического сегмента:

- паузальная форма слова в исходе поэтической строки исключает возможность скопления неогласованных харфов. Примечательно, что подобная ситуация считается не только нормой, но и дополнительным показателем паузальной формы слова в традиционной грамматике;
- для слов единственного числа мужского рода в винительном падеже характерно сохранение [n] неопределенного артикля. Согласно норме, зафиксированной в традиционной грамматике и науке о рецитации, в этих случаях происходит замена [n] неопределенного артикля харфом *alif*. Интересно отметить, что в современном АЛЯ в данной ситуации прижилась норма с сохранением [n] танвина, а не вариант с его заменой;
- вместо самого частотного способа усечения конечного краткого гласного (*iskān*), используется его удлинение. Формы с усечением конечного краткого гласного не запрещаются, но являются «скорее всего законсервированным пережитком доарудного стиха» [\[20, с. 60\]](#).

Важно также отметить, что в отличие от остальных семитских языков, АЛЯ в просодическом строе ориентировался на стихосложение [подробнее см. 16], а не на нормы разговорной речи. Из этого можно сделать вывод о том, что паузальная форма слова является неотъемлемой частью системы арабского метрического (арудного) стиха.

Поскольку рифма, на которой сосредоточено основное внимание Саада Маслуха, непосредственным образом связана с паузальной формой слова, оформляющей конец поэтической строки, имеет смысл подробнее рассмотреть критические замечания, выдвигаемые ученым против Ибрагима Аниса, который, по мнению Маслуха, пренебрегает последними языковыми изменениями и акустическими особенностями звуков и считает некоторые закономерные просодические явления «недостатками рифмы» (*'uṣūb al-qāfiya*).

Саад Маслух изучает допустимые и недопустимые чередования звуков в рифме, т.е. «качественные и количественные отношения гласных в системе» языка. Это неизбежно приводит его к необходимости определить минимальную единицу звуковой структуры арабской речи. Саад Маслух подчеркивает, что термин «харф» лучше подходит для описания фонетической и связанной с ней просодической структуры арабского языка, так как он основывается на понятии моры, более близком, чем слог, для арабской речи, а также позволяет сохранить связь между орфографией (арабское письмо является морным, т.е. в качестве строчных графем в нем отражаются согласные и долгие гласные, в то время как краткие гласные существуют на письме исключительно в виде

диакритических знаков, что соответствует харфовой теории, где краткий гласный выступает как несамостоятельный компонент) и звуковыми явлениями, которые ей обосновывались [2].

Однако сам ученый предпочитает оставаться в рамках общелингвистической терминологии, обосновывая свой выбор тем же аргументом, что и Ибрагим Анис, т.е. тем, что арабские грамматисты еще с момента зарождения традиции (VIII-IX вв.) знали о делении звуков речи на гласные и согласные. При этом Саад Маслух упоминает и альтернативный взгляд В.А. Звегинцева, который с данным положением не согласен и считает, что деление на согласные и гласные возникло не раньше Ибн Джинни (X в.), который нуждался в нем для описания характеристик согласных звуков в своем трактате «Сирр сина'ат ал-и'раб» [6]. Разделение гласного и согласного, которые традиция считает неотъемлемыми друг от друга компонентами харфа, было необходимо для более четкого и неискаженного восприятия согласного. Однако следует отметить, что Маслух оговаривает, что произнесение отдельного согласного звука тот же Ибн Джинни считал невозможным, так как оно противоречило правилу о начале просодического сегмента с огласованного харфа, т.е. единицы *Св*. Поэтому грамматист настаивал, что он рассматривает согласные, предваряя их произнесением хамзы с касрой, т.е. [*i*].

Опираясь на выделение двух категорий звуков, Саад Маслух утверждает, что, хотя арабская традиция и не пользовалась термином «слог» его зачатки существовали, так как он неизбежно вытекает из представления о соположении гласного и согласного звуков. В то же время взгляд традиции на вопросы рифмовки кажется ему более точным, ученый опирается на него при изучении различных видов окончаний поэтической строки.

Рассмотрев примеры из арабской поэзии, а также привлекая текст Корана, где присутствуют рифмованные части, Саад Маслух приходит к выводу о том, что основой стихотворной просодии является слог, который сам лингвист поминает исключительно в фонетическом плане, не отрицая, однако, возможности использования понятия «мора» для описания просодии арабского языка. Он сосредотачивает свое внимание на том, что в позиции рифмы возможны только определенные типы чередований слогов, имеющих на конце согласный: *CV'C*, *CVVC*, *CV'+CVC*, *CV'+CVVC*. Примечательно, что лингвист утверждает, что для литературного арабского языка наиболее характерными являются слоги *CV*, *CVV*, *CVC*, *CVVC*, *CVCC*, а для египетского диалекта – *CVC*, *CV*, *CVV*, *CVVC*, *CVCC*.

Расходясь во мнении с Ибрагимом Анисом, который утверждает, что арабская поэзия тяготеет к слогам открытого типа, ученый пишет, что в поэзии на каирском диалекте большинство слогов в предпаузальной позиции являются закрытыми (Маслух подчеркивает, что до него анализ фонетики египетского разговорного языка велся только через самонаблюдение ученых. Единственным, кто попытался начать проводить эксперименты с использованием современных технологий, он считает Таммама Хасана). При этом Саад Маслух подчеркивает, что даже открытые слоги в египетском разговорном языке имеют тенденцию добавлять в позиции рифмы звук [*h*], т.е. харф *hā* 'в неогласованном варианте, что напрямую указывает на описанный арабской лингвистической традицией способ образования паузальной формы слова путем добавления (*ziyāda*), который заключался в прибавлении неогласованного харфа в исходе слова, чтобы оно соответствовало нормам паузы. Лингвист отмечает данное явление как феномен, возникающий исключительно в предпаузальной позиции. В результате анализа имеющейся информации он приходит к выводу, что в поэтических

произведениях имеет смысл рассматривать слоги CVC, CVh, CV'C, CV'h, CVVC, CVVh.

Кроме того, Саад Маслух, изучая закрытые слоги в позиции рифмы, отмечает, что предшествующий конечному согласному гласный, как в случаях с долгими, так и с краткими, демонстрирует чередования между звуками [i] и [u], но в этом процессе никогда не участвует гласный [a]. Подчеркнув, что данное явление было описано еще основателем грамматической традиции ал-Халилем, Саад Маслух пишет, что причиной данной закономерности является наибольшая широта раствора рта, которой характеризуется гласный [a] в отличие от всех остальных. При этом лингвист отмечает, что последователи основателя арабской грамматики допускали чередование всех трех гласных.

Эта система явно схожа с принципом образования паузальной формы слова путем сохранения конечных редуцированных кратких гласных (*rawm*), где сохранение [i] и [u] допустимо, в отличие от гласного [a]. Об этом писал Сибавайхи, однако последующие ученые отмечали случаи сохранения и этого редуцированного краткого гласного.

Задаваясь вопросом о том, может ли долгий гласный рифмоваться с кратким и в каком соотношении они находятся между собой, Маслух отбирает десять испытуемых, которым предлагается записать слова, где с помощью интонографа долгие гласные постепенно сокращались до кратких. Для наблюдений использовались слова со структурой CVVC, так как их смысл различается в зависимости от длины гласного звука, когда они переходят в структуру CVC. Эксперимент доказал, что акустические и перцептивные характеристики гласных важны для распознавания носителями языка слов, так как при сильном сокращении долгого гласного некоторые из испытуемых сомневались в том, что слова имеют арабское происхождение. Маслух также отмечает, что распознаваемость зависит и от стоящего перед конечным гласным согласного, характеристики которого влияют на звучание последующей единицы.

Связав проблемы распознавания слов с разными по длительности гласными с вопросом об их качественном изменении при сокращении количества, лингвист опровергает устоявшееся мнение о том, что долгий гласный в арабском языке находится в соотношении 2:1 с кратким. По мнению Маслуха, длительность долгого гласного превышает длительность краткого в четыре раза, причем в изолированном произнесении или на конце поэтической строки они демонстрируют еще большую разницу. Это позволяет ученому сделать вывод о том, что речевая ситуация и контекст напрямую влияют на восприятие речи на слух.

Отдельно лингвист рассматривает вопрос о возможном изменении качества конечного долгого гласного при его сильном сокращении. Арабская грамматическая традиция данное предположение отрицала, так как система гласных не предусматривает никаких переходных вариантов. Однако опытным путем Маслух доказывает, что в поэзии на египетском диалекте при сильном сокращении долгих гласных [ū] и [ī] носители начинают воспринимать их как краткие [o] и [e] соответственно.

Опираясь на эти данные, можно сделать вывод о том, что долгие гласные никогда не рифмуются с краткими, что полностью соответствует представлению арабской грамматики о природе долгого гласного как самостоятельной единицы, харфа, а краткого – как части харфа, которая следует за согласным компонентом. Факт качественного перехода одного гласного в другой при сокращении длительности также говорит о том, что рифмоваться они не могли, что опять же подтверждает харфовый принцип построения конца поэтической строки, поэтому Маслух предлагает разделять понятия фонематической и

просодической долготы в арабском языке.

Ученый также предлагает учесть ударение при построении иерархии гласных, однако делает пометку о том, что достоверной информации об эталонном чтении поэтических текстов не сохранилось. В результате эксперимента он установил, что худшей распознаваемостью характеризуются краткие безударные гласные, несколько лучше носителям удастся определить точно краткие ударные, затем идут долгие в двусложных словах и долгие в односложных. Ученый подчеркивает, что долгие гласные в двусложных словах в три и более раз превышают по длительности краткие. При этом он снова отмечает, что единицы, отличающиеся по долготе в два и более раз, никогда друг с другом не рифмуются.

Значимым фактором отсутствия чередования между долгими и краткими гласными в рифме лингвист признает графический принцип, согласно которому долгие гласные отражаются на письме в виде самостоятельных графем, а краткие – как диакритические знаки. Это снова служит подтверждением харфовой теории, закрепившейся в орфографии.

Саад Маслух приходит к выводу, что утрата наукой связи между фонетикой и просодией привела к отсутствию четкого разделения роли кратких и долгих гласных в структуре рифмы, что существенно влияет на качество стиховедческого анализа. Не возвращаясь к харфовой теории, которая могла бы объяснить многие явления, иллюстрируемые его экспериментами, он доказывает, что поэтические тексты на арабском языке получают более полное и логичное изучение в рамках теории морфного характера просодического строя языка, чем в контексте слоговой теории, что проявляется, в частности, в правилах оформления окончания поэтической строки.

Поскольку современная наука перестала прибегать к описанию языка при помощи традиционных терминов, некоторые из прежде подробно описанных явлений сегодня оказываются на периферии научной проблематики в том числе из-за того, что утратили четкость описания после перехода к слоговой теории в арабской лингвистике. Примером такого явления можно считать паузальную форму слова, которая сегодня рассматривается исключительно в историческом плане, не переставая быть частью живой речи. Изучение подобных явлений в контексте харфовой теории без отказа от общепринятых лингвистических терминов могло бы помочь в составлении наиболее полного и детального описания фонологической структуры арабского языка. Саад Маслух не является единственным, кто занимается исследованиями в области экспериментальной фонетики, изучение подобных работ дает возможность систематизировать сведения арабской грамматической традиции и представить ее на основе терминов общей лингвистики.

Библиография

1. Carter M.G. *Sibawayhi*. Oxford Centre for Islamic Studies. London-NY: Bloomsbury Academic, 2004.
2. *Elementary Modern Standard Arabic: Volume 1, Pronunciation and Writing; Lessons 1-30*. Z.N. Abdel-Malek, W.M. Erwin, G.N. Saad. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
3. Owens J. *A Linguistic History of Arabic*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
4. Ibn al-Jazari. *An-Nashr fi l-Qiraat al-'Ashr*. Beirut: al-Matra'a al-tarikhiyya al-kubra, 2009.
5. Ibn Jinni. *Al-Hasais*. Cairo: Dar al-Hadith, 2008.
6. Ibn Jinni. *Sirr sina'at al-I'rab*. Cairo: Dar al-kutub al-'ilmiyya, 2009.
7. Al-Zamakhshari Ibn al-Qasim Mahmud ibn 'Umar. *Al-Mufasssal fi 'ilm al-luga*. Amman: Dar 'Ammar li-n-nashr wa-t-tawzi', 2003.

8. Sibawayhi. Kitab. Cairo: Al-Khaniji, 2009.
9. Al-Gallayini M. Jam' ad-durus al-'Arabiyyah. Beirut: Dar al-kutub al-'ilmiyya, 2005.
10. Al-Mubarrad. Al-Muqtadab. Cairo: Matabi' al-ahram al-tijariyyah, 1994.
11. Ibrahim Anis. Al-Asuat al-Lughawiyyah. Cairo: Maktaba nahda Misr wa-matb'atuha bi-Misr, 1975.
12. Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии рецитации Корана // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М.: Восточная книга. 2012. С. 63-179.
13. Бутакова Д.Д. Паузальная форма слова в арабском литературном языке и ее отражение в системе письма. // Зеркала. Современные направления исследований арабской филологии в России. Москва: ИВ РАН, 2021. С. 211-233.
14. Герасимова А.А. Современные арабские лингвисты об ударении // Litera. 2023. № 8. С.262-280. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.39828 EDN: VNRNYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39828
15. Маслук С.А. аль-Азиз. Акустическая характеристика арабского консонантизма и вокализма и нормы поэтической рифмовки: дис.... канд. филол. наук / С.А. эль-Азиз Маслук; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. М., 1975.
16. Санчес А.А. К вопросу о сущности системы арабской метрики. // Арабская филология. М.: Изд. Моск. ун-та, 1968. С. 86-95.
17. Сибавайхи Абу Бишр 'Амр. Китаб. Введение (главы 1 – 7). Перевод и комментарии / под общ. ред. Д.В. Фролова. М.: Издательский дом ВКН, 2018.
18. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
19. Фролов Д.В. Арабская филология. Грамматика. Стихосложение. Корановедение: Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006.
20. Фролов Д.В. Классический арабский стих. История и теория аруда. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает обращение к харфовой структуре языка в арабской лингвистике Саада Маслуха в своей диссертации «Акустическая характеристика арабского консонантизма и вокализма и нормы поэтической рифмовки» (МГУ, 1975). Актуальность данной работы не вызывает сомнения, «поскольку современная наука перестала прибегать к описанию языка при помощи традиционных терминов, некоторые из прежде подробно описанных явлений сегодня оказываются на периферии научной проблематики в том числе из-за того, что утратили четкость описания после перехода к слоговой теории в арабской лингвистике». Сегодня нередко представители научного сообщества обращаются и решают проблему систематизации научных знаний, так как, например, «изучение ... явлений в контексте харфовой теории без отказа от общепринятых лингвистических терминов могло бы помочь в составлении наиболее полного и детального описания фонологической структуры арабского языка». Отмечается, что «не все современные арабские ученые полностью отказались от понятийной системы, построенной на термине «харф». Так, лингвист Саад Маслук в своей диссертации «рассматривает фонетические и просодические особенности рифмовки на арабском литературном языке и египетском диалекте, а при сопоставлении с трактатами арабской традиционной лингвистики появляется возможность проследить преемственность между грамматистами классического периода и находящимся под влиянием общего языкознания Маслуха». На

наш взгляд, употребление прилагательного 'современный' (лингвист) в отношении Саада Маслуха видится не совсем корректным: этот лингвист работал над своей диссертацией более полувека назад.

Теоретическую базу исследования составили труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Н. С. Трубецкой, Д. В. Фролов, Г. Р. Аганина, Д. Д. Бутакова, А. А. Герасимова, М. Дж. Картер, Саад Маслух, Ибрагим Анис, Ибн Джинни, Ибн ал-Джазири, Мабуррада, Замахшари, Галаййини. Библиография статьи насчитывает 20 источников, что является достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Однако в тексте статьи нет ссылок на большинство научных работ (ссылки даны только на источники 6, 13, 15, 20). Также в библиографическом описании источника 14 отсутствует год издания. Методология проведенного исследования в рукописи не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный и сравнительно-исторический метод, методы концептуального и когнитивного анализа.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) достаточно подробно проследить обращение Маслуха к харфовой структуре языка в арабской лингвистике: «он не прибегает в своей работе к термину «харф»..., однако общий вектор его видения норм построения поэтической строки ничем не противоречит харфовой теории классического периода арабской лингвистики и даже подтверждает ее»; «значимым фактором отсутствия чередования между долгими и краткими гласными в рифме лингвист признает графический принцип, согласно которому долгие гласные отражаются на письме в виде самостоятельных графем, а краткие – как диакритические знаки. Это снова служит подтверждением харфовой теории, закрепившейся в орфографии».

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение арабской лингвистики, а также в возможности использования результатов исследования в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Содержание работы соответствует названию. Однако библиография нуждается в доработке.

Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Диссертация С. Маслуха «Акустическая...» как подтверждение сохранения представлений о харфовой структуре языка в арабской лингвистике», представленной для публикации в журнале «Litera», автор обращается к материалам диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук С.А. Маслуха «Акустическая характеристика арабского консонантизма и вокализма и нормы поэтической рифмовки», защита которой состоялась в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1975 году. Данная научная работа привлекла внимание автора тем, что в ней поднимается проблема харфовой структуры арабского слова в противовес современной точке зрения, принятой в арабской лингвистике начиная с трудов Ибрагима Аниса и его последователей и базирующейся на западной трактовке арабской структуры языка. В

статье рассматриваются подходы к определению понятия «харф», в классической арабской лингвистике обозначающего «минимальную единицу нескольких уровней языка, в том числе фонетического и просодического», а в современном языкознании понимаемому как фонема, слог или слогафонема; обозначается ключевое свойство харфа – его огласованность или неогласованность. В центре статьи – исследование Саад Маслуха «Акустическая характеристика арабского консонантизма и вокализма и нормы поэтической рифмовки», в котором изучаются «фонетические и просодические особенности рифмовки на арабском литературном языке и египетском диалекте». Из положений, приводимых в работе С. Маслуха, автор выделяет несколько проблемных моментов, которые не утратили своей исследовательской и функциональной актуальности и поныне, наоборот, требуют более пристального внимания исследователей: «литературоведы часто пренебрегают просодией, изучая звуковую сторону поэтических произведений», «лингвисты не обращаются к поэзии в вопросах фонетической структуры арабского языка», что подвигло С. Маслуха заняться поиском закономерностей «построения рифмы, которая напрямую связана с явлением паузальной формы слова» – маркера конца поэтической строки или полустихия. Во всех этих вопросах построения стихотворной строки термин «харф» оказывается базовым термином. В статье перечисляются особенности паузального членения в поэтической речи; отмечается важное свойство арабского языка, заключающееся в том, что он в «просодическом строе ориентировался на стихосложение, а не на нормы разговорной речи», в результате чего можно рассматривать паузальную форму слова как неотъемлемую часть системы арабского метрического стиха. Также автор подробно останавливается на критических замечаниях, выдвигаемых Маслухом против мнения Ибрагима Аниса, в которых Маслух утверждает, что «термин «харф» лучше подходит для описания фонетической и связанной с ней просодической структуры арабского языка», доказывает уместность использования понятия слог как основы стихотворной просодии арабского стиха, обосновывает целесообразность харфового принципа создания рифмы в арабской поэтической строке. Представленные в работе С. Маслуха методы изучения построения стихотворной строки и восприятия носителями языка ее фонетических и просодических особенностей могут послужить образцом при акустических экспериментах на материале других языков. Основной вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что обращение к языковым явлениям, хорошо изученным в прошлом, ставшим традиционными, но утраченным ныне, помогают взглянуть по-новому на факты языка, а с другой стороны, способствуют возвращению в традиционное русло исследовательской мысли, как, например, это было сделано С. Маслухом с термином «паузальная форма слова», рассматриваемым в контексте харфовой теории, что может стать основой «в составлении наиболее полного и детального описания фонологической структуры арабского языка», теория которого на сегодняшний день недостаточно учитывает традиционные грамматические установки. Таким образом, обращение к истокам языкознания всегда дает возможность обоснованно пересмотреть существующие теоретические постулаты, поставить и решить теоретические проблемы, возникающие при изучении тех или иных явлений. Считаем, что статья «Диссертация С. Маслуха «Акустическая...» как подтверждение сохранения представлений о харфовой структуре языка в арабской лингвистике» написана на актуальную тему, содержит интересные сведения, которые могут привлечь внимание исследователей, поэтому может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юе Ж. Учебное проектирование курса «Деловой устный перевод в русско-китайской языковой комбинации» в эпоху искусственного интеллекта — на примере обучения с помощью ChatGPT // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73278 EDN: GGDХBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73278

Учебное проектирование курса «Деловой устный перевод в русско-китайской языковой комбинации» в эпоху искусственного интеллекта — на примере обучения с помощью ChatGPT

Юе Жуйин

кандидат филологических наук

преподаватель; институт иностранных языков; Ляонинский институт внешней торговли и экономики

116052, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, ул. Шуньлэ, 33, оф. 5003

✉ alina_yueruiying@mail.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73278

EDN:

GGDXBC

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2025

Дата публикации:

10-02-2025

Аннотация: Появление ChatGPT открывает новые возможности для совершенствования методики преподавания делового устного перевода, особенно в такой сложной языковой комбинации, как русско-китайская. Несмотря на значительный прогресс в области машинного перевода, роль человека-переводчика остается незаменимой, особенно в сфере устного делового перевода, где требуется глубокое понимание культурного контекста и особенностей межкультурной коммуникации. В этой связи возникает необходимость разработки новых подходов к обучению переводчиков, которые позволят эффективно интегрировать возможности искусственного интеллекта в образовательный процесс при сохранении фокуса на развитии профессиональных

компетенций обучающихся. В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта и их интеграции в образовательный процесс особую актуальность приобретает вопрос эффективного использования современных цифровых инструментов в подготовке профессиональных переводчиков. Предметом исследования выступает методика интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения деловому устному переводу. Методология исследования основана на комплексном применении качественных и количественных методов, включая лонгитюдное наблюдение, глубинные интервью с экспертами и статистический анализ результатов обучения. Научная новизна исследования заключается в разработке инновационной методики обучения деловому устному переводу в русско-китайской языковой комбинации с интеграцией технологий искусственного интеллекта. Впервые предложен комплексный подход к использованию ChatGPT как многофункционального инструмента в образовательном процессе, включающий систему специально разработанных упражнений и методов оценки переводческих компетенций. Разработана оригинальная модульная структура курса, объединяющая традиционные методы обучения с возможностями искусственного интеллекта для создания аутентичных ситуаций делового общения. Создана уникальная методика проектирования учебных заданий с применением ChatGPT, основанная на принципе постепенного усложнения материала и учитывающая специфику русско-китайской деловой коммуникации. Эмпирически доказана эффективность разработанного подхода через систему лонгитюдного наблюдения и статистического анализа результатов обучения. Результаты исследования демонстрируют значительное повышение эффективности образовательного процесса при использовании разработанной методики, что подтверждается статистическими данными и положительной обратной связью от участников образовательного процесса.

Ключевые слова:

устный перевод, русско-китайская комбинация, искусственный интеллект, ChatGPT, методика обучения переводу, переводческие компетенции, модульное обучение, межкультурная коммуникация, машинный перевод, деловая сфера

В современную цифровую эпоху профессия переводчика претерпевает кардинальные изменения. Д.И. Снежицкая отмечает значительное проникновение технологического обеспечения в переводческую деятельность. Современные технологии существенно упрощают межкультурную коммуникацию, эффективно преодолевая языковые барьеры между представителями различных лингвокультур. Машинный перевод стал неотъемлемой частью современных коммуникационных инструментов, включая поисковые системы и электронную почту [\[8\]](#).

Успешная интеграция технологий искусственного интеллекта в курс делового устного перевода требует сбалансированного подхода, основанного на когнитивно-коммуникативных и деятельностно-творческих методах обучения. Это позволит максимально эффективно использовать потенциал ChatGPT как вспомогательного инструмента, сохраняя при этом фокус на развитии собственных интеллектуальных способностей студентов. Е.С.Саенко подчеркивает особую роль ChatGPT в современном языковом образовании. Этот инновационный инструмент, разработанный компанией OpenAI, предоставляет студентам возможность практиковать коммуникативные навыки, получать мгновенную обратную связь по вопросам грамматики и расширять словарный запас. Особенно ценным является возможность изучения культурных особенностей стран

изучаемых языков через интерактивное взаимодействие с системой. Однако А.А. Ионина указывает на существенные ограничения использования искусственного интеллекта в языковом образовании. Основными недостатками являются отсутствие выбора наиболее корректного ответа и отсутствие указания источников информации. Практика показывает, что эффективность ChatGPT снижается при работе с более высоким уровнем владения языком, а сложные аспекты грамматики и лексики по-прежнему требуют участия опытного преподавателя [\[3,6\]](#).

Современные технологии искусственного интеллекта, в частности ChatGPT, демонстрируют впечатляющие возможности в области языкового перевода, поддерживая более 95 языков различной распространенности. Е.В. Стефанова подчеркивает важность точной формулировки запросов для достижения максимальной адекватности перевода, особенно при работе со специализированными текстами. При этом С.А. Лосева отмечает принципиальное отличие современных нейронных сетей от традиционных систем перевода. Нейронная сеть, использующая механизмы кодирования и декодирования, позволяет системе учитывать целостный контекст фразы, а не просто сопоставлять отдельные слова и выражения. Такой подход обеспечивает высокую точность перевода и возможность быстрого обучения системы на основе больших массивов данных [\[4,9\]](#).

Исследователи Г.П. Бакулев и Н.Г. Григорьева отмечают, что основным вызовом для искусственного интеллекта при переводе остается проблема языковой двусмысленности. Исследователи из Массачусетского технологического института выделяют различные типы двусмысленности, включая морфологическую, лексическую, синтаксическую и прагматическую, которые требуют особого внимания при машинном переводе. В контексте обучения синхронному переводу важно учитывать, что ChatGPT не осуществляет непосредственно устный перевод, но может эффективно использоваться как вспомогательный инструмент при подготовке к переводческой деятельности. Преподавателям рекомендуется обучать студентов навыкам редактирования машинного перевода с учетом норм целевого языка и специфики возможных ошибок, характерных для автоматизированных систем перевода [\[1\]](#).

В современных условиях развития образовательных технологий особую актуальность приобретает вопрос эффективного обучения устному переводу. Т. Ван и Яо Сяо подчеркивают, что профессиональный устный перевод требует не только отличного владения иностранным языком, но и комплекса других важных навыков, включая глубокое знание родного языка и развитую переводческую компетенцию. Специфика обучения устному переводу в русско-китайской языковой комбинации заключается в необходимости учета существенных различий между языками и культурами. Особое внимание уделяется практической составляющей обучения, которая реализуется с помощью современных технологических решений. Примером такого подхода служит внедренная в Ланьжоуском Университете Платформа обучения устному переводу с использованием технологии виртуального моделирования. Важным аспектом подготовки переводчиков является развитие навыков стандартизированного выражения на обоих языках. При этом особую роль играет сотрудничество китайских русистов и русских преподавателей, обеспечивающее качественный контроль языковой подготовки студентов. Процесс перевода требует не только точной передачи информации, но и учета культурных особенностей, что особенно важно при работе с идиоматическими выражениями и культурно-специфическими понятиями [\[2\]](#).

В условиях активного внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс, важно сохранять баланс между использованием современных технологий и

традиционными методами обучения, обеспечивая комплексное развитие профессиональных компетенций будущих переводчиков. М. Ся отмечает растущую тенденцию использования модели "цифровой перевод + постредактирование" среди профессиональных переводчиков. Это обусловлено необходимостью поддержания конкурентоспособности в условиях возрастающего спроса на переводческие услуги. В контексте обучения деловому устному переводу в русско-китайской языковой комбинации особое внимание уделяется развитию навыков постредактирования. Этот процесс существенно отличается от традиционного редактирования и требует более высокого уровня компетенции. Постредактор должен обладать способностью быстро оценивать качество машинного перевода и эффективно исправлять возможные ошибки. Практическая работа с этими инструментами позволяет студентам развивать профессиональные компетенции и формировать навыки работы с терминологическим аппаратом. В процессе обучения особое внимание уделяется анализу эквивалентных, вариантных и трансформационных переводных соответствий. Студенты учатся сравнивать результаты различных систем машинного перевода и самостоятельно выполненные переводы, что способствует развитию критического мышления и профессиональной компетентности [\[10\]](#).

В современную эпоху цифровой трансформации переводческая деятельность претерпевает существенные изменения, требующие переосмысления традиционных подходов к обучению переводчиков. Как справедливо отмечает Ц. Лю, несмотря на стремительное развитие технологий машинного перевода, человеческий фактор в переводческой деятельности остается незаменимым. Искусственный интеллект становится эффективным вспомогательным инструментом в работе переводчика, позволяя оптимизировать процесс перевода через предварительную машинную обработку текста с последующим профессиональным редактированием. Однако важно понимать ограничения машинного перевода, особенно в области художественного перевода, где требуется глубокое понимание культурного контекста и стилистических особенностей текста. Специфика делового устного перевода в русско-китайской языковой комбинации заключается в необходимости учета не только лингвистических аспектов, но и национальных особенностей, исторического контекста и культурных различий между странами. Машинный перевод, хотя и способен обеспечить "верность" и "убедительность" перевода, но не может достичь той "выразительности", которая характерна для человеческого перевода. Современный переводчик должен обладать не только глубокими языковыми знаниями, но и умением адаптировать текст с учетом культурных особенностей целевой аудитории. Это особенно важно при работе с деловой документацией, где точность и адекватность перевода имеют критическое значение. В зависимости от контекста и стиля исходного текста, профессиональный переводчик может применять различные переводческие трансформации, включая сокращение, добавление или адаптацию текста [\[5\]](#).

Методы исследования

Методологический аппарат исследования построен на сочетании качественных и количественных методов. Качественная составляющая реализуется через глубинные интервью с практикующими переводчиками и преподавателями, работающими в сфере делового русско-китайского перевода. Количественный компонент представлен анализом эффективности использования ChatGPT в учебном процессе на основе статистической обработки результатов обучения студентов. В исследовании приняли участие 120 студентов, разделенных на экспериментальную и контрольную группы по 60 человек в каждой.

В рамках исследования применяется метод лонгитюдного наблюдения за процессом формирования переводческих компетенций у студентов экспериментальной группы, использующей ChatGPT, и контрольной группы, обучающейся по традиционной методике. Временной интервал наблюдения составляет один учебный семестр (16 недель), что позволяет отследить динамику развития профессиональных навыков. Для оценки результатов перевода используется метод экспертной оценки, где группа из 10 экспертов, включая носителей русского и китайского языков, оценивает точность передачи смысла, стилистическое соответствие и культурную адаптацию переводов. Полученные данные подвергаются качественному и количественному анализу с целью выявления типичных ошибок и определения эффективности применяемых методик обучения.

В рамках исследования применяется метод лонгитюдного наблюдения за процессом формирования переводческих компетенций у студентов экспериментальной группы, использующей ChatGPT, и контрольной группы, обучающейся по традиционной методике. Временной интервал наблюдения составляет один учебный семестр, что позволяет отследить динамику развития профессиональных навыков. В исследовании применяется метод экспертной оценки результатов перевода, выполненного студентами. Группа экспертов, состоящая из носителей русского и китайского языков, оценивает точность передачи смысла, стилистическое соответствие и культурную адаптацию переводов. Полученные данные подвергаются качественному анализу с целью выявления типичных ошибок и определения эффективности применяемых методик обучения.

Методика проектирования курса также включает разработку системы критериев оценки сформированности переводческих компетенций. Данная система учитывает способность студентов эффективно использовать искусственный интеллект в профессиональной деятельности при сохранении высокого уровня самостоятельности в принятии переводческих решений.

В основе курса лежит модульный принцип организации учебного материала, позволяющий обеспечить последовательное формирование профессиональных компетенций переводчика. Первый модуль курса посвящен фундаментальным аспектам делового перевода, где студенты знакомятся с базовой терминологией, особенностями деловой коммуникации и спецификой русско-китайского делового взаимодействия. Второй модуль фокусируется на углубленном изучении лингвистических и культурологических особенностей делового перевода между русским и китайским языками. Третий модуль полностью посвящен практической работе с различными видами деловой коммуникации.

Инновационность разработанного курса заключается в органичной интеграции ChatGPT в образовательный процесс. Искусственный интеллект используется как многофункциональный инструмент, способствующий повышению эффективности обучения. На лекционных занятиях ChatGPT применяется для генерации актуальных примеров деловой коммуникации и создания учебных материалов, адаптированных под конкретные потребности студентов.

Семинарские занятия построены на основе интерактивного взаимодействия, где ChatGPT выступает в роли виртуального собеседника, создающего реалистичные ситуации делового общения. Это позволяет студентам практиковать навыки синхронного и последовательного перевода в условиях, максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности.

Практический компонент курса реализуется через систему специально разработанных заданий и кейсов, где ChatGPT используется для создания вариативных сценариев деловых переговоров, презентаций и встреч. Особое внимание уделяется развитию навыков работы с деловой документацией разных жанров, включая контракты, соглашения и деловую корреспонденцию. Важным методическим аспектом является использование ChatGPT для оценки качества переводов и предоставления обратной связи студентам. Система позволяет анализировать точность передачи смысла, стилистическое соответствие и культурную адекватность выполненных переводов, что способствует развитию навыков самооценки и критического мышления у обучающихся.

Система оценки эффективности разработанного курса основывается на комплексном подходе к анализу образовательных результатов. Ключевым компонентом выступает многоуровневая система критериев оценки знаний и навыков студентов, включающая как традиционные параметры оценки переводческих компетенций, так и специфические показатели владения инструментами искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. Разработанная система оценивания учитывает точность передачи смысла, стилистическое соответствие, культурную адекватность перевода, а также способность студентов эффективно использовать ChatGPT для решения переводческих задач. Особое внимание уделяется оценке навыков критического анализа и редактирования машинного перевода, что является важной компетенцией современного переводчика.

Обратная связь от участников образовательного процесса собирается на регулярной основе через систему анкетирования и глубинных интервью. Студенты отмечают повышение уровня уверенности при работе с деловыми текстами и возросшую скорость выполнения переводческих задач. Преподаватели подчеркивают значительное улучшение качества переводов и более глубокое понимание студентами культурных особенностей делового общения между русскоговорящими и китайскими партнерами.

Анализ результатов обучения демонстрирует существенное повышение эффективности образовательного процесса. Студенты экспериментальной группы показывают более высокие результаты по сравнению с контрольной группой в таких аспектах, как скорость перевода (на 35% выше), точность передачи терминологии (на 22% выше) и способность адаптировать стиль перевода под конкретную деловую ситуацию (на 28% выше). Статистический анализ подтверждает значимость различий в результатах между группами ($p < 0,05$). Студенты экспериментальной группы показывают более высокие результаты по сравнению с контрольной группой в таких аспектах, как скорость перевода, точность передачи терминологии и способность адаптировать стиль перевода под конкретную деловую ситуацию. Статистический анализ подтверждает значимость различий в результатах между группами.

Важным показателем эффективности курса является успешная профессиональная адаптация выпускников. Согласно данным опроса работодателей, 85% выпускников экспериментальной группы демонстрируют высокий уровень подготовки, их способность эффективно использовать современные технологии в переводческой деятельности при сохранении критического подхода к применению инструментов искусственного интеллекта. Это подтверждает практическую ценность разработанной методики обучения и ее соответствие современным требованиям рынка переводческих услуг.

Апелляция к оппонентам

В ответ на возможную критику относительно интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения деловому устному переводу необходимо подчеркнуть несколько

ключевых аспектов. Прежде всего, использование ChatGPT в предложенной методике не подменяет традиционные методы обучения, а органично дополняет их, создавая синергетический эффект в образовательном процессе.

Оппоненты могут выразить обеспокоенность тем, что применение искусственного интеллекта может снизить самостоятельность студентов в освоении переводческих навыков. Однако разработанная методика предусматривает четкое разграничение между использованием ChatGPT как вспомогательного инструмента и развитием собственных компетенций обучающихся. Статистические данные лонгитюдного исследования демонстрируют, что студенты экспериментальной группы показывают более высокие результаты в развитии критического мышления и способности к принятию самостоятельных переводческих решений.

В отношении возможных сомнений в достоверности и качестве материалов, генерируемых ChatGPT, следует отметить, что все учебные материалы проходят тщательную экспертную проверку квалифицированными специалистами в области русско-китайского перевода. Более того, многоуровневая система оценки качества переводов, включающая как автоматизированный анализ, так и экспертную оценку, обеспечивает высокую надежность результатов обучения.

Критика относительно ограниченности временных рамок исследования (один семестр) может быть парирована тем, что данный период является достаточным для формирования базовых переводческих компетенций и позволяет проследить динамику развития профессиональных навыков студентов. При этом методика предусматривает возможность дальнейшего масштабирования и адаптации под более длительные периоды обучения.

Выводы

Проведенное исследование по проектированию и внедрению курса «Деловой устный перевод в русско-китайской языковой комбинации» с использованием ChatGPT демонстрирует значительный потенциал интеграции искусственного интеллекта в систему профессиональной подготовки переводчиков. Применение модульного принципа организации учебного материала в сочетании с инновационными технологиями позволило создать эффективную образовательную модель, отвечающую современным требованиям рынка переводческих услуг.

Результаты лонгитюдного исследования подтверждают существенное повышение качества подготовки специалистов. Студенты экспериментальной группы демонстрируют более высокие показатели в области скорости перевода, точности передачи терминологии и способности к культурной адаптации текстов. Особенно важным достижением является развитие у обучающихся навыков критического анализа и способности эффективно использовать инструменты искусственного интеллекта при сохранении профессиональной автономности. Разработанная методика оценки эффективности курса, включающая многоуровневую систему критериев, позволяет объективно оценивать прогресс студентов и корректировать образовательный процесс. Положительная обратная связь от всех участников образовательного процесса и успешная профессиональная адаптация выпускников подтверждают практическую ценность разработанного курса.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего развития методики обучения деловому переводу с использованием искусственного интеллекта. Представленный опыт может служить основой для создания аналогичных курсов в других

языковых комбинациях и направлениях переводческой деятельности.

Библиография

1. Бакулев, Г. П. Новые типы заданий по переводу в эпоху искусственного интеллекта / Г. П. Бакулев, Н. Г. Григорьева // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация : Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции. В 3-х частях, Москва, 18–20 октября 2021 года / Под редакцией Е.В. Николаевой. Том Часть 1. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)", 2022. – С. 12-18.
2. Ван, Т. Разработка занятия «устный перевод» в контексте развития искусственного интеллекта (на примере Ланьчжоуского университета) / Т. Ван, Я. Сяо // Русский язык в современном Китае : Материалы X Международной научно-практической конференции, Чита, 21 апреля 2023 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2023. – С. 100-104.
3. Ионина, А. А. Искусственный интеллект (chatgpt): проблемы и вызовы / А. А. Ионина // Три "Л" в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 года. – Москва: ООО "Языки Народов Мира", 2024. – С. 39-44.
4. Лосева, С. А. Перевод и искусственный интеллект: проблемы и пути развития / С. А. Лосева // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам = Міжкультурная камунікація і професійна ариєнтаване навчанне замежним мовам : Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования Белорусского государственного университета, Минск, 27 октября 2022 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – С. 162-168.
5. Лю, Ц. Прошлое, настоящее и будущее машинного перевода в Китае / Ц. Лю // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2020. – № 3. – С. 47-59.
6. Саенко, Е. С. ChatGPT как инновационный инструмент обучения иностранному языку / Е. С. Саенко // Диалог языков и культур в современном образовательном пространстве : материалы VI национальной научно-практической конференции, Воронеж, 27 мая 2024 года. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2024. – С. 62-64.
7. Смирных, О. Д. Использование программ машинного перевода в обучении иностранным языкам / О. Д. Смирных, В. Б. Колычева, Н. В. Казаченкова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 107-2. – С. 55-60. – DOI 10.18411/trnio-03-2024-70.
8. Снежицкая, Д. И. Устный перевод в цифровую эпоху / Д. И. Снежицкая // Гуманитарное знание и современные технологии: стратегии, практики, перспективы : 7-й молодежный конвент УрФУ : материалы международной конференции, Екатеринбург, 23–25 марта 2023 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. – С. 127-129.
9. Стефанова, Е. В. Обучение синхронному переводу: задействование суперструктуры в ии-инструменте chatgpt / Е. В. Стефанова // Язык. Культура. Коммуникация. – 2023. – № 24. – С. 346-354.
10. Ся, М. К вопросу о формировании компетенций будущих переводчиков в эпоху искусственного интеллекта / М. Ся // Вестник Московского университета. Серия 22:

Теория перевода. – 2021. – № 2. – С. 127-137

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается специфика проектирования и внедрения курса «Деловой устный перевод в русско-китайской языковой комбинации» с использованием ChatGPT. Отмечается, что «современные технологии искусственного интеллекта, в частности ChatGPT, демонстрируют впечатляющие возможности в области языкового перевода, поддерживая более 95 языков различной распространенности». Этот инновационный инструмент [ChatGPT] предоставляет обучаемым возможность практиковать коммуникативные навыки, получать мгновенную обратную связь по вопросам грамматики и расширять словарный запас. Особенно ценным является возможность изучения культурных особенностей стран изучаемых языков через интерактивное взаимодействие с системой. Следовательно, актуальность данного исследования обусловлена развитием технологий искусственного интеллекта, быстрым ростом популярности ChatGPT и внедрением новых технологий в сферу образования.

Теоретической основой работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как Г. П. Бакулев, Н. Г. Григорьева, А. А. Ионина, С. А. Лосева, Е. С. Саенко, Д. И. Снежицкая, М. Ся, Ц. Лю, Т. Ван, Я. Сяо и др., посвященные проблемам и вызовам искусственного интеллекта, переводческой деятельности в эпоху искусственного интеллекта; ChatGPT как инновационному инструменту обучения иностранному языку. Библиография состоит из 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников, что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету.

Заслуживает внимания методологический аппарат исследования, который построен на сочетании качественных и количественных методов. Качественная составляющая реализуется через глубинные интервью с практикующими переводчиками и преподавателями, работающими в сфере делового русско-китайского перевода. Количественный компонент представлен анализом эффективности использования ChatGPT в учебном процессе на основе статистической обработки результатов обучения студентов. В исследовании приняли участие 120 студентов, разделенных на экспериментальную и контрольную группы по 60 человек в каждой. Кроме того, применялся метод лонгитюдного наблюдения за процессом формирования переводческих компетенций у студентов экспериментальной группы, использующей ChatGPT, и контрольной группы, обучающейся по традиционной методике. Полученные данные подвергались качественному и количественному анализу с целью выявления типичных ошибок и определения эффективности применяемых методик обучения.

Анализ теоретического материала и проведенное исследование свидетельствуют о значительном потенциале интеграции искусственного интеллекта в систему профессиональной подготовки переводчиков. Была разработана методика оценки эффективности курса, включающая многоуровневую систему критериев, которая позволила объективно оценить прогресс студентов и скорректировать образовательный процесс. Лонгитюдное наблюдение показало существенное повышение качества подготовки специалистов. Полученные результаты однозначно открывают перспективы для дальнейшего развития методики обучения деловому переводу с использованием

искусственного интеллекта. Представленный опыт может служить основой для создания аналогичных курсов в других языковых комбинациях и направлениях переводческой деятельности.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты расширяют знание в области искусственного интеллекта в образовании, могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах в процессе подготовки переводчиков.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. В целом, рукопись имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации.

Однако, по мнению рецензента, данный материал по своему содержанию ближе к тематике журнала «Педагогика и просвещение»: автор(ы) активно оперируют категориями педагогики и методики («методика обучения деловому переводу с использованием искусственного интеллекта», «успешная профессиональная адаптация выпускников», «комплексное развитие профессиональных компетенций будущих переводчиков», «методика проектирования курса», «система критериев оценки сформированности переводческих компетенций» и т.п.). Данное замечание носит рекомендательный характер.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кучина Н.В. Значение голоса в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан» // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73227 EDN: GXEQJU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73227

Значение голоса в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан»

Кучина Наталья Владимировна

аспирант, кафедра зарубежной литературы, ФГБОУ ВО «Литературный институт имени АМГорького»

123104, Россия, г. Москва, бул. Тверской, 25

✉ nataliek@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73227

EDN:

GXEQJU

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2025

Дата публикации:

10-02-2025

Аннотация: Предметом исследования являются литературные приемы, с помощью которых Алессандро Барикко придает звучание написанному тексту. Объектом исследования являются оригинальные итальянские тексты – ранние романы Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-океан», опубликованные издательством «Рицолли», которые сопоставляются с русским переводом Геннадия Киселева. Именно в оригинальных текстах на итальянском языке возможно проследить авторскую интенцию сделать голос не только одной из определяющих черт персонажа, но и самостоятельной единицей литературного произведения. Задача исследования – показать новаторство поэтики Алессандро Барикко, синкретизм его литературных произведений с музыкой и театром, кино и телевидением. Автор подробно рассматривает значимость человеческого голоса и его оппозицию с тишиной, а также отношение автора к своим персонажам через призму звучания их голосов. Автором статьи используется текстологический анализ,

сравнивается семантика и прагматика оригинальных текстов на итальянском языке с их отражением в переводе на русский язык. Семантический анализ выявляет уникальные стилистические черты, взаимосвязь с различными видами искусств. Биографический метод помогает понять стремление писателя наиболее точно передать звучание голоса в написанном тексте. Научная новизна работы обусловлена стремлением рассмотреть малоизученные аспекты литературного творчества Алессандро Барикко, связанные с его широкой деятельностью в мире искусства и культуры. Особым вкладом автора в исследование темы является повышение интереса к творчеству писателя в различных сферах искусства и культуры, выявление уникальности его литературных произведений. Основываясь на данных проведенного исследования возможно сделать выводы о значимости оппозиции говорящего и слушающего, звука и тишины. Писателем придаются особые философские смыслы человеческому голосу. Голос, с одной стороны, является одной из определяющих черт персонажа, а с другой намеренно отделяется от героев и становится самостоятельной единицей произведения. Звучание голоса в написанном тексте передается с помощью литературного тропа.

Ключевые слова:

голос, звучание, постмодернизм, характер персонажей, метонимия, синекдоха, итальянская литература, Алессандро Барикко, синкретизм, оппозиция

Алессандро Барикко не только один из самых известных современных итальянских писателей, драматург, эссеист. Свою карьеру он начал как философ, пианист, обозреватель и ведущий, создатель рекламы. Его литературные произведения пронизаны взаимосвязями с другими видами искусства – музыкой, театральными постановками, телевидением [\[8\]](#). Авторский стиль Барикко обусловлен его обширной деятельностью, выходящей за пределы литературы. Романы Барикко отличает присутствие игрового начала, тщательная работа с формой, лингвистический минимализм в сочетании с концептуально сложным содержанием [\[7\]](#). Э. Дзинато отмечал, что компактность и «миниатюрность» повествования делает его книги похожими на телесериалы [\[9\]](#). В 1994 г. Барикко написал манифест, где сформулировал важнейший принцип своего письма, и познакомил с ним публику в своей авторской передаче «Pickwick, del leggere e dello scrivere» («Пиквик, о прочтении и написании книг») на телеканале «Rai Tre»: «...рассказывать не только посредством написанных слов, но посредством образов кино, музыкальных нот, театральных диалогов» [\[4\]](#).

Умберто Эко писал в «поэтике экспрессивной формы» о том, что писатель «делает экспрессивным сам способ того, как говорят персонажи и как предстают вещи» [\[3, с.171-189\]](#). Писатель сравнивает их с кинорежиссером, чей монтаж задает способ мышления героя. Алессандро Барикко именно режиссирует, а не только пишет свои романы, придает объемность, визуальность и звучание нарративу.

В романах Алессандро Барикко «Шелк» (Baricco, Alessandro, Seta, Milano, Rizzoli, 1996 [\[6\]](#)) и «Море-Океан» (Baricco, Alessandro, Oceano mare, Milano, Rizzoli, 1993 [\[5\]](#)) человеческому голосу отведена особая роль. Это особенно заметно, если сравнить оригинальный текст и перевод. Для сопоставления с оригиналом рассматриваются переводы Геннадия Киселева, напечатанные в 2017 году (русский перевод цитируется по изданию: Барикко А., Шелк и другие истории, Москва, Иностранка, Азбука-Аттикус,

2017).

Роман «Шелк» «Seta», опубликован в Италии издательством «Рицолли» в 1996 году, – небольшой роман, состоящий из 65 глав различной величины, его форма фрагментарна. Короткие номинативные предложения чередуются с длинными, сложными по структуре. Графичность и нестандартное расположение текста на странице указывают на важность тишины и пауз, в целом, проза нередко приближается к поэзии. Барикко подражает стилистике размеренного восточного повествования, используя минимальное количество слов, чтобы выразить основную мысль каждого эпизода. Этому соответствуют небольшие по объему главы или предложения-абзацы.

История разворачивается во второй половине девятнадцатого века, ее главный герой – молодой торговец, француз Эрве Жонкур, который отправляется за шелком в далекую Японию. Эрве женат на Элен, верной и любящей. Однако в Японии он встречает загадочную «женщину с лицом девушки», в которую влюбляется. Эрве не знает кто она, предположительно, это наложница могущественного феодала Хара Кея, у которого он покупает яйца шелкопряда. Между Эрве и японкой не происходит ничего помимо обмена взглядами. Через несколько лет после последней поездки в Японию Эрве получает прекрасное эротическое послание на японском языке, как он считает, от своей несбывшейся любви. На самом деле его написала Элен, а перевела японка, живущая по Франции, мадам Бланш. Письмо возвращает Эрве душевный покой, он снова обретает счастье с Элен, и только после ее смерти узнает, что это она написала письмо.

Роман «Море-Океан» «Oceano mare», опубликован в Италии издательством «Рицолли» в 1993 году является трилогией. Он характеризуется нелинейностью повествования, большим количеством спонтанных диалогов, избытком графически выделенных фрагментов текста. В Книге Первой изложены причины, по которым постояльцы прибыли в таверну «Альмайер»; в Книге Второй, «Морское чрево», повествуется о трагических событиях после кораблекрушения и людях, оказавшихся на плоту в открытом море; повествование является внутренними монологами двух выживших — моряка Томаса (который берет имя Адамса) и доктора Савиньи. Третья Книга «Возвратные песни» возобновляет нить повествования с места, где оно было остановлено в Первой Книге, также вновь вводится тема кораблекрушения, отслеживаются разветвляющиеся судьбы людей. Основным местом повествования в первой книге является гостиница, которая называется таверна «Альмайер», место, расположенное на берегу моря и полностью изолированное. В этой гостинице встречаются все персонажи. Среди них художник Плассон, который рисует море морской водой. Профессор Бартльбум составляет энциклопедию пределов и пытается понять, где находится конец моря. Анн Девериа избавляется от греха прелюбодеяния. Девушка Элизевин, страдает от гиперчувствительности и должна исцелиться в морской воде. Сопровождает ее священник, падре Плюш, он пишет оригинальные молитвы, в которых обращается к Богу как к приятелю. Адмирал Лангле – человек, у которого Адамс работал садовником, рассказывая свои истории про дальние странствия, и к которому отправилась Элизевин после ночи, проведенной с Адамсом, чтобы продолжить рассказывать эти истории, переданные ей в момент близости.

Для того, чтобы показать важность человеческого голоса, Алессандро Барикко использует разновидность метонимии, синекдоху. Синекдоха является тропом, «в основании которого лежит отношение части к целому» [2]: она выделяет один из важных и характерных признаков предмета, проявляясь, когда часть представлена как целое. Данный стилистический прием помогает сделать голос одной из определяющих черт

персонажа, но при этом отделить его от самого персонажа и показать независимость произносимого голосом от воли человека.

Барикко с помощью синекдохи передает выведенную им идею говорения – не человек произносит слова, а лишь его часть, его голос, который может зазвучать сам по себе, как в следующем отрывке из романа «Шелк»:

Quando lei aprì gli occhi lui sentì **la propria voce dire piano**:

- Io ti amerò per sempre.

Он услышал, как его голос прошептал:

– Я буду любить тебя вечно. [\[1, с. 30\]](#)

В «Море-Океане» Барикко еще активнее пользуется приемом синекдохи, чтобы показать, что, чаще всего, говорит не сам человек, а его голос:

Adams non parve nemmeno accorgersi di lui. Continuava a starsene in qualche posto strano, a migliaia di chilometri da lì. Però le sue labbra si mossero e tutti sentirono **la sua voce dire**:

— Perché io le ho viste.

В переводе, однако, не передается то, что именно «его голос говорит»:

Адамс как будто его не замечал. Он все еще пребывал где-то далеко, за тридевять земель. Только губы его шевельнулись, и все услышали, как он сказал:

— Просто я их видел. [\[1, с. 108\]](#)

Адмирал беседует с Адамсом в своем кабинете и сначала говорит человек, Адамс, а следом за человеком его голос, как бы отделившись, произносит слова – «sente la **voce** dell'altro **pronunciare l a parola**» (в переводе «слышит голос Адамса» [\[1, с. 144\]](#)). у Элизевин возникают вопросы к Адамсу, которые она не решается произнести вслух, но тут же слышит в своей голове голос Адамса, который шепчет ответы на них: «... sente nella sua testa una **voce mormorare**» (в переводе «она слышит про себя отчетливый шепот» [\[1, с. 134\]](#)). Падре Плюш ведет внутренний диалог с самим собой и потом слышит, как не по его воле его собственный голос спрашивает о чем-то – «sente la propria **voce chiedere**» (в переводе «его голос неожиданно изрекает» [\[1, с. 174\]](#)). В момент близости от нахлынувших эмоций именно человек, Адамс, плачет («piange Adams»), а девушка кричит не сама, кричит ее голос: «**grida l a voce** di Elisewin» (в переводе «голос Элизевин переходит в крик» [\[1, с. 179\]](#)).

Вместе с тем голос является частью целостного человеческого образа, одним из важнейших элементов в восприятии людьми друг друга. Когда в романе «Шелк» Эрве Жонкур рассказывал Хара Кэю о своей жизни, он говорил не только о городе, о прогрессе в Европе, о поездах, пароходах, но и о голосе своей жены Элен.

У Барикко голос является одной из главных черт, определяющих характер персонажа. По использованным Барикко эпитетам к слову «голос» можно проследить отношение автора к созданным им героям. Однако о голосе «la donna con il volto da ragazzina», «женщины с лицом девушки», писатель ничего не говорит, оставляя этот образ незавершенным, лишенным целостности. Она лишь смотрит на француза «con occhi

perfettamente muti», «безмолвными глазами». Ее образ становится даже фальшивым, когда мадам Бланш читает письмо, якобы написанное этой женщиной, имитируя ее предполагаемый голос:

... leggeva piano, con una **voce da donna bambina**.

... она читала не торопясь, голосом женщины-девочки. [\[1, с. 53\]](#).

На самом деле письмо написала жена главного героя, Элен, и ее же голос «una voce bellissima», «чарующий» [\[1, с. 61\]](#), имитировала японка, потому что он на нее произвел неизгладимое впечатление, когда Элен читала ей письмо, написанное на французском. У самой мадам Бланш был «voce fredda», «холодный голос», и такое же бесстрастное лицо, не озаряющееся эмоциями:

Lo disse con **voce fredda**, guardando Hervé Joncour negli occhi, e senza farsi sfuggire la minima espressione.

Она произнесла это холодным тоном, глядя Эрве Жонкуру прямо в глаза и не выказав ни малейшего чувства. [\[1, с. 29\]](#)

Соккрытие эмоций, такая же полная внешняя бесстрастность присуща и ее соплеменнику Хара Кэю. Более того, ему свойственна многоликость, в его душе и мотивах невозможно разобраться, невозможно предсказать смену его чувств. И эту закрытость Хара Кэя от мира, изменчивость поведения в зависимости от ситуации и того, с кем он общается, автор подчеркивает описанием его голоса:

Allora Hara Kei iniziò a parlare, nella sua lingua, con una **voce cantilenante**, disciolta in una sorta di **falsetto fastidiosamente artificioso**.

Хара Кэй заговорил на своем языке. Его напевный голос истончался в назойливо-искусственном фальцете. [\[1, с.17\]](#)

Lo disse in francese, strascicando un po' le vocali, con una **voce rauca, vera**.

Он произнес это по-французски, слегка растягивая гласные, хрипловатым, искренним голосом. [\[1, с. 17\]](#)

Голоса героев тщательно прописаны и в романе «Море–Океан». Голоса наделяют героев яркой индивидуальностью, они становятся тем самым тонким штрихом, который не только дает характеристику самому персонажу, но и показывает, какой может быть сила воздействия одного человека на другого благодаря особому тембру и манере произносить слова:

... gli disse Elisabetta Ancher con una **voce che avrebbe sedotto anche un sordo**. Bartleboom vacillò un attimo ma poi si riprese.

... сказала Элизабет Анкер голосом, который соблазнил бы и глухого. Бартльбум пошатнулся, но устоял. [\[1, с. 206\]](#)

По тому, чьи голоса Барикко делает наиболее приятным для восприятия слушателей, можно судить об авторских симпатиях (как и по тому, что в отличие от других персонажей иронических описаний Томаса / Адамса и Элизевин нет). Девушка «aveva una **voce bellissima – velluto**», «обладала дивным бархатным голосом» [\[1, с. 71\]](#), а у мужчины «una **voce scandire con magnifica calma**», «ясный и на редкость спокойный

голос» [\[1, с. 112\]](#)

Мастерством повествования наделяются только эти два персонажа – абсолютно противоположные, но связанные между собой любовью. С присущими ему склонностью к намекам и лапидарностью в описаниях происходящего, Барикко не вкладывает в уста Томаса пространные истории, но лишь коротко обозначает, что тот их рассказывал так, как никто другой не смог бы это сделать, поскольку был наделен даром свыше, виртуозно владел искусством повествования:

/ alla corte del sultano, dove era stato preso **per la sua voce, che era bellissima**, e lui, coperto d'oro, aveva l'incarico di stare nella stanza della tortura e di cantare mentre quelli facevano il loro lavoro, tutto perché il sultano non dovesse sentire la fastidiosa eco dei lamenti ma piuttosto la bellezza di quel canto che /

/ при дворе султана он был в чести; всему причиной – его чудесный голос; и он купался в золоте; взамен он должен был являться в пыточную и петь, покуда палачи не dokonчат свою работу, ибо султану пристало слышать не душераздирающие крики, но дивные распевы / [\[1, с. 106\]](#)

Adams narrava **con voce piana e calda**. Misurava, con un'arte sorprendente, parole e silenzi.

Адамс говорил тихим, проникновенным голосом. Он на удивление умело перемежал рассказ молчанием. [\[1, с. 110\]](#)

Голос Адамса произвел сильное впечатление на адмирала Лангле, человека, сдержанного в поведении. Он сам «parlò con **voce severa ma mite, quasi impersonale**», «говорил привычно строгим, но спокойным, почти бесстрастным голосом» [\[1, с. 110\]](#), но в глубине души жаждал все больше историй о необычных странствиях, о чудесах со всего света. И моряк, видевший все своими глазами, стал для него подарком судьбы, он оживил притчи и предания, жившие раньше только на бумаге в виде докладов о курьезных происшествиях.

Анализируя описание голоса действующих лиц, их общение с другими возможно не только раскрыть образы, задуманные автором, но и понять его эмоционально-эстетическую оценку каждого конкретного героя. Благодаря выразительности звучания речи его персонажи ясные и убедительные, образ их действий логично развивается, а не является произвольно навязанным.

Один из самых интересно прописанных образов, который заслужил симпатию своего создателя – Бальдабью в «Шелке». Само звучание его имени имеет значение. Имя вымышленное, а к созданию подобных имен автор подходит с особой тщательностью. Он выверяет каждый звук для лучшей характеристики героя. Бальдабью появился в Лавилье непонятно откуда и сыграл важную роль в судьбе города и Эрве Жонкура, который сам в ней предпочитал не участвовать, а быть руководимым. Этот делец – личность сильная и неординарная, новатор, смотрящий в будущее, полный идей, которого не страшит ни одна трудность – он их просто не замечает.

Созданию образа немало способствует его речевая характеристика. Речь у Бальдабью абсолютно уверенного в себе человека. Бальдабью – самый многословный из всех героев романа, хоть и является второстепенным персонажем. Но именно из его уст звучат рассуждения о жизни, шелке, Японии, Луи Пастере, истории – его знания прогрессивны и глубоки. Он грубоват и не сдержан в высказываниях, и у него

ироничное отношение к жизни, но он настоящий стратег с отличным чутьем успешного делового человека, его мнению доверял весь город. И даже мэр не перечил ему ни в чем, хоть Бальдабью позволял себе даже с ним говорить, не стесняясь в выражениях:

- Sapete cosa sono questi? (Как по-вашему, что это?)

- Soldi. (Звонкая монета.)

- Sbagliato. Sono la prova che voi siete un coglione.

- Это доказательство того, что вы олух царя небесного. [\[1, с.10\]](#)

С Эрве Жонкуром, с которым его связывали доверительные и дружеские отношения, он еще более остер на язык. И когда тот его спрашивает, где найти переводчика с японского, то он отвечает, чтобы спросил самого себя, ведь он стал «японцем». А также свободно использует в своей речи обценную лексику типа восклицания «merda» («черт»), «idiota» («идиот»). Он прямо высказывает свое мнение по поводу парка Эрве в свободной разговорной манере:

Non è un granché come parco.

Парк-то не сказать, чтобы ах. [\[1, с. 39\]](#)

Когда автор вводит непрямую собственную речь, делает некое краткое резюме того, что Бальдабью говорит на собрании всем шелководам, то он соблюдает этот ироничный стиль и небрежность в речи:

Baldabiu comunicò agli allevatori di Lavilledieu che Pasteur era inattendibile, che quei due italiani avevano già truffato mezza Europa, che in Giappone la guerra sarebbe finita prima dell'inverno e che Sant'Agnese, in sogno, gli aveva chiesto se non erano tutti quanti un branco di cagasotto.

Бальдабью объявил шелководам Лавильдьё, что Пастер не заслуживает доверия, что те двое итальяшек уже облапошили пол-Европы, что война в Японии кончится к зиме и что святая Агнесса спросила его во сне, а не сборище ли они бздунов. [\[1, с. 41\]](#)

Барикко показывает главенствующую роль манеры речи и, соответственно, звучания голоса не только в образе персонажа, но и указывает на наличие собственного голоса у природных явлений и всего, что окружает человека в жизни. В «Шелке» даже сама жизнь в обители этого странного, непонятого для европейского восприятия, японского правителя, стремящегося к полному уединению, имела свой голос с пониженной тональностью. Именно голос определяет ритм жизни, ее динамику и взаимосвязи внутри этого закрытого от посторонних глаз мира. Музыкальный термин «sotto voce» - вполголоса, это намеренное понижение громкости исполнения, чтобы дать акцент произносимому. Звучание голоса приглушается для придания большей выразительности эмоций и чувств, что соответствует авторской интенции передать звучание жизни:

La vita brulicava **sottovoce** (в оригинале - копошилась впоголоса), si muoveva con una lentezza astuta, come un animale braccato nella tana. Il mondo sembrava lontano secoli.

Переводчик использовал общелитературный синоним:

Прочая жизнь кипела приглушенно, копошась украдкой, точно загнанный в логово зверь. Мир будто отдалился на века. [\[1, с. 23\]](#).

Неоднократные упоминания о письме-подделке от юной японской леди подчеркивают важность сочетания произносимого, услышанного и увиденного. Иероглифы в нем напоминали «un catalogo di orme di piccoli uccelli», «каталог миниатюрных птичьих лапок», и были тоже разновидностью голоса – «senere di una **voce bruciata**», «прах сгоревшего голоса». И у голоса «птичек-малюток» – иероглифов – был неясный плохо различимый тембр, причем, для создания большей образности к звучанию добавляется зрительная ассоциация:

In trasparenza, le orme dei minuscoli uccelli parlavano con **voce sfocata**.

Перевод в этом случае образный, в оригинале – «нечеткий» голос:

На просвет следы птичек-малюток сливались в глухой, неразборчивый клекот. [\[1, с. 52\]](#)

В «Море-Океан» Барикко приписывает голосу и магическую составляющую – он может управлять человеком, как высшая сила. Так, голос Адамса стал помощником адмирала в игре в шахматы на собственную жизнь, в тяжелой схватке с разбойником, который захватил Лангле. Благодаря сверхъестественным способностям Адамс узнал о том, что его благодетель попал в беду и управлял его действиями в шахматной партии и в поединке с бандитом. Он повелевал рассудком адмирала, проникнув в сознание Лангле и тот слышал «la puntuale guida **di quella assurda voce**», «тонкие подсказки странного голоса», который, «**la voce non gli lasciava tregua**», «не оставлял его в покое» [\[1, с. 112\]](#) до тех пор, пока адмирал не стал четко выполнять все указания, поверив, что это вещает некая высшая сила. И мудрость сосредоточена именно в голосе, «quando sentì **la voce suggerirgli in modo perentorio**», способном «упредить» во всем [\[1, с. 112\]](#) и способном, «**la voce taceva**», «онеметь» (или умолкнуть) [\[1, с. 113\]](#), как человеческое существо.

В описанном эпизоде человеческий голос трансформировался в Божий глас и направлял попавшего в беду, помогал спастись. Но он обладает и более обыденной функцией – голос способен дарить спокойствие, прозвучав рядом в момент испуга или волнения, подав знак, что человек готов оказать поддержку другому, успокоить его лишь своим присутствием:

... sarebbe bastata **la voce** di Padre Pluche, anche **solo la voce**.

... и тогда достаточно будет голоса падре Плюша, одного его голоса. [\[1, с. 116\]](#)

В «Море-океан» человек равнозначен голосу, а голос человеку. Когда исчезают голоса, то ничего не остается:

Non un rumore, **non una voce**, niente».

Ни шороха, ни звука (перевозчиком использован синоним), ничего. [\[1, с. 225\]](#)

Помимо голосов в романах «Шелк» и «Море-Океан» постоянно именно «звучит» тишина. Согласно Барикко, «solo il silenzio lo sarebbe, musica, esatta musica», «тишина и есть музыка, чистый звук» [\[1, с. 173\]](#). Проанализировав текст оригинала в аналитической программе для текстов «Voyant tools», становится видно, что слово «voce» («голос») появляется в текстах каждого из рассматриваемых романов более пятидесяти раз и каждый раз перемежается с «silenzio» (тишина), сопровождающей все события, происходящие в романе. Таким образом Барикко превращает романы в театральные спектакли, где зрители в полной тишине наблюдают за происходящим, слушая голоса

действующих лиц. Этот имплицитный прием автор подкрепляет определением происходящего – «spettacolo» («спектакль») и все происходящее в нем автор старается выразить как в театральном действии.

В «Шелке» Барикко рисует некий призрачный мир, иногда даже кажется, что тот существовал только в воображении героя. Он слишком неосязаемый, в нем почти нет звуков, чаще всего, в обители Хара Кэя его сопровождает тишина. А у девушки даже нет имени и можно только строить догадки кто она, жена или наложница правителя, и почему у нее нет восточного разреза глаз. Европейец, торговавший оружием, уверенно заявляет, что в Японии просто не бывает таких женщин. И главное - Эрве Жонкур никогда не слышал ее голоса, что придает ее образу иллюзорность и ирреальность. С помощью метонимии, педантично подобранных слов автор окутывает эту женщину тайной и ставит под сомнение само ее существование:

E un **silenzio strano**, intorno. Sentì la leggerezza di un velo di seta che scendeva su di lui. E le mani di una donna - di una donna - che lo asciugavano accarezzando la sua pelle, ovunque: quelle mani e quel tessuto filato di nulla. Lui non si mosse mai, neppure quando sentì le mani salire dalle spalle al collo e le dita - la seta e le dita - salire fino alle sue labbra, e sfiorarle, una volta, lentamente, e sparire.

А вокруг - непривычная тишина. Он ощутил лёгкое прикосновение шелковой вуали. И женских рук -женских, нежно обтиравших его кожу повсюду; тех самых рук и того шелка - сотканного из пустоты. Он не шевельнулся, даже когда руки взметнулись с плеч на шею, а пальцы - шелк и пальцы - дотянулись до губ, осторожно притронулись к ним, всего только раз - и растаяли. [\[1, с. 26\]](#)

Эта женщина лишь примета власти Хара Кэя – она всегда рядом с ним, полностью подчиненная его воли. А весь окружающий мир подчинен только его прихотям, люди в нем появляются и исчезают «как по волшебству», из «никуда», превращаясь в «ничто». И этот мир кажется невыразительным, как черты лица самого правителя, лишенным жизненной энергии:

Intorno era il **silenzio più assoluto**, e il vuoto. Come per un singolare precetto, ovunque andasse, quell'uomo andava in una solitudine incondizionata, e perfetta.

Кругом царила полная тишина и опустошенность. Куда бы ни направлялся этот человек, он, словно по особому предписанию, погружался в совершенное и безграничное уединение. [\[1, с. 25\]](#)

Неслучайно романы сопровождает тишина, как спектакли в театре. Она должна присутствовать для тонкости и глубины восприятия происходящего. «Море-океан» наполнен тишиной, которая становится декорацией происходящего десятки раз, она наступает не на мгновение, а всегда имеет протяженность временную и пространственную:

Silenzio.

Silenzio per minuti.

Тишина.

Затянувшаяся тишина. [\[1, с. 121\]](#)

Тишина становится осязаемой, когда мастера ткут шелковый гобелен для комнаты

Элизевин. Они делают это в абсолютной тишине, чтобы тишина вошла в сам материал, в переплетение нитей ткани – «**il silenzio** doveva entrare nella trama del tessuto», «тишина должна впитаться в самый уток» [1, с. 70]. Девушка была окружена тишиной в отцовском замке, который был застелен белыми мягкими коврами, поглощающие любой звук и «terra che non vuole parlare», вся «безмолвная» земля, принадлежащая барону, находилась «in mezzo a **questo silenzio**», «в середине тишины» [1, с. 101]. И переместилась она оттуда в другое царство тишины – таверну «Альмайер», которая ей наполнена несмотря на присутствие и общение людей между собой. Бартальбум пишет письма своей призрачной возлюбленной в тишине. Все диалоги перемежаются с молчанием, «altro imbarazzo, **altro silenzio**», выражая все новое замешательство в общении и ментальное состояние героев характеризуется «**nel silenzio più assoluto della mente**», «полной тишиной сознания» [1, с. 89]. Все рассказы Адамса сопровождаются молчанием Лангле и сосредоточенным слушанием, большинство событий тоже проходят в тишине. «**Silenzio.**», как номинативное предложение, часто вынесенное на отдельный абзац от текста, встречается в тексте восемнадцать раз, что также указывает на важность аспекта тишины в произведении.

Несомненно, что фундаментальными в романах «Шелк» и «Море-Океан» являются оппозиция говорящего и слушающего, слова и взгляда, звука и тишины. Основополагающую роль в рассмотренных произведениях играют человеческие голоса, к описанию которых автор подходит с особой тщательностью. Подобный фокус на индивидуальность человеческого голоса придает музыкальность литературному произведению и привносит философскую составляющую: когда пропадают человеческие голоса, то заканчивается самое существование. А существование человека, лишённого голоса, похоже на иллюзию и ставится автором под сомнение.

Барикко не только писатель, но и музыкант, телевизионный ведущий, поэтому постоянно стремится к лапидарности и музыкальности текста. Для передачи звучания слова он использует метонимию, этот литературный троп помогает раскрыть идею существования голоса внутреннего, способного выражать то, в чем человек боится признаться другим и самому себе. Выбрав синекдоху, для раскрытия значимости голоса, автор выстраивает логические цепочки и ассоциативные ряды, а в некоторых случаях добавляет с помощью данного литературного приема ироническую тональность.

Голоса в рассматриваемых романах часто являются обособленными от персонажей, отдельными действующими лицами, и звучат независимо от их воли. Голос в романах присущ не только людям, но и жизненным, и природным явлениям, жизни, написанному тексту. В свои тексты писатель добавляет элементы, имитирующие акустические и визуальные эффекты, что позволяет читателю выстраивать четкие зрительные, схожие с театральными, образы в своем сознании.

При сравнении с русскими версиями романов становится очевидно, что переводчик иногда уходит от точного перевода и прибегает к синонимам. В подобных случаях значимость голоса персонажа снижается, исчезает связующая нить, протянутая через все произведение. Однако в большинстве случаев переводчик следует замыслу автора сделать человеческий голос не просто одной из определяющих черт персонажа, а обособленным явлением.

Библиография

1. Барикко А. Шелк и другие истории. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. С. 5–232.
2. Петровский М. Синекдоха // Литературная энциклопедия: словарь литературных

терминов: в 2-х т., М., Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. С. 786.

3. Эко У. Поэтики Джойса / пер. с итал. А. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 496 с.

4. Baricco A. «Il Manifesto». Roma, *Pickwick, del leggere e dello scrivere*, 27.12.1994.

5. Baricco, A., *Oceano mare*, Milano: Rizzoli, 1993, 226 p.

6. Baricco, A., *Seta*, Milano: Rizzoli, 1996, 100 p.

7. Ferme V. Travel and repetition in the work of Alessandro Baricco: reconfiguring the real through the myth of the "eternal" return. *Italian Culture*, 2000. Vol. 18, N 1. pp. 49–69.

8. Tarantino E. Alessandro Baricco e la totemizzazione della letteratura». *Il Romanzo Contemporaneo. Voci Italiane*, ed. by F. Pellegrini, E. Tarantino. Leicester : Troubador Publishing, 2006 , pp. 79–92.

9. Zinato E. Baricco e il mare della banalità. *Allegoria*, 1993, N 15, pp. 153–154

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В данной рецензии рассматривается научная статья «Значение голоса в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан»». Статья посвящена актуальной теме в области чувственного синкретизма в современной итальянской литературе.

Статья состоит из введения, основной части, заключения и списка литературы.

Во введении автор указывает на особенности стиля автора, такие как минимализм и синкретизм, выбранные в качестве формы для передачи авторских смыслов.

Представлена также история двух исследуемых романов – «Шелк» (*Seta*) и «Море-океан» (*Oceano mare*).

Тема данного исследования является актуальной для современного итальянского переводоведения, так как позволяет подробнее рассмотреть и в дальнейшем улучшить качество переводов художественной литературы с итальянского на русский.

Основная часть статьи содержит описание проведенного автором анализа, а также полученные результаты. В заключении автор делает выводы и обобщает результаты своего исследования.

Новизна темы заключается в подходе к рассмотрению концепта «голос» в данных романах.

В качестве метода автор использует текстологический анализ. Сравнивается семантика и прагматика итальянского оригинала с его отражением в переводе на русский язык.

В результате анализа автор подчеркивает значимость концепта «голос» как компонента поликодового текст, и пишет, что «фундаментальными в романах «Шелк» и «Море-Океан» являются оппозиция говорящего и слушающего, слова и взгляда, звука и тишины. Основополагающую роль в рассмотренных произведениях играют человеческие голоса, к описанию которых автор подходит с особой тщательностью. Подобный фокус на индивидуальность человеческого голоса придает музыкальность литературному произведению и привносит философскую составляющую: когда пропадают человеческие голоса, то заканчивается самое существование. А существование человека, лишенного голоса, похоже на иллюзию и ставится автором под сомнение».

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Однако в статье имеются некоторые недостатки, в частности, не все переводы на русский язык оформлены грамматически верно (см. первый перевод «Пиквик, о прочтение и написание книг»), а также не проставлены пробелы в примерах из итальянского.

Статья написана в стиле в соответствии с критериями, предъявляемым к научным

статьям.

Объём статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя актуальные российские и зарубежные исследования по данной теме.

В целом, статья «Значение голоса в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в развитие современного литературоведения, текстологии и переводоведения. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена значению голоса в романах Алессандро Барикко «Шелк» и «Море-Океан». Отмечается, что «Алессандро Барикко не только одних из самых известных современных итальянских писателей, драматург, эссеист. Свою карьеру он начал как философ, пианист, обозреватель и ведущий, создатель рекламы. Его литературные произведения пронизаны взаимосвязями с другими видами искусства – музыкой, театральными постановками, телевидением. Авторский стиль Барикко обусловлен его обширной деятельностью, выходящей за пределы литературы». Все вышесказанное, по сути, и определяет актуальность данного исследования.

Теоретической основой работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как М. Петровский, У. Эко, V. Ferme, E. Tarantino, E. Zinato, посвященные особенностям творчества Алессандро Барикко, вопросам поэтики и пр. Библиография составляет 9 источников, в том числе 3 литературных. В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако такое количество источников недостаточно для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Кроме того, автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Материалом исследования послужили романы Алессандро Барикко «Шелк» (Baricco, Alessandro, Seta, Milano, Rizzoli, 1996) и «Море-Океан» (Baricco, Alessandro, Oceano mare, Milano, Rizzoli, 1993) и их переводы Геннадия Киселева, напечатанные в 2017 году (русский перевод цитируется по изданию: Барикко А., Шелк и другие истории, Москва, Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017).

Методология исследования определена поставленной целью и задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, методы социокультурного и интертекстуального анализа; собственно дискурсивный анализ, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) сформулировать выводы о том, что «Барикко не только писатель, но и музыкант, телевизионный ведущий, поэтому постоянно стремится к лапидарности и

музыкальности текста. Для передачи звучания слова он использует метонимию, этот литературный троп помогает раскрыть идею существования голоса внутреннего, способного выражать то, в чем человек боится признаться другим и самому себе. Выбрав синекдоху, для раскрытия значимости голоса, автор выстраивает логические цепочки и ассоциативные ряды, а в некоторых случаях добавляет с помощью данного литературного приема ироническую тональность». В отношении русскоязычных переводов романов Барикко, выявлено, что «переводчик иногда уходит от точного перевода и прибегает к синонимам. В подобных случаях значимость голоса персонажа снижается, исчезает связующая нить, протянутая через все произведение».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом его результатов в развитие таких современных научных направлений, как теория интертекстуальности, когнитивная лингвистика, прагматика; в изучение индивидуально-авторской картины мира Алессандро Барикко. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвистике текста, теории дискурса, стилистике, анализу и интерпретации художественного текста.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Франчук О.В., Деревскова Е.Н., Подгорская А.В. Представления о строении небесного свода в картине мира православного христианина X–XVII вв. (на материале канонических и апокрифических текстов) // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73149 EDN: HNHOKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73149

Представления о строении небесного свода в картине мира православного христианина X–XVII вв. (на материале канонических и апокрифических текстов)

Франчук Оксана Валерьевна

ORCID: 0000-0002-7645-0177

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 26, оф. 206

✉ oxana.franchuk@mail.ru**Деревскова Елена Николаевна**

ORCID: 0000-0001-5746-4656

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 26, оф. 206

✉ august1667@mail.ru**Подгорская Анна Вячеславовна**

ORCID: 0009-0000-4449-6691

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 26, оф. 206

✉ podgorsky_a@mail.ru[Статья из рубрики "Архаизм"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.2.73149

EDN:

HNHOKK

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2025

Дата публикации:

10-02-2025

Аннотация: В статье анализируется фрагмент религиозной картины мира восточных и южных славян, связанный с восприятием небесного пространства. Исследование проводилось на материале канонических библейских текстов и популярных в Древней Руси X-XVII вв. произведений, содержащих сведения о мироустройстве (Севериан Габальский «Шесть речей о мироздании / Шестоднев»; Иоанн Дамаскин «Богословие»; «Палей Толковая»). Изучение поля вербализаторов концепта «Небо» в текстах Священного Писания позволило выявить наличие нескольких значений существительного «небо». Библейские тексты содержат упоминания о составляющих небесного свода: тверди небесной, созданной во второй день Творения, и духовного невидимого неба – места присутствия Бога. Однако анализ исключительно классических библейских текстов и их комментариев не дал возможности выстроить структуру концепта «Небо» в христианской картине мира. По сей день спорными являются трактовки семантики и этимологии наименования «твердь» для обозначения небесного свода. В неканонических христианских текстах представления о неоднородности надземного пространства конкретизируются и иллюстрируются понятными для читателя примерами. Небо трактуется как плоскость, существующая параллельно земной поверхности; как купол, опирающийся на землю; как сфера, не имеющая опоры и удерживаемая только силой божественного замысла. Дифференциация неба на «сущее, видимое» и «небо небеси, превышнее небо» дополняется понятием границы, отделяющей материальный мир от высшего идеального мира. Перекрытие ассоциировалось с массами воды, превратившимися в лёд и похожими на хрусталь. Вербализаторами данных представлений выступали языковые единицы «твердь», «твердь небесная», «сгущение ледно». Следовательно, в древнерусской картине мира X-XVII вв., первый уровень неба мог выступать той самой «твёрдой» границей, которая отделяла материальный мир от высшего идеального мира. Научная новизна исследования определяется попыткой воссоздания концепта «Небо» в картине мира православного христианина X-XVII вв.

Ключевые слова:

картина мира, религиозная картина мира, строение небесного свода, концепт Небо, твердь небесная, небо видимое, небо небес, небо превышнее, Священное Писание, неканонические тексты

В современной лингвистике появились новые тенденции изучения концептуальных структур и выделения разных типов концептов. Одним из ментальных образований, характерных как для наивной, так и для религиозной картин мира, являются представления об устройстве мира и о месте человека в глобальной структуре Вселенной.

Русская модель мироустройства существенно изменялась в разные исторические

периоды. Доступные современной науке древнейшие письменные памятники не позволяют полностью воссоздать исконную славянскую космологию дохристианского периода. Возможно лишь частично реконструировать её на основе вторичных письменных, фольклорных и вещественных источников. После Крещения Руси представления славян о строении Вселенной были теснейшим образом связаны с христианским учением о сотворении мира и христианскими воззрениями о существовании Мира Земного и Мира Небесного. Однако истории о происхождении мира излагались в тех книгах Ветхого Завета, которые, по мнению учёных, не входили в число текстов, переведённых на старославянский язык в IX–XI вв. Первые переводы всех книг ветхозаветного канона были сделаны только в XV в., а полный Синодальный перевод текстов Священного Писания был выполнен в XVIII в. Можно предположить, что знакомство с христианской космологией осуществлялось в школах, открытых при храмах и монастырях после принятия нового вероучения. Возможно, предания о строении Вселенной приносили из дальних земель путешественники и паломники: рассказы о мироустройстве могли быть частью духовных стихов и былин, исполняемых странниками и каликами перехожими. Кроме того, после принятия христианства на Русской земле стали появляться не только канонические христианские тексты. Древнерусским книжникам были известны и апокрифические произведения, материалы по астрологии, гаданиям и медицине. Несмотря на запреты этих книг Православной церковью, в Древней Руси развивались сокровенные мысли о космосе и месте человека в нём. Объектом нашего исследования стали языковые единицы, репрезентирующие представления славян о строении небесного свода. Материалом для анализа послужили канонические христианские тексты (книги Ветхого Завета и Нового Завета), памятники старославянского языка с текстами Евангелий, а также неканонические тексты, отражающие космологические представления X–XVII вв.

Охарактеризуем репрезентацию концепта «Небо» в текстах Священного Писания. Для восстановления фрагмента религиозной картины мира средневекового славянина необходимо в первую очередь обратиться к каноническим библейским текстам и определить специфику использования в них языковых единиц, репрезентирующих концепт «Небо».

Имя концепта – существительное **небо** употребляется в текстах Священного Писания в нескольких значениях. Во-первых, **небом** названа верхняя часть Вселенной, видимое воздушное пространство над горизонтом. Данное значение отражено в словарях, составленных на материале древнейших славянских памятников [1, с. 944]; [2, с. 359]. Примером подобного восприятия лексики **небо** служат строки одной из глав Второзакония «Все народы под всем небом» (Втор. IV:19), которые могут истолковываться как 'все народы под одним небом' или 'все народы на земле'. То же понимание существительного **небо** зафиксировано в Супрасльской рукописи: **ѡко кротѣкъ бѣше паче всѣхъ чловѣкъ. ниже подъ небесемъ** [3, с. 545].

Во-вторых, **небом** в библейских текстах именуется и воздушная сфера, в пределах которой располагаются Солнце, Луна, звёзды и другие небесные тела. Такие представления о семантике существительного **небо** нашли отражение в книгах Нового Завета и были зафиксированы в старославянских письменных памятниках: **солнце мръкнетъ. и луна не дастъ свѣта своего. и звѣзды спадѣтъ с нѣсе** (Матф 24:29) [4, с. 235].

В Библии **небом** может называться и невидимый, невещественный мир – святое место,

где присутствуют Бог и ангелы: «Тогда услышь с неба, с места обитания Твоего, молитву и прошение их и сделай, что потребно для них» (3-я Царств. 8:49); «Отьче наш иже еси на небесьхъ» (Матф. 6:9; Лк. 11:2).

Следует отметить, что для обозначения небесного свода в книгах Ветхого Завета и Нового Завета используются существительные **завеса** (Книга Иова 38:17), **полог** (Книга пророка Исаии 40:22), **свиток** (Откровение Иоанна Богослова 6:14) или устойчивое словосочетание **сосуды неба** (Книга Иова 38:37). Такое восприятие воздушной сферы отражает плоскостно-комарную концепцию мироустройства, согласно которой Вселенная состоит из плоской обитаемой суши, заселённой живыми существами, и атмосферы в виде свода или тонкой ткани, распростертой над сушей: «Он распростер **небеса**, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья» (Книга пророка Исаии 40:22); «Я – Мои руки распростирили **небеса**» (Книга пророка Исаии 45:12).

Согласно представлениям древних, небосвод имел форму купола или шатра и представлял собой некую плотную субстанцию. В Псалме Давида о Бытии сказано: «Одеваешься Ты светом, словно ризою, простираешь **небо**, как шатер кожаный» (Псалтирь 103:2). В Книге Иова говорится: «Ты ли с Ним распростирил **небеса**, твердые, как литое зеркало?» (Иов 37:18).

Возможно, данные представления отразились в обозначении небесного свода существительным **твердь** в текстах Священного писания. О втором дне сотворения мира читаем следующее: «И сказал Бог: да будет **твердь** посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И стало так. И создал Бог **твердь**; и отделил воду, которая **под твердью**, от воды, которая **над твердью**. И стало так. И назвал Бог **твердь** **небом**. И увидел Бог, что это хорошо» (Бытие 1:6-8).

В Полном словаре церковно-славянского языка указано, что **твердью** называется видимое пространство небесного свода, содержащее звёзды и «образовавшееся между различными шарами или телами во второй день творения» [5, с. 710]. Происхождение данного наименования Блаженный Феодорит объясняет консистенцией небесного свода или его плотным и стабильным состоянием «ибо оно составилось из жидкого существа вод, которое сгустилось и сделалось твёрдым» [5, с. 711].

По мнению современных толкователей Ветхого Завета, употребление лексемы **твердь** в данном контексте связано с особенностями Синодального перевода ветхозаветных книг с греческого и еврейского языков. Протоиерей А. Сорокин отмечает, что в исконном варианте указанные стихи первой главы Бытия содержали еврейское слово **ракиа**, которое буквально переводилось как 'купол', 'небосвод' или 'пространство'. «В греческом переводе появляется слово **стереома** со значением 'твердыня, крепость, опора'. Как видим, здесь присутствует момент твёрдости, надежности, какой-то фиксированности. Ведь в самом деле небосклон над нами представляется чем-то твёрдым, фиксированным, как потолок» [6].

Иерей Р. Посыпкин отмечает, что лексема **твердь**, функционирующая в библейском контексте в значении 'небо, космос', представляет собой метафору: «Твердью Бог называет космос потому, что, по сравнению с «ничем», которое было до начала творения, он (твердь, небо, космос) материален, то есть сотворён» [7].

Сложности с восприятием неба как тверди, объясняются тем фактом, что система концептов, отражающих догматы христианского вероучения, была заимствована русской культурой как единая целостная структура. Исследователь русского православного

дискурса Л. Н. Чурилина справедливо отмечает: «В задачи переводчика Священного Писания входило следование Истине, или адекватность концептосферы, а не адаптация к новой языковой системе и, что гораздо важнее, к исконному для носителей этого языка мировосприятию» [\[8, с. 380\]](#). При переводе с одного языка на другой наиболее сложным элементом текста выступают метафоры. Текст Священного Писания демонстрирует «высокую степень свободы от языка – он буквально пронизан метафорой, а потому не приемлет буквального прочтения» [\[9, с. 177\]](#). В связи с этим, выявление смысла данной метафоры требует привлечения специальных источников, содержащих как толкование самих библейских текстов, так и дополнительные сведения по истокам христианской космологии.

Несмотря на существование спорных трактовок семантики и этимологии наименования **твердь** для обозначения небесного свода, мы можем констатировать тот факт, что эта метафора была хорошо известна православным христианам и входила в поле вербализаторов концепта «Небо». Подтверждением служит фиксация устойчивого словесного комплекса **твердь небесная** / **тврѣдь (тврѣдьль) небесная** и словарями старославянского языка [\[2, с. 693\]](#); [\[10, с. 936\]](#); [\[11, с. 445\]](#); [\[12, с. 326\]](#), и словарями русского языка XIX–нач. XXI вв. [\[13, с. 394\]](#); [\[14, с. 662\]](#); [\[15, с. 535\]](#); [\[16, с. 488\]](#).

Для некоторых древних космологических мифов характерно представление о том, что существует несколько уровней небесного свода. Возможно, отголосками этих воззрений можно считать наличие формы множественного числа у существительного **небо**. В мифах и легендах народов мира речь идёт разном количестве небес (о трёх, семи, восьми или десяти).

Христианские учёные-богословы по сей день ведут споры о том, существует ли в библейских текстах упоминание о неоднородности небосвода и существовании в нём нескольких ярусов или ступеней. В классических библейских текстах не проводится чёткой дифференциации небесного пространства. Однако в творениях Отцов Церкви можно обнаружить высказывания о необходимости разграничения представлений о небе как идеальном Божественном мире и тверди небесной: «Там, на высоте небесной находится святое особое место вездеприсутствия Божия; там престол Его, там Он ходит по небесному кругу» (Книга Иова 22:14) [\[17\]](#). Следовательно, библейский текст позволяет констатировать наличие двух уровней или ярусов небесного свода. Один из них доступен человеческому взгляду, материален и похож на плотную крышу или купол. Второй уровень – духовное невидимое небо, непостижимое для человека.

Из этого следует, что в Ветхом Завете при описании второго дня сотворения мира речь идёт именно о низшем уровне небосвода (тверди небесной), а также о появлении на нём звёзд и светил на четвёртый день творения: «И сказал Бог: да будут светила **на тверди небесной** для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды. И поставил их Бог **на тверди небесной**, чтобы светить на землю» (Бытие 1:14-18).

Верхнее небо служит местом пребывания Бога и в христианской традиции именуется **Цѣсарьство (Цѣсарьствикъ) небесноу (небесьскоу), Цѣсарьство (Цѣсарьствикъ) Божь** [\[12, с. 354\]](#). С

представлениями о небесной обители Бога связана идея христианского рая, куда после смерти попадают люди, ведущие праведный образ жизни. Словари старославянского языка фиксируют устойчивые словесные комплексы для обозначения обитателей

высшего неба: **ангели небеснии, ангели божии, ангели господьни, ангели св#тии** 'бестелесные духовные существа, созданные Богом до сотворения видимого мира и человека', 'совершенные духовные создания, находящиеся на службе у Бога' [18, с. 43-47]; **вое (вои) небеснии (небесъции)** 'небесные воины, солдаты Бога в небесном царстве' [19, с. 86], **небесное воинство** 'ангелы, армия небесного царства' [1, с. 942], **силы небесные** 'силы небесные, ангелы' [1, с. 942].

В богословских сочинениях можно встретить идею о существовании третьего уровня небесного свода. Сторонники этой версии ссылаются на Послание апостола Павла: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба» (Второе послание коринфянам XII:2). Однако современные толкователи Священного Писания утверждают: «Апостол Павел не говорит, что существует три неба или три уровня небес. Во многих древних культурах люди использовали термин «небеса» для описания трёх различных «сфер» – неба, открытого космоса и духовных небес. Павел говорил, что Бог взял его на «Божественные» небеса, сферу обитания Бога» [20].

Следует признать, что ни классические библейские тексты, ни труды Отцов Церкви не дают однозначного ответа на вопрос о строении небесного свода и существовании одного или нескольких уровней небесной сферы.

Охарактеризуем, каким образом представления о небесных сферах отражались в неканонических текстах. На формирование картины мира православного христианина оказывали влияние не только канонические библейские тексты. Большую популярность на Руси имели апокрифы, которые удовлетворяли различным духовным запросам. Первые тексты апокрифических книг были переводами с греческого языка, но доказательством популярности апокрифов на Русской земле является проникновение апокрифических сюжетов в старообрядческую литературу, в народный духовный стих, а также включение некоторых апокрифических текстов в состав древнерусских летописных сводов и богослужебных сборников наряду с житиями христианских святых. Исследователи апокрифических текстов отмечают, что большинство апокрифов не противоречили канону, но по некоторым вопросам давали иные, отличные от ортодоксальной точки зрения трактовки. Поэтому «переводные древнерусские апокрифы могут служить основой для изучения народного миропонимания, а также для наблюдений за «обрусением» христианства, его приспособлением к местным, чисто русским условиям» [21, с. 8].

Многие списки апокрифов получили распространение в народной среде по причине того, что в них можно было найти простые и понятные ответы на вопросы, обойденные Священным Писанием, но интересующие православных христиан. Возможно, одним из таких важных для понимания вопросов и было существование одной или нескольких ступеней небесного пространства.

Уже в первых переводных апокрифах можно обнаружить сведения о строении мира, структуре небесного свода, разных уровнях небес и их обитателях.

Одним из апокрифических текстов, содержащих космологические воззрения, были «Шесть речей о мироздании», известные на Руси под названием «Шестоднев / Шестодневник» и принадлежавшие перу сирийского богослова, проповедника, епископа города Габалы Севериана. Севериан Габальский жил в к. IV–нач. V вв. н.э и входил в ближайшее окружение Иоанна Златоуста. Первые отрывки «Шестоднева» появились на

Руси в переводе Иоанна экзарха Болгарского в XII в., а полные варианты памятника датируются XV–XVI вв. На сегодняшний день известно более 50 списков текста Севериана, а также множество выписок и компиляций, свидетельствующих о большом значении изложенных в нём идей для древнерусской книжности.

В Слове первом «Шести речей о мироздании» автор даёт пояснения по поводу сотворения мира, а также говорит о появлении неба и небесной тверди:

**Въ пръвыи днь створи бгъ веществiа тваре^м. акъ^ж ѡбъ чтъ глѧ. нѣ^м
не сжще^е. не сiе же видимъе. но превышнее. нѣ^м сiе ви^мое втв^рын
днь створено бы^с. створи ѡбъ бгъ нѣ^м превышнее. акъ^ж двѧ глѧ^т. нѣ^м
нѣси г^сви превыше^ж сегѡ е^с**

[22, с. 96].

Севериан Габальский предлагает читателю понятный наглядный образ: он сравнивает Вселенную с домом или постройкой, у которой есть два верхних перекрытия – потолок и крыша. Высшее небо (**превышнее небо, небо небеси**) было создано в первый день творения и располагалось выше всего. На второй день Бог создал подобное перекрытию в середине пространства нижнее небо (**видимое**), над которым разместил воды. Видимое небо состояло из охлаждённых вод и представляло собой **сгущение льду**.

Именно **сущее небо, не горнее, но видимое небо** в библейской традиции именуется **твердь**. Автор «Шести речей о мироздании» приводит собственную этимологию данного наименования: **чсо ра^а нариче^т е тврѧ. поне^ж ѡ текѡщихъ вѡ оутвердѧ е** [22, с. 98].

О твёрдом предмете никогда не говорят «утвердился» или «отвердел»: **ѡбо глѧ^см ег^а текѡщее и слабо с^огустѧ^с. а т^врдое е^с. еже пѡ е^ствѡ не оумакченно и тв^рдо** [22, с. 103].

По мнению епископа Габальского, разлитые по тверди воды были призваны защищать ледовую твердь от жара небесных светил:

**ледено^б нѣ^м ѡ вѡ^а сгѡстивши^с. и поне^ж хотѧ^ш преематѧ. сѧичнын
пламе^н. лѡнын и звѣздын и бещислѧ^н мнѡ^т. и хотѧ^ш весь ѡгне^н
испо^аненъ быти. заеже не растаати^с ем^с ѡ горящины. или попанити^с** [22, с. 99].

Ещё одним предназначением вод, расположенных над ледяной твердь, было отражение солнечных лучей и света других небесных тел для освещения земной поверхности:

**не тѡк^м бо сѧюдаю^т нѣ^м. но и пламе^н сѧичнын и лѡнын двѡ^а спѡщаю^т.
аще бо бы ѡкрытѡ нѣ^м. всѧ зарѧ горѧ бы текла. нѣ^м ѡгне^н горѧ
текѡщъ сын. пѡстѡ бы земаю оставлѧ^а**

[22, с. 100].

Исследователь апокрифических текстов В. В. Мильков отмечает: «В данном случае Севериан воспроизводит утвердившееся в античной натурфилософии мнение, что весь свет по природе своей всегда идёт только вверх. Из его построений следует, что если бы не было тверди, отражающей лучи вниз, весь мир был бы погружен во мрак» [22, с. 88].

Пытаясь чётко дифференцировать понятия «видимое небо» / «высшее небо» и сделать их предельно понятными для читателя, Севериан Габальский сравнивает небесный свод с головой. Первое (высшее) небо в тексте памятника уподобляется невидимому для человека мозгу, а второе небо (твердь) вызывает ассоциации с доступным для зрения и расположенным над видимым языком нёбом (горизонтальной перегородкой, разделяющей полость рта с полостью носа):

посмотри ѱѡ главѣ свѡю и приложи є нѡ горнее• таже надъ языко^м
држгѡе нѡ• еже є^с твер^аь ... и паки гѡрѣ в неви^мыхъ• главныи съста^в
невиди^м а в доли^нхъ язы^к види^м• тако^ж нѡ горнее в разѡмны^х єсть• а
дѡланєє въ глѣмынхъ

[22, с. 100].

Описывая структуру небесного свода, Севериан Габальский приводит разные версии о
форме и составе неба:
створи^ж нѡ• не крѹглова^{тѡ} тако^ж любом^арствѡ^т сжєслѡвци• не бо створи^и
є в' крѣ^г ва^алющєса• но такоже рє^ч прр^ок^ъ• створивыи нѡ тако кѡмарѡ^ѡ
и прѡстер^ь є тако ажє• нѡ никто^ж на^с єсть сице нечєстивѡ^ѡ• тако
вѣрѡва^{тн} сѡєсловцє^м• иже глѡ^т тако на^члѡ и кѡнєць има^т нѡ

[22, с. 101].

Автор «Шести речей о мироздании» приходит к выводу о куполообразной (комарной)
форме неба первого дня творения и плоской форме небесной тверди. Он доказывает,
что небесные светила движутся по горизонтальной траектории и никогда не
перемещаются под Землёй. Рассуждения Севериана Габальского позволяют
рассматривать его взгляды в русле плоскостно-комарных космологических концепций,
известных древнерусским книжникам в XII–XVII вв.

По мнению исследователей апокрифических текстов, уже в домонгольскую эпоху на Руси
получили распространение геоцентрические идеи мироустройства. Основными
проводниками геоцентрического мировоззрения стали тексты одного из крупнейших
систематизаторов христианского догматического богословия VIII в. Иоанна Дамаскина.
Произведения Иоанна Дамаскина были переведены на старославянский язык в к. IX–н.
X в. Иоанном экзархом Болгарским и в XII в. пользовались популярностью у
древнерусских книжников.

В богословско-философском трактате «Источник знания», который в древнерусской
традиции был известен под названием «Богословие», истолковывается достаточно чётко
выстроенная геоцентрическая схема мироустройства и характеризуются все элементы
Вселенной. Особое место в тексте трактата отводится описанию надземного пространства
(глава «О небе»).

Иоанн Дамаскин подробно останавливается на разных трактовках понятия **небо** в тексте
Священного

Писания:

да поне^ж оубо нѡ рє^ч писанне и нѡ не^сное• и нѡса не^снага• и до
третиаго нѡси• бж^гныи павелъ всх^тив^с рє^ч• глѣмь тако всєи твари бы^тю
нѡси творенне приах^о• ємоу^ж внѣшнии мѹдри безъ звѣздъ крѣ^г рѣша•
монсѣвага створиши сказанна

[23, с. 61].

Крайней границей материальной сферы, доступной для человеческого восприятия, автор
«Богословия» считает второе небо или твердь. Систематизатор текстов Священного
писания приводит разные точки зрения на состав тверди небесной: она может быть
подобной дыму (**тѣнько яко дымъ**), иметь структуру заледеневшей воды (**єтери же
водѣноюю твѣрьдъ**) либо состоять из особого вещества – эфира (**пятоую плѣть инакоу
разве четыре вещи**).

Однако помимо двух уровней небес Иоанн называет ещё одну сферу, расположенную
ниже небесной тверди и обозначаемую греческим термином «уранос»:
ксть ж оубо нѡ не^сное• первое нѡ верху сы твѣрьди• да то двѣ нѡси
и твердъ бо рє въ нѡ• ѡбичєно же бж^гтвѣном писанию и въздуха нѡ
нарековати• им же зри^м горѣ• оураносъ бо съказаетъ^с єлиньски и горѣ
зрѣнне

[23, с. 65]. В

переводе с греческого языка Οὐρανός означает 'небо', но в греческой мифологии уранос представлял собой небесное пространство, заселённое богами.

В космологической концепции Иоанна Дамаскина Земля располагалась в центре мироздания на равноудалённом расстоянии от небесной сферы. В свою очередь, небесное пространство имело шарообразную форму (**объло есть небо**) и двигалось по кругу (**кругъмъ же глаголетъ небо грядеть**).

Наряду с толкованиями трёх видов небес в текстах Дамаскина можно обнаружить рассуждения о существовании семи поясов надземного пространства, на которых располагались планеты:

•З• поясъ мѣна^т нѣси• дрѹтъ дрѹга вышши• глѣтъ ... ти на коемъжѣ^о
поясѣ единѣ ѿ плани^т •З• плани^т рѣша быти• слѣнце• лѹнѹ• дню• ерміа
ареа• афродити• и крона• афродитѣ же глѣють• иже ѿвогѣ^а дѣйница•
ѿвогѣ^а же заходнѣ^т бывае^т

[23, с. 63]. Автор

трактата излагает собственную версию происхождения наименования *планета*. Как известно, греческое слово πλανήτης, буквально означающее 'блуждающая', образовано от глагола πλανῶμαι 'блуждать' [24, с. 78]. Иоанн Дамаскин утверждает, что небесные тела названы блуждающими из-за особенностей траектории их движения, противоположного движению неба:

плани^т же а зовѹ^т им же сѹпротив нѣси шестьѣ творѣт• нѣси бо и
дрѹгнѣ^м звѣзда^м ѿ востока на запа^а грядѹщнѣ^м• ти единнѣ ѿ запада на
всхо^а шествнѣ^т нмѹ^т

[23, с. 63].

Дошедшие до нас переводы трудов Иоанна Дамаскина не позволяют выстроить чёткую концепцию устройства небесного свода, характерную для философии этого христианского богослова. В разных разделах трактата «Источник знания» можно обнаружить рассуждения и о трёх (или четырёх) небесных сферах, и о семи поясах небесного пространства.

Уникальным памятником древнерусской средневековой книжности является «Палей Толковая», созданная древнерусским автором в XIII в. и дошедшая до нас в списках XIV–XVII вв. По мнению исследователей, «Палей» представляла собой древнейшую энциклопедию, в которой рассматривались проблемы устройства Вселенной, природы человека и границ его познания, а также толковались бытийные и исторические сюжеты Ветхого Завета. Автор памятника опирался на тексты Священного Писания, апокрифические произведения, труды Отцов Церкви и тексты христианской церковной литературы XI–XII вв. Исследователь апокрифических текстов В. В. Мильков отмечает: «Русский грамотник, вообще-то говоря, познавал библейскую историю не по Библии, а главным образом через «Палею», в которой каноническая стихия уравнивается поэзией отречённых книг» [25, с. 7]. Таким образом, анализ «Палеи Толковой» позволяет выявить особенности представлений об устройстве мира, характерные для сознания средневекового христианина.

Начало сотворения мира описывается в тексте памятника следующим образом:

бѣтъ прѣ^ж всѣхъ вѣ^к ни начала имѣа ни конца ꙗ^к бѣтъ силе^и• первое сътвори
агглы своѣ дѹхъ и слѣги своѣ ѿгнь палащѣ

[22, с. 168].

Автор подчёркивает, что ангелы появились в самом начале сотворения мира и поэтому они были очевидцами всех последующих актов творения. Именно упоминание об ангелах, представляющих собой начальное творение Бога и созданных вместе с небом небес, отличает текст «Палеи» от канонического библейского сюжета:

паже пребл҃гыи мл҃твыи б҃ѣ помысли сотворити ннаго мира земна• тако велики монсїи начинае҃т гла в на҃лѣ сътвори б҃ѣ нѣбо и землю• въпрашаю же тебе жи҃ювине• почто монсїи аг҃лаѣ не нача повѣдати• но протече единѣм҃ѣ словѣм҃ скоро мно҃жество вышних҃ си҃а но ѡ нѣси и земан начинае҃тъ

[22, с. 168].

Созданные в первый день творения высшее небо и ангелы представляют собой нематериальные сущности, непостижимые для человеческого восприятия. Единственная черта, которой они обладают – ослепительная светлость: то оубо нами не видимо е҃• просвѣтлоу҃тася па҃сїица [22, с. 173]. И ангелы, и небо небес интерпретируются текстом «Палеи толковой» как высшая реальность. Однако для автора Палеи, как и для любого христианского мыслителя, наивысшей безусловной духовной сущностью выступает Бог-Творец.

Ангелы способны повелевать природными явлениями и погодными условиями:

а҃г҃лаи ѡблакѣм҃ а҃г҃лаи мракѣм҃• а҃г҃лаи градѣм҃ а҃г҃лаи ледѣм҃• а҃г҃лаи мьглам҃• а҃г҃лаи голо҃те҃м҃• а҃г҃лаи ннью• а҃г҃лаи мразоу҃• а҃г҃лаи роса҃м҃• а҃г҃лаи глсѣм҃• а҃г҃лаи мо҃нниа҃м҃• а҃г҃лаи громоу҃• а҃г҃лаи зноєви• а҃г҃лаи зимѣм҃• лѣ҃тѣм҃ веснѣм҃ ѡсени• и всѣм҃ зданїем҃ъ его

[22, с. 175].

Ангельские сущности занимают промежуточное положение в небесной иерархии: с одной стороны они обладают нематериальной природой и приближены к Богу, а с другой – могут действовать в материальном мире, управляя стихиями и проявлениями погоды.

Ангельские силы имеют строго определённую иерархию и объединяются в группы и порядки – и вса чиноначалїа слѣжаще и трепещуще страшныа слѣвы лица г҃а [22, с. 174].

Все субъекты ангельской иерархии выполняют волю Всевышнего и именуются в тексте

П а л е и **служебными** **духами:**

сѣт же ѡбо слѣжебнии дїи на слоужбѣ посылаеми ... всѣм҃ зданїем҃ъ его [22, с. 175].

Опираясь на тексты апокрифов, автор «Палеи Толковой» противопоставляет лишённое физической материальности превышенное небо первого дня творения небесной тверди, созданной

и по семѣ ре҃ б҃ѣ да боуде҃тъ твердь• днѣ б҃ѣ и авне съгоустиса соста҃ ледовны аки хрѣсталь• того ради твердь наре҃ понеже ѿ житки҃х во҃а и сла҃ки҃х тѣ оутверди тако҃ бо ды҃мѣ древа и ѡгнь исхода рѣ҃тко и слабо• тако҃ востече на высоту҃• тако оубо во҃ное е҃ство житко и рѣ҃тко сѣще• но б҃ѣ возне҃с и оутверди• и постави на горѣ҃х• аки ледовидна сѣще

[22, с. 176].

В представленной космологической системе твердь символизирует границу, отделяющую материальный физический мир от высшего идеального мира. Продолжая идеи, изложенные в других апокрифических текстах, автор «Палеи Толковой» сравнивает твердь с перекрытием, разделяющим части здания: и си же оубо твердь• на ню же взираеще е҃сме тако ле҃а и тако҃ и преграда посре҃м҃ полаты премощена бывае҃тъ

[22, с. 180].

При этом в тексте указывается, что ледовая твердь не имеет опоры, а удерживается только силой Творца.

Ледовая твердь разделяет водную стихию на воды земные и воды небесные. В пространстве вод, расположенных под твердью, хоташе вл҃ка свѣтланики ты счинити и поставити ... сл҃нце҃м҃ и л҃нѣм҃• и звѣзды мно҃жество бѣ҃численое

[22, с. 176].

Разлитые над твердью воды должны выступать вселенским охладителем и остужать жар светил, двигающихся в небесном пространстве: **и бесчеленныа ты воды тако излишествоую^т нб^еномъ т^блоу мокрота[•] [•]ако^ж не токмо брань могу^т терпѣти ѿ теплоты нсходящыа ѿ множества свѣтиани^к• но ѿ избыточны мокроты роса^т на землю** [22, с. 177].

Автор памятника вступает в полемику со сторонниками идей геоцентризма и изображает пространство Земли плоским, а твердь неподвижной: **г^лють бо нѣцыи баснословцы[•] [•]ако по^а землею тече^т с^лнце и луна с прочыми звѣздами[•] мнѣша крѹглообра^тноу быти нѣоу[•] но писаніе же не тако ны оучи^т• но и томоу самомоу нѣоу никакѡ^ж движи^моу ѿ вѣсто^к к^ъ запа^аоу ни крѹглообрѣтенѣи бо быти тверди** [22, с. 202].

Смена дня и ночи объясняется круговыми движениями Солнца в горизонтальной плоскости. В течение дня светило обходит всё земное пространство, затем скрывается за туманами в северной части поверхности, а на Землю ложится ночная тень.

В тексте Палеи автор не соглашается и с теми мыслителями и богословами, которые проповедуют идею множественности небес, доказывая свою версию словами пророка Давида: **нѣса исповѣдають славоу б^жію** [22, с. 180]. Создатель палейного текста утверждает, что, во-первых, в данном контексте речь идёт об апостолах; во-вторых, в греческом и еврейском языках зачастую на месте форм единственного и двойственного числа можно встретить формы множественного числа (примером может служить обозначение города Афины). В «Палее Толковой» с опорой на тексты Священного Писания отрицается многоуровневая трактовка небесного свода: **сп^съ н^шъ своею бл^гт^ію ѿкрывае^т недовѣдомы^х во іева^гл^ин г^ла нѣо и земля мимо иде^т• а словеса моа не имоу^т прентти[•] и паки рече^т кто взыде^т на нѣо токмо шедыи** [22, с. 181].

Следует отметить, что отрицая наличие нескольких поясов надземного пространства, автор Палеи говорит прежде всего о структуре высшего неба (**неба небеси**).

В тексте «Палеи Толковой» можно обнаружить развитие идей Иоанна Дамаскина о существовании планет и плавающих звёзд, каждая из которых движется в собственном небесном поясе: **ѿ плани^т• еже пояси аерьстин[•] на а^а плани^тѣ звѣзда аерри^с• на в^в плани^тѣ звѣзда арми^с• на г^г плани^тѣ звѣзда зеве^с• на д^д плани^тѣ с^лнце• на е^е плани^тѣ звѣзда а^фродить ... на з^з плани^тѣ звѣзда крон^ъ на ѿ плани^тѣ луна** [22, с. 233].

Анализ текста «Палеи Толковой» позволяет утверждать, что автор был прекрасно знаком с произведениями сторонников разных космологических школ и на страницах Палеи он излагает идеи как плоскостно-комарной, так и геоцентрической трактовок мироустройства. Несмотря на неканоническую трактовку ряда библейских сюжетов и прямые отсылки к апокрифическим текстам, «Палея Толковая» всегда считалась книгой истинной и отождествлялась со Священным Писанием: «Русский грамотник познавал библейскую историю не по Библии, а главным образом через «Палею», в которой, по меткому выражению Н. С. Тихонравова, «каноническая стихия уравнивается поэзией отреченных книг» [25, с. 8].

Таким образом, первые представления о мироздании ограничивались познаниями древнего человека и охватывали прежде всего доступный взгляду обитаемый мир, заселённый людьми и прочими живыми существами. Наблюдения за воздушной сферой,

расположенной над обитаемым пространством, со временем привели к выводам о неоднородности атмосферы. Человек видел Солнце, Луну, звёзды и осознавал, что эти физические объекты располагаются на небе. Небесный свод конечен, имеет форму купола и соприкасается с земной поверхностью вдоль линии горизонта.

Распространение религиозного мировоззрения приводит к включению в модель мироустройства и представлений «другом» мире, неизведанном, внушающем страх и благоговейный трепет. Большинство космологических концепций размещают представителей идеального (невещественного) мира на возвышенностях или на небе.

Место обитания божеств не могло располагаться в одной плоскости с физическими объектами, хоть и удалёнными в пространстве, но доступными человеческому взору. Не случайно и в классических библейских текстах, и в текстах неканонических противопоставляются небо «сущее, не горнее, но видимое» и небо небесное, «не сущее, не видимое, но превышнее». Данное противопоставление кажется нам принципиально важным для реконструкции концепта «Небо» в религиозном сознании православных христиан.

В неканонических источниках нет однозначных трактовок облика воздушного пространства над земной поверхностью. В проанализированных нами памятниках небо 1) представляет собой плоскость, существующую параллельно земной поверхности; 2) описывается как купол, опирающийся на землю; 3) выглядит как сфера, не имеющая опоры и удерживаемая только силой божественного замысла; 4) имеет шарообразную форму и движется по кругу.

Фрагмент религиозной концептосферы X–XVII вв., связанный с представлениями о неоднородной структуре небесного свода, мог включать и метафорические образы из известных в Древней Руси апокрифических текстов. Примеры таких образов зафиксированы в произведении Севериана Габальского «Шесть речей о мироздании». Вселенная уподобляется постройке с двумя перекрытиями: высшее небо автор сравнивает с крышей строения, а видимое небо – с потолком. В том же памятнике проводится аналогия небесного свода с головой: небо небес приравнивается к невидимому для человека мозгу, а «сущее» небо отождествляется с доступным для зрения и расположенным над видимым языком небом.

Концепт «Небо» в сознании христиан Средневековья имел в своём составе и понятие о некой границе (перекрытии), разделяющей части небесного свода и изолирующей мир земной от мира небесного. Согласно библейским сюжетам, истолкованным и дополненным в апокрифах, «превышнее» небо вместе с ангелами появилось в первый день Творения. Во второй день Бог создал подобное перекрытию нижнее видимое небо, которое разделяло водную стихию на воды земные и воды небесные. Водные массы должны были защищать земное пространство от жара небесных светил и отражать свет небесных тел для освещения земной поверхности. По мнению средневековых авторов, пограничная субстанция имела структуру застывшей воды («сгущение ледно», «состав ледовный», «аки хрусталь», «от текущих вод отвердело»). Вербализаторами данных представлений выступали языковые единицы «твердь», «твердь небесная», «сгущение ледно». Характерно, что в некоторых текстах указанные единицы могли обозначать и первый уровень небесного свода, доступный человеческому восприятию. Следовательно, в древнерусской картине мира X–XVII вв., первый уровень неба мог выступать той самой «твёрдой» границей, которая отделяла материальный мир от высшего идеального мира.

Библиография

1. Старобългарски речник: в 2 т. Т.1 / Българска академия на науките; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов», 1999. 1028 с.
2. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
3. Супрасльская рукопись / трудъ С. Северьянова // Памятники старославянского языка. Т. II. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1904. 570 с.
4. Мариинское четвероевангелие / Памятник глаголической письменности / трудъ И. В. Ягича. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1883. 607 с.
5. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): в 2 т. / сост. священник магистр Г. Дьяченко. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998.
6. Сорокин, А. Твердь небесная помогает нам провести твердую границу между добром и злом / А. Сорокин // Град Петров. Радио Санкт-Петербургской митрополии URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/tverd-nebesnaya-pomogaet-nam-proves/>
7. Посыпкин, Р. Почему небо – это твердь? / Р. Посыпкин // Журнал «Фома». 11.11.2019. URL: <https://foma.ru/pochemu-nebo-eto-tverd.html>
8. Чурилина, Л. Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления / Л. Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 377–383
9. Чурилина, Л. Н. Заимствованная метафорика на начальном этапе формирования русской православной концептосферы / Л. Н. Чурилина // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С. Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 175–186.
10. Старобългарски речник: в 2 т. Т.2 / Българска академия на науките; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов», 2009. 1327 с.
11. Словарь старославянского языка. Репринт. изд.: в 4 т. Т. 4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 1054 с.
12. Фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой. М.: Флинта: Наука, 2011. 424 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 704 с.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1502 стб.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Фёдоров. Новосибирск: Наука, 1995. 780 с.
16. Фразеологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 2 / сост. А. Н. Тихонов. М.: Наука, 2004. 832 с.
17. Что такое Небо и Царство Небесное. О небе и небесах // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/nebo/>
18. Большой фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой. Т. 1. М.: Флинта, 2020. 552 с.
19. Большой фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой. Т. 4. М.: Флинта, 2024. 680 с.
20. Существуют ли различные уровни небес? // Библия Онлайн. URL: <https://only.bible/qa/327-levels-heaven/>
21. Мильков, В. В. Древнерусские апокрифы. Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. I. / В. В. Мильков. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. 893 с.
22. Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 Ч. Ч. 2. Тексты

плоскостно-комарной и других космологических традиций / под ред. В. В. Милькова, С. М. Полянского. СПб: Издательский дом «Мирь», 2009. 624 с.

23. Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 ч. Ч. 1. Тексты геоцентрической традиции / под ред В. В. Милькова, С. М. Полянского. СПб: Издательский дом «Мирь», 2008. 650 с.

24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. Пер.с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 3-е изд. СПб.: Терра-Азбука, 1996. 833 с.

25. Мильков, В. В. Картина мира в Палее Толковой / В. В. Мильков. // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41. № 3. С. 7–23.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает концепт «небо» в картине мира православного христианина X–XVII вв. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена, во-первых, повышенным интересом ученых к лингвистической концептологии, в т. ч. к религиозной концептосфере и репрезентирующей ее лексике (концепт исследуется как элемент лингвокультурологии или культурологии, национальной языковой картины мира и религиозной картины мироздания); во-вторых, местом концепта «небо» в картине мира православного христианина («одним из ментальных образований, характерных как для наивной, так и для религиозной картин мира, являются представления об устройстве мира и о месте человека в глобальной структуре Вселенной»).

Теоретической основой работы выступили труды таких российских исследователей, как В. В. Мильков, С. М. Полянский, Л. Н. Чурилина, Р. Посыпкин, А. Сорокин и др. Библиография статьи насчитывает 25 источников, в том числе 12 – лексикографических (Словари старославянского языка, Фразеологические словари старославянского языка, русского литературного языка, Этимологический словарь русского языка М. Фасмера, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля и др.). В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Также считаем, что обращение к фундаментальным трудам по лингвистической концептологии (В. И. Карасика, Ю. С. Степанова, И. А. Стерина, З. Д. Поповой, Г. Г. Слышкина и др.), несомненно, усилило бы теоретическую базу работы. Эмпирическим материалом послужили канонические и апокрифические тексты. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, контекстуально-интерпретационный метод, метод социокультурного и дискурсивного анализа и др.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили сформулировать ряд выводов относительно представлений о строении небесного свода в картине мира православного христианина X–XVII вв. Автор(ы) замечают, что «место обитания божеств не могло располагаться в одной плоскости с физическими объектами, хоть и удалёнными в пространстве, но доступными человеческому взору. Не случайно и

в классических библейских текстах, и в текстах неканонических противопоставляются небо «сущее, не горнее, но видимое» и небо небесное, «не сущее, не видимое, но превышнее».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом его результатов в развитие теории концептуального анализа; религиозной концептосферы; религиозного дискурса. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лексической семантике, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, дискурсивной лингвистике и лексикографии. Данная работа, безусловно, будет полезна научному сообществу в дальнейших исследованиях религиозной концептосферы и религиозной картины мира.

Представленный в рукописи материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шляпов И.В., Титовнина Е.И., Гурушкин П.Ю. Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях: перспективы и риски // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73198 EDN: IVVXIQ
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73198

Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях: перспективы и риски

Шляпов Иван Викторович

магистр; институт промышленного менеджмента, экономики и торговли; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

194021, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Новороссийская, 50, ауд. 2702

✉ 7505427@mail.ru

Титовнина Елизавета Ильинична

магистр; институт "Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций"; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, ауд. 709

✉ titovkina@toagentstvo.ru

Гурушкин Павел Юрьевич

ORCID: 0000-0001-6980-0573

кандидат политических наук

доцент; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73198

EDN:

IVVXIQ

Дата направления статьи в редакцию:

29-01-2025

Дата публикации:

16-02-2025

Аннотация: В статье рассматриваются технологии искусственного интеллекта (ИИ) в сфере цифровых Human Resources (HR)-коммуникаций, их перспективы и риски. Объектом исследования являются цифровые HR-коммуникации, а предметом – применение технологий ИИ в управлении персоналом и оптимизации HR-процессов. Исследуется влияние цифровизации на процессы подбора, адаптации, обучения и удержания сотрудников, а также анализируются преимущества и недостатки внедрения ИИ в HR. Приводятся примеры отечественных и зарубежных платформ, использующих алгоритмы машинного обучения для автоматизации рекрутинга, прогнозирования текучести кадров и персонализации корпоративного обучения. Выявлены барьеры, замедляющие интеграцию ИИ, такие как высокая стоимость, необходимость адаптации и сложность работы с большими данными. Указывается на стратегическую значимость цифровой трансформации HR для повышения эффективности бизнеса. Рассматриваются перспективы развития российских HR-решений в условиях технологической конкуренции и государственной поддержки. В данной статье используются методы анализа, сравнения, прогнозирования, обобщения, а также изучение статистических данных. Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе возможностей и рисков внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу цифровых HR-коммуникаций. В исследовании рассмотрены современные тенденции использования ИИ в управлении персоналом, проанализированы отечественные и зарубежные платформы автоматизации HR-процессов, а также выявлены ключевые барьеры цифровизации кадровых подразделений российских компаний. Сделаны выводы о том, что внедрение ИИ позволяет значительно повысить эффективность HR-процессов, сокращая временные и финансовые затраты. Западные компании более активно применяют ИИ в рекрутинге, обучении сотрудников и анализе данных, в то время как российские предприятия только начинают адаптировать подобные технологии. Основными барьерами цифровой трансформации HR в России остаются высокая стоимость разработок, необходимость адаптации иностранных решений и недостаточная цифровая зрелость компаний. Однако государственная поддержка отечественных IT-продуктов может способствовать ускорению цифровизации HR-процессов. В перспективе успешная интеграция ИИ в HR-коммуникации обеспечит компаниям конкурентные преимущества за счет оптимизации рабочих процессов и повышения мотивации сотрудников.

Ключевые слова:

HR, Коммуникации, Медиакоммуникации, Управление коммуникациями, Цифровые коммуникации, Искусственный интеллект, Медиатизация, Автоматизация, Машинное обучение, Информационные технологии

Самым ценным ресурсом в любой коммерческой организации являются люди. Именно от сотрудников компании зависит эффективность применения других видов ресурсов. Отбор, адаптация, обучение кадров являются одними из первостепенных задач, от решения которых будет зависеть вся система коммуникаций компании, независимо от масштаба и сферы деятельности. Объектом исследования являются цифровые HR-коммуникации, а предметом – применение технологий ИИ в управлении персоналом и оптимизации HR-процессов. Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе возможностей и рисков внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу

цифровых HR-коммуникаций.

С появлением цифровых технологий и внедрением их на предприятия компаниям удалось достичь значимого прогресса в отлаживании собственных производств, однако и сам подход к ресурсам, в том числе и человеческим, не мог избежать влияния инновационных продуктов, направленных на оптимизацию работы с персоналом. Очевидно, что внедрение цифровых технологий уже является необходимостью, поэтому вопрос их активного внедрения становится все более острым среди HR-специалистов и руководителей.

По данным исследовательского агентства Grand View, мировой рынок технических инноваций в HR уже достиг \$14 млрд. и по прогнозам в 2025 году он возрастет вдвое – до \$30 млрд.

По результатам исследования ECM-journal и Coleman Service в России лишь 4% компаний прошли полную цифровую трансформацию, автоматизировав все основные функции HR. Исследование проводили среди 69 отечественных предприятий. Большинство этих организаций автоматизировало функции HR лишь частично [\[6\]](#). Чаще всего автоматизация касается лишь учета и оценки сотрудников, и, куда реже, отбора и найма персонала.

Основным преимуществом применения цифровых технологий является снижение трудоемкости всех HR-процессов на основе быстрого принятия решений, повышение качества аналитической информации, использование возможностей прогнозирования ситуации на стратегический период, использование структурированной базы данных сотрудников, находящихся в любой точке мира, сокращение временных и финансовых затрат, использование HR-аналитики. Недостатки преимущественно связаны с высокой стоимостью программного обеспечения и разработок.

Проведенная оценка экономической эффективности внедрения, например, цифровых учебных сервисов и платформ в процесс обучения сотрудников по многим компаниям выявила положительные тенденции. Например, рентабельность инвестиций в систему цифрового обучения компании Nestle составляет 28% годовых, что указывает на высокую эффективность его внедрения. Положительную динамику показали и другие показатели: повысился уровень профессиональных знаний и компетенций в компании до 88%; сформировались профессиональные навыки, что послужило причиной позитивных изменений в эффективности персонала, прошедшего обучение в цифровом формате; у 49,5% слушателей изменилось отношение к работе в лучшую сторону [\[8\]](#).

Примеры зарубежных платформ с использованием ИИ для автоматизации HR-процессов

Иностранные компании более активны в направлении цифровизации кадровых подразделений. Западные разработчики программного обеспечения для рекрутинга стремительно осваивают методы машинного обучения в своих продуктах. Ряд IT-компаний уже разработали и совершенствуют модули, основанные на искусственном интеллекте. Вот лишь некоторые платформы для автоматизации кадровых процессов:

- Amazing Hiring – благодаря технологиям искусственного интеллекта оптимизируется процесс поиска персонала;
- HireEZ – активно использует искусственный интеллект для оптимизации поиска сотрудников. В их сервисе есть ряд других инструментов, помогающих рекрутерам

сэкономить время;

- Assess First – платформа занимается интеллектуальным подбором персонала, основываясь на потенциале будущих сотрудников;
- Microsoft Dynamics AX – полноценная ERP система, предлагающая множество инструментов для управления кадрами, финансами и текущей деятельностью [\[11\]](#).

Одной из наиболее прогрессивных технологий в сфере HR является искусственный интеллект IBM на основе анализа различных данных и предиктивной аналитики определяет работников, которые хотят уволиться. Технология помогает своевременно обнаружить готовящееся увольнение, что дает возможность провести беседу с сотрудниками и предотвратить уход или вовремя найти ему замену. Внедрение искусственного интеллекта дает 95% точности прогнозов [\[3\]](#).

Основной недостаток иностранных платформ заключается в том, что сервисы помогают оптимизировать процесс поиска и отбора лишь на основании установленных рекрутером параметров. Аналитика на платформах помогает сделать выводы на основании полученных данных, но не позволяет использовать эти данные для улучшения результатов поиска.

Отечественные разработки в области цифровизации HR-процессов

Российские компании стремятся не отставать от западных предприятий. Ряд IT-компаний уже предлагают на рынке интересные решения для рекрутинга:

- E-Staff – флагманский продукт от компании Datex Software. Предлагает комплексное решение по подбору персонала, позволяющее интегрироваться со многими известными сайтами поиска работы. В сервисе имеются инструменты для аналитики, рассылок, импорта;
- IQHR – продукт от Ростелеком, обладающий схожим функционалом, что и E-Staff;
- Mirapolis Recruit – дочерняя компания 1С, которая занята решениями разработкой программного обеспечения для цифровой трансформации HR процессов;
- Websoft HCM – комплексное решение для ведения документооборота и коммуникации сотрудниками компании;
- iSpring – программа для дистанционного обучения персонала;

Меры поддержки отечественных IT-продуктов позволяют рассчитывать на значимый прогресс в области разработки технологий для HR. Программа Цифровая экономика РФ утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. и содержит комплекс мер и программ по поддержке IT-компаний и развития отрасли в целом [\[4\]](#).

Эти решения способны ускорить цифровой переход и в сфере управления человеческими ресурсами (УЧР), однако для большого количества отечественных компаний более ценным остается опыт западных коллег, который имеет свои недостатки. Еще один недостаток иностранных решений – необходимость адаптации. Все минусы усложняют использование иностранных платформ на Российском рынке, а введенные санкции делают приобретение западного программного обеспечения практически невозможным.

В таких условиях создание отечественного продукта, который мог бы качественно изменить коммуникационную систему в области работы с персоналом становится задачей стратегической и необходимой.

Барьеры и перспективы цифровой трансформации HR-процессов

Активное внедрение цифровых технологий в управление коммуникациями в организации изменяют тактику и стратегию работы с кадрами, предопределяя появление новой цифровой концепции управления человеческими ресурсами. Цифровая HR-концепция включает в себя особенности и принципы работы с персоналом как в иерархических, так и в горизонтальных отношениях [\[21\]](#).

Несмотря на высокую стоимость изменений сложно недооценить их важность. Конечно, оптимизация HR-процессов лишь косвенно влияет на прибыль компании, однако именно стратегия управления человеческими ресурсами формирует среду, в которой распределяются ресурсы, уже напрямую влияющие на получение прибыли, что является целью любой коммерческой организации.

Большие компании активно и успешно интегрируют системы, связанные с искусственным интеллектом и для достижения других целей: в качестве контроля за сотрудниками, отслеживания технического состояния оборудования, обеспечения безопасности работников [\[26\]](#).

В управлении человеческими ресурсами (УЧР) ИИ может быть применен для автоматизации многих процессов HR-коммуникаций, включая анализ резюме, оценку кандидатов и подбор персонала. Кроме того, ИИ может использоваться для анализа рыночных зарплат и установления плана наград и премий для сотрудников, а также для мониторинга статистики и сбора данных для проведения аналитических исследований, внедрения новых решений. ИИ также может быть использован для улучшения эффективности обучения, стимулирования мотивации и развития сотрудников.

Для выстраивания наиболее эффективной коммуникационной системы взаимодействия внутри компании, необходимо задействовать максимальное количество элементов, таких как:

- Отслеживание и анализ работы сотрудников. Например, система CrocoTime позволяет контролировать время и эффективность работы сотрудников, а также определять проблемные зоны и возможности для оптимизации;
- Подбор и найм персонала. Например, система HireVue использует видео-интервью и анализ речи для оценки кандидатов по разным параметрам;
- Обучение и развитие сотрудников. Например, система Coursera for Business предлагает онлайн-курсы по различным темам от ведущих университетов и компаний;
- Оптимизация рабочих процессов. В качестве примера можно привести систему Google Cloud AI Platform позволяет создавать и запускать собственные модели ИИ для разных целей [\[9\]](#).

Способов применения ИИ в УЧР несколько, однако внедрение подобных технологии требует определенного уровня цифровой подготовки предприятия и коммуникативной компетентности персонала, принимающих решения. В первую очередь, это касается хранения данных и работы с ними, так как именно они являются «материалом» для настройки и последующей работы ИИ. Данные необходимо правильно хранить для

удобства их дальнейшей обработки. Также возрастает угроза поддержанию конфиденциальности информации, поэтому человеческие аспекты должны учитываться при внедрении искусственного интеллекта, чтобы минимизировать негативные последствия [\[13\]](#).

Со слов Ивана Черницына, руководителя центра аналитических решений, дирекции региональных продаж Газпромнефть, каждая компания проходит через несколько этапов по управлению данными. Если раньше у руководителей компании было 3 фокуса: люди, технологии и процессы, то сейчас появился 4-ый фокус – данные.

Этапы цифровой зрелости компаний в контексте HR

Компания Gartner, которая специализируется на исследовании и консалтинге компаний, действующих на рынке информационных технологий, известная введением в употребление понятия ERP и регулярными исследовательскими отчётами в форматах «магический квадрант» и «цикл хайпа», выделяет особую концепцию: от BI к AI. Иными словами - BI, или Business Intelligence, — это обозначение инструментов и методов создания аналитической отчетности, AI является простым обозначением искусственного интеллекта. Суть этой концепции в том, что любая компания проходит 4 уровня зрелости аналитики:

1. Внедрение отчётности, аналитики, BI инструментов;
2. Введение структур, баз данных, единой системы данных в компании;
3. Внедрение искусственного интеллекта в коммуникационные процессы;
4. Создание сложной аналитики, основанной на искусственном интеллекте [\[7\]](#).

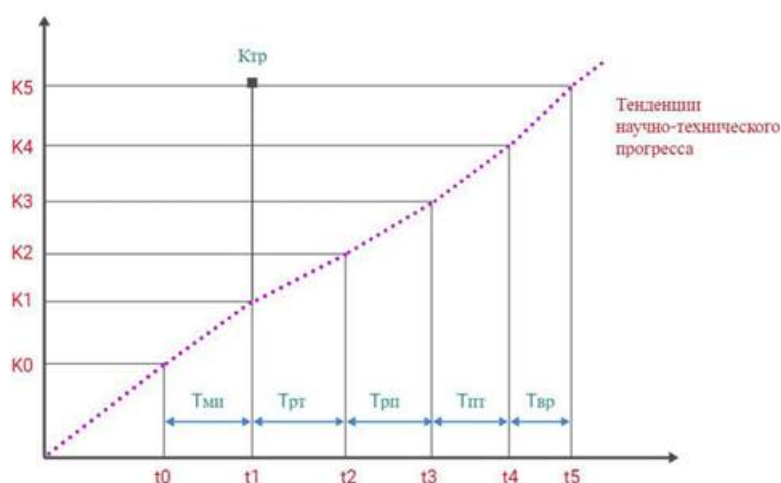
Каждый из этапов занимает несколько лет. Сейчас большинство крупных компаний находятся между 2 и 3 этапом. Данную концепцию можно отнести не только к внедрению BI инструментов, но и любых других технологий, так или иначе связанных с данными.

Таким образом компании сталкиваются с определенными сложностями при цифровой трансформации, интеграции цифровых инструментов в системы управления коммуникационными процессами. Многие избегают внедрения подобных средств ввиду высокой стоимости их интеграции, либо создания, а также сложности их освоения. К тому же внедрения новых технологий практически всегда сопровождается рисками, что, в краткосрочной перспективе, для многих предпринимателей означает потерю прибыли. Однако подобные коммуникационные технологии помогают получать преимущества именно на длительном промежутке времени. Внедрение новейших инструментов окупается либо за счёт оптимизации, сокращения кадров, которые замещает новая технология, либо за счёт повышения качества и скорости взаимодействия сотрудников, что минимизирует риски и потери в оптимизированном процессе. Некоторые инструменты, программное обеспечение (ПО) внедряется с целью улучшения условий труда персонала.

Тем не менее, даже лидеры находятся лишь на этапе подготовки к внедрению искусственного интеллекта в коммуникационные стратегии организации. Это обусловлено несколькими факторами: большими сроками при переходе от этапа к этапу, высокой стоимостью, рисками при внедрении технологий ИИ, связанными с их недостаточной изученностью, т.е. многие технологии, которые по своей функциональности могут принести пользу предприятиям недостаточно протестированы. Тестирование и доработка

нового ПО может занимать несколько лет.

Еще одна важная особенность – аналитика и исследования при создании определенной технологии, которые также требуют больших ресурсозатрат, в первую очередь – времени.

Выбор показателей качества

K – уровень качества товара; $K_{тр}$ – требуемый уровень качества товара; t – текущее время, $T_{ми}$ – время проведения маркетинговых исследований; $T_{рт}$ – время разработки товара; $T_{рп}$ – время разработки технологического процесса; $T_{пт}$ – производство товара; $T_{вр}$ – время вывода товара на рынок;

Технологии, которые постепенно интегрируются компаниями, внедряются и в кадровые подразделения, в основном, автоматизируют только рутинные коммуникационные процессы.

Искусственный интеллект может дать HR-специалистам огромные преимущества при решении различных коммуникационных задач и вопросов. Так, использование ИИ будет обеспечивать лучшее понимание требований к кадрам, оптимизацию процесса подбора, а также поможет принимать обоснованные и наиболее оптимальные решения при принятии решений по привлечению, оценке и поддержке сотрудников.

Ещё одним перспективным направлением в развитии и модернизации коммуникационных процессов в организации является машинное обучение (МО). Машинное обучение — это подраздел искусственного интеллекта, который позволяет компьютерам обучаться на основе опыта и данных, без программного инжиниринга. Оно использует алгоритмы и статистические модели для обнаружения закономерностей и делает прогнозы или принимает решения на основе этих закономерностей.

Применение машинного обучения в системе коммуникаций персонала может быть разнообразным:

1. Рекрутинг и подбор сотрудников: машинное обучение может помочь в оптимизации процесса отбора кандидатов на вакансию. Оно может автоматически анализировать резюме, оценивать навыки и опыт, и выделять наиболее подходящих кандидатов. Это помогает сократить время и силы, затрачиваемые на поиск и отбор персонала.
2. Автоматизация задач HR: машинное обучение может помочь в автоматизации ряда

задач в области управления персоналом. Например, оно может обрабатывать данные о производительности сотрудников и выделять тех, кто нуждается в дополнительном обучении или повышении.

3. Анализ и прогнозирование текучести кадров: машинное обучение может помочь в анализе данных о сотрудниках и их поведении, чтобы предсказать, кто из них может уйти в ближайшей перспективе. Это поможет компаниям применять превентивные меры для удержания ценных сотрудников и улучшения работы команды.

4. Обучение и развитие персонала: машинное обучение может помочь в создании персонализированных программ обучения и развития для каждого сотрудника. Оно анализирует данные о предыдущих обучении и опыте работы, чтобы определить наиболее эффективные методы повышения квалификации и расширения компетенций персонально для каждого сотрудника.

Разработка подобных систем требует должного уровня технологической подготовки компании, наличия достаточного количества квалифицированных специалистов и, главное, времени. Особое требование предъявляется качеству данных, от которых, в свою очередь, зависит качество обучения и точность итоговых результатов.

Заключение

Внедрение технологий искусственного интеллекта в цифровые HR-коммуникации открывает новые горизонты для управления человеческими ресурсами, предлагая значительные преимущества в оптимизации процессов, повышении эффективности и снижении затрат. Современные цифровые решения, такие как автоматизация подбора персонала, анализ данных сотрудников, прогнозирование текучести кадров и персонализированное обучение, уже демонстрируют свою эффективность в крупных компаниях, как зарубежных, так и отечественных.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, внедрение ИИ в HR-процессы сопряжено с рядом вызовов. Высокая стоимость разработки и интеграции, необходимость адаптации зарубежных решений к локальным условиям, а также недостаточная изученность некоторых технологий создают барьеры для их широкого распространения. Кроме того, успешное внедрение ИИ требует от компаний высокой цифровой зрелости, включая наличие структурированных данных и компетентного персонала, способного работать с новыми технологиями.

Тем не менее, стратегическая важность цифровой трансформации HR-процессов не вызывает сомнений. В условиях глобальной конкуренции и быстро меняющихся рынков, компании, которые смогут эффективно интегрировать ИИ в свои коммуникационные HR-стратегии, получат значительные преимущества в управлении персоналом, повышении производительности и удержании ключевых сотрудников.

Российские компании, несмотря на отставание в цифровой трансформации, начинают активно развивать собственные решения, что, в сочетании с государственной поддержкой, может привести к значительному прогрессу в этой области. В долгосрочной перспективе, внедрение ИИ в HR-коммуникации станет не просто трендом, а необходимостью для успешного функционирования любой организации, стремящейся к устойчивому развитию и конкурентоспособности на мировом рынке.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта в HR-коммуникациях представляют собой мощный инструмент, который, при грамотном использовании,

способен кардинально изменить подходы к управлению человеческими ресурсами, обеспечивая компаниям новые возможности для роста и развития.

Библиография

1. Ali O., Kallach L. Artificial Intelligence Enabled Human Resources Recruitment Functionalities: A Scoping Review // *Procedia Computer Science*. 2024. No. 232. Pp. 3268-3277.
2. Martins J. What is Change management? Six Steps to Build a Successful Change Management Process [Электронный ресурс] // Asana. URL: <https://asana.com/ru/resources/change-management-process> (дата обращения: 27.01.2025)
3. Rosenbaum E. IBM artificial intelligence can predict with 95% accuracy which workers are about to quit their jobs [Электронный ресурс] // CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2019/04/03/ibm-ai-can-predict-with-95-percent-accuracy-which-employees-will-quit.html> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Цифровая экономика РФ [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Что такое методология PDCA? [Электронный ресурс] // Dropbox. URL: <https://experience.dropbox.com/ru-ru/resources/pdca> (дата обращения: 21.01.2025).
6. ECM-Journal. Цифровые технологии в HR: какие решения внедряют в России [Электронный ресурс]. URL: <https://ecmjournals.ru/docs/Cifrovye-tehnologii-v-HR-kakie-reshenijavnedrjajut-v-Rossii.aspx> (дата обращения: 19.01.2025).
7. Gartner: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/> (дата обращения: 17.01.2025).
8. Ilyukhina L. A., Bogatyreva I. V., Makhmudova I. N., Ermakova J. D. The Corporate personnel training system development: the experience of Russian enterprises // *International Scientific Conference on Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development (GCPMED 2018)*. Samara, 2019. P. 654-665. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.65.
9. Proglib. 10 инструментов искусственного интеллекта Google, доступных каждому [Электронный ресурс]. URL: <https://proglib.io/p/10-instrumentov-iskusstvennogo-intellekta-google-dostupnyh-kazhdomu-2020-03-03> (дата обращения: 19.01.2025).
10. Proglib. Искусственный интеллект и всё, о чем вы боялись спросить [Электронный ресурс]. URL: <https://proglib.io/p/everything-about-ai> (дата обращения: 19.01.2025).
11. Чумак Л. Самые актуальные HR-сервисы: рекомендации от рекрутеров [Электронный ресурс] // RB.RU. URL: <https://rb.ru/list/true-hr/> (дата обращения: 12.01.2025).
12. Retail Navigator. О компании [Электронный ресурс]. URL: <https://retail-navigator.ru/o-kompanii/> (дата обращения: 20.01.2025).
13. Sucipto H. The Impact of Artificial Intelligence (AI) on Human Resource Management Practices // *Management Studies and Business Journal (PRODUCTIVITY)*. 2024. №. 1. Pp. 138-145.
14. Селивестров А. Искусственный интеллект: основные задачи и методы на примерах из жизни [Электронный ресурс] // TProger. URL: <https://tproger.ru/articles/ai-is-not-neural-network/> (дата обращения: 18.01.2025).
15. Ульрих Д., Брокбэнк У. HR в борьбе за конкурентное преимущество. М.: Альпина Паблишер, 2020.
16. Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992.
17. Армстронг М. Главный учебник HR в мире. М.: Эксмо, 2019.

18. Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами. М.: ИНФРА-М, 2002.
19. Бабоян М. Этапы формирования стратегии управления человеческими ресурсами // Молодой ученый. 2020. № 14(304). С. 241-244.
20. Голубева Т. В., Коновалова В. В. Искусственный интеллект в HR-менеджменте и опыт применения в Российской Федерации // Структурная модернизация науки как основа устойчивого развития общества. Уфа: Аэтерна, 2024. С. 23-25.
21. Илюхина Л. А., Богатырева И. В. Концепция управления персоналом в условиях цифровой трансформации // Креативная экономика. 2022. № 6. С. 2445-2462.
22. Исаева Е. С. Психология управления человеческими ресурсами: курс лекций. Минск: МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2009.
23. Управление человеческими ресурсами как основная задача грамотного руководителя [Электронный ресурс] // Коммерческий директор. URL: <https://www.kom-dir.ru/article/1990-upravlenie-chelovecheskimi-resursami/> (дата обращения: 18.01.2025).
24. Кочнев А. Стратегия компании: виды, примеры, алгоритм [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.iteam.ru/strategiya-kompanii-vidy-primery-algoritm/> (дата обращения: 18.01.2025).
25. Розин М. Восхождение по спирали. Теория и практика реформирования организаций. М.: Альпина Паблишер, 2022.
26. Симченко Н. А., Севастьянова О. В., Яновская А. А. и др. Управление персоналом организации в условиях цифровизации. Симферополь: Ариал, 2020.
27. Фомичев А. Н. Стратегический менеджмент: учебник для вузов. М.: Дашков и К, 2012.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях: перспективы и риски».

Предмет исследования – технологии, перспективы и проблемы применения технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях.

Методология исследования основана на комплексном применении таких методов, как критический обзор, системный и сравнительный анализ.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления и анализа современных проблем и тенденций рынка труда. Изучение актуальных трендов применения технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях позволяет разработать эффективные подходы для преодоления существующих проблем и обеспечить адаптацию отечественных компаний к требованиям глобального рынка.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой анализа актуального состояния отечественного рынка труда с точки зрения применения технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); основная часть (автором выполнена аналитическая оценка актуального состояния рынка труда с точки зрения применения технологии искусственного интеллекта; автор демонстрирует преимущества применения цифровых технологий; отмечено, что иностранные компании более активны в направлении цифровизации кадровых

подразделений; дана краткая характеристика зарубежных и отечественных платформ для автоматизации кадровых процессов; указаны недостатки иностранных платформ; автор указывает на то, для выстраивания наиболее эффективной коммуникационной системы взаимодействия внутри компании, необходимо задействовать максимальное количество элементов, таких как: отслеживание и анализ работы сотрудников, подбор и найм персонала, обучение и развитие сотрудников, оптимизация рабочих процессов; теоретические измышления автора подкреплены примерами из опыта работы компаний; рассмотрены перспективные направления в развитии и модернизации коммуникационных процессов в организациях; заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 24 отечественных и зарубежных источника). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование будет интересно тем, что исследует актуальные тренды, влияющих на развитие рынка труда. Технологии искусственного интеллекта в HR-коммуникациях представляют собой мощный инструмент, грамотное использование которого позволяет кардинально изменить подходы к управлению человеческими ресурсами и обеспечить компаниям новые возможности для роста и развития.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. Объем статьи близок к минимальным требованиям редакции. В статье есть только один подзаголовок – заключение.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
3. Следуют перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов (ИТ компаний, ИТ продуктов и др.). Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники, а также правильность их оформления.
4. Нужно унифицировать упоминания имен собственных в статье (компании «Nestle», компании Datex Software), при необходимости выполнять транслитерацию. При первом упоминании аббревиатур в тексте следует писать полное название, а в скобках — аббревиатуру.
5. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года. Необходимо также перепроверить валидность ссылок на электронные ресурсы и обновить дату обращения.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Ориентир на изучение технологий искусственного интеллекта последнее время все частотен. Появляются работы достаточно интересные, серьезные, грамотные. На мой взгляд, формируется некое дискуссионное поле, что вполне целесообразно. Не является исключением и представленная к публикации работа. Как видно из названия труда – «Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях...» – автор обращается к анализу частного порядка: «объектом исследования являются цифровые HR-коммуникации, а предметом – применение технологий ИИ в управлении

персоналом и оптимизации HR-процессов». На мой взгляд, обозначенный тематический вариант вполне правомерен, да и научная новизна работы заключается в «комплексном анализе возможностей и рисков внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу цифровых HR-коммуникаций». В целом работа методически точна, корректура в данном режиме излишня. Рассмотрение вопроса сделано с учетом внутренней логики; термины / понятия, которые использованы в труде, унифицированы. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «основным преимуществом применения цифровых технологий является снижение трудоемкости всех HR-процессов на основе быстрого принятия решений, повышение качества аналитической информации, использование возможностей прогнозирования ситуации на стратегический период, использование структурированной базы данных сотрудников, находящихся в любой точке мира, сокращение временных и финансовых затрат, использование HR-аналитики. Недостатки преимущественно связаны с высокой стоимостью программного обеспечения и разработок», или «одной из наиболее прогрессивных технологий в сфере HR является искусственный интеллект IBM на основе анализа различных данных и предиктивной аналитики определяет работников, которые хотят уволиться. Технология помогает своевременно обнаружить готовящееся увольнение, что дает возможность провести беседу с сотрудниками и предотвратить уход или вовремя найти ему замену. Внедрение искусственного интеллекта дает 95% точности прогнозов...» и т.д. Фактические и статистические данные объективны, должный стандарт ссылок сделан. Думаю, что членение текста на смысловые блоки оправдано, это позволяет читателю двигаться вслед за развитием исследовательской мысли. Работа самостоятельна, оригинальна, интересна; визуальная вставка есть форма обобщения. На мой взгляд, тема статьи раскрыта, авторская позиция объективна и прозрачна, да и цель исследования достигнута. Автор приходит к выводу, что «технологии искусственного интеллекта в HR-коммуникациях представляют собой мощный инструмент, который, при грамотном использовании, способен кардинально изменить подходы к управлению человеческими ресурсами, обеспечивая компаниям новые возможности для роста и развития». Библиографический список объемный, однако источники следует скорректировать в соответствии с требованиями издания! После незначительной правки статья «Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях: перспективы и риски» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях: перспективы и риски" автором рассматривается цифровизация коммуникативных инструментов в сфере подбора персонала.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, результатов исследования, выводов и библиографии.

Во введении автор определяет объект, предмет и новизну исследования. Объектом исследования являются цифровые коммуникации в управлении кадрами. Предмет исследования – применение технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом и оптимизации HR-процессов.

Научная новизна статьи заключается в анализе, показывающем возможности и риски внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу цифровых HR-коммуникаций.

Актуальность исследования, по мнению автора, связана с внедрением цифровых

технологий в области искусственного интеллекта в работу современных российских предприятий.

В качестве основного метода автор использует сопоставительный анализ.

В основной части описывается опыт иностранных и отечественных предприятий в области внедрения технологий ИИ, рассматриваются основные достоинства и недостатки.

К первым относится снижение трудоемкости всех HR-процессов на основе быстрого принятия решений, повышение качества аналитической информации, использование возможностей прогнозирования ситуации на стратегический период, использование структурированной базы данных сотрудников, находящихся в любой точке мира, сокращение временных и финансовых затрат, использование HR-аналитики.

Ко вторым - высокая стоимость программного обеспечения и разработок.

Автор уделяет особое внимание барьерам и перспективам внедрения искусственного интеллекта в области управления персоналом на российском рынке.

Автор также подчеркивает важность нового компонента в структуре компаний, связанного с использованием большого объема данных.

Отмечается также, что для внедрения подобных технологий необходим определенный уровень зрелости компании.

В заключении автор приходит к выводу о том, что "российские компании, несмотря на отставание в цифровой трансформации, начинают активно развивать собственные решения, что, в сочетании с государственной поддержкой, может привести к значительному прогрессу в этой области. В долгосрочной перспективе, внедрение ИИ в HR-коммуникации станет не просто трендом, а необходимостью для успешного функционирования любой организации, стремящейся к устойчивому развитию и конкурентоспособности на мировом рынке». Учитывая вышеизложенный автором анализ использования технологий искусственного интеллекта, данное утверждение можно признать истинным.

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки.

Так, нечетко обозначены цели и задачи исследования.

Статья «Технологии искусственного интеллекта в цифровых HR-коммуникациях: перспективы и риски» является исследованием, открывающим новые перспективы в области управления персоналом, и она может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сунь В. Лингвистический анализ политического медиадискурса в Китае: эволюция, актуальные проблемы и тенденции // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73230 EDN: JDYZTD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73230

Лингвистический анализ политического медиадискурса в Китае: эволюция, актуальные проблемы и тенденции

Сунь Вэньсинь

аспирант; кафедра теории и практики иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9

✉ 1042235259@pfur.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73230

EDN:

JDYZTD

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2025

Дата публикации:

16-02-2025

Аннотация: Эта статья посвящена анализу развития китайского политического медиадискурса в последние годы с лингвистической точки зрения. Предмет исследования — эволюция политического медиадискурса в Китае, его лингвистические особенности на разных этапах, текущие проблемы и меры противодействия. К объекту исследования относятся различные практики политического медиадискурса в китайском и зарубежном пространстве коммуникации, включая как газетные новости традиционных СМИ, так и короткие видеоролики, документальные фильмы, виртуальное пространство и другие носители. Мы будем решать следующие задачи в этой статье: 1) описать историю развития политического дискурса Китая и особенности каждого этапа развития в китайском и международном измерении; 2) выделить проблемы и вызовы, с которыми сталкивается развитие китайского политического дискурса в настоящее время; 3)

попытаться найти решения проблем развития дискурса и заглянуть в будущее. Чтобы провести систематическое исследование дискурса, в статье используются методы анализа примеров, сравнительного и описательного анализа, а также обобщения и конспектирования. Теоретической основой выступают критический дискурс-анализ, мультимодальный дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, теория нарратива и методология межкультурной коммуникации. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём представлена комплексная картина развития и преобразования китайского политического медиадискурса в последние годы с макроскопической точки зрения, обобщены особенности и новые тенденции в сфере китайской политической коммуникации. Результаты исследования показывают, что китайский политический медиадискурс достиг перехода от однонаправленного идеологического выпуска к диверсификации содержания и формы. Исходя из лингвистической точки зрения, можно определить, что китайский политический медиадискурс теперь сталкивается с такими проблемами развития, как однообразие лексики, ограниченность повествования, недостаточная адаптация к аудитории и культурные различия. В контексте новой эпохи политическому медиадискурсу Китая следует обогащать лексику и предложения, использовать различные языковые стили речи, изменять повествовательную перспективу и адаптироваться к культурным различиям. Всё это позволит улучшить лингвистическое качество дискурса и сделать его системой с китайской спецификой и способностью к международной коммуникации.

Ключевые слова:

политический медиадискурс, Китай, международная коммуникация дискурса, лексика и синтаксис, стиль речи, повествовательная перспектива, культурная адаптация, эволюция, проблемы, стратегия

Введение

Понятие «дискурс» было впервые предложено американским лингвистом Зеллигом Саббеттаем Харрисом в 1952 году. Благодаря развитию политической философии и средств массовой информации западные учёные включили изучение дискурса в сферу политологии, социологии и медиа. Исследование дискурса преодолевает ограничения, свойственные только изучению языка, фокусируется на взаимодействии языка, контекста и социальных отношений, изучает использование языка в различных социокультурных сферах и группах, исследует структуру и функции дискурса, а также лежащую в его основе идеологию. Дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее в себя, помимо текста ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата и др.) [\[8, с. 99\]](#). Он всегда наполнен идеологическим или жизненным содержанием и смыслом [\[10, с. 140\]](#). В последние годы усиливаются геополитические конфликты и конкуренция за власть над международным дискурсом, а политический медиадискурс становится основным элементом государственной «мягкой силы». События, такие как торговая война между Китаем и США и проблема Газы, показывают, что борьба за дискурсивную власть напрямую влияет на ход международных событий и легитимность идеологий. Кроме того, развитие цифровых и сетевых технологий изменило экосистему распространения новостей. Социальные сети, алгоритмические рекомендации и применение искусственного интеллекта, представленный ChatGPT, привели к подрыву традиционного способа распространения дискурса. Политический дискурс должен адаптироваться к новым сценариям, таким как

короткие видеоролики и виртуальные пространства. В этом контексте изучение политического медиадискурса, как дискурсивной перспективы политической лингвистики приобретает особое значение.

Предметом исследования этой работы является эволюция китайского политического медиадискурса, его лингвистические характеристики, актуальные проблемы и стратегии. В качестве объекта исследования выступают различные практики китайского политического медиадискурса, распространяемые в Китае и на международной арене. К ним относятся и новостные сообщения в традиционных СМИ, и новые виды носителей, такие как короткие видеоролики, документальные фильмы и виртуальные пространства. В центре внимания находятся лингвистические выражения и классические примеры, характеризующие особенности дискурса. Следует отметить, что результаты исследований китайских и зарубежных учёных в этой области служат важной основой для эмпирического анализа и индуктивных обобщений в данной работе.

Научная новизна работы состоит в том, что статья не только даёт комплексный обзор лингвистической эволюции китайского политического медиадискурса за последние годы, но и раскрывает новые проблемы и тенденции в китайской политической коммуникации на современном фоне. Таким образом, закладывается фундамент для углублённого изучения практики китайского политического медиадискурса и анализа нового пути китайской внешней дискурсивной коммуникации.

Текущее исследование имеет практическая значимость. На теоретическом уровне он обогащает изучение современного состояния практики китайской политической дискурсивной коммуникации, предоставляет примеры для дискурс-анализа и помогает построить парадигму исследования китайского дискурса, независимую от западных теорий. На практическом уровне, с лингвистической точки зрения, статья предлагает конструктивные мнения для создания международного коммуникационного потенциала Китая, готовит к информационной войне и кризису развития дискурса.

Анализ дискурса китайских политических СМИ проводится в рамках таких направлений, как критический дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, мультимодальный дискурс-анализ, теория нарратива и межкультурная коммуникация. Приводя примеры, мы иллюстрируем особенности современного китайского политического медиадискурса, выявляем проблемы коммуникации и их решения путём сравнения и анализа, а также обобщаем будущие тенденции китайского политического медиадискурса с помощью абстрагирования.

Обсуждение и результаты

Определение политического медиадискурса в китайской лингвистике в основном базируется на сопряжении лингвистики и политологии, подчёркивая его многочисленные свойства как носителя идеологии, посредника властных отношений и инструмента социального управления. Исходя из подхода критического дискурс-анализа, учёный Тянь Хайлун считает, что политический дискурс «основан на ценностных суждениях, отражает требования, отношения и позиции людей по отношению к политическим системам, поведению и идеям, а также фокусируется на государственной власти» [\[15, с. 431\]](#). Политический медиадискурс воспринимается как прямое выражение идеологического содержания, которое служит смыслу и цели политических властных отношений. Как говорят российские учёные, основная функция дискурса — передача конкретных политических ценностей через языковую символическую систему, что отражает требование признания государственных систем, политики и способов

управления [\[12, с. 67\]](#).

Практика политического дискурса в современных китайских СМИ может быть разделена на внутреннюю и внешнюю коммуникативную практику. В соответствии с направлением распространения существует два типа политического дискурса: распространение «сверху вниз» и распространение «снизу вверх» [\[20, с. 15\]](#). Что касается первого, то основные темы, интересующие академические круги, включают правительственный дискурс, раскрытие информации и создание имиджа правительства. В этой области были опубликованы такие монографии, как «政治传播中的政府与公众间距离研究» (Исследование дистанции между правительством и общественностью в политической коммуникации) и «中国政府形象传播» (Коммуникация имиджа китайского правительства), в которых систематически исследуется политический дискурс и определяются правила его функционирования. Кроме того, учёные также уделяют внимание намерениям и целям политического медиадискурса. Что касается политического дискурса «снизу вверх», существующие исследования посвящены темам мониторинга публичного мнения, политического участия, политических слухов и событий общественного характера. К числу книг в этой области входит «新型主流媒体话语体系建构的新路径» (Новый путь к построению новой системы дискурса мейнстримных СМИ). Практика внешней политической коммуникации включает в себя главным образом две категории: формирование национального имиджа и распространение политических идей. В настоящее время исследования в целом фокусируются на исторической эволюции внешнего дискурса Китая, проблемах и стратегиях формирования дискурса и национального имиджа, а также на вопросах, связанных с конкретными предметами, такими как «Китайская мечта», «Один пояс, один путь», «Имидж Коммунистической партии Китая» и так далее. Например, учёный Чжан Гуанчжао анализирует политический дискурс в текстах международных выступлений Си Цзиньпина (2012–2021), чтобы выяснить «создание политической концепции» китайского дискурса в международной коммуникации [\[22, с. 16\]](#).

Основываясь на результатах исследований китайских учёных (Го Кэ, Сюй Нуо, Тун Дэжи, Ху Жунтяо и др.), эволюция китайского политического медиадискурса внутри Китая может быть разделена на четыре этапа с точки зрения лингвистики. Их основные черты отражаются во взаимодействии между формами дискурса, языковыми и риторическими стратегиями и средствами коммуникации. Период до 1980-х годов характеризуется односторонним насаждением политических концепций [\[13, с. 108\]](#). В структуре текста преобладали короткие словосочетания, побудительные и повелительные предложения. Например, «鼓足干劲, 力争上游, 多快好省地建设社会主义» (напрягая все силы, стремясь вперёд, стройте социализм по принципу Больше, Быстрее, Лучше и Экономнее). Ещё есть «抗美援朝, 保卫祖国» (противодействовать Америке, поддерживать Корею, защищать Родину). Часто использовались абсолютистские выражения, такие как «должен», «решительный», «руководящее ядро». Распространение дискурса опирается на традиционные СМИ, в том числе газеты и радио. Язык и визуальные символы, включая красные флаги и портреты лидеров, были в высокой степени условности. Следующий период с 2000 г. по 2010 г. стал этапом символического кодирования. Для визуализации абстрактной политики были введены такие метафоры, как «переходить реку, нащупывая камни», значит, пробы и ошибки в процессе реформ в политическом дискурсе. И «общество со средним достатком» употребляется как цель модернизации общества. Использование метафоры перевело политический дискурс от индоктринации к когнитивному сопереживанию [\[14, с. 81\]](#). Телевизионные новости стали объединять язык, изображения и музыку, а программа «Синьвэнь Ляньбо» (ежедневная новостная

программа Центрального телевидения Китая) начала использовать заглавные песни. 2010–2020-е гг. — фаза повествования о политическом управлении [21, с. 102]. В политическом дискурсе появляются эмоциональные символы, такие как «мечта» и «борьба», например, «Китайская мечта» (социально-политический курс, выдвинутый председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г.). Увеличивается синтаксическая сложность, появляются сложноподчинённые предложения и аргументы с данными. Платформы коротких видеороликов глубоко интегрируют язык с визуальными символами путём анимации, смайлики и слуховыми символами. Например, анимационный короткометражный ролик «14-я пятилетка правительства Китая» на платформе TikTok был просмотрен более 120 миллионов раз. 2020 год к настоящему времени является этапом интеллектуального взаимодействия. Онлайн-платформы политических услуг и сценарии виртуальной реальности используются для создания персонализированных нарративов с помощью алгоритмов [13, с. 109]. Формируется новая форма политического медиадискурса, в котором сочетается виртуальная реальность. Например, государственная сервисная платформа «浙里办» (Чжэлибань) на базе искусственного интеллекта обслуживает народа, VR-речь депутатов Всекитайского собрания народных представителей, а также искусственный интеллект автоматически пишет рассказы о «脱贫攻坚» (борьба с бедностью).

Зарубежное распространение китайского политического медиадискурса также можно разделить на четыре этапа. Но немного отличаются по времени и содержанию. Этап идеологической продукции (1949–1978). Одностороннее распространение, в основе которого лежит идеологическая конфронтация [17, с. 103]. Через традиционные СМИ, такие как информационное агентство «Синьхуа», международному сообществу в одностороннем порядке транслировалось превосходство социалистической системы. Языковой стиль отразился в крайне политизированной лексике. Например, «пролетариат объединяется» и «противостоять империализму и колониализму», структура предложений была простой и понятной, но не соответствовала культурным особенностям аудитории. В период после реформ и открытости с 1978 г. по 2012 г. наступил этап формирования «文化软实力» (мягкая сила культуры), когда идеологическое противостояние было ослаблено [7, с. 34]. Благодаря китайским культурным символам, таким как Институт Конфуция и успеху Олимпийских игр в Пекине был сформирован образ страны «мирного развития». CCTV-4, международный канал Центрального телевидения Китая, запущенный в 1992 году, и стал основным средством коммуникации с иностранцами. Стиль языка сменился на более скромный, с акцентом на «взаимную выгоду и сотрудничество». Период с 2013 г. по 2020 г. станет этапом углубления стратегического повествования дискурса в международном распространении. Используя инициативу «Один пояс, один путь», Китай объединит политический дискурс, документальные фильмы и цифровые платформы для создания трёхмерного повествования [19, с. 101]. Стоит отметить, что CGTN, как организация по распространению международных новостей Центрального телевидения Китая, вещает по всему миру и в настоящее время распространяет новости за рубежом на 80 языках. Зарубежное издание China Daily выпустило специальный репортаж о «Один пояс, один путь», используя модель «рассказ и данные», что позволило эффективно увеличить количество взаимодействий в зарубежных социальных сетях. Пресс-секретарь МИД Китая открыл аккаунты в Twitter и других международных социальных сетях, чтобы взаимодействовать с международной аудиторией и передавать мысли и мнения Китая. Период с 2021 года по настоящее время — это этап распространения политического медиадискурса Китая за рубежом под руководством интеллектуальных платформ. Благодаря искусственному интеллекту, большим данным и другим технологиям, зарубежные платформы, такие как TikTok и Kwai, используются для

конкретного распространения информации среди различных аудиторий с помощью алгоритмов ИИ [6, с. 63]. Короткие видеоролики о «борьбе с бедностью в Китае» распространяются в Юго-Восточной Азии, а «углеродная нейтральность» — в Европе. Видеоролики TikTok с хэштегом #Amazing China были просмотрены более 50 миллиардов раз. Среди них — миграция юньнаньских слонов на север, превратившаяся в серию коротких видеороликов. Антропоморфное повествование через «дневник путешествия слонов» ослабляет политическую окраску и естественным образом вызывает эмоциональный отклик у зарубежной аудитории. Эту историю подхватили также зарубежные СМИ, как CNN, BBC и AP News.

Однако современное развитие китайского политического медиадискурса также сталкивается с внутренними проблемами и международными вызовами. На уровне лингвистического направления китайские учёные считают, что проблемы нынешнего развития дискурса можно свести к следующему. Они касаются языкового выражения, стратегии повествования, культурных различий и адаптации к аудитории.

Однородность лексики и синтаксиса — типичная проблема языкового выражения китайского политического медиадискурса. По мнению Мишеля Фуко, дискурс представляет собой не только лингвистическое выражение, но и средство, с помощью которого функционирует власть. Институционализированные модели дискурса (например, фиксированные лексики в политических СМИ) формируют дискурсивный порядок через повторение и нормализацию, чтобы закрепить легитимность властных структур [3, с. 142]. Однако такое повторение может привести к символической усталости или «сопротивлению смыслу» со стороны аудитории. Такие выражения, как «великое возрождение китайской нации», «решительно претворять в жизнь партийную линию» и «под руководством компартии Китая», повторяются на протяжении многих лет. Высокая частотность использования фиксированной лексики и отсутствие разнообразия и инноваций приходят в застой языкового выражения. Слово «развитие» используется в отчётах о работе правительства довольно многократно, но семантическое расширение слова в определённом контексте оказывается неполным. Кроме того, синтаксическая модель в дискурсе упрощена и чрезмерно опирается на короткие и повелительные предложения. Например, «твёрдо придерживаться четырёх принципов». Такие выражения не имеют логической аргументации и трудно вызывают эмоциональную реакцию у аудитории. Средняя длина предложения в политических текстах традиционных СМИ составляет всего 15 китайских иероглифов, а сам дискурс основан на парадигме «авторитет-подчинение» [5, с. 15]. Эти формулировки трудно адаптировать к разнообразным когнитивным потребностям аудитории, особенно к спросу молодёжи на глубокий контент.

Стратегия дискурсивного повествования также является одной из перспектив, заслуживающих внимания. По словам Carmen Caldas-Coulthard, нарратив — это место, где действует власть и через которое распространяются и закрепляются определённые идеологии [1, с. 15]. Этот подход подчёркивает инструментальную роль повествования в политическом и социальном дискурсе. Ранний китайский политический медиадискурс характеризовался односторонним повествованием. Он привык добиваться политического консенсуса с помощью повторяющихся лозунгов, зато массовое участие было низким. В настоящее время некоторые политические дискуссии слишком серьёзны и рациональны, в них не хватает эмоционально насыщенных высказываний, что затрудняет получение сочувствия и признания со стороны аудитории. В эпоху популярности социальных сетей и коротких видеороликов модель односторонней коммуникации не отвечает новым

медиаценденциям и фактическим потребностям общества. Кроме того, в международном сообществе повествовательная позиция китайских политических СМИ по-прежнему эгоцентрична. Содержание дискурса чаще всего сосредоточено на политической политике, культуре и достижениях экономического развития Китая. Эти сообщения не имеют отношения к зарубежным читателям и оторваны от реальных потребностей зарубежной аудитории. А следовательно, привлечь внимание и интерес зарубежных читателей не так уж просто. Русскоязычный канал CGTN имеет 543K подписчиков на российской платформе VK. Тем не менее публикуемый контент по-прежнему ориентирован на развитие Китая и получает мало комментариев и лайков из-за отсутствия нарративного взаимодействия с целевой аудиторией.

Проблема адаптивности дискурса к аудитории также сдерживает развитие политического медиадискурса в Китае. Теория диалога М. М. Бахтина позволяет рассказать о субъективности дискурса, включая различия в понимании и потребностях разных групп [\[25, с. 107\]](#). По мнению Бахтина субъектом диалога может быть не только отдельный человек, но и сообщество, выводящее на основе внешнего диалога собственную интеллектуальную парадигму дальнейшего понимания и исследования [\[11, с. 217\]](#). Именно поэтому «понимание всегда диалогично» и субъектно: оно является одновременно взаимопониманием, общением и самопознанием. Люди разных возрастных групп и разного уровня знаний обладают разными способностями к пониманию политического дискурса. Существует разница между интернет-сленгами, которые предпочитает молодёжь, и традиционными авторитетными дискурсами, которых придерживается старшее поколение. Например, молодые люди в Китае часто говорят «躺平», что означает «лежать смирно и выдерживать насмешки, как следствие, не вступать в острую конкуренцию на работе». Старшее поколение с этим не согласно, им нравится «艰苦奋斗», а именно «упорный труд». В тексте дискурса иногда используется язык «二次元». Изначально он значит «двухмерный мир», сейчас относящийся к царству аниме, манги, игр и лайт-новелл. Хотя язык «二次元» привлекает ориентацию молодых групп, оно недружелюбно по отношению к людям среднего и старшего возраста и склонно создавать барьеры для понимания дискурса. Серьёзные политические концепции рискуют стать развлечением, что может ослабить авторитет политического дискурса.

Более того, культурные различия и проблемы перевода в международной коммуникации снижают реальную эффективность трансляции китайского дискурса. Перевод и распространение китайского политического дискурса — это ни в коем случае не чисто лингвистическая коммуникация, основанная на самом дискурсе, а скорее реконструкция дискурса и межкультурная коммуникация под влиянием различных факторов внутри и вне дискурса [\[18, с. 47\]](#). Политические концепции с китайской спецификой трудно точно понять в межкультурной коммуникации из-за семантических потерь. Например, только немногие европейские слушатели могут правильно интерпретировать значение «демократии всего процесса» в Китае, а большинство из них ошибочно понимают его как «процедуру выборов» [\[23, с. 9\]](#). Концепция «демократии всего процесса» подчёркивает, что демократия не ограничивается выборами, но также включает широкое участие в принятии решений, управлении и контроле. Эта концепция широко обсуждается в китайском политическом контексте, но, возможно, не является общепринятой или понятной в Европе. Возможно, европейская аудитория больше знакома с моделью представительной демократии и не знает о более широких видах участия.

Лингвистический анализ позволяет предположить, что необходимо разработать практические решения для определения будущего направления китайского политического медиадискурса. Это можно сделать с точки зрения языкового выражения,

повествования, изменения стиля речи и культурной адаптации.

Во-первых, необходимо обновить языковое выражение дискурса, ввести разнообразную лексику и сложные предложения. Использование разнообразных выражений поможет избежать языковой усталости у аудитории. Традиционные китайские СМИ, как основной канал дискурса, не должны выставлять себя в качестве авторитета, но им следует использовать консультативные формулировки для построения политического диалога [\[16, с. 50\]](#). Ключевые политические концепции и установки должны быть объяснены более конкретно и подробно в определённых контекстах. Например, в отчёте о работе Госсовета КНР за 2023 год термин «высококачественное развитие» трактуется как «стимулирование развития за счёт инноваций», «зелёное, рециркуляционное и низкоуглеродное развитие» и многие другие выражения. Семантическая коннотация термина обогащается с помощью добавления определяющего слова, что позволяет избежать повторного использования односложных слов. Сложные предложения вводятся для визуализации абстрактного понятия «высококачественное развитие». Например, «Благодаря двойному приводу научно-технических и институциональных инноваций не только эффективно повышается качество экономики, но и достигается разумный количественный рост». Использование сложных предложений и логических связок повышает строгость и убедительность политического заявления.

А во-вторых, конструирование дискурса требует объединения различных стилей речи и способов высказывания. Стилль речи — это лингвистическая реализация образа деятельности [\[2, с. 129\]](#). Воспроизведение ситуативных единиц приводит к смешению различных корпораций на уровне использования языка, что, в свою очередь, приводит к формированию нового способа выражения [\[4, с. 128\]](#). Интертекстуальность различных стилей дискурса помогает достичь диалога с субкультурными группами, молодёжью, маргинальными группами и т. д., так что определённый популярный дискурс сопровождает официальный политический дискурс [\[27, с. 20\]](#). Можно попытаться совместить авторитетный контент с дискурсом молодёжи, объединив интересы разных возрастных групп. Разработка языкового стиля «серьёзные вопросы в молодёжном выражении» позволяет преодолеть разрыв в дискурсе между поколениями. Также можно увеличить количество интерактивного контента в дискурсе. На платформах со многими молодыми пользователями Bilibili и Rednote можно запустить мини-игры, посвящённые политическим инициативам, чтобы повысить интерес и участие молодых людей через игровую форму. Кроме того, комсомол Китая и создатели на платформе Bilibili совместно выпустили научно-популярную анимацию «Китайская космическая станция», объём трансляции которой составил более 100 миллионов. В разделе комментариев к видео ключевыми словами стали «гордый» и «потрясающий».

В дальнейшем китайский политический медиадискурс на международном уровне нуждается в изменении повествовательной перспективы. Для этого необходимо улучшить логику повествования в китайском политическом медиадискурсе с помощью нарративного подхода. Мы должны сочетать общие нарративы с индивидуальными, макронарративы с микронарративами, всеобъемлющие нарративы с точными нарративами, а равные нарративы с коммуникативными нарративами [\[26, с. 17\]](#). Тем самым можно способствовать международному распространению мнения Китая и усилить мощь его национального дискурса. Помимо чёткого изложения китайской истории, СМИ из Китая должны также принять проактивную стратегию, чтобы рассказывать о мире по-китайски и использовать китайский дискурс для обсуждения социальных проблем в Европе и США. В стратегии дискурса можно перенять успешный опыт российского СМИ

RT. Под лозунгом Question More RT использует «мои слова» (слова, отвечающие интересам России) и «вашу логику» (левый популизм, возникший в западных обществах), чтобы рассказывать местные новости, добиваясь тем самым отличных результатов [24, с. 54]. Для усиления влияния дискурса можно также использовать эмоциональные и сюжетные методы повествования [18, с. 50]. Хорошим примером служит документальный фильм CCTV «辉煌中国 (Amazing China)». Документальный фильм сочетает личные истории учителей из горного района провинции Гуйчжоу, преданных своему долгу, с эмоциональными знаками «мечта» и «борьба», чтобы показать достижения национального развития Китая. Один из учителей в документальном фильме сказал: «Моя мечта состоит в том, чтобы каждый ребёнок смог выйти из горного района путём обучения». Использование эмоциональных слов, таких как «мечта», активирует механизм сопереживания зрителей. Повествование с личной точки зрения учителей делает макрополитику более понятной. С точки зрения обычных людей повышаются убедительность и заразительность дискурса. Документальный фильм был показан более 50 миллионов раз в зарубежных социальных сетях, и можно сказать, что он достиг значительных результатов в распространении дискурса.

И наконец, в дискурсивной практике требует внимания к культурному контексту аудитории. Формирование дискурса часто ограничено и подвержено влиянию собственного языка и культуры, что отражает различные идеологии и интересы. Китайский учёный Ху Аньцзян считает, что для достижения желаемого эффекта в практике дискурса необходимо относиться к целевой культуре с пониманием и терпимостью. Другими словами, при учёте аудитории дискурса надо уважать их различия и своевременно подстраивать стратегию перевода и распространения дискурса. Мы стараемся использовать локализованные выражения для перевода и объяснения политических концепций. Объяснение незнакомых китайских понятий с помощью выражений, знакомых иностранной аудитории, что помогает вписать китайский политический дискурс в целевой культурный контекст. Сложные политические понятия нуждаются в подробном объяснении. Например, инициатива «一带一路» переводится как «Один пояс, один путь» и интерпретируется как современные зоны экономики Великого шелкового пути и морского шелкового пути, то есть взаимовыгодный проект для международного экономического развития, предложенный Китаем. Канал CGTN выпустил многоязычный короткий видеоролик под названием «Ключевые слова Китая», в котором «人类命运共同体» переводится как «Community with a Shared Future for Mankind», с учётом особенностей культурных контекстов. Основное содержание понятия «сообщество» разбивается на такие аспекты, как совместное будущее и взаимовыгодное сотрудничество, чтобы уменьшить культурный дисконт. В видеоролике также объясняется понятие «сообщество» с помощью сотрудничества в рамках проекта «Один пояс, один путь», который является фактическим примером. Потому что строительства железной дороги Китай — Лаос привело к росту занятости населения регионов, расположенных вдоль маршрута, именно жители двух стран могут делиться плодами развития.

Заключение

Задача написания этой статьи — дать всесторонний обзор развития политического дискурса в китайских СМИ. На основе обобщения научной литературы в этой области можно сделать следующие выводы. Развитие китайского политического медиадискурса в Китае и в международном пространстве сходно, оно достигло скачка от однонаправленной идеологической коммуникации к диверсификации и интеллектуализации в содержании, носителях и каналах распространения. Однако на лингвистическом уровне построение дискурса по-прежнему сталкивается с такими

проблемами, как недостаток лексического синтаксиса, эгоцентрические стратегии повествования, ограниченное соответствие требованиям аудитории и культурные контекстуальные различия. Необходимы целенаправленные изменения в языковых выражениях, повествовательных перспективах, стилях дискурса и культурной адаптации.

В дополнение к этому нужно заметить, что развитие политического медиадискурса в Китае развивалось в условиях социалистической системы с китайской спецификой. Полное участие государственных учреждений обеспечило ресурсы и поддержку для формирования китайского политического медиадискурса, а также сделало развитие китайского политического медиадискурса чрезвычайно зависимым от государственных органов и официальных СМИ. Российский учёный Лобанова Т. Н. провела ряд исследований, посвящённых китайскому политическому медиадискурсу. Она отмечает, что наличие механизма цензуры ограничивает свободу развития дискурса [\[9, с. 157\]](#). Содержание дискурса в значительной степени зависит от государственной политики и отвечает потребностям социалистической модернизации. Существует проблема формализма в распространении дискурса, и содержание дискурса нуждается в улучшении. Международное распространение дискурса оказывает недостаточное воздействие на практику, а эгоцентричное отношение к повествованию должно быть изменено.

В качестве перспективы дальнейшего исследования мы считаем необходимым применить теорию и методологию лингвистического дискурс-анализа для изучения проявления конкретных политических медиадискурсов в их социально-исторических контекстах. Анализируя такие языковые особенности, как лексика, синтаксис, семантика, риторика и т. д., — мы выявляем языковую логику политического медиадискурса, влияющую на общественное сознание. На основании этого природа политического медиадискурса будет осмыслена в более глубокой степени.

Библиография

1. Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity / Ed. by Gilbert Weiss and Ruth Wodak. London: Palgrave Macmillan, 2003.
2. Fairclough N. Analyzing Discourse: Text Analysis for Social Research. UK, Oxon: Routledge, 2003.
3. Foucault M., Sheridan A. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. USA, NY: Vintage Books, 1995.
4. Ван Цзялинь, Лю Румэн, Дай Фэншань. Анализ взаимодействия дискурса на основе «двухслойной пятиступенчатой» структуры // Исследования дискурса. – Тяньцзинь, 2022. – № 1. – С. 120-132. 王加林,刘如梦,戴凤霜. 基于“双层—五步”框架的话语互动分析 // 话语研究论丛. – 天津, 2022. – № 1. – С. 120-132.
5. Ван Чао. От монолога к диалогу: сдвиг в мышлении о китайском литературном издании выходящем на мировой уровень // Китайское издательство. – Пекин, 2018. – № 7. – С. 14-17. 王超. 从独白到对话:中国文学出版走出去的思维转向. // 中国出版. – 北京, 2018. – № 7. – С. 14-17.
6. Ван Ясинь, Лю Яньчэн, Чжан Ши. Внешняя цифровая коммуникация новых аналитических центров с китайской спецификой: состояние развития и практические стратегии // Медиа. – Пекин, 2024. – № 6. – С. 62-65. 王亚莘,刘彦成,张诗奕. 中国特色新型智库对外数字传播:发展现状与实践策略 // 传媒. – 北京, 2024. – № 6. – С. 62-65.
7. Го Кэ. Состояние и тенденции развития зарубежных средств коммуникации Китая за последние 30 лет реформ и открытости // Внешняя коммуникация. – Пекин, 2008. – № 11. – С. 34-36. 郭可. 改革开放30年来中国对外传播媒体的发展现状及趋势 // 对外传播. – 北京, 2008. – № 11. – С. 34-36.

8. Красина Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник РУДН. – Москва, 2016. – № 4. – С. 91-102.
9. Лобанова Т. Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса: структура, характеристики и дискурсивные практики. // Дисс. [Москов. гос. обл. ун-т], – 2020.
10. Малахова В. Л. Специфика дискурса в перспективе лингвистических исследований // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – Москва, 2022. – № 1(41). – С. 143-142.
11. Паксина Е.Б. Концепция диалога в работах М. Бахтина и В. Библиера // Современные проблемы науки и образования. – Москва, 2015. – № 1. – С. 214-221.
12. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Антиномии. – Екатеринбург, 2014. – № 4. – С. 65-77.
13. Сюй Нуо. Историческая трансмутация политического дискурса в медиажизни Китая // Фронт новостей. – Пекин, 2016. – № 5. – С. 107-110. 许诺. 中国媒体生活政治话语的历史嬗变 // 新闻战线. – 北京, 2016. – № 5. – С. 107-110.
14. Тун Дэчжи. Изменение и распространение системы политического дискурса Китая // Современная коммуникация (Вестник Коммуникационного университета Китая) – Пекин, 2015. – № 9. – С. 81-82. 佟德志. 中国政治话语体系的变迁与传播 // 现代传播(中国传媒大学学报) – 北京, 2015. – № 9. – С. 81-82.
15. Тянь Хайлун. Критические перспективы в исследованиях дискурса: от критической лингвистики к критическому дискурс-анализу // Обучение иностранным языкам Шаньдуна. – Цзинань, 2006. – № 2. – С. 40-47. 田海龙. 语篇研究的批评视角:从批评语言学到批评话语分析 // 山东外语教学. – 济南, 2006. – № 2. – С. 40-47.
16. Ху Аньцзян. Исследование перевода и распространения системы иностранного дискурса с китайской спецификой // Китайский перевод. – Пекин, 2020. – № 02(41). – С. 44-51+188. 胡安江. 中国特色对外话语体系的译介与传播研究 // 中国翻译. – 北京, 2020. – № 02(41). – С. 44-51+188.
17. Ху Жунтяо. Эволюция идеологического дискурса Коммунистической партии Китая за последние сто лет и его реалистичное раскрытие // Вестник Хэбэйского молодежного управленческого кадетского колледжа. – Шицзячжуан, 2022. – № 6(34). – С. 100-106. 胡荣涛. 百年来中国共产党意识形态话语权演进及其现实启示 // 河北青年管理干部学院学报. – 石家庄, 2022. – № 6(34). – С. 100-106.
18. Хун Шисе. Конструирование дискурса и инновации повествования в международной коммуникации «Китайской истории» // Медиа. – Пекин, 2024. – № 23. – С. 53-55. 洪诗谐. 中国故事国际传播的话语建构与叙事创新. 传媒. – 北京, 2024. – № 23. – С. 53-55.
19. Хэ Цзюань. Исследование построения системы иностранного дискурса с китайской спецификой. // Дисс. [Гуйчжоу. пед. ун-т], – 2022. 何娟. 中国特色对外话语体系的构建研究. // 博士论文. [贵州师范], – 2022.
20. Цзин Сюэмин, Чжао Цзе. От слияния перспектив к становлению дисциплин: академический обзор и теоретические размышления о 40 годах исследований политической коммуникации в Китае // Современная публикация. – Пекин, 2022. – № 4. – С. 14-26. 荆学民, 赵洁. 从视界融合到学科建制:中国政治传播研究40年学术检视与理论思考. // 现代出版. – 北京, 2022. – № 4. – С. 14-26.
21. Цзу Хао. Политическая медиатизация: основное значение, ключевые понятия и теоретические рамки // Вестник университета Китайской академии общественных наук. 2022. – Пекин, 2022. – № 9(42). – С. 91-105+147. 祖昊. 政治媒介化:基本意涵、关键概念和理论框架. 中国社会科学院大学学报. – 北京, 2022. – № 9(42). – С. 91-105+147.
22. Чжан Гуанчжао. Создание концептов в международной коммуникации: анализ политического дискурса речевых текстов Си Цзиньпина в зарубежных странах (2012-

- 2021 гг.) // Журналистика и коммуникационные исследования. – Пекин, 2022. – № 3 (29). – С. 5-18+126. 张广昭. 国际传播中的概念创造: 基于习近平涉外演讲文本的政治话语分析(2012-2021). // 新闻与传播研究. – 北京, 2022. – № 3 (29). – С. 5-18+126.
23. Чжан Лейбао. Обзор зарубежных исследований народной демократии в целом процессе // Исследования по современной истории Китая. 2024. № 1(31). С. 8-11. 张镔宝. 海外关于全过程人民民主的研究评述 // 当代中国史研究. 2024. № 1(31). С. 8-11.
24. Чжан Янь, Линь Ялун. Эмпирическое исследование эффекта международной коммуникации модели ACGT: на примере «RT» // Современная коммуникация (Вестник Коммуникационного университета Китая). – Пекин, 2023. – № 5(45). – С. 52-59. 张燕, 林亚龙. ACGT模式国际传播效果的实证研究: 以B站RT今日俄罗斯为例. // 现代传播(中国传媒大学学报). – 北京, 2023. – № 5(45). – С. 52-59.
25. Шукуров Д. Л. Дискурс М.М. Бахтина и теория интертекстуальности // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – Иваново, 2012. – № 2 (3). – С. 105-109.
26. Юй Цюаньюн. Конструирование власти в системе дискурса и международной коммуникации: на примере нарративной логики китайской модернизации // Фронт теоретической мысли. – Тайюань, 2024. – № 3 (05). – С. 10-18+140. 于涌泉. 话语体系的权力建构与国际传播: 以中国式现代化的叙事逻辑为例. // 思想理论战线. – Шанхай, 2024. – № 3 (05). – С. 10-18+140.
27. Юй Шуцзин, Цзин Сюэмин. Четырехкратные ресурсы политического дискурса китайской модернизации и его коммуникативный вызов // Журнал Друг редактора. – Тайюань, 2024. – № 6. – С. 14-22. 于淑婧, 荆学民. 中国式现代化政治话语的四重资源及其传播调用. // 编辑之友. – 太原, 2024. – № 6. – С. 14-22

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию политического медиадискурса в Китае. Отмечается, что «определение политического медиадискурса в китайской лингвистике в основном базируется на сопряжении лингвистики и политологии, подчеркивая его многочисленные свойства как носителя идеологии, посредника властных отношений и инструмента социального управления». Актуальность предмета исследования не вызывает сомнения. С развитием информационных технологий медиатизированный политический дискурс, как новая форма распространения политической информации, постепенно становится важным элементом политической коммуникации. Эта форма дискурса не только предоставляет аудитории возможность получать информацию о политических событиях, но и выполняет роль моста для взаимодействия и диалога между политическими деятелями и обществом: «политический дискурс должен адаптироваться к новым сценариям, в этом контексте изучение политического медиадискурса как дискурсной перспективы политической лингвистики приобретает особое значение».

Теоретической основой работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как Е. А. Красина, Т. Н. Лобанова, О. Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод, Дел Хаймс, Джером Брунер, Норман Фэркло Ван Чао, Го Кэ, Тянь Хайлун, Тун Дэжи, Хэ Цюань, Чжан Янь, Линь Ялу и др., посвященные широкому спектру вопросов в области дискурс-анализа, политического дискурса и медиадискурса и пр. Библиография составляет 21 источник, актуальна, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, а также находит отражение на

страницах статьи.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачам («дать всесторонний обзор развития политического дискурса в китайских СМИ») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; собственно метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) решить обозначенные задачи и обоснованно прийти к выводу о том, что развитие китайского политического медиадискурса в Китае и в международном пространстве схоже, однако в нем наблюдаются лингвистические недостатки. Отмечается, что развитие политического медиадискурса в Китае развивалось в условиях социалистической системы с китайской спецификой и сделало развитие китайского политического медиадискурса чрезвычайно зависимым от государственных органов и официальных СМИ. Наличие механизмов цензуры ограничивает свободу развития дискурса.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в решение проблем современных видов коммуникации и изучение политического медиадискурса в Китае («на теоретическом уровне она обогащает изучение современного состояния практики китайской политической дискурсивной коммуникации, предоставляет примеры для дискурс-анализа и помогает построить парадигму исследования китайского дискурса, независимую от западных теорий»; «на практическом уровне предлагает конструктивные мнения для создания международного коммуникационного потенциала Китая, готовит к информационной войне и кризису развития дискурса»), могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. В целом, стиль изложения материала тяготеет к научному типу. Однако в рукописи встречаются опечатки и стилистические неточности: см «Практическая значимость работа заключается в том, что...», «Вышеперечисленные лингвистически анализ показывает, что...», «Как и вышеизложенное, распространение китайского политического медиадискурса на международной арене можно условно разделить на четыре этапа, хотя и с несколько иными сроками и содержанием», «Такая ситуация приводит к утомлению и скуке аудитории...», «Существует также риск сделать серьезные политические концепции развлекательными и смешными, итак снизит авторитет политического дискурса» и др. Они не умаляют общего положительного впечатления от рецензируемой работы, но требуют устранения.

Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Лингвистический анализ политического медиадискурса в Китае: текущая ситуация, проблемы и тенденции».

Предмет исследования – особенности политического медиадискурса в Китае.

Методология исследования основана на критическом дискурс-анализе, мультимодальном дискурс-анализе в сочетании с лингвистическими методами.

Актуальность исследования обусловлена качественными изменениями в процессах производства контента, обработки, трансляции, ретрансляции и потребления информации; развитие цифровых и сетевых технологий изменило экосистему распространения новостей, традиционные СМИ постепенно вытесняются новыми. Политический дискурс также вынужден адаптироваться к новым сценариям, в этом контексте изучение политического медиадискурса, как дискурсивной перспективы политической лингвистики, приобретает особое значение. Кроме того, развитие политического медиадискурса в Китае проходит в условиях социалистической системы с китайской спецификой, что вызывает особый интерес исследователей.

Научная новизна заключается в том, что автором предпринята попытка всестороннего исследования развития политического дискурса в китайских СМИ, на основе комплексного анализа дискурса китайских политических СМИ дана характеристика актуального состояния медиаландшафта страны.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, приведена методология исследования); обсуждение и результаты (автор уточняет определение политического медиадискурса в китайской лингвистике; отмечено, что с точки зрения лингвистики, эволюция китайского политического медиадискурса внутри Китая может быть разделена на четыре этапа, дана краткая характеристика особенностей каждого этапа; зарубежное распространение китайского политического медиадискурса также можно разделить на четыре этапа, однако есть отличия по времени и содержанию; указаны актуальные проблемы развития политического медиадискурса в Китае: языковое выражение, стратегия повествования, культурные различия и адаптация к аудитории; автором предложены практические решения для преодоления существующих проблем); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 21 источник). Содержание в целом соответствует названию (возможно, стоит добавить в название после двоеточия – эволюция).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто исследует трансформацию средств массовой информации в Китае: в условиях растущей мощи страны необходимо раскрыть механизмы формирования, функционирования и воздействия китайской медиасреды, являющейся эффективным инструментом китайской внутренней и внешней политики.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы предмет и научная новизна проведенного исследования. В начале статьи следует уточнить, на каком материале базируется исследование, указать источники эмпирического материала в библиографии.

1. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.

2. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи.

3. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

4. Следуют упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным

статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье " Лингвистический анализ политического медиадискурса в Китае: эволюция, актуальные проблемы и тенденции" автором рассматривается отражение политического компонента в средствах массовой информации в Китае.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, обсуждения и результатов исследования, заключения и библиографии.

Во введении автор определяет объект, предмет и новизну исследования. Предметом исследования этой работы является эволюция китайского политического медиадискурса, его лингвистические характеристики, актуальные проблемы и стратегии. В качестве объекта исследования выступают различные практики китайского политического медиадискурса, распространяемые в Китае и на международной арене.

Научная новизна статьи заключается отражении новых проблем и тенденций в китайской политической коммуникации на современном фоне.

В качестве основного метода автор использует такие методы конгитивной лингвистики и теории нарратива, как критический и мультимодальный дискурс-анализ.

В основной части описываются особенности китайских СМИ, такие как внешняя и внутренняя направленность транслируемой информации. Кроме того, отмечается и вертикальный способ передачи информации. Автор подчеркивает, что «В соответствии с направлением распространения существует два типа политического дискурса: распространение «сверху вниз» и распространение «снизу вверх»».

Автор уделяет особое внимание хронологии исследования. Так, по мнению автора, становление китайских СМИ разделено на 4 этапа.

Основной автор называет следующую особенность отражения китайской политики в СМИ: «Благодаря китайским культурным символам, таким как Институт Конфуция и успеху Олимпийских игр в Пекине был сформирован образ страны «мирного развития»». Автор также предлагает несколько векторов развития китайского медиадискурса в будущем.

В заключении автор приходит к выводу о том, что " Содержание дискурса в значительной степени зависит от государственной политики и отвечает потребностям социалистической модернизации. Существует проблема формализма в распространении дискурса, и содержание дискурса нуждается в улучшении. Международное распространение дискурса оказывает недостаточное воздействие на практику, а эгоцентричное отношение к повествованию должно быть изменено».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки.

Так, нечетко обозначены цели и задачи исследования. При этом можно говорить о некотором отклонении от требований научного стиля, исключающего тенденциозность и ангажированность, характерную для публицистического стиля.

Статья «Лингвистический анализ политического медиадискурса в Китае: эволюция, актуальные проблемы и тенденции» является исследованием, открывающим новые

перспективы в области политики национального медиадискурса, и она может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян И. Особенности репрезентации фейк-ньюс в социальных сетях Китая // Litera. 2025. № 2. DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73336 EDN: HSPVLS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73336

Особенности репрезентации фейк-ньюс в социальных сетях Китая

Ян Ихуа

аспирант; факультет филологии; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, улица Миклухо-Маклая, 6

✉ woshiyana120@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73336

EDN:

HSPVLS

Дата направления статьи в редакцию:

12-02-2025

Дата публикации:

19-02-2025

Аннотация: Фейк-ньюс являются глобальным вызовом медиабезопасности. В Китае масштаб данной проблемы растет по мере развития социальных сетей как элемента информационных ресурсов – фейковые материалы активно распространяются параллельно с внедрением и популяризацией цифровых технологий в общественную интернет-инфраструктуру. Конкурентоспособность Китайской Народной Республики на международном рынке и его политическая мощь заставляют враждебно настроенные организации и страны дестабилизировать гармоничное развитие республики посредством таких инструментов информационной войны, как фальшивые новости и психологическое давление на аудиторию с помощью гиперболизации опасности определенных происшествий или замалчивания их положительных коррелятов, а также мистификации событий. Итогом публикации ложных данных о здравоохранении, политике, истории, экономике, международных отношениях и других немаловажных

областях человеческой деятельности являются массовые беспорядки, народные волнения, диверсии и запугивание пользователей. Феномен фейк-ньюс осложнен тем, что искусственный интеллект позволяет создавать и распространять фальшивый контент, в том числе, дипфейки, среди тысяч пользователей. Более того, материал, генерируемый нейросетью, дезориентирует аудиторию – большинство людей не в состоянии определять достоверность и актуальность новости. В статье использовались такие методы, как теоретический анализ научной литературы по обозначенной проблематике, описательный метод, агрегирование данных (табличный метод) компонентный анализ, а также систематизация и интерпретация полученного материала. Результаты данного исследования говорят о том, что специфика репрезентации фейк-ньюс заключается в генерации текстового и аудиовизуального ложного материала посредством искусственного интеллекта, продукт деятельности которого практически схож по всем своим характеристикам и параметрам с достоверным источником (сайтом профессионального авторитетного издательства) и личностью (именитым журналистом или экспертом), освещающим медиаконтент. В статье автором был сделан вывод о том, что в настоящее время все более усугубляется проблематика репрезентации фальшивых новостей тем, что для генерирования новостной информации используется искусственный интеллект, при этом создаваемый им контент практически невозможно отличить от реальности, из-за чего лженовость воспринимается аудиторией по большей части как достоверная и правдивая.

Ключевые слова:

фейк-ньюс, новости, ложные новости, социальные сети, цифровые медиа, масс-медиа, средства массовой информации, Китай, репрезентация, потребители контента

Введение

Социальные сети и мессенджеры во многих странах мира, как на Западе, так и на Востоке, в развитых и развивающихся государствах, достаточно давно зарекомендовали себя не только в роли средства обмена сообщениями, но и как источник ежедневных актуальных новостей и мнений [\[7; 14; 11, p. 1\]](#), которые интенсивно публикуются под эгидой свободы слова, вследствие чего становятся, на взгляд аудитории, более любопытным и «достоверным» материалом. Однако данные платформы в равной степени способствуют распространению не только релевантной информации, но и фейк-ньюс (*fake news*), т.е. фальшивых новостей (*false news*) [\[11, p. 1\]](#), именуемых некоторыми учеными также как «цифровая дезинформация» [\[4, с. 99\]](#).

Фейк-ньюс или фальшивые новости – это «дезинформация и мистификация, опубликованная на веб-сайтах в политических целях или для управления веб-трафиком» [\[4, с. 100\]](#), которая потенциально может формировать общественное мнение, идеологию и убеждения, а также оказывать влияние на принятие решений.

Методология исследования

В статье использовались такие методы, как теоретический анализ научной литературы по обозначенной проблематике, описательный метод, агрегирование данных (табличный метод) компонентный анализ, а также систематизация и интерпретация полученного материала.

Социальные сети Китая как как платформы распространения новостного контента средств массовой информации (СМИ)

По состоянию на январь 2023 г., исходя из статистических данных А. Петросян (Petrosyan 2024), в Китае насчитывалось примерно 1,05 миллиарда пользователей виртуального пространства, в то время как предполагаемое число интернет-аудитории всех стран на декабрь 2024 г. составило 5,5 млрд человек [11]. По подсчетам Л.Л. Томала (Thomala 2024), в Китайской Народной Республике (далее – КНР) находится крупнейшее в мире цифровое сообщество, включающее в себя около 1,09 млрд пользователей, 80% из которых – это жители мегаполисов (Пекин, Шанхай и пр.), а 67% – люди из сельских районов и отдаленных регионов страны. Более того, китайская сеть на сегодняшний день является крупнейшей в мире, обладающей сверхвысокой и стабильной скоростью передачи данных (5G) [16].

Согласно статистическим показателям, полученным А. Вотсон (Watson 2024), социальные медиа являются основным источником фейк-ньюс. Например, с 2016 г. более 50% опрошенных интернет-пользователей из 23-х стран использовали данные онлайн-платформы для ознакомления с новостными событиями, происходящими внутри государства и в мире [19].

Тем не менее, результаты исследований А. Вотсон (Watson) 2018 г. показали, что «социальные сети – это наименее надежный источник новостей в мире» [20]. Несмотря на то, что официальные масс-медиа неоднократно оповещали людей о недостоверности данного рода ресурсов, все равно негативному влиянию фейк-ньюс ежедневно подвергаются тысячи граждан. Ввиду того, что онлайн-платформами регулярно пользуются молодые китайцы, они чаще подвергаются дезинформированию в социальных медиа, в отличие от старшего поколения [19].

Исследования А.О. Третьякова, Д.В. Филатова, Д.В. Жук, Н.Н. Горлушкиной, А.А Пучковской (2018) также подтверждают, что «вирусные фейковые новости привлекают больше внимания в социальных сетях, чем настоящие новости» [4, с. 99].

Как итог, сознательно или бессознательно, многие потребители информационного контента, видя фальшивые новости, активно передают их другим (делают репост [11]), тем самым подвергая риску даже самых осведомлённых читателей [19]. Ниже приведена таблица наиболее популярных мессенджеров и социальных сетей, официально действующих на территории Китая (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Наиболее популярные социальные сети Китая [2]

Наименование	Функционал	Кол-во пользователей
WeChat (微信) китайской компании Tencent	многофункциональная социальная сеть (материковый Китай)	➡ По состоянию на конец сентября 2024 г. – более 1,38 миллиарда активных пользователей в месяц. Занимает 6-е место в мире по количеству пользователей, при этом число создания учетных записей в данной социальной сети неуклонно растет [18].
		➡ По состоянию на июль 2024 г.

<i>Weibo</i>	платформа микроблогов	— по состоянию на июнь 2024 г. – около 583 млн активных пользователей в месяц, что меньше на 2 млн, чем в аналогичном квартале 2023 г. [15] .
<i>Tencent QQ</i> (腾讯QQ)	мессенджер, включающий социальные микроблоги, онлайн-игры, групповые и голосовые чаты	→ По состоянию на третий квартал 2024 г. – около 562 млн активных пользователей в месяц (меньше, чем в прошлом квартале, когда общее число пользователей <i>Tencent QQ</i> достигало 571 млн) [17] .
<i>TikTok</i>	приложение для обмена видео в социальных сетях	→ По прогнозам экспертов <i>Statista</i> , в 2024 г. аудитория должна достигнуть 900,7 млн активных пользователей, а в 2025-ом – 955,3 млн.
<i>Bilibili</i> (B站)	онлайн-видеоплатформа для субкультур ACG (<i>Anime, Comic, and Gaming</i> – аниме, комиксы и игры)	→ В первом квартале 2024 г. среднемесячное количество активных пользователей выросло до 341,5 млн, что гораздо больше по сравнению с предыдущим кварталом.
<i>Qzone</i> (QQ空间), разработанная и принадлежащая <i>Tencent</i>	социальная сеть	По данным на 2023 г. – 571 миллион активных учётных записей в месяц на интеллектуальных устройствах.
<i>Toutiao</i> (头条)	самое популярное новостное и информационное приложение в Китае – аналог российского <i>Telegram</i>	→ По данным на 01 мая 2024 г. данный агрегатор новостей ежедневно посещает 97,37 млн человек.

Исходя из таблицы 1, очевидно, какое огромное количество пользователей имеют аккаунты в социальных сетях КНР. Зеленые стрелки обозначают в таблице активный рост регистрируемых аккаунтов и число активных пользователей социальных сетей, красные – снижение их численности, обусловленную не столько падением интереса аудитории к платформе, сколько запретами зарубежных государств функционировать той или иной сети на их территории в силу определенных идеологических или политических воззрений.

Проблема репрезентации фейк-ньюс в социальных сетях

Из исследований О.Д. Апуке и Б. Омар (*Apuke, Omar 2021a*), следует, что распространение фейковых новостей стало основной тенденцией среди пользователей *Weibo* [Ошибка! Источник ссылки не найден.; 7, р. 284], ранее известной как *Sina Weibo* и отделившаяся от *Sina*, – популярной китайской социальной сети, схожей по своему функционалу с *Twitter* – количество активных пользователей первой по состоянию на 2022 г. составило 573 млн человек (94% из которых коммуницируют через мобильные устройства) [\[13\]](#). На данный момент *Weibo* является одной из ведущих социальных платформ в Китае с 462 миллионами активных пользователей в месяц [\[21\]](#).

Как сообщает *China News Service*, согласно «Белой книге индустрии “Мы-медиа”», выпускаемой Китайской академией общественных наук, почти 60% фейковых новостей всегда сначала публикуется в *Weibo* [4; 10, p. 4], а далее наблюдается пик распространения слухов и дезинформирования в популярной многофункциональной социальной сети *WeChat* [10]. При этом увеличение числа фальшивых новостей зависит от общественных настроений.

Почти каждый китайский пользователь выходит в сеть с мобильных устройств. В последнее десятилетие *WeChat* от *Tencent* стал ведущим приложением среди китайских гиков и пользователей гаджетов. Помимо функций, схожих с *WhatsApp* и *Facebook*, *WeChat* также служит альтернативой *Amazon*, *PayPal*, *Uber* и *Expedia* [16] и представляет широкие возможности для размещения новостей. Однако поиск информации и получение новостей из данных недостоверных источников или описанных языком, максимально гиперболизирующим одни проблемы и игнорирующим другие взаимоскоррелирующие с ними факты и аспекты, оказывают негативное влияние на ситуативную мотивацию и поведение аудитории [7, p. 284], дискредитируют и «подрывают» доверие к тем или иным знаковым для государства лицам и организациям, что значительно усугубляется сквозь призму общественных кризисов или диссонансов.

Феномен репрезентации фейк-ньюс обусловлен простотой доступа к различным источникам информации, а также желанием читателей получать больше сенсационных историй. При попытке противостояния распространению ложных данных, важно понимать, как фейковые новости публикуются и репостятся, например, на *Weibo*, что поможет смягчить их последствия и защитить пользователей от нерелевантных манипуляций и дезинформирования. После проведения сравнительного исследования факторов, влияющих на распространение новостей среди пользователей *Weibo* в Китае, Х. Панг, Дж. Лю, Дж. Лу (Pang, Liu, Lu 2022), Д. Луа, Х.М. Норм, К.Г. Бэй, А.М. Адзми, С.С.А. Раис (Lua, Norm, By, Adzmi, Rays 2023) было установлено, что аудитория данной социальной сети более склонна делиться ложной информацией, когда контент апеллирует к их убеждениям или политическим взглядам. Более того, пользователи *Weibo* с большей вероятностью поделятся фейковыми новостями, которые содержат эмоциональный оттенок, преувеличенные формулировки и неточные факты [10; 7, p. 284], чем сухим, но точным и достоверным материалом.

Феномен активного репоста фейк-ньюс во многом обусловлен неграмотностью населения, которая порождает неспособность правильно интерпретировать получаемые сведения, анализировать происходящее, делать релевантные выводы из собственных поступков и их последствий, подкрепляемой отсутствием навыков отличать реальные факты от вымышленных [7, p. 285]. Помимо вышеперечисленных аспектов, бессознательное распространение ложной информации происходит вследствие отсутствия элементарных знаний в области гигиены, медицины, психологии, социологии, политологии и других междисциплинарных сфер деятельности человека, усугубляемое суеверием и легковерностью.

Данные меры детерминированы влиянием социальных сетей на общественный дискурс, которое становится все более заметным, поэтому с целью предотвращения негативных последствий любое освещение событий должно быть подконтрольным государству. В противном случае, например, в 2015 г. достаточно проблемным стало распространение дезинформирующих новостей среди пользователей *Weibo* в Китае, и это имело многочисленные негативные последствия для страны [7, p. 285]. Данная онлайн-

платформа является основным источником цифрового дезинформирования из-за своей открытости для каждого автора, который сочтет необходимым опубликовать там новостной материал или сделать его репост.

Опасность представляют фейк-ньюс, создаваемые такими развивающимися технологиями генеративного ИИ, как *ChatGPT* или *GigaChat*. Например, 10 мая 2023 г. в провинции Ганьсу КНР был арестован первый злоумышленник, использовавший вышеуказанный инструмент для внедрения в публичное пространство имитированной, т.е. поддельной реальности – лженовости с применением дипфейков о крушении поезда, в результате которого «погибли» девять строителей в городе Пинлянь, после ее публикации в социальных сетях за несколько часов набрала более 15 000 просмотров [\[9; 31\]](#), после чего повергла в панику и негодование китайскую общественность, спровоцировав коммуникативные конфликты.

С целью повсеместной борьбы с фейк-ньюс в мае 2023 г., Государственная канцелярия интернет-информации КНР (*Cyberspace Administration of China – CAC* кит. 中华人民共和国国家互联网信息办公室) заявила, что в социальных сетях с 06 апреля организацией закрывается более 107 000 аккаунтов фейковых новостных агентств и платформ, а также удаляется 835 000 источников цифрового дезинформирования. В том числе, Канцелярией были предприняты дополнительные меры по усилению борьбы с недостоверным контентом, искажающим информацию, опубликованную ведущими китайскими СМИ [\[9\]](#).

Помимо вышеобозначенных мер, для ограничения распространения ложных материалов CAC выполнил в 2023 г. проверку всех аккаунтов, выдававших себя за авторитетные СМИ, которые не только искажали текстовую информацию, но и имитировали именитых профессиональных ведущих, экспертов и специалистов, создавая их выступления с помощью искусственного интеллекта (далее – ИИ), т.е. дипфейков.

Дипфейк (*'deepfakes'*) – это гиперреалистичное видео, а именно: «синтетический мультимедийный контент, созданный посредством технологий ИИ для неосознаваемой аудиторией подмены на итоговом видео/аудио биометрических или аудиальных характеристик реального человека на иные, фейковые» [\[1, с. 32\]](#)). Т.е. созданное нейросетью видео или аудио, которое практически невозможно отличить от реальности.

Обнаруженные и ликвидированные Канцелярией CAC фейк-каналы преимущественно дезинформировали о таких событиях, как чрезвычайные ситуации общественного характера, а также массовые беспорядки и кризисные социальные явления международного масштаба.

На данный момент в Китае регулярно проводится модерация материалов и комментариев, которые считаются Канцелярией неуместными, имеют эксплицитный или имплицитный оскорбительный или угрожающий характеры, в т.ч. наносят ущерб репутации китайских и зарубежных компаний и предпринимателей [\[9\]](#).

Заключение

Социальные сети всегда являлись наименее достоверным ресурсом новостей. Однако свобода слова, к которой апеллируют авторы фейк-ньюс, создает впечатление достоверности информации, о чем, на взгляд неразборчивой аудитории, официальные источники по каким-либо причинам молчат. Репрезентация фальшивых материалов реализуется с учетом психоэмоциональных особенностей аудитории (склонности

сознания к гедонизму и привычке реагировать на яркие события, возрастная специфика восприятия информации, манера более детально и дольше помнить негативные новости, которые вызывают когнитивный диссонанс и дистресс). Яркость и экстраординарность фейк-ньюс с вышеобозначенными характеристиками мотивирует владельцев аккаунтов делать репост медиаконтента в социальных сетях и мессенджерах, вследствие чего за несколько минут или часов фейк охватывает несколько тысяч человек.

Усугубляется проблематика репрезентации фальшивых новостей тем, что для генерирования новостной информации используется искусственный интеллект – создаваемый им контент практически невозможно отличить от реальности, из-за чего лженовость воспринимается аудиторией как достоверная и правдивая.

[1] Репост – вторичная публикация новости с одной онлайн-страницы на другую или в личных сообщениях.

[2] Таблица автора.

Библиография

1. Воронин И.А., Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. №33. С. 28-47. DOI: <https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-28-47>.
2. Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О. Фальшивые новости как инструмент информационного противоборства // Государственная служба. 2018. №6 (116). С. 77-81. DOI: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-6-77-81>.
3. Муравьева А. Дипфейки, репетиторы и запрещенные слова: как Китай планирует регулировать ИИ // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/492571-dipfejki-repetitory-i-zapresennye-slova-kak-kitaj-planiruet-regulirovat-ii> (дата обращения: 26.12.2024).
4. Третьяков А.О., Филатова О.Г., Жук Д.В., Горлушкина Н.Н., Пучковская А.А. Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2018. №12. С. 99-105.
5. Apuke O. D., Omar B. Fake news and COVID-19: modelling the predictors of fake news sharing among social media users // Telematics and Informatics. 2021. Vol. 56. P. 101475.
6. Global Times, 60 Percent 'Fake' News First Found on Weibo Sites // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/928817.shtml> (date of application: 24.12.2024).
7. Luo D., Nor N.H.M., Bai K.G., Adzmi A.M., Rais S.S.A. Fake News Sharing Among Weibo Users in China // Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication. 2023. №39 (4). Pp. 284-305. DOI: <https://doi.org/10.17576/JKMJC-2023-3904-15>.
8. Mitchell A., Simmons, K., Matsa, K.E., Silver, L. Publics globally want unbiased news coverage, but are divided on whether their news media deliver // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2018/01/11/publics-globally-want-unbiased-news-coverage-but-are-divided-on-whether-their-news-media-deliver/> (date of application: 24.12.2024).
9. Orr B., Baptista E. China shuts 100,000 fake news social media accounts, ramps up content cleanup // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/> (date of application: 24.12.2024).
10. Pang H., Liu J., Lu J. Tackling fake news in socially mediated public spheres: A comparison of Weibo and WeChat // Technology in Society. 2022. № 70(6). Pp. 102004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102004>.

11. Petrosyan A. Global number of internet users 2005-2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/273018/number-of-internet-users-worldwide/> (date of application: 24.12.2024).
12. Sheng Q., Cao J., Bernard H.R., Shu K., Lia J., Liu H. Characterizing Multi-Domain False News and Underlying User Effects on Chinese Weibo // Information Processing and Management. 2022. Vol.59. №4. URL: <https://arxiv.org/pdf/2205.03068>. DOI:10.48550/arXiv.2205.03068.
13. Smith C. Weibo Statistics and User Count for 2024 // DMR Publisher. URL: <https://expandedramblings.com/index.php/weibo-user-statistics/> (date of application: 24.12.2024).
14. Tang X., Huang, C., Wu, X. Annual Report on Development of New Media in China. Social Sciences Academic Press, 2020. 222 p.. ISBN: 978-7-5201-6744-4.
15. Thomala L.L. Average number of daily active users of Weibo Corporation from 2nd quarter 2018 to 2nd quarter 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1058070/china-sina-weibo-dau/> (date of application: 24.12.2024).
16. Thomala L.L. Internet usage in China – statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/1179/internet-usage-in-china/#topicOverview> (date of application: 24.12.2024).
17. Thomala L.L. Number of monthly active QQ users from 1st quarter 2018 to 3rd quarter 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1318070/china-tencent-number-of-monthly-active-accounts-of-qq/> (date of application: 24.12.2024).
18. Thomala L.L. Number of monthly active WeChat users from 3rd quarter 2014 to 3rd quarter 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/255778/number-of-active-wechat-messenger-accounts/> (date of application: 24.12.2024).
19. Watson A. False news worldwide – statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/6341/fake-news-worldwide/#topicOverview> (date of application: 24.12.2024).
20. Watson A. Share of adults who use social media as a source of news in selected countries worldwide as of February 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/718019/social-media-news-source/> (date of application: 24.12.2024).
21. Weibo (Sina Weibo) // China internet watch. URL: <https://www.chinainternetwatch.com/tag/weibo/> (date of application: 24.12.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают фейковые новости в социальных сетях Китая, актуальность изучения которых обусловлена остротой и общественной значимостью изучаемого явления и его влиянием на общественное сознание. Как отмечается в работе, социальные медиа являются источником фейк-ньюс. Под фейковыми новостями в представленном материале понимается «дезинформация и мистификация, опубликованная на веб-сайтах в политических целях или для управления веб-трафиком», которая потенциально может формировать общественное мнение, идеологию и убеждения, а также оказывать влияние на принятие решений. На современном этапе проблема изучения принципов создания и распространения дезинформации находится в фокусе пристального внимания целого ряда современных

наук, в том числе медиалингвистики.

Теоретическую базу работы составили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как Л. Е. Ильичева и А. О. Кондрашов, А. Муравьева, А. О. Третьяков, О. Г. Филатова, Д. В. Жук, Н. Н. Горлушкина, А. А. Пучковская, A. Watson, O. D. Apuke и B. Omar, B. Orr и E. Baptista, Q. Sheng, J. Cao, H. R. Bernard, K. Shu, J. Lia, H. Liu, L. L. Thomala и др., посвященные различным аспектам фейковых новостей и социальным сетям, а также методике определения фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта. Библиография статьи насчитывает 21 источник, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод; социокультурный анализ, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов. Достаточно основательно рассматриваются социальные сети Китая как платформы распространения новостного контента средств массовой информации; исследуется проблема репрезентации фейк-ньюс в социальных сетях КНР. Приводится таблица наиболее популярных мессенджеров и социальных сетей, официально действующих на территории Китая. Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы: «Репрезентация фальшивых материалов реализуется с учетом психоземotionalных особенностей аудитории (склонности сознания к гедонизму и привычке реагировать на яркие события, возрастная специфика восприятия информации, манера более детально и дольше помнить негативные новости, которые вызывают когнитивный диссонанс и дистресс)», «Усугубляется проблематика репрезентации фальшивых новостей тем, что для генерирования новостной информации используется искусственный интеллект – создаваемый им контент практически невозможно отличить от реальности, из-за чего лженовость воспринимается аудиторией как достоверная и правдивая» и др.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение проблем теории массовых коммуникаций и феномена фейковых новостей; выявляют взаимосвязь фейковых новостей и социальных сетей и могут быть использованы в курсах по теории дискурса, когнитивной лингвистике, медиалингвистике и пр.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Содержание работы соответствует названию. Стил изложения материала отвечает требованиям научного описания. Однако объем материала недостаточен для раскрытия темы. Рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит согласиться и признать, что «социальные сети и мессенджеры во многих странах

мира, как на Западе, так и на Востоке, в развитых и развивающихся государствах, достаточно давно зарекомендовали себя не только в роли средства обмена сообщениями, но и как источник ежедневных актуальных новостей и мнений, которые интенсивно публикуются под эгидой свободы слова, вследствие чего становятся, на взгляд аудитории, более любопытным и «достоверным» материалом». Оценка и анализ социальных сетей необходим, это достаточно актуально и востребовано. Автор рецензируемой статьи ориентирован на дешифровку репрезентации фейк-ньюс в социальных сетях Китая. На мой взгляд, тема имеет приметы новизны, да и работ в указанном тематическом режиме не так много. В начале труда отмечено, что «в статье использовались такие методы, как теоретический анализ научной литературы по обозначенной проблематике, описательный метод, агрегирование данных (табличный метод) компонентный анализ, а также систематизация и интерпретация полученного материала». В целом работа грамотно сформирована, основные требования издания учтены; материал верно структурирован, автор стремится к объективности освещения вопроса. Удачно, на мой взгляд, сочетается в статье информационный уровень и собственно практический. Статистика дополняет исследование, фактические нарушения не выявлены: «согласно статистическим показателям, полученным А. Вотсон (Watson 2024), социальные медиа являются основным источником фейк-ньюс. Например, с 2016 г. более 50% опрошенных интернет-пользователей из 23-х стран использовали данные онлайн-платформы для ознакомления с новостными событиями, происходящими внутри государства и в мире», или «Как сообщает China News Service, согласно «Белой книге индустрии “Мы-медиа”», выпускаемой Китайской академией общественных наук, почти 60% фейковых новостей всегда сначала публикуется в Weibo, а далее наблюдается пик распространения слухов и дезинформирования в популярной многофункциональной социальной сети WeChat. При этом увеличение числа фальшивых новостей зависит от общественных настроений» и т.д. Ссылки и цитации даются в правильном формате: например, «После проведения сравнительного исследования факторов, влияющих на распространение новостей среди пользователей Weibo в Китае, Х. Панг, Дж. Лю, Дж. Лу (Pang, Liu, Lu 2022), Д. Луа, Х.М. Норм, К.Г. Бэй, А.М. Адзми, С.С.А. Раис (Lua, Norm, Bu Adzmi, Rays 2023) было установлено, что аудитория данной социальной сети более склонна делиться ложной информацией, когда контент апеллирует к их убеждениям или политическим взглядам. Более того, пользователи Weibo с большей вероятностью делятся фейковыми новостями, которые содержат эмоциональный оттенок, преувеличенные формулировки и неточные факты [10; 7, p. 284], чем сухим, но точным и достоверным материалом» и т.д. Тема работы раскрыта, цель достигнута. Автор приходит к выводу, что «Социальные сети всегда являлись наименее достоверным ресурсом новостей. Однако свобода слова, к которой апеллируют авторы фейк-ньюс, создает впечатление достоверности информации, о чем, на взгляд неразборчивой аудитории, официальные источники по каким-либо причинам молчат. Репрезентация фальшивых материалов реализуется с учетом психоэмоциональных особенностей аудитории (склонности сознания к гедонизму и привычке реагировать на яркие события, возрастная специфика восприятия информации, манера более детально и дольше помнить негативные новости, которые вызывают когнитивный диссонанс и дистресс)». Материал может быть использован для дальнейшей оценки социальных сетей, углублении проблемного уровня. Рекомендую статью «Особенности репрезентации фейк-ньюс в социальных сетях Китая» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Еникеева Е.М. Кризисная и конфликтная коммуникация в политической сфере: общее и особенное // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.69868 EDN: JWYDOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69868

Кризисная и конфликтная коммуникация в политической сфере: общее и особенное

Еникеева Екатерина Михайловна

ORCID: 0000-0001-5887-5086

ассистент, кафедра социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, к.1, ауд. 331/1

✉ enikeeva_em@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.69868

EDN:

JWYDOS

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2024

Дата публикации:

21-02-2025

Аннотация: В статье анализируется соотношение ключевых понятий «кризис», «конфликт» и «риск» в контексте политической сферы для возможности выявления общих и особенных характеристик кризисной и конфликтной коммуникации. Особое внимание уделяется коммуникативным аспектам таких социальных явлений, как кризис и конфликт. Автор рассматривает разные подходы к определению соотношения ключевых понятий. В статье за основу было взято соотношение «конфликта» и «кризиса» как нарастающих по своим негативным последствиям фаз, сопровождаемых умножением рисков, которые могут ускорить процесс перехода от одной стадии к другой. Основной упор делается на использовании кризисных и конфликтных коммуникаций в сфере политики. Выделяются существенные различия кризисных и конфликтных коммуникаций с точки зрения аудитории, целей, каналов и т.п. Также описываются общие черты, в том

числе в области использования технологий снижения социального напряжения.

Методологической основой исследования являются работы отечественных и зарубежных авторов, которые рассматривают конфликтные и кризисные явления в контексте политической сферы. На основе работ современных исследователей отмечается ограниченность классических подходов (Р. Даренфора, Л. Козера) по отношению к происходящим в XXI в. политическим процессам. Отмечается расширение стратегических задач кризисных коммуникаций государства в связи с увеличением рисков, ведущих к дестабилизации общества. Выделяются общие характеристики конфликтной и кризисной коммуникации среди которых схожие принципы коммуникативного взаимодействия государства и общества (информационная открытость, оперативный характер коммуникации, задействование большого спектра каналов), а также особенности двух видов коммуникаций: масштаб, разный уровень рисков, возможности в быстрой локализации конфликтной ситуации и др. Одним из выводов исследования является определение необходимости пересмотра системы антикризисного управления в политической сфере, где важно чётко определять границы кризисных или конфликтных коммуникаций, т.к. от этого будет зависеть выбор технологий и инструментов.

Ключевые слова:

Конфликтные коммуникации, Кризисные коммуникации, Политическая сфера, Политический конфликт, Политический кризис, Р и с к и, Политические риски, Коммуникации, Политические коммуникации, Социальная напряженность

Введение

Социокультурные изменения, которые происходят в современном обществе, значительно увеличивают актуальность проблемы конфликтной коммуникации. Резкое обострение социальных, политических, экономических и других противоречий, которое стало возможным в результате цифровизации общества и появлению масштабных площадок для коммуникации, привело к проявлению «кризисного сознания» [\[34,37\]](#). Кризисное сознание характеризуется ощущением кризиса, неопределенности и неуверенности в будущем. Это может быть вызвано различными факторами, включая экономические проблемы, политическую нестабильность, этническую напряженность и другие обстоятельства. Кризисное сознание может привести к пессимистическому мировоззрению, чувству беспомощности и потери надежды на лучшее будущее. Оно также может быть связано с низким уровнем доверия к властям и институтам общества. Это состояние может оказывать значительное влияние на поведение и решения людей, а также на социальную и политическую обстановку в стране. Работа над преодолением кризисного сознания важна для обеспечения стабильности и развития общества.

В рамках теории коммуникации, разрабатываемой с учетом вызовов, с которыми сталкивается современная цивилизация, предполагается создание новой "онтологии" мира и разработка новых исследовательских парадигм. В связи с этими процессами экспликация и описание сути таких социальных явлений, как «кризисные коммуникации» и «конфликтные коммуникации» в условиях цифровизации, становятся актуальными для возможности применения данных понятий к различным сферам современной общественной жизни.

Целью данной статьи является выявление общих и особенных характеристик кризисных и

конфликтных коммуникаций в политической сфере. Исходя из поставленной цели, были определены следующие задачи:

- Провести анализ соотношения категорий «риск», «кризис», «конфликт».
- Выявить общие характеристики кризисных и конфликтных коммуникаций в политической сфере.
- Определить особенности кризисных и конфликтных коммуникаций в сфере политических отношений.

Изучением и разработкой понятий о кризисах и конфликтах занимались многие известные зарубежные и отечественные мыслители, среди них выделяют: Г. Гегеля и его понятие о коллизии как движущей силе действия, Э. Гуссерля и его взгляд на кризис европейских наук, П. Сорокина, который считал кризисное состояние процессом построения новой системы ценностей, О. Шпенглера и его концепция «кризиса культуры», Р. Генон и его труд «Кризис современного мира», классик зарубежной конфликтологии Л. Козер [\[19\]](#) и многие другие. Проблема конфликтов и кризисов активно изучается и современными отечественными исследователями, такими как: А.Н. Чумиков [\[40,41,42\]](#), О.В. Михайлов [\[23\]](#), Пустовалова Е.В. [\[33\]](#), Тишкевич Э.В. [\[38\]](#), Яковлева Ю.Н. [\[45\]](#), Вильданов И.Э. [\[11\]](#), Игнатьева М.В. [\[18\]](#), Панин И.С. [\[29\]](#), Овчаров А.О. и Овчарова Т.Н. [\[28\]](#) и др. Политические конфликты и кризисы в своих исследованиях рассматривали: Ачкасова В.А. [\[3\]](#), Глухова А.В. [\[13,14\]](#), Соловьёв А.И. [\[36\]](#), Лебедева М.М. [\[23\]](#), Петренко О.В. [\[30,31\]](#), Рассказов Л.Д. и Бадмаева М.В. [\[34\]](#), Голуб О.Ю. [\[15,16\]](#) и др. Риски в разных сферах, в том числе и политические, исследовали: Беляев С.О. [\[6\]](#), Бородина М.К. и Рыбакова С.В. [\[7\]](#), Нечкин Д.А. [\[26\]](#), Федорова М.Ю. [\[39\]](#) и др.

Ключевые понятия: кризис

Переходя непосредственно к рассмотрению ключевых понятий, стоит отметить, что разнообразие подходов к определению, а также междисциплинарный характер данных явлений не позволяют дать однозначную трактовку терминов для всех сфер общественной жизни.

Теория антикризисных коммуникаций содержит в себе понятие «кризис», который имеет различные трактовки. Как отмечает Ю.Н. Яковлева, концепция кризиса не поддаётся простому определению [\[45\]](#). В словарных изданиях [\[22,44\]](#) кризис – это поворотный момент, влияющий на ход событий, нестабильное положение, ведущее к резким изменениям. Если обращаться к исследователям, специализирующимся на антикризисных коммуникациях, то К. Ру-Дюфор, автор книги «Управлять и принимать решение в кризисной ситуации», определяет кризис как накопление организацией потенциальных факторов, способных привести к нарушению работы организации, а также задеть интересы индивидов [\[1\]](#). А.Н. Чумиков, описывая явление кризиса, приходит к выводу о том, что кризис имеет несколько проявлений: это прекращение нормального процесса; непредвиденное событие, ставящее под угрозу стабильность некоторой структуры; внезапное серьезное происшествие, способное повредить репутации или даже разрушить ее [\[42\]](#). В то же время исследователь замечает, что кризис в ряде ситуаций можно квалифицировать как конфликт.

Один из современных взглядов на кризис, с точки зрения права, представила М.В. Игнатьева, определившая этот социальный феномен как «ситуацию, при которой

существующие правила поведения становятся невозможными к осуществлению и наблюдаются противоречия между нормами различных отраслей права, конфликт ценностей, снижение эффективности правового регулирования общественных отношений и защиты прав граждан, недоверие общества и отсутствие желания применения права для защиты своих интересов» [\[18\]](#).

В новейшей научной литературе, относящейся к рубежу 2010-х – 2020-х гг., понятие «кризис» относительно социальной сферы, рассматривается как явление, ведущее к разрушению социальной структуры, обострению противоречий между социальными группами [\[28\]](#), или же связывается разрывом социальных связей. И.Э. Вильданов предложил определять социальный кризис через социальные связи: «как процесс крайнего обострения противоречий в обществе, резкое нарастание критической массы конфликтов до такой точки, за которой последует разрыв социальных связей» [\[11\]](#).

Социально-экономический подход к определению кризиса трактует данное понятие как «сильное обострение разногласий в социально-экономической системе (предприятии), которое угрожает деятельности предприятия в окружающей среде» [\[21\]](#).

В последнее время особенно актуализировались политические кризисы. Отметим, что в современных исследованиях (2020-2023 гг.) термин «политический кризис» чаще всего не определяется, т.к. предметом исследований становится само кризисное явление, а не его понятийная интерпретация. При рассмотрении более ранних трудов можно выделить несколько подходов к определению политических кризисов. Так, в теории международных отношений [\[31\]](#) кризис рассматривается как одна из стадий конфликта [\[23\]](#).

В политической науке кризис часто идентифицируется через такую качественную характеристику, как нестабильность [\[30\]](#). Под политическим кризисом понимается острое усиление противоречий в политических отношениях, возникающее в силу нестабильности и неустойчивости, способное привести к серьезным изменениям в структуре власти, обществе или политической системе в целом. Результатом кризиса могут стать как социальная катастрофа, гибель или разрушение системы, так и позитивные изменения, и обновление системы.

Таким образом, понятие «кризис» рассматривается в различных предметных областях, охватывающих различные сферы жизни общества: экономические, социальные, политические, психологические и др.

Ключевые понятия: конфликт

Подобные подходы применительны и к определению термина «конфликт». Многие отечественные специалисты в своих работах разделяют подходы классиков конфликтологии Р. Даренфора [\[5\]](#) и Л. Козера [\[19\]](#), однако современные исследователи [\[3, 14\]](#) отмечают ограниченность классических подходов по отношению к происходящим в XXI в. политическим процессам, что подтверждается остротой дискуссии относительно содержания данной категории. Так, П. Бурдые [\[8\]](#) была предложена социально-политическая концепция, в рамках которой конфликт представляет собой более сложное явление, обусловленное особым социальным пространством. Общим среди различных подходов к сущности конфликта является понимание его как столкновения, противостояния, борьбы и т.п., то есть как явления негативного характера, однако, способного носить и позитивный потенциал. Причинами конфликтов становятся

разнообразные противоречия – в целях, установках и интересах [\[43, 32\]](#), неравное распределение ресурсов (капитала), в том числе властных [\[19, 24, 9\]](#), а также и иные детерминанты [\[2, 30\]](#). Представители социологического подхода делают особый акцент на сильном социальном напряжении, которое сопровождает конфликт [\[38\]](#), что свойственно и для политической сферы.

В политических науках политический конфликт предстает как вид политического процесса, характеризующийся резким противоборством, столкновением политических сил, обусловленным противоположностью их политических интересов, ценностей и взглядов [\[32\]](#). В ряде исследований политические конфликты трактуются как противоборство политических субъектов – индивидов, групп, движений, государств по поводу властных полномочий и ресурсов [\[24\]](#). Наиболее удачное определение, по мнению В.А. Ачкасовой [\[3\]](#), было дано в «Политологическом словаре», где под политическим конфликтом понимается столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные, прежде всего, с достижением власти или ее перераспределения, а также с изменением их политического статуса в обществе.

В современном обществе советская парадигма государственной власти как органа обеспечения «баланса интересов» сменилась на понимание политической сферы как конфликтной среды [\[17, 3, 14\]](#). По мнению авторского коллектива Глуховой А.В., Кольбы А.И. и Соколова А.В. [\[13\]](#), основывающих своё представление на исследовании Соловьева А.И. [\[36\]](#), сама природа власти становится источником структурного конфликта государства и общества. В связи с этим в научном дискурсе устоявшимися являются тезисы о возможности регулирования и управления политическими конфликтами [\[41\]](#).

Ключевые понятия: риск

В настоящее время чрезвычайно важным для рассмотрения выступает понятие, относящееся как к кризисным, так и к конфликтным явлениям, – понятие «риск». Среди подходов к определению риска можно выделить: экономический, онтологический, социальный, политический.

Риск в онтологическом смысле представляет собой возможность наступления событий или явлений в будущем, которые пока не наступили. В то же время гносеологическая сущность риска описывает возможность осуществления событий и явлений, которые уже существуют, но о которых мы еще не знаем [\[27\]](#).

В социальной сфере риск можно определить как социально значимые опасности общественного характера, индивидуальная защита от которых практически невозможна. Кроме того, социальным риском может называться возможность возникновения социально неблагоприятной ситуации, требующей введения системы государственной поддержки граждан (пособия, льготы, пенсии и пр.) [\[39\]](#).

Наиболее часто понятие риска используется в сфере экономики. Экономический подход определяет риск как вероятность возникновения потерь, убытков, недопоступления планируемых доходов, прибыли [\[6\]](#); неопределенность финансовых результатов в будущем [\[7\]](#).

А.А. Кондратьева и В.Н. Вотякова сформулировали это понятие следующим образом:

«Риск – это действие (деяние, поступок), выполняемое в условиях выбора (в ситуации выбора в надежде на счастливый исход), когда в случае неудачи существует возможность (степень опасности) оказаться в худшем положении, чем до выбора (чем в случае несовершения этого действия)» [\[20\]](#).

Рассматривая риски в политической сфере, исследователь Д.А. Нечкина показала, что различные трактовки понятия «политический риск» варьируются от оценки конкретных рисков для международных компаний в результате деятельности правительства принимающей страны до изучения общей совокупности неэкономических рисков, связанных с социально-политической средой в государстве [\[26\]](#).

Таким образом, «кризис», «конфликт» и «риск» являются сложными междисциплинарными понятиями, не имеющими однозначной трактовки [\[29\]](#). При попытке соотнести «кризис» и «конфликт» возникает несколько точек зрения: кризис – это переломный момент, а конфликт характеризуется процессом взаимодействия; кризис предшествует конфликту (В.А. Барсамов [\[4\]](#) и О.А. Рыжов [\[35\]](#)), кризис и конфликт выступают синонимичными понятиями [\[29, 10\]](#). В работе этих авторов под конфликтом понимаются особые формы взаимодействия людей, групп или объединений, возникающие при несовместимости их интересов, взглядах или позициях. Кризис является более общим термином, описывающим состояние крайнего обострения противоречий в обществе и резкое нарастание критической массы конфликтов, последствия которого может дестабилизировать общество, нарушить работу системы или даже разрушить её, в то время как конфликт фокусируется на противоречиях и разногласиях между сторонами. В таком случае «конфликт» и «кризис» являются возрастающими стадиями негативных явлений, где конфликт в качестве стадии предшествует стадии кризиса. Более того, «кризис» как более широкое понятие может существовать без стадии «конфликта», например, во время природных катаклизмов, которые не могут быть контролируемы со стороны людей. Риск в работе будет рассматриваться как действие, выполняемое в условиях выбора и имеющее возможность ухудшения положения в случае неудачи. В таком смысле понятие «риск» оказывается промежуточным звеном между разными стадиями кризисной или конфликтной ситуации, т.к. выбор действия по решению конфликта/кризиса также является риском, который может привести к эскалации данных явлений.

Применительно к политической сфере данные понятия сужаются. Политический кризис представляет собой ситуацию в политической системе общества, которая характеризуется углублением и обострением конфликтов, а также резким увеличением политического напряжения, которое может повлечь за собой непоправимые последствия. В данном контексте политические конфликты представляются как особое взаимодействие политических субъектов (индивидов, групп, движений, государственных структур, государств и пр.), возникающее на почве стремления реализации своих интересов и целей, в том числе противоборство за властные полномочия и ресурсы. Такой подход позволит рассматривать политические конфликты в более широком смысле, в том числе между обществом и политическими структурами. Под политическим риском будет пониматься вероятность нежелательных последствий политических и других решений, связанных с политическими событиями, способными принести тот или иной ущерб их участникам в реализации их интересов.

Кризисные и конфликтные коммуникации в политической сфере

Такое соотношение понятий позволяет сделать вывод о необходимости определения двух

важных видов коммуникации: конфликтных и кризисных. Как было отмечено ранее, в ряде исследований конфликт и кризис приравниваются друг к другу, а значит, в качестве инструментов, техник и методов контроля и регулирования кризисной или конфликтной ситуации выступает один вид коммуникации. В научном поле наиболее проработанной является теория кризисных коммуникаций, которая до недавнего времени была доминирующей в конфликтном дискурсе. Однако в 2021 г. А.Н. Чумиков выделил конфликтные коммуникации в медийной сфере в качестве предмета отдельного изучения [40]. Это новое видение заставляет сфокусировать внимание на теме разграничения кризисных и конфликтных коммуникаций в медийном поле и за его рамками.

Кризисные коммуникации как область научного познания берут своё начало в работах по кризисному менеджменту.

Одну из часто используемых в исследованиях дефиниций кризисных коммуникаций предложил Д.П. Гавра: это комплекс информационно-коммуникативных мероприятий, направленных на минимизацию ущерба для имиджа организации в условиях кризиса [12].

Рассматривая кризисные коммуникации в политической сфере, можно отметить, что стратегические задачи государства как актора коммуникации расширяются, помимо упреждения репутационных и имиджевых ударов, появляется необходимость в контроле над информационном полем, идейном обосновании своих решений [16], грамотном противодействии оппозиционным силам. Такое расширение обоснованно масштабными рисками, которые несут в себе кризисы в политической сфере, начиная от социальной напряжённости и политической нестабильности и заканчивая полной сменой власти и установления нового политического режима, что наблюдается в современном мире (государственный переворот в Гвинее в 2021 году, военный переворот в Буркина-Фасо в 2022 году и др.).

В отличие от кризисной, конфликтные коммуникации направлены на решение менее масштабных ситуаций. Локализовать конфликт проще, чем кризис, особенно в стадии зарождения. Конфликтная коммуникация в политической сфере одной из своих целей ставит разрешение конфликта, поиск компромиссов и установление эффективного взаимодействия между сторонами, тогда как кризисная коммуникация преследует цель минимизации рисков и ущерба, которые могут быть последствием кризиса. Кризисная коммуникация работает с негативными воздействиями [15], в то время как конфликтная коммуникация может работать и в более нейтральном направлении и даже повышать эффективность дальнейшего взаимодействия. Ещё одним отличием является аудитория. Кризисные коммуникации ориентированы на широкую аудиторию, включая прессу, общественность, органы власти и другие заинтересованные стороны, в то время как конфликтные коммуникации чаще всего ориентированы на стороны, вовлеченные в конкретный конфликт.

Среди общих технологий снижения социального напряжения во время политического конфликта и кризиса можно выделить следующие принципы коммуникативного взаимодействия государства и общества: информационная открытость, оперативный информационный обмен между акторами, использование большого спектра коммуникационных каналов. Однако в кризисной ситуации необходимо максимально широкое освещение событий, в том числе через задействование всех доступных источников. В конфликтном же противостоянии может быть достаточно одной коммуникативной площадки для разрешения ситуации, но важно отметить, что

отслеживание предконфликтного состояние необходимо на всех возможных ресурсах.

В качестве общей черты прогнозирования и предупреждения конфликтных и кризисных ситуаций можно выделить постоянный мониторинг информации, размещенной в различных социальных медиа, в СМИ и других Интернет-ресурсах, в целях выявления проблемных зон, актуальных запросов граждан либо негативно окрашенного контента и его нейтрализации [\[15\]](#).

Таким образом, понятия «кризис», «конфликт» и «риск» являются сложными междисциплинарными терминами. В разных исследованиях можно встретить различное понимание соотношения этих понятий: синонимы; причинно-следственная связь в виде последовательно сменяющих друг друга стадий; процесс – момент и пр. В предлагаемой статье за основу было взято соотношение «конфликта» и «кризиса» как нарастающих по своим негативным последствиям фаз, сопровождаемых умножением рисков, которые могут ускорить процесс перехода от одной стадии к другой. Между «конфликтом» и «кризисом» есть цепи из конфликтных и кризисных коммуникаций, преследующих цели в соответствии с масштабами данных явлений.

Такое соотношение понятий позволяет предположить, что коммуникации во время перехода конфликтов в кризисы, а также внутри этих явлений отличаются, т.е. на этапе конфликта используются конфликтные коммуникации, призванные, прежде всего, разрешить ситуацию и не позволить ей перейти в стадию кризиса, однако, неэффективное использование тех или иных конфликтных технологий может привести к риску перехода конфликта к фазе кризиса, где уже применяются технологии кризисной коммуникации. Необходимо уточнить, что конфликтные коммуникации могут применяться в ситуации латентного конфликта для выявления противоречий, поиска наиболее оптимальных способов нейтрализации назревающего столкновения интересов, если это возможно, или же прогнозирования способов разрешения конфликта на более поздней его стадии.

Исходя из природы политического конфликта как социального явления, можно выделить следующую общую черту с политическим кризисом: в зависимости от его масштабов, конфликт может оказывать значимое влияние на всё общество, в том числе, на те группы людей, которые не считали себя причастными к политической жизни. Однако особенностью кризисных ситуаций в политической сфере является возможность наиболее серьёзных последствий, таких как дезорганизация общественных институтов, дестабилизация общества, падение экономической активности, ухудшение жизненного уровня населения, смена политического строя, переход к вооружённому противостоянию и т.д. Кризисные и конфликтные явления могут содержать в себе схожую «симптоматику», среди «симптомов» которых можно выделить накапливаемую неудовлетворённость общества, которая создаёт напряжение и способствует более быстрому переходу от конфликта к кризису при отсутствии контроля или же действий по предотвращению кризисной ситуации.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что следует пересмотреть систему антикризисного управления в политической сфере, где важно чётко определять границы кризисных или конфликтных коммуникаций, т.к. от этого будет зависеть выбор технологий и инструментов. Цифровизация становится такой коммуникативной площадкой, в которой конфликты приобретают новые черты, требующие разработки более эффективных технологий управления коммуникацией.

Библиография

1. Roux-Dufort C., Gérer et décider en situation de crise. P., 2000. P. 12.
2. Адыгезалова Г.Э. Основы юридической конфликтологии и социологии права: учебное пособие / Г. Э. Адыгезалова. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 222.
3. Ачкасова В.А. Политология: учебник и практикум для вузов / В. А. Ачкасова [и др.]; под редакцией В. А. Ачкасова, В. А. Гуторова. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 404 с.
4. Барсамов В. А. Структура общественно-политического кризиса (теоретический и прикладной анализ). – М., 2002. С. 168.
5. Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической теории Ральфа Дарендорфа // Социология. 2019. №4.
6. Беляев С.О. Классификация рисков: классический и неклассический подходы // Философия права. 2008. №1.
7. Бородавина М.К., Рыбакова С.В., Савина А.В., Хахулина А.П. К вопросу о финансовой неопределенности // Правоприменение. 2020. №1.
8. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко-М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
9. Бурдые П. Структура, габитус, практика // ЖССА. 1998. №2.
10. Ватутин А.Н. Противоречивая природа понятий «Конфликт» и «Кризис»: теоретико-методологические основания исследования // Южно-российский журнал социальных наук. 2012. №3.
11. Вильданов И.Э. К вопросу о типологизации общественных кризисов в трансформирующемся социуме // ВЭПС. 2016. №4.
12. Гавра Д.П. Кризисные коммуникации. Смена парадигмы. Доклад на студенческом Baltic Weekend, 2015.
13. Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Полит. наука. 2021. №4.
14. Глухова А.В., Тимофеева Л.Н. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Полит. наука. 2016. №2.
15. Голуб О. Ю. Кризисные коммуникации: методология и методы управления // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. №2.
16. Голуб О.Ю., Сергеева Е.В. Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. №3.
17. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт: политологический анализ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 120 с.
18. Игнатьева М.В. Кризис в праве: основные проблемы и пути их решения // Черные дыры в Российском законодательстве. 2021. № 2. С. 13–15.
19. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-пресс: Дом интеллектуал. кн., 2000. – 205 с. М., 2000.
20. Кондратьева А.А., Вотякова В.Н. Риск как понятие и как явление // Вестник РУК. 2015. №1 (19).
21. Коробицын М.В. Антикризисное управление предприятием: типология кризисов и их влияние на предприятие // Московский экономический журнал. 2019. №1.
22. Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2013. – С. 184.
23. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
24. Макушев П.В., Хридошкин А.В. Международное право. Словарь-справочник. М.: Прометей, 2017. – 570 с.
25. Михайлов О. В. К вопросу о конфликтологической парадигме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2009. №3.

26. Нечкин Д.А. Эволюция понятия "политический риск": классические и современные концепции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. №4.
27. Никулина М.А., Джамалова Б.Б., Колодиев М.Ю., Шулова Е.Ю. Социальные риски в современном российском обществе: философская рефлексия // СИСП. 2018. №2-1.
28. Овчаров А.О., Овчарова Т.Н. Социальный кризис в контексте государственного управления: концептуально-терминологический анализ // Вопросы управления. 2021. №3 (70).
29. Панин И.С. Кризис и конфликт: их взаимосвязь, сущность и история изучения // Основы ЭУП. 2020. №3 (22).
30. Петренко О.В. Политический кризис как научное понятие // Армия и общество. 2009. №2.
31. Петренко О.В. Политический кризис: генезис и эволюция теории /автореферат...М., 2009, 21 с.
32. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.Ф. (сост.) Новейший политологический словарь. Ростов на Дону: Феникс, 2010. – 318 с.
33. Пустовалова Е.В., Нагайцев В.В. Формы коммуникации в динамике социального конфликта // Вестник НГУЭУ. 2021. №1.
34. Рассказов Л.Д., Бадмаева М.В. Кризисное сознание российского социума в условиях общества переходного периода // Вестник БГУ. 2018. №3.
35. Рыжов О. А. Политические конфликты современности: дис.... д-ра филос. наук. – М., 2000. С. 115.
36. Соловьев А.И. "Государственное управление" и "управление государством": конфликты концептов и практик // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. №2.
37. Спиридонова Л.Ю. Будущее сквозь призму страха в современной культуре: истоки и основные теории // Общество: философия, история, культура. 2023. №2 (106).
38. Тишкевич Э.В. Социальный конфликт в контексте научного анализа // Kant. 2020. №3 (36).
39. Федорова М.Ю. Соотношение социальной защиты и социального обеспечения в контексте управления социальными рисками: правовые аспекты // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 4 (45). С. 122–129.
40. Чумиков А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. 2021. №2.
41. Чумиков А.Н. Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления : диссертация ... кандидата философских наук : 23.00.03 / Рос. акад. управления. – Москва, 1991. – 177 с.
42. Чумиков А.Н. Управление информацией в условиях кризиса / [Электронный ресурс] // URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/091.htm> (дата обращения 12.08.2023)
43. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. / Ян Щепаньский ; Общ. ред. и послесл. акад. А. М. Румянцева. – Москва: Прогресс, 1999. – 237 с.
44. Электронный словарь «Мерриам-Вебстер»/ [Электронный ресурс] // URL: www.merriamwebster.com/dictionary/crisis (дата обращения 04.09.2023)
45. Яковлева Ю.Н. Эффективное управление антикризисными коммуникациями // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. №31.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант оценки реалий в условиях нового времени многомерен. Методология стремится объективно оценить существующее положение, наметить отчасти игнорированные / адекватной объективации настоящего. Как отмечается в начале рецензируемой статьи, «в последнее время особенно актуализировались политические кризисы. Отметим, что в современных исследованиях (2020-2023 гг.) термин «политический кризис» чаще всего не определяется, т.к. предметом исследований становится само кризисное явление, а не его понятийная интерпретация». Собственно это и задает определенный вектор исследования, намечает и параллель точечного анализа указанной в заголовке проблемы. Автор намечает цель исследования: она сводится к следующему – «целью данной статьи является выявление общих и особенных характеристик кризисных и конфликтных коммуникаций в политической сфере». Считаю, что магистраль выверена, конструктивна, детально обозначена. Следовательно, подобное изучение проблемы имеет место быть и оно актуально. Подход / методологическая основа работы соотносится с системной иерархией. Исследователь не только нарочито обозначает значимость вопроса, но и старается выявить ключевые доминанты кризисного состояния. Научный аппарат рецензируемого труда унифицирован, информационные блоки даны в режиме общей / далее частной раскладки: например, «в рамках теории коммуникации, разрабатываемой с учетом вызовов, с которыми сталкивается современная цивилизация, предполагается создание новой "онтологии" мира и разработка новых исследовательских парадигм. В связи с этими процессами экспликация и описание сути таких социальных явлений, как «кризисные коммуникации» и «конфликтные коммуникации» в условиях цифровизации, становятся актуальными для возможности применения данных понятий к различным сферам современной общественной жизни», или «в политических науках политический конфликт предстает как вид политического процесса, характеризующийся резким противоборством, столкновением политических сил, обусловленным противоположностью их политических интересов, ценностей и взглядов», или «рассматривая риски в политической сфере, исследователь Д.А. Нечкина показала, что различные трактовки понятия «политический риск» варьируются от оценки конкретных рисков для международных компаний в результате деятельности правительства принимающей страны до изучения общей совокупности неэкономических рисков, связанных с социально-политической средой в государстве» и т.д. Однако, при апелляции к первоисточникам желательно соблюдать формат – «...» [1, с. 234]. Это оправдывает ссылку, обеспечивая верность цитаты. Основные положения, которые выводят в тексте объективны: «применительно к политической сфере данные понятия сужаются. Политический кризис представляет собой ситуацию в политической системе общества, которая характеризуется углублением и обострением конфликтов, а также резким увеличением политического напряжения, которое может повлечь за собой непоправимые последствия. В данном контексте политические конфликты представляются как особое взаимодействие политических субъектов (индивидов, групп, движений, государственных структур, государств и пр.), возникающее на почве стремления реализации своих интересов и целей, в том числе противоборство за властные полномочия и ресурсы» и т.д. Формальная путаница исключена, фальсификаций не выявлено. Работа дробится на части, собственно, это дает возможность читателю двигаться вслед за автором. Ряд тезисов, на мой взгляд, можно продолжить развивать в новых работах смежной направленности. Например, «в отличие от кризисной, конфликтные коммуникации направлены на решение менее масштабных ситуаций. Локализовать конфликт проще, чем кризис, особенно в стадии зарождения. Конфликтная коммуникация в политической сфере одной из своих целей ставит разрешение конфликта, поиск компромиссов и

установление эффективного взаимодействия между сторонами, тогда как кризисная коммуникация преследует цель минимизации рисков и ущерба, которые могут быть последствием кризиса. Кризисная коммуникация работает с негативными воздействиями, в то время как конфликтная коммуникация может работать и в более нейтральном направлении и даже повышать эффективность дальнейшего взаимодействия» и т.д. Промежуточные итоги по ходу работы также ориентируют на возможно диалогичный характер, эффект диалога решен правильно: «Таким образом, понятия «кризис», «конфликт» и «риск» являются сложными междисциплинарными терминами. В разных исследованиях можно встретить различное понимание соотношения этих понятий: синонимы; причинно-следственная связь в виде последовательно сменяющих друг друга стадий; процесс – момент и пр. В предлагаемой статье за основу было взято соотношение «конфликта» и «кризиса» как нарастающих по своим негативным последствиям фаз, сопровождаемых умножением рисков, которые могут ускорить процесс перехода от одной стадии к другой. Между «конфликтом» и «кризисом» есть цепи из конфликтных и кризисных коммуникаций, преследующих цели в соответствии с масштабами данных явлений». Статья цельна, полновесна, объективна; текст не нуждается в расширении и серьезной правке. Материал можно применять при изучении дисциплин гуманитарной направленности. В итоге автора тезисует, что «результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что следует пересмотреть систему антикризисного управления в политической сфере, где важно чётко определять границы кризисных или конфликтных коммуникаций, т.к. от этого будет зависеть выбор технологий и инструментов. Цифровизация становится такой коммуникативной площадкой, в которой конфликты приобретают новые черты, требующие разработки более эффективных технологий управления коммуникацией». Основные требования издания соблюдаются, тема соотносится с одной из рубрик издания; думается, что данный материал нетривиально привлечет потенциальных читателей. Список источников максимально объемлен, его можно импульсно использовать при написании текстов тематически градиентной направленности. Рекомендую статью «Кризисная и конфликтная коммуникация в политической сфере: общее и особенное» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лю Б., Перфильева Н.В. Исследование интертекстуальности новостных заголовков на материале китайских источников // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73364 EDN: KINKRJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73364

Исследование интертекстуальности новостных заголовков на материале китайских источников

Лю Бо

аспирант, кафедра общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
доцент Института иностранных языков Хубэйского университета национальностей

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042228094@pfur.ru

Перфильева Наталия Владимировна

ORCID: 0000-0002-1018-809X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ perfilyeva_nv@pfur.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73364

EDN:

KINKRJ

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2025

Дата публикации:

22-02-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу исследований интертекстуальности новостных заголовков в китайской лингвистике. Цель исследования – представить различные методологические подходы к изучению интертекстуальности, современные тенденции

рассмотрения интертекстуальности новостных заголовков в китайской научной литературе. Предметом исследования являются концепции интертекстуальности, реализованные в новостных заголовках на китайском языке. Материалом служат китайские научные публикации, посвященные изучению интертекстуальности новостных заголовков с 2006 по 2024 год, анализ которых позволил выявить актуальные направления ее исследования. Источниками научной литературы являются ключевые китайские научные платформы: Китайская национальная инфраструктура знаний (CNKI), База данных Wanfang Data, База данных VIP, China Social Science Library и т. д., на базе которых был проведен подробный и репрезентативный анализ данных. Методы исследования сочетают в себе количественный, качественный и интерпретационный анализ, лингвистическое описание, трансдисциплинарное сравнение, корпусной метод и библиометрические инструменты, которые позволяют представить актуальное состояние исследований интертекстуальности новостных заголовков на китайском языке. Научная новизна заключается в том, что впервые проведен обзор исследований интертекстуальности новостных заголовков на материале китайской научной литературы. Результаты исследования свидетельствуют о том, что подходы к изучению интертекстуальности новостных заголовков значительно изменились. На первом этапе (до 2006 года) исследования новостных заголовков проводились в рамках традиционного лингвистического и текстового анализа. На втором этапе (2006-2015 гг.) область исследований сместилась в область дискурсивного анализа. На третьем этапе (2016-2024 гг.), интертекстуальность новостных заголовков становится объектом трансдисциплинарных исследований в лингвистике, журналистике, социолингвистике, коммуникации, политологии, истории и других. Полученные результаты исследования могут служить основой для дальнейших исследований в данной области. В выводах и заключении дается интертекстуальный анализ новостных заголовков в новой медиасреде Интернета, который вплетен в контекст теоретических дискуссий. По мере развития цифровых технологий интертекстуальность новостных заголовков интернет-СМИ становится фокусом трансдисциплинарного исследования.

Ключевые слова:

интертекстуальность, новостной заголовок, цифровые медиа, трансдисциплинарное исследование, кросс-теоретическое исследование, межкультурная коммуникация, межмедийная интеграция, мультимодальная интертекстуальность, дискурсивный анализ, критический дискурс-анализ

Введение

Теория интертекстуальности, зародившаяся в области литературной критики, была впервые разработана в 1967 г французским семиотиком Ю. Кристевой на основе теории диалога М. М. Бахтина. Лингвист считала, что текст не существует изолированно, а переплетается с другими текстами в социокультурном контексте: любой текст представляет собой «впитывание и трансформацию какого-нибудь другого текста» [\[1, с. 429\]](#). Позже теория получила многоаспектные интерпретации и дополнения. Р. Барт выдвинул тезис о том, что текст как многомерное пространство «<...> состоит из множества писем, взятых из многих культур и вступающих во взаимные отношения диалога, пародии, оспаривания» [\[2, с. 148\]](#). Известный британский лингвист Н. Фэркло ввел понятие интертекстуальности в критический дискурс-анализ (КАД), указывая на то, что «интертекстуальность — это, по сути, свойство текстов содержать фрагменты других

текстов, которые могут быть явно разграничены или объединены с ними и которые текст может ассимилировать, противоречить, иронически отражать и т. д.» [3, с. 84]. В последние годы теория интертекстуальности получила новое развитие в контексте цифровых медиа и глобализации. Американский ученый Дж. Фиске писал, что проявляясь в кроссмедийном и межплатформенном взаимодействии текстов, «интертекстуальность существует скорее в пространстве между текстами.» [4, с. 108]. По мнению J. Qu, появление новых медиа не только резко расширило число интертекстов, но и принципиально изменило форму интертекстуальности. Открытость, фрагментарность и децентрализация, принесенные цифровыми медиа, позволяют использовать цифровую интертекстуальность как важную перспективу для понимания «постправды» [5, с. 4].

В эпоху глобализации и цифровых технологий СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения. Новостные заголовки как анонс новостного текста значимы в распространении информации и конструировании социального мнения. Интертекстуальный анализ новостных заголовков позволяет выявить их механизмы в формировании и распространении информации посредством цитирования, имитации и реконструкции других текстов. В последние годы в условиях стремительного развития новостной индустрии в Китае появилось большое количество работ, посвящённых интертекстуальности новостных заголовков в политическом, социальном и культурном контекстах.

Целью настоящего исследования является обобщение китайских научных работ, в которых изучается интертекстуальность новостных заголовков, и дается их анализ. В рамках работы также ставится задача выявления методологических ограничений и перспектив дальнейшего исследования в данной области. Для достижения поставленной цели проводится структурированный анализ научного материала, в котором рассматриваются различные аспекты интертекстуальности.

В качестве материала были отобраны научные статьи, докторские диссертации, монографии, опубликованные на китайском языке с 2006 по 2024 году. Источниками материала исследования стали базы данных: Китайская национальная инфраструктура знаний (CNKI), База данных Wanfang Data, База данных VIP, China Social Science Library и т. д.

Методы исследования. Метод систематического поиска литературы с применением ключевых слов в специализированных базах гарантирует полноту и репрезентативность отобранного материала. Для всестороннего анализа научных работ за указанные годы, применяется библиометрические инструменты для визуализации аналитических результатов. Комплексный подход включает текстуальный, дискурсивный анализ и тематический анализ, критический синтез, количественный анализ, лингвистическое описание и трансдисциплинарное сравнение. Применение данных методов позволяет выявить общие тенденции исследований в описании интертекстуальности новостных заголовков на китайском языке, сформировать всестороннюю и систематическую аналитическую основу для литературного обзора, а также наметить перспективы будущего исследования.

Результаты исследования

Для систематического и всестороннего изложения и обсуждения результатов исследования интертекстуальности новостных заголовков (ИНЗ) посредством поисковых запросов с использованием ключевых слов в китайских академических базах (CNKI, Wanfang Data, VIP, China Social Science Library и др.) были отобраны 150 работ,

опубликованных с 2006 по 2024 гг., включающие журнальные статьи (70), магистерские (57), докторские (12) диссертации и монографии (11). Был проведен качественный, количественный и критический анализ данных работ, что позволило очертить общую структуру и траекторию развития исследований ИНЗ в Китае.

1. Этапы исследований исследования интертекстуальности новостных заголовков

Развитие исследований интертекстуальности новостных заголовков в Китае условно подразделяется на три этапа: до 2006 г. исследования концентрировались на языковых особенностях новостных заголовков; 2006-2015 гг. получила популярность теория интертекстуальности, дискурс-анализа и критического дискурс-анализа, которые охватывают вопросы конструирования социального значения и идеологических функций; 2016-2024 гг. под влиянием новых медиа-технологий, исследовательские перспективы стали более разнообразными, уделяется внимание интертекстуальным характеристикам интернет-новостных заголовков и их динамике в цифровой среде. Эволюция отражает смену парадигмы исследований: от языковых форм к социальным функциям.

(1) Первый этап (до 2006 г.)

Исследования интертекстуальности в китайской лингвистике начались относительно поздно, и на ранних этапах доминировали работы, посвященные созданию новостных заголовков: анализировались виды и функции новостных заголовков [6], грамматические особенности и риторические приемы [7]. Исследования ограничивались описанием языковых явлений, не используется понятие *интертекстуальность* в качестве ключевого теоретического инструмента.

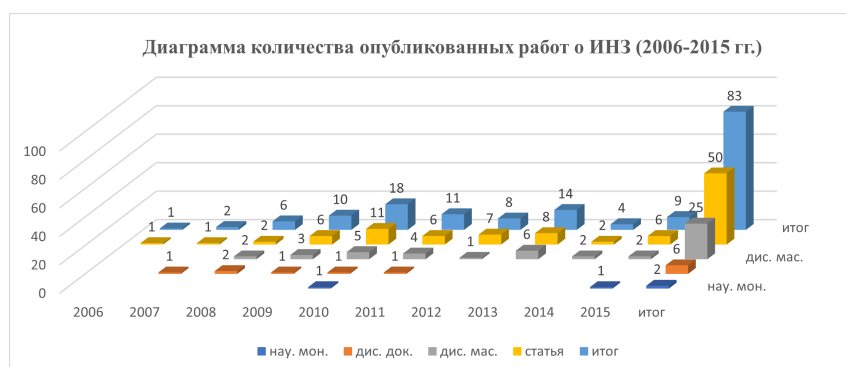
В 1996 году учёный Х. Chen ввёл теорию интертекстуальности в китайскую академическую среду, комплексно представив концепции и академический контекст теории, четко обозначив теоретические рамки Юлии Кристевой, Ролана Барта и др. [8]. Х. Цинь (2004), Л. Чжан (2006) и другие ученые, продолжая углубленное представление теории, подчеркивали необходимость учета различий между китайской и западной лингвистикой при трансфере кросс-культурных теорий, необходимость учета китайской классической традиции использования аллюзий и преобразований [9] [10].

В целом, в исследованиях новостных заголовков в китайской лингвистике преобладал акцент на их создании и изучении языкового искусства.

(2) Второй этап (2006-2016 гг.)

На данном этапе исследования интертекстуальности новостных заголовков характеризуются многомерным развертыванием. Было опубликовано 83 работы, в том числе 50 журнальных статей, 25 магистерских диссертаций, 6 докторских диссертаций и 2 монографии. Эти работы обеспечили богатый исследовательский ландшафт и создали

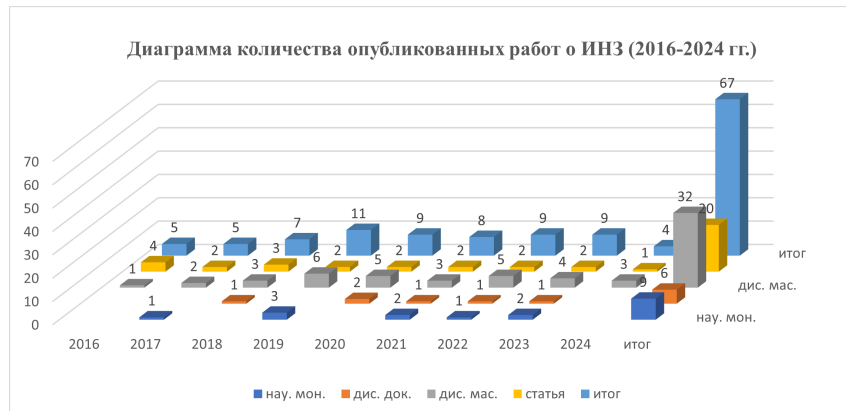
прочную основу для дальнейшего изучения интертекстуальности новостных заголовков.

Первая статья об интертекстуальности новостных заголовков была опубликована в 2006 году. В ней анализировались формы проявления интертекстуальности в газетных заголовках на двух уровнях: внутритекстовом и внетекстовом. Утверждалось, что внутритекстовая интертекстуальность наблюдается между основным заголовком и подзаголовками. Также анализировались внетекстовые приемы: цитирование, использование классических аллюзий, усечение, пародия и их значение [11]. Это ознаменовало переход от традиционных лингвистических исследований к исследованиям интертекстуальности на стыке журналистики и лингвистики.

(3) Третий этап (2016-2024 гг.)

На данном этапе было опубликовано 20 журнальных статей, 32 магистерские диссертации, 6 докторских диссертаций и 9 монографий, посвященных интертекстуальности новостных заголовков.

Исследования интертекстуальности новостных заголовков на данном этапе характеризуются междисциплинарными и кросс-теоретическими интеграциями, чаще являясь частью дискурсивного и жанрового анализа и т. д. Значительно увеличилось количество докторских диссертаций и монографий, посвященных интертекстуальности новостных заголовков.

2. Обзор исследований интертекстуальности новостных заголовков

Выборка исследований интертекстуальности новостных заголовков в Китае с 2006 по 2024 год представлена научными статьями, докторскими диссертациями и научными монографиями.

На втором и третьем этапах опубликовано 70 научных статей, 57 магистерских и 12 докторских диссертаций, 11 научных монографий.

Анализ опубликованных работ выявил следующее:

(1) исследование интертекстуальности новостных заголовков часто выступает тематическим объектом или методом в научных работах. Например, Y. Lai пишет о дискурсивной интертекстуальности новостных заголовков в аспекте критического дискурс-анализа [\[12\]](#); Z. Chen и Н. Мао провели кросс-секционный интертекстуальный анализ заголовков новостей о борьбе с коррупцией в Японии на основе корпуса газетных заголовков Asahi Shimbun [\[13\]](#);

(2) в докторских диссертациях и монографиях нередко синтезируются несколько методологических подходов – прослеживается путь от изучения лингвистических феноменов интертекстуальности новостных заголовков до рассмотрения их в более широком контексте: социалистическом, политическом, историческом и коммуникативном. Например, Y. Lai рассматривает дискурсивный интертекстуальный диалог новостных заголовков в шестой главе докторской диссертации «Текстовый анализ и интерпретация диалогической журналистики», анализируя характеристики вертикальной и горизонтальной интертекстуальности, а также когнитивные механизмы интертекстуальности [\[14, с. 162-169\]](#). Рассматривая заголовки как органическую часть новостного дискурса, С. Liu в докторской диссертации представила сравнительное исследование жанровой интертекстуальности в освещении конфликтов в Южно-Китайском море на материале китайских и американских газет (Жэньминь жибао и Нью-Йорк Таймс) [\[15\]](#). В четвертой главе книги «Сравнительное исследование дискурсивных и прагматических функций косвенной речи в китайских и английских газетных новостях» авторы В. Xin и X. Gao, опираясь на разработанные Leech & Short (1981) и Waugh (1995) классификации косвенной речи и применяя качественный и количественный анализ, а также методы корпусной лингвистики, проводит исследование косвенной речи в заголовках китайских газетных новостей в следующих аспектах: философском, дискурсивном, прагматическом и стилистическом, а также в аспекте критического анализа дискурса [\[16, с. 65-90\]](#). Также четвертая глава книги «Искусство языка в аспекте интертекстуальности» посвящена газетным заголовкам в новостном дискурсе [\[17, с. 131-169\]](#). G. Lin в книге «Исследование сетевого новостного дискурса по обе стороны Тайваньского пролива» рассматривает новостные заголовки как органичный элемент новостного медиа-дискурса, используя такие методы, как: лингвистический, социолингвистический, семиотический, критический и контент-анализ [\[18\]](#).

3. Основные результаты исследований интертекстуальности новостных заголовков можно обобщить в группы: содержание исследований и методология исследований.

(1) Содержание исследований. На основе анализа текстов и кластеризации ключевых слов, основные темы китайских исследований интертекстуальности новостных заголовков могут быть классифицированы следующим образом:

- лингвистические стратегии (микроуровень): анализ конкретных языковых приемов (цитирование, аллюзии, пародии, каламбуры), используемых для создания межтекстовости в новостных заголовках. Исследование эффективности этих приемов в привлечении внимания, передаче информации и формировании отношения к новости [\[19\]](#) [\[20\]](#);
- идеологическое фреймирование (кросс-уровень): исследование того, как новостные заголовки, посредством межтекстовости, формируют идеологические рамки и отражают отношения к власти в обществе. Анализ скрытых смыслов, манипуляций общественным мнением и продвижения определенных политических или экономических интересов [\[21\]](#) [\[22\]](#) [\[23\]](#);
- социокультурный контекст (макроуровень): изучение взаимосвязи межтекстовости с культурой, историей и обществом в целом. Анализ адаптации, распространения и эволюции межтекстовых отсылок в различных медиа и социальных сетях. Исследование влияния глобальных трендов, культурных изменений и технологического прогресса на использование межтекстовости в новостных заголовках. Фокус на межкультурной коммуникации и понимании [\[24\]](#) [\[25\]](#).

(2) Методология исследований:

- критический дискурс-анализ (CDA): выявление механизмов влияния и манипуляции в дискурсе новостных заголовков. Анализ властных отношений и идеологических установок, отраженных в языке и стилистике заголовков позволяет исследовать цели и стратегии авторов заголовков, а также скрытые смыслы и предположения, которые они транслируют [\[26\]](#) [\[27\]](#) [\[28\]](#);
- корпусный анализ: количественный анализ характеристик межтекстовости в новостных заголовках с использованием больших массивов текстов. Статистическое выявление закономерностей и устойчивых моделей, используемых в различных контекстах. Этот метод позволяет оценить частотность различных приемов межтекстовости (цитирования, аллюзии и т.д.) и выявить тенденции в их использовании [\[29\]](#) [\[13\]](#);
- метод кейс-стади: глубокий и всесторонний анализ конструирования межтекстовости на примере конкретных новостных событий (эпидемии, выборы, войны и т.д.). Рассмотрение социокультурного и политического контекста, влияющего на использование определенных межтекстовых отсылок и интерпретацию заголовков. Этот метод позволяет понять сложность и многогранность межтекстовых связей [\[30\]](#) [\[31\]](#);
- контент-анализ: систематическое исследование содержания новостных заголовков с использованием четко определенных категорий и критериев. Этот метод направлен на выявление основных тем, ключевых слов и ценностей, отраженных в текстах. Он также позволяет оценить тональность и идеологическую направленность заголовков, а также выявить изменения в содержании заголовков с течением времени. [\[32\]](#) [\[33\]](#).

Выводы

Результаты анализа научных работ об интертекстуальности новостных заголовков

позволяют сформировать следующие выводы:

1. исследование интертекстуальности новостных заголовков в Китае демонстрирует прогресс, но требует дальнейшего углубления и новаторских подходов;
2. изначально исследования ограничивались описательным анализом типов интертекстуальности новостных заголовков. Однако, с развитием медиаэкологии, область исследования расширилась, и новостные заголовки стали рассматриваться как неотъемлемая часть новостного дискурса в контексте новостного текста;
3. по мере развития исследований, анализ интертекстуальности новостных заголовков все больше интегрируется в кросс-теоретическую исследовательскую парадигму и междисциплинарные теоретические рамки, объединяя традиционные положения теории интертекстуальности с теоретическими подходами таких наук, как: коммуникация, социология и когнитивная лингвистика;
4. требует дальнейшей детализации такие вопросы как: увеличение количества эмпирических данных, анализ динамической роли интертекстуальности в производстве медиа новостей в цифровой среде, разработка теоретической базы интертекстуальности и методологических приемов, отказ от копирования западных теорий без учета лингвокультурной специфики китайского социума.

Перспективы исследования интертекстуальности новостных заголовков

Основываясь на полученных выводах обзора интертекстуальности новостных заголовков в китайской научной литературе, полагаем, что перспективной тенденцией исследования интертекстуальности может стать многомерный анализ технологий интертекстуальности в аспектах:

1. технологический аспект: использование анализа больших данных и ИИ для обнаружения интертекстуальных связей, изучение воздействия генеративного ИИ на интертекстуальность заголовков;
2. междимедийная интеграция: исследование механизмов и эффектов распространения мультимодальной интертекстуальности (текст, изображения, короткие видео);
3. межкультурная коммуникация: дискурсивный анализ локальных символов и инокультурных нарративов в глобальной среде;
4. этические вопросы: изучение границ авторского права и способы обеспечения достоверности информации.

Заключение

В данной статье представлен подробный анализ исследований интертекстуальности новостных заголовков в китайской научной литературе за период с 2006 по 2024 год, на основе которого сформулированы выводы и выдвинуты предположения о перспективах дальнейших исследований. Собранные данные могут служить справочным материалом для смежных областей.

Библиография

1. Косиков Г. К. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000.
2. Barthes R. Image-Music-Text. Ed. and trans. by S. Heath. New York: Hill and Wang, 1977.
3. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.

4. Fiske J. *Television Culture*. London: Routledge, 2011.
5. Qu J. *The Digital Intertextuality in the Context of Post-truth*: PhD dissertation / J. Qu. Guangzhou: Jinan University. 2020. doi: 10.27167/d.cnki.gjinu.2020.002288.
6. Peng C. Types and functions of news headlines // *Journalism and Talent*. 1994. No.11. Pp. 16–17.
7. Qian S. The rhetorical art of news headlines // *Rhetoric Studies*. 1997. No. 6. Pp. 18–19. doi:10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.1997.06.009.
8. Cheng X. A summary of intertextuality theory // *Foreign Literature*. 1996. No. 1. Pp. 72–78. doi:10.16430/j.cnki.fl.1996.01.013.
9. Qin H. The Origin and Evolution of Intertextuality Theory // *Foreign Literature Review*. 2004. No. 3. Pp. 19–30.
10. Zhang L. *Ten Essays on Chinese and Western Culture*. Shanghai: Fudan University Press, 2006.
11. Liu C. A study on Intertextuality of the Headline of News // *Journal of Northwest Minzu University (Philosophy and Social Sciences)*. 2006. No. 03. Pp. 85–89.
12. Lai Y. Interpretation of Discourse Intertextuality in News Headlines: A CDA Perspective // *Journal of Sichuan International Studies University*. 2009. No. 25 (S1). Pp. 78–82.
13. Chen Z., Mao H. Cross-section Intertextual Analysis of Japanese Anti-corruption News Headlines Based on the News Headline Corpus of Asahi Shimbun // *Journal of Fujian Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2019. No. 03. Pp. 126–133+155+171.
14. Lai Y. *Textual analysis and interpretation of dialogicity in news discourse*: PhD dissertation / Y. Lai. Nanjing Normal University. 2011.
15. Liu C. *A Contrastive Study of Generic Intertextuality on the Disputes Over South China Sea between Chinese and American Media – Take People's Daily and New York Times for Example*: PhD dissertation / C. Liu. Jiangsu: Nanjing Normal University. 2018.
16. Xin B., Gao X. *A Comparative Study of the Textual and Pragmatic Functions of Reported Speech in Chinese and American Newspapers*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2019.
17. Huang X. *The Art of Language in Intertextual Contexts*. Beijing: China Social Sciences Press, 2019.
18. Lin G. *A Study of Online News Texts on Both Sides of the Strait*. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences Press, 2023.
19. Gu J. A Study on Intertextuality of News Headlines in Chinese and English Newspapers // *China Publishing Journal*. 2011. No. 20. Pp. 49–52.
20. Deng Y. The Intertextual Relations in Expository News Articles – On the Linguistic Turn of the Concept of Intertextuality // *Contemporary Rhetoric*. 2011. No. 05. Pp. 42–55. doi: 10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.2011.05.007.
21. Sun T. A Comparative Study of Critical Discourse in Chinese, American and British News Articles – Taking "Renminbi Exchange Rate" as an Example // *Journal of Changchun Normal University*, 2023. No. 42(11). Pp. 86–90. doi: 10.3969/j.issn.1008-178X.2023.11.019.
22. Ning H., Chang Y. Analysis of International Communication Discourse on "Chinese-style Modernization" in Mainstream Chinese and American Media – Based on Reports in China Daily and The New York Times // *Modern Communication (Journal of China University of Communications)*. 2024. No. 46(05). Pp. 51–60. doi: 10.19997/j.cnki.xdcb.2024.05.009.
23. Jia L. *A Study of Japanese Newspapers' Reporting on the "Belt and Road Initiative" under the Lens of Critical Discourse Analysis*: PhD dissertation / L. Jia. Shanghai: Shanghai International Studies University. 2023.
24. Kang X. *The Intertextuality of Chinese Modern and Contemporary Newspaper Fiction and Newspaper News*. Beijing: China Social Sciences Press, 2023.
25. Zheng Q., Xiang Q., Zhang C. *A Study on Intertextuality in Chinese New Media*

Discourse. Guangzhou: Jinan University Press, 2021.

26. Ren H., Lu G. The US "Discourse Offensive" on China's Mekong Policy: A Critical Discourse Analysis Perspective // Southeast Asian Studies. 2022. No. 01. Pp. 86–108+154–155

27. Zhang Q., Li X. Discourse Analysis of Brand "Tagged" Phenomenon in Government Social Media News Narrative // Journalism & Communication. 2023. No. 76 (03). Pp. 42–52

28. Li C. A Study of Intertextual Mediation on American Media Coverage of the Obama Administration's South China Sea Policy: PhD dissertation / C. Li. Nanjing Normal University. 2021.

29. Yang N., Wu P. A Corpus-based News Discourse Analysis: A Case Study of Chinese Women in New York Times // Chinese Journal of Journalism & Communication. 2012. No. 34(09). Pp. 48–58. doi:10.13495/j.cnki.cjjc.2012.09.001.

30. Mao H., Xu J. Intertextuality analysis in monomedia and multimedia discourses: A case study of news headlines on the "Deng Yujiao Incident" // Contemporary Rhetoric. 2010. No. 5. Pp. 13–20. doi:10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.2010.05.012.

31. Xin B., Li W. An Intertextual Analysis of News Texts on Facebook As a Social Networking Platform // Contemporary Rhetoric. 2019. No. 05. Pp. 26–34. doi:10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.2019.05.004.

32. Dou W. A Comparative Study of Governmental Discourse between the People's Republic of China and the United States of America: PhD dissertation / W. Dou. Shanghai: Shanghai International Studies University, 2011.

33. Sun C. Discursive Construction of Contemporary Social Phenomena in Japan. Beijing: China Social Sciences Press, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Исследование интертекстуальности новостных заголовков на материале китайских источников».

Предмет исследования – вопрос интертекстуальности новостных заголовков в китайской научной литературе.

Методология исследования основана на сочетании таких методов как систематический поиск, анализ, сравнение, описание, обобщение и синтез.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в эпоху глобализации и цифровых технологий СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения, при этом существует национальная специфика интертекстуальности новостных заголовков, что проявляется в выборе прецедентных текстов, основным источником которых при создании заголовков выступает национальная культура.

Научная новизна обусловлена тем, что в условиях стремительного развития новостной индустрии в Китае существует необходимость анализа и систематизации существующих исследований, посвящённых интертекстуальности новостных заголовков в политическом, социальном и культурном контекстах.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, дан краткий обзор теоретической базы исследования, сформулированы цель и задача исследования, указаны источники эмпирического материала и методы исследования); результаты исследования (автор выполнил комплексный анализ результатов поисковых запросов с использованием ключевых слов

в китайских академических базах; выявлены и описаны этапы истории исследования интертекстуальности новостных заголовков в Китае; выполнен обзор исследований, дана их краткая характеристика; автор сгруппировал основные результаты исследований по содержанию и методологии; теоретические измышления автора подкреплены статистическими данными; выводы (автор делает общие выводы об эволюции исследований интертекстуальности новостных заголовков в Китае); перспективы исследования интертекстуальности новостных заголовков (отмечено, что перспективной тенденцией исследования интертекстуальности может стать многомерный анализ технологий интертекстуальности в аспектах: технологический аспект, междимедийная интеграция, межкультурная коммуникация, этические вопросы); заключение; библиография (включает 33 источника).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Интертекстуальность новостных заголовков может отражать национальную культурную специфику и анализ интертекстуальности помогает понять культурные коннотации и системы социальных ценностей, содержащиеся в тексте, что имеет практическое значение для эффективной коммуникации. Проведенное исследование представляет интерес, поскольку представляет собой попытку систематизации существующих в китайской научной литературе исследований.

Рекомендации автору:

1. Название статьи стоит пересмотреть, поскольку «на материале китайских источников» воспринимается неоднозначно, исследование же базируется на анализе китайской научной литературы.
2. В статье не сформулированы предмет, научная новизна и актуальность проведенного исследования, стоит также указать объем эмпирического материала во введении. Было уместно пересмотреть части статьи, например, объединить «выводы», «перспективы исследования интертекстуальности новостных заголовков» и «заключение».
3. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
4. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, увеличив долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
5. Нужно унифицировать упоминания иностранных имен собственных в статье (По мнению J. Qu, X. Chen, Y. Lai пишет, Z. Chen и H. Mao).
6. Следуют упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов (1967 г французским; «интертекстуальность существует скорее в пространстве между текстами.»).
7. Графические элементы статьи должны иметь сквозную нумерацию и подписи.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованиям интертекстуальности новостных заголовков на материале китайских источников. Предмет исследования актуален ввиду обращения автора(ов) к особенностям изучения феномена интертекстуальности в современной лингвистике. В последнее время стали привлекать к себе серьезное

внимание вопросы интертекстуальности в средствах массовой информации. В этой связи исследовательский интерес обоснованно вызывает интертекстуальный анализ новостных заголовков («Новостные заголовки как анонс новостного текста значимы в распространении информации и конструировании социального мнения», «В последние годы в условиях стремительного развития новостной индустрии в Китае появилось большое количество работ, посвящённых интертекстуальности новостных заголовков в политическом, социальном и культурном контекстах»).

Теоретической базой данного научного труда послужили работы таких исследователей, как Г. К. Косиков, Норман Фэркло, Джон Фиске, Ролан Барт, J. Qu, C. Peng, X. Cheng, H. Qin, L. Zhang, C. Liu, Y. Lai, Z. Chen, H. Mao, Y. Deng и др., посвященные теории интертекстуальности, цифровой интертекстуальности, интерпретации дискурсивной интертекстуальности в заголовках новостей, интертекстуальным связям в новостных статьях, анализу новостного дискурса и пр. Библиография составляет 33 источника, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («обобщение китайских научных работ, в которых изучается интертекстуальность новостных заголовков, и дается их анализ») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания («критический синтез, количественный анализ, лингвистическое описание и трансдисциплинарное сравнение»), методы когнитивного анализа, а также метод систематического поиска литературы, текстуальный, дискурсивный и тематический анализ («Применение данных методов позволяет выявить общие тенденции исследований в описании интертекстуальности новостных заголовков на китайском языке, сформировать всестороннюю и систематическую аналитическую основу для литературного обзора, а также наметить перспективы будущего исследования»). Эмпирическим материалом исследования послужили 150 научных работ с 2006 по 2024 гг., включающие журнальные статьи, магистерские, докторские диссертации и монографии, отбор которых осуществлялся посредством поисковых запросов с использованием ключевых слов в китайских академических базах (CNKI, Wanfang Data, VIP, China Social Science Library и др.), что свидетельствует о масштабе представленной работы.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования проведен качественный, количественный и критический анализ данных работ; выделены и охарактеризованы этапы исследований, посвященных изучению интертекстуальности новостных заголовков; проведен обзор данных исследований; обобщены их содержание, методология и основные результаты; сделаны выводы и выдвинуты предположения о перспективах дальнейших исследований. Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость: способствует развитию теории интертекстуальности, лингвистики текста и функциональной стилистики («анализ интертекстуальности новостных заголовков все больше интегрируется в кросс-теоретическую исследовательскую парадигму и междисциплинарные теоретические рамки, объединяя традиционные положения теории интертекстуальности с теоретическими подходами таких наук, как: коммуникация, социология и когнитивная лингвистика») и практическую ценность: их можно использовать при разработке курсов по теории языка, теории интерпретации, стилистике, интерпретации текста др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает

требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бахтурина И.М. Повтор в эссе "Трагическое чувство жизни" М. де Унамуну и его отражение в переводе Е.В. Гараджи с испанского на русский язык // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73424 EDN: KGXHQF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73424

Повтор в эссе "Трагическое чувство жизни" М. де Унамуну и его отражение в переводе Е.В. Гараджи с испанского на русский язык

Бахтурина Ирина Михайловна

преподаватель; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
преподаватель; факультет международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения;
Российский государственный гуманитарный университет
аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
125438, Россия, г. Москва, Головинский р-н, 3-й Лихачёвский пер., д. 7 к. 2

✉ irusichek@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73424

EDN:

KGXHQF

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2025

Дата публикации:

22-02-2025

Аннотация: В статье рассматриваются случаи употребления разных видов повтора в эссе «Трагическое чувство жизни у людей и народов» испанского писателя поколения 98 года Мигеля де Унамуну и значение данного стилистического средства для восприятия текста произведения читателем, а также огромное значение, которое оно имеет для анализа индивидуально-авторского стиля писателя. Кроме того, в работе рассматриваются различные варианты передачи повторов в переводе эссе с испанского на русский язык. Материалом для данного исследования послужил оригинальный текст эссе Мигеля де Унамуну "Трагическое чувство жизни у людей и народов", а также перевод вышеупомянутого эссе на русский язык авторства Е.В. Гараджи в редакции

1997 года. В процессе анализа повторов в произведении Унамуно мы пользовались лингвостилистическим методом, наиболее подходящим для исследования функционала повтора в тексте эссе. Основой для структуры работы послужила классификация повторов Н. Т. Головкиной. Новизна исследования заключается в том, что повтор в произведениях автора никогда ранее не являлся предметом самостоятельного научного исследования, а также в том, что рассматриваемый в работе перевод никогда ранее не рассматривался в контексте теории перевода. В процессе исследования мы смогли сделать следующие выводы: в произведении М. де Унамуно повтор является одним из ключевых стилистических средств, причем повторы встречаются в тексте на нескольких языковых уровнях – на морфологическом, лексическом и синтаксическом. Кроме того, мы обратили внимание на то, что поскольку перевод произведения являлся частью философского исследования, больше внимания в нём было уделено содержательной части текста эссе, что привело к потере части повторов в произведении и могло повлиять на восприятие текста читателем.

Ключевые слова:

стилистика, перевод, теория перевода, Унамуно, трагическое чувство жизни, повтор, испанский язык, лингвостилистический анализ, испанская литература, эссеистика Унамуно

Мигеля де Унамуно можно считать одним из самых значимых испанских писателей двадцатого века, а многие его произведения по праву считаются шедеврами мировой классики как в России, так и за рубежом. Творчество писателя невероятно многогранно, его перу принадлежит не только огромное количество стихотворений, рассказов, повестей, романов, но и газетные очерки, статьи, эссе. Среди произведений М. де Унамуно, написанных в жанре эссе, одним из самых известных является «Трагическое чувство жизни», в котором отражено отношение писателя к проблемам религии, жизни и смерти [\[15, с. 68\]](#). На данный момент существует только один перевод «Трагического чувства жизни», выполненный Е. В. Гараджой. Принадлежность Унамуно к религиозному экзистенциализму и многочисленные упоминания о Боге в его произведениях привели к тому, что в советскую эпоху философские произведения М. де Унамуно переводились мало [\[13, с. 135\]](#). Е. В. Гараджа является одним из самых первых переводчиков, взявшихся за работу над философскими эссе М. де Унамуно. Перевод «Трагического чувства жизни» был выполнен Е.В. Гараджой в качестве дополнения к её кандидатской диссертации «Философия "трагического чувства жизни" Мигеля де Унамуно» [\[4\]](#) и позже издан в 1997 году в издательстве «Символ» [\[1\]](#).

Одной из самых главных проблем, которые решает переводчик при работе с произведением это передача особенностей индивидуально-авторского стиля автора в переводе. Как и любой другой писатель, Мигель де Унамуно обладает своим уникальным стилем, имеющим определённые черты, некоторые из которых уже были рассмотрены ранее в диссертации А.В. Пронкевича [\[9\]](#), в статьях И. Бирсан [\[14\]](#), Дж. Родригеса [\[15\]](#) и других исследованиях, как отечественных, так и зарубежных. В эссе «О трагическом чувстве жизни», как и в других произведениях писателя встречаются характерные для его стиля особенности, в частности, автор неоднократно использует различные художественные средства. Среди них можно выделить такое средство, как повтор, являющийся одним из основных стилистических приёмов, используемых М. де Унамуно в

его произведениях [\[9, с. 76\]](#), но никогда ранее не являвшийся предметом отдельной научной работы. Целью нашего исследования стало детальное рассмотрение повторов, применяемых автором в тексте эссе и их передачи в переводе Е. В. Гараджи. Для этого мы поставили следующие задачи: выделение стилистически значимых повторов в тексте произведения, определение типа повторов, используемых М. де Унамуну в тексте эссе, анализ фрагментов перевода эссе Е.В. Гараджи, в которых задействованы повторы.

Функция повтора, как стилистического средства, заключается не в многократном повторении одних и тех же языковых единиц, а в том, что он усиленно воздействует на читателя [\[5, с. 53\]](#). Поэтому не каждый встречающийся в тексте эссе повтор несёт дополнительный стилистический смысл. В своём исследовании мы не рассматривали повторы, не играющие роль стилистического средства. Так, например, в одном из предложений несколько раз повторяется слово «desgracia» («несчастье»), однако это делается автором не для дополнительного воздействия на читателя, а для того, чтобы объяснить свою точку зрения:

Y es que los hombres desgraciados, cuando conservan la sanidad en su desgracia , es decir cuando se esfuerzan por perseverar en su sér, prefieren la desgracia a la no existencia.	Ведь несчастливые люди, когда они сохраняют здоровье в своем несчастье , то есть когда они стремятся пребывать в своем бытии, предпочитают несчастье небытию.

Повтор как стилистическое средство может проявляться в тексте по-разному, вследствие чего исследователи выделяют разные типы повтора. В языкознании на данный момент существует несколько разных классификаций повторов. Так, например, уже в античности римским ритором Квинтилианом было предложено деление повторов [\[6, с. 124-125\]](#) на смежный повтор, анафору, эпифору, единоокончание, повторение начала и конца предложения, повторение в длинном словесном обороте слова, усиливающего связь между частями, повторение, при котором слова, поставленные вначале рядом, затем повторяются отдельно, повтор слова в разных морфологических формах, удвоение. М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» также рассуждает о повторах и делит их на такие типы, как повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие и согласование, уточняя античную классификацию. Кроме того, в отечественной науке о повторах писал А.А. Потебня в своём труде «Из записок по русской грамматике», И.Р. Гальперин (он выделяет разные виды повторов в зависимости от их функции в тексте и по композиционному принципу) [\[3, с. 258\]](#), М. Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев [\[7\]](#) М.К. Морен и Н.Н. Тетеревникова (они выделяют пять разных видов повтора — простой лексический, анафору, эпифору, эпанафору, частичный повтор) [\[8\]](#). З. И. Хованская выделяет, помимо уже указанных в классификации М.К. Морен и Н.Н. Тетеревниковой видов, ещё семантический и лексико-синтаксический повторы, И. В. Арнольд, В. Фляйшер и Г. Михель говорят также о местоименном повторе [\[12, с. 220\]](#).

Также о повторах пишет в своей работе «Книга литературной риторики» Г. Лаусберг. Он классифицирует повторы в зависимости от нарушения или сохранения тождества повторяемого слова. Большой вклад в изучение повторов внесла Э.Г. Ризель, поставив вопрос об изучении его архитектурной функции [\[11\]](#).

Н. Т. Головкина в своей диссертации делит повторы по «структурному» принципу на две

основных группы в зависимости от того, в большом или в малом контексте они встречаются [\[5, с. 53\]](#):

1) Повтор в пределах «малого» контекста

-на фонетическом уровне (аллитерация — повторение согласного звука, звукоподражание, ассонанс, рифма)

-на морфологическом уровне (аффиксальный повтор, корневой повтор, повтор одного из компонентов сложного слова)

-на лексическом уровне (контактный, расширенный, рамочный или кольцевой повтор, подхват, флективный повтор)

-на синтаксическом уровне (синтаксический параллелизм, хиазм)/лексико-синтаксический повтор (частичное или полное повторение структуры предложения в сочетании с лексическим повтором — анафора, эпифора, повтор целых предложений)

-на семантическом уровне (собственно синонимический повтор, контекстуально-синонимический повтор, повтор средствами «заменителей»)

2) Повтор в пределах «большого контекста» - архитектурной единицы или речевого целого

-архитектоническая анафора (повтор языковых элементов в начале двух архитектурных единиц — абзацев, строф и т.д.)

-архитектоническая эпифора (повторение в конце единиц)

-архитектонический стык (повторение единиц, заканчивающих одну архитектурную единицу и начинающих следующую)

-архитектоническая рамка (повторение одинаковых или подобных языковых элементов в начале и в конце архитектурной единицы или речевого целого)

-архитектонический параллелизм (симметрия по форме и содержанию в двух или нескольких последовательных архитектурных единицах)

-повтор-лейтмотив (повтор слова, оборота, предложения или целого абзаца на протяжении всей речи; выступает как средство характеристики действующих лиц, в значении символа или для связи отдельных разрозненных частей в единое целое). Данный вид повтора может также называться языковым лейтмотивом [\[10\]](#).

В данном исследовании мы пользовались именно этой классификацией, поскольку она представляется нам наиболее подробной из всех имеющихся на настоящий момент.

На фонетическом уровне в эссе повторы не встречаются. На морфологическом уровне автор главным образом использует корневой повтор. Многократно используя однокоренные слова в некоторых предложениях, автор подчёркивает их важность. Так, например, Унамуно в одном предложении повторяет слова «inmortal» («бессмертный») и «inmortalidad» («бессмертие»). Таким образом он привлекает читателя к концепции бессмертия души, которая является одной из ключевых идей в религиозной философии Унамуно:

Y toda esta trágica batalla del hombre	Вся эта трагическая борьба человека

por salvarse, ese inmortal anhelo de inmortalidad que le hizo al hombre Kant dar aquel salto inmortal de que os decía, todo eso no es más que una batalla por la conciencia.	за свое спасение, этот бессмертный голод по бессмертию , который заставил человека Канта свершить с в о й бессмертный прыжок, о котором я уже говорил, все это есть не что иное, как борьба за сознание.

На лексическом уровне также встречается довольно много повторов, главным образом дистантных, как, например, в следующем предложении:

Se trata, como veis, de un valor afectivo , y contra los valores afectivos no valen razones . Porque las razones no son nada más que razones , es decir, ni siquiera son verdades.	Как видите, речь идет о том, что имеет аффективное значение , а против значений аффективных рациональные доводы не действуют. Ведь доводы - это не более, чем доводы , даже если они справедливы.

Однако не везде переводчик справляется с тем, чтобы передать их в своём тексте. Так, например, предполагая, что бы было, если бы солнце было разумным, Унамуну несколько раз повторяет, что оно «думало бы» о чём-то: «Si el sol tuviese conciencia, **pensaría** vivir para alumbrar a los mundos, sin duda; pero **pensaría** también, y sobre todo, que los mundos existen para que él los alumbrase y se goce en alumbrarlos y así viva. Y **pensaría** bien.» [2, с. 8] («Если бы у солнца было сознание, то оно **думало бы**, что живёт для того, чтобы освещать миры, но помимо этого, оно **бы думало** также, что миры существуют для того, чтобы оно их освещало и оно наслаждалось бы тем, что их освещает и так бы жило. И оно **думало бы** правильно»). Повтор в данном случае очень важен, поскольку он подчёркивает в предложении именно наличие сознания у солнца. Однако в переводе один из данных повторов теряется, поскольку переводчик заменяет его синонимичной по содержанию фразой. Кроме того, в данной фразе менее заметным становится и повтор слова «alumbrar» («освещать»), который имеет огромное значение для передачи образа солнца. Оно повторяется в предложении три раза, но в одном из случаев Е.В. Гараджа переводит его словом «освещать», а в двух остальных — словом «светить», что нарушает однородность, существующую в оригинале:

Si el sol tuviese conciencia, pensaría vivir para alumbrar a los mundos, sin duda; pero pensaría también, y sobre todo, que los mundos existen para que él los alumbre y se goce en alumbrarlos y así viva. Y pensaría bien.	Если бы у солнца было сознание, то скорее всею оно думало бы, что живет для того, чтобы светить мирам; но при этом оно думало бы что и миры существуют для того, чтобы оно их освещало , оно находило бы удовлетворение в том, чтобы им светить , и в этом состояла бы его жизнь. И такой образ мыслей был бы вполне нормальным.

На синтаксическом уровне автор также неоднократно использует повтор, в основном употребляя синтаксический параллелизм. Однако в переводе данное средство не всегда сохраняется. Так, в одной из фраз эссе - «Cuando andamos, no va un pie hacia adelante y el otro hacia atrás: ni cuando miramos, mira un ojo al Norte y el otro al Sur...» («Когда мы идём, не бывает такого, чтобы одна нога шла вперёд, а другая — назад; когда мы

смотрим, не бывает такого, чтобы один глаз смотрел на север, а другой — на юг...») Е. В. Гараджа передаёт общий смысл фразы, но в переводном тексте синтаксический параллелизм не сохраняется, что в некоторой степени лишает русскоязычный текст ритмичности, присущей оригиналу. Кроме того, противопоставления вперёд-назад, север-юг оказываются в разных концах предложения, а не рядом, как они стоят в оригинале, что мешает восприятию читателю заметить антитезу в данном предложении:

Cuando andamos, no va un pie hacia adelante y el otro hacia atrás: ni cuando miramos, mira un ojo al Norte y el otro al Sur, como estemos sanos.	Например, при ходьбе мы никогда не шагаем одной ногой вперед, а другой назад; точно так же когда мы смотрим, то, если у нас нормальное зрение, никогда не бывает так, чтобы один глаз смотрел на юг, а другой - на север.

Часто данное средство используется в сочетании с риторическим вопросом, что помогает создать ощущение напряжения, автор как бы вступает таким образом с читателем в диалог, заставляя его ждать ответа. В некоторых предложениях кроме синтаксического параллелизма и риторического вопроса автор также использует анафорический повтор:

¿Que otro llenaría tan bien o mejor que yo el papel que lleno? ¿Que otro cumpliría mi función social? Sí, pero no yo.	Ведь кто другой так же хорошо или лучше меня сыграет мою роль? Кто выполнит за меня мои общественные обязанности? Кто, если не я?

Анафорический повтор также может использоваться и в сочетании с риторическим восклицанием, что помогает автору обратить внимание читателя на идеи и концепты, которые он считает наиболее важными. Однако в переводе не всегда в полной мере отражаются данные особенности оригинального текста. Кроме того, иногда анафорический повтор сочетается с эпифорическим. Так, например, в одном из предложений несколько раз повторяются слова «contradicción» («противоречие») в начале предложения и «naturalmente» («естественно») в конце. Однако Е.В. Гараджа исключает из своего перевода один из повторов слова «естественно», что полностью ликвидирует эпифору в данном абзаце, и добавляет в текст ещё один повтор слова «противоречие» в конце последнего предложения, что делает абзац менее симметричным по сравнению с оригиналом и нарушает его композицию:

¿Contradicción? ¡Ya lo creo! ¡La de mi corazón, que dice sí, y mi cabeza, que dice no! Contradicción, naturalmente. ¿Quién no recuerda aquellas palabras del Evangelio: «¡Señor, creo; ayuda a mi incredulidad!»? ¡ Contradicción! , ¡ inaturalmente!	Противоречие? Еще бы! Это противоречие между моим сердцем, которое говорит «да», и моею головой, которая говорит «нет». Конечно же, противоречие. Кто не знает этих незабываемых слов из Евангелия: «Верую, Господи, помоги моему неверию!»? Противоречие! Явное противоречие!

В «большом» контексте в рамках данного эссе нам удалось выделить только так называемый повтор-лейтмотив или языковой лейтмотив. На протяжении всего эссе М. де Унамуну повторяет слово «hombre» («человек») даже там, где оно не нужно с точки зрения общего смысла. Автор делает это, чтобы подчеркнуть человеческую сущность

всех философов, о которых говорит, что отражает одну из главных его философских идей — каждый философ является прежде всего человеком и в философии первичны всегда не идеи, а личности философов, которым они принадлежат (Так, например, в том числе в данном эссе М. де Унамуну пишет о том, что «La íntima biografía de los filósofos, de los hombres que filosofaron ocupa un lugar secundario. Y es ella, sin embargo, esa íntima biografía, la que más cosas nos explica.» («Личной биографии философов, людей которые философствуют, придается второстепенное значение. А между тем именно она, эта личная биография философов, в гораздо большей степени позволяет нам понять их философию»)^[2, с. 5]. Поэтому, говоря о философах, он пишет не «Кант», «Бутлер», а «человек-Кант», «человек-Бутлер» и так далее:

Tomad a Kant, al hombre Manuel Kant , que nació y vivió en Koenigsberg, a fines del siglo xvm y hasta pisar los umbrales del xix. Hay en la filosofía de este hombre Kant , hombre de corazón y de cabeza, es decir, hombre, un significativo salto, como habría dicho Kierkegaard , otro hombre — ¡y tan hombre!— el salto de la «Crítica de la Razón Pura» a la «Crítica de la Razón Práctica».	Возьмем, к примеру, Канта, человека Иммануила Канта , который родился и жил в Кенигсберге в конце XVIII - начале XIX века. Есть в философии этого человека Канта человек с сердцем и головой, человек, совершивший удивительный прыжок, как сказал бы Киркегор, еще один человек - и какой человек! - прыжок из Критики чистого разума в Критику практического разума.
Sí: para la generalidad de los hombres, incluyendo al hombre Kant , al hombre James y al hombre que traza estas líneas que estás, lector, leyendo.	Да, вот именно для большинства людей, в том числе и для человека Канта , и для человека Джемса , и для автора этих строк.
Quiere decirse que tu esencia, lector, la mía, la del hombre Spinoza , la del hombre Butler , la del hombre Kant y la de cada nombre que sea hombre, no es sino el conato, el esfuerzo que pone en seguir siendo hombre, en no morir.	То есть твоя сущность, читатель, моя сущность, сущность человека Спинозы, человека Бутлера, человека Канта и всякого человека как такового есть не что иное, как стремление, усилие, направленное на то, чтобы продолжать быть человеком, Не умирать.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы провели комплексный анализ повторов, используемых в тексте эссе и их передачи в переводе, что позволило нам сделать выводы о функционировании повтора в эссеистике Унамуну и создать теоретическую базу для будущих переводов эссе писателя. Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в эссе М. де Унамуну «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» повтор является одним из ключевых стилистических средств, играющим огромную роль в восприятии произведения читателем. В произведении использованы разные виды повторов, такие как корневой, анафорический, повтор-лейтмотив и другие, причём автор использует данное языковое средство сразу на нескольких языковых уровнях — на морфологическом, лексическом и синтаксическом. Повторы в эссе М. де Унамуну встречаются главным образом в рамках «малого» контекста, на морфологическом и более высоких уровнях. В рамках «большого» контекста нам удалось выделить повтор-лейтмотив слова «hombre», который чрезвычайно важен для данного

произведения. Одной из характерных черт текста эссе является в том числе использование повтора в сочетании с другими стилистическими средствами, такими как риторический вопрос и риторическое восклицание, а также одновременное использование нескольких повторов одного или разных типов. В ходе исследования мы выяснили, что в переводе Е. В. Гараджи многие повторы не отображены и в некоторых предложениях появляются дополнительные повторы, которых нет в оригинале, что в некоторых ситуациях препятствует точной передаче испанского текста в переводе его на русский язык, несмотря на то, что большая часть повторов передана верно. Это можно объяснить тем, что главной целью переводчика был не перевод как таковой, а анализ эссе в первую очередь как философского текста. Однако, как показал анализ текста, при переводе произведений Унамуно, в частности эссеистики писателя, необходимо обращать внимание на повторы, используемые автором и как можно более точно передавать их в тех случаях, где они являются стилистическим средством.

Библиография

1. O'Kuinghttons Rodriguez J. L. Sobre el estilo de Unamuno. Entre Caminos vol. 1. San Paulo, 2015 p.68
2. Устинова, И. В. Мигель де Унамуно глазами русского читателя. – Вестник МГУЛ – Лесной вестник. №3. – М., 1999 С. 135
3. Гараджа Е.В. Философия «трагического чувства жизни» Мигеля де Унамуно : диссертация кандидата философских наук М., 1986, С. 13
4. Де Унамуно, М. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Киев, 1997
5. Пронкевич, А. В. Особенности построения диалога в романах Мигеля де Унамуно : диссертация кандидата филологических наук.-Киев, 1991. С. 76
6. Bucurenciu Birsan I. Apuntes sobre el estilo de Unamuno en «Vida de Don Quixote y Sancho». AIN. Actas V. Madrid, 1974. p. 235
7. Головкина Н.Т. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи (на материале современного немецкого языка) М., 1964 С. 53
8. Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений ч.2 СПб, 1834, С. 124-125
9. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958 С. 258
10. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1960
11. Морен М.К., Тетеревникова Н.Н. Стилистика современного французского языка. М., 1960
12. Таюпова О. И. Повторы и их роль в текстах различных дискурсов. Филология и искусствоведение. Вестник Башкирского университета. Т. 24 №1 Уфа, 2019
13. Ризель Э.Г. Стилистика немецкого языка. М., 1959. С. 409-418
14. Ризель Э.Г. О так называемой архитектурной функции языково-стилистических средств. Уч. зап. МГПИИЯ. т. X, 1956, С. 155
15. Unamuno, M. «Del sentimiento trágico de la vida en los hombres y en pueblos». Madrid, 1912

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Повтор в эссе "Трагическое чувство жизни" М. де Унамуно и его отражение в переводе Е.В. Гараджи с испанского на русский язык» несомненно рассматривает актуальную проблематику романского языкознания, а также особенности

перевода с испанского на русский язык. Отметим также важность изучения языковых трансформаций на материале испанского и русского языков, который набирает популярность в настоящий момент, в том числе и в нашей стране, ввиду наращивания связей с Латинской Америкой, а также увеличения туристического потока в Испанию. Кроме того, традиционно испанский язык находился в тени немецкого, английского и французского языков в отечественной науке, что делает современные исследования ценными.

Работа посвящена переводческим трансформациям при переводе произведения Мигеля де Унамуну, который является одним из самых значимых испанских писателей двадцатого века, а многие его произведения по праву считаются шедеврами мировой классики как в России, так и за рубежом.

Одной из самых главных проблем, которые решает переводчик при работе с произведением это передача особенностей индивидуально-авторского стиля автора в переводе. Как и любой другой писатель, Мигель де Унамуну обладает своим уникальным стилем, имеющим определённые черты, некоторые из которых уже были рассмотрены отечественными исследователями, однако автор статьи обращает свое внимание на малоисследованный стилистический феномен.

Целью рецензируемого исследования стало детальное рассмотрение повторов, применяемых автором в тексте эссе и их передачи в переводе Е. В. Гараджи.

Автор представляет интересный материал с научной точки зрения, который имеет весомое значение как для теории и практики романской филологии, так и для общей теории перевода.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Исследование выполнено в русле современных лексикологических подходов. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Постулируемое автором иллюстрируется практическим языковым материалом на испанском языке и параллельным текстом на русском языках.

Автор ссылается на работы предшественников, но не компилирует полученные ранее знания, а вносит собственные предложения и делает выводы, что свидетельствует о самостоятельно проведенном исследовании на высоком научном уровне. Статья структурирована, состоит из введения, основной части, описания результатов исследования и представления выводов. Так, следует отметить библиографию, содержащую 15 позиций, которые являются русским и испанском языках, однако источники датируются 50-90-ми годами, несомненно, наука за последние пару десятилетий значительно продвинулась в исследуемой области. Более того, в списке используемой литературы отсутствуют отечественные исследования в области романского языкознания, что является недостатком работы, делая ее оторванной от российской романистики.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам-романистам, лингвистам, практикующим переводчикам. В общем и целом, следует отметить, что статья написана научным языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Повтор в эссе "Трагическое чувство жизни" М. де Унамуну и его отражение в переводе Е.В. Гараджи с испанского на русский язык» положительное, работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Марьянович Д., Галоян Н.Г. Русский духовный стих как часть культурного и языкового наследия русской и сербской духовной лексики // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73375 EDN: KCISGG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73375

Русский духовный стих как часть культурного и языкового наследия русской и сербской духовной лексики

Марьянович Далиборка

ORCID: 0000-0001-9244-2073

старший преподаватель; институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ daliborka.maryanovich@mail.ru

Галоян Наре Гарегиновна

ORCID: 0009-0007-7124-8133

кандидат исторических наук

ассистент; институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ galoyan_ng@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73375

EDN:

KCISGG

Дата направления статьи в редакцию:

16-02-2025

Дата публикации:

25-02-2025

Аннотация: Статья посвящена актуальной и малоизученной проблеме современной славистики, а именно изучению духовной лексики на основе текста духовного стиха в русской и сербской духовной культуре. Предметом исследования является анализ

специфических языковых, культурных и литературных особенностей, которые отражают духовные и нравственные ценности двух народов. Духовный стих, представляющий собой поэтическую форму, используемую в русской и сербской духовной литературе и являющаяся частью национального фольклора, не только отражает культурные и духовные ценности, но и служит связующим звеном между языком, верой и национальным аспектом. В результате исследования установлено, что духовный стих обладает уникальными свойствами, к которым относятся религиозная и национально-героическая тематика, ее текстово-музыкальная форма, эмоциональность, субъективность, воспитательная направленность. Эти свойства позволяют создать особое жанровое явление в культуре. Исследование проводится с акцентом на культуру и мировосприятие русского и сербского народов. Был применен историко-этимологический метод, который освещает изучение происхождения слов и их изменений во времени, что показывает, как развивалась лексика духовного стиха и какие культурные влияния могли на неё повлиять. Новизна исследования определяется культурным содержанием фольклора и соответствующим употреблением лексики с национально-культурным компонентом в речи, а также знанием специфики языковых и культурных взаимодействий, формировавшихся на протяжении веков. Исследование особенностей данной лексики в контексте сербской лингвокультуры может выявить уникальные аспекты, такие как использование метафор, символов и архаизмов, что делает этот анализ особенно ценным для понимания историко-культурной эволюции. Данное исследование нацелено на выявление значимости духовного стиха в контексте русской и сербской культур, его влияние на формирование языковой среды и сохранение духовного наследия. Изучение лексики русского духовного стиха на фоне сербской культуры обогащает не только филологию, но и общий культурный дискурс, способствуя диалогу между народами. Проведенное исследование позволяет сделать актуальный вывод о том, что духовный стих является одной из самых актуальных тем в современном славянском фольклоре. С лингвистической точки зрения это малоизученный материал.

Ключевые слова:

духовный стих, лексика духовного стиха, воспитательная функция, сохранение духовной лексики, культура, религия, Христианство, духовное наследие, духовные ценности, Россия и Сербия

Русский духовный стих, представляющий собой уникальную поэтическую форму, занимает особое место в культурном и языковом наследии России и Сербии. Этот вид поэзии, возникший в контексте православной традиции, не только служит средством выражения религиозных чувств и убеждений, но и является важным элементом национальной идентичности и культурной памяти. Духовный стих, с его глубокой символикой, ритмической структурой и мелодичностью, отражает духовные искания и культурные ценности, присущие русскому и сербскому народам.

В условиях исторических изменений и культурных трансформаций русская и сербская духовная лексика претерпела значительные изменения, однако духовный стих сохранил свои корни, продолжая передавать традиционные идеи и образы. Важность этого жанра заключается не только в его религиозной функции, но и в способности объединять людей через общие культурные и духовные ценности, формируя уникальный опыт восприятия мира.

Интерес к изучению языка религиозной сферы, включающего как «внутрицерковное общение», так и «речь верующих в иных коммуникативных контекстах» [\[1\]](#), можно наблюдать на Балканах в связи с активным переосмыслением сербским народом своего языкового и культурного наследия. Сербский язык имеет длительную историю формирования литературных норм, истоки которых находятся в кирилло-мефодиевских традициях книжности, отраженных в церковной литературе Средневековья. К XII в. были найдены многочисленные грамоты, свидетельствующие о высоком уровне грамотности населения сербских и хорватских земель, сообщающие о принятии монашеского пострига в русском монастыре святого Пантелеймона на Афоне будущим основателем Сербской Православной Церкви Растко Неманичем [\[2\]](#). Важно отметить, что в Сербии XVIII в. считается веком просвещения и переосмысливания языка [\[3\]](#), [\[4\]](#).

История исследования духовного стиха начинается с первых научных трудов во второй половине XIX в. В этот период появились сборники П.В. Киреевского, В. Варенцова, П.А. Бессонова, ставшие важнейшим началом для исследователей. Первым научным трудом по духовным поэмам стал сборник «Русские народные поэмы», который был издан в 1848 году отдельной книгой П. В. Киреевского.

В сборнике «Русские народные стихи» слависта П. В. Киреевского 1848 года отмечается, что духовный стих — уникальное явление в русской культуре, требующее изучения вопросов бытования, классификации, художественных особенностей духовной поэзии. Работа Ф. Буслаева «Народная поэзия. Исторические очерки» 1887 года с относительно полным анализом народного духовного стиха как посредника между христианской и устной народной культурой. Отмечая своеобразие содержания и языка одной из «важнейших форм народной поэзии» [\[5\]](#), автор отмечает, что «духовный стих по своему религиозному содержанию стоит вне текущих мелочей действительности. Он уже не забава и неторопливое препровождение времени, не старомодный обряд, слившийся с повседневными привычками. Как церковная книга, он наставляет неграмотных в вере, в священных преданиях, в добре и правде. Он даже заменяет молитву, особенно в умиленных возгласах и назидательных назиданиях» [\[6\]](#).

Духовный стих — уникальное и во многом сложное явление в русской культуре. Сохранение и углубление исследования столь ценного наследия — одна из важнейших задач современной славистики, что может найти в будущем отражение в народной поэзии в учебной литературе [\[7\]](#).

С фольклористической точки зрения духовный стих может рассматриваться как совокупность музыкальной культуры народа или «церковно-певческого искусства» [\[8\]](#).

Истоки текстов духовного стиха в первую очередь литературные. Это Ветхий и Новый Завет, жития святых, божественные книги, которые быстро распространились после крещения Руси в конце X века.

Сложно дать верную информацию о том, как духовный стих создавался и распространялся в православии.

Исследователи духовного стиха, фольклористы, музыковеды, историки и лингвисты придерживаются мнения, что этот жанр имеет стилистическую и языковую специфику и могут включать понятия молитвенной и песенной речи [\[9\]](#). Тексты отличаются от классических героических былинных стихов до последнего силлабо-тонового ямба и хорея с четкой литературной основой. Целью данной статьи является освещение

лексических особенностей русских духовных стихов в сербской лингвистической традиции и демонстрация актуальности данного исследования.

По мнению авторов, жанр духовного стиха представлен как целостное явление в русской культуре. Кроме того, данное определение говорит об актуальности данного исследования.

Как известно, русский и сербский языки схожи не только в плане грамматики, но и в контексте духовной жизни и связей этих народов.

Духовный стих возник как вид поэтического изучения христианства. Главной чертой духовного стиха является противопоставление христианской и мирской сторон жизни. Согласно хронологии, древнейший духовный стих был написан в XII веке («Плач Адама»). Широкое распространение духовных стихов на Руси началось в XV веке. В XIX веке П.В. Киреевский делает первые шаги в глубоком исследовании духовных стихов. Такие известные слависты, как В. Варенцов, Г. Федотов, П. Бессонов, А. Веселовский, А. Афанасьев, И. Срезневский, Н. Тихомиров и другие, уделяли большое внимание исследованию территориального использования, классификации и литературных особенностей духовной поэзии. В работе Ф. Буслаева «Народная поэзия. Исторические заметки» (Санкт-Петербург, 1887) дан достаточно полный анализ народных духовных стихов. Ф.И. Буслаев писал: «По религиозному содержанию духовный стих выходит из сиюминутных мелких забот жизни. Она уже не увеселение и не обыденное занятие, не устарелость, смешанная с повседневными привычками. Как религиозная книга она учит неграмотного человека святым преданиям, вере, правде и добру. Кроме того, она могла бы служить молитвой, особенно во время святого плача, и душеполезным назиданием» [\[10\]](#). Если до революции 1917 года границы содержания разных сюжетов были «прочно закреплены традицией», то под влиянием произведений других жанров фольклора язык духовной поэзии быстро нивелировался [\[11\]](#), освобождался от книжных элементов: «Не случайно народные певцы прежде всего отказались от концовок, насыщенных моралистическими сентенциями... так называемых «хвал святым», в которых особенно часто использовались церковнославянизмы и книжные выражения» [\[12\]](#). Духовный стих — особый народный жанр со своими особенностями, языком и структурой. Она не имеет конкретных жанровых определений из-за своей непохожести. Она причислялась к разным песенным жанрам как разновидность песенных текстов. В словесном творческом бытии она смешивалась с былинами, историческими песнями, балладами, лирическими песнями и причитаниями. Первоисточником духовных поэм является христианская каноническая литература. Параллельно с этим духовная поэма находилась под влиянием разных видов древнерусской книжности: Библии, житийных и нравоучительных повествований, «чудес».

Жанр духовной поэзии представляется сложным, многокомпонентным, но в то же время целостным явлением для русской и сербской культур. Изучение русского языка связано с включением его в 1843 году в учебный план Белградской духовной семинарии, в том числе для восполнения многочисленных лексических потерь из-за войн на территории бывшей Югославии. Происходит обширное заимствование лексики из древнерусских литературных и духовных источников. Примечательно, что Псалтырь, предназначенный для использования в христианском богослужении сербов, был впервые напечатан в Москве в 1761 году [\[13\]](#).

Целью духовного стиха является прежде всего дидактика. Она отражает духовные переживания исполнителя и слушателя. Духовный стих – песня религиозного характера,

отражающая религиозный облик героя народа.

Народная религия, отраженная в духовных стихах, основана на православии и ее структура состоит из древнего язычества, канонических церковных предписаний и современных национальных традиций святости.

Духовный стих внутренне противоречив, как и весь фольклор. Во-первых, это отражение народных суеверий и примитивных представлений. Во-вторых, это путь к основным нравственным ценностям с позиций православного нравственного богословия [\[14\]](#).

Цель создания духовной поэзии, прежде всего, мораль и дидактика. Они отражают духовные переживания исполнителей и их слушателей, являясь песнями религиозного характера, в которых воплощен «религиозный гений народов» [\[15\]](#). Религия народа, столь своеобразно отраженная в духовных стихах, основывалась прежде всего на православной религии, структурно состоящей из трех частей: древней религии язычества, канонического церковного устава и современной народной традиции святости. Здесь излюбленными темами являются Всемирный потоп, Страшный суд, размышления о старости и смерти, восхваление отшельнической жизни. Лирические по характеру, а часто и рифмованные стихи имеют строфическую структуру с преобладанием трехстишия, в них много риторических вопросов и восклицаний, в них не выражено присутствие церковнославянских слов и фраз.

Основными адресатами духовных стихов являются Господь, Богородица, Ангел-хранитель, святые великомученики. В этом случае стихи строятся как молитва, которая призывает к высшим духовным силам: *Ты моя мать, царица небесная...; Мой Бог, зачем ты так страдаешь?; Пресветлый Ангел мой Господень...; К тебе усердно прибегаем, святой светитель Николай...* . Чаще всего эта молитва сама по себе очень проста и незамысловата.

Бывает, что стих обращается к массовому слушателю, и тогда у него нет определенного или конкретного адресата: *Не ропщи на суровую долю...; Покайтесь, люди, покайтесь...* .

Важная часть народных духовных стихов строится как повествование о божественных чудесах и житии праведников. Это может быть и переложение библейских сюжетов, притч. Такие стихи имеют особый зачин, который предваряет развитие сюжета: эпический (*В далекой стране Палестине / Струится река Иордан, / На берег реки той выходит / Святитель Христов Иоанн*); песенный (*В низенькой избушке / Огонек горит, / Там одна старушка / При смерти лежит*); частушечный (*Уж ты, келья, моя келья, / Келья тихая моя!*).

Язык духовных стихов прост и безыскусен. Это некое соединение книжного и народно-песенного языка. Сила воздействия народных христианских песнопений в основном связана с эмоциональностью исполнителя и высокой религиозностью слушателей.

По частотности употребления из многих изобразительно-выразительных средств в духовных стихах первое место занимают эпитеты [\[16\]](#).

Следует отметить, что особенности языка народных духовных стихов находятся под влиянием Библии, устного народного творчества и художественной литературы, поэтому и эпитеты, которые присутствуют в них, можно условно разделить на некоторые группы:

- постоянные, которые характерны для жанров фольклора (*сырая земля, красное солнце, горячие слезы; в сербском тексте – страдания в Косовском бою* [\[17\]](#),

встречаются также в «косовских стихах» [\[18\]](#), [\[19\]](#).

- религиозные, которые заимствованы из христианской литературы (*святое Рождество, чистая Дева, небесный отец*);

- высокие, книжные (*скорбный век, тернистый путь, земные труды*);

- общелитературные, которые можно считать приметой времени, результатом влияния современной жизни (*безутешная печаль, слезный крест, заветный крестик*).

Редкие метафоры (*наша жизнь — весенний цвет летучий; горе — лекарство души; Бог невидимо будет с тобою, скорый врач, исцелитель душе*), олицетворения (*дрожат от страха небеса; заплакали ключи; дышит земля*); сравнения (*жизнь меня, как щепку, закружила; все увяло, как зелень скошенной травы*) помогают исполнителям стихов передать и боль, и страдание, и покаянную молитву.

Частым употреблением риторических вопросов, которые обращаются к высшим силам определяется высокая степень эмоциональности текста духовных стихов. Их цель - воздействие на адресата, контакт с мыслимым собеседником. Риторические вопросы выражают душевное состояние верующих, которые переполняют их чувства: *Здесь узкий, тесный путь прескорбный, / Могу ли я его пройти? / Хранитель мой неукротимый, / Ты можешь ли меня спасти?; Наставь меня, Матерь, на истинный путь... / А как я предстану, великая грешница, / На страшный суд Божий? / Какой дам ответ?*

В некоторых стихах риторические вопросы обращены к самому говорящему, к своей душе: *Где ты спишь, душа? / Что в саду твоём?; О чем скорбеть? / О чем крушиться? / О чем нам слезы пролевать?* Они выражают раздумья, сомнения, поиск ответа на трудные жизненные вопросы.

Несмотря на религиозное содержание духовных стихов, часть церковной лексики в них не столь значительна. В основном это наименование предметов культа (*лампада, келья, риза, крест, икона, иконостас, миро*); религиозных отправлений и обрядов (*покаянье, крещение, моление, воскресенье*); пространственные наименования реального и духовного мира (*гора Афон, Вифлеем и др.; тихая пристань, вечный приют, царство небесное*); категории, которые несут христианское восприятие и осознание греха и добродетели (*грех, скорбь, страданье, милосердие, благодать*).

Огромную роль в духовных стихах играют христианские представления о триедином Боге в целом ряде синонимичных именовании, которые выражают разные ипостаси: *Христос, Иисус, Творец, Спаситель, Господь, Всевышний, Владыка, Отец, Судия, Сын, Вседержитель, Создатель, Друг и Учитель*.

Понятие *душа* в духовном стихе олицетворяет представления русского православного человека. Это естественная реальность, которая связана и с духом, и с телом.

В духовных стихах важную роль играет общеупотребительный набор слов, так как именно известные всем слова в большей степени доступны для восприятия и понимания и читателям, и слушателям. Однако в процессе анализа состава лексики духовных стихов обнаружились и такие слова, лексическое значение которых отличается от привычного, зафиксированного в словарях. Такие слова обычно имеют дополнительное лексическое значение, устанавливают новые синонимические антонимические связи.

Так, в отрывке:

*Дева мне сказала: Плачет он о том,
Что Адам и Ева взяты в плен врагом,
И что образ Божий, данный их душам,
Предан поруганью злобнейшим бесам.
Плачет, что не любят дети их Творца,
Творца сквернят грехами души и сердца...*

Слова врагом и дети имеют особое, библейское значение.

Адам и Ева названы детьми Творца потому, что они, по библейскому преданию, сотворены Богом. Поэтому, они, как и все человечество, считались у языческих поэтов потомством Бога. В источниках христианства Божьими (Господними) детьми стали называть только верующих, которые благодаря искуплению вышли из своего падшего состояния и родились заново в своей душе. В стихе сохранилось языческое представление о детях Бога.

Слово *враг* в народных духовных стихах является синонимом библейского Сатана (дьявол), то есть обозначает главного врага Бога. Можно заметить, что в духовных стихах вместо библейских выражений используются табуированные именованья лукавый и искушитель.

Анализ состава лексики народных духовных стихов еще раз подтверждает мысль о том, что этот жанр народного творчества отличается своеобразием и неповторимостью, представляет собой органичный сплав фольклора, христианской и современной художественной литературы.

Основанными хранителями и исполнителями духовных стихов Ф. И. Буслаев называл калик прохожих, паломников, которые шли или уже побывали в Святой земле с целью поклонения христианским святыням.

Обращая внимание ученых на важность общения с хранителями духовных стихов, Д. С. Лихачев замечал: «Общаться со стариками нелегко. Это ясно. Но общаться нужно, и нужно делать это общение легким и простым... Старики не только ворчливы, но и добры, не только болтливы, но и отличные рассказчики, не только глуховаты, но обладают хорошим слухом на старые песни... . Опыт старых ох как может пригодиться. И опыт, и мудрость, и юмор, и рассказы о былом, и нравоучения» [\[15\]](#).

В современное время духовные стихи формируют весьма значительную, обусловленную историческим развитием России часть общей культуры народа. История русского фольклора без духовных стихов так же не полноценна, как история русской культуры без истории православной церкви.

Бытование духовных стихов свидетельствует о том, что для определенной части современного общества нужен национально-культурный идеал, который выдает и религиозное, и светское толкование. Не может не заслуживать внимания исследование народных духовных стихов как части наследия культуры в связи с возрастанием в обществе роли религии и церкви.

В результате проведенного исследования, мы пришли к выводам, что жанр духовного стиха представляется сложным, многокомпонентным, но в то же время целостным

явлением в русской культуре, которое состоит из народно-песенных и церковно-певческих произведений. Подтверждением этого является классификация, которая позволила показать все духовные стихи. Она основана на определении условий существования и доминантной социокультурной среды распространения духовных стихов. Выделяются фольклорные духовные стихи, которые образуют наиболее многочисленную группу произведений с преимущественно устным исполнением в среде калик перехожих, крестьян, а затем и городского населения, которые исповедуют официальное православие. Церковные духовные стихи, которые изначально предназначались для исполнения в церковном быту, а затем через рукописи, распространившиеся в среде грамотных россиян.

Духовный стих обладает рядом уникальных свойств, которые включают в себя религиозную и национально-героическую тематику произведений, их тексто-музыкальную форму бытования, эмоциональность, субъективность, воспитательную направленность и позволяющих ему выступать в качестве единого жанра и целостного явления в культуре. Эти свойства дают духовному стиху возможность выполнять важные просветительские и воспитательные функции. Путем информирования и убеждения слушателей эмоционально-психологическими, лирико-субъективными и другими средствами создаются необходимые условия для внутреннего духовного саморазвития человека, его нравственного начала.

Духовный стих играет важную роль в продвижении и сохранении основ христианства не только в русской культуре, но и сербской, а также и в сохранении уникальной, своеобразной лексики и «духовного ландшафта» культур [\[20\]](#), что может положительно повлиять на ментальную, культурную и историческую общность народов, что способствует развитию взаимодействия двух стран в области научного сотрудничества, социально-философских, культурных и духовных связей [\[21\]](#). Жанр духовного стиха является одним из самых связующих звеньев общего культурно-исторического наследия, частью доминирующей социокультурной среды, которая представляется таким сложным, многокомпонентным и в то же время целостным явлением для русской и сербской культур.

Библиография

1. Бугаева И.В. Язык религиозной сферы. [Язык религиозной сферы] : автореф. дис.врач. Филол. наук. Москва, 2010, стр.3.
2. Бражников М. В. Древнерусская теория музыки (по мотивам рукописей XV-XVIII веков). Ленинград: Музыка, 1972, 423 с.
3. Ristović N. Antiquitas, Ancilla Universalis: The Many Faces of Classicism in the Serbian Culture of Enlightenment //Yearbook of the Society for 18th Century Studies on South Eastern Europe: Antiquity in Southeastern Europe during the long Eighteenth Century. – 2024. – Т. 7. – №. 1. – С. 151-165.
4. Beilinson O. Bosnian, Croatian, and Serbian Studies: Language, Linguistics, and Literature //The Year's Work in Modern Language Studies. – 2024. – Т. 84. – №. 1. – С. 655-668.
5. Буслаев Ф.Я. Русские духовные стихи // Русское устное народное творчество. Учебник фольклора] / Под редакцией Ю. Г. Круглов. Москва: Высшая школа, 2003. 710 с.
6. Буслаев Ф.И. Исторические очерки по русской народной литературе и искусству: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб.: 1-е изд., 1861. 643 с.
7. Киреева, Е. В. Духовные стихи. Из истории публикации и изучения / Е. В. Киреева // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2024. – № 21. – С. 26-30. – EDN TJRZQL.

8. Пожидаева, Г. А. Черты Предвозрождения в церковно-певческом искусстве Руси XIV-XVI вв / Г. А. Пожидаева // Герменевтика древнерусской литературы. – 2024. – № 23. – С. 569-598. – DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-569-59. – EDN НХМҮРР.
9. Костић Тмушић, А. (2022). Молитвена и песничка реч монахиње Јефимије кроз призму есхатологије (99–113). У: Октоих: Часопис Одјелења за српски језик и књижевност Матице српске – Друштва чланова у Црној Гори XII/13.
10. Бражников М. В. Древнерусская теория музыки (по мотивам рукописей XV-XVIII веков). Ленинград: Музыка, 1972, 423 с.
11. Кирпичников А.И. Источники некоторых духовных стихов // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. № 10, с. 133-150.
12. Новиков Ю. А. К вопросу об эволюции духовных стихов. Русский фольклор: Из истории русской народной поэзии. Ленинград: Наука (Ленинградский филиал), 1971. Вып. 12. С. 208-220.
13. Новакович Стоян. Сербская библиография современной литературы. Белградская государственная типография. 1869, 644 с.
14. Антипов, Е. В. Нравоучение русского народа по духовным стихам / Е. В. Антипов. – Самара : Общество с ограниченной ответственностью «ИНСОМА-ПРЕСС», 2024. – 123 с. – ISBN 978-5-4317-0547-2. – EDN BQGTJS.
15. Федотов Г. П. Духовные стихи. (Русская духовная вера гласно духовным стихам) [Духовная поэзия. (Русская духовная вера, основанная на духовных стихах). М.: Москва: Прогресс, Гнозис 1991, 192 с.
16. Котов, А. А. Эпитеты в русских духовных стихах / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 245-266. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266. – EDN GFOZNS.
17. Милојевић, С. (2022). Колективно страдање (Косовски бој) као тренутак пресељења у Царство небеско – медијевистичко гледиште. У: Philologia Serbica. Категорија простора и просторни односи у српском језику, књижевности у култури. (331–346). Зборник научних радова број 2. Бања Лука: Филолошки факултет.
18. Пејчић, Ј. (2022). *Српски песник. Милан Ракић и Косово*. Нови Сад: Фондација Група север.
19. Костић Тмушић, А. (2023). *Научна мисао о Светом Сави (1895–1945)*. Косовска Митровица: Филозофски факултет. Ниш: Међународни центар за православне студије.
20. Gapska D. Unofficial Cults of Women in the Serbian Orthodox Church. The Example of the Nun Stefanida of Skadar, Bitola and Dečani //Studi Slavistici. – 2024. – С. 33-44.
21. Карцева, А. А. Социально-философская и культурологическая мысль во взаимоотношениях России и Сербии / А. А. Карцева // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1-2. – С. 427-443. – DOI 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-427-443. – EDN ZZRWQM

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе является русский духовный стих. Отмечается, что «русский духовный стих, представляющий собой уникальную поэтическую форму, занимает особое место в культурном и языковом наследии России и Сербии». Актуальность исследования определяется повышенным вниманием к проблеме изучения духовного наследия народов. В условиях глобализации культурно-языкового пространства, отказа от традиционных ценностных ориентиров особый интерес вызывают те явления художественного творчества, которые транслируют национальные ценности.

Одним из них выступает духовный стих: «В условиях исторических изменений и культурных трансформаций русская и сербская духовная лексика претерпела значительные изменения, однако духовный стих сохранил свои корни, продолжая передавать традиционные идеи и образы. Важность этого жанра заключается не только в его религиозной функции, но и в способности объединять людей через общие культурные и духовные ценности, формируя уникальный опыт восприятия мира».

Теоретической базой научной работы послужили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как Ф. И. Буслаев, А. И. Кирпичников, И. В. Бугаева, М. В. Бражников, Е. В. Киреева, Ю. А. Новиков, Г. П. Федотов, А. А. Котов, Е. А. Мухина, А. А. Карцева, O. Beilinson., N. Ristović и др., посвященные широкому спектру вопросов в области духовных стихов. Библиография составляет 21 источник, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью (осветить «лексических особенностей русских духовных стихов в сербской лингвистической традиции») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический метод и интерпретативный анализ материала, сравнительно-исторический метод, методы лингвокультурологического и дискурсивного анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно изучены особенности языка народных духовных стихов, сделаны выводы о том, что «жанр духовного стиха представляется сложным, многокомпонентным, но в то же время целостным явлением в русской культуре, которое состоит из народно-песенных и церковно-певческих произведений»; «духовный стих обладает рядом уникальных свойств, которые включают в себя религиозную и национально-героическую тематику произведений, их текст-музыкальную форму бытования, эмоциональность, субъективность, воспитательную направленность и позволяющих ему выступать в качестве единого жанра и целостного явления в культуре», «духовный стих играет важную роль в продвижении и сохранении основ христианства не только в русской культуре, но и сербской, а также и в сохранении уникальной, своеобразной лексики и «духовного ландшафта» культур, что может положительно повлиять на ментальную, культурную и историческую общность народов, что способствует развитию взаимодействия двух стран в области научного сотрудничества, социально-философских, культурных и духовных связей».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в изучении феномена русского духовного стиха как части культурного и языкового наследия русского и сербского народов, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкознанию, стилистике, по лингвистике текста, теории дискурса, межкультурной коммуникации и социолингвистике.

Представленный на рассмотрение материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куринная А.А., Баканова А.В. Изучение фразеологического и паремиологического корпуса испанского языка: основные этапы // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73444 EDN: KCLTVL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73444

Изучение фразеологического и паремиологического корпуса испанского языка: основные этапы

Куринная Анна Андреевна

аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Специалист по учебно-методической работе; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ anya.kurinnaya@gmail.com

Баканова Анна Валентиновна

кандидат филологических наук

доцент; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ asia_sim@mail.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73444

EDN:

KCLTVL

Дата направления статьи в редакцию:

18-02-2025

Дата публикации:

25-02-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию фразеологического и паремиологического наследия испанского языка в диахроническом и синхроническом аспектах. Цель работы заключается в анализе эволюции научных взглядов на фразеологические единицы и паремии, а также в выявлении ключевых этапов их изучения в испанской

лингвистической традиции: от первых сборников пословиц и поговорок в Средневековье до систематических, собственно научных исследований в XX–XXI веках. В Средние века и эпоху Возрождения фразеологические единицы собирались и комментировались в рамках гуманистической традиции, что способствовало формированию национального корпуса паремий. В XIX веке преобладал описательный подход, а в XX веке фразеология и паремиология стали объектом научного анализа, включая лингвистические, культурологические и антропологические методы. В статье используются методы историко-лингвистического анализа, сравнительного изучения источников и систематизации научных подходов. Особое внимание уделено эволюции терминологии в области фразеологии и паремиологии, а также роли устойчивых единиц в отражении культурно-исторических особенностей испанского языка. Результаты исследования имеют междисциплинарное значение и могут быть применены в лингвистике, лексикографии, культурологии и преподавании испанского языка. В статье проводится комплексный анализ истории изучения фразеологии и паремиологии, охватывающий как классические, так и современные подходы. Особое внимание уделяется междисциплинарным тенденциям, объединяющим лингвистику, фольклористику, антропологию и культурологию. Подчеркивается, что фразеологические единицы, паремии и содержащийся в них национально-культурный компонент представляют собой важный источник для изучения языковой картины мира. Исследование демонстрирует, что изучение фразеологии и паремиологии способствует пониманию культурной идентичности и языкового сознания, что делает их ключевыми элементами в процессе сохранения и передачи культурного наследия. Полученные данные могут быть использованы для разработки учебных материалов, создания словарей и дальнейших исследований в области межкультурной коммуникации.

Ключевые слова:

испанский язык, испанский фольклор, фольклористика, фразеология, паремиология, паремия, пословица, поговорка, идиома, языковая картина мира

Исследование фразеологического состава языка в плане диахронии и синхронии, а также выявление его национально-культурной специфики – одно из традиционных направлений науки о языке. Задачи фразеологии в узком смысле сфокусированы вокруг изучения формальной и содержательной стороны фразеологических единиц и граничат с областью лексикологии. «На этой структурно-семантической основе и осуществлялось выделение и классификация фразеологических единиц – всех устойчиво воспроизводимых в 'готовом' лексико-грамматическом составе сочетаний слов» [\[8, с. 60–61\]](#). Фразеология в широком смысле основное внимание уделяет особенностям функционирования фразеологизмов в речи носителей языка, обращаясь как к текстам художественной литературы, так и к произведениям устного народного творчества, что сближает ее с наукой о фольклоре: «Малые жанры фольклорной прозы, или паремии (от греч. *paroimia* – “притча”), очень разнообразны: пословицы, поговорки, приметы, загадки, прибаутки, присловья, скороговорки, каламбуры, благопожелания, проклятья и проч.» [\[4, с. 113\]](#).

Паремиология как подраздел фразеологии помимо вопросов классификации единиц – от старинных пословиц до современных слоганов – занимается также исследованием способов сохранения и передачи накопленного веками опыта народа, особенностей национального характера и языковой картины мира, что сближает ее задачи с

интересами культурной лингвистики, возникшей в рамках антропоцентрической парадигмы. Целью сравнительной паремиологии, кроме того, становится сравнительный анализ схожих и отличных черт паремиологических единиц в языках разных народов. «Изучение паремиологии имеет давнюю традицию в русле филологических, фольклорных, культурологических исследований как сокровищницы народной мудрости на материале различных языков (Л. Б. Савенкова, Г. Л. Пермяков, О. А. Корнилов), анализируемой в целях установления ее состава, а также классификационно-структурных, референциальных и семантических характеристик составляющих паремиологический фонд особого рода устойчивых выражений – паремий» [11]. Таким образом, обращение к истории изучения фразеологического и паремиологического наследия Испании представляется актуальной задачей, позволяющей опираться как на лингвистический, так и на фольклористический анализ с учетом в том числе лингвокультурологического подхода.

Как отмечает В. Н. Телия, в естественном языке культурные реалии в наиболее концентрированном виде отражаются в прескрипциях народной мудрости: пословицах, поговорках, крылатых выражениях и т. д., которые являются своеобразными «шаблонами культурно-национального миропонимания» и составляют паремиологический фонд языка [10, с. 238]. Отечественные и испанские исследователи отмечают междисциплинарный характер фразеологии и методологические сложности при анализе ее единиц, как пишет В. С. Виноградов: «среди фразеологов нет единства во взглядах на объем фразеологического корпуса в языке» [3, с. 151]. В отечественной традиции паремии рассматриваются либо в рамках фразеологии, где одним из современных считается подход с точки зрения семиотики, либо выносятся за пределы этой области и исследуются как часть фольклорного наследия. Испанская традиция выделяет их как две самостоятельные ветви, изучающие соответственно либо фразеологизмы-идиомы (область фразеологии), либо пословицы и поговорки (область паремиологии). Однако, если говорить о принятой терминологии, то можно увидеть сходство в понимании материала исследования, так, термин *fraseología* трактуется достаточно широко: «f. Conjunto de frases hechas, locuciones figuradas, metáforas y comparaciones fijadas, modismos y refranes», в то время как термин *paremiología* – более узко: «f. Tratado de refranes», а сами паремии, к которым относят *aforismo*, *proverbio*, *refrán*, *sentencia*, *frase proverbial*, *adagio*, *dialogismo*, *apoteigma* и другие единицы, – как «unidades cerradas, breves, de mensaje sentencioso, citadas en el discurso oral o escrito cual joyas lingüísticas» [20, с. 106-107]. Областью пересечения являются главным образом пословицы и поговорки, которые представляют одновременно наиболее объемную жанровую форму для фразеологии, базовую – для паремиологии и малую – в исследованиях фольклора.

При классификации фразеологических единиц современные испанские исследователи учитывают следующие факторы: известное или анонимное происхождение, народное или литературное бытование, а также степень идиоматичности, дидактический характер и др. Первые критерии приводят к делению на две основные группы – фольклорные единицы (поговорки и пословичные выражения) и авторские единицы (пословицы и афоризмы). Если происхождение выражения известно, то в современной науке преимущественно используются термины *proverbio* и *aforismo*, однако на протяжении истории в этом же значении могли употребляться и другие термины, например *sentencia*, *máxima*, *adagio*, *apoteigma* и др. Основным источником испанского пословичного фонда служат библейские и греко-латинские тексты, а происхождение афоризмов связано с именами известных личностей или популярных литературных героев. Испанская исследовательница Севилья Муньос (*Sevilla Muñoz*) дает следующее определение

пословице, в котором в первую очередь подчеркивает ее книжное происхождение: «El proverbio es un enunciado sentencioso de origen conocido, cuyas características son la procedencia culta, la antigüedad, el tono grave, la gradación idiomática, la potencial variación y el uso preferentemente culto» [\[20, с. 109\]](#). Для более полной картины дополним это определение семантико-синтаксическим критерием, который вводят отечественные авторы: пословицы – это «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [\[1, с. 69\]](#).

Тексты, чье происхождение считается неизвестным, относятся к нескольким жанрам, основным из которых является *refrán*. Все они анонимны и прошли устный путь бытования, что определяет их стройную, легкую для запоминания форму и художественные черты (наличие рифмованных элементов, мнемонических техник и проч.). Их содержание отражает разные стороны человеческих отношений и формы традиционного быта, сохраняя зачастую дидактическое и сатирическое звучание. «В знаковых интерпретациях реалий окружающего мира и отношения к нему человека отражаются и универсальные способы концептуализации и сугубо национальные» [\[6\]](#).

Как пословицы, так и поговорки испанского языка сохраняют отголоски важных для национальной традиции культурно-исторических периодов, духовно и социально значимых событий, которые со временем могут видоизменяться, переосмысливаться и приобретать современное звучание. В испанском фольклоре находят отражение языческие суеверия и религиозное мировоззрение, сочетаются элементы разных мифологических систем и культурных традиций: «Испании было уготовано судьбой, историей, самим географическим положением стать мостом между двумя цивилизациями – западной и восточной, европейской, арабской, афроазиатской» [\[7, с. 7\]](#).

Изучение национальной паремиологической традиции в Испании развивается на протяжении нескольких веков и проходит несколько основных этапов. Как известно, вопросы истории собирания, издания и изучения малых жанров фольклора, в том числе пословиц и поговорок, рассматривает паремиография. И если паремиология считается относительно молодой наукой, чьи основные принципы сложились в XX в., то паремиография уходит своими корнями в Средние века: «Mientras la paremiografía existe desde la Edad Media -en el caso de la paremiografía francesa y la española-, se considera que la paremiología moderna nace en el siglo XX» [\[12, с. 238\]](#). В средневековой Испании берет начало традиция издания первых сборников народных пословиц и поговорок: «La riqueza paremiográfica española se aprecia en el elevado número de colecciones editadas de forma continuada desde la Edad Media hasta nuestros días, si bien no se conservan muchos repertorios medievales» [\[18\]](#). Пословицы и поговорки испанского языка в этот период можно встретить в качестве вставного иллюстративного материала в литературных произведениях, религиозных и светских сборниках, исторических хрониках и преданиях. Однако еще рано говорить о сложившейся терминологии или четкой классификации фольклорных жанров и фразеологических единиц.

Взлет интереса к национальному наследию и языковому богатству связан с развитием гуманистического движения, которое в Испании имеет особый характер. Важной чертой испанского Возрождения становится то, что на него оказывает влияние и южная гуманистическая традиция, и северная. Влиянию итальянской традиции испанские гуманисты обязаны интересу к античному наследию, в том числе к античным афоризмам

и крылатым выражениям, и к итальянским авторам – Петрарке, Данте, Боккаччо. Северная гуманистическая традиция привносит увлечение философией Эразма Роттердамского, чьи комментированные сборники поговорок, пословиц и апофегм становятся ориентиром для испанских гуманистов. Испанское Возрождение охватывает узкий круг образованной аристократии, куда входят Маркиз де Сантильяна, Хуан де Лусена, Энрике де Вильена и другие авторы, которые, ориентируясь на античных и средневековых философов, литераторов и историков, ищут новые пути развития культуры. Отсутствие в этот период развитой литературной традиции на кастильском языке заставляет гуманистов, помимо обращения к античному наследию, также опираться на национальную народную традицию.

В XV–XVI вв. ученые-лингвисты (Антонио де Небриха, Хуан де Вальдес и др.) используют в первых сочинениях по грамматике кастильского языка конца в качестве примеров правильного узуса кастильские пословицы и поговорки (*en aquellos refranes se vee mucho bien la puridad de la lengua castellana*), ставя их лингвистическое богатство выше примеров классической традиции (*los castellanos son tomados de dichos vulgares, los más de ellos nacidos y criados entre viejas, tras del fuego hilando sus ruecas; y los griegos y latinos, como sabéis, son nacidos entre personas doctas* [\[2\]](#)). Внимательное отношение ученых и литераторов к национальному языку, истории и фольклору отражает расцвет гуманистического движения в Испании в этот период.

Начиная с эпохи Возрождения возрастает интерес испанских исследователей одновременно к паремиям, пришедшим из греко-латинской культуры, и к примерам народной мудрости, созданным на новых романских языках. С XV в. издаются объемные словари пословиц, поговорок, примеров таких авторов, как Х. де Маль Лара, Э. Нуньес, П. Вальес: «La llegada del Renacimiento supone el afán por recopilar paremias, tanto de uso culto como popular, lo que se refleja en voluminosas colecciones de enunciados breves y sentenciosos. Así, es la época de la publicación de refraneros considerados clásicos para la paremiografía españolas, como los de Pedro Vallés (1555), Hernán Núñez (1555) o Juan de Mal Lara (1568)» [\[18\]](#). В этих словарях приводятся многочисленные образцы паремий, расположенные по алфавиту и снабженные подробными комментариями авторов. Постепенно, повторяясь из сборника в сборник, этот материал ложится в основу формирования общеиспанского корпуса паремиологических текстов.

Первым сборником испанских паремий принято считать работу «Refranes ... que dicen las viejas tras el fuego», написанную Маркизом де Сантильяной (настоящее имя *Íñigo López de Mendoza*) по заказу Хуана II в 1549 г. Некоторые исследователи подвергают сомнению авторство Сантильяны: «Así no consideramos como folklorista al Marqués de Santillana, sino al rey» [\[16, с. 32\]](#). Однако все сходятся во мнении, что это издание стало важной вехой в развитии испанской паремиологической науки: «una obra esencial para comprender la paremiografía española [...]. Por estos motivos, merece estar en la Biblioteca fraseológica y paremiológica» [\[16, с. 32\]](#).

С XVI в. в Испании постепенно начинается переход к новой культурной системе, в которой важную роль играет национальная традиция. «Рубеж XV–XVI вв. – знаковый период в коллективном сознании испаноязычного общества, отдававшего себе отчет в своей силе и мощи после завершения Реконкисты, а заодно и явно осознавшего свое имперское предназначение после открытия Колумбом Нового Света и присоединения к Испании обширных территорий в Центральной и Южной Европе» [9: 9.]. Пословицы, поговорки, апофегмы, афоризмы и другие образцы народной мудрости воспринимаются как образцы языкового творчества, как ключевые элементы национальной самобытности

и в то же время как дань уважения античным и средневековым авторам. Примером подобного отношения может служить авторитетная апофегмата «*Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles*» Мельчора де Санта-Крус (*Melchor de Santa Cruz de Dueñas*), изданная в 1574 г. (*Es ésta una de las más importantes colecciones de la época y quizá la más interesante, no solo como obra folklórica* [16, с. 38]). Собранные де Санта-Крус сюжеты перекликаются не только с греко-латинской традицией и изданиями Э. Роттердамского, но и с современными автору итальянскими и испанскими авторами, например, с работами Хуана де Тимонеды (*Juan de Timoneda*). В 1730 г. сборник был дополнен и переиздан Ф. Асенсио (*Francisco Asensio*), что еще больше упрочило его влияние на последователей. Несколькими годами ранее, в 1568 г., Хуан де Маль Лара (*Juan de Mal Lara*) издает около тысячи пословиц и поговорок в работе «*La Philosophia vulgar*». Автор внимательно собирает и комментирует каждую представленную в сборнике единицу, что ставит его в один ряд с фундаментальными фольклористическими исследованиями (*en él se propuso Mal Lara exponer el fundamento filosófico del Pueblo y las observaciones que pudieron llevarle a cristalizar en el refrán la conclusión obtenida de las experiencias proporcionadas por la vida cotidiana* [16, с. 37]).

В XVII в. выходят в свет несколько знаменитых сборников испанской фразеологии, среди которых отметим работу 1616 г. «*Medicina española contenida en proverbios vulgares de nuestra lengua*» Х. Сорапана (*Juan Sorapán de Rieros*), в которой представлены подробно прокомментированные пословицы и поговорки на медицинскую тематику. Автор подчеркивает, что в них в краткой форме сохраняется мудрость и опыт народа (*conocerá que los refranes, no son materia débil, y sin artificio, y forma: antes que engendran en los entendimientos de los hombres, son suavidad, y gracia, admirable sabiduría, y ciencia* [16, с. 52]). Нельзя не упомянуть также известный сборник фразеологических единиц испанского грамматиста Г. Корпеаса (*Gonzalo Correas*) «*Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana*», который стал доступен исследователям лишь в XX в.

Работа по изданию пословиц и поговорок испанского языка продолжается в XVIII–XIX вв., приобретая со временем более критический характер.

В XIX веке интерес к фразеологии и паремиологии в Испании был отмечен в основном компилятивным и описательным подходом. Этот период характеризовался деятельностью ученых и фольклористов, стремившихся сохранить языковое и культурное наследие страны. Одной из самых выдающихся фигур и представителей компилятивного подхода был Мариано де Рементерия-и-Фика (*Mariano de Rementería y Fica*), опубликовавший в 1821 году «*Refranes o proverbios españoles*», произведение, в котором было собрано большое количество народных пословиц, поговорок и устойчивых выражений. Уже в названии работы отмечается терминологическая проблема, характерная для паремиологических исследований на испанском языке, живо интересующая исследователей и в XXI веке — разница между терминами *refrán* и *proverbio*. Эта работа Рементерия-и-Фика заложила основу для будущих паремиологических сборников и исследований.

Кроме того, пришедший в начале XIX века романтизм с его интересом ко всему народному и традиционному стимулировал сбор пословиц, поговорок и идиоматических выражений. С появлением методов сравнительного языкознания постепенно меняется подход к работе с текстами устного народного творчества. Так, например, Антонио Мачадо и Альварес (*Antonio Machado y Álvarez*), отец поэтов Антонио и Мануэля Мачадо

(*Antonio y Manuel Machado*), внес значительный вклад в этот «подготовительный» (по отношению к собственно филологическому) этап в развитии испанских фольклористики и паремиологии своими работами «*Biblioteca de las Tradiciones Populares Españolas*» (1883-1886), «*Colección de enigmas y adivinanzas*» (1881) и пр. Однако в этот период в исследованиях подобного рода все еще отсутствовал систематический теоретический подход: главной целью исследователей был именно сбор фольклорного материала, а не его анализ. Однако до начала XX века нельзя говорить об истинно научном анализе фольклорного наследия, поскольку на протяжении XIX века собиратели и издатели, ориентируясь на деятельность братьев Гримм, допускают литературную обработку текстов для придания им еще большего народного колорита.

Среди исследователей-костюмбристов второй половины XIX в. нельзя не отметить Фернан Кабальеро (настоящее имя *Cecilia Böhl de Faber y Larrea*), которая издала несколько сборников фольклорных текстов, включающих загадки и поговорки, а также сказочный и песенный фольклор: «*Cuentos y poesías populares andaluzas*» (1859), «*Cuentos, oraciones, adivinas y refranes populares e infantiles*» (1878). В восьмидесятые годы XIX в. на первый план выходит деятельность позитивистов (А. Мачадо-и-Альварес, А. Гичот-и-Сьерра и др.), благодаря которой испанская фольклористическая традиция обогащается новой терминологией, постепенно встраивается в европейский научный контекст и находит развитие во всех областях страны.

XX век, несмотря на все трудности и потрясения, с которыми сталкивается Испания (в первой половине двадцатого века страна пережила ряд политических и социальных преобразований, в том числе Вторую Республику (1931-1939) и Гражданскую войну (1936-1939), стал поворотным моментом во фразеологических и паремиологических исследованиях — в этот период складывается собственно филологический подход к изучению данных единиц, уделяется больше внимания систематизации и научному анализу. В связи с этим нельзя не упомянуть Рамона Менендеса Пидалья (*Ramón Menéndez Pidal*) — центральную фигуру в испанской филологии и лингвистике. Хотя его работы не были сосредоточены исключительно на паремиологии или фразеологии, научный подход Пидалья к изучению элементов фольклора стал важной теоретической и методологической основой многих исследований в области фразеологии и паремиологии. Многие из его трудов («*El lenguaje del siglo XVI*» (1919), «*La España del Cid*» (1929), «*Los españoles en la historia*» и пр.), в той или иной степени имеют отношение к изучению устойчивых выражений и фразеологического компонента в испанском языке на разных этапах его формирования и развития. Исследования Пидалья играют решающую роль для понимания исторического контекста возникновения, этимологии многих современных идиоматических выражений.

Современник Пидалья, Хулио Сехадор-и-Фраука (*Julio Cejador y Frauca*), в период между 1921 и 1925 гг. опубликовал четырехтомный монументальный труд «*Fraseología, o estilística castellana*». Он представляет собой одну из первых систематических попыток проанализировать и классифицировать пословицы, поговорки и другие устойчивые выражения испанского языка. Интересно, что Сехадор интересовался языком не только с лингвистической, но и с культурной точки зрения, признавая, что язык и паремии являются отражением истории, традиций и языковой картины мира народа: «*Porque el idioma es la propia expresión de un pueblo y la expresión no es más que el mismo interior o alma que llega a superficie como manifestativa, donde se echa de ver tal cual es en su ser intrínseco, sin mudanza alguna*» и «*Hay expresiones castellanas...las cuales, como todo lo popular, son producto del pueblo... el modo de sentir y pensar de todos*» [\[14, с. 7-9\]](#). Такой междисциплинарный подход к изучению фразеологизмов актуален и в наши дни. В первых

двух томах своей работы Сехадор классифицирует тысячи собранных им идиом в соответствии с их грамматической структурой, функцией и значением (хотя классификация иногда оказывается произвольной или не вполне ясной), объясняет происхождение и использование паремий в речи, литературе, письменных источниках; в третьем томе исследователь приводит региональные варианты устойчивых выражений, тем самым подчеркивая диалектное богатство испанского языка и отмечая присутствие в них национально-культурного компонента; четвертый же том посвящен использованию фразеологических единиц в художественной литературе. Сехадор анализирует авторский стиль классической испанских писателей (Мигеля Сервантеса, Франсиско Кеведо, Лопе де Вега и др.), приводит примеры из их произведений, акцентируя внимание на том, как писатели внедряли фразеологию в свой текст для того, чтобы придать ему живость и близость к народной речи.

В середине XX века появляется наиважнейшая работа Хосе Марии Ирибаррена (José María Iribarren) — «El porqué de los dichos» (1955), которая стала классическим справочником по изучению пословиц, поговорок и других идиоматических выражений на испанском языке. Этот труд — попытка объяснить этимологию, узус и значение паремий; он организован в виде энциклопедического словаря, где идиомы расположены в алфавитном порядке (в отличие от того же Сехадора), а в каждой словарной статье приводится само выражение, объяснение его значения, исторический или предполагаемый контекст появления единицы, а также примеры ее использования в литературе или разговорной речи. Нельзя не отметить, однако, что некоторые этимологические объяснения носят умозрительный характер и не подтверждаются надежными историческими источниками; несмотря на это, работа Ирибаррена по сей день является обязательным пособием для исследователей испанской фразеологии и паремиологии. Еще один знаковый труд середины XX века — «Introducción a la lexicografía moderna» (1950) Хулио Касареса (*Julio Casares*), который, хотя и не посвящен исключительно фразеологии и паремиологии, заложил основу для систематического изучения фразеологических единиц и их обработки в словарях. Касарес уделяет внимание идиоматическим выражениям, подчеркивая их сложность и неотъемлемость от языка («Las locuciones no son meras combinaciones de palabras, sino unidades léxicas complejas que deben ser tratadas con el mismo rigor que las palabras simples» [\[13, с. 101\]](#)), отмечает, что к ним следует относиться особым образом при составлении словарей. Он предлагает, чтобы устойчивые выражения включались в лексикографические работы в качестве отдельных словарных статей или дополнений к основным статьям, в зависимости от их частоты и использования, настаивает на необходимости включения в статьи помет, касающихся регистра речи и диалектной разновидности единицы. Подход Касареса повлиял на то, как фразеологические единицы отображаются в современных словарях, стал методологической базой для дальнейших исследований и новых лексикографических работ (например, «Diccionario fraseológico documentado del español actual» (2004) Мануэля Секо (*Manuel Seco*), Олимпии Андрес (*Olimpia Andrés*) и Габино Рамоса (*Gabino Ramos*). Говоря о лексикографической традиции, нельзя не отметить создание Института лексикографии Королевской Испанской академии (RAE) в 1947 году, что также способствовало стандартизации и изучению фразеологических и паремиологических единиц как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте.

В 1960-1980-х годах фразеологические исследования начали становиться все более междисциплинарными: для анализа устойчивых выражений фольклористы все чаще прибегают к инструментарию разнообразных смежных наук, таких как антропология и социолингвистика. Так, испанский филолог Грегорио Сальвадор Каха (*Gregorio Salvador*

Saja) исследовал паремии, анализируя их структуру и ценность как части языкового и культурного наследия, как способа отражения и формирования реальности и как средства коммуникации.

На рубеже XX и XXI веков, в 1996 году, началась работа над «*Refranero multilingüe*» авторства Хулии Севильи Муньос и Тересы Сурдо Руис-Аюкар (*Teresa Zurdo Ruiz-Ayúca*), профессоров Мадридского университета Компутенсе. Эта работа — выдающийся, новаторский образец сравнительного изучения устойчивых выражений на разных языках, собранным с помощью разнообразных словарей, сборников народного творчества и литературных произведений на разных языках (например, к испанской фразе: «*A quien madruga, Dios le ayuda*» («Кто рано встает, тому Бог подает»), Муньос и Руис добавляют ее французский («*Le monde appartient à ceux qui se lèvent tôt*») и английский («*The early bird catches the worm*») эквиваленты с переводами на испанский («*El mundo pertenece a quienes se levantan temprano*» и «*El pájaro madrugador atrapa el gusano*» соответственно) [21]. Авторы сравнивают испанские паремии с их эквивалентами во французском, итальянском, английском, немецком, португальском — в общей сложности, с десятью разными языками. Работа представляет собой структурированный тематически словарь (любовь, работа, дружба, семья, природа и пр. семантические поля), что упрощает поиск и сравнительный анализ паремиологических единиц. Кроме того, исследование включает в себя авторские комментарии об этимологии и эволюции некоторых выражений, а также об их социальной функции. Стоит отметить, что Муньос посвятила фразеологии и паремиологии и другие свои исследования; одно из них — «*Refranes y expresiones proverbiales en la enseñanza del español como lengua extranjera*» (2000) — посвящено изучению паремий в контексте обучения испанскому языку как иностранному (ELE), еще одному актуальному направлению в данной области: фразеология и паремиология играют ключевую роль в формировании коммуникативной компетенции учащихся.

Одной из наиболее важных вех современных паремиологических исследований стала публикация уже упомянутого ранее «*Diccionario fraseológico documentado del español actual*» Мануэля Секо, Олимпии Андрес и Габино Рамоса. Этот словарь, основанный на обширном массиве текстов, представляет собой значительный прогресс в документировании и анализе фразеологических единиц испанского языка. Работа включает более 10 000 словарных статей, охватывающих широкий спектр устойчивых выражений — от наиболее до наименее распространенных. Каждое из них подкреплено реальными примерами, взятыми из письменных и устных источников, что гарантирует его текущее использование и актуальность в современном испанском языке. Источники включают в себя прессу, литературу, кино, телевидение и другие средства массовой информации. В отличие от других фразеологических словарей, эта работа посвящена современному испанскому языку, что делает ее особенно полезной для студентов, преподавателей и носителей языка.

Нельзя не отметить роль электронных корпусов испанского языка (CREA, CORPES и пр.), создание которых способствовало эмпирическому изучению идиоматических выражений и поговорок. Эти инструменты позволяют исследователям проанализировать фактическое использование фразеологических единиц в различных контекстах.

Испанские фразеология и паремиология являются объектом исследования и для российских ученых XX и XXI веков: так, в 1985 году Э. И. Левинтова создает первый испано-русский фразеологический словарь, который включает фразеологизмы, пословицы и поговорки, снабженные примерами из произведений испанских и

латиноамериканских авторов с переводами на русский язык. Вопросами терминологии, классификации, вариативности и системных взаимосвязей испанских фразеологических единиц занимался также В. С. Виноградов.

Безусловно, стоит отметить междисциплинарные работы, посвященные не только лингвистическому, но и антропологическому и культурологическому аспектам изучения фразеологии и паремиологии. Так, монография Ю. Л. Оболенской «Легенды и предания Испании» (первое издание относится к 2004 году; в дальнейшем труд многократно переиздавался) содержит «Краткий словарь испанских суеверий, примет, мифологических образов и символов» — первый словарь подобного рода в России [7]. Исследование не только подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода к изучению мифологии, объединяющего лингвистику, историю и культурологию, но и позволяет глубже понять фразеологические выражения, связанные с испанскими суевериями и мифологией. Н. Г. Мед в монографии «Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии» (2007) изучает оценочные значения в испанской разговорной речи, которые формируют образ человека и окружающего мира: автор анализирует семантические поля, механизмы оценочной метафоризации и фразеологизации, делает вывод о том, что оценочная картина мира в испанском языке строится на разнообразных языковых средствах (словообразовательных, морфологических, лексических и синтаксических), причем ключевую роль играют семантически преобразованная лексика и фразеологизмы.

Таким образом, в настоящее время фразеологические и паремиологические исследования испанских языковых единиц переживают период активного развития и диверсификации благодаря развитию технологий — корпусной лингвистики, компьютерной обработке естественного языка (NLP) и методов машинного обучения — и консолидации междисциплинарных подходов. Фразеология и паремиология были интегрированы в такие области, как когнитивная лингвистика, лексикография, перевод и преподавание испанского языка как иностранного.

Библиография

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 312 с.
2. Валдес, Х. де. Диалог о языке / Хуан де Валдес. – Мадрид: Cervantes Virtual, 1976. – URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/dialogo-de-lalengua--0/html/fede437e-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html (дата обращения: 10.09.2024).
3. Виноградов, В. С. Лексикология испанского языка. М.: Высшая школа, 1994. – 192 с.
4. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
5. Левинтова, Э. И., Вольф, Е. М. Испанско-русский фразеологический словарь: 30 000 фразеологических единиц. М.: Русский язык, 1985. – 1080 с.
6. Мед, Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии / Н. Г. Мед. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. – 254 с.
7. Оболенская, Ю. Л. *Mitos y leyendas de España*. Легенды и предания Испании: с обширными лингвокультурологическими, историческими, грамматическими комментариями. – М.: URSS, 2023. – 240 с.
8. Петросян, И. В. История изучения фразеологизмов и идиом / И. В. Петросян. – URL: <https://bookonlime.ru/system/files/node/lecture/59-75.pdf> (дата обращения: 04.10.2024).
9. Раевская, М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.) / М. М. Раевская. – М.: Издательство МГУ, 2007. – 280 с.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и

лингвокультурные аспекты / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 238 с.

11. Тразанова, Н. Ю. Паремииология как особое семиотическое пространство / Н. Ю. Тразанова. – URL: <https://gotlib.ru/wp-content/uploads/2022/08.pdf> (дата обращения: 16.01.2024)

12. Anales de Filología Francesa. No 26. – 2018. – URL: <https://doi.org/10.6018/analesf.26.1.352411> (дата обращения: 18.08.2024)

13. Casares, J. Introducción a la lexicografía moderna / J. Casares. – Madrid: Espasa Calpe, 1950. – 356 p.

14. Cejador y Frauca, J. Fraseología, o estilística castellana / J. Cejador y Frauca. – Madrid: Tipografía de la Revista de Archivos, 1921. – 404 p.

15. Diccionario de la Lengua Española, Real Academia Española. – URL: www.rae.es (дата обращения: 12.02.2024).

16. Folklore y costumbres de España. T. 1 / Ed. Barcelona. – Barcelona: Editorial Labor, 1944. – 380 p.

17. Iribarren, J. M. El porqué de los dichos / José María Iribarren. – Pamplona: Editorial Gómez, 1955. – 412 p.

18. Refranes que dicen las viejas tras el fuego. Los refranes recopilados por el Marqués de Santillana. – 2018. – URL:

https://cvc.cervantes.es/lengua/biblioteca_fraseologica/r3_cantera/refranes_recopilados_marques_santillana.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

19. Seco, M., Andrés, O. de, Ramos, G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. – 2004. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/61897659.pdf> (дата обращения: 19.09.2024)

20. Sevilla Muñoz, J., Crida Álvarez, C.A. – 2013. – URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/022/009_sevilla-crida.pdf (дата обращения: 15.07.2024)

21. Sevilla Muñoz, J., Zurdo Ruiz-Ayúcar, T. Refranero multilingüe / J. Sevilla Muñoz, T. Zurdo Ruiz-Ayúcar. – Madrid: Instituto Cervantes, 2009. – URL: <http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/> (дата обращения: 01.09.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованиям фразеологического и паремииологического корпуса испанского языка. Актуальность работы не вызывает сомнения: изучение проблем, связанных с фразеологическими и паремииологическими единицами различных языков, имеет давние традиции. С одной стороны, данный раздел языка изучен достаточно хорошо и глубоко. С другой стороны, при всём многообразии и разносторонности теоретических направлений исследование способов сохранения и передачи накопленного веками опыта народа, особенностей национального характера и языковой картины мира через паремииологию, сравнительный анализ схожих и отличных черт паремииологических единиц в языках разных народов представляет собой исследовательский интерес у научного сообщества. Следует согласиться с автором(ами), что «обращение к истории изучения фразеологического и паремииологического наследия Испании представляется актуальной задачей, позволяющей опираться как на лингвистический, так и на фольклористический анализ с учетом в том числе лингвокультурологического подхода».

Теоретической основой научной работы выступили труды по теории фразеологии,

истории изучения фразеологизмов и идиом, по русской и испанской фразеологии, оценочной картине мира в испанской лексике и фразеологии, по лексикологии испанского языка, по вопросам паремиологии и др. таких российских и зарубежных ученых, как В. Н. Телия, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, В. С. Виноградов, Н. Г. Мед, И. В. Петросян, М. М. Раевская, Н. Ю. Тразанова, J. Casares, J. Cejador y Frauca, José María Iribarren, J. Sevilla Muñoz, T. Zurdo Ruiz-Ayúcar и др. Библиография статьи насчитывает 21 источник, в том числе лексикографические, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Также обращаем внимание на неполное лексикографическое описание источника 20 (Sevilla Muñoz, J., Crida Álvarez, C.A. – 2013.– URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/022/009_sevilla-crida.pdf (дата обращения: 15.07.2024)).

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический метод, обзор научной литературы, когнитивный и лингвокультурологический анализы. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) проследить степень разработанности вопросов фразеологического и паремиологического наследия Испании и сделать ряд существенных выводов о том, что «фразеологические и паремиологические исследования испанских языковых единиц переживают период активного развития и диверсификации благодаря развитию технологий — корпусной лингвистики, компьютерной обработке естественного языка и методов машинного обучения — и консолидации междисциплинарных подходов. Фразеология и паремиология были интегрированы в такие области, как когнитивная лингвистика, лексикография, перевод и преподавание испанского языка как иностранного».

Теоретическая значимость работы очевидна и заключается в описании и обобщении исследований фразеологического и паремиологического корпуса испанского языка в диахронии и синхронии. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в исследованиях по теории языка, сравнительной лингвистике, семасиологии, лексикологии, лексикографии, так и в процессе преподавания вузовских курсов по фразеологии и лексикологии испанского языка.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сунь В. Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73479 EDN: JRHHZQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73479

Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания

Сунь Вэньцзюнь

ORCID: 0000-0003-1903-2224

аспирант, кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ sunventszyun@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73479

EDN:

JRHHZQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2025

Дата публикации:

26-02-2025

Аннотация: Данная статья посвящена типологическому анализу отражения авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе русского писателя Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и классическом произведении китайской словесности новеллиста Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном». В статье основное внимание уделено моральным и религиозным исканиям обоих авторов, а также художественным функциям их религиозно-этических убеждений в раннем фантастическом цикле повестей Гоголя и сборнике рассказов Пу Сунлина. В ходе анализа выявлены общие черты и принципиальные различия в их художественных мирах, обусловленные культурными и религиозными традициями. В

исследовании представлен историко-теоретический обзор методологии типологического анализа литературных текстов, раскрывающий динамику развития понятия «типологической связи» в сравнительном литературоведении. Данный подход применяется для изучения влияния православных концепций на раннее творчество Н. В. Гоголя и буддийских и даосских идей на творчество Пу Сунлина. В статье делается вывод о том, что изучение отражения авторских религиозных взглядов в изображении фантастических образов и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и рассказах Пу Сунлина возможно в рамках типологического подхода. Религиозные воззрения рассматриваемых писателей сформировались под влиянием их семейного и социального окружения. В отличие от линейной православной модели дихотомии добра и зла у Гоголя, потусторонний мир у Пу Сунлина, вдохновленный даосской концепцией «бессмертия души» и буддийским «круговым» способом мышления о карме и реинкарнации, отличается амбивалентностью. Кроме того, религиозные концепции определяют различия в изображении inferнальных персонажей: у Гоголя они предстают как антагонисты и искушители, а у Пу Сунлина выполняют функции помощников и утешителей.

Ключевые слова:

Фантастические образы, народная демонология, Н. В. Гоголь, Пу Сунлин, православие, буддизм, даосизм, типологический анализ, русская литература, китайская литература

Введение

Исследование творчества классиков русской и китайской литературы Н. В. Гоголя (1809–1852) и Пу Сунлина (1640–1715) имеет давнюю традицию в российской и китайской науке. Изучение их творчества возможно через призму типологического анализа, учитывающего их принадлежность к различным эпохам, религиям и культурам.

На основе анализа работ русских и зарубежных исследователей в области типологического изучения литературы можно проследить динамику интерпретации типологических связей в науке. Классический подход, сформированный в рамках позитивизма, предполагал изучение текстов, объединенных общими или схожими историческими условиями (А. Н. Веселовский [\[2\]](#), Х. М. Познетт [\[15\]](#) и др.). Однако с середины XX века, в период кризиса идентичности компаративистики, акцент сместился с исключительно генетических связей на установление типологических сближений (И. О. Шайтанов [\[13\]](#), Р. Уэллек [\[16\]](#) и т. д.). В новейшее время утвердилось представление о познавательной активности исследователя, который, опираясь на логику, эрудицию и методологическую строгость, способен осуществлять рациональное и научно обоснованное сопоставление текстов, принадлежащих к различным культурным традициям (Э. Ауэрбах [\[1\]](#), Д. Дэмрош [\[14\]](#) и т. п.). Современный подход позволяет сделать вывод о том, что анализ типологических связей выходит за рамки социального контекста и включает в себя глубокое изучение поэтики отдельных авторов, расширяя горизонты интерпретации и понимания литературных явлений.

Гоголь и Пу Сунлин в своем творчестве активно использовали фольклорные и литературные материалы, были увлечены фантастикой и народной демологией, что дает основание для типологического анализа их произведений. Схожие литературные герои (демоны, призраки, бесы в человеческом облике) и сюжеты (приключение главного протагониста в потустороннем мире в ночное время), отражающие

нравственные и религиозные искания авторов, придают уникальность и своеобразие каждому из писателей.

Основная часть

Истоки религиозных взглядов Пу Сунлина и Н. В. Гоголя

Пу Сунлин и Н. В. Гоголь создавали свои произведения, используя яркие фантастические сюжеты с дьявольскими персонажами. Однако анализ новелл Пу Сунлина и ранних рассказов Н. В. Гоголя позволяет отметить разные подходы китайского и русского писателя к решению конфликта между добром и злом.

В середине 1820-х годов с возрастающим интересом к фантастике, мистике, готике, а также к элементам страшного и завораживающего в русской прозе появляется необычный жанр, получивший название «фантастическая повесть» [9: 5–47]. Н. В. Гоголь в первые годы творчества был увлечён романтической демонологией, особенно это отражается в его в его книге «Вечера на хуторе близ Диканьки», где писатель опирается на христианскую модель «линейного» мышления с началом и концом (спасение души в раю или ее сошествие в ад), чтобы создать разные художественные миры, в которых гармонично сочетаются реальность и ирреальность, хотя судьбы главных героев не всегда вписываются в данную концепцию. Отметим, что в дальнейшей творческой жизни писатель переходит от открытой и яркой демонологии, воплощенной в мистических и фантастических образах, к скрытой и подтекстовой. Такая эволюция явно ощутима в «Мертвых душах». В его произведениях присутствует вечная борьба добра и зла, в которой хорошо представлены Божественная благодать, Божье спасение души и Страшный суд.

Создание произведения «Рассказы Ляо Чжая» тесно связано с религиозными установками Пу Сунлина. В своем творчестве китайский писатель заимствует концепцию «бессмертия души» из даосизма и «круговой» способ мышления о концепции «карма и реинкарнация» из буддизма. Наделяя дьявола человеческим обликом, он совмещает фантастику и действительность, разграничивая при этом царство людей и призраков. Пу Сунлин критикует тьму в реальном обществе и формирует идеальный утопический мир в своем воображении.

Истоки формирования его религиозных взглядов многоаспектны и включают как семейные факторы, так и социально-исторические. Семейная история Пу Сунлина такова: автор в предисловии к новеллам рассказывает, что однажды его отец увидел во сне, как в дом вошел больной и худой монах с обнаженным правым плечом. К его правой груди прилип кусочек мази размером с медную монету. Отец проснулся, и в тот самый момент родился будущий писатель, а на его груди была черная родинка. Отец решает, что сын – реинкарнация того самого монаха-аскета [См. 11: 15–16]. Исторические предпосылки обусловлены тем, что писатель эпохи династии Цин существовал в условиях строго регламентированной чиновничьей системы феодального Китая, которая поощряла рациональное восприятие действительности, одновременно взаимодействуя с традиционными китайскими религиозно-философскими представлениями. В данной среде широко распространились верования в магов и шаманов, способных влиять на души и живущих, и мертвецов; вера в бессмертных святых и таинственные обитатели, в которых они искали уединения в этом мире.

В записках «Ляо Чжая» содержится обширный корпус фольклорных и волшебных историй, где отчетливо просматривается влияние буддийской и даосской философии и народных суеверий (почти две трети рассказов посвящены этой тематике). Отношение Пу

Сунлина к религии и народным верованиям очень полемическое. С одной стороны, писатель изображает целую галерею персонажей-монахов, но в некоторых его рассказах из «Ляо Чжая» эти герои не имеют ничего общего с высокими качествами, такими как праведность и святость. Он иронически относится к божествам из любого пантеона (буддийского, конфуцианского или даосского), потому что они больше похожи на обирал и азартных игроков. Их волшебство из загробного мира – лишь способ помогать земным людям предсказывать будущее или продвигаться по карьерной лестнице, получая официальные должности. Убедительными примерами вышесказанного являются рассказы «Колдовство хэшана» («僧术») и «Дракон дразнит паука» («龙戏蛛»). В первом случае студент может использовать сверхъестественную силу монаха, чтобы купить себе должность; а во втором в постскрипуме к этому рассказу есть такие слова: «Не слишком ли бестолков небесный владыка! За что такой хороший чиновник, честный и любящий народ, подвергается такой трагической катастрофе» [17: 1957]. С другой стороны, Пу Сунлин в конце рассказов постоянно цитирует слова именитых монахов, которые служат для просвещения народа. Например, в послесловии к новелле «Расписная стена» («画壁») он пишет: «"Чудесное рождается от самих же людей!" В этих словах, пожалуй, есть глубочайшая правда. <...> Буддийской мудростью окрепло сердце старого монаха» [10: 143]. Можно сделать вывод, что господин Ляо Чжай более убежден в том, что люди создают свое впечатление о богах, исходя из собственного характера, поэтому боги глупца и философа будут выглядеть по-разному. Автор выражает свое глубокое желание видеть на земле, а не в небесном царстве честных и порядочных людей. Насмешки Пу Сунлина несколько подрывают веру в культ святых и подземную жизнь, опровергая суеверия о богах, но не критикуя саму идею бога.

На формирование духовного мировоззрения Н. В. Гоголя также значительно повлияли семейные традиции. Как пишет В. А. Воропаев, «среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником, дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию. <...> Семейные предания определили первые понятия и верования Гоголя. <...> Мария Ивановна отличалась набожностью» [6: 9–11]. Хотя по словам самого писателя, его духовные чувства возникли не из искренней любви к Богу или жажды истины, а, скорее, из стихийного страха перед смертью, идеи возмездия и Страшного Суда. Со временем писатель установил «близкие» отношения с Богом и постоянно молился. В письме к матери Гоголь писал: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» [6: 415]. Социально-литературный контекст деятельности Гоголя также выглядит иначе: его мотивы обращаются к жанровой фантастике, к фольклорной демонологии, что во многом определялось литературной ситуацией того времени: романтическим историзмом, интересом к народной культуре и поэзии, национальному характеру, языку, который в России 1820–1830-х годов был связан с распространением немецкого романтизма. Малороссийские мотивы часто встречаются в творчестве русских писателей (В. Т. Нарезного, К. Ф. Рылеева, О. М. Сомова). Произведения раннего Н. В. Гоголя (в том числе «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») отмечены глубоким влиянием фольклора и создавались на фоне романтического увлечения начинающим писателем национальной экзотикой. В своем первом цикле повестей Гоголь объединяет фольклорное, навеянное малороссийскими сказками с их дуализмом и борьбой Бога и дьявола, и литературное (в частности, немецкую романтическую демонологию Л. Тика и Э. Т. А. Гофмана), стремясь к стилистическому единству.

Специфика авторского религиозного мышления

в «Рассказах...» Пу Сунлина и «Вечерах...» Н. В. Гоголя

В ляочжаевских рассказах прослеживается круговая модель мышления, восходящая к архаическому символу «Мандала» («круг», «кольцо») [12: 332–333], который по теории В. Н. Топорова, является ключевым сакральным элементом буддийской мифологии. Этот символ, возникший в Индии, был усвоен буддизмом и распространился в культурах Тибета, Центральной Азии, Монголии, Китая и Японии начиная с первых веков нашей эры. Этот символический образ также переплетается с понятиями «трех перерождений», «кармы» и других аспектов буддийской космологии, отражая мудрость и глубину древних духовных учений. Например, в рассказе «Трое бессмертных» («三生») изображена история конфликта между экзаменатором из провинции Хунань и студентом Син Ю Таном, чья вражда, обусловленная экзаменационным провалом, переходит через три перевоплощения. В первой жизни студент Син, не сдав экзамен из-за некомпетентности экзаменатора, умирает от отчаяния; во второй жизни экзаменатор, переродившись крестьянином, казнен по решению суда, где судьей выступает студент Син. После жалоб на несправедливость оба перерождаются собаками, убивая друг друга в схватке. В третьей жизни, став тестем и зятем по воле Владыки подземного мира, они примиряются, когда тесть помогает зятю стать чиновником, что символизирует разрешение кармического конфликта. Таким образом, под пером Пу Сунлина души главных героев обладают бессмертием и проходят через циклы перевоплощений. Если первые два уровня фантастического мира, созданного автором, наполнены критикой социальной несправедливости и пороков реальности, то третий мир воплощает идеальную гармонию, представляя собой утопическое пространство, где разрешаются все противоречия и достигается высшая справедливость.

В начале XX века проблематика православного мирозерцания в раннем творчестве Гоголя стала предметом серьезного изучения, а в современном гоголеведении духовно-нравственные аспекты его произведений продолжают активно исследоваться такими учеными, как И. А. Виноградов [3], В. А. Воропаев [4], С. А. Гончаров [7] и В. Ш. Кривонос [8]. Изучение религиозного мировоззрения Гоголя отражает эволюцию подходов, демонстрируя значимость христианской культуры на всех этапах его литературного пути. Если ранее христианская идеология рассматривалась преимущественно в контексте позднего периода творчества, особенно в связи с произведением «Выбранные места из переписки с друзьями», где религиозная проблематика выражена наиболее явно, то в последние годы исследователи всё чаще обращают внимание на значимость церковной культуры уже в ранних произведениях Гоголя 1830-х годов. Как отмечает С. А. Гончаров, «христианская культура стала рассматриваться как необходимый контекст не только для позднего, но и для зрелого и даже раннего творчества писателя, что существенно изменило представления о динамике его творческого развития» [7: 4]. Аналогичную точку зрения поддерживает И. А. Виноградов, подчеркивая, что «понимание ранней гоголевской прозы невозможно без учета последующего духовного и творческого пути писателя» [3: 10–11]. Кроме того, как указывает В. А. Воропаев, «в ранних произведениях Гоголя отчетливо прослеживается вечное противостояние добра и зла, что придает этим текстам глубокий религиозный подтекст. Эти произведения, несмотря на их фольклорную и юмористическую основу, представляют собой своеобразные религиозные поучения, где добро неизменно побеждает зло, а грешники получают заслуженное наказание» [4: 28–29].

Анализ художественной функции фантастики и славянской демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» позволяет выявить уникальный «линейный» способ мышления Гоголя, сформированный под влиянием библейского мировоззрения, что контрастирует с «круговой» моделью мышления Пу Сунлина, обусловленной буддийскими и даосскими

концепциями. В соответствии с библейской традицией Гоголь изображает вселенную как линейный процесс, начинающийся с сотворения мира и завершающийся Страшным судом, где каждая душа предстает перед судом (Евр. 9:27). Почти каждая повесть, вошедшая в «Вечера ...», затрагивает тему борьбы света и тьмы, невидимой войны между Богом и дьяволом за души людей. Например, в повести «Ночь перед Рождеством» обнаруживаются параллели с библейскими мотивами, такими как мотив возмездия за грехи, мотив апокалипсиса, мотив спасения человеческой души и др. Во-первых, действие разворачивается во время сакрального праздника Рождества Христова с теплыми рождественскими колядками. Для нечистой силы уже «последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу» [5: 150]. В линейном узоре от начала до конца прослеживается духовная дихотомия между противоборствующими силами – «древнем змеем» (Отк. 20:2) – сатаной и «потомком женщины» (Быт. 3:15) – Иисусом Христом. Набожный кузнец Вакула может противостоять темной силе именно с помощью молитвы и написания иконы. В «Страшной мести» линейная модель представлена через изображение смерти казаков Ивана и Петра, а также их божественное осуждение, в то время как нераскаявшиеся грешники подвергаются изгнанию из Царства Небесного: «Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. "Великой есть грешник сей человек!" – сказал Бог. <...> "Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете!" <...> "Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал Бог. – Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе царствия небесного"» [5: 216]. Кроме того, линейная модель проявляется через божественное возмездие за грехи, где нераскаявшиеся грешники, такие как колдун, обречены на вечное проклятие, что подчеркивает идею окончательности суда и невозможности спасения вне Божьей милости. Таким образом, Гоголь через библейские мотивы возмездия, апокалипсиса и спасения раскрывает духовную дихотомию, характерную для христианского мировоззрения.

Особенности взаимодействия героев реальных и ирреальных

в произведениях Н. В. Гоголя и Пу Сунлина

Различные религиозные модели мышления существенно влияют на характер взаимодействия главных героев с демоническими образами. Если в гоголевской Диканьке, потусторонние существа обычно выступают в роли искусителей и антагонистов, противостоящих человеку, то в произведениях китайского писателя они зачастую выполняют функции помощников и утешителей, что отражает принципиально иное восприятие сверхъестественного, характерное для буддийских и даосских традиций. Например, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» дьявол-искуситель, воплощенный в «человеческом образе» [5: 101] Басаврюка, олицетворяет темные силы, противостоящие божественному порядку. Он искушает главного героя Петруся на совершение тяжкого греха – убийство невинного Ивася, младшего брата его возлюбленной Пидорки. В данном случае демонический персонаж выступает как активный участник духовного противостояния, используя человеческие слабости и страсти, чтобы привести главного героя к моральному падению и гибели. Напротив, образ лисиц становится центром системы персонажей многих историй «Ляо Чжая». Например, в рассказе «Студент Го и его учитель» («郭生») повествуется о студенте по фамилии Го, который встречает своего учителя в образе лисицы-призрака. Лисица оказывала студенту Го помощь в редактировании его статей, пока он спал ночью.

Благодаря этому его навыки письма постепенно совершенствовались. Этот эпизод иллюстрирует, что сверхъестественные существа в произведениях Пу Сунлина часто выступают в роли помощников, способствующих интеллектуальному и духовному росту человека.

Заключение

Таким образом, изучение отражения религиозных взглядов Н. В. Гоголя и Пу Сунлина в изображении фантастических образов и народной демонологии в ранней прозе великого русского писателя и рассказах выдающегося китайского новеллиста возможно в рамках типологического подхода. Пу Сунлин принимает из даосизма идею «бессмертия души» и понятия «кармы и реинкарнации» из буддизма («круговое» мышление), наделяет дьявола человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивая царство людей и призраков, бичует пороки общества и строит утопический мир в своих текстах. Гоголь же, опираясь на христианскую модель эсхатологического «линейного» мышления, создает художественные миры, в которых гармонично сочетается реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает вечную борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души.

Библиография

1. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 123–139.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 649 с.
3. Виноградов И. А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 450 с.
4. Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд. М.: Паломник, 2014. 336 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т.1. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2003. 922 с.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 12. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. 698 с.
7. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
8. Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб.: ЕГПИ, 1999. 251 с.
9. Маркович В. М. Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 5–47.
10. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. 559 с.
11. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжэя Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
12. Топоров В. Н. Мандала // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 332–333.
13. Шайтанов И. О. Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 99–107.
14. Damrosch D. Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p. (На англ. яз.).
15. Posnett H. M. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, & Co., 1886. 472 p. (На англ. яз.).
16. Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven; London: Yale University Press, 1976. 402 p. (На англ. яз.).
17. 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译 (一至四). 北京, 中华书局. 2015. [Пу Сунлин. Ляо Чжэя Чжи И / Комментарии Лю Тяньчи, перевод Сунь Хайтуна и Лю Тяньчи). Пекин:

Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1–4.] (На кит. яз.).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена типологическому анализу ранней прозы Н. В. Гоголя и новелл Пу Сунлина с точки зрения отражения авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии. Отмечается, что «Гоголь и Пу Сунлин в своем творчестве активно использовали фольклорные и литературные материалы, были увлечены фантастикой и народной демонологией, что дает основание для типологического анализа их произведений». Актуальность работы обусловлена интересом исследователей к творчеству классиков русской и китайской литературы Н. В. Гоголя (1809–1852) и Пу Сунлина (1640–1715), принимая во внимание, что «схожие литературные герои (демоны, призраки, бесы в человеческом облике) и сюжеты (приключение главного протагониста в потустороннем мире в ночное время), отражающие нравственные и религиозные искания авторов, придают уникальность и своеобразие каждому из писателей».

Теоретической основой представленного исследования обоснованно выступили труды по исторической поэтике, проблемам компаративистики, по творчеству Гоголя (в том числе в религиозно-мистическом контексте) таких отечественных и зарубежных ученых, как Э. Ауэрбах, А. Н. Веселовский, И. А. Виноградов, В. А. Воропаев, С. А. Гончаров, В. Ш. Кривonos, И. О. Шайтанов, D. Damrosch, Н. М. Posnett, R. Wellek. Библиография включает 17 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако необходимо отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Также автору(ам) следует изучить требования редакции в части оформления ссылок на библиографический список («ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]»).

Методология исследования определена поставленной целью и задачами, носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также сравнительно-типологический анализ, который позволяет обнаружить общность явлений, которые типологически сходны, но не родственны; их сходство возникло в результате совпадения ряда условий («Пу Сунлин и Н. В. Гоголь создавали свои произведения, используя яркие фантастические сюжеты с дьявольскими персонажами. Однако анализ новелл Пу Сунлин и ранних рассказов Н. В. Гоголя позволяет отметить разные подходы китайского и русского писателя к решению конфликта между добром и злом»).

В ходе исследования подробно анализируются истоки религиозных взглядов Пу Сунлина и Н. В. Гоголя, специфика авторского религиозного мышления и особенности взаимодействия реальных и ирреальных героев в произведениях Н. В. Гоголя и Пу Сунлина. В рамках типологического подхода установлено, что «Пу Сунлин принимает из даосизма идею «бессмертия души» и понятия «кармы и реинкарнации» из буддизма, наделяет дьявола человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивая царство людей и призраков, бичует пороки общества и строит

утопический мир в своих текстах. Гоголь же, опираясь на христианскую модель эсхатологического «линейного» мышления, создает художественные миры, в которых гармонично сочетается реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает вечную борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в изучение творчества Н. В. Гоголя и Пу Сунлина посредством сравнительно-типологического анализа, учитывающего их принадлежность к различным эпохам, религиям и культурам.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее результаты в курсах по общей теории литературы, по русской и китайской литературе и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Луговских К.М. Манипулятивные приемы в политическом медиадискурсе США на примере предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73348 EDN: HORBAW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73348

Манипулятивные приемы в политическом медиадискурсе США на примере предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца

Луговских Кирилл Максимович

ORCID: 0009-0005-6724-0783

аспирант, Институт иностранных языков; ФГАОУ ВО "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"

309511, Россия, Белгородская обл, г. Старый Оскол, Олимпийский мкр, д. 13, кв. 164

✉ kirilllugov2015@gmail.com

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73348

EDN:

HORBAW

Дата направления статьи в редакцию:

13-02-2025

Дата публикации:

26-02-2025

Аннотация: Актуализируется проблематика политического дискурса, насыщенного манипулятивными приемами, которые преобладают особенно в медиапространстве и ярко иллюстрируют разнообразные манипуляции общественным сознанием в предвыборных дебатах. Цель исследования состоит в выявлении средств манипулятивных приемов, реализуемых в политическом медиадискурсе США. Материалом анализа выступают дебаты Д. Вэнса и Т. Уолца, которые были проведены летом 2024 года и которые являются актуальным примером столкновения двух разных позиций по текущим и важным вопросам, касающимся внутренней и внешней политики США. Настоящие дебаты вызвали большой резонанс среди политологов и общественности в силу экспертности и опытности Д. Вэнса и Т. Уолца, которые,

представляя различные точки зрения, стимулировали острое обсуждение дебатов в медиапространстве. Методологической базой выступают работы А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, Ж. С. Алтынбековой в области политического дискурса, а также идеи А. Н. Глущенко, Е. Л. Доценко, О. С. Иссерс по вопросам манипулятивных приемов в медиадискурсе. Установлено, что в американском медиадискурсе в речевых манипуляциях часто применяются средства выразительности, такие как политические метафоры, гиперболы, аллюзии и сравнения, а также различные виды комического, что свидетельствует о значимости в социокультурном пространстве лингвистического аспекта, который воплощает идеологические задачи политических лидеров. Новизна исследования заключается в полученных результатах, дающих представление о современных стратегиях и тактиках политической коммуникации, применяемых для достижения эффективного перлокутивного эффекта. Сделаны выводы о закономерностях развития и изменения языка, его динамике в политической риторике, которые представляют собой многогранный процесс и включает различные аспекты лингвистики, социологии и политологии. Кроме этого, язык, являясь средством коммуникации, представляет собой мощный инструмент влияния в политическом медиапространстве.

Ключевые слова:

медиадискурс, политический дискурс, предвыборные дебаты, манипуляция, США, манипулятивный прием, речевые манипуляции, метафора, имплицитность, эксплицитность

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика рассматривает язык как систему, формирующую национальную, культурную, бытовую и историческую картину мира, создающую «призму» восприятия и общественное мнение. [Рябова 2017]. Наиболее ярко это находит свое отражение в медиадискурсе как особой форме существования языка СМИ, что обусловлено тем фактом, что большая часть информации поступает в коммуникативное пространство из СМИ, оказывая огромное влияние на общество. Медиадискурс может быть представлен различными жанрами и формами: новости, анализы, комментарии, дебаты [Уварова, 2015]. В каждом жанре реализуются разнообразные языковые средства для создания определенных социальных настроений и эмоций. Взаимодействие языка и общества в медиадискурсе показывает значимость языка и его средств как важного инструмента для формирования восприятия текущих событий в обществе и в мире.

При этом медиадискурс является производным от общей концепции дискурса, что подтверждается работами Е. А. Кожемякина и М. Р. Желтухиной [Кожемякин, 2010; Желтухина, 2004]. Е. А. Кожемякин понимает под медиадискурсом тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в массмедийном пространстве» [Кожемякин 2010, с. 14], а М. Р. Желтухина утверждает, что это «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, с. 132].

Исходным в исследовании принимается определение, сформулированное М. Р.

Желтухиной, что позволяет глубоко исследовать взаимодействия в медиа пространстве с учетом и языковых средств, и экстралингвистических факторов.

Предвыборные дебаты представляют собой одну из форм медиадискурса [Vildanova, 2024]. При этом, важной составляющей дебатов является продуманная стратегия поведения, как правило, речевого, направленная на завоевание наибольшего количества голосов электората [Milkovich, 2017]. Манипулятивный характер предвыборного дискурса очевиден. Кандидаты редко стесняются в выборе выразительных средств языка в целях влияния на аудиторию и получения максимального количества потенциальных избирателей [Шейгал, 2005]. Выразительные средства языка, такие как метафоры, аллегории, повторения, риторические вопросы, играют ключевую роль в создании убедительных и запоминающихся выступлений [Эльясов, 2022]. Искусное использование этих средств помогает не только привлечь внимание аудитории, но и усилить влияние аргументов, представленных кандидатом. Соперничество на таких дебатах часто приводит к острым риторическим схваткам, где каждый стремится не только защитить свою позицию, но и атаковать оппонентов [Вебер, 2018]. Важно понимать, что за внешней формой спора скрывается сложная работа аналитиков и специалистов по коммуникации, которые тщательно разрабатывают образы и тексты кандидатов, подбирая языковые средства для достижения максимального эффекта. Актуальность исследования обусловлена в выявлении и анализе коммуникативных методик и языковых средств их реализации в предвыборных дебатах американских политиков, что позволит провести глубокий лингвистический анализ языковых средств медиадискурса.

В общественном ракурсе медиадискурс реализует много разных целей. Одной из основных целей медиадискурса является его воздействие на аудиторию и соответственно оказание влияния на ментальную, интеллектуальную сферы реципиента [Рябова, 2016]. Подобного рода воздействия осуществляются путем применения определенных коммуникативных тактик и стратегий. О. С. Иссерс считает, что коммуникативные стратегии представляют собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс, 2022]. Разделяя высказанную точку зрения, следует отметить, что речевые действия тесно связаны с субъектом коммуникативного действия, в связи с чем, можно утверждать, что реализация речевых действий политического лидера будет зависеть от личностных характеристик.

Цель исследования состоит в выявлении коммуникативных стратегий и тактик, которые используются для манипуляции общественным мнением в предвыборных дебатах Д. Вэнса и Т. Уолца.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Под стратегиями коммуникации в лингвистике понимаются базовые схемы построения убеждающей или обучающей коммуникации между субъектами коммуникации в ходе общения [Littlemore, 2012]. При этом речевые стратегии являются реализацией части коммуникационной стратегии в каждой конкретной ситуации. О. С. Иссерс считает, что речевая стратегия представляет собой некий план комплексного речевого воздействия говорящего на реципиента информации, его «обработки» для решения общей коммуникативной задачи [там же]. С точки зрения типологии О. С. Иссерс выделяет общие и частные стратегии. С функциональной точки зрения – основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Основной стратегией является наиболее значимая стратегия с точки зрения мотивов и целей, а к вспомогательным относятся стратегии, которые способствуют наилучшей организации коммуникации с последующим

воздействием на адресата.

Е. В. Ключев рассматривает речевые стратегии с точки зрения коммуникативной интенции [Ключев, 2006]. В его исследовании речевых стратегий выделяются подходы, которые отражают намерение говорящего информировать, убедить, извиниться или другое. Главным моментом его работ является тот факт, что выбор стратегии и тактики зависит от контекста общения, социальной роли собеседников и культурных норм.

В качестве реализации той или иной речевой стратегии или тактики выступают коммуникативные ходы – приемы стилистической выразительности более низкого порядка, направленные на воплощение тактик в стереотипной речевой ситуации в связи с реакцией партнера по коммуникации [там же].

На материале предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца рассмотрим речевые стратегии и языковые средства их реализации, используемые Д. Вэнсом и Т. Уолцом для манипуляции сознанием электората.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования выступают электронные версии предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца, которые были проведены летом 2024 года. Выбор дебатов именно этих политических лидеров обусловлен критерием их актуальности и влияния на мнение общества в предвыборный период, о чем свидетельствуют данные независимых экспертов [Менщикова, 2022]. Д. Вэнс, который подвергался критике со стороны СМИ на протяжении нескольких месяцев, благодаря данным дебатам смог изменить негативное восприятие, которое было сформировано про-демократическими СМИ о сторонниках Д. Трампа, и тем самым внести свой вклад в последующую победу Д. Трампа на выборах в ноябре 2024 года.

Основным методом в работе выступает сравнительно-сопоставительный, позволивший, в сочетании с лингвистическим описанием исследовать различные коммуникативные стратегии и вербальные средства их реализации политическими лидерами Д. Вэнсом и Т. Уолцом в предвыборных дебатах для манипуляции общественным сознанием и привлечения сомневающейся части электората на свою сторону.

При классификации результатов исследования применялся метод контент-анализа, который позволил разграничить собранные коммуникативные стратегии по имплицитности и эксплицитности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В результате анализа текстовых вариантов предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца было выявлено, что, реализуя практически одинаковые коммуникативные стратегии, оба политика применяли совершенно разные тактики и соответственно языковые средства.

Д. Вэнс, например, часто использует прямые обращения к аудитории и эмоционально насыщенные высказывания, что помогает установить более тесный контакт с избирателями:

(1) Well, we got close to an agreement because all those things are happening. Look, first of all, it is a horrific tragedy with this hurricane, and my heart goes out to the folks that are down there in contact with the Governors.

Идиома *heart goes out* имплицитно подчеркивает принадлежность к простым людям и желание помочь насущным всем нуждающимся, тем самым направляя посыл в аудиторию

об аналогичных действиях своего кандидата в критичных для американского народа ситуациях.

Д. Вэнс активно применяет риторические вопросы и метафоры, чтобы усилить свои аргументы и сделать их более запоминающимися:

(2) Now, look, my community knows who I am. They saw where I was at. They, look, I will be the first to tell you I have poured my heart into my community. I've tried to do the best I can, but I've not been perfect. And I'm a knucklehead at times, but it's always been about that.

Метафора в примере (2) подчеркивает неидеальность и искренность говорящего. В данном высказывании Д. Вэнс не облагораживает себя, а эксплицитно показывает разные стороны своей деятельности, тем самым привлекая аудиторию на свою сторону.

Т. Уолц предпочитает более структурированный подход, полагаясь на факты и статистику. Его тактика включает детальные разъяснения программных инициатив и социальных вопросов, что призвано продемонстрировать его компетентность. Т. Уолц использует логические аргументы и примеры из практики, что подчеркивает его опыт и надежность:

(3) Look, Margaret, first of all, the gross majority of what we need to do at the southern border is just empowering law enforcement to do their job. I've been to the southern border more than our Borders are, Kamala Harris has been. And it's actually heartbreaking because the Border Patrol Agents, they just want to be empowered to do their job.

Повторы лексемы border более 3 раз в одном высказывании (3) подчеркивает логичность и структурность высказывания Т. Уолца, которые эксплицитно пытается подчеркнуть действия своего кандидата.

Таким образом, разница в тактиках стиля общения и выборе языковых средств у обоих политиков отражает их разные стратегии воздействия на целевую аудиторию, где один полагается на эмоциональную связь, а другой — на рациональность и конкретику.

По исследованию имплицитности и эксплицитности высказываний, можно составить следующую диаграмму, которая позволит увидеть разницу в речевых тактиках обоих политиков в графическом виде (рис. 1).

Рис.1 Имплицитность и эксплицитность в речевых тактиках Т.Уолца и Т.Вэнса

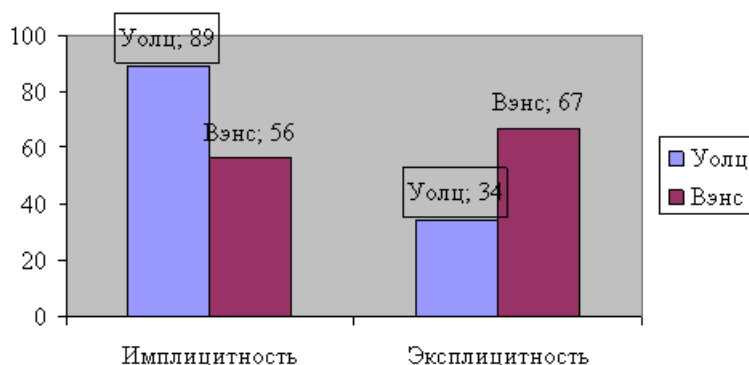

Рис.1 подчеркивает контраст в использовании имплицитности и эксплицитности в речевых тактиках Т. Уолца и Д. Вэнса. Сторонник Д. Трампа Д. Вэнс придерживается

прямолинейной тактики и использует как прямые обвинения оппоненту, так и прямые обращения к публике, используя различные стилистические средства (метафоры, риторические вопросы), что способствует привлечению внимания и усилению эмоционального отклика у аудитории. В свою очередь Т. Уолц использует более гибкий подход, основанный на имплицитности, что проявляется осторожностью высказываний и необходимостью избегать поляризации мнений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа средств манипулятивных приемов, реализуемых в политическом медиадискурсе США, было выявлено, что в американском медиадискурсе в речевых манипуляциях часто применяются средства выразительности, такие как политические метафоры, гиперболы и аллюзии, а также различные виды комического, что свидетельствует о значимости в социокультурном пространстве лингвистического аспекта, который воплощает идеологические задачи политических лидеров.

Кроме этого, анализ речевых тактик анализируемых политиков выявил явные различия в использовании имплицитности и эксплицитности, что обусловлено сложностью политической коммуникации. Политики, в частности, Д. Уолц, предпочитающие имплицитные высказывания, стремятся к созданию многослойных посланий, что позволяет уйти от прямолинейности и умело обходить неудобные вопросы. В речевых тактиках Д. Вэнса эксплицитные стратегии позволили более четко и понятно транслировать свои послания и намерения аудитории, а также демонстрировать прозрачность и открытость намерения.

Библиография

1. Сайт <https://www.cbsnews.com>. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/full-vp-debate-transcript-walz-vance-2024/> (дата обращения: 23/01/2025). – Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

2. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / Перевод с немецкого и вступительная статья А. Ф. Филиппова; редактор А. А. Рындин. – М.: Риполклассик, 2018. – 292 с.
3. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... докт. филол. наук. М. – 2004. – 691 с.
4. Иссерс, О. С. Имплицитность как способ речевого маневрирования в публичной коммуникации / О. С. Иссерс, А. В. Журова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 1(34). – С. 82-86. – DOI 10.36809/2309-9380-2022-34-82-86. – EDN KMFVNH.
5. Ключев, Е. В. О декоративной функции языка / Е. В. Ключев // Русский язык за рубежом. – 2006. – № 1(195). – С. 68-76. – EDN HTIDTX.
6. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. – № 2 (83). – С. 13-21.
7. Менщикова, Г. А. Особенности языковых средств и речевых приемов манипулирования в американском политическом дискурсе (на примере предвыборных дебатов Д. Трампа и Д. Байдена) // Филология и человек. – 2022. – № 1. – С. 67-75.
8. Рябова, М. Э. Язык и культура: динамика соотношения / М. Э. Рябова, И. В. Вашунина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2017. – № 3. – С. 45-51. – EDN YQEEUL.
9. Рябова, М. Э. Функционирование зрительных образов в средствах массовой коммуникации / М. Э. Рябова, И. В. Вашунина // Вестник Российского нового

университета. Серия: Человек в современном мире. – 2016. – № 2. – С. 50-54. – EDN YGSGBJ.

10. Шейнгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: РГБ. – 2005. – 434 с.

11. Уварова, Е. А. Медiateкст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 5. – С. 47-54. – DOI 10.18384/2310-712X-2015-5-47-54. – EDN VCQGFJ.

12. Эльясов, А. Метафоризация концепта как процесс и результат: стилистические и прагматические характеристики / А. Эльясов // Оригинальные исследования. – 2022. – Т. 12, № 7. – С. 262-273. – EDN DIZJRW.

13. Littlemore, J. Cognitive Approaches to Communicative Strategies// Linguistic Strategies. – 2012. – DOI 10.1002/9781405198431.WBEAL0144

14. Milkovich, M., Sitarica, A. Epistemic modality in political discourse // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2017. – № 1.

15. Vildanova, K. I. The Language of Political Advertising as a Tool of Political Influence / K. I. Vildanova, E. M. Vildanova // Reports Scientific Society. – 2024. – No. 4(48). – P. 81-86. – EDN PBOAED.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Манипулятивные приемы в политическом медиадискурсе США на примере предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению политического дискурса и тех манипулятивных стратегий, которые используются политтехнологами.

Цель исследования состоит в выявлении коммуникативных стратегий и тактик, которые используются для манипуляции общественным мнением в предвыборных дебатах Д. Вэнса и Т. Уолца.

Исследование проводилось на материале предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца рассмотрим речевые стратегии и языковые средства их реализации, используемые Д. Вэнсом и Т. Уолцом для манипуляции сознанием электората. Однако автор не уточняет объем отобранного языкового корпуса для исследования.

В статье автор обращается к историографии вопроса, исследует коммуникативные стратегии в речах политиков их тактики и используемые языковые средства. Все постулируемое автором иллюстрируется отрывками на английском языке из анализируемых текстов.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Основным методом в работе выступает сравнительно-сопоставительный, позволивший, в сочетании с лингвистическим описанием исследовать различные коммуникативные стратегии и вербальные средства их реализации политическими лидерами Д. Вэнсом и Т. Уолцом в предвыборных дебатах для манипуляции общественным сознанием и привлечения сомневающейся части электората на свою сторону.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного

исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

К недостаткам также можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены научные труды как отечественных исследователей, так и зарубежных ученых.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, медиалингвистике, сравнительному изучению русской и английской культуры, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Манипулятивные приемы в политическом медиадискурсе США на примере предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дорский А.Ю., Дорский А.А. Информационные противостояния в российской футбольной индустрии: кейс Алексея Матюнина // Litera. 2025. № 2. С.184–195. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73311 EDN: BHDVFZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73311

Информационные противостояния в российской футбольной индустрии: кейс Алексея Матюнина

Дорский Андрей Юрьевич

ORCID: 0000-0002-0991-2941

доктор философских наук

профессор; кафедра менеджмента массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ dorski@yandex.ru

Дорский Александр Андреевич

Ведущий редактор отдела футбола; ООО "Спортс.ру"

129110, Россия, г. Москва, Банный пер., д. 9

✉ dorskiy-a@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73311

EDN:

BHDVFZ

Дата направления статьи в редакцию:

09-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Объектом исследования являются информационные противостояния, традиционно изучающиеся как политические процессы и/или явления. Вместе с тем, сохраняя свою политическую природу борьбы за влияние на иного субъекта,

информационные противостояния широко распространены и за пределами политической в узком смысле слова сферы общества. В настоящей статье рассматривается информационное противостояние в российской футбольной индустрии, в котором стороной конфликта является футбольная федерация. Такие случаи относительно редки. Подробно рассмотрев один случай противостояния федерации и физического лица (футбольного арбитра), авторы показывают основные закономерности этого противоборства и выявившиеся в его рамках причины низкой частотности информационных противостояний с участием федераций, в отличие от информационных противостояний между футбольными клубами. Также высказываются дополнительные гипотезы, объясняющие редкое участие федераций в конфликтах такого типа. Авторами был проведен контент-анализ публикаций, посвященных «делу Матюнина», в избранных СМИ. В качестве таковых были выбраны самое популярное в России во время разворачивания исследуемого противостояния сетевое издание Championat.com и наиболее цитируемое в спортивной отрасли газетное издание «Спорт-Экспресс». Основной вывод, следующий из анализа конкретного кейса, состоит в том, что информационное противостояние с федерацией не является эффективной стратегией: сказывается изначальное неравенство возможностей субъектов потенциального противостояния. У субъекта, находящегося на более низкой ступени иерархии, ограничены возможности эффективно противостоять вышестоящему. В том числе это касается и способности применить методы информационной борьбы, поскольку, как правило, субъект, находящийся в более привилегированном положении, обладает и возможностью использования большего количества каналов коммуникации, и более развитыми навыками работы с ними. Важный вывод из проведенного анализа заключается в том, что в информационных противостояниях значимы также субъективные факторы, прежде всего, но не только личности участников. При инициировании такого типа противоборств участники заранее должны анализировать также и эти обстоятельства.

Ключевые слова:

информационные противостояния, футбольная индустрия, Российский футбольный союз, Российская Премьер-Лига, субъекты футбола, кейс-стади, контент-анализ, факторы информационного противостояния, задачи информационного противостояния, адресаты информационного противостояния

Постановка проблемы

Словосочетание «информационные противостояния» сегодня востребовано разными отраслями отечественной науки. По данным портала disserCat на 30 апреля 2024 года на 100 диссертаций, обнаруживаемых по запросу «информационные противостояния», 27 приходится на исторические науки, 23 — на журналистику, 22 — на политологию (disserCat — электронная библиотека диссертаций // URL: <https://clck.ru/3GLs47>). При этом все диссертации по истории посвящены именно истории политической: рассматриваемые в них информационные противостояния или предшествуют вооруженному конфликту или сопровождают его. Все журналистские исследования в выборке также так или иначе посвящены политическим вопросам в традиционном понимании последних. Яркими примерами служат диссертации К. А. Намятовой «Россия и россияне в медиадискурсе современной Италии», С. Б. Никонова «Ноополитика в коммуникационном процессе внешнеполитической деятельности государств», М. А.

Сизьмина «Медиаугрозы национальной безопасности России и средства их устранения» и другие. Таким образом, термин «информационные противостояния» прочно связан в научном дискурсе с политическими науками.

Вместе с тем, к словосочетаниям «информационные противостояния», «информационные конфликты» и — особенно часто — «информационные войны» прибегают не только ученые, но и практики разных сфер. Конфликты между субъектами самой разной природы при развитии опосредованности отношений создают информационные эпифеномены. Таким образом, между интересом исследователей, сфокусированным преимущественно на противостояниях государств и политических партий, и практикой общественных отношений наблюдается разрыв.

При этом, если для бизнеса в целом и даже отдельных его отраслей редкие исследования всё же встречаются [\[1\]](#); [\[2\]](#), то для такой специфической сферы, как футбол, ни российских, ни зарубежных работ обнаружить не удалось. Между тем, информационные противостояния в футболе не только имеют место, но и, вероятно, могут влиять на спортивные результаты. В вышедшем в 2009 году и ставшем мировым бестселлером фундаментальном труде С. Купера и С. Шимански было показано, что определяющим футбольные успехи клуба является размер его зарплатной ведомости [\[3\]](#). Однако совместное исследование доктора экономических наук В. В. Платонова и известного футболиста Д. А. Кузьева позволяет скорректировать этот вывод, подчеркивая значимость нематериальных активов [\[4\]](#). Таким образом, мы имеем основания предполагать, что информационные противостояния способны играть роль в развитии футбола.

История вопроса

В подавляющем большинстве трудов, посвященных информационным противостояниям, основное понятие предполагается интуитивно понятным, не нуждающимся в специальном определении. Проблема дефиниции получает своё освещение в исследованиях Р. С. Выходца и К. А. Панцерева [\[5\]](#), Д. П. Гавры [\[6\]](#), А. Демус [\[7\]](#), Н. Колларс и М. Петерсена [\[8\]](#), Л. Ю. Медовкиной [\[9\]](#), Дж. Черавича [\[10\]](#), А. Г. Шилиной [\[11\]](#). Конструированию понятия «информационное противостояние» одним из авторов настоящей статьи была посвящена специальная работа, в который в том числе давался обзор имеющейся литературы по вопросу и предлагалось авторское определение [\[12\]](#). В связи с возникшей после публикации дискуссией в настоящем исследовании мы будем пользоваться несколько скорректированной дефиницией. Под информационным противостоянием мы будем понимать вид противоборства, при котором противостоящие субъекты стремятся коммуникативными методами и преимущественно с использованием массмедиа осуществить преобразование информационной среды нейтрального субъекта для привлечения его на одну из противоборствующих сторон или, по меньшей мере, для сохранения его нейтрального статуса.

Мы рассматриваем информационные противостояния в отечественной футбольной индустрии. Мировой футбольный рынок активно исследуется. Из работ последних лет выделим основанные на анализе больших данных и конкретных кейсов исследования Т. Бэйсона и Б. Сено [\[13\]](#), Х. Ксю и соавторов [\[14\]](#), Б. Марина и С. Ли [\[15\]](#), Т. Соьера и соавторов [\[16\]](#), С. Косъелека [\[17\]](#), Япанаса с соавторами [\[18\]](#), А. Ринкона и соавторов [\[19\]](#). Российский футбол как индустрия также тщательно изучается. Можно назвать работы В. А. Алексунина и В. А. Баскакова [\[20\]](#), Ш. М. Рамазанова [\[21\]](#) и многие другие.

Однако, как уже было указано, информационные противостояния в футбольной индустрии пока специально не исследовались.

Методы исследования

Для настоящей статьи мы выбрали кейс, связанный с именем футбольного арбитра Алексея Матюнина. Этот кейс существенно отличается от большинства других известных нам информационных противостояний тем, что одной из сторон противостояния выступает футбольное руководство страны. В рамках национальной индустрии это большая редкость, и анализируя конкретное дело, мы попробуем выяснить причины такого положения.

24 апреля 2022 года в матче Российской Премьер-Лиги (РПЛ) «Химки» — «Крылья Советов» А. В. Матюнин принял несколько спорных решений в пользу хозяев, прямо повлиявших на результат (См. напр.: «Судейство держало “Крылья” в напряжении. В правилах абсурд, все тренеры между собой об этом говорят». Осинькин об удалениях в матче с «Химками» // Sports. 24 апреля 2022, 16.50. URL: clck.ru/3GLuGU). После обвинений в предвзятости А. Матюнин выбрал тактику ответной атаки: он не объяснял мотивов своих решений, а указывал на коррумпированность самих обвинителей (См. напр.: Матюнин подает жалобу на Хачатурянца в РФС. Судья считает, что слова президента РПЛ после матча «Химки» — «Крылья» повлияли на решение ЭСК // Sports. 28 апреля 2022, 18.14. URL: clck.ru/3GLuWQ). Судейские ошибки не являются редкостью, зато подобное поведение в информационном поле уникально. Можно предположить, что А. Матюнин желал сохранить важный ресурс, которым он обладал на тот момент, — возможность обслуживать матчи высшего российского дивизиона. Не исключено, что А. Матюнин хотел и приумножить этот ресурс за счет приобретения имиджа борца с коррупцией в футбольном руководстве страны. Адресатом сообщений в рамках противостояния должна была быть широкая футбольная общественность, но, прежде всего, руководители футбольных клубов, обладающие ресурсом воздействия на РПЛ. Методы, которыми мог воспользоваться А. Матюнин, — только коммуникативные.

Нами был проведен контент-анализ публикаций, посвященных «делу Матюнина», в избранных СМИ. Единицей содержания была выбрана фамилия «Матюнин». Цель анализа — оценка успешности информационного противостояния безотносительно к успешности действий сторон в неинформационном поле. Поэтому задачами исследования стали:

- сравнение информационного присутствия каждой из сторон;
- точность донесения позиции каждой стороны, что, в частности, проверялось наличием прямой речи;
- соотношение позитивных, негативных и нейтральных контекстов упоминания Матюнина;
- источник сообщения, который мог показать успешность привлечения сторонников.

В исследовании проверялась гипотеза, что успех в информационном противостоянии может являться фактором повышения эффективности деятельности субъекта футбольной индустрии. Применительно к конкретному случаю мы должны были проверить: было ли инициирование А. Матюниным информационного противостояния с руководством Российского футбольного союза (РФС) и РПЛ эффективной стратегией для сохранения статуса судьи как субъекта футбольной индустрии, были ли эффективными конкретные приемы информационного противостояния, примененные сторонами. Исходя из общих соображений, высказанных чуть ранее, можно предположить, что противостояние с

руководством спортивных федераций не является эффективным средством достижения своих целей.

Единицей счета выступил отдельный материал (статья, заметка). Хронологические рамки исследования заданы датой проведения матча — 24 апреля 2022 года и временем прекращения судебного разбирательства А. Матюнина с сетевым изданием «Рейтинг Букмекеров» («РБ»), которое освещало всё дело — февраль 2023 года.

Поскольку нас интересовала именно успешность противостояния, то есть привлечение на свою сторону стейкхолдеров, не сформировавших позиции до начала противоборства, из анализа были исключены информационные каналы, напрямую связанные с субъектами противостояния, например, сайт РФС. Из иных источников были выбраны самое популярное в России на 2022 год сетевое издание Championat.com («Чемпионат») и наиболее цитируемое в спортивной отрасли газетное издание «Спорт-Экспресс» («СЭ») (Родников В. Рейтинг отечественных спортивных СМИ // Sports. 19.07.2022. URL: clck.ru/3GQJEF).

Методика исследования имеет ряд ограничений. Прежде всего, к ним относится проблема оценки упоминания, поскольку собственная оценка источником или медиа дается относительно редко. Кроме того, официальные лица обычно связаны в своих высказываниях официальным стилем, предполагающим минимизацию субъективно-оценочного компонента. Поэтому необходимо было принимать во внимание разные составляющие материала и учитывать возможную реакцию на них читателя. Так, мы оценивали как негативное сообщение об отстранении А. Матюнина от судейства или сообщение об отсутствии его фамилии в списках судей, поданных РФС в Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА). При этом и в том, и в другом случае мы считали, что эти сообщения исходят от официальных лиц РФС, хотя непосредственно в СМИ ссылки на этих лиц могло не содержаться. С другой стороны, как позитивные для А. Матюнина сообщения мы оценивали, исходящие от него самого высказывания, хотя в них отсутствовало эксплицитное утверждение о том, что А. Матюнин — хороший судья.

Другая проблема подсчета, как ни странно, — количество упоминаний. Во-первых, современные медиа регулярно публикуют материал, прежде всего, интервью, несколько раз — один раз в полном виде, потом давая нарезки по отдельным вопросам в новостную ленту. Таким образом, одно интервью тогдашнего президента РПЛ А. Р. Хачатурянца или президента РФС А. В. Дюкова порождало несколько тождественных материалов. Мы считали каждую такую публикацию отдельно, поскольку в каждом случае читатель мог столкнуться с конкретным высказыванием вновь. Во-вторых, таким же общепринятым форматом являются ссылки СМИ на собственные материалы, вышедшие ранее на ту же тему. В том случае, если такие ссылки были органично включены в текст новой публикации, мы также засчитывали такие публикации. Если ссылки давались в отдельной врезке, то они не считались, так как не образовывали самостоятельного материала.

Анализ материала

Всего за год «делу Матюнина» было посвящено 58 публикаций «СЭ» и 29 публикаций «Чемпионата». В «СЭ» содержалось 34 негативных публикации, в 16 из них источником информации были официальные лица РФС и РПЛ, в 18 — условно независимые лица (расследование их связи с руководством российского футбола не входила в наши задачи). Нейтральные упоминания встречались 21 раз, причем официальные лица как сторона противостояния 6 раз выступили с нейтральными и по стилю, и по содержанию

заявлениями. В позитивном контексте фамилия Матюнина фигурировала лишь три раза, два из которых — прямая речь самого Алексея Валерьевича. В «Чемпионате» было 19 материалов с негативным упоминанием А. Матюнина, из которых 11 исходили от независимых лиц, а 8 — от другой стороны противостояния. Нейтральных публикаций было 4, причем официальные лица РФС и РПЛ высказались так на страницах «Чемпионата» 3 раза. Количество позитивных упоминания о Матюнине имеет значимый перевес над количеством аналогичных упоминаний в «СЭ» — 6, из них судье слово было предоставлено дважды.

Таким образом, А. Матюнину не удалось получить прямой доступ к массовым каналам информации. Поразительно, насколько лаконично и бессодержательно изложена его позиция. Материал «СЭ» «Судья Матюнин подал жалобу в РФС на главу РПЛ Хачатурянца» содержит 585 знаков с пробелами, из них жалобе посвящено всего 172 знака, включая прямую речь самого судьи: «Подтверждаю, что я подал жалобу в РФС на Ашота Хачатурянца», — цитирует А. Матюнина «Чемпионат» (Судья Матюнин подал жалобу в РФС на главу РПЛ Хачатурянца // Спорт-Экспресс. 3 мая 2022. URL: clck.ru/3GLue2). Второй раз «СЭ» предоставил слово Алексею Валерьевичу только через девять месяцев. На этот раз заметка включает 669 знаков с пробелами, из которых половина (335) посвящена контексту ситуации. На «Чемпионате» цитаты арбитра также встречаются дважды, оба раза по поводу жалобы, которую он сначала собирается подать, а потом уже подал. Объем информации совпадает с изложенным «СЭ». Позиция А. Матюнина передается в отражении реплик его основных оппонентов, прежде всего, президента РПЛ Ашота Хачатурянца. Очевидно, что эта сторона противостояния имеет существенно большие ресурсы доведения информации до третьих лиц.

А. Матюнину практически не удалось привлечь на свою сторону союзников — при том, что они кажутся очевидными. Уже 24 апреля (в день матча) «СЭ» сообщил, что фанаты «Крыльев Советов», главный тренер самарцев Игорь Осинькин и даже губернатор Самарской области Дмитрий Азаров недовольны судейством. Азаров пообещал болельщикам сделать «все для того, чтобы такого судейства в нашей стране не было» (Губернатор Самарской области: «Мы сделаем все, чтобы такого судейства, как в матче «Крыльев» с «Химками», не было в нашей стране» // Спорт-Экспресс. 24 апреля 2022. URL: clck.ru/3GLukE). Только 5 июня в «СЭ» последовал ответ от тренера «Химок» Сергея Юрана: «Я пересматривал моменты, из-за которых возник весь этот сыр-бор. В эпизодах и с пенальти, и со второй желтой карточкой Матюнин принимал решения после подсказки ВАР. Ведь Резиуну Мирзову, вообще-то, чуть ногу не оторвали. Разве это не удаление? На мой взгляд, все было логично. Поэтому немного удивился, что потом произошло с Матюниным. Но это уже не в моей компетенции» (Айрапетов В., Львов А. Сергей Юран: «Я стал опытнее, реально смотрю на вещи. Справился бы с давлением в «Спартаке» // Спорт-Экспресс. 5 июня 2022. URL: clck.ru/3GLv37). При этом игра проходила в Химках, хозяева одержали победу — было бы естественно предположить, что реакция местных болельщиков и властей была позитивной, но не менее бурной, чем реакция самарцев. Она, однако, не отразилась на страницах издания. Другая сторона противостояния оказалась представлена и официальными лицами РФС вплоть до президента Александра Дюкова, и независимыми наблюдателями — например, бывшим футболистом Романом Широковым, и «народом» в лице уже упоминавшихся болельщиков «Крыльев».

Отсутствие у А. Матюнина прямого доступа к СМИ и союзников приводит к тому, что оба медиа отдают приоритет негативным публикациям о судье: в «СЭ» они составили 53% от общего количества материалов, в «Чемпионате» — 58%. Процент позитивных публикаций оказался существенно различным: в «СЭ» — всего 5%, в «Чемпионате» —

20%. Характерен пример с комментариями члена наблюдательного совета «Химок» депутата Государственной Думы Российской Федерации Романа Терюшкова. «СЭ» подал их в нейтральном ключе, сопроводив имеющим негативный смысл упоминанием о приглашении Матюнина пройти проверку на «детекторе лжи» (Кравченко В. Роман Терюшков рассказал о своем отношении к использованию полиграфа на судьях РПЛ // Спорт-Экспресс. 28 апреля 2022. URL: clck.ru/3GLv5x). «Чемпионат», для которого депутат стал основным спикером, защищающим А. Матюнина, представил другие цитаты, даже не всегда снабжая их напоминаниями о подозрениях в адрес арбитра: «Я здесь на стороне судей! Они добросовестно выполняют свою работу. ... Бывают ошибки, да, но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Использовать полиграф для проверки судей неприемлемо. Кто мешал «Крыльям Советов» забить четыре мяча?» (Ирха А. Терюшков — о Матюнине: судьи у нас преступники, чтобы на полиграфе проверять? // Championat.com. 6 мая 2022. URL: clck.ru/3GLvAW). На основании приведенных чисел трудно утверждать, что «Чемпионат» стремился к более объективной, взвешенной или нейтральной позиции — ведь собственно нейтральных публикаций о «деле Матюнина» в нем еще меньше, чем положительных. Вероятно, эмоциональная разбалансировка — это часть информационной политики редакции, ориентирующейся на несколько более молодую аудиторию (Сравнение демографических показателей аудитории // Similarweb. URL: clck.ru/3GQJJk).

Если проследить хронологическом порядок публикаций, можно заметить еще одно важное обстоятельство. 27 июня 2022 года А. Хачатурянц ушел с поста президента РПЛ. К этому моменту уже было ясно, что с А. Матюниным не будет заключен новый договор о работе на матчах РПЛ. (Чуть позже он будет лишен права судить какие бы то ни было футбольные матчи.) После начала конфликта прошло всего два месяца. За оставшиеся до верхней хронологической границы нашего исследования даты оставалось еще десять. За эти десять месяцев «СЭ» опубликовал шесть негативных материалов об А. Матюнине, восемь нейтральных и один позитивный — тот, в котором судье дали возможность произнести не одну, а три фразы. То есть тон публикаций изменился принципиально. Именно в этот период и на «Чемпионате» появилась неожиданная поддержка опального рефери со стороны едва ли не самого уважаемого арбитра РПЛ Сергея Карасёва: «Отстранение Матюнина, Еськова, Вилкова, Лапочкина? Опытные судьи, провели по 100 матчей и вдруг пропадают по каким-то причинам. ... В самом соку, полноценная боевая единица, и что-то случилось — это трагедия. ... Даже трудно слова подобрать, потому что начинаешь через себя пропускать. ... Лишиться всего в одночасье — ужасно» («Трудно подобрать слова, начинаешь через себя пропускать». Карасёв — об отстранении судей // Championat.com. 8 марта 2023. URL: clck.ru/3GLvJx). Позиция РФС и РПЛ по судейству А. Матюнина при этом не изменилась. Но уход с административной должности конкретного человека, для которого публичная борьба с коррумпированностью судей была одним из приоритетов деятельности — а именно так позиционировал себя А. Хачатурянц, — привел к радикальному изменению информационного ландшафта.

Проведенный анализ отнюдь не говорит, что решение о пожизненной дисквалификации А. В. Матюнина является необоснованным. Мы изучали только информационное противостояние, не рассматривая основное содержание проблемы — наличие в действиях судьи предвзятости. Но в части предмета нашего исследования мы видим прямую зависимость силы информационных позиций от места субъекта в иерархии российского футбола.

Результаты исследования

Как указывалось выше, А. В. Матюнин выбрал уникальную для России тактику защиты,

перейдя в наступление и обвинив президента РПЛ в нескольких нарушениях этики и закона, включая коррумпированность. Нельзя однозначно утверждать, что арбитр встал на заведомо тупиковый путь. Подводя итоги девятимесячного президентства А. Р. Хачатурянца, «СЭ» отмечал в том числе конфликт чиновника с А. Матюниным как доказательство медийного провала (Зимагулов В. Чем Хачатурянц запомнился в РПЛ: принес топ-контракты, якобы обещал мораторий на вылет, ругался с Матюниным // Спорт-Экспресс. 27 июня 2022. URL: clck.ru/3GLvMn). То есть заявления футбольного судьи теоретически могли стать громким информационным поводом, который нашел бы поддержку. Вместо этого читатели следили за прохождением самим арбитром испытания на «детекторе лжи». Так, «СЭ» только 27 апреля опубликовал восемь материалов о приглашении судей пройти проверку на полиграфе, а о подаче арбитром жалобы на А. Хачатурянца 3 мая — всего две. «СЭ» опубликовал лишь три заметки о судебных разбирательствах к тому моменту уже экс-судьи и «Рейтинга Букмекеров» в феврале 2023 года, причем одна из них — интервью юриста, представлявшего интересы «РБ», на основании которого складывался самый негативный образ А. Матюнина. Таким образом, использовать избранную методику информационного противостояния арбитру в принципе не удалось: медиа сместили фокус внимания на другие события той же истории.

Таким образом, А. Матюнин не смог использовать приемы информационного противостояния для сохранения статуса в футбольной индустрии. Футбольные федерации обладают необходимым ресурсом для мобилизации сторонников в информационном пространстве и демонстрации «консолидированной позиции всей индустрии». Несмотря на то, что после окончания активной фазы противостояния, оказалось, что значительное количество субъектов индустрии занимали нейтральную позицию, физическому лицу не удалось привлечь их на свою сторону.

Перспективы дальнейшей исследовательской работы

Дальнейшие перспективы исследования обусловлены ограничениями примененной методологии. Прежде всего, выявление специфики футбольных федераций как субъектов информационных противостояний связано с расширением эмпирической базы: должны быть обнаружены и подвергнуты анализу иные кейсы, сколь бы они ни были малочисленны. Во-вторых, мы видим возможности использования дополнительных методов, которые помогли бы проверить результаты, полученные в ходе проведенных кейс-стади и контент-анализа. В частности, может быть применен метод фокусированного интервью, при котором респондентами стали бы работники федераций, клубов и т.д. Наконец, в дальнейшем предполагается изучение иных субъектов футбольной индустрии как сторон информационных противостояний.

Выводы

Основной вывод, следующий из анализа конкретного кейса, состоит в том, что информационное противостояние с федерацией не является эффективной стратегией: сказывается изначальное неравенство возможностей субъектов потенциального противостояния. У субъекта, находящегося на более низкой ступени иерархии, ограничены возможности эффективно противостоять вышестоящему. В том числе это касается и способности применить методы информационной борьбы, поскольку, как правило, субъект, находящийся в более привилегированном положении, обладает и возможностью использования большего количества каналов коммуникации, и более развитыми навыками работы с ними.

Непопулярность информационных противостояний с руководящими футболом органами

может быть обусловлена и иными причинами. Среди них — относительно четкое распределение компетенций как между федерациями, так и между ними и иными субъектами. В частности, и внутри страны, и на международной арене единственной организацией, обеспечивающей контроль за развитием российского футбола, рассматривается Общероссийская общественная организация «Российский футбольный союз». С 2002 года проведением чемпионата России по футболу среди сильнейших команд занимается Некоммерческое партнёрство «Российская Премьер-Лига». Регламент чемпионата согласовывается общим собранием членов РПЛ и утверждается Исполкомом РФС. Аналогичный порядок существует для клубов низших дивизионов. То есть существует строгая иерархия и делегирование полномочий от высших инстанций низшим. В этой ситуации возможность борьбы за ресурсы, которые мы рассматриваем целью информационного противостояния, сведена к минимуму, хотя и не исключена вовсе.

Кроме того, — и это нам кажется не менее важным, — в российском спорте очень сильна традиция решения спорных вопросов без привлечения внимания общественности. Примером этого является практика спортивного арбитража. Статья 46 Устава РФС гласит: «РФС, его члены, а также лиги, клубы, игроки, официальные лица, иные субъекты футбола, признающие настоящий Устав, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации, не выносят ни один спор на рассмотрение государственных судов, и если только это не оговорено для конкретных случаев в настоящем Уставе и в регламентах ФИФА, УЕФА. Любое разногласие передаётся в юрисдикцию ФИФА, УЕФА или РФС. В качестве последней судебной инстанции такие споры должны быть рассмотрены либо в Национальном арбитраже, указанном в соответствующей статье настоящего Устава, либо в КАСе» (Устав Общероссийской общественной организации спортивной федерации по футболу «Российский футбольный союз». Утвержден Учредительной конференцией 08 февраля 1992 года. Редакция от 28 мая 2022 года // Российский футбольный союз. Все документы. URL: clck.ru/3GLvSr). Национальный Центр Спортивного Арбитража был создан в России только в 2019 году, до того все спортивные конфликты разрешались в международном спортивном суде в Лозанне. По состоянию на апрель 2024 года, то есть за пять лет существования, Центр принял решения только по семи делам (Национальный центр спортивного арбитража. Практика арбитража. URL: clck.ru/3GLvWo), восьмое находится на рассмотрении. Характерно, что среди этих восьми дел нет ни одного, которое бы относилось к футболу.

Косвенным подтверждением такой привычки решать вопросы без привлечения публичного внимания служит история видеоассистента (судьи VAR) Павла Шадыханова, частично разделявшего с Алексеем Матюниным ответственность за решения, принятые в матче «Химки» — «Крылья Советов». Павел Андреевич последовал модели поведения, принятой судейским сообществом, и не участвовал в информационном противостоянии. Он прошел проверку на полиграфе, отбыл дисквалификацию и в отличие от А. Матюнина продолжил работу.

Важный вывод из проведенного анализа заключается также в том, что в информационных противостояниях значимым фактором являются личности участников: уход из противостояния А. Хачатурянца резко снизил давление на сторону А. Матюнина, хотя и не изменил итог. При исследовании информационных противостояний следует иметь в виду значимость субъективных факторов, импровизаций и индивидуальных особенностей.

Библиография

1. Цыганов В. В., Бухарин С. Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и

методология. Москва: Академический Проект, 2009. 336 с.

2. Мельниченко Д. Н., Гущина Л. В. О некоторых средствах информационной войны в рекламном бизнесе // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. 2016. № 4(32). С. 39-44.

3. Купер С., Шимански С. Футболономика: Почему Англия Проигрывает, Германия и Бразилия выигрывают, а США, Япония, Австралия, Турция и даже Ирак выходят на первый план. Москва: Альпина Паблишер, 2017. 514 с.

4. Платонов В. В., Кузяев Д. А. Экономический лимит на спортивный успех: как может развиваться индустрия футбола? // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 224-241.

5. Выходец Р. С., Панцерев К. А. Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 4(42). С. 139-148.

6. Гавра Д. П. Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 10-26.

7. Demus A. et al. Rivalry in the Information Sphere: Russian Conceptions of Information Confrontation. Los Angeles County: RAND Corporation. 2022. 154 p.

8. Kollars N. A., Petersen M. B. Feed the Bears, Starve the Trolls: Demystifying Russia's Cybered Information Confrontation Strategy // The Cyber Defense Review. Special Edition: International Conference on Cyber Conflict (CYCON U.S.), November 14-15, 2018. Cyber Conflict During Competition. 2019. Pp. 145-160.

9. Медовкина Л. Ю. Соотношение понятий «информационная война» и «информационное противостояние» // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. № 23. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2018. С. 61-65.

10. Cheravitch J. From Leaflets to «Likes»: The Digitalization and Rising Prominence of Psychological Operations in Russia's Military // Improvisation and Adaptability in the Russian Military. 2020. Apr. 1. Pp. 22-28.

11. Шилина А. Г. Информационное противостояние в массмедийной коммуникации: диагностика, типология, прогноз // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г.). СПб.: Медиапир, 2022. С. 781-785.

12. Дорский А. А. «Информационное противостояние» как проблема наук об общественных коммуникациях // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. 1, 1(43), 52-60.

13. Bason T., Senaux B. The football industry // Research Handbook on the Law of Professional Football Clubs. Ed. Robby Houben. Edward Elgar Publishing Ltd., 2023. P. 7-28.

14. Xue H., Watanabe N. M., Chen R., Newman J. I., & Yan G. Football (as) Guanxi: A relational analysis of actor reciprocity, state capitalism, and the Chinese football industry. Sport in Society. 2020. № 23(12). P. 2005-2030.

15. Marin B., Lee C. Exploring new trends of sport business: Japanese companies' investment in ownership of foreign football clubs. Sport in Society. 2020. № 23(12). Pp. 2031-2054.

16. Sauer T., Anagnostopoulos C., Zülch H., Werthmann L. Creating value in football: unveiling business activities and strategies of financial investors, Managing Sport and Leisure. 2024. P. 1.

17. Kościółek S. Heterogeneity of motivations among crowdinvestors: Evidence from the football industry // Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation. 2022. № 4. Pp. 157-183.

18. Yiapanas G., Thrassou A., Vrontis D. A holistic strategic perspective of football industry stakeholders // Journal for International Business and Entrepreneurship Development. 2022. Vol. 14, № 3. Pp. 349-377.
19. Rincóna A. G., Barbosa R. L. C., Mateus M. A., Saavedra N. O. Symbolic consumption as a non-traditional predictor of brand loyalty in the sports industry, football club segment // Helion. 2023. V. 9, I. 4. URL: [https://www.cell.com/helion/fulltext/S2405-8440\(23\)02681-6](https://www.cell.com/helion/fulltext/S2405-8440(23)02681-6).
20. Алексунин В. А., Баскаков В. А. Маркетинговый подход к управлению спортивной индустрией // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. № 3(5). С. 92-101.
21. Рамазанов Ш. М. Сравнительный анализ моделей управления развитием спорта на примере футбольной индустрии: мировой опыт и российские особенности // Управление. 2018. № 1(19). С. 12-19.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает информационное противостояние в российской футбольной индустрии, актуальность изучения которого обусловлена рядом факторов: во-первых, спорт занимает одно из ведущих мест в системе общества, во-вторых, проблема информационного противостояния в различных сферах жизнедеятельности представляет интерес у современного научного сообщества; в третьих, изучение информационного противостояния в спорте позволяет понять, как влияет информационное воздействие на результаты соревнований, рейтинги спортсменов и положение спортивных организаций в мировом спортивном сообществе («мы имеем основания предполагать, что информационные противостояния способны играть роль в развитии футбола»). Под информационным противостоянием автор(ы) понимают вид противоборства, при котором противостоящие субъекты стремятся коммуникативными методами и преимущественно с использованием массмедиа осуществить преобразование информационной среды нейтрального субъекта для привлечения его на одну из противоборствующих сторон или, по меньшей мере, для сохранения его нейтрального статуса.

Теоретической основой научной работы являются исследования, посвященные современным концепциям информационного противоборства, информационному противостоянию в массмедийной коммуникации, соотношению понятий «информационная война» и «информационное противостояние», подходам к управлению спортивной индустрией и т.п., таких отечественных и зарубежных ученых, как Р. С. Выходец, К. А. Панцеров, Д. П. Гавра, А. Демус, Н. Колларс, М. Петерсен, Л. Ю. Медовкина, Дж. Черавич, А. Г. Шилина, Т. Бэйсон, Б. Сено, А. А. Дорский, Х. Ксю, Б. Марин, С. Ли, В. А. Алексунин, В. А. Баскаков и др. Библиография насчитывает 21 источник, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Эмпирическим материалом исследования послужили 58 публикаций «Спорт-Экспресс» («СЭ») и 29 публикаций Championat.com («Чемпионат») по делу Алексея Матюнина в 2022 году.

Методология исследования определена целью («оценка успешности информационного противостояния безотносительно к успешности действий сторон в неинформационном поле») и поставленными задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, дискурсивный анализ,

контент-анализ публикаций в СМИ и др.

Достаточно основательный анализ кейса, связанного с именем футбольного арбитра Алексея Матюнина, позволил автору(ам) сформулировать ряд выводы о том, что информационное противостояние с футбольной федерацией не является эффективной стратегией: сказывается изначальное неравенство возможностей субъектов потенциального противостояния. У субъекта, находящегося на более низкой ступени иерархии, ограничены возможности эффективно противостоять вышестоящему. В том числе это касается и способности применить методы информационной борьбы, поскольку, как правило, субъект, находящийся в более привилегированном положении, обладает и возможностью использования большего количества каналов коммуникации, и более развитыми навыками работы с ними. Также отмечается, что в информационных противостояниях значимым фактором являются личности участников.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования расширяют знание в области эффективных приемов информационных противостояний в спортивной индустрии и могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории дискурса, дискурсивной лингвистике, медиалингвистике, информационным технологиям в журналистике и др. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. В целом, стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Плотников И.П., Пархитко Н.П. К вопросу о тематической специфике каналов депутатов КПрФ в Telegram//
Litera. 2025. № 2. С.196-211. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73225 EDN: BNHVQH URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73225

К вопросу о тематической специфике каналов депутатов КПрФ в Telegram

Плотников Иван Павлович

аспирант, кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

101000, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ plotnikov.iv2014@gmail.com

Пархитко Николай Петрович

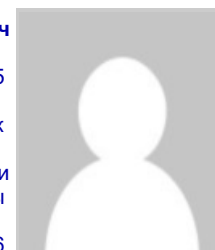
ORCID: 0000-0002-7678-5735

кандидат исторических наук

доцент, кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

101000, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ scharnchorst@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73225

EDN:

BNHVQH

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В условиях динамичного развития политической коммуникации и постоянного поиска эффективных форм взаимодействия политиков с электоратом, всё большее значение приобретают социальные сети. В России после блокировки Facebook,

Twitter (X) и Instagram одной из самых популярных соцсетей стал Telegram. В настоящей работе рассматривается опыт использования Telegram Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ), являющейся одной из старейших и наиболее влиятельных партий в современной России. В качестве предмета исследования выступает специфика контента каналов депутатов КПРФ в Telegram. Объект нашего исследования — политические каналы «Михаил Матвеев коммент», «Новости с Останиной», «Обухов.PRO», «Красная фурия», «Юрий Афонин», «Red. Парфенов» и «Геннадий Зюганов». А цель настоящей работы — выявить наиболее популярные тематические направления в контенте Telegram-каналов депутатов КПРФ и степень соответствия этих онлайн-ресурсов интересам электората. Методология научной работы включает комплексный подход и сочетает контент-анализ, сравнительный анализ, а также статистические методы. Исследование охватывает сообщения, опубликованные на партийных ресурсах в октябре 2024 года. Мы выявили показатели статистики каналов (количество подписчиков, индекс цитирования и др.) и частотность использования на этих ресурсах определённых лексем. Добавим, что научная новизна нашей работы заключается в анализе контента именно депутатских каналов, так как они рассчитаны на различную целевую аудиторию, а соответственно их контент может отличаться от содержания, транслируемого через центральные партийные медиа. По итогам нашего исследования мы выявили, что в системе депутатских каналов сформировались два типологических направления: общетематические каналы, ориентирующиеся на онлайн-ресурс лидера партии Г. Зюганова, и каналы специализированные. Причём, если первый тип каналов использует идеологические лексемы и концентрируется на экономической тематике, то во втором типе каналов лексем, связанных с идеологией, почти нет. Более того, исследование показало, что самыми популярными темами являются демография, миграция и вопросы внутренней экономики. В перспективе результаты научной работы могут быть использованы для изучения текущей политической повестки КПРФ, а также для систематического исследования российских партийных СМИ.

Ключевые слова:

социальные сети, партийные социальные сети, депутатские каналы, КПРФ, политические каналы, политическая коммуникация, Telegram, интернет-коммуникация, социальные медиа, коммунистическая партия

Введение

Сегодня социальные сети становятся не просто новостной площадкой. Они являются одним из важнейших инструментов в формировании образа партии, продвижении её идеологии и завоевании нового электората. Кроме того, социальные сети во многом изменили современные подходы к политической коммуникации. В отличие от традиционных СМИ соцсети позволяют политикам обращаться к электорату напрямую и сразу же видеть реакцию в виде просмотров, комментариев и др. Некоторые исследователи полагают, что при современном уровне цифровой коммуникации пополнение партийного актива становится достаточно трудной задачей, если у партии нет собственных ресурсов в сетевом пространстве [\[23, с.127\]](#). Более того, получение высоких рейтингов поддержки и доверия электората невозможно без эффективной работы отдельных депутатских каналов [\[21, с.85\]](#).

В этом смысле наиболее полно функции социальных сетей и мессенджеров в

политическом пространстве сформулировала А. В. Анищенко. По её мнению, данные медиа используются в качестве инструментов для организации, мобилизации, реализации различных форм политического участия и гражданско-политического активизма [\[16, с.20\]](#).

При этом важно отметить решающую роль социальных сетей в создании медиаобразов. Так, определённые идеи, высказывания, политические программы часто ассоциируются у партийной аудитории не столько с самой партией, сколько с конкретным политиком [\[22, с.218\]](#). Поэтому очевидно, что каналы социальных сетей даже у представителей одной партии могут значительно отличаться как по форме, так и по содержанию.

Вместе с тем изменился и сам процесс потребления медиаконтента: в современных условиях мы видим тенденции «реинформирования», когда аудитория после получения информации из традиционных СМИ обращается также и к альтернативным источникам, прежде всего к социальным сетям [\[20, с.60\]](#). Добавим, что социальные сети также имеют решающее значение для избирателей в вопросе осуществления контроля за деятельностью депутата после его избрания [\[10, с.754\]](#).

Переходя к истории вопроса, стоит сказать, что онлайн-пространство политические партии начали осваивать ещё в 2004 г. Этот период характеризуется переходом от технологий Web 1.0 к Web 2.0, когда стало возможным осуществлять интерактивное взаимодействие в ходе коммуникации [\[26, с.22\]](#). Согласно научным работам Р. Гибсон и А. Рёммель, существует три медиамодели избирательной кампании: домодернистская (использующая газеты и прямое личное общение), модернистская (использующая телевидение и рекламу) и профессиональная-постмодернистская (использующая Интернет) [\[8, с.34\]](#). Позже исследователи М. Вержер, Л. Херманс и С. Сэмс выделили также четвертую модель – персональную кампанию, которая характеризуется использованием технологий Web 2.0 (включая соцсети) и личностно-ориентированного взаимодействия с аудиторией. Благодаря такому подходу к коммуникации электорат больше узнаёт о личной жизни политика, а сам политик получает более прочную связь с людьми, выходящую за рамки профессиональной [\[12, с.482\]](#). Именно с приходом четвёртой модели стали активно использоваться депутатские аккаунты и каналы в социальных сетях.

Весь потенциал социальных сетей впервые был успешно использован в 2008 и 2012 гг. во время избирательных кампаний Б. Обамы, а позднее во время избирательных кампаний Д. Трампа в США в 2016 г. и Э. Макрона во Франции в 2017 г. [\[11, с.29\]](#); [\[13, с.7\]](#); [\[26, с.22\]](#). Из-за этого значительная часть зарубежных исследований концентрируется на таких социальных сетях, как Facebook и Twitter (запрещены в РФ).

Подробный анализ сообщений в социальной сети Twitter во время избирательной кампании в США представлен в работе Ф. Баркляя и Ч. Пичанди, которые сопоставили результаты выборов и контент соцсетей. Выяснилось, что по количеству упоминаний и числу постов среди пользователей Twitter Б. Обама опережал своего оппонента М. Ромни. Количество подписчиков в Facebook тоже было выше у Обамы. Помимо этого, преимуществом Обамы являлось то, что свои страницы в соцсетях он зарегистрировал ещё на выборах 2008 г., что обеспечило ему популярность у определенного числа онлайн-аудитории уже на старте кампании [\[3, с.19-20\]](#).

Однако, несмотря на широкий функционал и возможности, использование социальных

сетей до сих пор порождает дискуссии в научной среде. Так, зачастую содержание информационных постов в соцсетях довольно сложно проверить на достоверность. Современные исследователи, анализирующие влияние социальных медиа на избирательные кампании за рубежом, всё чаще обращаются к проблеме фейковых новостей. Впервые на это обратили внимание в своей научной работе Х. Оллкотт и М. Генцков. Исследователи проанализировали контент социальных сетей во время избирательной кампании в США в 2016 г. и пришли к выводу, что наибольшее число фейков пришлось на Facebook. Причём фейковые новости в поддержку Д. Трампа имели более широкий охват и распространялись в большем количестве, чем схожие сообщения в поддержку его оппонента Б. Клинтона [\[1, с.2\]](#).

Примечательно, что избирательная кампания во Франции 2017 г. также характеризовалась фейковыми новостями в социальных сетях, прежде всего в Facebook [\[20, с.60\]](#). Схожие исследования выявили распространение фейковых новостей в Facebook и на всеобщих выборах в Италии в 2018 г. [\[7, с.3\]](#).

Впоследствии другие исследователи добавили, что таким сообщениям свойственны сенсационность и эмоциональность. Кроме того, социальные сети являются частью кампаний постправды. По мнению авторов таких научных работ, распространению фейков способствуют «пузыри фильтров», то есть алгоритмы социальных сетей, отбирающие только ту информацию, которую пользователи предпочитают в соответствии с собственными убеждениями. Кроме того, в социальных сетях возможно создание фейковых аккаунтов или ботов, которые используются для увеличения числа подписчиков и сетевых атак на политических оппонентов, а также в целях дезинформации [\[9, с.1431-1437\]](#). Это подтверждается данными индийских исследователей, которые изучили влияние ботов на Twitter-аккаунты политиков Индии [\[4, с.6-7\]](#).

Как отмечают некоторые исследователи, с началом массового использования социальных сетей феномен дезинформации привёл «к росту политической нетерпимости и дискурсивного насилия, подрвал доверие к государственным институтам и традиционным средствам массовой информации» [\[6, с.197\]](#). Причём распространение новостных сообщений в партийном сегменте социальных сетей происходит быстрее, чем в беспартийном [\[2, с.14\]](#).

Обратим внимание и на то, что исследование контента социальных сетей, в том числе и депутатских каналов, позволяет спрогнозировать результаты избирательных кампаний. Так, в работе индонезийских исследователей были проанализированы президентские выборы в Индонезии 2024 г. Авторы заинтересовали два фактора: количество сообщений каждого кандидата в Twitter, а также разнообразные реакции пользователей на эти сообщения [\[5, с.523\]](#).

Обращаясь к российскому опыту интернет-активности, заметим, что в России первые попытки партий использовать социальные сети в рамках избирательной кампании были зафиксированы в 2011 г. Развитие онлайн-присутствия парламентских партий наблюдалось в период 2011-2016 гг., а окончательно оно оформилось к 2018 г. [\[27, с.10\]](#). Причём, если изначально наибольшую популярность у аудитории приобрели соцсети Facebook и Twitter, то теперь чаще используются сервисы ВКонтакте, Одноклассники, Яндекс Дзен и Telegram [\[15, с.134\]](#); [\[25, с.52\]](#).

Отдельно отметим, что КПРФ наравне с «Единой Россией» были новаторами в освоении

интернет-пространства. Уже в 2011 г. партийный лидер Г. Зюганов начал использовать аккаунты в Twitter и ВКонтакте. Также на тот момент партия имела собственный YouTube-канал. Однако широкого распространения интернет-технологии в партии не получили. Это объяснялось прежде всего тем, что электорат КПРФ составляли люди старшего возраста [\[27, с.11\]](#).

Тем не менее позже в КПРФ был зафиксирован новый этап освоения социальных сетей, связанный с двумя событиями. Во-первых, с выступлением лидера партии Г. Зюганова на XV съезде КПРФ в 2013 г., на котором глава КПРФ объявил о решении создать группу «красных блогеров», под ними имелись ввиду, в том числе и депутаты партии. Тогда же Зюганов высказал мнение, что социальные сети представляют «очень дешёвый и эффективный способ распространения информации». Во-вторых, с отказом кандидата в президенты от КПРФ П. Грудина от участия на теледебатах на «Первом канале» в связи со скандальным поведением остальных претендентов (В. Жириновского и К. Собчак). Внутри партии было принято решение воспользоваться иными площадками для агитации, включая социальные сети.

Стоит учитывать и тот факт, что ряд социальных сетей, в частности Facebook, Instagram и Twitter, были заблокированы по требованию Роскомнадзора, поэтому в настоящий момент усилия партии сосредоточены на сервисах Telegram и ВКонтакте. При этом, как считает А. В. Махрин, контент в обеих соцсетях у партии достаточно однотипный [\[23, с.123\]](#). Схожей точки зрения придерживается В. В. Титов, который отметил, что каналы в социальных сетях служат скорее в качестве новостных лент, а не инструментов двухсторонней коммуникации [\[28, с.28\]](#). Е. Р. Никулин также добавляет, что медийный менеджмент КПРФ в социальных сетях не учитывает разнообразие аудитории, в связи с чем публикации получают невысокий уровень ответной реакции у пользователей [\[24, с.44\]](#).

В любом случае на современном этапе политической коммуникации российские партии уже не могут игнорировать популярность социальных сетей, в частности Telegram, которым пользуется как молодежь, так и старшее поколение. Так, по последним данным компании МТС российская аудитория Telegram насчитывает 85 млн пользователей, а сама социальная сеть стала четвертым по популярности интернет-ресурсом в стране.

В научной литературе представлен ряд исследований, посвящённых комплексному анализу активности российских партий в социальных сетях. В целом многие исследователи сходятся на том, что в развитии политических коммуникаций в Telegram КПРФ испытывает значительные трудности, которые не позволяют увеличить аудиторию и использовать все возможности, предоставляемые социальной сетью [\[24, с.44\]](#). Причём одной из основных проблем партии в онлайн сфере является сложности с созданием крупных информационных поводов [\[18, с.16\]](#). С другой стороны, некоторые авторы отмечают, что Telegram в целом имеет низкую активность «системных», в том числе парламентских партий [\[28, с.26\]](#).

Наиболее полную картину использования возможностей и преимуществ социальных сетей дал Л. В. Сморгун: его исследование охватывает спектр большинства российских партий. Однако он рассматривал только данные по соцсетям ВКонтакте и Twitter [\[26, с. 27\]](#). Схожее исследование было проведено Д. В. Чижовым, который проанализировал активность российских партий в соцсетях ВКонтакте, Twitter и Facebook [\[29, с. 320-321\]](#).

Кроме того, существуют отдельные исследования партийных соцсетей КПРФ на региональном уровне. Так, Д. Ю. Чиркин и А. Д. Колмаков, исследуя выборы в городскую думу Екатеринбурга, пришли к выводу, что наиболее активными в соцсетях являются представители «Единой России» и КПРФ [\[30, с. 94\]](#). Е. В. Евпак в своей научной работе, посвящённой онлайн-коммуникациям КПРФ в Республике Тыва, обнаружил следующие особенности политической коммуникации в регионе: ориентацию на публикацию уникального контента, стремление к сокращению текста сообщений, приоритет графической формы информации [\[19, с. 565\]](#). В то же время существует исследование А. А. Бешкарева и О. В. Пыстиной, которое сосредоточено на такой уникальной проблеме, как влияние мемов на создание положительного медиаобраза на примере лидера регионального отделения КПРФ в Республики Коми [\[17, с. 109\]](#).

Сюда же можно отнести исследования в области активности партии во время крупных избирательных кампаний. Так, В. М. Ананишнев отмечает, что во время выборов мэра Москвы в 2023 г. КПРФ не использовала «какие-либо примечательные политические технологии» для взаимодействия с избирателями [\[14, с. 103\]](#). Е. Р. Никулин в работе, затрагивающей выборы в Госдуму в 2021 г., полагает, что ресурсы КПРФ в социальных сетях не являются «эффективным инструментом коммуникации» [\[24, с. 44\]](#). Такие выводы приводят нас к мысли, что каналы в социальных сетях партии на региональном уровне показывают лучшие результаты в работе с электоратом, чем главные партийные каналы.

Впрочем, даже сейчас отдельные аспекты контента партийных соцсетей, в частности тематическая составляющая каналов отдельных депутатов, всё ещё остаются малоизученными. В рамках настоящего исследования мы попытались рассмотреть содержание депутатских каналов КПРФ в период между крупными избирательными кампаниями и определить наиболее востребованные темы среди электората партии.

Методика и процедура исследования

Первым шагом исследования стал отбор Telegram-каналов. Мы ознакомились с опубликованной статистикой Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР), который проанализировал активность депутатов российских партий в соцсетях за период сентября 2024 г. ЦИПКР также составил список политических каналов с наибольшим количеством сообщений, просмотров и вовлеченностью на основе данных системы мониторинга и анализа социальных сетей «Крибрум. Про». Из этого рейтинга нами были выбраны семь самых медийно активных политиков-коммунистов, имеющих каналы в Telegram: Г. Зюганов, Ю. Афонин, Д. Парфенов, Н. Останина, С. Обухов, М. Матвеев, И. Филатова.

Отдельно отметим, что месячный период всех публикаций на партийных онлайн-ресурсах был выбран специально, чтобы обеспечить отсутствие привязки к значимым социально-политическим событиям таким, как избирательные кампании, когда количество и качество постов могут измениться так же, как и тематика канала.

Далее исследование было разбито на два этапа. Первый – анализ общей статистики каналов, включающий время регистрации канала, количество подписчиков, число публикаций, индекс цитирования и процент вовлеченности аудитории. Для получения данных мы воспользовались сервисом TGsat. Второй этап включал контент-анализ публикаций за октябрь 2024 г. и выделение ключевых лексем, характерных для каждого канала. Для этого этапа были применены встроенные функции мессенджера Telegram и возможность выгрузить публикации за рассматриваемый период в формате HTML. Важно

отметить, что в общий объём всех публикаций были включены как оригинальные посты, так и репосты с других каналов. Полученные данные были проанализированы с помощью сервиса SANSTV.RU и программы Text Statistics Analyzer. Дополнительно информация обрабатывалась вручную. В выборку не включались предлоги, союзы, местоимения и служебные слова. Второй этап также включал выделение трёх самых читаемых публикаций на каждом канале.

В итоге сравнительный анализ полученных данных позволил нам выделить тематическое направление каждого из каналов, а также рассмотреть взаимосвязь между их тематикой и общей статистикой, то есть определить, какие именно социально-политические вопросы популярны у аудитории КПРФ. Добавим, что на основе первого этапа исследования была сделана таблица с общей статистикой депутатских каналов, а на основе второго — облако слов с самыми распространёнными лексемами.

Результаты

В таблице ниже мы привели общую статистику каналов на конец октября 2024 г.

Таблица 1. Статистические данные Telegram-каналов

Название канала	Год регистрации	Количество подписчиков	Индекс цитирования	Количество публикаций	Уровень вовлеченности аудитории
«Михаил Матвеев коммент»	2019	35 тыс.	719	162	13,1%
«Новости с Останиной»	2021	116 тыс.	586	148	2,5%
«Обухов. PRO»	2017	4,5 тыс.	526	25	4,5%
«Красная фурия»	2021	8,5 тыс.	195	46	8,5%
«Юрий Афонин»	2018	1,5 тыс.	107	51	5,7%
«Red. Парфенов»	2019	2, 5 тыс.	132	34	10,2%
«Геннадий Зюганов»	2018	6,5 тыс.	362	88	8,6%

Как видно из данной таблицы, большая часть каналов была создана после 2018 г., что подтверждает наш приведённый выше тезис о начале активного использования коммунистами соцсетей в связи со скандальными теледебатами во время избирательной кампании.

Несмотря на многолетний период с момента регистрации каналов, полученные данные свидетельствуют о низкой освоенности Telegram коммунистической партией. Порог в 10 тыс. подписчиков смогли преодолеть только два канала, причём ресурса лидера КПРФ Г. Зюганова среди них нет. Более того, число «живых» подписчиков на канале «Новости с Останиной» определить довольно сложно, так как статистика канала показывает резкий набор и потерю аудитории, что может свидетельствовать о накрутке подписчиков. Однако заметим, что каналы «Новости с Останиной» и «Михаил Матвеев коммент» имеют самые высокие показатели по индексу цитирования и количеству публикаций за месяц.

Тем не менее общий уровень вовлеченности подписчиков депутатских каналов довольно низок. Данный показатель измеряет соотношение активностей аудитории онлайн-ресурса (репосты, комментарии, реакции) к количеству просмотров. С нашей точки зрения, оптимально этот параметр должен составлять 10-20%. Такому диапазону соответствуют только каналы М. Матвеева и Д. Парфенова. Причём канал «Новости с Останиной», несмотря на самое высокое число подписчиков, имеет самый низкий показатель в 2,5%, что ещё раз подводит нас к предположению о накрутке аудитории.

Далее для каждого канала мы подсчитали наиболее употребляемые лексемы, расположив их в порядке убывания. Напротив каждой лексики указана цифра, показывающая частоту ее употребления за октябрь. Кроме того, в нашем исследовании мы измерили объём публикуемых постов, а также выделили самые читаемые публикации за месяц.

На официальном ресурсе лидера партии **«Геннадий Зюганов»** преобладают публикации от 1 до 1,5 тыс. символов. Мы можем выделить следующие ключевые слова и частоту их использования: КПРФ – 149 раз, Россия – 102, страна – 77, советский – 58, победа – 53, фронт – 37, война – 35, развитие – 33, партия – 32, новости – 28, СССР – 26, комсомол – 26, бюджет – 25, фронтовой – 22. За октябрьский период самыми читаемыми публикациями стали: пост с заголовком «Демографический кризис требует не карательных мер, а социальных преобразований» (10 тыс. просмотров), пост с поздравлением члена КПРФ П. Грудина (8 тыс. просмотров), пост с кратким содержанием доклада «Исторический вклад социализма в разгром гитлеровского фашизма и японского милитаризма и задачи коммунистов на современном этапе» (5 тыс. просмотров).

Канал депутата Сергея Обухова **«Обухов. PRO»** по большей части посвящён анализу политической ситуации в России и за рубежом. На онлайн-ресурсе размещаются публикации-репосты научных исследований, разборы интервью и высказываний политиков, оценки политических перспектив российских политических партий (прежде всего КПРФ) и т. д. В основном публикуются объёмные посты от 1,5 до 3,5 тыс. символов. Мы можем выделить следующие ключевые слова и частоту их использования: КПРФ – 86 раз, Россия – 52, депутат – 53, страна – 36, партия – 35, бюджет – 29, развитие – 27, фракция – 26, политический – 26, власть – 23, запрос – 23, СВО (специальная военная операция) – 19, коммунист – 17, лидер – 15, Единая Россия – 12. За октябрьский период самыми читаемыми публикациями стали посты со следующими заголовками: «PRO «Волшебный пендель» чиновникам, как способ избавиться от миллиона мигрантов-нелегалов» (43 тыс. просмотров), «PRO коридор оппонирования у КПРФ и двухсоставной электорат Компартии» (28 тыс. просмотров), «PRO одного экс-премьера, 11 бывших вице-премьеров, двух постпредов, сбежавших с деньгами на Запад и заблокированную антикоррупционную инициативу КПРФ» (21 тыс. просмотров).

Канал депутата Михаила Матвеева **«Михаил Матвеев коммент»** публикует материалы о деятельности политика и его комментариях в сфере миграции. Причём сам депутат занимает явную антимигрантскую позицию. Преобладают короткие публикации (300-800 символов), но периодически публикуются объёмные материалы (1,5-3 тыс. символов). Канал имеет следующую статистику по ключевым лексемам: мигранты – 70 раз, русский – 65, Россия – 65, миграция – 29, Госдума – 29, миграционный – 28, преступления – 26, российский – 24, Таджикистан – 16, иностранный – 14, иностранец – 12, гражданство – 12. За октябрьский период самыми читаемыми публикациями стали: «С 2018 г. регионы России потратили из своих бюджетов более 60,7 млрд. руб. на оказание медицинской помощи мигрантам, не имеющим полисов медицинского страхования» (104 тыс.

просмотров), «Госдума приняла сегодня пакет законов, ужесточающих противодействие организации нелегальной миграции» (68 тыс. просмотров), «В связи с вышедшим вчера на канале Гоблина резонансным интервью с бойцом расчета БПЛА (беспилотный летательный аппарат) Гудвина и Эрнста «Ёжиком» об обстоятельствах их гибели направил повторно запросы министру обороны и главному военному прокурору» (66 тыс. просмотров).

Канал депутата Нины Останиной **«Новости с Останиной»** специализируется на публикации материалов о демографии. Размещаемый контент тесно связан с должностью политика, который является председателем комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. Преобладают как короткие (500-1500 символов), так и объемные (2-3 тыс. символов) публикации. Канал имеет следующую статистику по ключевым лексемам: дети – 206 раз, семья – 156, Госдума – 91, налог – 71, родители – 66, детство – 51, ребёнок – 51, бездетность – 47, отдых – 50, законопроект – 49, закон – 46, материнство – 44, отцовство – 44, государство – 35, образование – 30, жизнь – 28. При этом лексема «КПРФ» упоминается только 25 раз. За октябрьский период самыми читаемыми публикациями стали: пост о награждении лауреатов Первой национальной премии «Отцовское признание» (31 тыс. просмотров), реакция на запрет религиозной одежды в школах Владимирской области (23 тыс. просмотров) и пост с заголовком «В Госдуме разделились мнения о введении запрета на выгул квадроверов» (12 тыс. просмотров).

Канал депутата Ирины Филатовой **«Красная Фурия»** публикует информацию о деятельности политика. Преобладают как короткие (300-400 символов), так и объемные (1,5-3 тыс. символов) публикации. Стоит отметить, что на канале выделяется не так много лексем по частотности использования: страна – 30 раз, Россия – 18, люди – 17, запрет – 16, российский – 13, семья – 12. Такие данные свидетельствуют о том, что тематика канала достаточно размытая: от здравоохранения до миграции и ЖКХ. За октябрьский период самыми читаемыми публикациями стали посты со следующими заголовками: «Приняли единогласно в первом чтении законопроект о запрете пропаганды чайлдфри» (32 тыс. просмотров), пост с ответом на критику законопроекта о запрете пропаганды идеологии отказа от деторождения (32 тыс. просмотров), пост с заголовком «Председатель Госдумы отчитал «Новых людей» за противодействие законопроекту о запрете идеологии бездетности» (16 тыс. просмотров).

На канале **«Юрий Афонин»** распространены объемные посты от 1,5 до 3 тыс. символов. Всего за октябрь было опубликовано 52 публикации. Онлайн-ресурс имеет следующую статистику по ключевым лексемам: КПРФ – 79 раз, страна – 66, советский – 64, Россия – 55, бюджет – 41, государство – 38, рост – 38, цена – 35, российский – 34, развитие – 28, комсомол – 25, экономика – 25, партия – 23, Зюганов – 21, лидер – 21, социализм – 16, компартия – 11. За октябрьский период самыми читаемыми публикациями стали посты со следующими заголовками: «Коркино как портрет российского капитализма» (21 тыс. просмотров), «Предложение минфина снизить долю государства в госкомпаниях может иметь для России просто катастрофические последствия» (17 тыс. просмотров), «Александр Лукашенко советует студентам изучать марксизм, чтобы знать жизнь» (13 тыс. просмотров).

Контент канала депутата Дениса Парфенова **«Red. Парфенов»** представляет собой объемные публикации от 1,5 до 3 тыс. символов. Онлайн-ресурс имеет следующую статистику по ключевым лексемам: КПРФ – 46 раз, страна – 33, бюджет – 29, Россия – 27, российский – 24, коммунист – 19, развитие – 19, экономический – 17, Москва – 15, ЦК

Стоит отметить, что на специализированных каналах практически не упоминаются характерные для общих каналов лексемы, связанные с коммунистической идеологией: КПРФ, советский, СССР, коммунист, комсомол. Тогда как на ресурсах с общей тематикой ключевые лексемы достаточно схожие. Данный факт можно объяснить ориентацией на канал лидера партии Г. Зюганова и на главные партийные новости. Исключением является канал С. Обухова, чья тематика частично совпадает с общетематическими ресурсами: отличие заключается в том, что автор концентрируется на аналитике политики, а не только на новостях о партии и деятельности её депутатов.

Проанализировав самые популярные публикации на всех семи каналах, мы можем сделать вывод, что для аудитории наиболее актуальными темами являются проблемы с мигрантами и вопросы демографии. Об этом свидетельствует и общая статистика, которая показывает, что интерес к каналам депутатов (число подписчиков, максимальное количество просмотров к постам, индекс цитирования), специализирующимся на этих тематиках значительно выше, чем у каналов, которые стремятся охватить максимальное число тем. Причём даже на общетематических каналах данные тематики доминируют по количеству просмотров. Если же сконцентрироваться только на общетематических каналах, то там будут доминировать экономические проблемы страны (рост цен и вопрос федерального бюджета), где помимо лексем, связанных с партийной идеологией, доминируют лексические единицы: бюджет, цена, рост.

С другой стороны, вовлеченность у каналов с общей тематикой несколько больше, чем у специализированных. Тем не менее эти цифры нельзя однозначно отнести только к параметру тематики, на данную статистику также влияют ряд других факторов: возможность оставления комментариев, проведение опросов аудитории, визуальные особенности материалов и др.

Заключение

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что депутатские каналы КПРФ представляют собой чётко сформированную систему. Анализ ключевых лексем позволяет выявить разделение партийных каналов на два основных типа: специализированные и общетематические онлайн-ресурсы. Тем не менее общая статистика депутатских ресурсов показывает, что присутствие партии в Telegram всё ещё остается довольно слабым.

Специализированные каналы концентрируются на отдельной тематике, часто связанной либо с должностью (например, Н. Останина — председатель комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства), либо с интересами самого политика. Более того, на данный момент именно специализированные каналы более привлекательны для аудитории КПРФ: самое большое количество подписчиков мы видим именно на ресурсах с одной основной тематикой.

Общетематические каналы, в свою очередь, освещают широкий спектр вопросов. При этом центральное место занимает канал Г. Зюганова, на который ориентируются большинство депутатов. Также авторы общетематических каналов более склонны использовать характерные для партии идеологические лексемы: советский, комсомол, СССР, коммунист и др.

Отдельно отметим, что самыми популярными темами, учитывая контент всех типов депутатских каналов, для аудитории КПРФ становятся проблемы демографии и миграции, а также внутренние экономические проблемы. Именно эти публикации набирают самое

большое число просмотров, а значит находятся в спектре интересов медийно активного электората партии.

В итоге за последние годы обозначилось новое направление развития депутатских каналов. Теперь их функция сводится не просто к сообщениям о деятельности политика или партии. В сущности, уже сами депутаты выступают в роли аналитиков и экспертов.

Теоретические результаты нашего исследования могут быть использованы в изучении системы современных медиа России, в особенности партийных СМИ. Кроме того, результаты представляют практическую значимость и могут быть востребованы при разработке партийной повестки КПРФ или иной политической организации.

Библиография

1. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31, № 2. Pp. 211–236.
2. Arugute N., Calvo E., Ventura T. Network activated frames: content sharing and perceived polarization in social media // *Journal of Communication*. 2023. Vol. 73, № 1. Pp. 14–24.
3. Barclay F.P., Chinnasamy P., Pichandy P. Political Opinion Expressed in Social Media and Election Outcomes-US Presidential Elections 2012 // *GSTF Journal on Mobile Communications, Networking and Applications (JMC)*. 2014. Vol. 1, № 2. Pp. 19–26.
4. Biju P.R., Gayathri O. Self-breeding Fake News // *The International Journal of Information, Diversity, & Inclusion (IJIDI)*. 2023. Vol. 7, № 1/2. Pp. 1–25.
5. Cahyanti R. et al. Twitter Sentiment Analysis Towards Candidates of the 2024 Indonesian Presidential Election // *Jurnal RESTI (Rekayasa Sistem dan Teknologi Informasi)*. 2024. Vol. 8, № 4. Pp. 516–524.
6. Calvo E., Clerici P. Después de La #Consolidación Democrática: Redes Sociales, Polarización y Fake News // *Desarrollo Económico. Revista de Ciencias Sociales*. 2023. Vol. 63, № 240. Pp. 195–202.
7. Cantarella M., Fraccaroli N., Volpe R. Does fake news affect voting behaviour? // *Res Policy*. 2023. Vol. 52, № 1. Pp. 104628.
8. Gibson R., Römmele A. Changing Campaign Communications: A Party-Centered Theory of Professionalized Campaigning // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 2001. Vol. 6, № 4. Pp. 31–43.
9. Limbu L., Nastain M., Mutiara M. The Phenomenon of Post Truth Political Campaigns on Facebook Social Media // *Indonesian Journal of Advanced Research*. 2024. Vol. 3, № 9. Pp. 1429–1440.
10. Marković A., Vlačić J., Spasojević Đ. Direct democracy and social networks: Perspectives for elections for European Parliament // *Employment, Education and Entrepreneurship 2024-zbornik radova. Faculty of Business Economics and Entrepreneurship*, 2024. Pp. 747–756.
11. Pratama A.S.S. et al. A roadmap for the successful use of social media in electoral campaigns // *Bulletin of Social Informatics Theory and Application*. 2021. Vol. 5, № 1. Pp. 28–37.
12. Vergeer M., Hermans L., Sams S. Online social networks and micro-blogging in political campaigning // *Party Politics*. 2013. Vol. 19, № 3. Pp. 477–501.
13. Азимова А.Т. Анализ успешных предвыборных кампаний в социальных сетях // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 10-4(85). С. 6–9.
14. Ананишнев В.М., Пугачев Н.М., Гаврилов Д.В., Лагутина Е.И. Современные политические технологии, применяемые на выборах мэра Москвы 2023 // *Социология*. 2023. № 6. С. 101–109.
15. Анищенко А.В. Особенности политического участия российской молодежи в условиях цифровизации // *Наука. Культура. Общество*. 2024. Т. 30, № 3. С. 130–141.

16. Анищенко А.В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 18–27.
17. Бешкарев А.А., Пыстина О.В. Медиаобраз лидера политической партии в сетевом фольклоре (на примере интернет-мемов Республики Коми) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1-2(25-26). С. 104–110.
18. Бродовская Е.В., Кравчук И.Д., Полюшко Е.Д., Гайваль А.И. Оценка цифрового менеджмента партии КПРФ в Москве в электоральном цикле 2023 года // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 9–18.
19. Евпак Е.В. Особенности региональной политической коммуникации в соцсетях: сравнительный анализ // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 4(98). С. 556–566.
20. Захарова М.В. Медиа и политика во Франции в президентской кампании 2017 г.: противостояние и взаимозависимость // Меди@льманах. 2019. № 2(91). С. 54–65.
21. Зимова Н.С., Соколова К.М. Социальные сети как инструмент конструирования имиджа политика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 85–102.
22. Корженева О.В. Медиаобразы в массовой политической коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 1. С. 218–226.
23. Махрин А.В. Имидж политических партий в цифровую эпоху развития российского общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 3. С. 114–128.
24. Никулин Е.Р., Архипова К.С. Медийный менеджмент КПРФ в преддверии выборов в Государственную Думу 2021 года: комплексный анализ каналов коммуникации // Время науки. 2021. № 1. С. 38–46.
25. Родионов Г.А. Формирование имиджа политика с помощью социальных сетей в современном информационном пространстве // Коммуникология: электронный научный журнал. 2023. Т. 8, № 4. С. 51–58.
26. Сморгун Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 21–37.
27. Танцура М.С., Гриценко Р.А., Прокопчук Д.Д. Сравнительный анализ использования интернет-технологий для политической агитации в России в избирательных циклах 2011 и 2016 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 9–14.
28. Титов В.В. Медиаактивность российских парламентских партий в социальных сетях Рунета // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3(92). С. 25–29.
29. Чижов Д.В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1(131). С. 313–338.
30. Чиркин Д.Ю., Колмаков А.Д. Особенности использования личных страниц кандидатов в предвыборной агитации на выборах в городскую думу Екатеринбурга в 2023 году // KANT: Social Sciences & Humanities. 2024. № 1(17). С. 82–96.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «К вопросу о тематической специфике каналов депутатов КПРФ в Telegram».

Предмет исследования – специфика контента каналов депутатов КПРФ в Telegram.

Методология исследования основана на контент-анализе и сопоставительном анализе

каналов депутатов КПРФ в Telegram в сочетании со статистическими методами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что формы и способы взаимодействия политиков с электоратом постоянно изменяются, сегодня сервис Telegram является одним из эффективных инструментов в формировании образа партии, продвижении её идеологии и завоевании нового электората. Комплексное исследование контента каналов политических деятелей позволяет выявить специфику взаимодействия с электоратом при помощи сервиса Telegram, что позволяет правильно выстроить стратегию взаимодействия с аудиторией.

Научная новизна заключается в комплексном характере исследования: анализ контента каналов депутатов КПРФ в Telegram позволил автору выделить тематическое направление каждого из каналов, рассмотреть взаимосвязь между тематикой и общей статистикой каналов, а также выявить, какие социально-политические вопросы популярны у аудитории КПРФ.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, приводит теоретическую базу исследования); методика и процедура исследования (приведена методология исследования, дана характеристика эмпирического материала); результаты (автор приводит статистические данные о каналах семи самых медийно активных политиков-коммунистов: количество подписчиков, индекс цитирования, количество публикаций, вовлеченность аудитории; выделены ключевые слова и определена частота их использования в контенте таких каналов, как «Геннадий Зюганов», «Обухов. PRO», «Михаил Матвеев коммент», «Новости с Останиной», «Красная Фурия», «Юрий Афонин» и «Red. Парфенов»; на основе частотности лексем каналов сгенерировано облако слов; автор отмечает, что полученные данные показывают, что каналы разделяются на два типа: специализированные и общетематические); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 20 источников). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Статья будет интересна тем, кто исследует особенности каналов политических деятелей в Telegram. Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при проработке стратегии взаимодействия с электоратом с помощью популярных мессенджеров и социальных сетей.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет и научная новизна проведенного исследования.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
3. В статье упоминается об использовании социальных сетей и мессенджеров в избирательных кампаниях Б. Обамы, Д. Трампа, и Э. Макрона, было бы уместно кратко рассмотреть в статье зарубежный опыт их использования.
4. Было интересно увидеть сводную статистику по облаку слов с указанием числовых данных о частотности лексем.
5. Следуют перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов (не входит.Более; накрутке.Помимо; КПРФ-86.; 2.5%). При первом упоминании аббревиатур в тексте следует писать полное название и при необходимости перевод (в тексте — ER), а в скобках — аббревиатуру.
6. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, увеличив долю зарубежных работ за последние 3 года.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Аналитическая оценка новых форм СМИ, медиа и т.д. в научных кругах все чаще становится предметом обсуждений. Грейд активной рецепции Telegram и других платформ говорит о том, что фактические наблюдения необходимы, востребованы, нужны, а здесь и темы, и типы контактов, и специфика. Рецензируемая статья посвящена анализу тематической специфики каналов депутатов КПРФ в Telegram. Думаю, что и такой вариант рассмотрения проблемы возможен, ибо он не противоречит тематической вариации издания. Ориентиры, которые задаются в тексте вполне верны: например, «сегодня социальные сети становятся не просто новостной площадкой. Они являются одним из важнейших инструментов в формировании образа партии, продвижении её идеологии и завоевании нового электората. Кроме того, социальные сети во многом изменили современные подходы к политической коммуникации. В отличие от традиционных СМИ соцсети позволяют политикам обращаться к электорату напрямую и сразу же видеть реакцию в виде просмотров, комментариев и др. Некоторые исследователи полагают, что при современном уровне цифровой коммуникации пополнение партийного актива становится достаточно трудной задачей, если у партии нет собственных ресурсов в сетевом пространстве...», или «в любом случае на современном этапе политической коммуникации российские партии уже не могут игнорировать популярность социальных сетей, в частности Telegram, которым пользуется как молодежь, так и старшее поколение. Так, по последним данным компании МТС российская аудитория Telegram насчитывает 85 млн пользователей, а сама социальная сеть стала четвертым по популярности интернет-ресурсом в стране» и т.д. Работа в целом имеет аналитический характер, оценка вопроса дается последовательно и планомерно. Стиль соотносится с научным типом: например, «в научной литературе представлен ряд исследований, посвящённых комплексному анализу активности российских партий в социальных сетях. В целом многие исследователи сходятся на том, что в развитии политических коммуникаций в Telegram КПРФ испытывает значительные трудности, которые не позволяют увеличить аудиторию и использовать все возможности, предоставляемые социальной сетью [24, с.44]. Причём одной из основных проблем партии в онлайн сфере является сложности с созданием крупных информационных поводов [18, с.16]. С другой стороны, некоторые авторы отмечают, что Telegram в целом имеет низкую активность «системных», в том числе парламентских партий [28, с.26]....» и т.д. Ссылки, цитации даются в выверенном режиме, серьезная правка излишня. Стандарт формальных в работе блоков дается полновесно, цель, задачи ясны и верифицированы; эмпирика конкретизирована «первым шагом исследования стал отбор Telegram-каналов. Мы ознакомились с опубликованной статистикой Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР), который проанализировал активность депутатов российских партий в соцсетях за период сентября 2024 г. ЦИПКР также составил список политических каналов с наибольшим количеством сообщений, просмотров и вовлеченностью на основе данных системы мониторинга и анализа социальных сетей «Крибрум. Про». Из этого рейтинга нами были выбраны семь самых медийно активных политиков-коммунистов, имеющих каналы в Telegram: Г. Зюганов, Ю.

Афонин, Д. Парфенов, Н. Останина, С. Обухов, М. Матвеев, И. Филатова...». Статистика работы инварианта, общая частотность использования тех или иных ключевых лексем приведена объективно, при этом не исключается автором работы и сопоставительный режим, что собственно важно и значимо для исследования. Например, «Канал депутата Нины Останиной «Новости с Останиной» специализируется на публикации материалов о демографии. Размещаемый контент тесно связан с должностью политика, который является председателем комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. Преобладают как короткие (500-1500 символов), так и объемные (2-3 тыс. символов) публикации. Канал имеет следующую статистику по ключевым лексемам: дети – 206 раз, семья – 156, Госдума – 91, налог – 71, родители – 66, детство – 51, ребёнок – 51, бездетность – 47, отдых – 50, законопроект – 49, закон – 46, материнство – 44, отцовство – 44, государство – 35, образование – 30, жизнь – 28. При этом лексема «КПРФ» упоминается только 25 раз» и т.д. Вывод по работе не противоречат основной части, автор тезисует в финале, что «в итоге за последние годы обозначилось новое направление развития депутатских каналов. Теперь их функция сводится не просто к сообщениям о деятельности политика или партии. В сущности, уже сами депутаты выступают в роли аналитиков и экспертов. Теоретические результаты нашего исследования могут быть использованы в изучении системы современных медиа России, в особенности партийных СМИ. Кроме того, результаты представляют практическую значимость и могут быть востребованы при разработке партийной повестки КПРФ или иной политической организации». Думаю, что тема данного исследования интересна, вариация аналитики может быть продолжена, фактическая оценка языка в режиме конкретной ситуации перспективна. Список источников полновесен, формальные требования издания выдержаны. Рекомендую статью «К вопросу о тематической специфике каналов депутатов КПРФ в Telegram» к публикации в научном журнале «Litera» ИД "NB".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Морозова Г.В., Якупов Б.И., Гаврилов А.Р., Акимов А.А. Медийное обеспечение как инструмент повышения осведомленности и доверия российской молодежи к дистанционному электронному голосованию // Litera. 2025. № 2. С.212-221. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73105 EDN: BNLOLV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73105

Медийное обеспечение как инструмент повышения осведомленности и доверия российской молодежи к дистанционному электронному голосованию

Морозова Галина Викторовна

ORCID: 0000-0002-7833-0283

доктор экономических наук

профессор; высшая школа журналистики и медиакоммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

✉ galina.morozova@kpfu.ru

Якупов Булат Ильдарович

ORCID: 0000-0003-0055-0806

старший преподаватель; высшая школа журналистики и медиакоммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

✉ bulatj@inbox.ru

Гаврилов Артур Романович

старший преподаватель; высшая школа журналистики и медиакоммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

✉ ARGavrilov@kpfu.ru

Акимов Андрей Анатольевич

ассистент; высшая школа журналистики и медиакоммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37, каб. 102

✉ AndrAAkimov@kpfu.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73105

EDN:

BNLOLV

Дата направления статьи в редакцию:

21-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В статье приведены результаты изучения эффективности информационных технологий по обеспечению дистанционного электронного голосования молодежного сегмента электората России по критериям его осведомленности и доверия к этому формату участия в выборах органов власти. Объектом исследования является практика электронного голосования. Предметом исследования стали информационные технологии по обеспечению дистанционного электронного голосования молодежного электората. Цель работы составляет выявление зависимости участия молодежи в дистанционном электронном голосовании от степени ее информированности о возможности этой формы реализации избирательного права и доверия к ней, что и обуславливает научную и практико-политическую значимость исследуемой проблематики. Обозначенная тема актуализируется новым функционалом медийной среды как решающего фактора современного развития, главным пользователем которой стала молодежная когорта. Основным методом исследования стал сравнительный анализ результатов изучения уровня осведомленности и доверия молодежи к дистанционному электронному голосованию, позволивший измерить результативность информационного обеспечения электората при проведении электронного голосования. Научная новизна работы обусловлена недостаточной теоретической проработанностью и неполной эмпирической базой по изучению уровня осведомленности и доверия молодежи к дистанционному электронному голосованию. Дистанционное электронное голосование является относительно новой технологией в политико-коммуникационных процессах. Проведенный анализ собранного эмпирического материала по медийному обеспечению дистанционного электронного голосования позволяет сделать вывод об эффективности его информационной поддержки. Вместе с тем в ходе исследования выявлены и определенные трудности. По полученным данным, только чуть больше половины опрошенной молодежи доверяют дистанционному электронному голосованию. Сложившийся уровень доверия, в свою очередь, не может не оказывать влияния на формирование установки молодого избирателя на выбор нового формата участия в выборах и использовать возможности удаленного голосования, что фиксировалось в ходе исследования уменьшением количества желающих среди молодежи проголосовать на выборах дистанционно. Полученные результаты позволяют утверждать, что использование новых медийных технологий в информационном обеспечении избирательной кампании требует большей тщательности подготовки подаваемого контента для молодежного сегмента электората, обоснования в качестве ключевого сообщения о его полной безопасности, удобстве использования, экономии временных ресурсов и территориальной независимости.

Ключевые слова:

выборы, голосование через интернет, дистанционное электронное голосование, информационное обеспечение выборов, информационные технологии, информирование избирателей, молодежный электорат, молодежь, процедура голосования, электоральный процесс

Введение

В современных условиях принципиальных изменений, произошедших в медийной сфере и превративших её в решающий фактор развития общественной системы, по сути, задающих вектор ее развития, крайне актуализируется проблематика исследования информационно-коммуникационного взаимодействия и, прежде всего, в сфере политико-управленческих отношений, где не только выстраиваются каналы связей граждан и власти, но и формируются новые формы политического участия, модернизируется сама процедура смены власти [\[1\]](#). Особенно значима в этой связи проблема обеспечения равенства доступа граждан к информации, соблюдение принципов ее открытости, полноты, достоверности и, прежде всего, в отношении подрастающего поколения. Это связано с его наибольшей интегрированностью в медийную среду, но переживающего переходный период в своем развитии, гражданском становлении. Беспрецедентная скорость развития медиатехнологий, цифровизация и многофункциональность масс медиа определили их доминирующую роль в процессе социализации молодежи, переместив ее во многом из реальной жизни в медиасистему, где личность получила возможность самореализации, самовыражения, саморазвития, самоидентификации, где она стала формироваться как субъект и объект общественных отношений. Вышесказанное обуславливает настоятельную необходимость изучения воздействия масс медиа на процесс формирования центрального сегмента молодежного сознания – политического, определяющего общезначимые ценности и национальное самосознание, что обуславливает необходимость вести мониторинг процессов политической социализации подрастающего поколения, изучение влияния массмедиа на формирование его гражданственности, интеграции в социальные отношения, на вовлеченность в политическую жизнь и избирательный процесс. Многие исследователи подчеркивают, что именно полная включенность в медиасреду подрастающего поколения обуславливает научную и практико-политическую значимость её тщательного изучения [\[2-6\]](#).

В России, как и в большинстве стран мира, молодежь составляет значительную часть населения. Вовлеченность молодежи в избирательный процесс, участие в выборах, как определенный этап ее политической социализации, включения в политическую жизнь имеет решающее значение для стабильности государства. Молодёжный электорат имеет свою специфику, отражающуюся на мотивации и проявлениях политической активности, которую нужно учитывать при проведении выборов [\[7-8\]](#). Одним из актуальных запросов молодежи является использование новых технологий и возможности электронного дистанционного голосования. Сегодня федеральные и региональные власти реализуют большое количество мероприятий, которые направлены на вовлечение молодежи в электоральный процесс, планомерно создавая для нее дополнительные возможности для участия в голосовании с учетом опыта прошлых лет, мнения граждан РФ о процедуре выборов, с учетом встречающихся проблем и недостатков. Внедряются новые информационные технологии, направленные на оптимизацию условий реализации гражданами своего избирательного права [\[9-10\]](#). Так, например, важную роль во взаимодействии государственных органов и молодых избирателей выполняет портал «Госуслуги». При этом портал «Госуслуги» выполняет две ключевые функции в

избирательном процессе: организационная и информационная. Под информационной функцией подразумевается уведомление избирателей о всех важных событиях, относящихся к процедуре выборов. Что касается организационной составляющей, то портал «Госуслуги» позволяет избирателям выбрать удобный участок для голосования для осуществления активного избирательного права, находясь в другом субъекте РФ или за рубежом, подать заявление на голосование на дому, а также подать заявку, чтобы проголосовать дистанционно. Активизация работы по внедрению дистанционного электронного голосования способствовала увеличению с каждым годом числа регионов, имеющих возможность принимать участие в реализации дистанционного голосования. Во время выборов Президента РФ в 2024 году дистанционное голосование было доступно в 29 регионах. Благодаря этому 4,4 млн граждан РФ, из них 1 452 000 представителей молодежи, смогли проголосовать на выборах Президента РФ удаленно (<https://digital.gov.ru/ru/events/49836/>). При этом в 2021 году количество участников дистанционного электронного голосования составило 2 535 978 граждан, что в 1,7 раз меньше, чем в 2024 году (<https://tass.ru/info/%2013533535>). Вместе с тем, признавая потенциал электронного голосования как инструмента повышения эффективности технических возможностей для участия граждан в избирательном процессе, следует отметить и ряд возникших проблем. Эти проблемы связаны с уровнем осведомленности граждан о возможностях электронного формата голосования, доверия к нему и мотивации голосовать дистанционно. Обозначенные проблемы в практике дистанционного голосования являются ключевыми в обеспечении более высокой явки на выборы, так как они позволяют обеспечить голосование категории граждан, которые не могут по тем или иным причинам отдать свой голос на избирательном участке.

Методы исследования

Методологическую базу исследования составили монографии по медийной проблематике, теоретические разработки и подходы к анализу молодежного сегмента электората, результаты контент-анализа медиа потребления молодежи по критериям содержания контента, уровня интереса к политической информации, ее источников, рубрик, форм подачи в социальных сетях. Основными источниками эмпирических данных являются исследования ВЦИОМ за период с 2021 г. по 2024 г., включающие результаты изучения уровня осведомленности и доверия населения к дистанционному электронному голосованию. Использованные статистические методы анализа информации по молодежному электорату, сравнительная аналитика информационной работы ЦИК Российской Федерации и профильных органов с различными сегментами электората позволили выявить результативность информационного обеспечения работы по внедрению системы дистанционного электронного голосования, уровень осведомленности молодежного сегмента электората, уровень доверия молодых граждан к данной системе и готовность ее использовать.

Результаты и их обсуждение

Предпринимаемые органами государственной власти меры по внедрению дистанционного электронного голосования, как альтернативного способа участия в выборах, во многом оптимизируют организацию избирательного процесса, создавая не только инфраструктуру, позволяющую осуществить голосование через интернет, но и активизируя информационное обеспечение граждан, повышая их осведомленность о расширении возможностей участия в выборах, принципах и правах, кандидатах и их программах, повышая тем самым, в определенной мере и доверие к избирательным кампаниям. Ключевыми проблемами в информационном обеспечении дистанционного

электронного голосования являются осведомленность граждан о дистанционном электронном голосовании, доверие населения к нему и намерение электората использовать данный формат голосования. Изучение практики информационной работы по каждому из этих аспектов выявило различную результативность проводимой работы ЦИК РФ и профильных органов.

По данным исследований ВЦИОМ, связанных с выявлением уровня информированности молодежного электората о дистанционном электронном голосовании, в течение 2024 года произошел рост количества респондентов из числа молодежи, слышавших о новом формате голосования. По состоянию на 2024 год, по данным ВЦИОМ, 84 % респондентов в возрасте 18-24 года ответили, что знают о дистанционном электронном голосовании, а в возрастной когорте 25-34 года данный показатель равен 91% (<https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/a6f05747-97d9-4a60-b81a-a1dbf2cf0736/cross/3cf128e0-bfcd-46f0-8aaf-b7bb73da46d0>). При этом год назад число респондентов в возрасте 18-24 года, знающих про дистанционное голосование, равнялось 71 % и 67 % в возрасте 25-34 года (<https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/2ae19d8c-40e4-4946-a842-6de25c786ed3/cross/485928e0-e701-46c1-9e18-e42bd64d672e>). Таким образом, за прошедший год количество респондентов, знающих про дистанционное голосование, выросло в 1,2 раза среди респондентов в возрасте 18-24 года и в 1,4 раза среди респондентов в возрастной когорте 25-34 года, что свидетельствует о достаточно эффективном информационном обеспечении процедуры выборов, увеличении не только объема публикаций по предвыборной тематике, но и каналов, форм подачи публикаций, посвященных возможности дистанционного электронного голосования.

При подведении итогов выборов, определении оценки избирательной кампании важнейшим вопросом является уровень доверия граждан процедуре выборов и подведению итогов голосования, что не является исключением и для электронного формата. Более того, помимо традиционных вопросов, связанных с честностью подсчета голосов, мерами контроля за волеизъявлением граждан возникают и технические проблемы, такие как уязвимость информационных систем, сбои в сети. Результаты, связанные с выявлением доверия к дистанционному формату голосования, носит достаточно противоречивый характер. С одной стороны, рассматривая результаты информационной работы в динамике, можно отметить положительный тренд. Так за прошедший год более чем в 1,2 раза увеличилось количество респондентов среди молодежи, которые доверяют дистанционному электронному голосованию. Данные ВЦИОМ за 2024 год показывают, что 64 % респондентов в возрасте 18-24 года и 51 % в возрасте 25-34 года доверяют результатам дистанционного электронного голосования (<https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/f3c230d1-92f2-48b0-a07f-16dc40017c3b/cross/3cf128e0-bfcd-46f0-8aaf-b7bb73da46d0>), в то время как по опросам в 2023 году данный показатель среди респондентов, в возрасте 18-24 года был в 1,2 раза ниже (53%), а у опрошенных в возрасте 25-34 года – ниже в 1,3 раза (39%) (<https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/b8e1b562-0d2f-4538-b979-161bd41c0123/cross/754be504-e5dc-4966-b8cd-d7efd976064a>). С другой стороны, только около 58 % респондентов среди молодежи доверяют дистанционному электронному голосованию. Отчасти этот результат может быть связан с тем, что более 2/3 опрошенных (68%) (из них 73 % респондентов в возрасте 18-24 года и 63 % респондентов в возрасте 25-34 года) считают, что злоумышленники через дистанционное электронное голосование могут проголосовать на выборах вместо избирателей (<https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/74b62a07-30f5-4742-b9e8-121020b1e70d/cross/e522fbc6-3cfe-423c-8e10-2bbf507cc43f>). Бесспорно, нельзя не

учитывать негативное влияние на избирателей публикаций в СМИ, социальных медиа о фактах кибератак на ресурсы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, утечки данных пользователей с государственных сервисов и порталов. В этой связи, очевидно, необходимо не только увеличение публикаций о надежности защиты голосов избирателей, но и более тщательный подбор каналов коммуникаций для повышения доверия к дистанционному электронному голосованию.

Важным аспектом исследования стало определение уровня намерения молодежи использовать дистанционное электронное голосование. По полученным данным фиксировалось снижение количества избирателей среди молодежи, которые собираются голосовать через дистанционный формат. Так, в 2021 году 50% опрошенных (из них 52 % респондентов в возрасте 18-24 года и 48 % респондентов в возрасте 25-34 года) на следующих выборах собирались отдать предпочтение голосованию через интернет (<https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/9b065356-99f8-4f4c-839a-5e43cd745591/cross/88843c68-8234-445c-8bf9-015e6610e5e2>). В 2024 году ситуация кардинально изменилась. Только 1/3 опрошенных (32 % респондентов в возрасте 18-24 года и 33 % молодежи в возрасте 25-34 года) собираются голосовать через интернет, что в 1,6 раз меньше, чем 3 года назад. Большинство опрошенных в 2024 году — 62% в возрасте 18-24 года и 61% 25-34-летних участвующих в исследовании, намерены прийти на избирательный участок для того, чтобы отдать свой голос (<https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/4ebfa7de-e8fe-41dc-bba9-9d4683f1b847/cross/3cf128e0-bfcd-46f0-8aaf-b7bb73da46d0>). Полученные данные свидетельствуют о серьезных упущениях в информационной работе по продвижению дистанционного электронного голосования среди молодежи, что может привести к неэффективному использованию расходов и усилий на организационное и технологическое обеспечение процесса электронного голосования, что не позволит добиться повышения явки молодежи на выборы. Для изменения складывающейся ситуации информационное содержание публикаций и сообщений о дистанционном электронном голосовании необходимо переформатировать, и на первый план вывести ключевое сообщение о безопасности такого формата голосования и удобства его использования. При этом следует протестировать разные варианты публикаций и проанализировать, какие из них окажутся эффективнее по просмотрам, откликам и реакции аудитории. Для повышения доверия к дистанционному электронному голосованию необходимо проводить систематическую работу по информированию граждан Российской Федерации о системах защиты персональных данных, голосов избирателей и другой важной информации, повышающих уровень доверия к процедуре выборов. Ключевым моментом в установлении доверия к дистанционному электронному голосованию является прозрачность процедуры дистанционного голосования и контроль со стороны граждан, при этом необходимо с помощью офлайн и онлайн каналов коммуникации доносить до всех сегментов электоральной аудитории, как данные пользователей и их голоса будут защищены. Каналы коммуникации должны быть выбраны под каждый сегмент целевой аудитории и быть предельно релевантными с точки зрения получения информации. Необходимо выявлять и адресно работать с конкретными причинами, беспокоящими аудиторию, и, прежде всего, с молодежью для повышения ее участия в выборах. В контент-стратегии по медийному обеспечению избирательной кампании должны присутствовать материалы, которые будут отвечать на возражения граждан, связанные с недоверием к процедуре голосования, и их трансляция должна осуществляться на всех этапах избирательного процесса.

Выводы

Полученные результаты анализа свидетельствуют о том, что молодежь в большинстве своем информирована о возможности дистанционного электронного голосования, что подтверждается и многими другими исследованиями. Так, по замерам электоральной активности в молодежном секторе Республики Татарстан, проведенным на протяжении 2024 года, число осведомленных респондентов о новых формах реализации избирательного права среди молодежи увеличилось в 1,3 раза (с 69% до 87,5%). Это означает, что информационная работа по обеспечению процедуры выборов, доведению для граждан новых возможностей реализации своих прав с использованием инновационных технологий, дистанционного формата в избирательном процессе со стороны государственных органов ведется весьма результативно.

Вместе с тем, выявлены проблемы, определенные трудности в организации и проведении кампании по выборам. По полученным результатам, можно утверждать, что увеличение объема контента, связанного с пропагандой избирательной кампании, напрямую не связано с электоральной активностью молодых граждан и обеспечению ее роста. Данные по исследованию свидетельствуют, например, что предпринимаемые действия по медийной поддержке процедуры выборов оказываются не всегда достаточно результативны, в частности, как фактора, укрепляющего доверие молодежного электората к инновациям в технологическом обеспечении избирательного процесса. Так, только чуть больше половины молодежи доверяет этому способу голосования, что, бесспорно, не может не повлиять и на принятие ими решения об удаленном голосовании. Об этом свидетельствует и выявленная тенденция снижения количества желающих среди молодежи проголосовать на выборах дистанционно. Число намеренных отдать предпочтение дистанционному формату голосования уменьшилось в 2024 году, по сравнению с 2021 годом, в 1,6 раз, с 52% респондентов, опрошенных в 2021 году, до 32,5% — в 2024 году. В этой связи, очевидно, необходимо переформатирование содержания медийного контента обеспечения избирательного процесса, включение в него не только информации, направленной на повышение осведомленности электората об условиях, сроках, принципах организации избирательного процесса, кандидатах и их программах, но и акцентирование внимания электората на факторах, формирующих их доверие к процедуре выборов. В частности, необходимо усилить в публикациях проблематику, связанную со значимостью инноваций в ней, создание инфраструктуры, позволяющей осуществить голосование через интернет, рекламируя, прежде всего, безопасность нового формата голосования, удобство его использования, расширение возможности для граждан реализовать свое избирательное право. Например, определенным фильтром выбора наиболее результативных публикаций может быть их предварительное тестирование для прогнозирования эффективности, что, во многом, будет способствовать оптимизации управления организацией избирательного процесса.

Библиография

1. Hepp, A. Deep mediatization. London & New York: Routledge, 2020.
2. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д. В. Дунаса. – Москва: Факультет журналистики МГУ: Издательство Московского университета, 2021. – С. 406.
3. Кузьмин А.М. Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2011. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mediascope.ru/node/765> (дата обращения 17.03.24).
4. Полуэхтова, И. А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) / И. А. Полуэхтова // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 90-107.

5. Конькова В.С. Медиакультура и медиапотребление в современном российском обществе // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Том 7. № 4. С. 21-32. (Дата обращения: 08.02.24)
6. Основные тенденции медиапотребления студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования / Морозова Г.В., Мюллер Д.Г., Лаптев В.В., Гусев С.Н.; под ред. Г.В. Морозовой. – Казань: Казан. ун-т, 2023. – 141 с.
7. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития. // Вестник МГОУ. 2020. № 2. С. 192-208 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/47> (дата обращения 27.01.2023).
8. Добрынина, М. В., Растимешина, Т. В. Политическая активность молодежи: тенденции, проблемы, противоречия. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 36-47.
9. Виноградова, И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: Опыт реализации и дальнейшие перспективы. // PolitBook. 2024. № 2. С. 51-76.
10. Дудочников, А. И. Масштабирование дистанционного электронного голосования в России. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 7. С. 40-45.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Проблемы повышения доверия к дистанционному электронному голосованию как инструменту участия молодёжного электората России в выборах органов власти».

Предмет исследования – современное состояние и проблемы дистанционного электронного голосования в России.

Методология исследования основана на комплексном применении таких методов, как анализ исследования ВЦИОМ за период с 2021 г. по 2024 г., сравнительный анализ информационной работы ЦИК Российской Федерации и профильных органов с различными сегментами электората, обобщение данных и их систематизация, описание результатов исследования, их интерпретация.

Актуальность исследования обусловлена тем, что молодежь составляет значительную часть населения страны и её вовлеченность в избирательный процесс и политическую жизнь имеет решающее значение в контексте политической стабильности государства. Молодёжный электорат имеет свою специфику, отражающуюся на мотивации и проявлениях политической активности, которую нужно учитывать при проведении выборов.

Научная новизна в изучении проблем повышения уровня доверия молодёжи к дистанционному электронному голосованию заключается в том, что тема ещё достаточно разработана.

Стиль изложения научный, структура, содержание.

Статья написана русским литературным языком. Структура работы прослеживается, логика в работе представлена.

Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, авторы аргументируют актуальность выбранной темы), методы исследования (автор указывает методы исследования, указывает источники эмпирического материала); результаты и их обсуждение (автор отмечает, что внедрение

дистанционного электронного голосования во многом оптимизирует организацию избирательного процесса, а также активизирует информационное обеспечение граждан, что повышает их осведомленность о расширении возможностей участия в выборах, принципах и правах, кандидатах и их программах; к ключевым проблемам в информационном обеспечении дистанционного электронного голосования относятся осведомленность граждан о дистанционном электронном голосовании, доверие населения к нему и намерение электората использовать данный формат голосования; теоретические измышления автора подкреплены фактическими данными: на основе анализа статистических данных автор делает выводы об уровне информированности молодежного электората о дистанционном электронном голосовании, а также об уровне намерения молодежи использовать дистанционное электронное голосование); выводы (автор делает общие выводы); библиография (включает 10 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование представляет собой работу по изучению проблем информационного обеспечения дистанционного электронного голосования, особое внимание уделено вовлеченности молодежного электората. Результаты исследования могут быть использованы при проработке путей совершенствования дистанционного электронного голосования.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет и научная новизна проведенного исследования. Объем статьи близок к минимальным требованиям редакции.

1. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным.

2. Следуют перепроверить текст на предмет опечаток, описок и корректности использования символов, необходимо также пересмотреть типографику статьи (n-тире и m-тире, пробелы). При первом упоминании аббревиатур в тексте следует писать полное название, а в скобках — аббревиатуру.

2. Необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники, а также правильность их оформления в статье.

3. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает медийное обеспечение как инструмент повышения осведомленности и доверия российской молодежи к дистанционному электронному голосованию. Актуальность работы обусловлена быстрым развитием медиатехнологий и внедрением их во все сферы человеческой жизни: «беспрецедентная скорость развития медиатехнологий, цифровизация и многофункциональность масс медиа определили их доминирующую роль в процессе социализации молодежи, переместив ее во многом из реальной жизни в медиасистему», что, в свою очередь, порождает необходимость «изучения воздействия масс медиа на процесс формирования центрального сегмента молодежного сознания – политического,

определяющего общезначимые ценности и национальное самосознание».

Теоретической основой научной работы послужили труды по медиакультуре и медиапотреблению в современном российском обществе, политической активности молодежи, электронному голосованию в России таких отечественных и зарубежных исследователей, как И.А. Полуэхтова, А.М. Кузьмин, В.С. Конькова, Г. В. Морозова, А. В. Селезнева, В. Е. Зиненко, И. М. Виноградова, А. И. Дудочников А. Нерр и др. Библиография насчитывает 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и поставленных задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод; социокультурный анализ, статистические методы, сравнительно-сопоставительный метод («сравнительная аналитика информационной работы ЦИК Российской Федерации и профильных органов с различными сегментами электората позволили выявить результативность информационного обеспечения работы по внедрению системы дистанционного электронного голосования, уровень осведомленности молодежного сегмента электората, уровень доверия молодых граждан к данной системе и готовность ее использовать») и др.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) утверждать, что «увеличение объема контента, связанного с пропагандой избирательной кампании, напрямую не связано с электоральной активностью молодых граждан и обеспечению ее роста»; «предпринимаемые действия по медийной поддержке процедуры выборов оказываются не всегда достаточно результативны, в частности, как фактора, укрепляющего доверие молодежного электората к инновациям в технологическом обеспечении избирательного процесса». Сформулированы выводы и предложения о необходимости переформатирования содержания медийного контента обеспечения избирательного процесса, включение в него не только информации, направленной на повышение осведомленности электората об условиях, сроках, принципах организации избирательного процесса, кандидатах и их программах, но и акцентирование внимания электората на факторах, формирующих их доверие к процедуре выборов.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем медиалингвистики, в изучение воздействия масс медиа на формирование молодежного сознания, а также могут быть использованы в курсах по теории дискурса, когнитивной лингвистике, прагматике и стилистике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Усова Е.В. Технология оценки эффективности деятельности по связям с общественностью // Litera. 2025. № 2. С.222-230. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73293 EDN: BQFBCI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73293

Технология оценки эффективности деятельности по связям с общественностью

Усова Екатерина Владимировна

кандидат политических наук

доцент; кафедра конституционного и международного права; Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20, оф. а

✉ sevruga81@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73293

EDN:

BQFBCI

Дата направления статьи в редакцию:

08-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования являются способы оценки эффективности деятельности по связям с общественностью. Объект исследования представлен совокупностью теоретических основ применения технологий оценки эффективности PR-деятельности. На современном этапе развития науки отсутствует единый подход к пониманию технологии оценки эффективности PR-деятельности. Концептуальное содержание понятий «технология», «оценка эффективности» раскрывается в самых разных областях науки. Исследование категориального аппарата представляет особое значение в понимании специфики эффективности PR-деятельности, т. к. позволяет выработать однозначное представление о технологии оценки эффективности в профессиональной PR-среде. В связи с недостатком исследований содержания понятия «технология оценки эффективности в PR», автором рассмотрены современные подходы,

определяющие специфику категории «технология оценки эффективности», находящейся в прямой зависимости от направлений PR-деятельности. Многообразие направлений PR-деятельности осложняет выбор процедур оценки эффективности и построения универсальных технологий. Проведение исследования осуществлялось с использованием общенаучных методов. Анализ, синтез позволили осмыслить специфические особенности элементов технологии оценки эффективности. Метод аналогии позволил сравнить исследуемые категории, метод системного анализа – представить технологию как системное явление. Понять социальное значение технологии оценки эффективности позволил метод структурно-функционального анализа, определивший содержание, социальную направленность исследуемого явления. Основными выводами проведенного исследования являются: PR-деятельность как коммуникационная деятельность может быть оценена с точки зрения эффективности информационно-коммуникационных процессов; PR-деятельность призвана оказывать влияние на разные группы общественности, определение критериев оценки эффективности следует рассматривать с точки зрения степени влияния на общественность PR-средств; для каждой коммуникационной программы разрабатываются свои критерии оценки эффективности; особую проблему оценки эффективности PR-деятельности представляет экономическая оценка, т.к. на конечный результат PR-деятельности оказывает влияние множество факторов. Особым вкладом автора в исследование темы является формулирование определения понятия «технологии оценки эффективности в PR» как совокупности методов, процедур и средств, последовательно объединенных в систему, направленных на определение степени влияния PR-деятельности на группы общественности и соответствия полученных результатов поставленной цели. Новизна исследования заключается в том, что в нем представлено авторское видение оценки эффективности коммуникационных кампаний.

Ключевые слова:

информационно-коммуникационная кампания, PR-кампания, критерии оценки эффективности, общественное мнение, группы общественности, результативность, коммуникационная деятельность, технологии, PR-стратегия, внутрикорпоративные коммуникации

В настоящее время человечество находится на стадии развития информационного общества, возникновение которого связано с разработкой и активным внедрением в процесс жизнедеятельности цифровых технологий. Ключевыми направлениями индустрии коммуникаций стали интернет-коммуникации, цифровая трансформация и др. (Тренды коммуникаций 2020. Всё о внутренних коммуникациях от плакатов до digital коммуникаций. Inside-PR. URL: <https://inside-pr.ru/archives/5566> (дата обращения: 07.07.2024). За несколько последних лет стремительно трансформировалось медиапространство. Перенос общественного взаимодействия из реального в виртуальное пространство был вызван несколькими причинами, в числе которых следует назвать ограничения, вызванные COVID. Субъекты разных сфер общественных отношений были вынуждены изменить форму взаимодействия, что повлекло за собой перестройку информационно-коммуникационных стратегий субъектов экономического, политического и других секторов. ^[1]

Условия новой реальности потребовали от PR-специалистов мгновенного переноса своих коммуникационных кампаний в онлайн-пространство. Изменение коммуникационной

среды вызвало оживленные дискуссии в профессиональном сообществе PR-специалистов о том, какие технологии следует применять в новых сложившихся условиях при оценке эффективности PR-кампании. Современные технологии оценки эффективности связаны с развитием новых медиа. Традиционные каналы СМИ постепенно отходят на второй план, однако, их нельзя исключать при определении результативности PR-деятельности, поскольку они, по-прежнему, применяются при организации информационно-коммуникационных кампаний. Некоторые критерии оценки эффективности сумели адаптироваться к новым условиям, однако, неизменным остается правило оценки коммуникационной деятельности с учетом достижения поставленной цели. Значимость оценки эффективности коммуникационной деятельности продолжает быть центральной как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Основной акцент при этом делается на некоммерческую и государственную сферы.

В современной научной литературе понятие «технологии» имеет множество значений, т. к. применяется для обозначения определенных процессов в принципиально отличных друг от друга научных областях. В науке встречаются такие понятия, как информационные технологии, социальные технологии, технологии производства, технологии управления, технологии профессионального отбора, технологии организации деятельности, технологии создания рекламы, PR-технологии и т. д. Следует рассмотреть понятие «технологии» и определить его сущность в связях с общественностью. Понимание технологии оценки эффективности PR-деятельности требует исследования современных подходов.

Итак, в переводе с греческого термин «технологии» означает «мастерство, искусство» («techno») и «учение» («logos»). Понятие «технологии» в широком смысле характеризуется Г.М. Суровой, которая называет их совокупностью методов, при помощи которых осуществляется обработка, изготовление, измерение определенных форм, свойств и т.п. в процессе производства разного рода продукции. При этом акцент ставится на необходимости выявления закономерностей, которые на практике дадут наиболее эффективный результат (Суворова Г.М. Информационные технологии в управлении средой обитания. М.: Издательство Юрайт, 2023, с.10). В.В. Трофимов обращает внимание на содержание технологии как совокупности определенных действий, последовательно реализуемых во времени, направленных на преобразование материальных, информационных и др. потоков (Информационные технологии в экономике и управлении / Под ред. В.В. Трофимова. М.: Издательство Юрайт, 2022, с.33).

Интерес представляет подход, согласно которому технологии следует рассматривать с точки зрения формирования их в ходе эволюции человеческого общества, а также искусственного создания человеком. Так, эволюционный подход предполагает формирование технологий естественным путем при помощи отбора многими поколениями людей наиболее эффективных технологий, последние рассматриваются как элемент социальной практики и имеют ряд неоспоримых преимуществ. В тоже время названные технологии становятся объектом исследования науки. Научно же разработанные технологии понимаются как приведенные в определенную систему и интегрированные формы и способы взаимодействия людей в процессе осуществления ими того или иного вида деятельности, в т.ч. коммуникационного (Технология социальной работы / Отв.ред. Л.И. Кононова, Е.И. Холостова. М.: Издательство Юрайт, 2023, с. 28-29). Исследователи отмечают, что средства систематизируются и образуют четкие правила, необходимые для упорядочения социальных явлений и процессов. Зарекомендовавшие себя наиболее эффективными технологии отбираются из множества и становятся алгоритмом определенного вида деятельности.

Широко применимым в настоящее время является понятие «информационные технологии», под которыми понимаются методы, способы сбора, хранения, обработки информации, находящиеся в отношении друг к другу в четкой системе, т.е. являющиеся элементами одного процесса. Технологии, применяемые в PR-деятельности, следует понимать через призму PR-деятельности как процесса формирования общественного мнения, целью которого является гармонизация отношений субъектов информационного пространства путем установления и поддержания эффективной двусторонней коммуникации.

Технологии, применяемые в PR-деятельности, – совокупность методов, приемов, средств, используемых при планировании и организации информационно-коммуникационного процесса, а также анализа и оценки достигнутых показателей информационно-коммуникационной деятельности. Подбор технологии осуществляется в соответствии с PR-стратегией, имеющей четкую структуру, обладающей свойствами конкретности и определенности. PR-стратегия, в свою очередь, разрабатывается для достижения определенной цели. При этом, PR-технология, являясь системной категорией, имеет свою структуру, которая включает такие компоненты как цель, содержание информации, субъекты, средства взаимодействия субъектов, организация и результат PR-деятельности.^[2]

Результат PR-деятельности – конкретное достижение, полученное в ходе и по итогам осуществления информационно-коммуникационной кампании. Достижение последней должно быть четко сопоставимо с поставленной целью и задачами. PR-деятельность всегда направлена на определенный результат, который достигается с некоторым эффектом. Поэтому следует говорить об эффективности PR-деятельности в рамках отдельной коммуникационной кампании. Следует поддержать позицию В. Н. Беленцова, который, рассматривая результативность и эффективность управления социально-экономическими системами, отмечает необходимость адекватности таких оценок, достигаемых при помощи критериев, понятий и их трактовок, используемых современной наукой.^[3] В зарубежных практикоориентированных изданиях акцентируется внимание на выборе индикаторов и метрик на стадии формулирования задач, при этом индикаторы и метрики должны быть наделены свойством достоверности, «они должны измерять то, что должны измерять».^[4]

Понятие «эффективность» интерпретируется по-разному. Так, Г.Л. Тульчинский выделяет три вида эффективности – результативность, экономичность, целесообразность. При этом, под результативностью исследователь понимает отношение достигнутого результата к сформулированной цели; под экономичностью – отношение полученных результатов к произведенным затратам; целесообразностью исследователь называет наиболее эффективное решение социальных или коммерческих проблем (Тульчинский Г.Л. Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнёрство: технологии и оценка эффективности. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2012, с.140-142). Следует согласиться с мнением исследователей в том, что понятие «эффективность» сопоставимо и не тождественно понятиям «результативность», «качество», «производительность», они являются равноценными и взаимосвязанными. Эффективность характеризуется как уровень достижения поставленной цели. Существование разных подходов отражает сложность и комплексность исследуемого понятия.^[5] Необходимо обратить внимание на подходы, распространенные в англоязычной литературе, где также разграничиваются понятия эффективности и результативности, при этом устанавливается тесная взаимосвязь эффективности с

экономическими показателями, а результативности – с полученным итогом осуществления деятельности и сопоставлением его с поставленной целью.^[6] Понятие «эффективность» можно также рассматривать в ракурсе технологического подхода, когда ее оценка производится отношением вложенных ресурсов к полученному результату. С позиции данного подхода для достижения цели следует определить ключевые направления, которые имеют непосредственное влияние на результат деятельности, и тщательно работать над ними. Остальные же, менее результативные направления, не применять, т.к. они могут привести к большим затратам, что не позволит достичь высокой эффективности осуществляемой деятельности.

Эффективность в разных сферах, в том числе нетехнологических, поддается измерению. Определяются критерии оценки эффективности (KPI), которые сопоставимы с целью осуществления деятельности. Выработка KPI в том или ином виде деятельности дает возможность разработать именно те технологии, которые и будут направлены на достижение поставленной цели. Однако, следует оговориться, что процесс определения KPI для некоторых видов деятельности является сложным. PR-деятельность не является здесь исключением. Она носит комплексный характер, что и обуславливает сложность проведения оценки ее эффективности.^[7] Не всегда, например, можно получить результаты от PR-кампании сразу по окончании ее проведения. Существуют трудности проведения оценки эффективности PR-мероприятий, т.к. получаемый эффект зависит одновременно от нескольких факторов, которые могут как улучшить его, так и негативно отразиться на деятельности организации. Часто практики отмечают, что оценку эффективности от PR-деятельности нельзя подсчитать напрямую (это входит в задачи маркетологов), PR-специалисты же опираются на процессные показатели активности и объемы выполненной работы (Шабельский А. Как измерить эффективность PR: ключевые метрики и подходы. Нетология. URL: <https://netology.ru/blog/06-2020-kak-izmerit-pr> (дата обращения: 07.07.2024).

Стремление к измерению результатов эффективности PR – важное направление коммуникационной деятельности в современном социальном взаимодействии. Сложность феномена «эффективность» обосновано влиянием на нее различных факторов – от масштаба организации до специфики отрасли, в которой данная структура функционирует (GR и лоббизм: теория и технологии / Под ред. В.А. Ачкасовой, И.Е. Ментусова, О.Г. Филатовой. М.: Издательство Юрайт, 2023, с.60-61). Современные исследователи отмечают важность осмысления эффективности коммуникации, включающей концептуальные, структурно-организационные и технические аспекты.^[8]

Исследователи отмечают, что требование эффективности деятельности направляет субъекта на выработку технологической задачи – создание технологии и ее совершенствование. Т.е. процесс оценки эффективности, завершающий любую деятельность, должен строиться в обратном направлении – не от разработки технологии к оценке эффективности, а от определения критериев оценки эффективности к разработке технологии. Таким образом, критерии оценки эффективности определяются поставленной целью, а для получения результатов по установленным критериям разрабатывается новая система действий (технология).^[9] В целом, по данной траектории в сфере PR должна двигаться любая коммуникационная кампания. В отношении организации эффективность ее деятельности может быть оценена по разным направлениям, начиная от основной цели ее деятельности и заканчивая отдельно взятыми направлениями (взаимодействие с внешней средой, удовлетворенность потребителей, учет интересов клиентов и т.п.).^[10] Р.А. Абрамов и Ю.Ю. Темникова в

качестве критериев оценки эффективности коммуникации в сфере государственного управления называют несколько критериев: динамика объема, структуры и охвата коммуникационных сообщений; качественные характеристики публикуемых материалов (жанр, степень мультимедийности, адаптированность для целевой аудитории); каналы и инструменты информационного взаимодействия с общественностью и др.^[11] В связи с развитием цифровых технологий критериями оценки эффективности коммуникации часто избирается степень вовлеченности аудитории, выраженная в значениях публикационной и пользовательской активности (например, публикации, просмотры, лайки, комментарии, репосты)^[12]. А.В. Курочкин, исследовавший эффективность сетевых общественно-политических коммуникаций, обращает внимание на невозможность применения маркетингового и рыночного подходов при оценке эффективности политической коммуникации, а доказывает целесообразность использования концепта «коммуникативная эффективность», трактуемого как «результатирующая минимизация транзакционных издержек взаимодействия».^[13]

Анализ разных подходов к оценке эффективности PR и их сопоставление показало, что традиционно PR-эффективность измеряется комплексными методиками. Р. Хэйвуд раскрывает комплексность через бюджет, рост известности организации, изменение отношения к ней, изменение освещения деятельности организации в СМИ, активизацию каналов обратной связи, рост рыночной стоимости компании и др., вызванные PR-деятельностью.^[14] В других зарубежных исследованиях также подчеркивается значение комплексности, комбинации исследовательских методов, необходимых для получения максимально объективных результатов PR-деятельности.^[15]

В PR-деятельности эффективность зависит от правильно разработанной технологии реализации проекта или программы, направленной на получение результатов, измеряемых установленными критериями оценки эффективности. В целом, PR-проект организации будет считаться достигнувшем цели, если получен результат, соответствующий ожиданиям, если результат используется должным образом. Следует отметить, что специфика PR-деятельности состоит в том, что на каждом этапе подготовки и реализации PR-кампании определяются KPI, которые позволяют оценить эффективность проработки каждого этапа – подготовительного, этапа обоснования и подведения итогов.

Оценка эффективности PR-деятельности неоднозначна, специфична, сталкивается с множеством факторов, препятствующих ее комплексному проведению.^[16] Одни исследователи отмечают относительную эффективность оценки PR-деятельности^[17]. Другие объясняют это отсутствием общего подхода к оценке эффективности коммуникаций (Родина В.В. Сохранность ключевого сообщения как один из критериев оценки эффективности коммуникационной кампании // Медиаскоп. 2016. №4. URL: <http://www.mediascope.ru/2207> (дата обращения: 07.07.2024), предлагают оценивать эффективность отдельных направлений PR-деятельности (медиапланирования, взаимодействия со СМИ, информационного сопровождения; формирования имиджа, брендинга, PR-кампаний, управления общественным мнением^[18] и др.).

При выборе критериев оценки эффективности обращается внимание на группы общественности, с которыми предстоит работать. Приведем в качестве примера два разных вида PR – внутрикорпоративный, направленный на создание положительного образа организации^[19], и PR, направленный на внешние группы общественности. И в одном, и в другом случае ставятся конкретные цели, определяются критерии

эффективности, формируются технологии их достижения и оценивается результат. Однако, то, что в приведенном случае PR-деятельность направлена на разные группы общественности, говорит о необходимости определения KPI для оценки внутрикорпоративной коммуникационной программы, и KPI коммуникации, адресованной внешним группам. Экономическая оценка эффективности PR-деятельности определяется в названных ситуациях как отношение затрат на проведение PR-кампании к достижению запланированных результатов в виде показателей узнаваемости организации, динамики общественного мнения, выходе из кризисной ситуации, улучшении внутрикорпоративной коммуникации и т.п. Таким образом, отношение к способам оценки эффективности в профессиональном PR-сообществе неоднозначное, внутренний и внешний KPI различны. Кроме того, российские метрики не всегда совпадают с международными (Барселонские Принципы 3.0 Международная Ассоциация по медиаизмерениям и оценке коммуникаций (AMEC). 2020. URL: <https://amecorg.com/ru/barcelona-principles-3/> (дата обращения: 17.07.2024). Для проведения качественной оценки эффективности необходимым является постановка измеримых PR-задач, точно описывающих желаемый результат, определяющих целевую аудиторию, а также устанавливающих четкие временные ограничения ^[20].

Таким образом, в научной среде отсутствует единый подход к определению технологии оценки эффективности PR-деятельности, что вызывает научные дискуссии. Автор пришел к выводу, что PR-деятельность как коммуникационная деятельность может быть оценена с точки зрения эффективности информационно-коммуникационных процессов. Технология оценки эффективности PR-деятельности представляет собой совокупность методов, процедур и средств, последовательно объединенных в систему, направленных на определение степени влияния PR-деятельности на группы общественности и соответствия полученных результатов поставленной цели и задачам. Многообразие направлений PR-деятельности осложняет выбор процедур оценки эффективности и выработки конкретных технологий. Т.к. PR-деятельность призвана оказывать влияние на разные группы общественности, определение критериев оценки эффективности следует рассматривать с точки зрения степени влияния на общественность PR-средств. Любая информационно-коммуникационная кампания планируется и реализуется в нескольких стадиях, одной из которых является подведение итогов кампании, исследование ее результатов и оценка эффективности. Для каждой коммуникационной программы разрабатываются свои критерии оценки эффективности, они могут повторяться при реализации разных программ, но сочетание их может быть различным. Проблематичность оценки экономической эффективности вызвана многообразием факторов, оказывающих влияние на конечный результат деятельности по связям с общественностью.

Библиография

1. Филиппов В.Н. К дискуссии об эволюции критериев оценки эффективности коммуникационных стратегий бизнеса в условиях новой реальности // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 23. С. 23-45.
2. Макарова Т.П., Савченко Е.А. PR и PR-технологии: сущность, цели, задачи, функции // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 178-180.
3. Беленцов В.Н. Понятие результативности и эффективности в контексте управления социально-экономическими системами // Вестник Института экономических исследований. 2020. № 1(17). С. 32-39.
4. Уэйнер М. и др. Руководство для специалистов по коммуникациям. Исследование, анализ и оценка. Пер. М. Какимжановой. 2021. С. 13-15. URL: <https://instituteforpr.org/wp-content/uploads/The-Communicators-Guide-to-Research->

Analysis-and-Evaluation-Russian.pdf (дата обращения: 08.02.2025)

5. Якунина Е.В. Понятие эффективности деятельности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11-1(81). С. 251-254.
6. Калишук В.О. Эффективность государственного управления в контексте политической коммуникации с использованием социальных медиа // Весці БДПУ. Серія 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2024. № 1(119). С. 5-12.
7. Баско И.М. О проблеме оценки эффективности связей с общественностью // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость. Минск: БГЭУ, 2013. Т. 2. С. 129-130.
8. Муратшина Ю.Р. Роль социальных коммуникаций в формировании положительного образа институтов правопорядка России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 122-127.
9. Ушаков Е.В. Понятие эффективности в современной философии технологии // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 84-6. С. 98-101.
10. Меновщикова А.Н. Сущность и понятие эффективности деятельности организации // Интерактивная наука. 2022. № 9(74). С. 22-23.
11. Абрамов Р.А., Темникова Ю.Ю. Оценка эффективности коммуникаций Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы с населением в рамках реализации стратегических проектов // Управленческие науки = Management Sciences. 2024. № 14(4). С. 53-66.
12. Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Кравчук И.Д. Оценка эффективности технологий цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 14(1). С. 22-31.
13. Курочкин А.В. Проблема оценки эффективности политических коммуникаций в социальных медиа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 1. С. 49-57.
14. Хэйвуд Р. Все о Public Relations: Как добиться успеха в бизнесе, используя связи с общественностью. Пер. с англ. под общ. ред. Ю.В. Шленова. М.: Лаб. Базовых Знаний, 1999.
15. Ньюсом Д., Терк Дж., Крукеберг Д. Все о PR: Теория и практика публич рилейшнз. Пер. с англ. О.В. Дубицкой и др. М.: Имидж-Контакт: Инфора-М, 2001.
16. Оценка эффективности PR-деятельности компаний: проблемы и подходы. Российская и международная практика. Экспертно-аналитический доклад. М.: Ассоциация Менеджеров, 2008.
17. Ананьева Н.В. Средства реализации PR – проекта и оценка его эффективности // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2020. № 9. С. 9-12.
18. Галиулин В.Р. Key Performance Indicators для отдела по связям с общественностью // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2017. № 17. С. 98-103.
19. Мухина А.А. Эффективная коммуникационная стратегия PR-формирование имиджа и деловой репутации организации // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. № 7(1). С. 40-49.
20. Ситников А.П. PR сегодня: новые подходы, исследования, международная практика / А.П. Ситников, М.П. Бочаров, В.А. Лисов. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт»; ИНФРА-М, 2002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы, на мой взгляд, имеет должную научную новизну, проблемный характер вопроса очевиден. Автор обращает внимание на технологию оценки эффективной деятельности PR-специалистов. В начале данного труда отмечено, что «условия новой реальности потребовали от PR-специалистов мгновенного переноса своих коммуникационных кампаний в онлайн-пространство. Изменение коммуникационной среды вызвало оживленные дискуссии в профессиональном сообществе PR-специалистов о том, какие технологии следует применять в новых сложившихся условиях при оценке эффективности PR-кампании. Современные технологии оценки эффективности связаны с развитием новых медиа. Традиционные каналы СМИ постепенно отходят на второй план, однако, их нельзя исключать при определении результативности PR-деятельности, поскольку они, по-прежнему, применяются при организации информационно-коммуникационных кампаний». С обозначенной позицией сложно не согласиться, следовательно, изучение данного вопроса актуально. Работа в целом сложилась, текст имеет обще завершенный вид, он информативен, содержателен. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «широко применимым в настоящее время является понятие «информационные технологии», под которыми понимаются методы, способы сбора, хранения, обработки информации, находящиеся в отношении друг к другу в четкой системе, т.е. являющиеся элементами одного процесса. Технологии, применяемые в PR-деятельности, следует понимать через призму PR-деятельности как процесса формирования общественного мнения, целью которого является гармонизация отношений субъектов информационного пространства путем установления и поддержания эффективной двусторонней коммуникации» и т.д. Однако, в соответствии с требованиями издания ссылки / цитации необходимо скорректировать. Тема работы раскрывается в должной логике наручной наррации, серьезных противоречий и разночтений не выявлено. Материал может стать неким импульсом для дальнейших исследований в указанной области, не помешает подключить и т.н. практический опыт, факторы обобщения весьма ценны для научных работ. Необходимый диалог с оппонентами выстроен, общая критическая канва манифестирована: например, «в отношении организации эффективность ее деятельности может быть оценена по разным направлениям, начиная от основной цели ее деятельности и заканчивая отдельно взятыми направлениями (взаимодействие с внешней средой, удовлетворенность потребителей, учет интересов клиентов и т.п.).[10]. Р.А. Абрамов и Ю.Ю. Темникова в качестве критериев оценки эффективности коммуникации в сфере государственного управления называют несколько критериев: динамика объема, структуры и охвата коммуникационных сообщений; качественные характеристики публикуемых материалов (жанр, степень мультимедийности, адаптированность для целевой аудитории); каналы и инструменты информационного взаимодействия с общественностью и др.» и т.д. Цель работы, на мой взгляд, достигнута; поставленные задачи решены. Удачно автор вводит в статью открытые данные, сейчас это особенно ценно: «другие объясняют это отсутствием общего подхода к оценке эффективности коммуникаций (Родина В.В. Сохранность ключевого сообщения как один из критериев оценки эффективности коммуникационной кампании // Медиаскоп. 2016. №4. URL: <http://www.mediascope.ru/2207> (дата обращения: 07.07.2024), предлагают оценивать эффективность отдельных направлений PR-деятельности (медиапланирования, взаимодействия со СМИ, информационного сопровождения; формирования имиджа, брендинга, PR-кампаний, управления общественным мнением[18] и др.)». Думаю, что материал удобно использовать в вузовской практике при изучении дисциплин гуманитарного профиля. Список источников достаточен, формальная правка не

требуется. С учетом сказанного тезирую: статья «Технология оценки эффективности деятельности по связям с общественностью» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» после незначительной правки.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Bulgarova, B.A., Li, Y., Han, C., An, . (2025). A micro-path of spreading China's core socialist values from the perspective of new media. *Litera*, 2, 231–240 DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73087

A micro-path of spreading China's core socialist values from the perspective of new media / Микропуть распространения основных социалистических ценностей Китая с точки зрения новых медиа

Булгарова Белла Ахмедовна

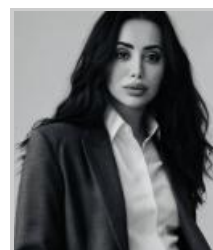
ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Ли Янь

ORCID: 0009-0007-4573-6846

аспирант; Филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ liyanemi000@gmail.com

Хань Чаочао

ORCID: 0000-0002-9491-9928

аспирант; Филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042225273@pfur.ru

Ань Сяюй

ORCID: 0009-0002-4519-4868

магистр; Филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ an.xiaoyu1205@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.2.73087

EDN:

BOELAY

Дата направления статьи в редакцию:

19-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является изучение вопросов сохранения и путей распространения идеологических ценностей Китая через призму новых медиа. Объектом исследования являются социалистические ценности, передаваемые посредством новых медиа с учетом траектории изменений в политической и экономической жизни Китая. В статье подробно анализируется роль новых медиа Китая в процессе формирования и распространения ценностей социализма, а также эффективные методы их внедрения в массы. Авторы статьи исследуют особенности симбиоза традиционных и новых медиа как способа укрепления национальной идентичности и усиления идеологической работы. Целями исследования являются: понимание путей и способов внедрения и закрепления через новые медиа традиционных ценностей; разработка эффективных стратегий для распространения социалистических ценностей через новые медиа (формат подачи, оптимальные каналы коммуникации и взаимодействия с аудиторией); выявление недостатков в старых подходах и рассмотрение путей их преодоления. Методология исследования комплексная: используется описательный метод, метод сравнительного анализа и теоретический анализ. Рассматриваются основные концепции новых медиа, и проводится анализ традиционных. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к рассмотрению симбиоза новых и традиционных медиа как инструмента сохранения традиционных идеологических ценностей Китая. Это позволит создать рекомендации, оценку эффективности предложенных мер и дальнейшие траектории для государственных органов, образовательных учреждений и других организаций по использованию новых медиа в целях идеологического воспитания и пропаганды традиционных ценностей. Авторы исследования приходят к следующим выводам: ключевая роль новых медиа в современном обществе как инструмента распространения традиционных ценностей Китая сохраняется; новые медиа обеспечивают большой охват аудитории, гибкость и интерактивность информационного потока; симбиоз современных и традиционных форм – эффективный способ медиаинтеграции; укрепление национального духа и идентичности через социалистические ценности – главный фактор устойчивого развития страны.

Ключевые слова:

социализм, новые медиа, Китай, традиционный, ценность, идентичность, национальный, аудитория, поддержание, распространение

1. The proposal of the problem and its research significance

In the report of the 18th National Congress of the Communist Party of China, it was pointed

out that "advocating prosperity, democracy, civilization, and harmony, advocating freedom, equality, justice, and the rule of law, advocating patriotism, dedication, integrity, and friendliness, actively cultivating and practicing socialist core values". This not only puts forward the basic categories of socialist core values, but also demonstrates its basic characteristics. The "Opinions on Cultivating and Practicing Socialist Core Values" further enriches and develops the spirit of the 18th National Congress, reflecting the Party's high attention to values. The socialist core values undoubtedly have significant theoretical value and practical significance for realizing the great Chinese Dream, enhancing China's comprehensive national strength, and enhancing China's discourse power [\[1, p. 295-302, 2, p. 38-41, 3, 42-54\]](#). The selection of the dissemination of socialist core values based on new media as the research object of this report is mainly due to the following considerations:

(1) Cultivating and practicing socialist core values requires studying communication issues. At present, China is in the critical period of reform. The reform of the system and mechanism, the change of the social structure, the adjustment of the interest pattern, and the change of the lifestyle have brought unprecedented impact on the Chinese people's ideological activities and even values. In this period of development, the contradictions will inevitably lead to the confusion of the value concept. Based on this, the Central Committee of the Communist Party of China proposes to cultivate and practice the core socialist values, which is not only a new proposition that fully reflects the current social situation and the requirements of the times, but also a major theoretical innovation in implementing the Scientific Outlook on Development and developing socialism with Chinese characteristics. Spreading the core socialist values is the prerequisite and foundation for cultivating and practicing them [\[4, p. 1-8\]](#). To make the socialist core values deeply rooted in people's hearts and play their due role, it is necessary to widely spread them. Although the issue of values has been a hot topic in academia in recent years, scholars have focused more on theoretical issues such as its concept, content, and function, neglecting the role of disseminating socialist core values. What tools, channels, and methods should be used to promote the effective dissemination of socialist core values has become an important issue that China urgently needs to address.

(2) The political emphasis on socialist core values and the alienation from daily life require research on communication issues. The socialist core values are the values that occupy a dominant position and play a leading role in the socialist core values system. Its dissemination process is the process of political information diffusion and acceptance, and its dissemination subject is the Party and the government. Its dissemination is guaranteed politically from beginning to the end. Since the first proposal and definition of the socialist core values system at the Sixth Plenary Session of the 16th Central Committee of the Communist Party of China, this trend has risen on the land of China, the Sixth Plenary Session of the 17th Central Committee of the Communist Party of China pointed out that the socialist core values system is the soul of national rejuvenation, the essence of advanced socialist culture, and determines the development direction of socialism with Chinese characteristics. The report of the 18th National Congress of the Communist Party of China condensed and summarized the socialist core values for the first time. The political status of the socialist core values has never been shaken, and the country has invested a large amount of funds, manpower, and material resources in theoretical propaganda, academic research, and educational promotion. However, the public generally adopts a detached attitude towards this formulaic propaganda that is outdated in form, dull in content, lacks audience interaction, and ignores the laws of communication. This is in stark contrast to the high political importance attached by the country, and requires us to explore

in depth the ways and methods of communication [\[5, p. 248\]](#).

(3) Studying the dissemination of socialist core values requires special attention to new media. The occurrence, development, and changes of social trends are all related to information transmission, distribution, and guidance. The carrier of information distribution mainly relies on a media system composed of various media. New media is a form of media that has emerged under a new technological support system. It naturally has the function of disseminating public information, which not only drives the development of information dissemination, but also triggers changes in human social production, life, and thinking patterns, thereby affecting changes in social structure. As Negroponte pointed out in "Digital Survival", the development of digital technology will change the way humans survive, "computing is no longer just about computers, it determines our survival". While we are proud of the convenience brought by new media communication in the face of information scarcity, we also have to face the negative effects of current information overload and loss of control on communication. These negative effects not only affect the healthy development of the new media communication ecosystem, but also lead to changes in China's ideological structure. With the introduction of socialist core values, this influence extends to the field of values. It can be seen that in today's widely used new media, how to effectively disseminate socialist core values through the application of new media has become an urgent problem to be solved.

2. Basic concepts and related theories of new media and the dissemination of socialist core values

2.1 Basic Concepts of New Media

What exactly is new media? At present, there is no consensus in the academic community on its concept. The author believes that new media is proposed relative to traditional media, and a comprehensive understanding and recognition of new media is more important than defining it. Therefore, it is necessary for us to comprehensively understand and comprehend what new media is through diverse definitions. At present, the definition of new media both domestically and internationally can be roughly divided into two categories: one is to define new media from a technical perspective. Warner Bros. President Spitzweg believes that new media is a non-linear broadcasting medium [\[6, p. 227-236, 7, p. 15-17\]](#). Writer Dan Gilmore believes that new media should be a new concept that emerged after the widespread application of digital technology in communication [\[8, p. 566\]](#). In summary, it is not difficult to see that the technological foundation of new media includes digital technology, network technology, information processing technology, mobile communication technology, and so on; Secondly, starting from the comparison between new media and traditional media. New media is a new type of media that is completely different from traditional media. It surpasses the strength of previous media, the breadth of television media, and the depth of print media. "New media" is a relative concept, and its content will develop with the advancement of communication technology. From the perspective of human communication history, it should be a category of the times, specifically referring to "today's new" rather than "yesterday's new" or "tomorrow's new", and so on [\[9, p. 37-53\]](#). From the comparative analysis of new media and traditional media, it is not difficult to find that new media is a relative concept that is constantly updated with the development of technology.

In summary, we can conclude that new media is a concept that is constantly evolving and changing, and the current "new media" is the future "traditional media", making it difficult to provide a strict definition. The concept must reflect the essential attribute of things. Based on this, this paper relies on the existing definition to explore the essence of new

media, and defines it as: new media is an emerging media based on digital, Internet, mobile communication and other technologies, aiming at surpassing traditional media and providing various services.

2.2 Basic Concepts of the Spread of Socialist Core Values

The term 'dissemination' is translated from the English word 'communication' and originally includes meanings such as communication, information, dissemination, and sharing. In modern Chinese, "dissemination" represents a dynamic behavior, where "transmission" means "delivery, transmission, expression", etc. [\[10, p. 111-126\]](#). 'Broadcast' refers to the meaning of 'spreading and disseminating'. There are many definitions of communication, each with its own emphasis: the "sharing theory" that emphasizes information sharing holds that communication refers to the sharing of information between the transmitter and the receiver; The "communication theory" that emphasizes information exchange believes that the process of communication is a two-way activity with back and forth; the "influence theory" that emphasizes that communication is an intentional act of exerting influence believes that communication is the behavior of the communicator who intends to influence the recipient. No matter from which perspective communication is defined, information is the core of communication, and the purpose of communication is to convey information.

Spreading socialist core values is the prerequisite and foundation for cultivating, practicing, and promoting the popularization of socialist core values. The dissemination of socialist core values through storytelling, teaching, and media dissemination is of paramount importance in China's ideological work at present. It is an important measure to promote the great development and prosperity of socialist culture, and an important way to influence the psychological and behavioral patterns of social groups. The dissemination of socialist core values includes three meanings: firstly, information sharing. The dissemination of socialist core values is a process of sharing theory between the dissemination subject and the audience, followed by its implementation role. The dissemination of socialist core values is the process in which the dissemination subject purposefully influences the audience to recognize, identify with, and practice socialist core values: once again, symbolic value. The dissemination of socialist core values is a process of symbolic information exchange and interaction.

3. The correlation between new media and the dissemination of socialist core values

New media is a form of media that has emerged under a new technological support system, and is an important channel for people to disseminate information and an important platform for communication and interaction. The dissemination of new media and socialist core values has both inherent logical connections and is an integrated entity that is interrelated, interdependent, and inseparable [\[11, p. 223-240\]](#). On the one hand, new media is an indispensable new battlefield for the dissemination of socialist core values. On the other hand, new media requires the guidance and direction of socialist core values. More importantly, new media communication highly meets the reading needs of current audiences, and plays an irreplaceable role in enhancing the traditional media's ability to guide public opinion, innovate ideological propaganda work, and seize the high ground of communication in the dissemination of socialist core values.

3.1 New media: an indispensable new battlefield for the dissemination of socialist core values

In the era of traditional media, newspapers, radio, and television were the main

strongholds of the Party's public opinion. However, the emergence of new media has changed the public opinion pattern of traditional media controlling information, bringing about a huge transformation in the way information is disseminated. This transformation not only affects people's social life, but also their values, becoming an important new battlefield for public opinion. After more than a decade of development, the role of new media has gradually been recognized and paid attention to by more and more people. More and more enterprises and individuals are using new media, such as governments, enterprises, and institutions, which have established portal websites. Celebrities, politicians, and others have opened personal Microblogs, Social media platforms such as WeChat have been widely used. The development speed of new media is unmatched by other traditional media. New media is the result of the continuous development and innovation of network technology. The emergence of new media has made the reception and dissemination of information more diverse, convenient, personalized, and exclusive. New media has created an unprecedented free and active interactive platform, radiating unprecedented vitality and development momentum.

New media is an emerging media based on digital technology, Internet technology and mobile communication technology. It not only undertakes an important mission in social life, but also brings opportunities for the dissemination of socialist core values [\[12, p. 51-60, 13, p.64, 14, p. 816-828\]](#).

(1) The interactivity of new media has promoted the popularization of the dissemination of socialist core values.

Interactivity is the most prominent feature of new media. Interactivity has two meanings, one is that the information exchange between the sender and receiver is bidirectional; The second is that each participant has equal and mutual control over the content. The interactive function of new media not only lays a solid foundation for the equal dissemination of socialist core values, but also effectively promotes the popularization of socialist core values dissemination.

(2) The super temporal and spatial nature of new media has achieved faster and wider dissemination of socialist core values.

Traditional mass media mainly relies on ground systems to transmit information, and the speed of this dissemination method is limited by the information receiving devices, resulting in a very limited transmission range. New media broke through the boundaries of time and space. New media used the Internet, wireless communication networks and satellite networks to break the limits of geographical space. As long as there are computer mobile phones, digital television and other information receiving equipment, people can receive the information transmitted by new media in any corner of the earth. The digital technology of new media has greatly shortened the speed of information dissemination and achieved real-time global dissemination.

(3) The hypermedia service function of new media enriches the forms of dissemination of socialist core values.

Newspapers rely on text and images to convey information, radio relies on sound to send information, television uses sound and images to transmit information, and new media combines the strengths of all traditional media, all of which rely on the hypermedia service functions of new media. The hypermedia service function not only realizes the comprehensive application of text, images, sound, and graphics, but also enables users to

set conditions to receive different forms of information according to their preferences. "Audiences have a lot of freedom to choose, they can choose various forms such as silent words, sound and image, and combined images and text according to their preferences, and fully mobilize various senses. New media relies on digital technology to integrate multimedia information, providing information users with multimedia information such as text, images, audio, and video.

3.2 The Necessity of Spreading Socialist Core Values through New Media

The rise of new media represents the application of advanced technology and social progress. The dissemination of socialist core values through new media is not only important but also necessary. It is necessary to actively and effectively utilize new media to promote socialist core values in response to changes in audience reading methods, enhance public opinion guidance capabilities, innovate ideological propaganda work, and seize the high ground of communication [\[15, p. 286-294, 16, p. 218-226\]](#).

New media can effectively compensate for the shortcomings of traditional media. As the most powerful tool for disseminating information at present, new media plays an important role in political communication. The openness, low cost, and spatial-temporal nature of new media allow the public to participate in politics and freely express their political views and ideas through the Internet, and this power of expression is difficult to control. The virtuality of new media can conceal the true identities of participants and establish communication and dialogue on an equal footing. Based on such a platform, participants can break free from the influence of real power and financial relationships, and the characteristics of de authoritarianism enable political figures and the public to express and present their opinions more directly. In addition, the interactivity of new media enables both the sender and receiver of information to communicate directly, which is conducive to stimulating public participation enthusiasm and achieving real-time interaction. However, due to the relatively casual dissemination of information by new media disseminators, the quality of information varies greatly, and the massive amount of information is filled with false information and entertainment oriented information, the authority and professionalism of news reporting are clearly insufficient. These all weaken the effective dissemination of socialist core values to a certain extent, and determine that new media cannot completely replace traditional media.

3.3 The guidance and guidance of socialist core values on new media

Values are the deepest essence of culture. Values have the function of concentrating energy and strengthening the foundation internally, and can enhance a country's cultural soft power externally. Therefore, in order to seek the status of a great power or a strong nation, countries around the world are paying great attention to the construction of values. The socialist core values are an important indicator of China's cultural soft power and a code of conduct that we must adhere to in building a socialist modernized strong country. The socialist core values lead and guide all aspects of social life, and new media, as an important carrier for disseminating socialist core values, naturally cannot do without the guidance and guidance of socialist core values.

Values have a significant impact on the prosperity and stability of a country, as well as the development and progress of society. They lead and guide every aspect of social life. As the core of Chinese values, socialist core values have gradually formed and improved along China's development process, and are the action guidelines and ideological principles that we must adhere to in the long run. New media is the most important carrier of

communication today, and its healthy development naturally relies on the guidance and guidance of socialist core values.

Conclusion

With the development of information technology, new media represented by the Internet is bringing mankind into the new media era. The development of new media has changed people's lifestyle, especially in the field of values. As the most important carrier of communication at present, new media combines various forms of communication and has become an important tool for the dissemination of mainstream values and the main battlefield for ideological struggles. After the 18th National Congress of the Communist Party of China, the socialist core values have become an academic hot topic. Although there are different understandings in the academic community regarding the ways in which socialist core values are condensed and expressed, the importance of socialist core values in politics and academia is consistent. Scholars unanimously believe that there is indeed a need for a mainstream ideology that leads social trends and values, a spiritual symbol, and the need to spread to the world what spirit China pursues, what ideas it promotes, and what beliefs it adheres to.

The flourishing development of new media technology has made the dissemination environment of socialist core values more complex, the dissemination content fragmented, and the dissemination methods diversified, thus bringing tremendous impact on the dissemination effect. The acceptance of values is a systematic process involving human knowledge, emotions, intentions, actions, and other aspects. Therefore, cultivating and practicing socialist core values should start from these internal points and basic aspects, and educate people's hearts through the entire process of national education, so that socialist core values can truly become the faith and persistence of the people, and then become the guide for their thinking and action. The dissemination of socialist core values is a long-term and complex task that cannot be rushed. By effectively combining new media with traditional media and under the guidance of scientific theory, the dissemination, education, and solidification of socialist core values can achieve twice the result with half the effort.

Библиография

1. Чен Ю. Исследование о том, как красная культура интегрируется с основными ценностями китайского социализма в колледжах и университетах// Открытый журнал социальных наук. 2020. № 08 (1). С. 295-302.
2. Лонг Х. Культивирование и практика основных социалистических ценностей в рамках базовой социалистической экономической системы с китайской спецификой//Межкультурная коммуникация. 2014. № 10 (6). С. 38-41.
3. Вэньцин Л., Вэй З. Обзор исследований в области экологического управления, проведенных после 18-го Национального конгресса КПК, на основе библиометрического анализа //Современные социальные науки. 2021. № 6 (5). С. 42-54.
4. Савиньи Х. Общественное мнение, политическая коммуникация и Интернет // Политика. 2022. № 22. С. 1-8.
5. Чжан Х. Трансформация политической коммуникации в Китае // Электронное издание по социальным наукам. 2011. № 29. С. 248.
6. Покорны М., Седжвик Дж. Warner Bros. в межвоенные годы: стратегические меры реагирования на рискованную среду кинопроизводства // Dyna. 2004. № 76 (159). С. 227-236.
7. Догра П. Очень современный медиамагнат // Телевидение. 2022. № 59 (8). С. 15-17.

8. Стоббарт Л., Мурта М. Дж. Рэпли, Т. Медицина и СМИ: Мы видели, как взрывались люди – морские свинки // Британский медицинский журнал *Bmj*. 2007. № 334 (7593). С. 566.
9. Дэниел, Беннетт. Исследуем влияние развивающейся блогосферы о войне и терроре на освещение конфликтов традиционными средствами массовой информации // *Media, War & Conflict*. 2013. № 6 (1). С. 37-53.
10. Макхому, Кинго. Распространение информации в целях развития: исследование воздействия // *Информационное развитие*. 2003. № 19 (2). С. 111-126.
11. Дипроз Р., Курниаван Н.И., Макдональд К. Влияние транснациональной политики и политика легитимации // *Управление*. 2019. № 32. С. 223-240.
12. Болин А., Грубер Х., Кутрумпис П. Распространение новых поколений технологий в мобильной связи // *Информационная экономика и политика*. № 22 (1). С. 51-60.
13. Ли У., Бай Г. Система Интернета вещей, основанная на сети мобильной связи // *Международный журнал онлайн-инжиниринга*. 2018. № 14 (11). С. 64.
14. Дон, Юйфэн. Современное состояние и тенденции развития индустрии радиовещания в Китае // *Вопросы теории и практики журналистики = Theoretical and Practical Issues of Journalistics*. 2019. № 8 (4). С. 816-828. [https://doi.org/ 10.17150/2308-6203](https://doi.org/10.17150/2308-6203).
15. Цзя Фань. Новые медиа: позиционирование и специфика китайского феномена // *Научные ведомости Белгородского государственного университета // Серия: Гуманитарные науки*. 2019. № 38 (2). С. 286-294. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-2-286-294.
16. Хуан, Чжунлянь. Изучение имиджа страны в Китае // *Политическая лингвистика*. 2023. № 5 (101). С. 218-226.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме распространения основных социалистических ценностей Китая посредством новых медиа. Под новыми медиа в работе понимаются средства массовой информации, основанные на цифровых технологиях, интернет-технологиях и технологиях мобильной связи. Они превосходят традиционные средства массовой информации по широте охвата, глубине и силе влияния. Новые медиа отвечают потребностям современной аудитории и играют незаменимую роль в формировании общественного мнения, следовательно, предоставляют широкие возможности для распространения основных социалистических ценностей в Китайской Народной Республике, что, собственно, и обуславливает актуальность представленного исследования.

Теоретической основой работы выступили труды таких зарубежных исследователей, как Ю. Чен, Х. Лонг, Х. Савиньи, Х. Чжан, Беннетт Дэниел, Кинго Макхому, А. Болин, Х. Грубер, П. Кутрумпис, Юйфэн Дон, Фань Цзя, Чжунлянь Хуан и др., посвященные современным и традиционным средствам массовой информации, вопросам политической коммуникации в Китае и формированию основных ценностей китайского социализма и пр. Библиография составляет 16 источников. В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи, а также представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза,

описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, методы социокультурного и системного анализа, интерпретативный анализ отобранного материала.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить возможности новых медиа стать площадкой для распространения основных социалистических ценностей Китая (интерактивность, отсутствие временных и пространственных границ, функционирование в качестве гипермедийной системы и т. д.). В заключение автор(ы) делают вывод о необходимости распространения социалистических ценностей в Китае («стремясь к статусу великой державы или сильной нации, страны по всему миру уделяют большое внимание формированию ценностей», «основные социалистические ценности являются важным показателем культурной "мягкой силы" Китая и кодексом поведения, которого мы должны придерживаться при построении социалистической, модернизированной и сильной страны») и отмечают, что в настоящее время новые медиа, будучи популярным средством коммуникации, стали важным инструментом распространения основных ценностей и главным полем идеологической борьбы. Бурное развитие новых медиа-технологий сделало среду распространения основных социалистических ценностей более сложной, контент - фрагментированным, а методы распространения - разнообразными.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем медиалингвистики, в изучение специфики медиапотребления социально-политического контента, а также в возможности использования данных результатов в курсах по теории дискурса, когнитивной лингвистике, прагматике и стилистике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Коптев Д.А. Анализ стратегий перевода конструкций с предикативом надо в русско-английском устном и письменном переводе // Litera. 2025. № 2. С.241-251. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.69850 EDN: BOFVII URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69850

Анализ стратегий перевода конструкций с предикативом надо в русско-английском устном и письменном переводе

Коптев Даниил Алексеевич

ORCID: 0000-0002-2771-8755

магистр, кафедра языкознания и переводоведения, Московский Городской Педагогический
Университет

129226, Россия, г. Москва, пр-д 2-Ой сельскохозяйственный, 4, корп. 1

✉ koptevdanbusiness@outlook.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.69850

EDN:

BOFVII

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Данная статья посвящена анализу стратегий перевода конструкций с предикативом надо на английский язык. Объектом настоящей работы является предикатив надо. Предмет исследования представляет собой анализ особенностей русско-английского устного перевода конструкций с исследуемой лексической единицей. Целью данной статьи является выделение рекомендаций для улучшения качества перевода конструкций со словом надо посредством представления наиболее частотных и адекватных стратегий устного перевода для конструкций с исследуемым предикативом. В исследовании проводится детальное сравнение вариантов перевода конструкций с исследуемым словом, анализируются и рассматриваются отличительные аспекты различных стратегий в устном и письменном переводах, особое внимание уделяется отсутствию единой тактики перевода, а также подчеркиваются некоторые

несовершенства существующих вариантов. Методология включает в себя применение метода сплошной выборки для формирования корпуса примеров использования конструкций с исследуемой лексической единицей и их переводы из транскриптов записей русско-английского устного и письменного перевода публичных выступлений политического дискурса и методик корпусного анализа для обработки и вывода результатов. Исследование выделяет основные стратегии перевода конструкций с исследуемой лексической единицей *надо* и представляет их уточненные описания. Новизна настоящей статьи состоит в том, что впервые в работе рассмотрен русско-английский устный перевод конструкций с предикативом *надо*, а также проведено сравнение стратегий между устным и письменным переводом. Результаты исследования позволяют изучить выявленные стратегии перевода и прийти к определенным выводам. Помимо этого, полученные результаты могут представлять интерес как для написания научных работ по смежным темам, так и для начинающих и практикующих переводчиков, в том числе в курсе преподавания теоретических и практических переводческих дисциплин, составлении методических пособий и учебников по практическим аспектам языка.

Ключевые слова:

устный перевод, предикатив, модальность, необходимость, политический дискурс, корпусное исследование, письменный перевод, несовершенство перевода, опущение, публичное выступление

Настоящая работа посвящена изучению стратегий устного перевода с русского на английский конструкций с предикативом необходимости *надо*.

Проблема и актуальность исследования подтверждается отсутствием работ, в которых перевод предикатива *надо* выступал бы в качестве объекта исследования, а также его высокой частотности в русском языке, согласно данным Национального корпуса русского языка – 109 место в списке самых употребимых слов русского языка [1]. Логично, что адекватный устный перевод возможен только при применении выработанных и объективных стратегий и тактик, которых для устного перевода предикативов не наблюдается. Между тем, несовпадение синтаксических структур и отсутствие наиболее подходящего эквивалента для исследуемого слова привносит определенные трудности в процесс устного перевода, вследствие чего даже на самом высоком уровне могут появляться окказиональные конструкции, ср.: *Нам **надо** только сказать им спасибо за то, что они в сложнейших условиях и с теми ограниченными ресурсами могли сделать то, что они сделали – We **just be** thankful to them for the limited resources they managed to achieve a lot* [2], а нередко такие фрагменты и вовсе опускаются.

Объектом данного исследования является предикатив *надо*. Предмет исследования представляет собой анализ особенностей русско-английского устного перевода исследуемого слова.

Гипотеза исследования заключается в анализе официальных устных переводов публичных выступлений на высшем уровне с целью выявления состояния перевода конструкций с исследуемым предикативом для последующего выделения и объяснения наиболее частотных стратегий перевода.

Целью данной статьи является выделение рекомендаций для улучшения качества

перевода конструкций с исследуемым словом посредством представления наиболее частотных и адекватных стратегий устного перевода для конструкций с исследуемым предикативом.

Первым этапом исследования стало формирование эмпирической базы с помощью метода сплошной выборки для отбора необходимого количества материала с сайтов Президента РФ и МИД РФ kremlin.ru и mid.ru, YouTube каналов Президента РФ, ООН за 2011–2022 гг. Всего отобрано 400 контекстов со словом *надо*. Такое количество отобранных контекстов обусловлено естественной частотностью употребления исследуемого слова в речи. Использование этих источников обусловлено их доступностью, большим объемом контекстов и качеством перевода. Так, видеоисточники являются, помимо прочего, обширной базой устных выступлений и их синхронных переводов с русского на английский язык начиная с 2011 года. На вебсайтах собрано обширное количество стенограмм текстов устных выступлений, что облегчает поиск исследуемого слова.

В целях соответствия тенденциям современной лингвистики, в работе также применяются инновационные методы, в данном случае корпусное исследование, которое продолжает занимать одну из важнейших ролей в развитии лингвистики и переводоведения, позволяя объединить классические исследовательские подходы и современные способы исследования [3]. Корпусные исследования предполагают построение индуктивной гипотезы на основе статистической обработки корпусом содержащихся в нем случаев употребления исследуемой единицы [4]. Именно такой метод и применяется в данном исследовании.

Наконец, работа также была выполнена с использованием валентностного анализа – возможности предиката управлять актантами, т. е. его левыми и правыми валентностями [5].

Вторым этапом исследования стало изучение теоретических особенностей исследуемого слова, в частности категории модальности. Значения слов невозможно воспринимать в отрыве от их окраски. Можно сказать, что категория модальности отражает природу человеческого языка как средства выражения человеческого мышления, оценки им происходящего [6]. Другими словами, в рамках данной статьи, можно сказать, что говорящий оценивает *надо* ли сделать какое-либо действие.

Необходимость можно понять как наличие обстоятельств, которые (согласно субъекту модальной ситуации) должны сделать потенциальное актуальным [7].

Как известно, модальность – категория, обеспечивающая связь высказывания с внеязыковой действительностью. Ф. Р. Палмер развивает эту мысль, подчеркивая при этом, что связь говорящего с фактическим состоянием суждения формируется в сфере пропозициональной модальности. План нереализованных событий, которые не произошли и лишь являются возможными берет на себя событийная модальность [8].

К последним относятся действия и события, которые еще не произошли, но являются потенциальными и могут произойти. Данная категория подразделяется на деонтическую и динамическую модальности.

Деонтическая модальность относится к внешним условиям и используется, чтобы заставить других сделать то, что думает говорящий. Примерами такой модальности являются дозвоительные разрешение, приказ – *You can come in; You may come in,*

когда деятель не влияет / слабо влияет на исходящее из внешнего источника, а также обязывающая команда – *You must come in*, что относится к данному исследованию, так как ее можно трактовать как Тебе **надо** зайти. Таким образом, согласно данной классификации, исследуемое слово можно отнести к деонтической модальности. Динамическая модальность относится к категории внутренних условий, заключающихся в действующем индивиде – ее примерами являются способность и желание [8].

Логично, что модальность может быть выражена различными способами. Статистически различные способы ее использования исследует в своей работе Дж. Холмс. Отобрав свыше 350 лексем, автор определил их частотность и пришел к выводу, что чаще всего для выражения модальности используются модальные глаголы – 36,8% в устной речи и 42,4% в письменной, причем самыми частотными оказались *will, would, may, could, might, must, can't, shouldn't, ought to, would* [9]. Отметим, что конструкция *ought to* в исследовательском корпусе не встретилась, а слово *must* было употреблено в ~5 раз меньше, чем *should*.

Говоря о необходимости, нельзя не упомянуть и схожую категорию долженствования. На данный момент в лингвистике нет единого мнения на этот счет – являются ли они одним целым [10], двумя совершенно разными категориями [11], или образуют друг с другом связь по модели часть-целое, где долженствование является частью необходимости [12]. Некоторые авторы рассматривают модальность долженствования как предписание к выполнению действия, которое может быть обусловлено законами, традициями, правилами, личным опытом. В свою очередь модальность необходимости рассматривается как вынужденность/неизбежность действия, выражаемая желанием субъекта [13].

В рамках данной статьи не ставится задача разграничить эти категории, потому считаем, что долженствование входит в категорию значений, которыми может обладать исследуемое слово – *Вам надо сначала подумать, а потом говорить* (другими словами, *Вы должны сначала подумать, а потом говорить*), наряду с другими категориями.

Существуют идеи и по дифференциации лексем для двух видов модальности. Для долженствования предлагается использовать единицы, основными компонентами которых являются долг, обязанность – *должен, обязан, вынужден*. Для необходимости предлагаются единицы с основным компонентом нужность – *нужно, надо, необходимо* [14]. Однако такое разграничение не представляется логичным, так как слова с компонентом нужность, как показано выше, нередко могут выражать и долг / обязанность.

Авторы отмечают, что использование конструкций со словом *надо* зачастую характеризуется разной степенью выражения констатации возможности, желательности, необходимости, обigatorности названного действия [15]. Анализ языкового материала позволил также выявить способность слова *надо* вносить в контексты значения неизбежности, намерения.

Помимо этого, контексты со словом *надо* обладают долженствующе-предписующей характеристикой, выражается семантика необходимости с акцентом на значение надобности [12]. Таким образом, адекватные переводы конструкций с исследуемым предикативом должны соответствовать описанным выше категориям.

Третьим этапом исследования стал практический анализ исследуемого слова. Было

принято решение уделить особое внимание сравнению устных и письменных переводов, что позволило практически вдвое увеличить объем исследуемых переводов – поэтому дополнительно было отобрано 370 примеров письменного перевода (30 контекстов не были переведены), а также прийти к определенным выводам. Сравнительный анализ проводился на базе англоязычных версии сайтов Президента РФ и МИД РФ, на которых представлены официальные письменные переводы устных выступлений.

Для начала отметим разницу в вариантах перевода между устным переводом (УП) и письменным переводом (ПП). Так, полное совпадение (т. е. совпадение субъекта и предиката) обнаружено в 69 контекстах из 370 (18,6%). Частичное совпадение обнаружено в 110 контекстах (29,7%). Полное несовпадение наблюдается в 191 контекстах (51,6%). Однако нельзя утверждать, что такие высокие показатели отражают неудовлетворительное качество УП или ПП – такие результаты скорее обусловлены разницей в подходах к переводу. В рамках УП – это в первую очередь быстрая (синтаксически удобная) передача основной информации, в то время как в ПП можно передать больше оттенков оригинального высказывания. Другими словами, зачастую оба варианта перевода являются адекватными, хоть и отличаются.

Рассмотрим некоторые особенности перевода контекстов с полным совпадением. Несмотря на большое количество вариантов передачи – 20 на 69 контекстов, распределение по частотности неравномерное. Так, большинство таких вариантов относятся к фразе *we need* (19 контекстов или 27,5%), стратегии опущения (18 контекстов или 26%) или *we should* (9 контекстов или 13%), при том, что 12 вариантов употреблены единожды. Графическая репрезентация позволяет нагляднее рассмотреть неравномерность частотности вариантов перевода.

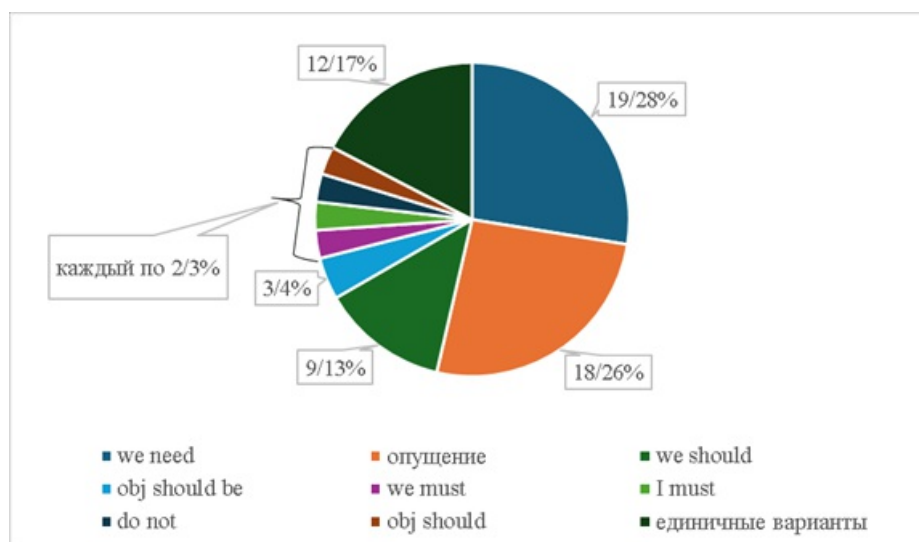

Рис. 1. Совпадение между УП и ПП

Перейдем к анализу некоторых частотных неслучайных левых и правых валентностей. Обнаружено, что чаще всего в отрицании в УП используется одна из двух конструкций – *we should not* или опущение (по шесть контекстов – 16,7%), например **Не надо** забывать, что использование газа также является ответом на другой глобальный вызов – **We should not** forget that gas use is also response to another global challenge [16]; также следует отметить бессубъектную конструкцию *don't* (четыре контекста), ср.: **Не надо** использовать это для какого-то нагнетания в межгосударственных отношениях – **But don't** use it to fire tensions between states [17]. Две конструкции употребляются дважды и 14 конструкций употребляются единожды. В ПП самой частотной конструкцией

является опущение (шесть контекстов), затем идут *we don't need* и *don't* (по три вхождения). Два варианта употребляются дважды и 15 контекстов употребляются единожды. Представляется, что такое большое количество вариантов перевода говорит об отсутствии единой стратегии перевода, из-за чего переводчикам зачастую приходится придумывать опции перевода на ходу, что не всегда идет на пользу переводу. Графическая репрезентация выглядит следующим образом.

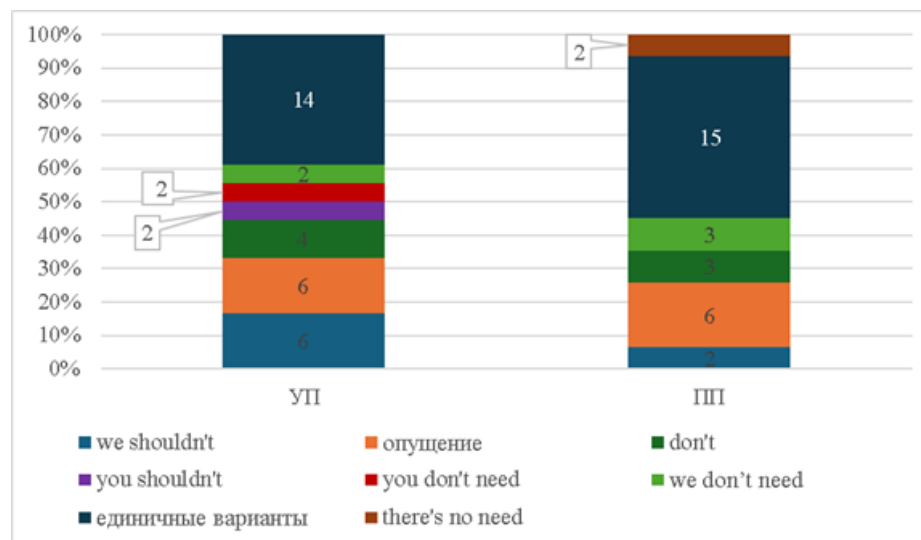

Рис. 2. Сравнение переводов УП и ПП с отрицаниями

Перейдем к рассмотрению переводов конструкции *нам надо* (17 контекстов). Два самых популярных варианта в УП – *we need*, ср.: **Нам надо** формировать собственные цифровые платформы – **We need** to create our own digital platforms [18] (пять контекстов) и *we should*, ср.: В предстоящие годы **нам надо** ещё больше укрепить своё единство, чтобы мы работали как одна команда – *In the upcoming years we should reinforce unity more, so that we would work as one team* [18] (четыре контекста), еще два контекста употребляются дважды и четыре контекста по одному разу. В ПП наблюдается БОльшая общность – самый популярный вариант – это фраза *we need* с 8 вхождениями, четыре контекста употребляются дважды и фраза *it should be* единожды. Отметим, что контексты, в которых используется конструкция *we* + модальный глагол составляет 64,7% в УП и 82,3% в ПП. Визуально это можно представить в следующем виде (левая половина диаграммы – ПП, правая половина диаграммы – УП).

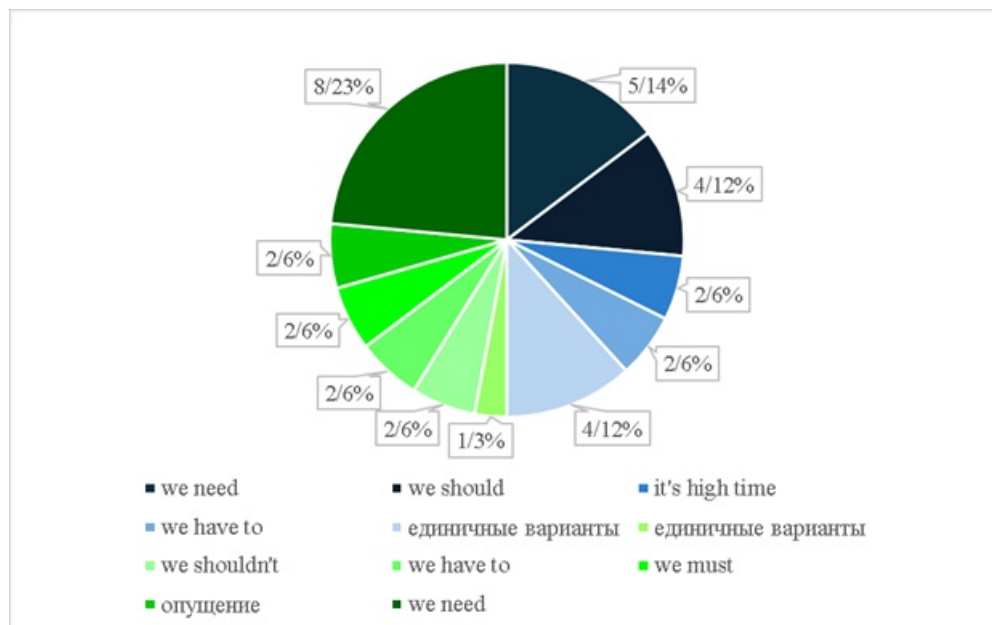

Рис. 3. Переводы конструкции *нам надо* в УП и ПП

Перейдем к рассмотрению переводов конструкции *надо сказать* (23 контекста), которая чаще других является семантически пустой или незначимой, и потому опускается – 10 таких вхождений в УП, еще три варианта используются дважды и семь различных вариантов, которые употребляются по одному разу. В ПП ситуация схожая – чаще всего употребляется опущение (семь вхождений), однако такой же результат у «восстанавливающей» конструкции *I must*, ср.: *И надо сказать, эффект хороший* – *And I must say, the effect has been good* [19], еще трижды употребляется *it should be*, ср.: *Надо сказать, что эти дискуссии понятны* – *It should be noted that we understand what these debates are all about* [20], дважды *we should*, и еще четыре варианта употребляются по одному разу. Графическое сравнение переводов выглядит следующим образом.

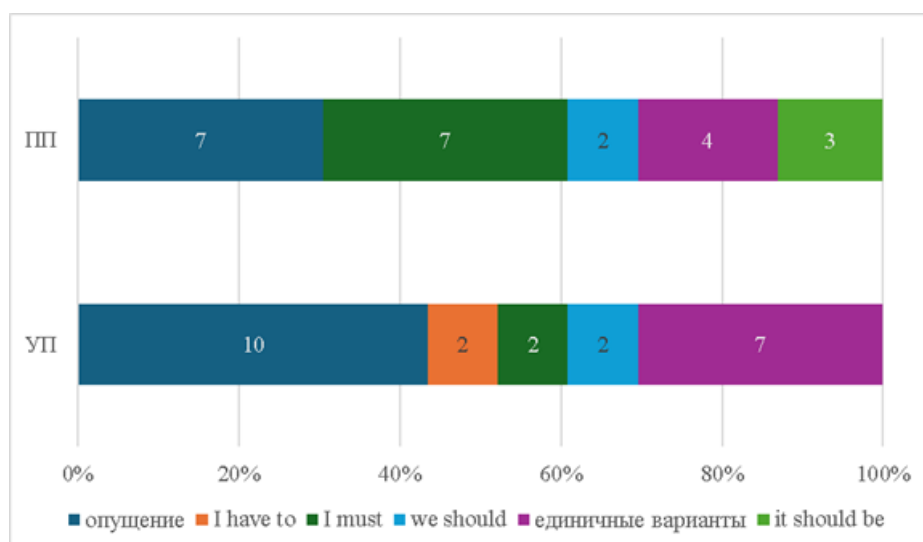

Рис. 4. Варианты перевода конструкции *надо сказать* в УП и ПП

Перейдем к рассмотрению УП в целом. Отметим, что использование местоимения *we* является преобладающим вариантом в переводе (независимо от наличия местоимения *нам* в оригинале – 17 контекстов) – 182 вхождения из 400. На втором месте со значительным отрывом идет восстановление субъекта (36 контекстов), затем безличное

местоимение *it* (23 вхождения), *you* (18 вхождений), *one* и *they* (по 15 вхождений) и *I* (в основном для конструкций *надо сказать* – восемь вхождений из 13). Распределение предикатов в переводе представлено на рисунке.

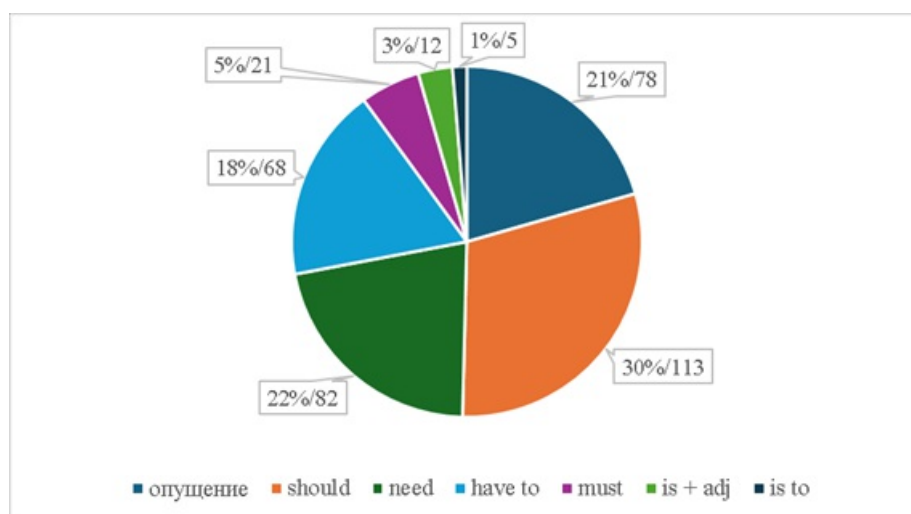

Рис. 5. Предикаты при устном переводе слова *надо*

В целом, обнаружено, что чаще всего конструкции с исследуемым словом опускаются (78 таких вхождений или 19,5% от всех контекстов). На втором месте по популярности идет конструкция *we should* (70 вхождений), на третьем – *we need* (62 вхождения). Более того, у конструкций со словом *надо* обнаружено 87 вариантов перевода (на 400 контекстов), что говорит об отсутствии единой стратегии перевода, из-за чего переводчикам зачастую приходится придумывать опции перевода на ходу, что не всегда идет на пользу переводу.

В ПП ситуация обстоит несколько иначе – чаще всего используется конструкция *we need* (60 вхождений). Опускание тоже популярно, однако употребляется в 44 контекстах. Отметим, что конструкций, которые употребляются чаще 10 раз, в УП набралось пять – опущение, *we should*, *we need*, *we have to* (34 вхождения), *восстановление субъекта (вс) + should be* (16 вхождений). В ПП таких восемь – *we need*, опущение, *we must* (31 вхождение), *we should* (29 вхождений), *it is necessary* (19 вхождений), *вс + must be* (18 вхождений), *вс + should be* (16 вхождений), *we have to* (14 вхождений). Всего вариантов перевода обнаружено 79.

Использование местоимения *we* также является преобладающим в ПП – 135 вхождений. Далее идет восстановление субъекта (57 вхождений), безличное местоимение *it* (49 вхождений), *they* (20 вхождений), *this* (16 вхождений), *I* и *you* (по 12 вхождений). Распределение предикатов представлено на рисунке.

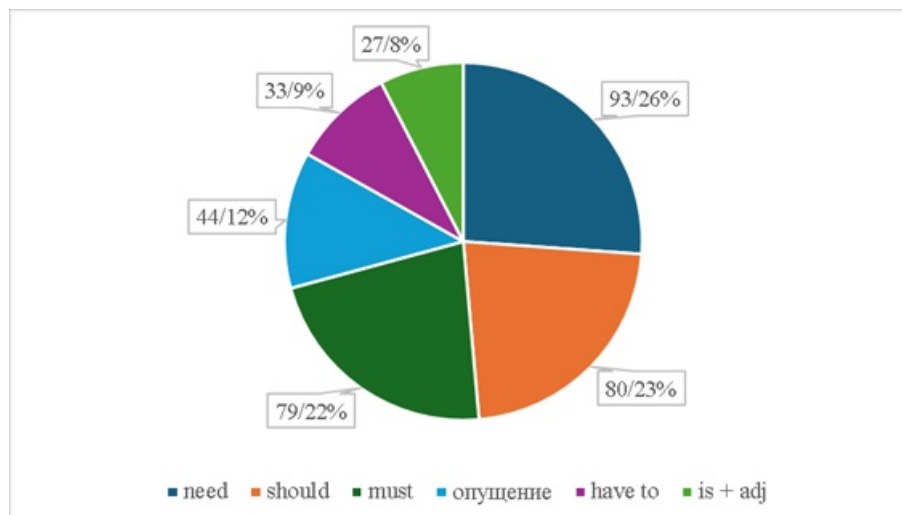

Рис. 6. Распределение предикатов в ПП слова *надо*

Следует заметить большее количество пассивных конструкций в ПП – 88 (при том, что контекстов на 30 меньше). В УП пассив употреблялся в 50 случаях.

В итоге выяснено, что перевод предложений с предикативом *надо* во многом зависит от контекста, нередко конструкции с этим словом могут опускаться. При переводе рекомендуется:

1) использовать местоимение *и* *е* (за исключением случаев, когда в оригинале явно предлагается местоимение другого порядка – *вам, тебе, ему* и т. д.) и подходящий глагол – *should, need* (или *have to*).

Можно предположить, что среди всех английских модальных глаголов *need* является наиболее способным передавать общий смысл высказываний со словом *надо*, при этом не наделяя переводное предложение дополнительными смыслами, не присущими предложениям на языке оригинала, например более категоричной модальности долженствования, присущей модальным глаголам *must* или *have to*.

Частое использование стратегии опущения с одной стороны может говорить как раз об отсутствии стратегии перевода, а с другой стороны о большом количестве семантически пустых контекстов, или контекстов, в которых передачей модальности можно пренебречь без сильной потери в смысле. Данный вопрос представляет перспективу исследования.

Высокую частотность конструкции *we should*, а также глагола *should* в целом можно объяснить тем, что политический вид дискурса уделяет повышенное внимание дипломатической переводческой этике и осознанности использования переводческих манипуляций, т. е. в данном случае более осторожного выражения модальности необходимости, для чего больше подходит глагол *should*. Это так же может быть взаимосвязано с отсутствием стратегии перевода, из-за чего переводчики чаще прибегают к этому «осторожному» варианту.

Сравнительно невысокую частотность глагола *have to* можно связать со специфическими характеристиками, которыми данная единица наделяет контекст – высокая степень необходимости, а также необходимость в силу давления извне, которые нечасто проявляются в предложениях со словом *надо*.

Библиография

1. Национальный корпус русского языка. URL:

<https://ruscorpora.ru/corpus/main/frequency-dictionary?pageSize=100&page=2&pos=> (дата обращения 02.02.2024).

2. Пленарное заседание Восточного экономического форума, 2021. URL (стенограмма): <http://kremlin.ru/events/president/news/66586> (дата обращения 02.02.2024). URL (устный перевод): https://youtu.be/bwVei_fEM0Y?si=7tAikVUeKrrLNdUI (дата обращения 02.02.2024).

3. Сулейманова О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия "Филология. Теория языка. Языковое образование". Москва: МГПУ, 2013. № 2 (12). С. 60-68.

4. Сулейманова О. А. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. Москва: НБ-Медиа, 2018. № 3. С. 52-64.

5. Петрова И. М., Иванова А. М., Никитина В. В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: Учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». М.: Языки Народов Мира, 2022. 259 с.

6. Епифанцева Н. Г. Модальность и средства её выражения во французском и русском языках // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. Москва: МГПУ, 2012. № 1(9). С. 38-44.

7. Цейтлин С. Н. Необходимость / А. В. Бондаренко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин и др. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: 1990. С. 142-156.

8. Palmer F. R. Mood and Modality // Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 236 p.

9. Holmes J. Doubt and certainty in ESL textbooks // Applied Linguistics. 1988. 9/1. P. 21-44.

10. Лариохина Н. М. Учёт соотносительности предложений с модальными модификаторами долженствования и инфинитивных предложений в преподавании РКИ // Слово. Грамматика. Речь. М.: 2003. Вып. 5. С. 59-64.

11. Туровская С. Н. О семантической зоне модальности необходимости в русском языке // Ученые записки Тартуского университета. Тарту: 1990. Вып. 896. Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. С. 4-21.

12. Одинцова И. В. Употребление слов должен и / или надо для выражения категорий необходимости и предположительности в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. М.: 2010. № 1. С. 40-48.

13. Мерзлякова Н. П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений: дис. ... канд. филол. наук // Ижевск: 2010. 174 с.

14. Ханнанова Д. М. Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое // Вестник КемГУ. Кемерово: 2020. №2 (82). С. 558-564.

15. Глазкова. С. Н. Прагматическая универсальность синтаксемы типа надо+инфинитив в русской коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Челябинск: 2012. № 6 (260). С. 58-61.

16. Выступление на рабочем заседании глав государств и правительств стран – участниц Форума стран – экспортёров газа, 2013. URL (стенограмма): <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/18430> (дата обращения 02.02.2024). URL (устный перевод): https://youtu.be/cPI7MA_zquE?si=enuRVGBjkSs5snZp (дата обращения 02.02.2024).

17. Большая пресс-конференция Владимира Путина, 2016. URL (стенограмма): <http://kremlin.ru/events/president/news/53573> (дата обращения 02.02.2024). URL (устный перевод): https://youtu.be/iS8XwGk2dq0?si=ff9RIT2_AOtROP76 (дата обращения 02.02.2024).

18. Послание Президента Федеральному Собранию, 2018. URL (стенограмма): <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 02.02.2024). URL (устный перевод): <http://en.kremlin.ru/events/president/news/59863/videos> (дата обращения 02.02.2024).

19. Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 2021. URL (стенограмма): <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 02.02.2024). URL (письменный перевод): <http://en.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 02.02.2024).

20. Инвестиционный форум «Россия зовет!», 2020. URL (стенограмма): <http://kremlin.ru/events/president/news/64296> (дата обращения 02.02.2024). URL (письменный перевод): <http://en.kremlin.ru/events/president/news/64296> (дата обращения 02.02.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Анализ стратегий перевода конструкций с предикативом надо в русско-английском устном и письменном переводе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей перевода с русского языка на английский.

Настоящая работа посвящена изучению стратегий устного перевода с русского на английский конструкций с предикативом необходимости надо.

Целью данной статьи является выделение рекомендаций для улучшения качества перевода конструкций с исследуемым словом посредством представления наиболее частотных и адекватных стратегий устного перевода для конструкций с исследуемым предикативом.

Отметим небольшое количество научных работ по рассматриваемой проблематике, что делает статью новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автором применялись как общенаучные методы – анализ, синтез, метод сплошной выборки и др., так и лингвистические. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на английском и русском языках.

Практическим языковым материалом исследования явился языковой корпус, сформированный с помощью метода сплошной выборки для отбора необходимого количества материала с сайтов Президента РФ и МИД РФ kremlin.ru и mid.ru, YouTube каналов Президента РФ, ООН за 2011–2022 гг. Всего отобрано 400 контекстов со словом надо.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых работы как отечественных исследователей, так и зарубежных, в том числе апелляция к диссертациям.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, часть материала структурирована в табличной форме и диаграммах, что наглядно демонстрирует результаты эксперимента и выводы исследования. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике перевода, переводоведении. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Анализ стратегий перевода конструкций с предикативом надо в русско-английском устном и письменном переводе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Kuraleva, T.V., Lekomtseva, I.A. (2025). Dichotomies in Translation Studies and Translator Training. *Litera*, 2, 252–260 DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.69913

Dichotomies in Translation Studies and Translator Training / Дихотомии в теории перевода и обучении переводу

Куралева Татьяна Владимировна

ORCID: 0000-0003-3738-9198

кандидат филологических наук

старший преподаватель; кафедра английской филологии и перевода; Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

✉ t.kuraleva@spbu.ru

Лекомцева Ирина Алексеевна

ORCID: 0000-0002-9793-914X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный
университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 11

✉ i.lekomtseva@spbu.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.69913

EDN:

EYJTCQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Несмотря на то, что теория перевода является молодой наукой, ее истоки уходят в глубь веков: дихотомия между буквальным и вольным переводом существует со

времен святого Иеронима. В данной статье рассматривается эволюция этой базовой переводческой дихотомии в различных теоретических парадигмах, включая формальную эквивалентность, динамическую эквивалентность, коммуникативный и семантический перевод, форенизацию, доместикацию и т.д. Особое внимание уделяется различиям в существующих переводческих концепциях. Кроме того, в работе рассматривается, каким образом переводческие дихотомии могут быть применимы на практике. Эмпирическая часть исследования посвящена тому, как эта дихотомия проявляется в англо-русских переводах студентов, в частности в достижении функциональной эквивалентности. Отправной точкой анализа является концепция Д. Хаус. Анализируя переводы научного текста, выполненные студентами первого курса магистратуры, авторы выявляют трудности в реализации стратегии «скрытого» перевода. В работе используются следующие методы: компонентный анализ, переводческий анализ, корпусный анализ, обзор литературы, ретроспекция и интервью. Научная новизна связана с применением базовых теоретических концепций на практике, а именно, в практике преподавания письменного перевода. Кроме того, в работе дается полный обзор существующих теоретических подходов к описанию противоположных переводческих стратегий: пословного и смыслового перевода. Полученные результаты свидетельствуют об ошибках в коллокациях, что связано с влиянием норм родного языка на переводной текст. Кроме того, ошибки в переводе обусловлены неверным подходом к самому процессу перевода. В ходе проведенных интервью было выявлено, что студенты зачастую рассматривают перевод как замену единиц исходного текста единицами переводного текста, игнорируя при этом общую переводческую стратегию. В заключении подчеркивается необходимость функционального подхода к преподаванию перевода и рассматриваются перспективы дальнейших исследований в области методики преподавания перевода.

Ключевые слова:

теория перевода, переводческая дихотомия, вольный перевод, дословный перевод, эквивалентность, студенческие переводы, ошибки в коллокациях, межъязыковые соответствия, функциональная эквивалентность, языковая интерференция

INTRODUTORY REMARKS

Translation theory is a relatively young branch of science dating back just a few decades. However, the first attempts to systematize translation practice were made centuries ago. The main dichotomy in translation studies is the opposition between literal (word-for-word) and free (sense-for-sense) translation, which can be traced as far back as St. Jerome who held the view that sacred texts should be translated more literally, reproducing the very order of the words, while non-sacred texts should be rendered sense-for-sense [\[6, p. 21\]](#). However, this opposition of free and literal translation is not exclusive for the western tradition. For example, medieval Chinese monk-translators used one of the two methods of translation: "refined translation" and "unhewn translation". The former was characterized by laconic and refined phrases while the latter was more straightforward and literal [\[5, p. 82\]](#). Turkish writers and translators (Necib Asim, Semseddin Sami) shared similar views. They believed that the translated texts should be either "the same as the original texts (aynen) or the translator should produce a free translation (serbest). Free translation was used for rendering academic texts written by European scholars, whereas literal translation was thought to be appropriate for fiction texts [\[7, p. 230-231\]](#).

Through centuries the opposition of free and literal translation has been reviewed numerous times, with one type of translation being favored over the other in different time periods. Nevertheless, the basic dichotomy has preserved its relevance and plausibility. **The purpose of the paper is to look into how the basic translational dichotomy has been transformed in different theoretical concepts and to gain an insight into whether the functional equivalence can be achieved in practice in student English-Russian translations.**

THEORETICAL FRAMEWORK

Since the dichotomy of "free vs literal translation" allows for various interpretation, different scholars have proposed different terms and different approaches to clarifying this concept. Strictly speaking, the two basic translation methods (types) boil down to F. Schleiermacher's famous statement: "Either the translator leaves the writer in peace as much as possible and moves the reader toward him, or he leaves the reader in peace as much as possible and moves the writer toward him" [19]. In other words, either the translator focuses on the source text, reproducing it as faithfully as possible, or the translator focuses on the target text, rendering the original as natural as possible.

From this perspective, Nida's two basic orientations of translation are in line with this way of thinking. In his seminal work *Towards a Science of Translating* (1964), Nida distinguishes between two types of translation: formal equivalence (referred to as formal correspondence in other works) and dynamic equivalence. Formal equivalence focuses attention on the form and content of the original text; therefore, the elements of the source texts should match as closely as possible the elements of the target text. Dynamic equivalence is defined as a type of translation which aims at complete naturalness of expression [11, 15]. Nida emphasizes that "dynamic equivalence has priority over formal correspondence" [16, p. 14].

A similar approach to the basic dichotomy is found in Newmark's theoretical works. He makes a distinction between semantic and communicative translation. Communicative translation attempts to produce on its readers an effect that is similar to that produced on the readers of the original. Semantic translation attempts to render, as faithfully possible, the semantic and syntactic structures of the original, although it is more flexible than word-for-word translation [13, p. 88; 11]. That said, it should be noted that Newmark departs from Nida's receptor-oriented approach since the equivalent effect is not always achievable [14, p. 48-49]. Moreover, according to Newmark, the conflict between word-for-word and sense-for-sense translation should be resolved in favor of the former. Newmark holds an opinion that literal translation is the best approach provided an equivalent effect is achieved. Therefore, translation should be free of any unnecessary changes [13, p. 39].

The dichotomic approach to translation is further developed and supplemented due to the "cultural turn" in translation studies. This paradigm challenges the notion of translation as a purely linguistic process and places translation in a cultural domain. Thus, Venuti distinguishes between two opposing translation strategies, foreignization and domestication, which, as he rightly points out, go back to Friedrich Schleiermacher's methods of translation. Foreignization involves maintaining foreign elements in the target text and emphasizing cultural uniqueness. For Venuti, a theory and practice of translation should resist dominant target-language cultural values so as to emphasize the linguistic and cultural difference of the foreign text. In contrast, domestication seeks to assimilate

foreign content seamlessly into the target culture, making it feel familiar and readable. A domesticating translation serves as an appropriation of foreign cultures for domestic agendas; it integrates smoothly foreign elements into the target culture. In general, domestication prioritizes naturalness and fluency [\[21\]](#).

While Venuti has undoubtedly made significant contributions to translation studies, his theory, however, is not without a share of its criticism. One major point of contention revolves around the concepts themselves, which, as his critics contend, are poorly defined. Moreover, his critics argue that such approach oversimplifies the translation process. Furthermore, Venuti's strong advocacy of the foreignizing translation has drawn criticism for producing awkward and unreadable translations. [\[12\]](#)

Another proponent of the cultural approach to translation studies is Juliane House, who distinguished between overt and covert translation. Her distinction between the two types of translation also goes back to Schleiermacher's dichotomy, however, House's concept is part of a translation quality assessment model. In an overt translation, the receptors of the translation are not addressed, therefore, an overt translation does not attempt to recreate a "second original" as it; "must overtly be a translation". House contends that "source texts that call for an overt translation have an established worth in the source language community". A covert translation, on the other hand, is a "translation which enjoys the status of an original source text in the target culture". Texts that should be translated covertly do not specifically address a particular source culture audience. A source text and its covert translation are pragmatically of comparable; therefore, a source text and its covert translation have equivalent purposes. House also argues that an overt-covert translation distinction is a cline rather than a binary opposition, consequently, a translation may be more or less covert and overt. Furthermore, she points out that in case of a covert translation the borders between translations and versions become blurred. In view of this confusion, functional equivalence should be posited as a prerequisite in translation [\[10, p. 89 - 108\]](#).

House's ideas underlie Nord's translation typology, which is based on a functional approach. She distinguishes between a documentary and an instrumental translation. A documentary translation process results in a text whose main function is metatextual. In fact, an instrumental translation is an umbrella term for various forms of translation (interlinear, literal, philological, exoticizing). In general, a documentary translation is intended to reproduce specific features of the source text (lexical, morphological, syntactic, idiomatic use of vocabulary, etc.). "The translation is documentary in that it changes the communicative function of the source text". Conversely, the result of an instrumental translation is a text which may achieve the same range of functions as an original text. Readers of an instrumental translation are not supposed to be aware they are reading a translation at all as the text is adapted to target-culture norms and conventions of text type, genre and register. [\[17, p. 46 - 50\]](#).

Finally, the opposition of sense-for-sense and literal translation may be explained in terms of translation norms. As pointed out by Toury, norms of translation correspond to a good practice of translation and are tacitly accepted by the community [\[20\]](#). Unlike the functionalists, Toury does not underestimate the significance of the source text. He holds that translation involves recreation of sameness and it also involves differences and transformation. The degree of variance and invariance depends on the norms that the translator chooses to abide by. Therefore, Toury distinguishes between adequate and

acceptable translation. To this end, the translator may choose to focus on the norms of the source text, language and culture and produce an adequate translation. On the contrary, the translator may choose to orient a translation towards the norms of the target language and culture and produce an acceptable translation.

Summarizing all the above, it stands to reason that the traditional translation dichotomy may be described from different angles, but the fundamental distinction is invariable since the theoretical assumptions are deeply rooted in the translation practice. Thus, it seems expedient to use this opposition as a guideline in translator training.

METHODS AND MATERIALS

Clearly, the quest for translation dichotomy 'word-for-word' and 'sense-for-sense' is meaningful only if this concept is adequate for the practical purposes. In this regard, we have analyzed student translations of a scientific text in translation studies from English into Russian. The point of departure was Julian House's definition of a covert translation, i.e. to produce a "translation which enjoys the status of an original source text in the target culture".

The material for this paper is an abstract from Susan Bassnett's *Translation Studies* [2] and student English-Russian translations. The projects involved 1st-year master's degree students majoring in translation studies (15 students). The students were asked to produce a translation using the strategy of covert translation.

The methods employed in the paper are the following: a componential analysis; a translation analysis, a corpus-based analysis; literature review, and retrospection and interviews.

RESULTS AND DISCUSSION

Achieving a covert translation in practice is a hard nut to crack in a classroom setting. More often than not, student translations have features which typically occur in translated texts rather than original utterances.

Among the properties that differ from those of texts that have been originally produced in the Russian language, the most recurrent is untypical collocational patterning, i.e. lexical patterning which differs from that which is found in original, non-translated target language texts.

Traditionally, the term "collocations" is defined as combinatory restrictions which are neither grammatical nor semantic but which reflect "the habitual or customary places of words", or "the company words keep", to use Firth's expression [8, p. 12]. Our focus is, then, on co-occurrence relations, word-combinations or multi-word units that can vary in fixedness and idiomaticity.

As our analysis shows, the most recurrent untypical lexical patterning in translations is manifested in the use of inanimate nouns as a subject with a predicate denoting an active action, i.e. 90 % of all translation errors.

Source text: With the second, which explores the question of equivalence of literary texts, the work of the Russian Formalists and the Prague Linguists, together with more recent developments in discourse analysis, have broadened the problem of equivalence in its application to the translation of such texts.

Target text 1: В его рамках работы российских формалистов и пражских лингвистов, а также более поздние разработки в области дискурс-анализа расширили данную проблему применительно к переводу таких текстов.

Target text 2: Относительно второго направления, в котором исследуется вопрос эквивалентности художественных текстов, исследования российских формалистов и пражских лингвистов, наряду с более поздними работами в области дискурсивного анализа, расширили проблему эквивалентности в ее применении к переводу текстов.

Target text 3: Второе направление, которое изучает вопрос эквивалентности в художественных текстах и представлено работами русской формальной школы и пражского лингвистического кружка, а также некоторыми новыми направлениями дискурсивного анализа, расширяет проблему эквивалентности в применении к переводу художественных текстов.

The analysis of the underlined translation correspondences in the examples above shows that on the level of semantic content, the translation solutions, i.e. *developments* / *разработки* / *исследования*; *to broaden* / *расширить*; *problem* / *проблема*, are regular systemic cross-linguistic correspondences, which can be evidenced by the data provided by the explanatory dictionaries [3, 24] and bilingual dictionaries [22]. Yet the task to achieve a functional translation must shift our focus away from preoccupation with abstract language system to language use. In this regard, corpora provide just such an emphasis and can serve as a testing ground for lexical choices in translation.

Evidence in the Russian National Corpus shows that, although the translation solutions are regular cross-linguistic correspondences, the accessibility of *developments have broadened the problem* in English and relative inaccessibility of *разработки расширили проблему* (1) / *исследования расширили проблему* (2) / *направление расширяет проблему* (3) in Russian demonstrate the existence of restrictions which depend on language-specific syntagmatic relations into which words enter. The corpus data confirm that the language choices in the target texts are not natural in the Russian language. The results of the search for exact forms in the Russian National Corpus just support our assumption, as the search results are: 'nothing was found for this query'. We used the lexico-grammatical search for these words in all possible grammatical forms. For example, in the field 'Word' we type the word *разработки*, while in the field 'Word 2' *расширили* and set the distance 1 – 1; 1- 2; 1-3. The results are: nothing was found for this query [23]. To sum it up, this linguistic units are not natural for the target language and therefore are untypical lexical frequencies in the Russian language.

In English, a subject-agent accompanied by a verb denoting an active action causing a state can be represented by nouns with the meaning of process, states, events, places, times, while the predicative core of the sentence can express temporal, spatial or other relationships. In this regard, preserving the original structure does not result in covert, or functional translation. One of the possible translation solutions may be to translate such statements by other linguistic means of expressing subject-object relations in the Russian language.

Supposedly, if we proceed from viewing translation as "an act of replacing linguistic units from the source language into target language" [4], i.e. produce the target text mostly through manipulations/transformations with the units of the source text, the target text will trace the features of the source language, and translating may result in untypical lexical pattern associations. This approach to translating is an obstacle on the way to achieving a

covert translation. According to Newmark, the main difficulty of translating collocations is "the continual struggle to find the appropriate collocations" [14, p. 213]. Finding the exact equivalence of the level of collocation in the target language is one of the major problems that the translators face [9].

Among the possible reasons behind the translation problems on the level of collocations are, according to Baker's model of collocational errors, are the following: the engrossing effect of source text patterning; misinterpreting the meaning of collocations in the source text; the tension between accuracy and naturalness; cultural-specific collocation and marked collocation in the source text [1]. After discussing the results of translation with the students by means of retrospection and interviews, we came to the conclusion that the primary reasons behind collocational errors in English-Russian student translations of scientific texts are the engrossing effect of source text patterning (62 % of the respondents), which can be accounted by a tendency to viewing translating as a replacement of words, and, surprisingly, a neglect to make a revision and self-editing of the target text (38% of the respondents), largely due to a lack of knowledge of revising principles and procedures, particularly on the level of textual norms. Students unconsciously tend to follow the source language patterning, placing special emphasis on replacing words from the source language into the target language to ensure accuracy in translation, which ultimately leads to a failure to produce a covert translation. Hence, greater emphasis should be placed on training students to focusing on collocational patterning in the source language and the target language from the discourse, or functional, perspective.

CONCLUSION

In translating, a text in one language should be replaced by an equivalent text in another language. Whether and how functional equivalence can be achieved critically depends on two empirically derived types of translation, or dichotomies of translation. Yet, in practice, even when students are confronted with the task to produce a functional, covert translation, our empirical data provide support for a source language dependent tendency. The problem of dichotomy of translation is tied to a theory of translation, rather than to a practice of translation and little serves practical pedagogical purposes in translation. Apparently, some methodological points must be studied in the further analyses. Further research should focus on developing a methodology underpinned by the discourse analysis to avoid the impact of the source language on translating. Additionally, further research should spin such topics as revising and editing in translation. These questions cannot be answered in the current paper, but could be analyzed in future research.

Библиография

1. Бейкер, М. (2018). *Другими словами. Учебник по переводу*. Лондон, Нью-Йорк: Раутледж.
2. Баснетт, С. (2002). *Теория перевода*. Лондон, Нью-Йорк: Раутледж.
3. Кеймбриджский словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
4. Кэтфорд, Дж. (1965). *Лингвистическая теория перевода*. Лондон: ОЮП.
5. Чан, Лео Так-хунг (2019) Современные взгляды на перевод в Китае. В: И. Гамбье, У. Стеккони (ред.). *A World Atlas of Translation* (стр. 81-103). Амстердам, Филадельфия: Джон Бенджаминс.
6. Честерман, А. (1998). *Контрастивный функциональный анализ*. Амстердам, Филадельфия: Джон Бенджаминс.
7. Демирсиоглу, С. (2019). Алтайская традиция: Турция В: И. Гамбье, У. Стеккони (ред.). *A World Atlas of Translation* (стр. 215-241). Амстердам, Филадельфия: Джон

Бенджаминс.

8. Фирт, Дж. (1957). Краткий обзор лингвистической теории 1930–1955. *Studies in Linguistic Analysis (special volume of Philological Society)*, стр. 1-32.
9. Хатим, Б., Мейсон, И. (1990). *Дискурс и переводчик*. Лондон: Принтер Паблшерз.
10. Хаус, Дж. (2018). *Основы перевода*. Лондон, Нью-Йорк: Раутледж.
11. Мандей, Дж. (2016). *Введение в теорию перевода*. Лондон, Нью-Йорк: Раутледж.
12. Мискья, К. (2013). Форенизация и сопротивление. Лоренс Венути и его критики. *Nordic Journal of English Studies*. № 12(2). стр. 1-23.
13. Ньюмарк, П. (1981). *Подходы к переводу*. Оксфорд, Нью-Йорк: Пергамон.
14. Ньюмарк, П. (1988). *Пособие по переводу*. Нью-Йорк: Прентис Холл.
15. Найда, Ю. (1981). Принципы соответствий. В: Л. Венути (изд.), *The Translation Studies Reader* (стр. 126-140). Лондон, Нью-Йорк: Раутледж.
16. Найда Ю., Табер, Ч. (1982) *Теория и практика перевода*. Лейден.
17. Норд, К. (2018). *Перевод как целенаправленная деятельность*. Лондон, Нью-Йорк: Раутледж.
18. Роса, А.А. *Дескриптивная теория перевода и полисистемная теория*. В: Ф. Занеттин, К. Рандл (ред.). *The Routledge Handbook of Translation and Methodology*. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315158945-4>
19. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода URL: <https://open.unive.it/hitrade/books/SchleiermacherMethods.pdf>
20. Тури, Г. (2012). *Дескриптивные теории перевода*. Амстердам, Филадельфия: Джон Бенджаминс.
21. Венути, Л. (1995). *Невидимость переводчика*. Лондон, Нью-Йорк: Раутледж.
22. Интернет-система двуязычных словарей. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/>
23. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: www.ruscorpora.ru
24. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы – 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Дихотомии в теории перевода и обучении переводу», предлагаемая к публикации в журнале «Litera» на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения теоретических особенностей переводоведения и реализации их при обучении переводу. Цель статьи рассмотреть, как базовая переводческая дихотомия трансформировалась в различных теоретических концепциях, и получить представление о том, может ли функциональная эквивалентность быть достигнута на практике при студенческих англо-русских переводах. Отметим небольшое количество научных работ по рассматриваемой проблематике, что делает статью новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автором применялись как общенаучные методы – анализ, синтез, метод сплошной выборки и др., так и лингвистические, корпусный анализ; контрастивный функциональный анализ и ретроспективный анализ.

Практическим материалом для данной статьи послужили выдержки из книги Сьюзан Баснетт "Переводческие исследования" и студенческие англо-русские переводы. В

проектах участвовали студенты 1-го курса магистратуры, специализирующиеся в области переводоведения (15 студентов). Студентам было предложено выполнить перевод, используя стратегию скрытого перевода.

К сожалению, автор не указывает количество респондентов, а также направленность их обучения и предыдущий образовательный опыт бакалавриата. Кроме того, отсутствуют сведения о контрольной группе. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает 24 источника, среди которых работы как отечественных, так и зарубежных ученых.

К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские монографии.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике перевода, переводоведении, а также в педагогической практике на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Дихотомии в теории перевода и обучении переводу» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли С. Репрезентация семантики лексемы «сладость и Тянь/Гань» через призму межкультурного сопоставления // Litera. 2025. № 2. С.261-271. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73329 EDN: FHXDYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73329

Репрезентация семантики лексемы «сладость и Тянь/Гань» через призму межкультурного сопоставления

Ли Сюэ

ORCID: 0000-0003-0569-5588

ассистент; инженерная академия; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
соискатель; институт русского языка; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ lingxinlx@yandex.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73329

EDN:

FHXDYE

Дата направления статьи в редакцию:

11-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В лингвистике растёт научный интерес к аспекту сопоставительного и контрастивного изучения культуры, которая отражается в языке. Такой подход предполагает исследование и описание национально-культурных особенностей, находящихся свое отражение в языковых единицах. Исследование языковой картины мира считается одним из ключевых направлений в современной лингвистике, объединяет разнообразные подходы и методы. В их сопоставительном изучении возможно увидеть фиксацию особого рода знаковой памяти каждой лингвокультуры. Изучение значений слов, различных потенциальных связей между словами и другими структурами языка, а также проведение языковых сопоставлений на основе лексических исследований –

важная филологическая задача. В статье проводится сопоставительный анализ лексемы «сладость» в русском языке и китайских слов «甜» (Тянь) и «甘» (Гань). Целью исследования является выяснение сходств и различий в значениях и использовании этих слов на примерах вкусового восприятия, эмоциональной окраски и лингвокультурных особенностей. В работе применен метод сопоставительного анализа на основе данных из авторитетных словарей русского и китайского языков, чтобы проиллюстрировать основные значения и переносные употребления слов. Результаты исследования убедительно доказывают, что лексема «сладость» и китайские лексемы «甜» и «甘» имеют значительное сходство в обозначении вкусового ощущения, тем не менее, различия становятся очевидными в эмоциональном контексте и социальных функциях слов. Необходимо особо отметить, что в китайском языке слово «甜» также может обозначать работу или выгоду, что не характерно для русскоязычного использования слова «сладость». Проведённый анализ демонстрирует как сходства, так и уникальные аспекты, отражающие лингвокультурные и эмоциональные различия. Межъязыковые различия проявляются в частичном сходстве, либо в существенном различии лингвокультурных коннотаций, возникающих в результате влияния культурных факторов, определяющих репрезентацию и место лексемы «сладость» в русском и китайском языках, как выразителе и хранителе культурной информации и знаний о мире.

Ключевые слова:

сладость, лингвокультура, семантика, сопоставительный анализ, вкус, русский язык, китайский язык, национально-культурная особенность, культура, эмоция

Введение

Язык имеет национальный характер, который отражен в нем через особые формы репрезентации мира, связующее звено между человеком и окружающим миром. Состояние языка находится в тесной связи с формой развития культуры. Изучение особенностей репрезентации различных концептов в языковой картине мира продолжает оставаться актуальным. Теоретическая основа данной статьи опирается на концепции лингвистической относительности [\[16; 18\]](#). Основное внимание уделяется систематической обобщению результатов исследований, посвящённых взаимосвязям между языком и культурой, представленных в многочисленных научных трудах [\[1; 2; 6\]](#). Кроме того, создание теоретической структуры невозможно без тщательной разработки определения понятия «культура» [\[5; 15; 17; 20; 36\]](#), которое служит не только фундаментом для построения теории, но и ключевым элементом, обеспечивающим эффективность анализа текстов, связанных с темой исследования.

Исследование лексики в современной лингвистике охватывает все аспекты лексического уровня языка, включая словоформы, значение слов, сравнительное и сопоставительное изучение слов и другие направления исследований, которые делают лексику объектом собственного изучения. Изучение вопросов семантики слов может способствовать дальнейшему исследованию культурных значений слов и устойчивых выражений и обогатить результаты лингвистических и культурологических исследований.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью углубленного анализа лексемы «сладость» в русском языке и понятий «甜(Тянь) /甘(Гань)» в китайском языке в аспекте их семантических, прагматических и культурных характеристик. Несмотря на

немалое количество работ, посвященных концепту «Вкус», детальное изучение лексемы «сладость» в русском языке и китайских слов «甜» (Тянь) и «甘» (Гань) «сладость» через призму межкультурного и межкультурного сопоставления остается недостаточно разработанным. Ценность проведенного исследования заключается в комплексном подходе, позволяющем выявить как универсальные, так и уникальные черты, присущие лексемам в двух языках. Особое внимание уделяется анализу не только основных значений и структурной соотнесенности, но и глубинных культурных коннотаций, которые эти лексемы приобретают в языковых системах русской и китайской культур.

Материалы и методы исследования

Основным источником языкового материала для данного исследования послужили различные виды русских словарей, таких как толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова [4], Д. Н. Ушакова [12], С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова [8], В. В. Морковкина [7] и словарь синонимов русского языка [10], а также разнообразные универсальные словари китайского языка, включая современный китайский словарь [30], Чжунхуа большой словарь иероглифов [35], современный китайский словарь (50000 слов) [19] и Синьхуа словарь иероглифов [31].

Метод лингвистического сопоставления – и важный исследовательский приём для изучения всеобщности языков и их единичности, их семантического различия в количественном, качественном отношении, форм выражения понятий в разных языках, национального своеобразия и анализа причин, детерминирующих сходство и различие. При углублении обсуждения в специфическую область пищевой культуры в качестве базы исследования была выбрана универсальная центральная лексема «сладость», сходства и различия между русской и китайской лингвокультурами раскрываются через подробное описание и сопоставительный анализ общих, сходных или абсолютно разных ценностей и мировоззрений, переносимых этой лексемой в различные языковые контексты (например, русский и китайский).

Результаты и обсуждение

«Вкус» как объект лингвистического исследования вызывает закономерный интерес и продолжает оставаться в фокусе внимания ученых, в том числе и языковое отражение концепта «вкус» во всем многообразии их культурологических особенностей. Ряд исследователей поместили «вкус» как классический концепт в разные языковые среды, такие как русская, китайская, английская и французская, чтобы провести сопоставительный анализ словообразования, лингвокультур и языковых средств выражения в поэтике. Среди них А. В. Двизова, Л. Б. Крюкова [3, с. 9], Е. Ю. Яровая [14, с. 184-191], которые отмечают, что языковые средства, описывающие вкус, неразрывно связаны с пищевой культурой, что свидетельствует о специфике культуры и зависимости языка от социального контекста при передаче сенсорного опыта, в частности, вкусовых ощущений. В статье А. А. Поляковой и Е. А. Юриной [9, с. 76-84] вкус как атрибут пищи становится репрезентантом метафоризации в процессе рассмотрения картины мира русского языка: «Значительный фрагмент метафоризации пищевой сферы составляет признаковая гастрометафора, которая реализует проекцию различных свойств и качеств продуктов питания на разнообразные явления окружающего мира». В статье Е. А. Юриной и А. В. Балдовой [13, с. 152-169] рассматриваются пищевые метафоры в русском лингвокультурном дискурсе, анализируется их языковая реализация на лексико-фразеологическом и текстовом уровнях.

При рассмотрении результатов исследований китайских филологов по ключевому слову «вкус», было обнаружено, что исследователь Цзян Шаоюй [24, с. 55-61] занимался диахроническим анализом семантики «пяти вкусов» (кислый, сладкий, горький, острый, солёный) по традиционным понятиям в китайском языке, сравнивая изменения основного и переносного значений этих вкусов с древности до современного состояния языка. Изучение семантических особенностей слов, обозначающих вкусовые ощущения, их культурных коннотаций, языковых явлений, таких как метафора и метонимия, связанных с вкусом, на материалах художественных произведений, также является распространёнными направлениями [22; 25; 26]. Часть исследований сосредоточена на сопоставительном анализе семантики слов, обозначающих вкусовые ощущения в разных языках, например, на сравнении значений вкусовых слов в китайском языке с их аналогами в корейском [27; 28], японском [33] и вьетнамском [21] языках. В некоторых исследованиях [23; 29; 34] представлены обзоры с макротеоретической точки зрения, охватывающие различные аспекты изучения слов, обозначающих вкусовые ощущения в китайском языке.

Сюй Идань [11] в статье сопоставила лингвокультурные характеристики концепта «сладость» в трёх языках – русском, английском и китайском. Хотя автор использовала лексему «сладкий» в качестве ключевого слова для углублённого сравнения общих и индивидуальных значений слова «сладость» в разных лингвокультурах, в анализе не принимал во внимание других возможных выражений, которые могут существовать в языке, непосредственно соответствующих концепции «сладости». Таким образом, ученый всесторонне проанализировал основные значения лексем «сладость» в русском и «甜» (Тянь) в китайском языках в различных словарях. Опираясь на работы Сюй Идань считаем, что для дальнейшего изучения понятия, содержащегося в китайской лексеме «甘» (Гань), которая является синонимом китайского слова «甜» (Тянь), необходимо выявить сходства и различия между ними на фоне межкультурной коммуникации.

Основное значение лексемы «сладость», как оно определяется в авторитетных словарях, соответствует прежде всего и непосредственно понятию, выраженному прилагательным «сладкий», другим словом, обозначает специфическое вкусовое свойство – «сладкий вкус» [4; 7; 8; 12]. Для лучшего образного описания абстрактного чувственного опыта лексикографы умело используют риторический прием «синестезия», направленный на обогащение и конкретизацию понимания того или иного сенсорного опыта (в данном случае – вкуса) путем мобилизации ассоциаций с другими органами чувств (например, зрением, осязанием). В частности, при толковании понятия «сладость» в качестве образного ориентира используются типичные объекты, обладающие характеристиками сладости, такие как *сахар*, *мёд* и другие. В результате не только усиливается интуитивное восприятие читателем вкусовых свойств, обозначаемых выражением «сладость», но и тонко расширяются границы этой смысловой категории, делая её более полной и доступной для понимания.

В словаре синонимов русского языка [10] синонимы слова «сладкий» представлены такими лексемами, как *сахарный*, *медовый*, *паточный*. Эти синонимы связаны с областью пищевой продукции: они относятся к продуктам, основным источником сладости которых является сахар, и к продуктам, содержащим натуральный сладкий вкус мёда, а также к тем, которые по составу и вкусу близки к конфетам с патокой. Это позволяет более тонко представить разнообразие проявлений вкусового атрибута сладости в различных пищевых продуктах.

С точки зрения начертания иероглифов в китайском языке «甜» (Тянь) состоит из двух частей – язык и сладкий. По объяснениям «Шовэнь цзецзы» основное внимание уделяется систематической обобщению результатов исследований, посвящённых взаимосвязям между языком и культурой, представленных в многочисленных научных трудах [32]: 舌, 知甘也 (Язык может ощутить сладость). В китайских словарях сладкий толкуется как «имеющий вкус, свойственный сахару или мёду, в противоп. горькому» [19; 30; 31; 35]. Таким образом, можно убедиться, что восприятие лексемы «сладкий» как в русской, так и китайской лингвокультурах основано на понимании концепта «сахар» и «мёд», что является общим для понимания концепта «сладость» носителями обоих языков. Иными словами, из всех видов пищи именно сахар и мёд в наибольшей степени ассоциируются со сладким вкусом. В зафиксированных примерах есть и другие продукты, которые могут быть модифицированы лексемой «сладкий» в качестве словосочетания, например: *Сладкие ягоды. Какой арбуз сладкий! Абрикос сладкий, как мёд. Сладкий сок.*

Более того, в китайском языке «甘» (Гань) и «甜» (Тянь) одинаковы в смысле выражения вкуса, в этом плане между словами нет никакой разницы. В толковом словаре китайских иероглифов «甜» (Тянь) также классифицируется как «甘» (Гань) в соответствии с формой иероглифа. «甘» (Гань) и «甜» (Тянь) также могут быть морфемами, которые имеют способность сочетаться с другими морфемами. Первоначальное значение «甘» (Гань) в языке подразумевает «сладкий» (например, 甘甜, 甘味), передавая значение «сладкий и приятный». Данное значение аналогично сладкому вкусу, выраженному лексемой «甜» (Тянь), но эмоциональная окраска, которую несёт в себе лексема «甘» (Гань), более насыщенная и позитивная. По сравнению с «甜» (Тянь), «甘» (Гань) не только обозначает специфические вкусовые ощущения, но и чаще используется для символизации положительных эмоций или состояния, приносящих удовлетворение.

В частности, когда «甘» (Гань) используется в сочетании с такими конкретными словами, как «роса (露水)», «родниковая вода (泉水)», «дождь (雨)», оно объединяется в такие слова, как 甘露 (сладкая роса), 甘泉 (сладкий источник), 甘霖 (долгожданный дождь). Природные элементы, описанные в этих словах, возможно, не отражают непосредственно «сладкие и приятные» характеристики в чувстве вкуса. Тем не менее, они придают этим элементам позитивное, и ценное символическое значение через «甘» (Гань). Также эти слова относятся к символам культуры, которые вызывают положительные ассоциации и ценностный смысл. Например, 甘霖 обозначает дождь после долгой засухи, в то же время, оно символизирует надежду. Такое употребление выходит за рамки обычного прямого описания вкуса и вместо этого подчеркивает приятные чувства, жизненную силу, надежду, которые они вызывают.

Кроме того, по сравнению со словами, образованными от морфемы «甜» (Тянь), такими как 甜膩, 甜丝丝, «甘» (Гань) (например, 甘味, 甘甜) имеет меньше слишком прямого и конкретного описания сладости, а скорее больше неявной и положительной эмоции при выражении подобных вкусовых ощущений. Такое различие свидетельствует о тонкости подбора лексики в китайском языке, то есть, с помощью различных сочетаний морфем передается богатый, разнообразный и тонкий эмоциональный опыт.

Таким образом, «甜膩» обычно часто используется негативной эмоциональной окраской, обозначает излишнюю -сладость, а также используется для описания чрезмерно преувеличенных, раздражающих эмоций, а «甘甜» обычно связано с приятными ощущениями и выражает комфортное, приятное чувство.

В некоторых случаях «甘» (Гань) и «甜» (Тянь) не взаимозаменяемы. В том случае, когда они относятся к наименованиям некоторых ингредиентов (за исключением названия

десертов), «甘» (Гань) и «甜» (Тянь) имеют различное узусальное сочетание: *甘薯, 甘蓝, 甘蔗, 和甜菜, 甜瓜, 甜酱, 甜酒, 甜味菊*. Эти слова уже являются фиксированными номинативными структурами, и, хотя «甘» (Гань) и «甜» (Тянь) выражают схожие вкусовые понятия в широком смысле, они в высшей степени фиксированы и невзаимозаменяемы в специфическом лексическом составе. Например, в этих словах «甘» (Гань) и «甜» (Тянь) сочетаются с определёнными морфемами существительных, образуя имена собственные с чёткой референцией. В таких конструкциях «甘» (Гань) и «甜» (Тянь) являются морфемами, и их положение закреплено, поэтому нет вариантов, таких как «甜薯», «甜蓝», «甜蔗», «甘菜», «甘瓜», «甘酱», «甘酒», «甘味菊». Подобное явление является отражением стабильности и специфичности структуры лексической системы китайского языка: при формировании словарного состава разные морфемы следуют определённым правилам сочетания, которые обусловлены историческим развитием языка, культурным фоном и когнитивными особенностями людей. В русском языке есть примеры аналогичных черт, отражающих точность лексем: *Сладкий перец (паприка, красный перец); Сладкое вино (приготовленное из сортов винограда с большим содержанием сахара); Сладкое шампанское (сорт такого вина)*.

В русском языке с точки зрения выражения коррелятивности к еде, помимо обозначения вкуса, лексема «сладкий» имеет ещё и значение «*Приготовленный с сахаром, мёдом, вареньем и т. п. (о кушанье)*» [7]. Она может быть использована для описания сладкого блюда или специфических продуктов со сладким вкусом, либо для обозначения «*Испачканный вареньем, мёдом и т. п.*»: *Сладкие губы; Не трогай скатерть сладкими руками*. «Сладкие руки или губы» тут не означает, что рот и руки сами по себе имеют сладкий вкус. Это описание основано на контакте или загрязнении рук и рта веществами, обладающими особым сладким вкусом, такими как варенье или мёд. Здесь «сладкий» больше не относится строго к присущим веществу свойствам, а используется для обозначения аналогичного, не буквального ощущения сладости, опираясь на характеристики типичных сладких продуктов. Такое употребление в большей степени отражается на культурной коннотации языка, чем на прямой научной классификации. А в китайском языке, когда необходимо выразить подобное метафорическое значение, недостаточно опираться только на буквальное значение слов «甘» (Гань) и «甜» (Тянь), требуется их комбинирование с другими словами.

Исходя из обозначения вкуса пищи, лексема «сладкий» в дальнейшем приобрело множество значений, тесно связанных с эмоциональным состоянием. В большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова [4] есть две категории, связанные с определением «эмоциональное состояние», в одной – положительные эмоции, которые символизируют внутреннюю радость и удовлетворение: «1. Вызывающий приятное ощущение при восприятии (о звуках, запахах): *Сладкий запах акации. Сладкий аромат цветов*; 2. Проникнутый довольством, счастьем, радостью: *Сладкий миг; Сладкое мгновенье; Сладкая жизнь*; 3. Приятный; доставляющий удовольствие, наслаждение: *Сладкие грёзы; Сладкий поцелуй; Сладкий сон; Сладкие воспоминания*». В другой – менее позитивное значение, проявление эмоций с компонентом фальши, которым часто недостает искренности и глубины. Между тем, такое разделение на самом деле делает лексему более богатой и конкретным в выражении эмоций: «4. Умильный, приторно-угодливый: *Сладкая улыбка; Сладкий взгляд; Сладкие речи; Сладкий голос*».

Применительно к китайскому лексеме «甜» (Тянь) обычно используется в значениях, обозначающих чувства приятности, радости и благодати, например: *甜美, 甜蜜, 甜腻, 甜润, 甜丝丝* – все эти примеры подразумевают положительную эмоциональную окраску. В отличие от смысла «甜» (Тянь), в слове «甘» (Гань) речь идёт об отношении, поведении,

основанном на внутренней самоидентификации, добровольности или желательности, например: *甘愿* (по собственной воле, добровольно), *甘心情愿* (делать что-л. с охотой, охотно идти на что-л.), *甘心* (по доброй воле, с радостью; быть готовым), *甘愿吃苦* (переносить трудности с охотой), *甘之如饴* (принимать что-то с горечью, принимать как должное), *甘居人下* (признавать превосходство), *甘休* (соглашаться на прекращение чего-л.). В приведённых примерах вкладывается смысл, подчёркивающий внутреннюю готовность человека противостоять трудностям, принимать и терпеть боль, когда перед ним стоит выбор или вызов. При этом слово *甘心* часто используется с отрицательным словом «не» (不) – *不甘心* (чувствовать некоторую неудовлетворённость), так как в практическом применении оно имеет противоположное значение: неохотно отказываться от чего-либо.

Слово «*甜言蜜语*» дословно переводится как «сладкие речи, медовые слова», его употребление соответствует выражениям в русском языке, означая «притворная доброжелательность; чрезмерно ласковый»⁴. Под этим словом понимается средство общения для получения особой цели (например, чтобы угодить, манипулировать или ввести в заблуждение других) с помощью сладости соблазнительной речи.

К тому же, в большом универсальном словаре русского языка [7] представлено ещё одно значение: «такой, который, будучи по природе отрицательным чувством, ощущением, заставляет по какой-то эмоционально значимой причине чувствовать удовольствие, наслаждение: сладкая боль; сладкая мука; сладкое страдание; сладкая печаль». Похожие выражения в китайском языке «*甜蜜的伤痛*» (сладкая боль), «*甜蜜的悲伤*» (сладкая печаль) и другие репрезентируются не напрямую через «甜» (Тянь), а посредством модифицирования составных слов «*伤痛*», «*悲伤*» с помощью слова, образующего «*甜蜜*» из слова «甜» (Тянь). Слова, противоположные друг другу в регулярных контекстах, объединяются и превращаются таким образом в *уникальный эффект экспрессии*.

Помимо описания значений «вкус», «эмоция», лексема «сладкий» также означает «вкусный». Из примеров «*заработанный хлеб слаще; голодному любой кусок сладок*» легко выяснить, что лексема «сладкий» тут не значит, что хлебу присущ сладкий вкус, как у меда или сахара, а значит эмоциональное или психологическое удовольствие. Особенно когда удовольствие приходит от результатов, полученных после напряжённой работы. В этом примере лексема «сладкий» переходит от описания сладости вкуса к изображению положительной оценки вкуса, которая превышает собственно вкусовые ощущения и учитывает эмоциональные, психологические и социокультурные аспекты. Для голодающих хлеб является не только пищей для выживания, но и символом стремления и удовлетворения. Таким образом, даже самый обычный хлеб в этом контексте наделяется «сладким» вкусом. Такая сладость является воплощением душевного успокоения.

Более того, словоформа среднего рода «сладкое» от лексемы «сладкий» воспринимается как лексема с независимым значением. Оно повторяет такое значение, как лексема «сладости» (образованное от формы множественного числа слова «сладость»), обозначая «*кондитерские изделия, конфеты, варенье, мёд и т. п.: купить сладостей; есть сладости; угощать сладостями; восточные сладости; поднос со сладостями*». В китайском языке для выражения аналогичного значения используются слова *甜食*, *甜品*, *甜点*, *甘旨*.

В китайском языке слова с морфемой «甜» (Тянь) также могут обозначать работу (например *甜活*) и выгоду (например *甜头*).

Лексема «сладкий» в определённом контексте (например, в таком ласковом обращении к детям, как «Спи, мой сладкий!») не толкуется буквально как «сладкий вкус», а используется как своего рода интимное, тёплое обращение к человеку, отражающее любовь и близость говорящего к тому, кому оно адресовано (обычно это ребёнок).

В китайском языке лексема «甜» (Тянь) часто используется для описания внешности или характера человека. Выражение «长得甜» обычно описывает внешность, оставляющую впечатление миловидности, и «嘴甜» чаще всего относится к способности человека своими словами угождать другим, вызывая симпатию. Эти употребления выходят за рамки первоначального значения слова «甜» (Тянь) и используются для оценки внешних или характерных черт человека.

В итоге, после сопоставления разнообразных значений концепта «сладость» в русском и китайском языках, представлена следующая схема (Рис. 1):

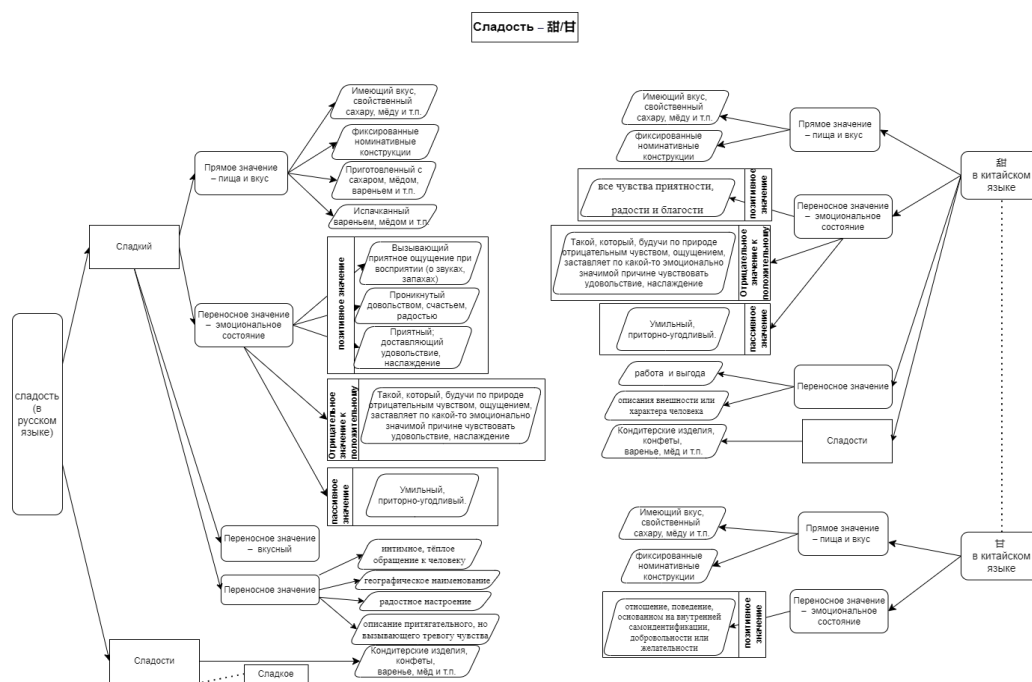

Рис. 1: Семантики лексемы «сладость и 甜/甘» в русском и китайском языках

Fig. 1: Semantics of the lexemes "sweetness and 甜/甘" in Russian and Chinese languages

Заключение

Отличительные черты национальных культур могут быть раскрыты и исследованы с помощью приемов сопоставления, что позволяет лучше проиллюстрировать фрагмент картины мира, передаваемый языком. Лексика, являясь неотъемлемым аспектом языка, способна в определенной степени отражать субъективное восприятие человеком объективного мира. Когда речь идет о лексическом уровне языка, мы должны обращать внимание не только на внешнюю структуру, но и вникать в микрокосм каждого слова, чтобы выявить наиболее важные элементы.

Лексема «сладость» в русском и китайском языках имеет как общие, так и различные значения. В китайском языке понятию, соответствующему русскому слову «сладкий», соответствуют два слова: «甜» (Тянь) и «甘» (Гань).

При детальном анализе семантики лексемы «сладость» в русском и китайском языках, следует отметить, что «сладость», «甜» (Тянь), «甘» (Гань) в своём основном значении демонстрируют значительное сходство, указывая на ощущение сладкого вкуса,

аналогичного мёду или сахару. Соответствие в обоих языках выражено с высокой степенью точности. В дополнение к значению вкуса, то же значение, что и в русском языке, используется в качестве наименования для обозначения пищевых продуктов.

В плане выражения эмоциональных переносных значений русская лексема «сладкий» отличается более детализированной классификацией значений. В китайском языке два слова — «甜» (Тянь) и «甘» (Гань) — также имеют различия в эмоциональной окраске. Если взять за основу значение слова «сладкий» в русском языке и сравнить его с китайскими словами «甜» (Тянь) и «甘» (Гань), то можно заметить, что «甜» (Тянь) обладает большим количеством общих черт с русской лексемой, чем «甘» (Гань).

В русском языке лексема «сладкий» иногда используется как ласковое обращение к людям, особенно к детям, тогда как в китайском языке лексема «甜» (Тянь) чаще употребляется для описания внешности или характера человека. Лексема «甘» (Гань), как правило, не используется в этом смысле. Кроме того, в китайском языке «甜» (Тянь) также может означать «работа» или «выгода».

Сравнительный анализа русской лексемы «сладость» и китайских лексем «甜» (Тянь) и «甘» (Гань) была выявлена высокая степень согласованности в обозначениях вкусового ощущения, исследованы уникальность и взаимодополняемость этих слов в культурном контексте, эмоциональном выражении и социальных функциях. Межъязыковые различия проявляются в частичном сходстве, либо в существенном различии лингвокультурных коннотаций, возникающих в результате влияния культурных факторов, определяющих репрезентацию и место лексемы «сладость» в русском и китайском языках, как выразителе и хранителе культурной информации и знаний о мире.

Библиография

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 5-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 288 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: [монография] / В. В. Воробьев. – Москва: Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.
3. Двизова А. В., Крюкова Л. Б. Языковые особенности репрезентации семантики вкуса в стихотворениях Б. Пастернака // Вестник ТГПУ. 2014. № 2 (143). С. 76-79.
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1535 с.
5. Лотман Ю. М. Понятие культуры // Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство – СПб, 1994. – 399 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка [Электронные ресурсы]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=сладкий&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=сладкий&mode=slovari&dicts[]=48) (Дата обращения: 10.08.2024)
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. Б. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 стр.
9. Полякова А. А., Юрина Е. А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник ТГПУ. 2020. №2 (208). С. 76-84.
10. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А–Н / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 680с.
11. Суй Идань. Лингвокультурные особенности концепта сладость в русской, английской и китайской картинах мира // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика

и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 61-68.

12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка, Д. Н. Ушаков. М.: "Аделант", 2013. 800 с.

13. Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе // Язык и культура. 2020. № 50. С. 152-159.

14. Яровая Е. Ю. Лингвокультурологические особенности концепта «вкус» в русской, французской и английской концептосферах // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3 (24). С. 184-191.

15. Kroeber, A. L., Kluckhohn C. (1952). Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, MA: Peabody Museum.

16. Sapir, E. (1929). The status of linguistics as a science. Language, 5(4), 207-214.

17. Tylor, E. B. (1871). Primitive Culture. Vol. 1, p. 1.

18. Whorf, B. L. (1956). Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. MIT Press.

19. -50000词现代汉语词典/汉语大字典编纂处编著. -2版. -成都:四川辞书出版社, 2016

20. 陈华文. 民俗文化学 - 浙江:浙江工商大学出版社, 2014.

21. 范氏秋红, 冯学锋. 汉越味觉词语情感隐喻体验基础认知对比[J]. 湖北民族学院学报(哲学社会科学版), 2015, 33(04):104-108.

22. 胡柯晴. 概念隐喻视角下味觉词的研究--以《白鹿原》中的“甜”“苦”“辣”为例[J]. 芒种, 2024, (06):78-80.

23. 姜晓. 汉语味觉词研究综述[J]. 社会科学家, 2010, (03):158-161.

24. 蒋绍愚. 五味之名及其引申义[J]. 江苏大学学报(社会科学版), 2008, (03):55-61.

25. 李金兰. 味觉隐喻化的认知结构及语义特征[J]. 修辞学习, 2005, (03):56-58.

26. 廖正刚, 林正军. 《黄帝内经》中基本味觉词的隐喻和转喻[J]. 东北师大学报(哲学社会科学版), 2017, (02):7-12.

27. 刘一双. 浅析中韩味觉词意义对比--以“苦”为主[J]. 西南民族大学学报(人文社科版), 2009, 30(S1):228-230.

28. 刘一双. 中韩味觉词对比研究[J]. 西南民族大学学报(人文社会科学版), 2011, 32(S2):278-281.

29. 莫丽红, 白解红. 汉语味觉词多义性的认知知识研究[J]. 湖南社会科学, 2015, (04):212-214.

30. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. - 7版. - 北京: 商务印书馆, 2016

31. 新华字典(大字本) -10版. -北京: 商务印书馆, 2004

32. 许慎. 说文解字 [Электронные ресурсы]. URL:

<https://qwk.bnu.edu.cn/#/danziDetail/49c12ccb-35cc-437b-af4a-3fe126df8fca/甜/22d3af76-1ffe-46da-8c28-40e7dfe6b8d2/0> (汉字全息资源应用系统) (Дата обращения: 10.08.2024)

33. 张韶岩. 日汉语基本味觉词引申义之比较[J]. 解放军外国语学院学报, 1999, (06):35-38.

34. 赵青青, 熊佳娟, 黄居仁. 通感、隐喻与认知--通感现象在汉语中的系统性表现与语言学价值[J]. 中国语文, 2019, (02):240-253+256.

35. 中华大字典/《现代汉语工具书书库》编委会主编. - 北京: 光明日报出版社, 2002

36. 钟敬文. 民俗学概论 - 上海:上海文艺出版社, 1998.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Репрезентация семантики лексемы «сладость и Тянь/Гань» через призму межкультурного сопоставления», представленной для публикации в журнале «Litera», основное внимание сосредоточено на выявлении семантических, прагматических и культурных особенностей репрезентации концепта «сладость» в русском и китайском языках.

На основе материалов, выбранных из различных словарей, методом лингвистического

сопоставления изучаются сходства и различия в представлении универсальной центральной лексики «сладость» в русской и китайской лингвокультурах, при этом выявляются отличительные семантические и функциональные особенности между китайскими лексемами «甘» и «甜».

Автор отмечает схожесть в значении «ощущение сладкого вкуса, аналогичного мёду или сахару» слов «сладость», «甜» (Тянь), «甘» (Гань), однако «в плане выражения эмоциональных переносных значений русская лексема «сладкий» отличается более детализированной классификацией значений», при этом «甜» (Тянь) обладает большим количеством общих черт с русской лексемой, чем «甘» (Гань). Также рассматриваются сочетаемостные характеристики двух китайских слов, позиции которых закреплены в определенных номинациях, что «является отражением стабильности и специфичности структуры лексической системы китайского языка» или отражением культурной коннотации.

Составленная по результатам исследования схема семантики лексики «сладость и 甜/甘» в русском и китайском языках включает в себя достаточно полный спектр значений слова в двух языках. Думается, что в перспективе схему следует дополнить этимологическими сведениями, которые добавят ясности в интерпретации семантики слов.

В тексте замечены технические ошибки, которые подлежат устранению: опечатки («хотя автор использовала лексема "сладкий"», «По объяснениям «Шовэнь цзецзы» сновное внимание уделяется систематической обобщению», «модифицированы лексемой «сладкий» в качестве словосочетании», «Применительно к китайскому лексеме «甜» (Тянь) обычно используется») и нарушения связи между подлежащим и сказуемым («лексикографы умело использует», «лексема «сладкий» в дальнейшем приобрело»), стилистические погрешности («甜膩» обычно часто используется негативной эмоциональной окраской», «(Гань) имеет меньше слишком прямого и конкретного описания сладости, а скорее больше неявной и положительной эмоции при выражении подобных вкусовых ощущений», «Сравнительный анализа русской лексики «сладость» и китайских лексем «甜» (Тянь) и «甘» (Гань) была выявлена высокая степень»). Пунктуационные ошибки чаще всего связаны с постановкой избыточных знаков препинания, например, «они придают этим элементам позитивное, и ценное символическое значение через «甘» (Гань)», «в то же время, оно символизирует надежду».

В целом, работа написана на актуальную лингвокультурологическую тему, может вызвать значительный интерес у читателей, занимающихся выявлением культурно-коннотативных значений слов. Считаю, что статья «Репрезентация семантики лексики «сладость и Тянь/Гань» через призму межкультурного сопоставления» может быть опубликована в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Снеткова М.С. Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто // Litera. 2025. № 2. С.272-291. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.71529 EDN: FGQDOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71529

Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто

Снеткова Марина Сергеевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иберо-романского языкознания; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; доцент, кафедра романо-германских языков; ВАВТ Минэкономразвития России

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр.51, ауд. 1058

✉ marina_snet@inbox.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.71529

EDN:

FGQDOL

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье становятся лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» (1746 г.) монаха-бенедиктинца эпохи Просвещения Мартина Сармьенто. Этот признанный современниками эрудит оставил после себя богатое наследие в различных областях знания: богословии, географии, истории, искусстве, лингвистике, образовании, биологии, медицине и др. М. Сармьенто вел очень уединенный образ жизни и не публиковал свои размышления, поэтому его влияние на последующие поколения было скорее точечным, а тексты стали пристально изучаться только в XX в. «Разговор...» по-своему уникален: он сочетает в себе черты лексикографического описания и художественного произведения и считается первым современным текстом,

целиком написанным на галисийском языке. В статье применяются лингвостилистический и контекстуальный анализ текста, описательный и культурно-исторический методы исследования. Научная новизна публикации состоит в том, что впервые в отечественной науке «Разговор...» становится объектом филологического осмысления. Кроме того, рассмотрение средств создания образа Галисии вписывается в актуальную культурологическую проблематику описания процесса формирования испанского национального характера. В результате анализа были выявлены следующие особенности: в образе Галисии наблюдаются черты, которые в дальнейшем сформируют стереотипное представление об автономной области (это красивый, богатый природными ресурсами, традиционный аграрный регион); галисийцы, даже живя на чужбине, осознают себя особым сообществом, они глубоко вписаны в народную культуру с ее праздниками, суевериями и языковым богатством, при этом между ними и остальными жителями Испании чувствуется напряженность; благородные галисийцы практически идеализируются, крестьяне же, несмотря на несдержанность в суждениях, симпатичны и обладают чувством юмора. Среди задействованных в тексте лексико-стилистических средств важную роль играют галисийские реалии (как общеизвестные, так и редкие лексемы); ряды однородных членов, объединяющие слова по принципу лексико-семантических полей; сравнение, игра слов, ирония, снижение образов.

Ключевые слова:

Галисия, галисийский язык, Мартин Сармьенто, галисийская литература, лексико-семантическое поле, реалия, суеверие, игра слов, ирония, снижение образов

Введение

Монах-бенедиктинец Мартин Сармьенто (frei Martín Sarmiento, 1695–1772) является уникальным галисийским деятелем эпохи Просвещения. Обладатель богатейшей библиотеки (на момент его смерти она насчитывала 7.500 томов, в том числе редких и уникальных книг [\[16, с. 145\]](#)), признанный современниками эрудит, с которым советовались и находились в постоянной переписке не только король, но и ученые самых разных специальностей, он вел крайне закрытый и уединенный образ жизни в своей мадридской келье: принимал визиты, щедро делился поистине энциклопедическими знаниями, но неоднократно отказывался от предлагаемых постов и членств в академиях и принципиально не публиковал свои многочисленные исследования и размышления. Поэтому его влияние на современников и последующие поколения было скорее точечным, наследие сохранилось в основном в рукописях, не полностью, и значительную его часть составляют письма. В 2002 г., объявленном годом Мартина Сармьенто [\[15\]](#), ученые подсчитали, что он написал порядка 150 исследований разного объема, что составляет от 16 до 24 тысяч страниц, и в юбилейный год из этих материалов было не издано порядка 65% текстов [\[13, с. 63\]](#). Увлеченный целым рядом дисциплин — среди них, помимо богословия, можно отметить географию, историю, искусство, лингвистику, биологию, литературоведение, образование, медицину и др. [\[14, с. 218\]](#), — он также стал автором «первого современного текста, целиком написанного по-галисийски» — «Разговора 24 галисийских крестьян» («Coloquio de vinte e catro galegos rústicos», 1746 [\[24\]](#)) [\[12, с. 212\]](#). Нельзя забывать, что М. Сармьенто жил и работал в эпоху так называемых «Темных веков» галисийской словесности (Séculos escuros, сер. XV–нач. XIX вв. [\[29, с. 81\]](#)), когда местный язык был практически полностью вытеснен из

письменной речи испанским языком.

Тексты М. Сармьенто, посвященные собственно филологической проблематике, впервые были изданы в Испании в конце XIX – начале XX вв. (*Carta al P. M. Esteban de Terreros sobre el Origen de la Lengua Gallega*, 1878; *Onomástico Etimológico de la Lengua Gallega*, 1923; *Elementos Etimológicos según el Método de Euclides*, 1928–1923). В 1960-е гг. ключевую роль в изучении этой части наследия М. Сармьенто сыграл профессор университета Саламанки Х. Л. Пенсадо [19, с. XIII–XV]. В последней трети XX в. научные статьи и более крупные исследования стали издаваться относительно регулярно. Несомненно, очень важным стал и юбилейный 2002 г., в течение которого Галисийская академия языка и ряд других институтов проводили посвященные М. Сармьенто мероприятия и осуществили ряд публикаций.

Сложность изучения «Разговора...» связана с тем, что оригинальная рукопись была обнаружена только в 2002 г. [25]. Более ранние исследования, в том числе подробнейшие книги Х. Л. Пенсадо 1970 г. [22] и Р. Мариньо Паса 1995 г. [23], осуществлялись с опорой на ряд копий. Так, Э. Монтеагудо, обнаруживший оригинал, в своем исследовании [17] использовал 7 рукописных вариантов и 5 печатных изданий. Разная степень сохранности и полноты этих копий, тот факт, что они могли делаться не с оригинальной рукописи, а также то, что переписчики, как правило, не владели галисийским языком, привели к значительному полиморфизму текстов (это можно проследить даже на примере названия текста в разных изданиях [22–25]). Теперь, когда оригинал выложен в открытом доступе на ресурсе Института галисийского языка [24] (именно его мы будем цитировать в этой статье), часть выводов из ранее опубликованных исследований могут быть скорректированы.

В отечественной научной традиции имя М. Сармьенто малоизвестно. В частности, оно упоминается в контексте исследования истории испанской и галисийской литературы [2; 5, с. 23] или становления нормы галисийского языка [3, с. 20–22; 1, с. 63–64; 6, с. 280–281]. Анализ лексическо-стилистической составляющей «Разговора...» не только знакомит отечественного читателя с ранее не цитированным текстом и дает представление о состоянии галисийского языка XVIII в., но и позволяет проследить эволюцию традиционного представления о Галисии и галисийцах, что немаловажно для осознания понятия «испанский национальный характер» [4, с. 6].

Замысел, структура и сюжет «Разговора...»

Текст «Разговора...» довольно необычен: он сочетает в себе черты художественного произведения и лексикографического исследования (именно последняя составляющая была для автора главной [19, с. XIII]), и состоит из 1200 четверостиший, написанных шестисложником с рифмовкой четных строк.

Как и указано в названии, это разговор нескольких галисийских крестьян. Возвращаясь домой из разных мест Испании, они встретились на привале на живописном плоскогорье близ Понтеведры (города в одноименной провинции на западе Галисии) и обсуждают потрясшую всех новость: смерть короля Филипа V и восшествие на престол его сына Фердинанда VI. Текст написан по горячим следам — в 1746 г. — и не был завершен автором: на первой странице действительно указаны 24 персонажа, но в действительности относительно долго говорят только четверо — два мальчика и две девочки, которые работают слугами в Мадриде и стали свидетелями ключевого события, а также выполняющий роль рассказчика дядюшка Маркос да Портела (Tío Marcos da

Portela) — своеобразный эталон галисийского крестьянина.

Для более полного понимания «Разговора...», его следует изучать вместе с 3-мя связанными с ним испаноязычными текстами М. Сармьенто: 1) письмом от 14 января 1751 г., адресованным Франсиско де Раваго и 2) коротким вступлением, в которых автор поясняет замысел своего произведения, 3) а также глоссарием к первым 194 четверостишиям, который автор начал составлять уже после написания «Разговора...» и, возможно, дополнял на протяжении всей жизни. Глоссарий представлен только в издании Х. Л. Пенсадо и занимает более 300 страниц [22, с. 160–474]. В нем автор уделяет основное внимание этимологии, для подтверждения которой ссылается на античных и испанских авторов; отмечает отличия галисийской фонетики от испанской и поясняет свои орфографические решения; комментирует реалии. Также полезны и другие лексикографические работы М. Сармьенто, посвященные галисийскому языку, например [21; 26].

В следующей цитате из вступления мы бы хотели обратить внимание на два момента.

«Recopiladas para mi curiosidad, y para tenerlas presentes en la memoria, en unas coplas de estilo *pueril y rústico*, del metro que en castellano llaman de *Perico y Marica*, y aunque no soy poeta y estas coplas son las primeras que hice en este *metro, idioma y estilo*, importa poco que no sean buenas, pues mi asunto ha sido juntar muchas voces gallegas particulares y escribirlas en su *verdadera ortografía*, que observé en varios instrumentos en lengua gallega, que leí en Pontevedra, y en otras partes, con singular gusto. <...> Como yo acababa de llegar de Galicia, y traía frescas en la memoria muchas voces y frases gallegas, se me antojó tentar el hacer un *romanzón* que comprendiese las más de ellas y al asunto dicho» [22, с. 81].

Во-первых, во время своего путешествия по Галисии в 1745 г. М. Сармьенто заново открыл для себя и эту область Испании, и галисийский язык, в дальнейшем апология и того, и другого будет постоянно присутствовать в большом количестве его текстов. М. Сармьенто родился в провинции Леон (в муниципальном округе Вильяфранка-дель-Бьерсо), но практически сразу семья переехала в Понтеведру, так что родным языком для него стал галисийский, а Галисию и Понтеведру он воспринимал как малую родину. При этом, избрав духовную стезю, в 15 лет он оказался в Мадриде и на долгое время потерял непосредственную связь с языком. Так что первая задача текста — зафиксировать как можно больше примеров галисийских слов «в их истинной форме».

9. Se ven Portonovo,

è junto San Xenxo,

Marin e Combarro,

Lourido, e Campêlo.

Лексикографическую направленность текста иллюстрирует уже 9 строфа: в ней представлено начало списка местных топонимов, который продолжается в соседних строфах. По такому же принципу строится большое количество лексико-семантических полей. Задается базовая ситуация, например: что едят люди на привале, что покупают на рынке, какие угощения подают на празднике, как выглядят участники процессии — и несколько строф отводится под перечисление с минимальным синтаксическим оформлением.

Второй интересный момент — это источники, которыми пользовался М. Сармьенто. Известно, что во время трех своих путешествий по Галисии (которые в общей сложности длились 28 месяцев: в 1725, 1745 и 1754 гг.) он изучал архивы в монастырях и обнаружил там не только административную переписку на местном языке, но и «Песни во славу Девы Марии» («Cantigas de Santa María») Альфонса X Мудрого, и одним из первых в Испании заинтересовался трубадурами. Эти сведения появляются и в глоссарии в «Разговоре», и в других его работах, посвященных галисийскому языку, и позволяют автору в плане грамматики и графики использовать этимологический подход и знание португальского языка. Однако в том, что касается лексики и содержания, он решил опираться на живую речь, которую отчасти помнил с детства, отчасти активно записывал во время пребывания в Галисии. И с этой целью он выбрал форму «coplas de Perico y Marica», в которой в Испании писали сатирические стихи на злобу дня. Сам автор акцентирует внимание читателя не на обличительном характере таких стихов, а на народной и «ребяческой / детской» составляющей («estilo *pueril* y *rústico*», «cantigas... que cantan os penos», строфы 87–88). В «Разговоре...» критики не так много, но эта форма позволила М. Сармьенто задействовать не только нейтральный, но и разговорный и временами сниженный регистр галисийского языка, а также сделать текст занимательным.

Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре...»

Итак, обратимся к примерам (мы используем версию текста [\[24\]](#) и нумерацию строф, использованную в более ранних изданиях [\[22; 23\]](#)).

1. Пейзаж в тексте представлен в зачаточном состоянии:

1. No chàn que en Morràzo,

chaman ôs Galêgos,

Chán de Parafíta,

que chega asta ô céo.

8. Se vè **ô mar bravo,**

sè vè **ô mar quêdo,**

de Ons, èdò Tambo,

as Ilhas ao Lexos.

16. Ôs olhos se fartan

con tanto recreó,

de Terra, de verde,

de mar, è de céo.

17. Ali, nô chán dito,

subindo, ou decendo,

â gente se para

relouca de vèlo.

Отметим, что этот пейзаж ровно такой, каким его рисовали все последующие поколения галисийских и испанских писателей: огромные просторы, простирающиеся до горизонта (1 строфа); то бушующее, то тихое море (8); земля, зелень, море и небо (16). На человека все это производит самое благостное впечатление: глаз отдыхает (16) и счастлив созерцать такую картину (17).

Для М. Сармьенто этот образ имел большую эмоциональную нагрузку: он описывает места, которые знал с детства, и природу, которую, по сути, видел только в Галисии, потому что в обычной жизни большую часть времени не выходил из своей кельи. В дальнейшем же такое изображение Галисии стало стереотипом. Например, современный писатель и публицист М. А. Мурадо называет его «невинным / наивным пейзажем» (paisaxe inocente) и ругает за него современных авторов, потому что Галисия, по его мнению, давно перестала им исчерпываться [\[18\]](#).

2. Важность природного компонента подчеркивается и в **именах** героев: с одной стороны, мы видим названия птиц, с другой, акцент сделан на водных источниках, которые обеспечивают плодородие региона:

Perucho dos **Merlos** (дрозд),

Maruxa das **Rulas** (горлица),

Xerpiño da **Fonte** (ручей, источник),

Minguiña do **Rêgo** (ручей, источник).

3. Следующий длинный лексический ряд — это **продукты питания**, создающие образ сельскохозяйственного и богатого природными ресурсами региона. Так, на привале крестьяне достают кусочки хлеба и сыра, варенные в скорлупе каштаны [\[22, с. 214\]](#), сезонные фрукты (21).

20. ...almorzan, merendan,

è failles proveito:

21. **frangullas de pan,**

migallas de queixo,

castañas mamótas,

ou fruta do tempo.

Довольно многочисленны морепродукты, которыми по праву славится Галисия: мидии, раки, крабы (22), литорины и сердцевидки (23). В качестве особой похвалы региону указано, что эти ракушки дешевы (22, 23) и продаются сотнями (23):

22. Sê compran nà Vila

por pouco diñeiro,

ameixas è ostras,

centòlas, cranguèjos;

23. E mais **caramuxos**,
que compran por centos,
 os **berberichiños**
que têm pouco prezo...

В следующих строфах список продуктов питания продолжается (названия блюд, овощи, мясо), однако из этой группы примеров самого длинного комментария в глоссарии удостоились именно строфы 22 и 23, он занимает 28 страниц. По всей видимости, автор хочет подчеркнуть уникальность природных богатств региона, а потому не только приводит сведения по этимологии, орфографии и вариативности, ссылаясь на Аристотеля, Плиния, Исидора Севильского, Ф. Рабле и др., но и анализирует достаточно много других лексем из этого лексико-семантического поля: *resèbes* (морская утка), *soncha vieira* (гребешок Святого Иакова), *rôlbo* (осьминог) и мн. др. [22, с. 217-245]. Аналогичными списками дана лексика, называющая утварь и инструменты, способы рыбной ловли, музыкальные инструменты, имена святых — автор создает образ традиционного общества, занятого сельским хозяйством.

4. Также М. Сармьенто включает в текст **узнаваемые галисийские реалии**.

449. A istos semellan

no noso terréo,

Romages, è **feiras**,

con **gaita**, e **pandeiro**.

«Gaita e pandeiro» (волынка и бубен) предстают как символ веселья. Особенно нарядные участники празднования сравниваются с волынщиками (*cal van ôs Gaiteiros*, 529). Праздничная процессия уподобляется галисийским паломничествам (*romages*) и ярмаркам (*feiras*), приуроченным к разным религиозным праздникам.

Среди стереотипов о галисийцах и по сей день живо представление об этом народе как об очень суеверных людях. Испанские и французские источники XVI–XVII веков отмечают как многочисленные попытки католической церкви укрепить свои позиции в Галисии, так и наличие очень трудно изживаемых **суеверий** [9, с. 46]. Не удивительно, что к ним обратился в своем тексте и М. Сармьенто:

964. Jesùs! que **escolér**

me vas parezendo,

de cote, Xepiño,

è mais **agoreiro**.

967. E já que **agoràche**,

como **escoler meigo**,

tan triste, do Conde,

è do seu Governo;

968. Eu, sen ser pieira,
 nen pensare en sêlo,
 nen **meiga**, nen **bruxa**,
 nen **cousa do Demo**.

969. Húm millore **agoiro**
 darein, è mais ledo...

Escoler (колдун), bruxa (ведьма), meiga (ведьма-знахарка) — неоднозначные фигуры. С одной стороны, они внушают страх и способны принести несчастье. С другой стороны, они всегда были очень востребованы в традиционном галисийском обществе. Так, протоколы Инквизиции показывают, что большинство процессов в Галисии велось по обвинению не в сношении с дьяволом и колдовстве, а в целительстве и народной медицине [9, с. 47]. «Agoiro» (969) — «предзнаменование» (в соседних строках представлены однокоренные прилагательное (964) и глагол (967)). Врач и писатель Х. Родригес Лопес (1859–1917), разоблачая в своей книге галисийские суеверия, отмечает, что галисийцы очень склонны заниматься предсказаниями и интерпретировать всевозможные знаки [20, с. 22].

Лексема «fada» (160, 424) — «рок, судьба» — сохранилась в ряде современных фразеологизмов: boa fada / mala fada — везение, удача / невезение; botarlle a fada (unha mala fada) unha persoa a alguén — сглазить, проклясть кого-либо [10, с. 229].

160. día de **mâs fadas**,
 triste e muy funesto.
 424. **Mâs fadas te faden**,
 Marùxa...

В приведенных примерах лексема используется и для описания печального события («злополучный день», 160), и в качестве бранного выражения («накажи тебя судьба» / «постигни тебя несчастье», 424).

Слово «trasgo», использованное в строфе 489 в составе фразеологизма «валять дурака, безобразничать», обозначает персонажа из народного пантеона, который разбрасывает вещи по ночам [11]:

489. Ou cando na vila,
 ò **trasgo** facendo,
 berran os rapazes
 nos toneles vellos?
 353. Non viche Marúxa,
 nas noites do inverno,
 andar à **Estantiga**

polos matorreiros.

354. A **Estantíga** digo,

que chaman os vellos,

Hóstea, ou **Compañía**,

qu'à todos fay medo.

Похоронную процессию герои «Разговора...» сравнивают с феноменом Santa Compañía / Estantiga / Hóstea — ночным шествием душ, пожалуй, самым известным галисийским суеверием (353, 354). Существует множество версий описания и поведения этих представителей народного пантеона, но в большинстве случаев опасность от шествия исходит по двум причинам. Во-первых, основная задача душ — предупреждать людей о скорой смерти. Хотя и существуют способы, например, не пустить их в дом или избежать прямого контакта с ними на открытой местности, они малоэффективны. Вторая опасность связана с тем, что души берут в провожатые живого человека: он должен возглавлять шествие, неся в руках большой крест. Это изматывающее занятие быстро приводит к смерти, поэтому несчастный постоянно ищет кого-нибудь, чтобы передать ему свою ношу. И от того, чтобы не оказаться на его месте, есть действенные средства: начертить на земле круг с крестом в центре и укрыться в нем, что-нибудь крепко держать в руках, иметь при себе амулеты (чеснок, рога жука-оленья, ладанку) и т. д. [\[28, с. 112–119\]](#).

361. Cuiden, qu'à **Raposa**

de Morrazo, sendo

à outra Estantiga

do noso terreo:

363. A **Besta ferrada**;

ò **Orco**; e **Carneiro**

de Santa Maria,

como che esquezeron?

В соседних строфах упоминаются отнюдь не общеизвестные представители народного пантеона страшных существ. Raposa de Morrazo (361) — неприкаянная душа, принимающая форму огнедышащей и тоскливо воющей лисицы [\[28, с. 144\]](#). Orco (363) — фантастическое животное, пожирающее детей [\[8\]](#). Под «carneiro de Santa María» (363), скорее всего, подразумевается «carneiro negro» (черный баран), который, согласно некоторым версиям, тоже может возглавлять шествие душ [\[8\]](#). Объяснение феномена «Besta ferrada» (363) («pantasma nocturno», «ночное привидение») мы обнаружили только в другом труде самого М. Сармьенто [\[26, с. 311\]](#).

5. В «Разговоре...» представлена и, скажем так, «эмигрантская» Галисия: в Мадриде галисийцы держатся вместе. В 13-ти строфах (181–193) мальчик рассказывает, что новость о смерти короля он узнал как минимум из седьмых рук — по цепочке от нескольких слуг, чьи имена или происхождение свидетельствуют о том, что они галисийцы. Хозяин Шепиньо говорит о том, что в прежние времена эта связь между живущими в Мадриде галисийцами была прочнее, они вели себя как братство или

однопольчане (781–783):

781. Dixome meu dono,
que alá noutro tempo,
ja à mais de seis anos,
que os homes Galegos,

782. Que en Madril vivian
de paso, ou de asento,
cuidáran que todos,
con voto perpetuo,

783. Sempre se ajudassen
juntiños, sen medo,

num-ha cofradia,

ou **num regimento...**

С большой любовью и восхищением в «Разговоре...» описываются знатные галисийцы, которые должны служить примером всем остальным жителям Мадрида. Именно галисийское сообщество первым показало признаки скорби по королю, так как изначально предрасположено к чувству *saudades* (803) — острой тоске по чему-то дорогому, характерному также для португальцев.

802. Nossos conguergantes,
como mais afeutos,
antes que algums outros,
os primeiros deron,

803. Mostras das saudades,

que tiñan no peito;
desfogo das mágoas,
è do seu tormento.

Юного графа де Альтамира сравнивают с маленьким Иоанном-Крестителем (562). А о графе де Маседа, которому прочат высокий пост, говорится, что он будет безупречно справляться со своими обязанностями, но злопыхатели обязательно станут ему мешать, только потому что он галисиец (960–961):

960. sô por sere ò Conde

señore Galego:

961. Todos devanditos,

por mil arrodeos
 farán que lle seja
 nojòso ò Governo.

Эта напряженность между галисийцами и другими испанцами имеет историческую подоплеку. Экономическая стабильность рубежа XV–XVI вв. спровоцировала демографический взрыв, и многие галисийцы отправились на поиски работы в Кастилию (на уборку урожая), в Мадрид и Лиссабон, где становились каменщиками, разносчиками воды, слугами, точильщиками ножей, носильщиками и т. д., т. е. выполняли крайне непрестижную и малооплачиваемую работу (в XVII–XVIII вв. процесс эмиграции усилился) [27, с. 123–125]. Их плохое знание испанского языка усугубило ситуацию и стало причиной формирования образа грубого необразованного галисийца, который, к сожалению, был растиражирован театром Золотого века и оказался очень долговечным.

Кстати, лексема «galego» в тексте «Разговора...» появляется довольно часто, а вот «Galicia» — ни разу, вместо нее автор использует наименование «Reino» (королевство), отсылая к более славному прошлому региона.

6. Лексикографическая направленность текста и народная поэтическая форма во многом определили преобладание в «Разговоре...» простых синтаксических структур (несмотря на наличие рядов однородных членов, предложения чаще всего укладывают в одну-две строфы) и небольшое количество **стилистических приемов**. Основной из них — сравнение: незнакомые мадридские происшествия герои описывают соотечественникам через галисийские реалии. Например, горе по королю сравнивается с жалобными криками теленка, потерявшего в лесу маму (211); с беспокойным морем (212); с зимней грозой (213).

211. Non vistes no mato,

à vez qu'hum **jovenco**

perdeu sua nay,

è dà muytos berros?

212. Ouvistes ò ruído,

que fai **con os ventos**

o mar da Lanzada

cando esta enquieto?

213. Vos lembra d'estrondo,

que fay no inverno,

o **trebòem con rayos,**

centellas, lostrégos?

Иногда появляются метафоры, олицетворения: так колокола «разрывают воздух и жалуются небу» (216):

216. Campâs e chocallos,

grandes è pequenos,

fendian ò aire,

queixabans'ao ceo.

Заданная форма и выбор героев способствуют как использованию сниженной лексики, так и **снижению образов**.

Персонажи много спорят — чаще всего критикуют предыдущего оратора за многословие и неуместность некоторых подробностей, в результате текст богат словами из лексико-семантического поля «глупость», а также всевозможными проклятиями (например, герои регулярно желают друг другу всяческих недугов).

Два самых знаменитых примера снижения образов связаны с описанием процесса бальзамирования тела короля и музыкального сопровождения похоронной процессии. В первом случае Перучо использует лексику, применимую для процесса маринования сардин: королю «вскрыли брюхо, вынули рыбы внутренности и поместили внутрь соль, уксус, чеснок и прочие пряности» (218, 219), а чтобы тело «не воняло», его «намазали множеством мазей» (220):

218. ...qu'ó corpo do Rey

ò **lañaran** presto.

219. Sacaronlle à **maga**,

botaronlle drento

sal e mais **vinagre**,

Allos, è mais **cheiros**.

220. Porque non **fedese**,

ò corpo algum tempo

ò **atustullaron**

demuitosinguentos.

Маруша возмущена таким описанием и сравнивает бальзамирование с процессом забоя свиней на Рождество, их разделки, засолки и приготовления сала и рульки (222, 223):

222. ...cando, por Nadal,

no noso terreo,

223. **Matan, lañan, salgan**,

os porcos bem cheos,

e fan os touziños,

e mais os codelos.

Музыкальное сопровождение, со слов героев «Разговора...», ничуть не лучше: бой барабанов напоминает грохот старых кастрюль (290), а звучание духовых инструментов

уподобляется крику поросят в хлеву, писку мышей зимними ночами (292) и кудахтанью кур, высиживающих яйца (293).

290. Faziam ruido

os tamborileiros,

que mais era estrondo,

de Caldeiros vellos.

292. (os chifres) Como cando **os ranchos**

roncan no cortello,

è chirlan os ratos,

nas noites d'inverno:

293. Ou com'as **Galiñas,**

pouco mais ou menos,

à vez qu'estan chócas

fánseuscocoréos.

В ряде случаев создается **игра слов**.

В самом знаменитом примере этого явления двусмысленность снимается за счет комментария в оригинальной рукописи, где говорится, что «Смерть» — это прозвище врача из Понтеведры: «El Medico de Pontevedra se llama Amorte por apodo» [\[24\]](#). В контексте, где речь идет о болезнях, сказано буквально, что «Других людей от лихорадки малыми средствами вылечил(а) Смерть» (111). В глоссарии дается более подробное объяснение: говорится о реальном враче из Понтеведры, с которым М. Сармьенто был знаком в детстве, и который получил это прозвище после очередной шалости, в ходе которой он выбил себе несколько зубов, и его лицо стало похож на череп [\[19, с. 451\]](#).

111. Outros, de maleitas,

que estaban tremendo

sanou-hos **Amorte**

con poucos remedios.

В строфе 270 двусмысленность сохраняется. Тело короля вынесли сильные юноши, потому что оно много весило или из-за специй, или из-за украшений: слово «aderezo» значит и то, и другое [\[11\]](#).

270. Sacaronllo fora

briosos mancebos

pois pesaba muito

côsseusaderezos.

Просторечное значение лексемы «pandeiro» («бубен» / «задница») также создает игру слов:

585. Ay, Ay! seica, seica,

che **tangue o pandeiro**,

cando non fugires

de ollos lambisqueiros.

С помощью выражения «бить в бубен» Шепиньо намекает на то, что солдат, которому прислуживает Мингинья, распускает руки.

Есть и примеры языковой игры, основанной на однокоренных словах или словах из одного лексико-семантического поля. Маруша предлагает «нытикам» сменить тему и поговорить о новом короле, потому что в такое время лучше «пить сколько влезет» (beber â barba **regada**), чем «плакать в три ручья» (choràr â **regos**) — обыгрываются однокоренные слова:

379. Mais val, chóra cricas,

beber neste tempo,

â barba regada;

que choràr â **regos**.

Аналогичный прием видим в строфе 1117: Перучо напоминает Маруше, чем, по его мнению, должна заниматься женщина (шитьем, готовкой, сельским хозяйством) — а потому и говорить должна не о королевском дворе (**corte**), а о дворе скотном (**cortèllo**).

1117. Non fales da **corte**,

fala do **cortèllo**:

a ti quen che mete

falar do governo?

Реагируя на это, девочка переименовывает его прозвище: меняет «дрозда» (merlo) на «ворона» (corvo), с которым в культуре связаны негативные ассоциации:

1143. Perucho **dos Corvos**,

que jà nòn **dos Merlos**

Еще один интересный прием — это **деформация** латинских цитат и некоторых слов, не входящих в привычный вокабуляр героев. Он позволяет автору создавать стилизацию народной речи:

237. «Misas do **requío**» вместо «Requiem»,

240. «cantaron **mamentos**» вместо «Memento» (возможно, контаминация с «lamentos»),

641. «**Ferguiñadusti**» вместо «Ferdinandus VI» (надпись на монете),

1055. «**Mombardía**» вместо «Lombardía».

Приведем пример совмещения игры слов с деформацией. Довольно долго в тексте обыгрывается метафора, в которой Шепиньо ругает женщин за болтливость: буквально «они прядут с наперсток, а говорят с корзину»:

576. Xepiño: Sempre estas Mulleres

contan por rodeos,

fian por alfergas

e falan por cestos.

Чуть позже Мингинья припоминает ему это замечание и говорит, что уже давно бы закончила рассказ, если бы ее не перебивали, потому что она в своем описании была очень точна (задействовано второе значение глагола «fiar, прясть» — «рассуждать»). Но беда в том, что мужчины «говорят с наперсток, а мешают и перебивают с корзину».

588. Minguíña: Se non me atricases

jà estivera feito,

pois **eu ben fiaba**

ò conto por dedos

589. Mais todos os homes

queren, já sabemos,

falar, por alfergas,

atricular, por cestos.

После того, как Шепиньо неправильно читает надпись на монете («fergiña dusti», 641 вместо «Ferdinandus VI», 646 (Фердинанд VI)), Мингинья добавляет в игру и эту его ошибку. Пусть она и не умеет читать, но понимает, что в действительности написано на монете, ведь есть слова близкие по звучанию (alferga / наперсток, forxa / кузница, alforxa / котомка), но (несуществующего) слова «ferguiña» на монете точно быть не может (643). Поэтому «она прядет с наперсток и может расшифровать это странные слово» (647), то есть грамотнее своего собеседника.

643. **Alfergas** ou **forxas**

Alforxas, ou cestos,

mais esas **fergiñas**,

que fan no letreiro?

646. Inda que non sein

leer o letreiro,

dirà en latin

Ferriñandu Seixo.

647. E lembrate agora,

se, como che entendo,

por alfergas fio,

por fergiñas leo.

Некоторые исследователи, например, Ш. Л. Мендес Феррин, видят в тексте Сармьенто **социальную критику**. Например, в руках у священников даже во время похоронной процессии оказываются мешки с едой и полные бурдюки вина (326–328). Есть в тексте упоминание декрета Филиппа V, согласно которому галисийцев, отправляющихся в Кастилию на уборку урожая, как бродяг, ловили и отправляли на войну в Ломбардию (1048, 1049, 1055), в результате чего «на 300 незамужних девушек в регионе приходилось семеро юношей» (1060):

1048. Ben sabedes homes

que avía **Degrèdo,**

que prender mandaba

todos os Galegos

1049. **Dempois que acabassen**

de segáre; e creo,

que muitos fugiron,

asi que o souberon.

1055. **Asta Mombardía,**

que è terra de Demos,

à fazer alarbios

è morrer de certo.

1060. **A trecentas mozas**

sô sete mancébos,

tocaban, que fossen

homes casadeiros.

Такой декрет действительно существовал и, в частности, способствовал тому, что многие галисийцы стали выбирать в качестве места заработка Лиссабон [\[23, с. 288\]](#).

Есть и критическое высказывание о языке: священник говорил по-испански, так что герой ничего не понял (866). И о латыни мальчик высказывается довольно пренебрежительно: «латынь сверху, посередине, снизу и со всех сторон» (867):

866. Dixo muitas Cousas,

de que eu non me lembro

todo en castellan

ò que eu non entendo.

867. Latins por arriba

latins pòlo medio,

latins por abaixo,

latins nos extremos.

Тут нельзя не вспомнить, что во многих заметках и письмах М. Сармьенто говорил о ценности родного языка и, в частности, о том, что латыни галисийских детей нужно обучать на галисийском, а не испанском языке [\[7\]](#).

Выводы

Подведем итог. Галисия в «Разговоре...» предстала как красивый, богатый природными ресурсами, благословенный, прежде всего, аграрный регион. Герои-галисийцы, даже покинув малую родину, осознают себя особым сообществом, они глубоко вписаны в народную культуру с ее праздниками, суевериями и языковым богатством, между ними и прочими жителями Мадрида наблюдается некоторая напряженность. Благородные галисийцы, добившиеся хорошего положения при дворе, практически идеализируются, простые же крестьяне, несмотря на некоторую несдержанность в языке и суждениях, по-своему симпатичны и обладают чувством юмора. М. Сармьенто позволил себе и несколько критических замечаний, но, на наш взгляд, они не являются самоцелью, а гармонично вписаны в общий несколько ироничный тон произведения.

Среди языковых средств создания этих образов можно отметить несколько особенностей. В лексике, обозначающей специфические реалии, преобладают общеизвестные слова, однако попадаются и редкие, возможно, региональные лексемы, что делает «Разговор...» интересным материалом не только для историка языка, но и для этнографа. Лексикографическая направленность текста и народная форма определили его структурные и стилистические особенности: синтаксис довольно прост, обращают на себя внимание ряды однородных членов, объединяющие слова по принципу лексико-семантических полей, среди стилистических приемов важны сравнение, игра слов, ирония и снижение образов. Грамматическая и графическая составляющие демонстрируют полиморфизм, свойственный текстам донормативного периода истории галисийского языка, при этом комментарии в глоссарии свидетельствуют о попытках этот полиморфизм осмыслить путем совмещения этимологического и фонетического принципов.

М. Сармьенто во многом опередил свое время, у него не было прямых последователей, большинство его трудов стали изучаться филологами только во второй половине XX в. При этом есть основания полагать, что рассматриваемый нами текст все-таки был доступен и знаком некоторым деятелям галисийского Возрождения XIX в. и их преемникам. Так, первое печатное издание «Разговора...» в 1859 г. осуществил Ш. М. Пинтос — поэт и общественный деятель, предтеча этого культурного движения. А В. Ламас Карвахаль назвал первую газету, публиковавшуюся целиком на галисийском языке (1876–1889), в честь героя «Разговора...» — «O Tío Marcos d'a Portela». Поэтому для историка языка Р. Мариньо Паса, очевиден вклад М. Сармьенто в процесс «спонтанной выработки литературного стандарта современного галисийского языка» [\[23, с. 93\]](#).

Библиография

1. Гринина Е. А., Евдокимова А. А. Галисийский язык: история и современное состояние. М., 2022. 232 с.
2. Игнатъева (Оганисьян) М. Ю. Петербург – Париж – Геттинген – Мадрид: сюжет из истории Истории испанской литературы // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 2. С. 102–123. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-102-123
3. Нарумов Б. П. Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык. Изд. 2-е, доп. М., 2008. 168 с.
4. Оболенская Ю. Л. Мир испанского языка и культуры. Очерки, исследования, словарь суеверий и символов. М., 2018. 256 с.
5. Поэзия Галисии / Сост. Е. С. Зернова. СПб., 2013. 422 с.
6. Снеткова М. С. О предпосылках выработки нормы современного галисийского языка // *Вопросы иберо-романистики*. Выпуск 17. М., 2019. С. 278–292.
7. Alonso Montero X. O nome e a obra do padre Sarmiento no Franquismo // *Boletín da Real Academia Galega*. N. 363. A Coruña, 2002. P. 9–24.
8. DdD: Dicionario de dicionarios // [Эл. ресурс]. URL: <https://ilg.usc.gal/ddd/index.php> (дата обращения: 09.08.2024).
9. Del Mar Llinares M. Mouros, ánimas, demonios. El imaginario popular galego. Madrid, 1990. 208 p.
10. Dicionario de fraseoloxía galega / C. López Taboada, M. R. Soto Arias. Vigo, 2008. 650 p.
11. DRAG: Dicionario da Real Academia Galega // [Эл. ресурс]. URL: <https://academia.gal/dicionario> (дата обращения: 08.08.2024).
12. Fernández Rei F. Sarmiento e a lingua galega // *Boletín da Real Academia Galega*. N. 363. A Coruña, 2002. P. 211–216.
13. Ferro Ruibal X. (1) Lingua, vida cotiá e corridas de touros. Miscelánea inédita de Fr. Martín Sarmiento // *Boletín da Real Academia Galega*. N. 363. A Coruña, 2002. P. 63–93.
14. Ferro Ruibal X. (2) Sarmiento, o eclesiástico creador do galeguismo // *Boletín da Real Academia Galega*. N. 363. A Coruña, 2002. P. 217–232.
15. Frei Martín Sarmiento. Ano 2002. Real Academia Galega // [Эл. ресурс]. URL: <https://academia.gal/letras-galegas/2002/frei-martin-sarmiento> (дата обращения: 23.07.2024).
16. López Peláez A. El gran gallego (Fr. Martín Sarmiento). La Coruña, 1895. 270 p.
17. Monteagudo H. Tradición manuscrita e divulgación impresa do Coloquio en coplas galegas. Consideracións á luz do autógrafo orixinal // *Boletín da Real Academia Galega*. N. 363. A Coruña, 2002. P. 95–122.
18. Murado M. A. Outra idea de Galicia. Debate, 2013. Libro electrónico. Kindle edition.
19. Pensado J. L. Sarmiento entre dos centenarios // *Estudos adicados a Fr. Martín Sarmiento. Artigos tirados dos «Cuadernos de estudios gallegos (1945–1982)»*. Betanzos, 1995. P. XIII–XIX.
20. Rodríguez López, J. Supersticiones de Galicia y preocupaciones vulgares. Lugo, 1970. 204 p.
21. Sarmiento M. Catálogo de voces y frases de la lengua gallega / Ed. de J. L. Pensado. Salamanca, 1973. 620 p.
22. Sarmiento M. Colección de voces y frases gallegas / Ed. de J. L. Pensado. Salamanca, 1970. 578 p.
23. Sarmiento M. Coloquio de vintecatro galegos rústicos / Ed. de R. Mariño Paz. Pontevedra, 1995. 354 p.
24. Sarmiento M. Coloquio de vinte e catro galegos rústicos / Ed. de R. Álvarez, E. González Seoane // *Gondomar. Corpus dixital de textos galegos da Idade Moderna* // [Эл. ресурс].

URL: https://ilg.usc.gal/teitok/gondomar/index.php?action=file&id=xmlfiles/GOND049_1.xml&headers=full,
https://ilg.usc.es/gondomar/es/index.php?action=file&id=xmlfiles/GOND049_2.xml&headers=full (дата обращения: 08.08.2024).

25. Sarmiento M. (1) Coloquio en mil duascentas coplas galegas. Facsímile do orixinal autógrafo. Vigo, 2002. 88 p.

26. Sarmiento M. (2) Sobre a lingua galega. Antoloxía. Vigo, 2002. 428 p.

27. Temprano E. La selva de los tópicos. Madrid, 1988. 242 p.

28. Vaqueiro V. Guía de Galicia máxica. Vigo, 2003. 540 p.

29. Vilavedra D. Historia da literatura galega. Vigo, Galaxia, 1999. 377 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема представленной к публикации статьи звучит научнообразно, наукоемко: автор обращает внимание на лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто. Вариант, на мой взгляд, продуман, он имеет явно концептуальный вид, автор настроен на адекватную и объективную оценку указанного текста в обозначенных пределах. Текст работы выверен, серьезных фактических неточностей не явлено, структура / жанр соотносятся с многоуровневым типом научного изыскания. Автор не исключает в статье синтеза историко-культурного, философского, филологического, лингвистического планов. Удобны при восприятии текста информационные «куски», которые дополняют исследование. Например, «монах-бенедиктинец Мартин Сармьенто (frei Martín Sarmiento, 1695–1772) является уникальным галисийским деятелем эпохи Просвещения. Обладатель богатейшей библиотеки (на момент его смерти она насчитывала 7.500 томов, в том числе редких и уникальных книг [16, с. 145]), признанный современниками эрудит, с которым советовались и находились в постоянной переписке не только король, но и ученые самых разных специальностей, он вел крайне закрытый и уединенный образ жизни в своей мадридской келье: принимал визиты, щедро делился поистине энциклопедическими знаниями, но неоднократно отказывался от предлагаемых постов и членств в академиях и принципиально не публиковал свои многочисленные исследования и размышления. Поэтому его влияние на современников и последующие поколения было скорее точечным, наследие сохранилось в основном в рукописях, не полностью, и значительную его часть составляют письма», или «в отечественной научной традиции имя М. Сармьенто малоизвестно. В частности, оно упоминается в контексте исследования истории испанской и галисийской литературы [2; 5, с. 23] или становления нормы галисийского языка [3, с. 20–22; 1, с. 63–64; 6, с. 280–281]. Анализ лексическо-стилистической составляющей «Разговора...» не только знакомит отечественного читателя с ранее не цитированным текстом и дает представление о состоянии галисийского языка XVIII в., но и позволяет проследить эволюцию традиционного представления о Галисии и галисийцах, что немаловажно для осознания понятия «испанский национальный характер» [4, с. 6]» и т.д. Ссылки / цитации в режиме проформы унифицированы, серьезная правка не требуется. Работа имеет явно популяризаторский характер, собственно это и определяет ее научную новизну. Считаю, что подобранный для манифестации знаний о сочинении М. Сармьенто формат, удобен; информация преподносится полновесно, открыто, выверено. Аналитическое звено в работе имеет место быть, аргументы автора вполне уместны, привлекает достаточное

количество примеров, отсылок, фактических данных. Лексикографическую направленность текста иллюстрирует уже 9 строфа: в ней представлено начало списка местных топонимов, который продолжается в соседних строфах. По такому же принципу строится большое количество лексико-семантических полей. Задается базовая ситуация, например: что едят люди на привале, что покупают на рынке, какие угощения подают на празднике, как выглядят участники процессии — и несколько строф отводится под перечисление с минимальным синтаксическим оформлением. Например, «лексикографическую направленность текста иллюстрирует уже 9 строфа: в ней представлено начало списка местных топонимов, который продолжается в соседних строфах. По такому же принципу строится большое количество лексико-семантических полей. Задается базовая ситуация, например: что едят люди на привале, что покупают на рынке, какие угощения подают на празднике, как выглядят участники процессии — и несколько строф отводится под перечисление с минимальным синтаксическим оформлением» и т.д. Итог конкретизирован: «Галисия в «Разговоре...» предстала как красивый, богатый природными ресурсами, благословенный, прежде всего, аграрный регион. Герои-галисийцы, даже покинув малую родину, осознают себя особым сообществом, они глубоко вписаны в народную культуру с ее праздниками, суевериями и языковым богатством, между ними и прочими жителями Мадрида наблюдается некоторая напряженность. Благородные галисийцы, добившиеся хорошего положения при дворе, практически идеализируются, простые же крестьяне, несмотря на некоторую несдержанность в языке и суждениях, по-своему симпатичны и обладают чувством юмора. М. Сармьенто позволил себе и несколько критических замечаний, но, на наш взгляд, они не являются самоцелью, а гармонично вписаны в общий несколько ироничный тон произведения...», и это, пожалуй, неплохо. Цель работы достигнута, поставленные задачи решены, вариант оценки, обозначенный автором объективен. Библиографический список полон, формальные требования учтены; работа полезна при изучении европейской истории и западной культуры. Рекомендую статью «Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Леонович Е.О., Ляшенко И.В., Дрыгина Ю.А. Фитонимы в британском фольклоре (лингвокультурологический подход) // Litera. 2025. № 2. С.292-304. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.70002 EDN: FHGDNV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70002

Фитонимы в британском фольклоре (лингвокультурологический подход)

Леонович Евгения Олеговна

ORCID: 0000-0002-6452-0617

кандидат филологических наук

доцент, кафедра теории и практики перевода; Пятигорский государственный университет

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Панаюриште, 6, кв. 103

✉ Leonovitch2003@yahoo.com**Ляшенко Игорь Владимирович**

ORCID: 0000-0001-7911-8228

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308004, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Есенина, 8, кв. 91

✉ rattle-snake@mail.ru**Дрыгина Юлия Анатольевна**

ORCID: 0000-0001-5995-3488

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации; Белгородский государственный национальный исследовательский университет
доцент, кафедра Общегуманитарных наук и массовых коммуникаций; Московский международный университет

308014, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Мичурина, 2

✉ jullianna181@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.70002

EDN:

FHGDNV

Дата направления статьи в редакцию:

28-02-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования являются фитонимы в британской лингвокультуре. Авторы подробно рассматривают фитонимы в фольклоре, а именно в любовных заклинаниях, поверьях, магических формулах, заговорах, предсказаниях, народной медицине. Под фитонимами в данной работе понимаются все названия растений и их частей. При классификации фитонимов авторы опираются на наивную картину мира и разделяют фитонимы на дендронимы (названия деревьев и кустов), флоронимы (названия цветов) и гербонимы (названия трав). Целью исследования является рассмотрение проблемы использования фитонимической лексики и особенностей бытования форм ее репрезентации в сфере народной культуры англоговорящего сообщества Британии с позиций лингвистики повседневности. В задачи исследования входит выявление специфики репрезентации фитонимической лексики в британском фольклоре, а также систематизация и описание ее функций. В работе используются методы комплексного анализа, опирающиеся на методы разных наук (истории, культурологии), среди которых важными считаются следующие подходы: системный подход, семиотический подход, культурно-антропологический подход. Новизна исследования заключается, во-первых, в рассмотрении фитонимов в британском фольклоре с позиций лингвистики повседневности, дополняющей языковую картину мира, моделирование которой набирает популярность в современной науке о языке. В лингвистике последних десятилетий очевиден тренд на перемещение акцентов на повседневную жизнь и обыденное сознание человека. Фитонимы ранее широко изучались, но в рамках других лингвистических парадигм. В результате исследования было установлено, что сущность социально-философского понятия повседневности заключается в том, что это наиболее близкая, привычная человеку реальность. Для современной лингвистики, которая обратила свой взор на обыденное сознание и повседневную жизнь индивида, ценным является повседневный дискурс, включающий в себя фольклор. Также в ходе проведенного исследования были рассмотрены функциональные особенности фитонимов в британском фольклоре, что позволило сделать следующие выводы. В народном творчестве и медицине фитонимы выполняют выразительную функцию, способствующую повышению экспрессии и, безусловно, когнитивную, поскольку стихи-заклинания, поговорки несут в себе знания и мудрость, содержащиеся в памяти поколений.

Ключевые слова:

Британская лингвокультура, Д е н д р о н и м , Лингвистика повседневности, Лингвокультурология, Народная культура, Ономастика, Фитонимы, Флоронимы, Фольклор, Функции фитонимов

Введение

Цветы и растения – неперенный атрибут жизни современного человека. Практически в

любой сфере нашей жизни можно найти нечто, связанное каким-то образом с растениями. Отсюда вытекает и проблема использования языкового материала, связанного с растительным миром (фитонимов), в повседневной жизни человека.

Знание фитонимов – часть лингвокультурной идентичности, отразить которую принципиально важно, например, при переводе. Однако место культурологического знания в формировании и развитии культурологической компетентности переводчика остается дискуссионным [\[1\]](#).

Под фитонимами в данной работе понимаются все названия растений и их частей. При классификации фитонимов мы, вслед за Н. Е. Ананьевой, опираемся на наивную картину мира и разделяем фитонимы на дендронимы (названия деревьев и кустов), флоронимы (названия цветов) и гербонимы (названия трав) [\[2\]](#).

Мы считаем, что все, что происходит вокруг нас, в нашей жизни, необходимо оценивать с точки зрения реальности мира повседневности. Ритуалы и привычки, характерные для мира повседневности – необходимая составляющая жизни любого человеческого коллектива. Отсюда и актуальность изучения повседневной культуры и отдельных ее проявлений. Исследование практик повседневности представляет собой один из наиболее последовательно развивающихся сегментов гуманитарных изысканий. Ценность этого подхода проявляется в выявлении специфических черт повседневности, что соответственно увеличивает наше знание об этой сфере.

Как считает Ф. Бродель, повседневность – это явление «времени большой длительности, а потому можно утверждать, что типологические черты эпохи Нового времени сохраняют актуальность и для современной культуры повседневности» [\[3\]](#).

Вслед за А. В. Смирновым мы полагаем, что «концептуализация повседневности позволит свести разрозненные описания феноменов повседневной жизни, рассматриваемых гуманитарным знанием, к единому теоретическому контексту, обеспечив возможность сопоставимости результатов, полученных в разных науках» [\[4\]](#).

Как справедливо отмечают Е. В. Тулина и Н. А. Козько, «в лингвистике последних десятилетий наблюдается отчетливая тенденция перемещения акцентов на человека, его повседневную жизнь и обыденное сознание» [\[5\]](#), что определяет особую актуальность лингвистической составляющей повседневности в ходе изучения лингвистических особенностей. Лингвистика повседневности дополняет языковую картину мира, моделирование которой набирает популярность в современной науке о языке [\[6\]](#).

Проблема отражения названий различных представителей растительного мира в различных сегментах повседневной культуры общества затрагивается в рамках гуманитарных дисциплин. В частности, рассмотрению данной проблемы в социологии посвящены классические труды И. Т. Касавина [\[7\]](#) и др. Можно также отметить работы исторического характера, в частности, труды Ж. Ле Гоффа [\[8\]](#), Н. И. Костомарова [\[9\]](#) и др.

В отечественной лингвистике долгое время исследованиям механизмов функционирования фитонимической лексики в повседневной жизни человека уделялось недостаточно внимания, хотя в последние десятилетия они становятся все актуальней. Внимание лингвистов привлекали фразеологические единицы с компонентом фитонимом [\[10\]](#).

В рамках антропоцентрического подхода анализировались когнитивные основы именования фитонимов [11], вербализация концепта «Человек» посредством фитонимов [12], сложноструктурные флоронимы [13]. С позиций лингвокультурологии на материале английского языка рассматривались концепты флоры и фауны [14], лингвокультурный код «Природа» [15], лингвокультурный код «Флора» [16]. Интересны работы, рассматривающие фитонимы в рамках концептуальных метафор [17].

Существует ряд работ, рассматривающих фитонимы в русском фольклоре, однако полноценного исследования данной группы онимов в британском фольклоре на настоящий момент не было проведено, что определяет **новизну** настоящего исследования.

Анализ показывает, что, существующие исследования носят фрагментарный характер и часто использовались в качестве второстепенного элемента более крупных научных изысканий. Отсутствие целостного теоретического и практического осмысления проблемы функционирования фитонимической лексики в британском фольклоре и неизученность механизмов этого функционирования послужило основанием для представляемого исследования и определяет его **актуальность**.

Целью настоящей работы является рассмотрение проблемы использования фитонимической лексики и особенностей бытования форм ее репрезентации в народной культуре Британии с позиций лингвистики повседневности.

В **задачи исследования** входит выявление специфики репрезентации фитонимической лексики, а также систематизация и описание ее функций.

Материал и методы

Материалом исследования послужили примеры из различных современных лексикографических источников [18-27] языковые данные, почерпнутые из новейших материалов СМИ, медийных порталов, например, Wikipedia.

В работе используются **методы** комплексного анализа, опирающиеся на методы разных наук (истории, культурологии), среди которых важными считаются следующие подходы: системный подход, семиотический подход, культурно-антропологический подход.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках лингвистики повседневности особый интерес представляет рассмотрение функционирования фитонимов и флоронимов в любовных заклинаниях, поверьях, амулетах, магических формулах, заговорах, различного рода предсказаниях.

В народной культуре всегда существовала вера в магическую силу растений предсказывать судьбу влюбленных, либо определить степень верности возлюбленного. В русском это всем известное гадание на ромашке «Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет». Аналогично английскому "He (or she) loves me," and "He loves me not".

Повсеместно были распространены гадания на двулистном клевере (*a clover of two*):

A clover, a clover of two,

Клевер, клевер, два листа,

Put it in your right shoe;

Положи его в правую туфельку,

<i>The first young man you meet,</i>	И тогда первый встреченный тобой
<i>In field, street, or lane,</i>	юноша или его тёзка
<i>You'll get him, or one of his name</i>	Станет твоим суженным.
	(пер. авторов)

[\[28\]](#).

На севере Англии были популярны ритуалы, связанные с листиками ясеня, а именно веточкой ясеня с четным количеством листиков (*even ash*). Девушка, желающая узнать, кто будет ее возлюбленный или суженный, отрывает по одному листику со словами:

<i>The even ash-leaf in my left hand,</i>	Листик ясеня в левой руке –
<i>The first man I meet shall be my husband;</i>	Первый мужчина, кого я встречу, станет моим мужем;
<i>The even ash-leaf in my glove,</i>	Кладу листик в перчатку –
<i>The first I meet shall be my love;</i>	Первый, кого я встречу, станет моей любовью;
<i>The even ash-leaf in my breast,</i>	Листик ясеня на груди –
<i>The first man I meet's whom I love best;</i>	Первый, кого я встречу, любим мною больше других;
<i>The even ash-leaf in my hand,</i>	Листик ясеня в руке –
<i>The first I meet shall be my man</i>	Первый, кого я встречу, будет моим мужчиной!

[\[28\]](#).

(пер. авторов)

С листиками ясеня и четырехлистным клевером связана и популярная поговорка "*If you find an even ash or a four-leaved clover, rest assured you'll see your true love ere the day is over*" – «Если найдешь веточку ясеня с четным количеством листиков или четырехлистный клевер, еще до захода солнца встретишь свою настоящую любовь» [\[28\]](#).

В Шотландии существует поверье: если во время Хэллоуина есть яблоко перед зеркалом, то можно увидеть лицо будущего супруга. Этот обряд был описан еще Робертом Бернсом:

<i>Wee Jenny to her granny says,</i>	О крошке Дженни не шутя
<i>Will ye gae wi' me, granny?</i>	Приносят бабке весть:
<i>I'll eat the apple at the glass</i>	Просилось к зеркалу дитя,
<i>I gat frae uncle Johnny</i>	Чтоб яблочка поесть.

[\[29\]](#).

(пер. С. Александровского)

Чтобы увидеть во сне будущего возлюбленного, на Хэллоуин нужно было положить под подушку большую очищенную луковицу красного лука, а перед сном прочесть заклинание:

<i>Good St. Thomas do me right,</i>	Добрейший святой Фома, исполни

моё желание
And bring my love to me tonight,
 И приведи ко мне сегодня мою
That I may look him in the face,
 любовь,
And in my arms may him embrace
 Чтобы я могла увидеть его лицо,
[\[30\]](#)
 И уснуть в его объятиях.

(пер. авторов)

Гадая на яблочной коже, приговаривают:

Apple peel, apple peel, twist then
 Кожура, кожура, крутись, крутись,
rest,
 на стол ложись,
Show me the one that I'll love best.
 Покажи мне того, кого полюблю
 больше всего.
"Apple peel over my shoulder fly,
 Кожура, кожура, через плечо лети,
Show me the one I'll love 'til I die
 Покажи мне того, кто сможет меня к
 себе увезти.
[\[30\]](#)

(пер. авторов)

Многие растения обладают феноменальной способностью предсказывать погодные изменения в той местности, где они произрастают. Народом зафиксировано множество видов растений, которые являются естественными и достоверными погодными индикаторами. Среди фенологических предсказателей преобладают травы (47,6%), за ними следуют деревья (28,6%), а затем кустарники (23,8%) [\[28\]](#).

Знание народной метеорологии не утратило своей актуальности и сегодня, а ее рациональная основа и значение обоснованы. Современная техника не всегда может точно предугадать краткосрочные, а также долгосрочные изменения погоды в природе. А вот «растения-синоптики» никогда не ошибаются, только предупреждают о грядущих погодных переменах по-разному. Так, раннее цветение ежевики в июне указывает на ранний урожай. А на севере Англии известна поговорка, в которой говорится, что приход весны связан с цветением маргариток: "*Spring has not arrived till you can set your foot on twelve daisies* – «Весна наступит лишь тогда, когда на лужайке расцветет дюжина маргариток». Буйное цветение боярышника (*hawthorn*) предвещает суровую зиму, а обильно цветущий ракитник (*broom*) обещает хороший урожай зерна: "*The broom having plenty of blossoms is a sign of a fruitful year of corn*" – «Ракитник обильно цветет – большой урожай кукурузы грядёт». В Суррее известна пословица "*It's always cold when the blackthorn comes into flower*" – «Цветет терновник – к похолоданию». А стишок о дубе и ясене напоминает нам о том, что если дуб зазеленеет раньше ясеня, лето будет дождливым, а если наоборот – сухим и жарким:

If the oak is out before the ash,
 Дуб зеленеет раньше ясеня,
'Twill be a summer of wet and
 Лето будет сырое, ненастное.
splash;
 Ну, а если наоборот,
But if the ash is before the oak,
 То жара и пожар придет.

'Twill be a summer of fire and smoke

(пер. авторов)

[28].

Интересна этимология предсказания "A *cherry year, a merry year; a plum year, a dumb year*." При его толковании можно подумать, что год, в который собран хороший урожай вишни будет веселым, а год, в который хорошо урожат сливы – молчаливым или проклятым. Однако прилагательное *merry*, написанное таким образом, не имеет ничего общего со словом «весёлый». Оно связано с французским *merise* – распространенным на юго-западе Англии названием дикой вишни, или черешни (*merries*). Слово *dumb* – «тупой, молчаливый, проклятый» также не имеет ничего общего с написанным таким образом прилагательным, а является искажением слова «чернослива» (*prunes*). Смысл рифмы теперь становится очевидным: год, в котором хороший урожай вишни обещает и хороший урожай черешни, а год, богатый на сливы сулит много чернослива.

В графстве Кент верили, что изобилие орехов (*nits*) осенью предвещает суровую зиму и повышенную смертность: "*Many nits, many pits*" – «Много орехов – много могил». О плохом урожае говорит и изобилие плодов рябины: "*Many rains, many rowans. Many rowans, many yawns*" – «Много дождей – много рябины. Много рябины – неурожай».

Много поверий связано с луком:

Onion's skin very thin,

Кожица лука очень тонка,

Mild-winter's coming in;

Будет зима очень мягка;

Onion's skin thick and tough,

Кожица лука толста и жестка,

Coming winter cold and rough

Будет зима сурова, холодна.

[28].

(пер. авторов)

Растения подсказывали фермеру последовательность сельскохозяйственных работ. Так, терновник [*sloe/ blackthorn*] подсказывал время посадки ячменя [*barley*]:

*When the sloe tree is as white as a
sheet,*

Цветущий терновник стучит в
оконце,

*Sow your barley whether it be dry or
wet*

Сей ячмень хоть в дождь, хоть в
солнце.

[28].

(пер. авторов)

В следующем примере начало посева ячменя подсказывает цвет сережек (*goslings*) цветущего дуба:

*When the oak puts on his gosling
grey,*

Цветущий дуб накрыла седина,
Займись посевом ячменя.

'Tis time to sow barley night or day

(пер. авторов)

[28].

Со сроками посева ячменя связан и размер распускающихся листиков вяза (*elm leaves*):

When the elmen leaf is as big as a

Когда листик вяза с мышиное ушко,

<i>mouse's ear,</i>	Сей ячмень, не сиди в избушке.
<i>Then to sow barley never fear.</i>	Когда листик вяза уже с бычий
<i>When the elmen leaf is as big as an</i>	глаз,
<i>ox's eye,</i>	Не поздно ли сеять уже сейчас?
<i>Then say I, "Hie, boys, hie!</i>	(пер. авторов)

[28]

С давних времен люди проявляли интерес к растениям для лечения различных заболеваний. Использование плодов, цветов, трав в лечебных целях, естественно, нашло свое отражение и в языке.

Согласно уже упомянутому выше старинному стишку, распространенному в Девоншире, употребление яблок – хорошая профилактика заболеваний:

<i>Eat an apple going to bed,</i>	Съешь яблоко перед сном,
<i>Make the doctor beg his bread</i>	Не будет нужды ходить за врачом.
[30].	(пер. авторов)

Согласно поверью, прикасаясь к дубу или держа в руке дубовую ветвь, можно было избавиться от подагры, повторяя:

<i>Oak-shoot, I to thee complain,</i>	Ветка дуба, жалуюсь я тебе,
<i>All the torturing gout plagues me;</i>	Меня донимает подагра;
<i>I cannot go for it,</i>	Сил больше нет терпеть эту боль,
<i>Thou canst stand it.</i>	А ты крепкий, ты выдержишь.
<i>The first bird that flies above thee,</i>	Пусть перейдет мой недуг
<i>To him give it in his flight,</i>	На первую птицу, пролетающую над
<i>Let him take it with him in the air.</i>	тобой.
[30]	Пусть заберет мой недуг и унесет
	его с собой.
	(пер. авторов)

Обычный фенхель (*fennel*) способен придать силы организму, восстановить силы. Об этом писал еще Генри Водсворт Лонгфелло в стихотворении «Кубок жизни» (*Goblet of Life*):

<i>Above the lowly plant it towers,</i>	Царит высоко над лугами
<i>The fennel, with its yellow flowers;</i>	Тот фенхель с желтыми цветами,
<i>And in an earlier age than ours</i>	Что в годы, бывшие пред нами,
<i>Was gifted with the wondrous</i>	Сравнился с мудрыми богами:
<i>powers</i>	Слепцам он дарит свет.
<i>Lost vision to restore.</i>	

[\[30\]](#)

(пер. И. Анненского)

Особой популярностью в восстановлении красоты издавна пользовался боярышник (*hawthorn*):

<i>The fair maid who, the first of May,</i>	Прекрасная дева, которая первого
<i>Goes to the fields at break of day,</i>	мая
<i>And washes in dew from the</i>	Идет в поле с рассветом,
<i>hawthorn tree,</i>	И умывается росой с боярышника,
<i>Will ever after handsome be.</i>	Будет вечно красивой.

[\[28\]](#)

(пер. авторов)

Лист щавеля (*dock-leaf*) был широко известен среди крестьян как средство от ожога крапивы:

<i>Nettle out, dock in</i>	Щавель, войди, крапива, вон!
<i>Dock remove the nettle-sting.</i>	Щавель, сними с моей кожи огонь!

[\[28\]](#)

(пер. авторов)

Полынь и рута (*wormwood and rue*) широко использовались как средства дезинфекции:

<i>What savour is better, if physicke be</i>	Если верить мудрецам,
<i>true,</i>	Для очищения помещения
<i>For places infected, than wormwood</i>	Нет лучшего атрибута,
<i>and rue?</i>	Чем полынь и рута.

[\[28\]](#)

(пер. авторов)

Некоторым растениям приписывались сверхъестественные качества. Так, из лещины или лесного ореха (*hazel*) лозоходы вырезали свои «волшебные палочки», пруты, «волшебную лозу» для поиска воды, руды и угля. Лещине приписывались магические лечебные свойства. Старинный способ избавиться от последствий укуса гадюки требовал выложить на земле крест из веток орешника и трижды повторить следующее заклинание:

<i>Underneath this hazelin mote,</i>	Под ореховым крестом
<i>There's a braggotty worm with a</i>	Затаился гад с хвостом
<i>speckled throat,</i>	Девятью двойных локтей длиной.
<i>Nine double is he;</i>	Усохни с девяти до восьми,
<i>Now from nine double to eight</i>	С восьми до семи, яд из меня
<i>double</i>	изыди!
<i>And from eight double to seven</i>	(пер. авторов)
<i>double-ell.</i>	

[\[28\]](#)

В народном творчестве и медицине фитонимы выполняют выразительную функцию, способствующую повышению экспрессии и, безусловно, когнитивную, поскольку стихи-заклинания, поговорки несут в себе знания и мудрость, содержащиеся в памяти поколений.

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены функциональные особенности фитонимов в британском фольклоре. В современном мире растения и цветы, в частности, составляют неотъемлемую часть повседневной жизни. Обращение к актуальной сегодня лингвистике повседневности позволило по-новому взглянуть на ту роль, которую играют названия представителей растительного мира в повседневной жизни населения стран, говорящих на английском языке

Сущность повседневности как социально-философского понятия заключается в том, что это наиболее близкая, привычная человеку реальность. Для современной лингвистики, которая обратила свой взор на обыденное сознание и повседневную жизнь индивида, ценным является повседневный дискурс. Потенциальными ценностями повседневного дискурса являются ценности, сформированные в рамках культурного сообщества.

Главным результатом проведенного нами исследования является выявление функций фитонимов в британском фольклоре. Основной функцией является номинативная, которую дополняют и уточняют характеризующая, символическая, оценочная, когнитивная и выразительная.

Проведенный в работе анализ форм репрезентации фитонимической лексики в британском фольклоре может служить основой для дальнейших исследований феномена лингвистики повседневности. Результаты исследования возможно использовать при разработке спецкурсов по истории повседневной культуры данных стран и анализа культуры повседневности в целом и британской народной культуры в частности.

Библиография

1. Ponton D., Ozyumenko V., Larina T. *Lingua-Cultural Identity in Translation: 'We' vs 'I' Cultures*. // *Journal of Language and Education*. 2023. № 9 (4). P. 73-84. URL: <https://doi.org/10.17323/jle.2023.17832>
2. Ананьева Н. Е. Фитонимы и некоторые микротопонимы окрестностей Видз // *Исследования по славянской диалектологии*. Выпуск 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь, Москва. Институт славяноведения РАН 2021. С. 115-120.
3. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Пер. с фр. Л. Е. Куббеля. 2-е изд. Москва: Весь мир, 2011. 624 с.
4. Смирнов А. В. *Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01 Санкт-Петербург, 2013. 365 с.*
5. Тулина Е. В., Козько Н. А. *Лингвистика повседневности сквозь призму прецедентности* // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 196-199.
6. Antonova M. *Modelling the Linguistic Worldview: Subject Field Scoping Review* / Antonova M., Baranovskaya T., Zakharova A., Li S. // *Journal of Language and Education*. 2022. № 8 (3). P. 150-166. URL: <https://doi.org/10.17323/jle.2022.14433>
7. Касавин И. Т., Щавелев С. П. *Анализ повседневности*. Москва: Канон+, 2004. 430 с.
8. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 55 с.

9. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Санкт-Петербург: Азбука, 2021. 764 с.
10. Крепкогорская Е. В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Казань, 2012. 233 с.
11. Гаджиева З. М. Когнитивные основы именования фитонимов в аварском и английском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 2009. 182 с.
12. Бояркина Л. М. Репрезентация концепта «человек / личность» средствами разных языковых уровней в современном английском языке: на материале зоонимов и фитонимов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Саранск, 2010. 218 с.
13. Рябко О. П. Сложноструктурные флоронимы в английском языке: когнитивно-фреймовая и мотивационно-номинативная интерпретация: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. Пятигорск, 2003. 406 с.
14. Женева Е. В. Лингвокультурные модели символообразования в австралийской и новозеландской картинах мира: на материале концептов флоры и фауны: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Владивосток, 2016. 195 с.
15. Папшева А. В. Структурно-семантические и функциональные характеристики английского лингвокультурного кода «Природа»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Самара, 2010. 178 с.
16. Киреева И. И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Самара. 2008. 192 с.
17. Дехнич О. В. Антропоцентрический характер метафорических репрезентаций (на примере метафоры дерева) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 2. С. 39-43.
18. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь = Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary: около 20 000 фразеологических единиц. 5-е изд., стер. Москва: Просвещение, 2021. 1210 с.
19. The Oxford Dictionary of Phrase and Fable. Edited by Elizabeth Knowles. Oxford University Press. 2016. 816 p.
20. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023) CamD.
21. Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023) CoID.
22. DICTIONARY.COM URL: <https://www.dictionary.com/> DICT (Accessed 23 November 2023).
23. Longman Dictionary of Contemporary English Online URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/LDOCE> (Accessed 23 November 2023).
24. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (Accessed 23 November 2023) MD.
25. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 23 November 2023) MW.
26. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (Accessed 23 November 2023) OLD.
27. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed 23 November 2023) UD.
28. Baker M. Discovering the Folklore of Plants. 3rd Revised Edition. Shire Publications,

2008. 168 p.

29. Бернс Р. Праздник всех святых. пер. С. Александровского. Английская поэзия. URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=6030> (accessed 11 June 2023)

30. Plant Lore, Legends, and Lyrics by Richard Folkard. Project Gutenberg <https://www.gutenberg.org/ebooks/44638> (accessed 18 October 2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Фитонимы в британском фольклоре (лингвокультурологический подход)», предлагаемой в публикации в научном журнале "Litera", несомненно, рассматривается актуальная проблема адекватной трактовки фитонимов при осуществлении перевода с иностранного языка, а также решаются ряд задач теории лингвокультурологии.

Автор обращается к изучению наименований растений, которые являются неотъемлемым атрибутом народного фольклора, отражают культурное своеобразие и неповторимость национального характера.

Целью настоящей работы является рассмотрение проблемы использования фитонимической лексики и особенностей бытования форм ее репрезентации в народной культуре Британии с позиций лингвистики повседневности.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

Материалом исследования послужили примеры из различных современных лексикографических источников (10 наименований) языковые данные, почерпнутые из новейших материалов СМИ, медийных порталов, например, Wikipedia. Теоретические положения проиллюстрированы языковым англоязычным материалом и переводом на русский язык, а также статистическими наблюдениями.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

В работе используются методы комплексного анализа, опирающиеся на методы разных наук (истории, культурологии), среди которых важными считаются следующие подходы: системный подход, семиотический подход, культурно-антропологический подход.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, практическую с описанием методологии исследования и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, автор не приводит в вводной части, традиционной для столь существенных исследований, трудов предшественников по данной тематике для выявления научных лакун. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Библиография статьи насчитывает 30 источников, среди которых как отечественные работы, так и зарубежные труды.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Статья, несомненно, будет

полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Фитонимы в британском фольклоре (лингвокультурологический подход)» положительное, работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Л., Лазарева О.В. Менталитет и национальный характер в русских и китайских паремиях // Litera. 2025. № 2. С.305-316. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.70126 EDN: DXWPWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70126

Менталитет и национальный характер в русских и китайских паремиях

Ли Лусы

кандидат филологических наук

Аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ llllllllsss19@gmail.com

Лазарева Олеся Викторовна

кандидат филологических наук

Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ lazareva-ov@rudn.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.70126

EDN:

DXW PW W

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В данной исследовательской работе представлен анализ особенностей национального характера и менталитета, воплощенных в паремиях русского и китайского языков, с целью понимания, как языковые обороты отражают культурные и социальные особенности народов. Используя контент-анализ и компонентный анализ

паремий, а также уникальный авторский метод составления паремических портретов с применением лепестковой диаграммы для визуализации, исследование раскрывает, как паремии служат зеркалом национального самосознания и культурной идентичности. Анализируя русские и китайские паремии, исследование выявляет как положительные, так и негативные черты национальных характеров, подчеркивая уникальность и общность в восприятии мира русскими и китайцами. Особое внимание уделяется тому, как паремии отражают важные аспекты быта, социальных связей и национально-культурных особенностей, демонстрируя различия и сходства в менталитете двух народов. Методами исследования послужили контент и компонентный анализ паремий, визуализация с помощью лепестковой диаграммы и авторский метод составления паремического портрета. Научная новизна исследования состоит в использовании авторского подхода к сравнительному изучению паремий, основанному на разработке паремиологических портретов русского и китайского национальных характеров с помощью визуализации в форме лепестковой диаграммы. Исследование вносит значительный вклад в сравнительную культурологию и лингвистику, предлагая инновационный подход к изучению национального характера через паремии, авторы разработали и применили методы сравнительного анализа, что позволило глубже понять национальную идентичность. В заключении, исследование подчеркивает, что паремии являются богатым источником знаний о национальном характере, выделяя общие черты, такие как трудолюбие, честность и коллективизм, а также уникальные особенности, включая страх потери лица в китайской культуре и широту души в русской культуре. Это подчеркивает важность паремий как инструмента для изучения и понимания культурных различий и сходств между народами.

Ключевые слова:

национальный характер, менталитет, паремия, паремический портрет, пословица, яньюй, русский язык, китайский язык, специфическое, характер человека

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на фоне активизации политических и экономических связей Китая и России возрастает интерес к углубленному изучению китайской и русской традиционной культуры и проведению сопоставительных исследований, что вносит вклад в установление эффективного сотрудничества между странами, учитывающего специфику языковых картин мира двух народов.

Вопросу изучения лингвокультурных особенностей и метафорического параллелизма в паремиях русского и китайского языков посвящено много исследований. Аспектами исследования (на материале одного языка или в сопоставлении) стали семантика паремий русского и китайского языков [\[15; 19\]](#); логическая и синтаксическая структура паремий [\[2; 5; 13\]](#); специфическое в паремиях двух языков [\[10; 17; 21\]](#); аксиологические свойства паремии [\[16\]](#); паремия как отражение менталитета этноса [\[3; 8; 9; 11; 12\]](#); паремиология в аспекте перевода и преподавания [\[7; 18\]](#). Полученные в рассмотренных исследованиях результаты обусловили необходимость дальнейшего изучения репрезентации национального характера и менталитета в русских и китайских паремиях.

Для достижения цели в работе были поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать черты национального характера, воплощенные в русских поговорках;
- изучить черты национального характера и менталитета, представленные в китайских поговорках;
- сравнить общие и специфические черты национального характера, выраженные в русских и китайских поговорках.

Материалом исследования послужила картотека поговорок о национальном характере и менталитете в русском (300 единиц) и китайском (350 единиц) языках, извлеченных методом сплошной выборки из словарей поговорок, в том числе моноязычных:

- Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа [Электронный ресурс] URL: <https://vdahl.ru> (дата обращения: 3.09.2023).
- 周静琪. 汉语谚语词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006 (Чжоу Цзинци. Словарь китайских поговорок. Пекин: Коммерческая Пресса Интернэшнл, 2006).
- Е. Фанлай. Русско-китайский словарь поговорок и пословиц. Пекин: Деловое издательство, 2005.

Теоретическую базу исследования составили работы по теории фразеологии и поговорок: монография А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, посвященная проблеме выделения единиц фразеологии [11]; научные работы, посвященные принципам анализа и лингвокультурологической значимости, а также терминологической дискуссионности поговорок [2; 3]; научные исследования по лингвокультурологии как аспекту осмысления самосознания этноса, отраженного в языке [7; 8]; по поговоркам как единице лексической системы [10; 17]; по поговоркам как социокультурному феномену с аксиологической компонентой [13; 16].

Выбор **методов исследования** обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Методами исследования послужили контент и компонентный анализ отобранных понятий ценностей и концептов, связанных с ними. Исходя из словарных дефиниций, были выделены компоненты значения и оценочный аспект, то есть разделение по семам (методы семантического анализа). В ряде случаев применялся этимологический анализ. В случае обнаружения лакун использовался переводческий анализ. Сравнительно-сопоставительный анализ по плану содержания и плану выражения, а также контекстуальный анализ на уровнях предложения и фразового единства позволили посмотреть на поговорки с разных точек зрения, выявить их семантику и раскрыть коммуникативный потенциал. Использование этих методов в сочетании с контрастивным и лингвокультурологическим методами с учетом принципа интегративности позволяет получить более важные сведения о взаимодействии языка и культуры. Значение поговорок изучается посредством анализа поговорочного конденсата.

Национальная специфика поговорок выявляется посредством анализа уникальных и общих с другими языками поговорок [10]. Национальное своеобразие поговорок отражают национальные маркеры или этномаркеры, включающие имена собственные, названия артефактов материальной культуры, этнонимы [17]. При этом под уникальными поговорками следует понимать такие выражения, которые не имеют аналогов в других языках, что обнаруживается в результате межъязыкового сопоставления. В свою очередь общие поговорки делятся на два типа – интернациональные (общие для родственных языков) и универсальные (общие для неродственных языков).

Используемая в статье методика основана на поэтапном анализе языковой и национально-культурной специфичности, предложенном Е. Е. Ивановым, О. В. Ломакиной и Ю. А. Петрушевской [10]. Согласно данной методике, изучение русских и китайских паремий, объединенных общей темой «национальный характер и менталитет», проводилось с учетом следующих этапов:

- первый этап «отбор фактического материала для исследования»;
- второй этап «дифференциация уникальных и общих пословиц в русском и китайском языках»;
- третий этап «установление национально-языкового своеобразия единиц пословичного фонда»;
- четвертый этап «определение национально-культурной маркированности пословицы»;
- пятый этап «выявление объема и характера национальной специфичности пословиц» [10].

Результаты анализа были визуализированы с помощью MS Excel на основе полученных количественных данных посредством использования лепестковой диаграммы, которая позволила в наглядной форме отразить паремические портреты национального характера и менталитета русских и китайцев.

Практическая значимость исследования связана с тем, что его результаты могут быть использованы в качестве теоретического материала для проведения сравнительных исследований паремий в русском и китайском языке, при создании учебных материалов для изучающих китайский и русский язык, а также для составления двуязычных китайско-русских и русско-китайских словарей паремий.

Обсуждение и результаты

Выявление общего (универсального) и специфичного в паремиологическом фонде языка является актуальным вопросом современной лингвистики [10]. Это прежде всего связано с тем, что паремии – языковые единицы, наиболее ярко отражающие национально-культурную информацию. Паремии – важный элемент национальной картины мира, в любом языке отражают ценности народа, являются универсалиями, репрезентируемыми в разных формах устойчивых выражений [13; 17].

В общем смысле, «пословица – это фразеологизм со структурой предложения» [1, с. 48], паремия – это «упаковка опыта», «компактное вместилище», она устойчива к историческим изменениям и продолжает быть широко используемой в языке даже несмотря на то, что реалии, о которых она упоминает, достаточно часто уже не встречаются в повседневной жизни. Помимо этого, паремиям также свойственны анонимность, краткость, законченность, рекомендательный характер, образность и переносный смысл [3]. Однако, между пословицей и паремией существует различие как между частным и общим. Так, пословица является лишь одним из видов паремий, которые также включают другие идиоматические выражения.

В китайском языке известно много видов идиоматических выражений, обладающих семантическими и конструктивными особенностями. Поскольку в рамках настоящей работы в качестве материала исследования используются пословицы, то представляется необходимым рассмотреть их китайских эквивалент **яньюй** 谚语. Данный вид

идиоматических выражений представляет собой устойчивые лаконичные предложения, широко распространенные в народе, которые являются кристаллизацией народного опыта [5–7; 14; 15; 18]. Китайский термин *яньюй* эквивалентен термину *пословица и поговорка* в русском языке и выступает одним из основных видов паремий в китайском языке [6].

Собрав материал русских пословиц и китайских *яньюй* о национальном характере и менталитете, мы провели их анализ, выявили уникальные и общие для обеих лингвокультур единицы. Каждая пословица была маркирована подписью с названием черты характера, которую она выражает, что позволило в результате получить два набора данных для русского и китайского языков. В результате использования фильтра в MS Excel, был проведен подсчет паремий по каждой из черт характера и результаты представлены в сводной таблице по каждому языку. Далее мы составили общую таблицу, перечислив каждую из черт национального характера, обнаруженные в пословицах, и отметив количество паремий в каждом из языков (в случае отсутствия паремий с чертой национального характера другого языка, в таблице ставилось нулевое значение). Следующим шагом стало построение лепестковой диаграммы и получение паремических портретов русского и китайского национального характера (Рис.1).

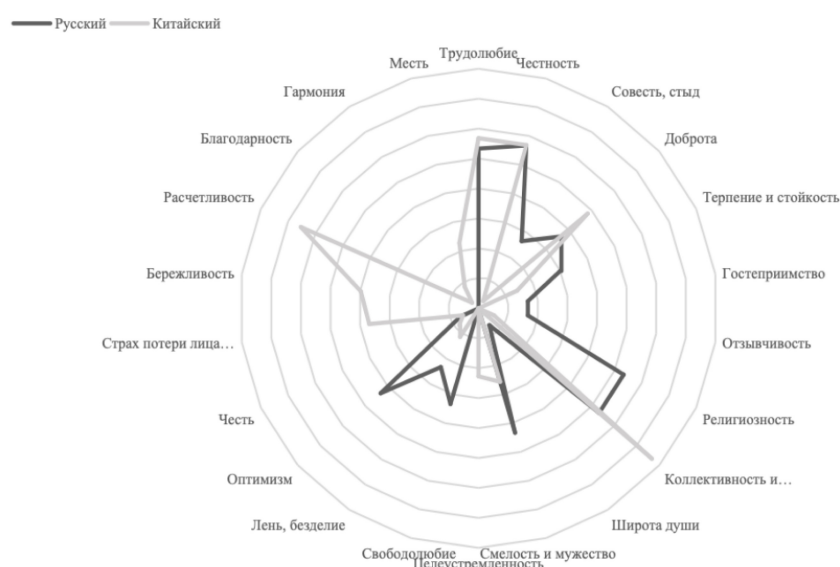

Рисунок 1. «Паремические портреты» русского и китайского национальных характеров

Изучение русских паремий и китайских *яньюй* о национальном характере и менталитете позволило обнаружить, что для них общим является наличие паремий о *трудолюбии*. В этих выражениях воплотилось положительное отношение к труду (рус. *У нас самый счастливый человек – трудолюбивый, Землю солнце красит, а человека – труд*, рус. *Счастье и труд рядом живут*, кит. *要想获得幸福, 必先吃苦耐劳* 'Если хочешь быть счастливым, надо сначала перетерпеть невзгоды и выдержать тяжелый труд', кит. *劳动是百宝之根* 'Труд – корень всех сокровищ'. Упорный труд необходим для того, чтобы обеспечить свой быт и жизнь всем необходимым, что было особенно важно для русского человека, проживающего в условиях средней климатической полосы с ограниченным по времени сельскохозяйственным периодом (рус. *Упорно трудиться – будет хлеб в закромах*

водиться). В Китае, несмотря на более благоприятный климат для сельского хозяйства в южных провинциях, необходимость упорного труда также нашла отражение во многих поговорках (кит. 功夫不负有心人 'Тяжелая работа окупается'; кит. 奋斗, 事会成功; 勤劳, 幸福必来 'Если будешь много работать, то добьешься успеха, если будешь много работать, придет счастье'). В противоположность трудолюбию, в русских и китайских поговорках находит отражение особое отношение к лени. При этом, если китайские выражения о лени имеют строго негативную оценку (кит. 不怕事难, 就怕手懒 'Не бойтесь трудностей, бойтесь просто лениться'; кит. 懒惰是万恶之源 'Лень – корень всех зол'), то русские не всегда рассматривают лень как нечто негативное, а в некоторых случаях констатируют лишь фактическое присутствие этой особенности национального характера (рус. *Лень прежде нас родилась, Маленькая лень до большой дорастает*). Подобное отношение русских к трудолюбию и лени воплощает особенность национального характера – противоречивость.

Общей чертой национальных характеров двух народов выступает отношение к честности (искренности). Честность в русских поговорках предстает как наиболее значимое качество для человека (рус. *Честность всего дороже, Некрасив собою, зато честен душой, Честный правды не боится, Честный человек дороже каменного моста*), нередко честность присуща бедным людям (*Богат, да крив, беден, да честен, Будь гол, да не вор, а беден, да честен*). В китайских поговорках честность также представлена как основа и высшая добродетель жизни человека, которая дает человеку уверенность в себе, дает его сильным (кит. 诚实是人生的命脉, 是一切价值的根基 'Честность – это источник жизненной силы и основа всех ценностей, 真诚才是人生最高的美德 'Искренность – высшая добродетель в жизни', 诚实是最丰富的传代物 'Честность – самое богатое наследство', 人无诚不立, 城无信不强 'Человек не может устоять без искренности, а город не может быть сильным без веры'). При этом китайские поговорки призывают остерегаться людей нечестных и хитрых (кит. 不怕怒目金刚, 只怕眯眼菩萨 'Не бойтесь гневноокого Ваджры, а бойтесь узкоглазого Бодхисаттвы, в знач. не нужно бояться людей, кто говорит правду в глаза, пусть даже гневно, а нужно бояться тех, кто смеялся в глаза нечестен').

В русских и китайских поговорках нашла отражение коллективность как национальная черта. Народы обеих стран полагают, сплотившись, общими усилиями можно достичь более эффективной и слаженной работы, добиться высоких результатов (рус. *Наша сила – семья едина*», кит. 人心齐, 泰山移 'Если люди сплотятся, то и гору Тайшань передвинут'). Универсальное обнаруживается в отношении к соседям (рус. *Близкий сосед лучше дальней родни, Худое дело обидеть соседа*, кит. 远亲不如近邻 'Ближний сосед лучше дальнего родственника') и в отношении к коллективности как таковой (рус. *Одно дерево – не лес, один человек – не народ*, кит. 单丝不成线, 独木不成林 'Одна нить не может создать полотно, а одно дерево не может создать лес', 滴水不成海, 独木难成林 'Капля воды не может создать океан, а одно дерево не может создать лес', 莫学蜘蛛各结网, 要学蜜蜂共酿蜜 'Не будьте пауками, которые строят свои паутины, а будьте подобны пчелам, которые вместе добывают мед'). Коллективность в китайской культуре тесно связана с представлениями о семье. В поговорках обнаруживается, что важными для семьи являются единогласие и гармония (一家人不说两家话 'В одной семье не говорят на двух языках').

В поговорках русского и китайского языка о национальном характере находит отражение особое отношение к доброте. В частности, в русских поговорках доброта предстает как важное качество человека, которое положительно оценивается как в обществе (рус. *Добро век не забудется, Доброта нигде не теряет своего достоинства, Жизнь дана на добрые дела*), так и Богом (*Кто добро творит, тому Бог отплатит*), что также выражает

важную черту национального характера русских как религиозность, обусловленную влиянием христианства на становление национального менталитета. В китайских паремиях *доброта* как черта национального характера также положительно оценивается (кит. 善有善报 'Добро добром и обернется', 从善如登, 从恶如崩 'Делать добро подобно восхождению, делать зло – подобно падению', 天不可无日月, 人不可无善德 'Небо не может быть без солнца и луны, а люди не могут быть без доброты', 善良的心就是太阳 'Доброе сердце – солнце'). При этом в китайской культуре добро в паремиях воплощается в двух формах как 善 шань 'добросердечность, дружелюбность', так и в форме 善德 'мэйдэ, высшая добродетель'. Это позволяет обнаружить, что в китайской культуре неоднозначное отношение к доброте.

Общее обнаруживается в наличии *терпения* как черты и китайского, и русского национального характера. Терпение и стойкость позволяют достигать особых высот в любом деле, преодолевать сложности. Терпение предстает как нечто необходимое, что позволяет сделать будущее более светлым, а жизнь более счастливой. Все это находит отражение в китайских паремиях 困难是人生的教科书 'Трудности – учебник жизни', 高山挡不住太阳, 困难吓不倒英雄 'Горы не могут заслонить солнце, а трудности не могут напугать героев'), и в русских паремиях *Русский терпелив до зачина, Час терпеть, а век жить, На хотенье есть терпение, Поживи в рабах, авось, будешь и в господах*. В этих паремиях также обнаруживается неоднозначная особенность русского национального характера, как надежда «на авось», то есть на случайное стечение обстоятельств, что выражает склонность к оптимизму и веру в положительный исход. В русском языке широко известны паремии со словом *авось*, такие как *Русский человек на трёх сваях стоит: авось, небось да как-нибудь, Авось и рыбака толкает под бока, Держался авоська за небоську, да оба в яму упали, Авось, что заяц, в тенета попадает, На авось мужик и пашню пашет (и хлеб сеет), Авось, да небось, да как-нибудь, Авось да небось – такая подпора, хоть брось, Авоська парень добрый: или выручит, или выучит, Авось – вся надежда наша, До того доживем, что авось еще наживем, На авось мужик и хлеб сеет*. При этом авось не является безответственностью, а выступает большей открытостью русский людей и готовностью к восприятию любых вариантов исхода некоторого события.

В китайском оптимизме проявляется прагматичность национального характера. Например, в паремии 吃一堑, 长一智 'Каждая неудача делает человека умнее' можно обнаружить, что любой опыт, любая практика – основа будущего успеха. Прагматичность китайского характера также в большей степени связана не с оптимизмом, а с расчетливостью, которая часто отождествляется с разумностью и считается положительной чертой характера. Это нашло отражение в паремиях 有理赢, 无理输 'Разумный побеждает, неразумный проигрывает', 好茶不怕细品, 好事不怕细论 'Хороший чай не боится тщательной дегустации, а добрые дела не боятся подробного обсуждения'.

В обоих лингвокультурах смелость предстает как положительная черта национального характера (рус. *Смелость (отвага) города берет, Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать*, кит. 胆大骑龙骑虎, 胆小骑猫骑兔 'Смелый ездит на драконе и тигре, робкий – на кошке и кролике'). В русских паремиях *Либо пан, либо пропал, Либо в стремя ногой, либо в пень головой* и др. отражается стремление русского человека к риску.

Далее рассмотрим специфические черты национального характера, которые были обнаружены в результате сравнительного анализа русских и китайских паремий.

В русских паремиях, в частности, нашли отражение такие черты как гостеприимство, отзывчивость, широта души, свободолюбие.

В связи с влиянием истории, географических особенностей, религиозности, гостеприимство стало одной из черт национального характера. Это нашло отражение в паремиях *Хоть не богат, а гостям рад, Гостю щей не жалей, а погуще налей, Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай, Нежданный гость, лучше жданных двух, Доброму гостю хозяин рад*. С этой особенностью национального характера также связывается отзывчивость (*За добро добром платят, Худое дело обидеть соседа*) и широта души (*Русская душа – нараспашку*).

Свободолюбие в национальном характере русских сформировалось в условиях с социальным опытом ограничений свободы, длительным временем существования крепостного права. Это отразилось в таких паремиях, как *Хоть тяжелая доля, да все своя воля, Воля птичке дороже золотой клетки, Свободный человек ничего не боится, Своя волюшка – раздольюшка* и др.

В китайских паремиях особенности национального характера включают *страх потери лица – мяньцзы*, бережливость, целеустремленность, мстительность.

Что касается страха потери лица, то лицо или *мяньцзы* в китайской культуре связывается с репутацией (*人过留名, 雁过留声* 'Человек, проходя, должен оставить после себя репутацию, как пролетевший гусь оставляет после себя крик', *鸟惜羽毛虎惜皮, 为人处世惜脸皮* 'Птица дорожит своими перьями, тигр – своей шкурой, а человек – своим лицом', *人怕没脸, 树怕没皮* 'Люди боятся потерять лицо, а деревья боятся потерять кожу'). Сохранение собственной социальной репутации очень важно для китайского человека, что связано с особенностями восприятия мира и общества, а также сильной коллективностью китайской культуры.

Целеустремленность в китайском характере связана с наличием амбиций, что оценивается положительно. Это нашло отражение в паремиях *树怕烂根, 人怕无志* 'Деревья боятся гнилых корней, а люди боятся отсутствия амбиций', *不怕学问浅, 就怕志气短* 'Не бойтесь быть знающими, но бойтесь нехватки амбиций').

Бережливость как черта национального характера китайцев также обнаруживается во многих паремиях (*君子以俭德辟难* 'Благородный муж использует бережливость, чтобы преодолеть трудности', *养鱼要蓄水, 致富要积累* 'Чтобы выращивать рыбу, нужно запастись водой, а чтобы стать богатым, нужно копить'). Бережливость и скромность воспринимаются как положительные черты, при этом им противопоставляется расточительность (кит. *精打细算, 有吃有穿; 大吃大喝, 当屋卖锅* 'Тщательно планируйте еду и одежду, ешьте и пейте расточительно и продавайте горшки в доме', *眼下胡花乱铺张, 往后日月空荡荡* 'Тратить деньги сейчас расточительно, но в будущем солнце и луна опустеют').

Анализ китайских паремий также позволил обнаружить мстительность как положительную черту национального характера. Согласно паремии *有仇不报非君子, 有冤不伸枉为人* 'Человек не может считаться благородным мужем, если он не исправил несправедливость, не отомстил врагу'. Также обнаруживается, что месть благородного мужа не должна быть моментальной, а может откладываться на достаточно продолжительный период времени: *君子报仇, 十年不晚* 'Для мести благородного мужа десять лет даже не срок', *君子报仇三年, 小人报仇眼前* 'Благородный муж мстит три года, злодей – сразу').

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**.

Во-первых, проанализировав черты национального характера, воплощенные в русских

паремиях, мы обнаружили, что они включают особое отношение к совести, лени и безделью; честь; оптимизм; гостеприимство; смелость и мужество; честность и положительное отношение к трудолюбию. Паремии также отражают присущую русскому менталитету религиозность и коллективность. Кроме этого, в паремиях воплощена противоречивость русского менталитета (лень / трудолюбие), которая имеет связь с многонациональностью и многокультурностью, сочетанием коллективизма и индивидуализма. Надежда на авось, представленная в русских паремиях, также выступает одной из важных черт национального характера, исторически формировавшейся в условиях периодов войн и кризисов, сильного влияния религиозных представлений о судьбе и роке.

Во-вторых, изучив черты национального характера и менталитета, представленные в китайских паремиях, мы пришли к выводу, что они включают целеустремленность; наличие страха потери лица; бережливость и расчетливость. Среди них целеустремленность формировалась в процессе длительного исторического развития, стремления китайского народа к совершенствованию, в условиях высокой конкуренции в обществе. Концепция «лица» развивалась в китайском обществе под влиянием учений Конфуция, подчеркивающего важность гармонии в обществе, несоблюдение которой способно привести к потере статуса и репутации. Бережливость также формировалась под влиянием философии Конфуция и даосизма, которые подчеркивают значимость умеренного и сдержанного образа жизни.

И, наконец, сравнив общие и специфические черты национального характера, выраженные в русских и китайских паремиях, мы пришли к выводу, что общим для обеих лингвокультур выступает положительное отношение к труду, честность, доброта, коллективность, смелость, терпение и стойкость. Вполне вероятно, что универсальность трудолюбия обусловлена тем, что для России и Китая сельское хозяйство исторически играло важную роль в жизни людей, которым было необходимо постоянно прикладывать усилия для ухода за посевами и получения урожая. Также отметим, что несмотря на отнесение перечисленных выше черт к общим, стоит отметить, что при более глубоком рассмотрении были обнаружены национальные особенности восприятия этих черт. Так, например, доброта в китайской культуре воспринимается не только как добросердечность, дружелюбность, но также предстает как добродетель, что связано с влиянием буддизма. Честность в русской культуре связывается с религиозными мотивами и влиянием православия, в то время как в Китае – это неотъемлемая ценность в философских учениях древних философов. Смелость, терпение и стойкость связаны со сложными историческими и геополитическими условиями, в которых формировались русский и китайский национальный характер.

Специфические черты, выраженные в русских и китайских паремиях, включают гостеприимство, отзывчивость, свободолюбие, способность к риску, надежда на авось. В свою очередь в китайских паремиях отражается положительное отношение к бережливости и расчетливости, сохранению своего лица. Объединяя все перечисленное выше, можно еще раз отметить, что паремии отражают сильное влияние территориальных, исторических, религиозно-философских факторов на формирование русского и китайского национального характера.

Перспективы исследования данной проблематики включают продолжение исследования паремий о национальном характере с целью выявления детальных различий в лингвокультурах Китая и России. Несмотря на то, что в статье изучаются паремии, проанализирован лишь один их вид – русские пословицы и китайские яньюй, в связи с чем перспективно в качестве материала исследования использовать другие виды

паремий.

Библиография

1. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
2. Бредис, М.А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М.А. Бредис, М.С. Димогло, О.В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 2. С. 265–284.
3. Бредис, М.А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М.А. Бредис, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 34–43.
4. Ван, Инъи. О сравнении китайских и уйгурских пословиц / Ван Инъи, Лю Хуэй (=王颖意, 柳慧. 试论汉维谚语对比) // Сравнительное исследование культурных инноваций(=文化创新比较研究). – 2022. – № 6 (18). – С. 37–40.
5. Ван, Хунъянь. Анализ синтаксических особенностей китайских пословиц (=王鸿雁. 汉语谚语的句法形式特点分析) // Общественные науки Гуанси(=广西社会科学). – 2005. – № 8. – С. 152–154.
6. Горелов, В.И. Стилистика современного китайского языка / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1979. – 192 с.
7. Дай, Чжаоин. Введение в лингвокультурологию. Пекин: Издательство китайского языка, 1996. (戴昭铭. 文化语言学导论. 北京: 语文出版社, 1996)
8. Дворянова, А.А. Менталитет национальных культур и языковая картина мира // Актуальные проблемы языка и культуры: традиции и инновации. Сб. статей участников III Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов, педагогов и молодых учёных. Науч. редактор Л.Н. Набилкина, отв. редактор Д.Л. Морозов. – Арзамас, 2020. – С. 166–169.
9. Дэчжи, М. Отражение национального характера в русских и китайских пословицах / М. Дэчжи, Т.А. Кыргы // Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры». – Москва, 2017. – С. 118–121.
10. Иванов, Е.Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Ю.А. Петрушевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – № 4. – С. 996–1035.
11. Иосифова, В.Е. Русские и китайские пословицы как составная часть социокультурного феномена народов / В.Е. Иосифова, Ни Ц. // Проблемы лингвистической прагматики / Доклады Международной научной конференции. Отв. ред. А.Н. Ерёмин. – Калуга, 2021. – С. 86–75.
12. Калинина, Е.Е. Отражение национального характера в языковой картине мира чувашского и китайского народов / Лю Ц., Е.Е. Калинина // Ашмаринские чтения. – 2020. – С. 68–69.
13. Ли, Вэй. Нравственное значение и логическая система народных пословиц / Ли Цюшэн, Ли Вэй (=李渭, 李秋生. 民族谚语的德育价值及逻辑体系) // Литературное образование (Часть 1)(=文学教育(上)). – 2023. – № 1. – С. 164–168.
14. Ли, Чуньхун. Новые пути межкультурной коммуникации и преподавания китайских идиом (=李春红. 汉语熟语跨文化传播与教学新路径) // Журнал Вэйфанского университета(=潍坊学院学报). – 2023. – № 23 (4). – С. 6–8.
15. Лю, Ли. Исследование регрессионной модели на основе китайских идиом / Чжоу Хунся, Лю Ли (=周红霞, 刘莉. 基于汉语熟语的趋返模式研究) // Журнал Хубэйского второго

- педагогического университета (=湖北第二师范学院学报). – 2020. – № 37 (11). – С. 15–19.
16. Нелюбова, Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 323–335.
17. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – СПб.: ООО «Мирс», 2009. – 269 с.
18. Сунь, Ин. Сравнительное переводоведение китайской и русской поговорочной культур / Хуан Цзянин, Чжоу Цзин, Сунь Ин (=黄佳宁,周晶,孙莹. 汉俄谚语文化对比翻译研究) // Современная и древняя культура и творчество (=今古文创). – 2022. – № 15. – С. 104–107.
19. Сюн, Чжэнь. Сравнительное исследование семантики китайских и русских пословиц (=熊珍. 中俄谚语语义的比较研究) // Литературное образование (Часть 1)(=文学教育(上)). – 2021. – № 2. – С. 161–163.
20. Ху, Ц. Языковая картина мира. Некоторые особенности отражения менталитета народа в русской и китайской фразеологии // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Материалы X Международной научной конференции. – Чита, 2017. – С. 219–221.
21. Mikhaylenko, A.Y. Image of a Woman in Chinese and Russian Proverbs / Novospasskaya N.V., Yang X., Mikhaylenko A.Y. // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 633–646.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Менталитет и национальный характер в русских и китайских паремиях», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка в нашей стране.

А с учетом активизации политических и экономических связей Китая и России возрастает интерес к углубленному изучению китайской и русской традиционной культуры и проведению сопоставительных исследований, что вносит вклад в установление эффективного сотрудничества между странами, учитывающего специфику языковых картин мира двух народов.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами. Материалом исследования послужила картотека паремий о национальном характере и менталитете в русском (300 единиц) и китайском (350 единиц) языках, извлеченных методом сплошной выборки из словарей пословиц, в том числе моноязычных: Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа, Чжоу Цзинци. Словарь китайских пословиц, Е Фанлай. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Методами исследования послужили контент и компонентный анализ, методы семантического анализа, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, а также контрастивные и лингвокультурологические

методы.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды как на русском, в том числе русскоязычные работы китайских исследований и труды на и английском языках.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования связана с тем, что его результаты могут быть использованы в качестве теоретического материала для проведения сравнительных исследований паремий в русском и китайском языке, при создании учебных материалов для изучающих китайский и русский язык, а также для составления двуязычных китайско-русских и русско-китайских словарей паремий. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Менталитет и национальный характер в русских и китайских паремиях» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Овсепян С.А. Лингвокультурная специфика семантики слова «счастье» в русском и армянском языках // Litera. 2025. № 2. С.317-331. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.72624 EDN: DWCKMV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72624

Лингвокультурная специфика семантики слова «счастье» в русском и армянском языках

Овсепян Сирануш Андраниковна

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ siran.hovsepyan.97@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.72624

EDN:

DWCKMV

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Данная статья посвящена анализу семантики слова «счастье» в русском и армянском языках. В этой работе мы попытаемся показать, что из себя представляет понятие счастье в русском и армянском языковом сознании, какую ценность и значение оно несет для носителей данных языков и сопоставить их. Цель данной статьи показать, что «счастье» является не просто универсальным понятием, а то, что оно способно отражать национально-специфичную структуру языка. Понятие это достаточно абстрактное. Объектом исследования является концепт «счастье» в русском и армянском языках как фрагмент языковой картины мира и ядро семантического поля счастье. Предмет исследования – национально-культурная специфика концепта «счастье» в русском и армянском языках. В процессе исследования были применены такие методы, как метод направленной выборки, классификационный метод, анализ словарных

дефиниций, наблюдение, описательный метод, сопоставительный метод, полевой метод, дефиниционно-компонентный анализ, использующий для описания семантического содержания номинативных единиц, репрезентирующих интерес. Научная новизна определяется тем, что благодаря комплексному анализу появляется возможность выявить национально-специфические особенности семантического наполнения слова «счастье» в русском и армянском языках. Работа представляет собой значимый материал для дальнейшего сопоставительного исследования лексико-семантического поля «счастье» в русском и армянском языках. Основная задача исследования – дать определение понятию «счастье» в русском и армянском языковом сознании (по материалам словарей). Библиография состоит из 30 источников. В данной работе мы рассмотрели 8 словарей, в том числе 6 армянских. Также мы выделили 24 однокоренных слова к слову «երջանկություն» [erjankutyun] и 30 однокоренных слов к слову «բախտ» [bakht]. Слово «երջանկություն» [erjankutyun] – счастье в армянском языке имеет 8 синонимов, а также 3 синонима в переносном значении. В русском языке мы также нашли 8 синонимов к слову «счастье».

Ключевые слова:

семантика, счастье, семантическое наполнение, армянский язык, русский язык, семантическое поле, лингвокультурология, национальная специфика, лингвистика, культура

Введение

«Современные лингвистические исследования характеризуются выраженной антропоцентричностью, то есть сосредоточены на человеке как носителе языка и культуры» [25, с. 1219]. Благодаря советскому и российскому лингвисту В.Н. Телия лингвокультурология стала самостоятельной дисциплиной. 90-е годы XX века считаются началом становления лингвокультурологии. С каждым годом возрастает интерес ученых и молодых исследователей к данному направлению лингвистики.

Методологической основой статьи являются теория семантического поля (В.П. Абрамов, В.Н. Денисенко, Й. Трир, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, С.Г. Шафиков Г.С. Щур) и лингвокультурология (В.В. Воробьев, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.В. Ощепкова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Н.Л. Чулкина, В.М. Шаклеин).

Теоретической базой этой работы послужили русские и армянские словари: Н. Абрамов [11], В.И. Даль [8], М. Фасмер [20], Э.Б. Агаян [25], Г.Б. Джаукян [28], А.А. Секоян [29], А.М. Сукиасян [30], а также публикации российских и армянских авторов, в которых проводились контрастивный анализ различных понятий, например, Ц. Ван [2], Г. Вань, Н.К. Шабельская [3], Н.К. Гаспарян [6], Р. Грдзелян [7], А.А. Никогосян [13], Н.В. Носенко, М.А. Савина [14], Г. Оганесян [15], Л.А. Сафаралиева, Н.В. Перфильева [16], О.Н. Спалек [17], С. Сунь, Ч. Чжан [18], А.М. Шатирян [22].

Также мы рассмотрели работы, в которых авторы проводили контрастивный анализ концепта *счастье* в различных языках: Е.Г. Дмитриева, С.В. Кравцова [9], У.И. Идзибагандова [10], Ю. Ли [12].

Особое внимание уделялось работам посвященных исследованию армянского языка.

Отметим, что в РИНЦ нами не обнаружено работпосвященных сопоставительному анализу концепта *счастье* в русском и армянском языках. Этот факт показывает **новизну и актуальность данной работы.**

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты в ходе исследования представляют большой интерес для дальнейших научных поисков в лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы при чтении курсов по лексикологии, лингвокультурологии, ареальной лингвистике, социолингвистике.

Понятие о семантическом наполнении слов

Среди публикаций по лингвокультурологии обнаруживается множество работ ученых и молодых исследователей, посвященных сопоставительному анализу различных концептов, имеющих национальное специфическое наполнение.

Мы нашли также работы, в которых проводилось лингвокультурное сопоставление различных концептов в различных языках, например, в русском, китайском, испанском, английском, польском, калмыцком, корейском и т.д. Отметим, что большое количество исследований были посвящены русскому и китайскому языкам. Контрастный анализ проводился с такими понятиями, как семья, душа, цвет, любопытство/любопытательность, религия, горе, молодость и т.д. Исследования были посвящены лингвокультурологическому описанию и раскрытию национально-специфических особенностей.

При изучении взаимосвязи языка и культуры полевой метод является наиболее часто используемым. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что «теория поля отражает связь языка с действительностью, соотносённость его с внеязыковой реальностью» [\[11, с. 14\]](#). В лингвистике термин поле впервые упомянул в своей речи Й.Трир. По его мнению слова имеют смысл потому, что смыслом обладают другие, смежные с ним слова [\[24, с. 417\]](#).

Разные лингвисты по-разному определяли понятие *поле*, однако, к общему определению так и не пришли. Для того чтобы понять, что из себя представляет понятие *поле*, нам необходимо выделить его основные признаки. Отметим, что поле состоит из ядра, центра и периферии. Основываясь на работе С.Г.Шафикова «Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц», мы можем также отметить, что элементы поля находятся во взаимосвязанных отношениях; между элементами поля отношения регулярные; в зависимости от отношений с соседними элементами значимость элемента может меняться [\[23\]](#).

В своей книге «Понимание культур через посредство ключевых слов» А. Вежбицкая отмечает, что язык и общество взаимосвязаны между собой [\[4, с. 14\]](#). Язык дает нам бесценный материал для понимания культуры. Слова могут передать не просто значение и смысл предметов или явлений, они способны показать нам особенности мировоззрения, мышления и менталитета народа.

Семантическое наполнение слова в разных языках может частично или почти полностью совпадать, а может и не совпадать вовсе. Существуют слова, которые имеют специфическое национальное наполнение. К таким словам можем отнести, например, *родина, любовь, семья* и т.д. Без сомнения, мы можем сказать, что семантическое наполнение данных слов в разных языках будет разным. В нашей работе мы будем

определять семантическое наполнение слов *счастье* и *երջանկություն* [erjankutyun] в русском и армянском языках.

Семантическое поле дает возможность отразить объективную реальность, тем самым показывая исследователю элементы такой сложной системы. Данная система состоит из различных единиц. Единицы семантического поля образуют семантическую среду, сети... Они находятся между собой в иерархических отношениях, соотносятся с определенными и конкретными понятиями. Семантическое поле представляет собой объединение различных и многочисленных единиц. Данные единицы объединены общей семантикой.

В современном мире знания человека об окружающих явлениях постоянно пополняются и развиваются. Это несомненно влияет на лексический строй языка. Появляются новые слова, которые автоматически входят в давно существующую систему. Данная система находится в нашем сознании.

Анализ слов *счастье* и *երջանկություն* [erjankutyun] в русском и армянском языках

Семантическое поле *счастье* представляет собой комплекс различных значений и ассоциаций, связанных с понятием *счастье*. Оно может включать в себя различные слова, словосочетания, фразы и концепты. Благодаря им появляется возможность более глубоко понять, что из себя представляет понятие *счастье*, как его воспринимают носители разных языков и какие факторы на него влияют. Анализ содержания концепта *счастье* в народном сознании позволяет исследовать этническую специфичность [\[10, с. 323\]](#).

Многие великие люди, принадлежащие к разным культурам, по-разному определяли понятие и сущность счастья. В каждой эпохе наполнение, то есть семантика этого понятия была разной. Конечно же, и для каждого индивида оно будет разным. В Древнем Китае счастьем считалось сама жизнь. Китайцы считали, что человека должен прожить свою жизнь счастливо. В Древней Индии смысл счастья заключался в сущности человека. Именно внутри себя нужно было искать счастье. В эпоху Просвещения многие авторы распространяли идею о том, что счастье нужно искать на земле. Такого определения счастья, конечно, мы не найдем в религиозных определениях. Там совершенно иная картина. У некоторых народов значение коллективного счастья намного важнее личного, а для других культур счастье индивида важнее счастья коллектива. Все это показывает, что на восприятие счастья большое влияние оказывают культура и общество, в котором живет человек. Кроме этого, нужно понимать, что счастье каждого человека в некотором смысле индивидуально. Именно этот факт разрешает нам считать семантическое поле *счастье* чрезвычайно богатым для исследования.

Под словом *счастье* мы понимаем такие чувства, которые выражают радость, удовлетворенность жизнью, также понятие *счастье* связано с такими эмоциями, как смех, восторг, спокойствие и т. д.

В русском языке для обозначения чувств удовлетворённости жизнью используют слово *счастье*. В.И. Даль определяет счастье как благополучие, удачная участь, доля, судьба. Благоденствие, земное блаженство, желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги; покой и довольство, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его [\[8, с. 339\]](#). Счастливым русский человек – это человек, испытывающий радость, как птица во время полёта [\[9\]](#).

При исследовании этимологии слова *счастье* в русском языке мы увидели, что оно имеет праславянское происхождение **sъšťestьjě*. Счастье – общеслав. Суф.-преф. производное (с помощью приставки *съ-* в значении «хороший» (см. *сдоба*) и суф. (-*ij-*) от *часть* (через «юс» малый). Буквально – «хорошая часть, доля» [20, с. 816]. Как мы можем заметить, лексическое значение слова *счастье* в русском языке связано с этимологическим.

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова мы нашли следующие синонимы к слову *счастье*:

1. *благополучие*;
2. *благоденствие*;
3. *благодать*;
4. *блаженство*;
5. *победа*;
6. *удача*;
7. *успех*;
8. *случай* [1, с. 469].

В армянском языке для передачи чувств удовлетворённости жизнью в основном используются слово *երջանկություն* [erjankutyun]. Так как армянский язык относится к индоевропейской языковой семье, составляющую отдельную языковую ветку, большинство армянских слов имеют индоевропейские корни. Слово *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье происходит от индоевропейского корня **pr̥i* (+ *անկ*) **pr̥ai-*, **pr̥i*, что означает любить, соизволять, благоволять. От этого же корня произошли слова во многих других языках. Например, в греческом слово любимый – (*πράως*); в древнеиранском *priyati* – благоволять и так далее [28, с. 228]. В армянском языке этимология слова *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье связано с любовью, благоволием.

В «Толковом словаре современного армянского языка» (Արդի հայերենի բացատրական բառարան) Э.Б. Агаяна *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье имеет три значения:

1. *երջանիկ լինելը* [erjanik linele] – быть счастливым;
2. *երջանիկ վիճակ* [erjanik vichak] – счастливое состояние;
3. *երջանիկ լինելու գոացումը* [erjanik linelu zgacume] – счастливое чувство [25, с. 358].

В «Толковом словаре синонимов армянского языка» (Հայոց լեզվի հոմանիշների բացատրական բառարան) А.М. Сукиасяна слово *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье имеет следующие синонимы:

1. *երանկություն* [eranutyun] – блаженство;
2. *բախտավորություն* [bakhtavorutyun] – счастье, удача;
3. *բարեբախտություն* [barebakhtutyun] – слово состоит из двух частей: *բար* [bar] добро и *բախտ* [bakht] судьба;
4. *բարօրություն* [barorutyun] – благополучие;
5. *երջանկավետություն* [erjankavetutyun] – большое счастье;
6. *երանելիություն* [eraneliutyun] – блаженство;
7. *գերերջանկություն* [gererjankutyun] – слово состоит из двух частей: *գեր* [ger] высшее и *երջանկություն* [erjankutyun] счастье;
8. *բազմերջանկություն* [bazmerjankutyun] – слово состоит из двух частей: *բազմ* [bazm] – разнообразное и *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье [30, с. 290]. Это значит, что счастье может быть разнообразным для носителей армянского языка. С.Г. Воркачев

в своей работе «Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа» отметил, что «счастье – это сумма разнообразных и преходящих наслаждений, которые приносят радость и отличаются друг от друга лишь интенсивностью. Они противостоят несчастью как горю и страданию» [\[5, с. 129\]](#).

В переносном значении слово *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье в армянском языке имеет следующие значения:

1. *արեւ* [arev] – солнце;
2. *առավոտ* [aravot] – утро;
3. *բարի աստղ* [bari astgh] – добрая звезда [\[30, с. 290\]](#).

Исходя из примеров, которые даны в переносном значении, мы можем сделать вывод, что счастье для армянского народа связано с солнцем, новым днем, звездами. Слово *արեւ* [arev] кроме основных своих значений, имеет также переносные – жизнь, бытие, радость, счастье, день, солнцеподобный.

Вышеприведенные примеры показывают, что в армянском языке часто используются слова *բար* [bar] – добро и *բախտ* [bakht] – счастье.

В «Толковом словаре современного армянского языка» (Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան) под редакцией А.С. Гарибяна мы нашли следующие однокоренные слова к слову *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье:

1. *երջանիկ* [erjanik] – счастливый;
2. *երջանկաբաշխ* [erjankabashkh] – раздающий счастье;
3. *երջանկաբար* [erjankabar] – как счастливо;
4. *երջանկաբեր* [erjankaber] – приносящий счастье;
5. *երջանկագուշակ* [erjankagushak] – гадающий о счастье;
6. *երջանկադեմ* [erjankadem] – с счастливым лицом;
7. *երջանկալի* [erjankali] – полный счастья;
8. *երջանկահար* [erjankahar] – измученный счастьем;
9. *երջանկահիշատակ* [erjankahishatak] – счастливый человек, который удостоился упоминания, человек который оставил добрые воспоминания (так говорят об умерших);
10. *երջանկահորդ* [erjankahord] – веющий счастьем;
11. *երջանկահուշ* [erjankahush] – 1. человек, который оставил добрые воспоминания 2. обещающий счастье;
12. *երջանկանալ* [erjankana] – стать счастливым;
13. *երջանկաշաղ* [erjankashagh] – человек от которого веет счастьем, человек который распространяет счастье;
14. *երջանկաշող* [erjankashagh] – сияющий от счастья;
15. *երջանկապես* [erjankapes] – как счастливо;
16. *երջանկափյուն* [erjankaspyun] – распространяющий счастье;
17. *երջանկավայել* [erjankavayel] – прил. наслаждающийся счастьем;
18. *երջանկավայր* [erjankavayr] – счастливое место;
19. *երջանկավետ* [erkankavet] – большое счастье;
20. *երջանկացնել* [erjankacnel] – сделать счастливым;
21. *երջանկացում* [erjankacum] – осчастливиться;
22. *երջանկափայլ* [erjankapayl] – сияющий от счастья;
23. *երջանկափառ* [erjankapar] – славящийся счастьем;

24. *երջանկանորեն* [erjankoren] – как счастливо [\[27, с. 358\]](#).

Анализ слова *բախտ* [bakht] в армянском языке

Слово *բախտ* [bakht] перешло в армянский из персидского языка от слова *بخت*, что означает счастье, удача, везение.

В «Русско-армянском учебном словаре» (Ռուս-հայերեն ուսումնական բառարան) А.А. Секояна представлен перевод слова *счастье* на армянский язык следующим образом:

Счастье – *երջանկություն* [erjankutyun], *բախտավորություն* [bakhtavorutyun], *բախտ* [bakht] – счастье. Например, на мое счастье – *իմ բախտից* [im bakhtic] [\[29, с. 295\]](#).

В «Толковом словаре синонимов армянского языка» (Հայոց լեզվի հոմանիշների բացատրական բառարան) А. М. Сукиасяна слово *բախտ* [bakht] – счастье представлен в 4 статьях:

1. *ճակատագիր* [chakatagir] судьба <...>;
2. *վիճակ* [vichak] – состояние, 2. *դիպված* [dipvatc], *սլուկահար* [patahar] – случай;
3. *հաջողություն* [hajoghutyun] – удача, *բախտավորություն* [bakhtavorutyun] – счастье, *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье, *երանկություն* [yeranutyun] – блаженство, *բարեբախտություն* [barebakhtutyun] – слово состоит из двух частей: *բար* [bar] добро и *բախտ* [bakht] судьба; *հաջողակություն* [hajoghakutyun] – удача, *երջանկավետություն* [erjankavetutyun] – большое счастье, диалектное.: *լուսիք* [nasib] – судьба/счастье, состояние, доля, *դիմաթ* [ghsmat] – удача;
4. *բաժուկ* [bazhuk] – линия волос [\[30, с. 110\]](#).

Мы выделили 3 основных значения слова *բախտ* [bakht] в армянском языке: судьба, счастье, удача:

- Слово *բախտ* [bakht] в армянском языке означает **судьба**.

Изначально Бахт являлся духом в армянской мифологии. В народе его представляют в виде юноши или старца с белой бородой и в белом халате. Бахт определяет судьбу и счастье человека, которую в свою очередь записывает на лбу каждого человека при рождении Грох. Грох является духом смерти. В народных поверьях Бахта называют также духом счастья. Считается, что Бахт приносит человеку счастье и везение, однако, Бахт может уйти от человека, если его обидеть. Тогда человека покидает удача, фортуна, то происходят неудачи. Поэтому часто девушки перед Новым годом совершали определенные ритуалы, чтобы вернуть бахт, свое счастье обратно. Отсюда появилось значение судьба в армянском языке. Например:

1. *Բախտը որ կա ծնվելիս է գրվում մարդու ճակատին, նրանից արձնում չկա, – մեք մտալ մի ուրիշը* [\[26\]](#) – Судьба – это то, что написано на лбу человека, когда он рождается, от него никуда не деться, – вмешался кто-то другой.
 2. *Ա՛խ, արտասուքի վախճան, ողբալի բախտ* [\[26\]](#) – О, плачевный конец, прискорбная судьба.
 3. *բախտի խաղ* [bakhti khagh] – игра судьбы;
 4. *բախտի ծաղր* [bakhti tcaghr] – ирония судьбы;
 5. *բախտի վրա հուսալով* [bakhti vra husalov] – надеясь на судьбу;
 6. *բախտը փորձել* [bakhte pordzel] – испытать судьбу;
- Слово *բախտ* [bakht] в армянском языке означает **счастье**.

1. Փայփայանքները բախտ համարեցի իմ մենության մեջ [26] – Я считал заботу счастьем в одиночестве.
 2. Զեռի Յովակիմն էլ շարունակ բախտ էր փնտրում և այդպես էլ չհասավ նրան [326 – Дядя Оваким продолжал искать счастье и так и не добрался до него.
 3. Բախտը ժպտաց [bakhte jptac] – счастье улыбнулось.
- Слово *բախտ* [bakht] в армянском языке означает **везение, удача**.
 1. Թե մի գուցե բախտը բանի, կորուստն էլ ետ ջրից հանի [26] – Или, может быть, удача в чем-то и вернет потерю из воды.
 2. *բախտ ունենալ* [bakht unenal] – иметь удачу;
 3. *բախտի անիվ* [bakhte aniv] – колесо фортуны;
 4. *բախտի անիվը շուր է եկել՝ թեքվել է* [bakhti anive shur e ekel' teqvel e] – колесо фортуны повернулось

В «Толковом словаре современного армянского языка» (*Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան*) под редакцией А.С. Гарибяна мы также нашли однокоренные слова к слову *բախտ* [bakht]:

- Однокоренные слова к слову *բախտ* [bakht] со значением **судьба**:
 1. *բախտագրություն* [bakhtagrutyun] – то, что написано судьбой;
 2. *բախտակից* [bakhtakic] – иметь одинаковую судьбу, быть в одинаковом состоянии;
 3. *բախտահույս* [bakhtahuys] – надеясь на судьбу;
 4. *բախտահուսորեն* [bakhtahusoren] – надеясь на судьбу;
 5. *բախտընկեր* [bakhtenker] – друг судьбы;
 6. *բախտորոշ* [bakhtorosh] – решающий судьбу;
 7. *բախտահալած* [bakhtahalac] – измученный судьбой;
 8. *բախտանշան* [bakhtanshan] – знак судьбы, означающий счастье;
- Однокоренные слова к слову *բախտ* [bakht] со значением **состояние**:
 1. *բախտակոծել* [bakhtakotcel] – оплакивать свое несчастное состояние;
 2. *բախտածեռնարկում* [bakhtadzernarkum] – в отчаянном состоянии что-либо предпринять;
- Однокоренные слова к слову *բախտ* [bakht] со значением **счастье**:
 1. *բախտաբաշխ* [bakhtabashkh] – раздающий счастье;
 2. *բախտաբեր* [bakhtaber] – приносящий счастье;
 3. *բախտագյուտ* [bakhtagyut] – находящий счастье, гадалка;
 4. *բախտագուրկ* [bakhtazurk] – 1. прил. лишающий счастья; 2. сущ. несчастный человек;
 5. *բախտամետс* [bakhtametc] – очень счастливый;
 6. *բախտավորվել* [bakhtavorvel] – 1. выйти замуж/жениться 2. стать счастливым;
 7. *բախտաշեն* [bakhtashen] – строящий счастье;
 8. *բախտաշարգեվ* [bakhtapargev] – дарящий счастье;
- Однокоренные слова к слову *բախտ* [bakht] со значением **удача**:
 1. *բախտանիվ* [bakhtaniv] – колесо удачи;
 2. *բախտավոր* [bakhtavor] – 1. удачливый; 2. счастливый; 3. приносящий удачу; 4. проявляющий счастье;
- Однокоренные слова к слову *բախտ* [bakht] со значением **гадание и обман**:
 1. *բախտախնդիր* [bakhtakgndir] – авантюрист, аферист;
 2. *բախտախույզ* [bakhtahuyz] – авантюрист, аферист;
 3. *բախտախնդրություն* [bakhtakhndrutyun] – быть аферистом;
 4. *բախտախաղ* [bakhtakhagh] – игра, в которой выигрыш игрока зависит только от удачи, а не от навыков;

5. *բախտատոմս* [bakhtatoms] – лотерейный билет;
6. *բախտագուշակ* [bakhtagushak] – гадалка, гадалщик;
7. *բախտահմա* [bakgtahma] – гадалка, гадалщик;
8. *բախտահմայություն* [bakhtahmayutyun] – гадание судьбы;
9. *բախտացույց* [bakhtacuyg] – доска для построения звёзд, которой астрологи гадали судьбу;
10. *բախտանման* [bakhtanman] – 1. чарующий; 2. похожий на судьбу [\[27, с. 272\]](#).

Приведенные выше примеры (30 единиц), показывают, что слово *բախտ* [bakht] в армянском языке имеет в основном 5 значений: судьба, удача, состояние, счастье, гадание и обман. В данной работе нас интересуют слова со значением счастье. Мы можем сделать вывод, что счастье можно раздать, дарить, найти, гадать о начале, строить, его возможно лишиться. Выйти замуж или жениться также связано с данным понятием.

Заключение

Дать точное определение понятию *счастье* достаточно сложная задача. В русском языке слово *счастье* используют для описания чувства удовлетворённости жизнью. Иного мнения придерживаются, например, социологи. Счастье – постоянное стремление к новым высотам. Представления о понятии счастье отличались у представителей разных культур и времен – в Древнем Китае, Индии и др. Понятие *счастье* достаточно абстрактное и противоречивое. *Счастье* строится и формируется из различных и многообразных элементов.

В армянском языке для обозначения состояния счастья используют в основном слово *երջանկություն* [erjankutyun], а также в некоторых случаях *բախտ* [bakht]. У слова *բախտ* [bakht] счастье не является его основным значением. Этимология слов *счастье* и *երջանկություն* [erjankutyun] в русском и армянском языках отличаются. В русском языке *счастье* связано с долей, которая выпала человеку. В армянском языке же этимология слова *երջանկություն* [erjankutyun] – счастье связано с любовью, благоволением.

Счастье в армянском языке связано с утром, солнцем, звездами, но в русском языке мы не нашли таких синонимов. При поиске синонимов в армянском языке мы не нашли к слову *երջանկություն* [erjankutyun] синоним *победа*, а *случай* является синонимом только к слову *բախտ* [bakht]. Для более точного анализа необходимо провести дополнительные исследования фразеологических единиц со словом-компонентом *счастье*, провести свободный ассоциативный эксперимент и т.д.

Для армянского народа счастье можно раздать; о счастье можно гадать; счастьем можно наслаждаться и славиться, однако от него возможны и мучения; от счастья люди сияют; лицо может быть счастливым; счастье может быть большим и полным; место может быть счастливым; можно стать счастливым или сделать другого человека счастливым; также человека считают счастливым, если о нем хорошо вспоминают при жизни и после смерти.

Анализ семантического наполнения слов *счастье*, *երջանկություն* [erjankutyun], а также *բախտ* [bakht] показал многообразие данного понятия. В ходе исследования мы пришли к выводу, что на формирование семантического поля влияют множество факторов, особенно культура. При сопоставлении двух и более языков наиболее эффективным способом является сопоставление семантических полей. Семантическое поле наиболее ярко и достоверно отражает связь языка с действительностью. Проанализировав

семантическое наполнение слов счастье, *երջանկություն* [erjankutyun], а также *բախտ* [bakht] в русском и армянском языках, мы нашли множество схожих черт, а также отличительных. Схожие черты указывают на сходства в менталитете и культуре, а отличие подчеркивает специфическую и национальную структуру языка.

В данной работе мы уделили большее внимание семантическому наполнению слова *счастье* именно в армянском языке, так как в русском языке данное понятие является достаточно исследованным. Проанализировав дефиниции словарных статей, мы можем сделать вывод, что для носителей русского и армянского языков *счастье* означает состояние удовлетворенности жизнью, а также сопутствие удачи и успеха. Словарные дефиниции слабо отражают то, что воспринимается языковым сознанием, однако данная работа представляет собой значимый материал для дальнейшего контрастного анализа концепта *счастье* в русском и армянском языках, в том числе на материале словарных дефиниций, фразеологизмов, данных ассоциативных словарей для выявления схожих и отличительных черт в данных языках.

Библиография

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.
2. Ван Ц. Фразеологические единицы с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках // Litera. 2024. № 3. С. 11-20. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70072 EDN: ZBBEOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70072
3. Вань Г., Шабельская Н.К. Отражение концепта «Справедливость» в сознании русского и китайского народов // Litera. 2025. № 1. С. 51-60. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.1.72990 EDN: CGYJQJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72990
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Техн. Ун-т Кубан. Гос. Ун-та, 2002.
6. Гаспарян Н.К. Концепт «деньги» в русской и армянской лингвокультурах // XXIV КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. С. 140-145. EDN: DTKJBT <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54636811&pff=1>
7. Грдзелян Р. Лексикографический анализ русских и армянских синонимических рядов с семантическим компонентом «высокий» // Вестник Ереванского государственного университета. Русская филология. 2024. № 1(24). С. 19-28. <https://doi.org/10.46991/BYSU.H/2024.10.1.019> URL: https://journals.ysu.am/index.php/bulletin-ysu-rus-phil/issue/view/vol10_no1_2024/143
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1980.
9. Дмитриева Е.Г., Кравцова С.В. Этнокультурный компонент концепта «счастье» в английской, немецкой, русской и французской фразеологии // II Всероссийская научная конференция «Достижения науки и технологий-ДНИТ-II-2023». 2023. № 7. <https://www.doi.org/10.47813/dnit-II.2023.7.275-280> EDN JOLMWF URL: http://ru-conf.domnit.ru/media/filer_public/8f/b4/8fb4c950-0591-4902-89c4-3575de3def54/2009-dnit-ii-2023-doi.pdf
10. Идзибагандова У.И. Сравнение концепта «Счастье» в русском и даргинском языках // Неофилология. 2022. № 8(1). С. 91-97. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-91-97
11. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010.

12. Ли Ю. Лексема «счастье» в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 44–53. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-44-53
13. Никогосян А.А. Репрезентация концепта «мама» ('մայրիկ') в русском и армянском языках (на материале переводов романа В. Сарояна «Мама, я люблю тебя») // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5. С. 322–324.
14. Носенко Н.В., Савина М.А. Национально-культурная специфика лексем с семантикой «любопытство/любопытность» в русском, английском и итальянском языках // Litera. 2024. № 12. С. 215–223. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72469 EDN: PSXNLP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72469
15. Оганесян Г. Семантическое поле гнева в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей» // Вестник Ереванского государственного университета. Русская филология. 2024. № 1(24). С. 29–38. <https://doi.org/10.46991/BYSU.H/2024.10.1.038>
16. Сафаралиева Л. А., Перфильева Н. В. Моделирование многомерного лингвокультурного концепта на материале концепта СТАРОСТЬ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1217–1234.
17. Спалек О.Н. Лингвокультурные образы Москвы и Варшавы в поговорках русского и польского языков // Litera. 2024. № 6. С. 188–198. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71056 EDN: LQFFRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71056
18. Сунь С., Чжан Ч. Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «семья» // Litera. 2023. № 12. С. 315–327. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69220 EDN: LCRWHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69220
19. Сунь С. Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов и пословиц с концептом «религия» // Litera. 2024. № 1. С. 192–201. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69478 EDN: CBXQZV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69478
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. и доп. О.Н. Трубачева. М. Астрель, 2004.
21. Церцвадзе М.Г., Кухалашвили М.Н. Языковые средства репрезентации концепта «гостеприимство» в русской и грузинской лингвокультурах // Русский язык в Армении: Вызовы и перспективы. 2023. № 4. С. 166–172.
22. Шатирян А. М. Близость и различия в выражении негативных эмоций в русской и армянской лингвокультурах // Проблемы современной русистики. 2019. № 4(8). С. 99–107. URL: https://msu.am/wp-content/uploads/2020/01/Альманах-VIII_01_12_2019.pdf?ysclid=m6o1kzzv37922162539
23. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / Уфа: Башкирский государственный университет, 1999. URL: https://sagit.ucoz.com/Resource/Research/Teoriya_sem_polya.pdf
24. Trier, J. Sprachliche Felder [Текст] / J.Trier // Zeitschrift für deutsche Bildung. – 1932. – S. 417. Трир, Я. Лингвистические поля [Т] / Я.Трир // Журнал немецкого образования. – 1932. – с. 417.
25. Աղայան Է.Բ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան. URL: http://www.nayiri.com/imagedictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=24&query=բախտ&l=hy_LB (дата обращения: 02.02.2025).
26. Արևելահայերեն ազգային կորպուս URL: http://web-corpora.net/EANC_dialects/search/?interface_language=ru&ysclid=m6nyatnfjy200227456 (дата обращения 02.02.2025).

27. Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան. URL:

[http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?](http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=29&query=բախտ&l=hy_LB)

[dictionaryId=29&query=բախտ&l=hy_LB](http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=29&query=բախտ&l=hy_LB) (дата обращения 02.02.2025).

28. Ջահուկյան Գ. Հայերեն ստուգաբանական բառարան. URL:

[http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?](http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=51&dt=HY_HY&pageNumber=2)

[dictionaryId=51&dt=HY_HY&pageNumber=2](http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=51&dt=HY_HY&pageNumber=2) (дата обращения 02.02.2025).

29. Սելոյան Ա. Հ. Ռուս-հայերեն ուսումնական բառարան.

URL:<http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=71> (дата обращения: 02.02.2025).

30. Սուքիսյան Ա.Մ. Հայոց լեզվի հոմանիշների բացատրական բառարան. URL:

[http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?](http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=47&query=բախտ&l=hy_LB)

[dictionaryId=47&query=բախտ&l=hy_LB](http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=47&query=բախտ&l=hy_LB) (дата обращения: 02.02.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе является лингвокультурная специфика семантики слова «счастье» в русском и армянском языках. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена возрастающим интересом лингвистов к анализу языковых явлений, направленному на выявление национально-культурной специфики важнейших категорий этики и позволяющему проследить особенности менталитета народа, его историю, этнические особенности, черты характера людей.

Теоретической базой исследования выступили в основном фундаментальные труды таких отечественных и зарубежных ученых, как А. Вежбицкая, В. А. Маслова, С. Г. Тер-Минасова, А. А. Потебня, Ю. Д. Апресян, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. Н. Лук, И. А. Стернин, М. В. Бахтин, С. Г. Воркачев, Е. И. Горошко, В. В. Ощепкова, С. Г. Шафиков Йост Трир и др. Библиография составляет 29 источников, в том числе 10 лексикографических, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; дефиниционно-компонентный анализ, используемый для описания семантического содержания номинативных единиц, репрезентирующих интерес, а также полевый метод. Следует сразу отметить неточность автора(ов) в названии основного метода исследования: «При изучении взаимосвязи языка и культуры, наиболее часто используемым методом является поле. Данный метод является также успешным и эффективным методом при сопоставлении двух и более языков». Насколько нам известно, метода поле не существует.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить схожие и отличительные черты концепта «счастье» в русском и армянском языках: «в русском языке счастье связано с долей, которая ему выпала, а для армянского народа счастье/երջանկություն [erjankutyun] связано с любовью, благоволием», «... для носителей армянского языка, как и для носителей русского, счастье в какой-то степени связано с судьбой». Сделан вывод о том, что «при сопоставлении двух и более языков наиболее эффективным способом является

сопоставление семантических полей. Семантическое поле наиболее ярко и достоверно отражает связь языка с действительностью; на формирование семантического поля влияют множество факторов, особенно культура. В русском и армянском языках семантическое наполнение слова счастье/հրշակություն [erjankutyun] отличаются»). Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в теорию изучения лексико-семантического поля «счастье». Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии, лексикологии и лексикографии.

Стиль изложения материала тяготеет к научному типу. Однако в тексте встречаются многочисленные опечатки и неточности, что требует авторскую правку: см «границы поля размыты и неопределённые», «Из примеров мы можем заметить, что в счастье в наших руках, мы ?», «Иногда судьба бывает в наших руках, а в некоторых случаях мы не в силах изменить что-либо в нашей жизни. Например, ?», «Как для русского, так и для носителей армянского языков счастье является суммой разнообразных наслаждений», «В русском и армянском языках семантическое наполнение слова счастье/հրշակություն [erjankutyun] отличаются», «Большой интерес к исследованию семантического наполнения слова через анализ семантических полей оправдывает себя», «Цельданной статьи показать, что...» и т. д.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Лингвокультурная специфика семантики слова "счастье" в русском и армянском языках».

Предмет исследования – национально-культурная специфика концепта «счастье» в русском и армянском языках.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что языковая картина мира направлена в первую очередь на отображение познавательных и ценностных концептов, отмеченных лингвокультурной спецификой и характеризующих носителей определенной лингвокультуры. Концепт «счастье» относится к базовым лингвокультурным концептам, определяющим специфику национального языкового сознания, отражающим национальное мировосприятие и обладающим ценностным содержанием.

Научная новизна исследования заключается в его комплексном характере, проведенный контрастивный анализ позволяет продемонстрировать национально-специфичную структуру русского и армянского языков через призму семантики слова «счастье».

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, дан обзор теоретической базы исследования); обсуждение (выполнен комплексный анализ слова «счастье», рассмотрено семантическое наполнение слова в разных языках, уделено внимание этимологии слова, выделены основные значения слова, для наглядности приведены иллюстративные

примеры); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 34 отечественных и зарубежных источника).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием феномена языковой картины мира и изучением культуры русского и армянского народов. Исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации на межнациональном уровне, проведенный анализ даёт актуальное представление об особенностях концептуализации окружающей действительности русским и армянским народами через призму концепта «счастье», это помогает лучше понимать менталитет носителей культуры и учитывать его в процессе межкультурного общения.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. Следует также указать объём эмпирического материала, его источники.
2. Объём статьи близок к минимальным требованиям редакции. Возможно, стоит ввести подзаголовки (в тексте статьи есть только «заключение»).
3. Необходимо уделить бóльшее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным.
4. Нужно унифицировать упоминания имен собственных в статье (в тексте: Ю.Н. Караулов, Йост Трир, А. Сукиасяна).
5. Было бы уместно привести бóльшее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи о сходствах и различиях. Необходимо унифицировать формат иллюстративных примеров.
6. Следуют упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. Вызывает вопрос уместность использования жирного шрифта в тексте. Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники, а также правильность их оформления в статье.
7. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что современные лингвистические исследования характеризуются выраженной антропоцентричностью, то есть сосредоточены на человеке как носителе языка и культуры. Благодаря советскому и российскому лингвисту В.Н. Телия лингвокультурология стала самостоятельной дисциплиной. 90-е годы XX века считаются началом становления лингвокультурологии. С каждым годом возрастает интерес ученых и молодых исследователей к данному направлению лингвистики. Действительно, это так, и работы в указанном методологическом русле актуальны, востребованы, по-своему новы. Рецензируемая статья не является исключением, ибо тематически направлена на дешифровку лингвокультурной специфики семантики слова «СЧАСТЬЕ» в русском и армянском языках. Считаю, что в целом работы самостоятельны, оригинальны,

интересна. Материалы, безусловно, можно использовать в вузовской практике. Стиль работы соотносится с научным типом: например, «При изучении взаимосвязи языка и культуры полевой метод является наиболее часто используемым. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что «теория поля отражает связь языка с действительностью, соотносённость его с внеязыковой реальностью» [11, с. 14]. В лингвистике термин поле впервые упомянул в своей речи Й.Трир. По его мнению слова имеют смысл потому, что смыслом обладают другие, смежные с ним слова [24, с. 417]», или «Семантическое поле дает возможность отразить объективную реальность, тем самым показывая исследователю элементы такой сложной системы. Данная система состоит из различных единиц. Единицы семантического поля образуют семантическую среду, сети... Они находятся между собой в иерархических отношениях, соотносятся с определенными и конкретными понятиями. Семантическое поле представляет собой объединение различных и многочисленных единиц. Данные единицы объединены общей семантикой» и т.д. Тема работы автором раскрывается последовательно и планомерно; термины, понятия, которые используются в данном труде, унифицированы. Серьезных фактических неточностей не выявлено, ошибок нет. Аналитика в работе все же превалирует, аргументации позиций достаточно: «При исследовании этимологии слова счастье в русском языке мы увидели, что оно имеет праславянское происхождение *sъčestъje. Счастье – общеслав. Суф.-преф. производное (с помощью приставки съ- в значении «хороший» (см. сдоба) и суф. (-иј-) от чьясть (через «юс» малый). Буквально – «хорошая часть, доля» [20, с. 816]. Как мы можем заметить, лексическое значение слова счастье в русском языке связано с этимологическим», или «խղի հոմախիշների բացարձակաբար ընթացիկ» А. М. Сукиасяна слово բախտ [bakht] – счастье представлен в 4 статьях: ճակատագիր [chakatagir] судьба <...>; վիճակ [vichak] – состояние, 2. դիպված [dipvatc], պատահար [patahar] – случай; հաջողություն [hajoghutyun] – удача, բախտավորություն [bakhtavorutyun] – счастье, երջանկություն [erjankutyun] – счастье, երանություն [yeranutyun] – блаженство, բարեբախտություն [barebakhtutyun] – слово состоит из двух частей: բար [bar] добро и բախտ [bakht] судьба; հաջողակություն [hajoghakutyun] – удача, երջանկավետություն [erjankavetutyun] – большое счастье, диалектное.: նսիբ [nasib] – судьба/счастье, состояние, доля, դիմաթ [ghsmat] – удача; բաշխ [bazhuk] – линия волос [30, с. 110]» и т.д. Методы исследования актуальны, общая аналитическая канва исследования верная; примечательно позиция автора выверена и точна. Автор заинтересована предметом исследования, поэтому всецело старается раскрыть тему полновесно. В финальном блоке отмечено, что «в работе мы уделили большее внимание семантическому наполнению слова счастье именно в армянском языке, так как в русском языке данное понятие является достаточно исследованным. Проанализировав дефиниции словарных статей, мы можем сделать вывод, что для носителей русского и армянского языков счастье означает состояние удовлетворенности жизнью, а также сопутствие удачи и успеха. Словарные дефиниции слабо отражают то, что воспринимается языковым сознанием, однако данная работа представляет собой значимый материал для дальнейшего контрастного анализа концепта счастье в русском и армянском языках, в том числе на материале словарных дефиниций, фразеологизмов, данных ассоциативных словарей для выявления схожих и отличительных черт в данных языках». Фактические требования издания учтены, серьезная правка текст излишня; список источников объемный, разнообразный. Тема как таковая раскрыта, исследовательская задача решена. Рекомендую статью «Лингвокультурная специфика семантики слова «счастье» в русском и армянском языках» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гареева Л.М., Кравчук Т.В., Тоухар А.О. Ритмическая организация прозы А. П. Чехова // Litera. 2025. № 2. С.332-342. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73256 EDN: FKKKQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73256

Ритмическая организация прозы А. П. Чехова

Гареева Лилия Махмутовна

ORCID: 0000-0001-8046-9762

кандидат филологических наук

доцент; кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

111397, Россия, г. Москва, ул. Новогиреевская, 19/2, кв. 26

✉ liliyagareeva@yandex.ru

Кравчук Татьяна Витальевна

ORCID: 0000-0002-5639-2467

преподаватель; кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

141591, Россия, Московская область, пос. Новая, ул. Лесная, 39

✉ kravts012596@gmail.com

Тоухар Ангелина Олеговна

ORCID: 0009-0009-7962-0029

преподаватель; кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

142718, Россия, Ленинский городской округ автономный округ, г. Рп Бутово, ул. ЖК Бутово-парк, 19, кв. 119

✉ a1999god@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73256

EDN:

FKKKQN

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Статья посвящена специфике ритма в прозаических произведениях А. П. Чехова. В качестве материала были использованы тексты рассказов «Смерть чиновника», «Дама с собачкой», «Душечка» и повесть «Степь». В ходе исследования проводился анализ синтаксических конструкций, повторяющихся деталей и мотивов, создающих особую динамику повествования, характерную для произведений писателя. В анализируемых текстах обнаруживались и описывались специфические черты ритма прозаических произведений А. П. Чехова, характеризующиеся смысловой наполненностью, ритмико-синтаксическими особенностями речи персонажей, стройностью и равномерностью строения синтаксических единиц, зачастую контрастностью значений фрагментов фразы. Особое внимание уделялось выявлению взаимосвязи ритма повествования и тем, мотивов, образов, сюжетных эпизодов в избранных для анализа произведениях А. П. Чехова. В теоретической части работы были применены общенаучные методы – анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение; типологический и описательный методы. В практической части исследования нашел применение прием сплошной выборки из четырех избранных произведений А. П. Чехова, применялись элементы дискурс-анализа. Научная новизна исследования заключается в выявлении характерных для прозы А. П. Чехова ритмических особенностей, тесной взаимосвязи ритма повествования с темами, эпизодами, речевыми характеристиками героев. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: а) речь автора и героев, развитие сюжета и ритмическая организация текста неразрывно связаны в художественном единстве произведения; б) наиболее продуктивным в прозе А. П. Чехова ритмическим средством является синтаксический параллелизм, основанный на совпадении состава и порядка следования членов предложения в смежных конструкциях или синтагмах; в) ритмическое развитие сюжетных повторов зачастую связано с движением речи персонажей; г) особенно распространенными в чеховском повествовании являются конструкции с союзом «но», создающие контраст между характером, духовной жизнью персонажа и внешними обстоятельствами его существования, его поведением.

Ключевые слова:

деталь, мотив, повтор, подтекст, композиция, ритм, ритмическая организация, параллелизм, синтаксис, синтаксическая конструкция

Введение. Понятие «ритм» (лат. *rhythmus* – протекать, стремиться) в лингвистике и литературоведении обычно трактуется как последовательное, равномерное чередование определенных звуковых или речевых явлений.

Ритму поэзии в отечественной филологии посвящено достаточное количество научных работ, однако до сих пор остаются нераскрытыми многие вопросы, связанные с ритмической организацией прозы.

Специфические качества ритма прозы не могут быть истолкованы с помощью характеристик, применимых к стихотворному ритму. В прозе нет ни акцентированной равномерности речевого членения, ни последовательно проведенного принципа повтора, который охватывает и сопоставляет все элементы стиховой структуры. Различные виды синтаксических повторов зачастую обнаруживаются и в художественной

прозе, однако проявляются лишь как тенденция и стабильно прослеживаемая далеко не у всех писателей.

На наш взгляд, изучение ритмической организации прозаических произведений русской литературы представляет собой актуальное и перспективное направление исследований, так как ритм прозы до сих пор остается одним из самых спорных вопросов языкознания. Дискуссионными являются как вопросы, связанные с трактовкой термина и сущностью прозаического ритма, так и сам факт его наличия. Хотя в настоящее время у большинства ученых последнее уже не вызывает сомнений, так как во многих исследованиях говорится о том, что ритм напрямую связан с речью и влияет на нее, и это постоянно проявляется в выстраивании порядка слов в конструкциях, в определении места логического и фразового ударения. В художественном повествовании ритмическая организация выполняет уникальную эстетическую функцию, создавая неповторимый авторский стиль и звучание произведений.

Обзор литературы. Во многих работах, посвященных ритму прозаического текста (О. И. Барановой, Э. Т. Болдыревой, Ф. А. Гибайдуллиной, М. М. Гиршмана, Е. М. Ефремовой, В. М. Жирмунского, А. Р. Калашниковой, Л. В. Кишаловой, А. М. Пешковского, Boudreault, Gauthier), рассматриваются минимальная ритмическая единица, синтагма или ритмическая группа.

В исследованиях В. М. Жирмунского говорится о том, что «основой ритма прозы являются различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанного словесными повторениями (особенно анафорами). Они образуют композиционный остов ритмической прозы, заменяющий метрически регулярные композиционные формы стиха» [\[10, с. 46\]](#).

В монографии Г. Н. Ивановой-Лукьяновой читаем: «Ритм прозы, в отличие от ритма стиха, представляет собой сложное явление. В нем учитывается равномерность чередования различных ритмообразующих элементов, а именно: ударных слогов, межсинтагменных (межфразовых) границ и интонационных типов. В соответствии с этим мы выделяем в прозаическом ритме три характеристики: слоговую, синтагматическую (фразовую) и интонационную» [\[14, с. 12\]](#).

Ритм в тексте воплощается как чередование конструкций различных типов, слов во фразах, синтагм, а также слогов. Такое чередование помогает автору создать определенное настроение и передать динамику развития описываемых событий. Обе функции важны для восприятия текста. Правильно подобранный ритм поддерживает внимание читателя, ведет его за собой, позволяет лучше передать авторскую мысль и проследить ее развитие [\[6, с. 134\]](#).

Специфике ритмической организации произведений А. П. Чехова уделяли внимание такие исследователи, как М. Арвинте, Н. П. Бадаева, П. Бицилли, А. А. Белкин, В. Я. Лакшин, Г. Н. Иванова-Лукьянова, Н. Я. Берковский, Н. М. Фортунатов, А. П. Чудаков и др.

Материалы и методы. В настоящем исследовании рассмотрены ритмообразующие сюжетные повторы, а также чередующиеся темы и мотивы, реплики героев рассказов «Смерть чиновника» (1883), «Дама с собачкой» (1898), «Душечка» (1899) и повести «Степь» (1888), проанализированы ритмико-синтаксические особенности чеховского повествования.

Методологическую базу исследования составили теоретические и практические методы.

В теоретической части использовались общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение), а также типологический и описательный методы. С целью обоснования выдвинутых положений в практической части использовался прием сплошной выборки из четырех произведений А. П. Чехова, применялись элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность ритмообразующих единиц и их функции в прозе А. П. Чехова.

Результаты исследования. Специфической чертой прозы А. П. Чехова является тесная взаимосвязь ритмико-речевого строя повествования и развертывания тем, мотивов, образов, сюжетных линий в художественной ткани произведения.

В исследованиях Н. М. Фортунатова содержится ряд справедливых, на наш взгляд, замечаний относительно ритмико-композиционных принципов прозы А. П. Чехова: «Утверждение в экспозиции двух контрастирующих эмоционально-образных потоков, их дальнейшее «сквозное» развитие, сложные внутренние преобразования и взаимодействия; наконец, слияние в репризе в одном эмоциональном строе прежде резко противопоставленных тем – вот типологические особенности структурного плана его новелл» [\[15, с. 19\]](#).

В исследованиях прозы А. П. Чехова были отмечены такие ритмико-синтаксические особенности, как «плавность и симметричность ритмико-синтаксических конструкций, обусловленные преобладанием сложносочиненных предложений; внутреннюю смысловую сложность и противоречивость соединяемых компонентов фразы; зависимость ритма и синтаксиса речи героев от их характера; обусловленность ритмических изменений подтекстом» [\[6, с. 136\]](#).

Ритм рассказа «Смерть чиновника» создается с помощью сюжетных повторов, связанных с извинениями чиновника Червякова перед генералом Бризжаловым за досадную оплошность, допущенную им в театре. Каждый из этих эпизодов предваряется внутренней речью Червякова, в которой раскрывается его характер и образ мыслей. В начале рассказа Червяков еще сохраняет самоуважение и не слишком сожалеет о своем «конфузе». Чехов использует прием синтаксического периода, части которого внутри связаны лексическим повтором: *Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и.. апчихи!!! Чихнул, как видите. Чихать* никому и нигде не возбраняется. *Чихают* и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все *чихают*. Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не беспокоил ли он кого-нибудь своим *чиханьем*? [\[19\]](#).

Повтор, часто встречающийся в произведениях А. П. Чехова, нередко ритмизует фразу, создает смысловые акценты. Обычно автор использует повтор предложений и их частей с целью упорядочения и ритмизации их структуры [\[5, с. 225\]](#).

В предпоследнем предложении периода также содержится градация, подчеркивающая спокойствие и умелое самооправдание Червякова: *и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники*. Далее, по мере развития событий, самоуважения остается все меньше и меньше, что подчеркивает сбивчивая и неуверенная внутренняя речь персонажа.

Большую роль в ритмической организации рассказа «Душечка» играют сюжетные повторы, связанные с образом главной героини. Истории любви Оленьки Племянниковой предваряются кратким описанием ее жизни до замужества, объясняющим многое в ее

характере (или его отсутствии) и позволяющим сделать вывод, что автор не только иронизирует над «душечкой», но и в какой-то степени понимает ее, сочувствует ей: *Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда, раз в два года, приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка* [18].

В каждом из повторяющихся эпизодов с мужьями, ветеринаром и мальчиком Сашей можно выделить момент, когда Оленька «полюбила»: *В конце концов несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила... Через три дня пришел с визитом и сам Пустовалов; он сидел недолго, минут десять, и говорил мало, но Оленька его полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и горела, как в лихорадке... Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всем такого же мнения, как он. Было ясно, что она не могла прожить без привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигеле. Оленька поговорила с ним, напоила его чаем, и сердце у нее в груди стало вдруг теплым и сладко сжалось, точно этот мальчик был ее родной сын* [18].

Ритмическое развитие сюжетных повторов связано и с движением речи: каждый раз, обретая новую сердечную привязанность, героиня начинает говорить так же, как ее избранник. Самые яркие примеры тому – в эпизодах с Кукиным и Сашей: *– Но разве публика понимает это? – говорила она. – Ей нужен балаган! ... Шутка ли, вчера в первом классе задали басню наизусть, да перевод латинский, да задачу...* [18].

В образе Душечки совмещены не только примитивность, бесхарактерность, наивность и отсутствие индивидуальности, но и мечта о счастье, любви, стремление посвятить всю жизнь любимому человеку. А. П. Чехов построил двойственный образ героини, что прослеживается на протяжении всего произведения от начала рассказа, где дана портретная характеристика: «Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая» [18]. Последнее уточнение *очень здоровая* сразу снижает благоприятное впечатление, которое начинало было складываться.

Часто у Чехова значительное, даже трагическое событие из-за одной детали перестает быть таковым, снижается: *Кукина похоронили во вторник, в Москве, на Ваганькове; Оленька вернулась домой в среду, и как только вошла к себе, то повалилась на постель и зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах* [18].

Драматизм в данном эпизоде снижается за счет упоминания единственной детали (*зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах*).

В ряду самых частотных у А. П. Чехова ритмических средств особенно выделяется синтаксический параллелизм, при котором в синтагмах или расположенных рядом предложениях аналогичный состав членов предложения и порядок их следования. Приведем примеры из текста повести «Степь»: *Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла... Облако спряталось, загорелые холмы нахмурились, воздух покорно застыл, и одни только встревоженные чибисы где-то плакали и жаловались на судьбу* [20].

Синтаксический параллелизм здесь усиливает ритмичность за счет совпадающего количества слов и повторяющихся ударений в симметричных частях. Это создает интонационную созвучность и даже эффект монотонности повествования. Однако тот же

прием используется автором и для создания эффекта постоянного чередования звуков дороги, повторения и смены пейзажей: *Над дорогой с веселым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы* [20].

Первым абзацем в рассказе «Степь» являются два сложных предложения с разными видами обособленных членов предложения и однородными членами: *Из N., уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка, одна из тех допотопных бричек, на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники. Она тарахтела и взвизгивала при малейшем движении; ей угрюмо вторило ведро, привязанное к ее задку, – и по одним этим звукам да по жалким кожаным тряпочкам, болтавшимся на ее облезлом теле, можно было судить о ее ветхости и готовности идти в слом* [20].

Такое монотонное и сложное начало настраивает читателя на лирический лад и придает особую живописность и звучание повествованию. В произведении практически нет сюжета в его классическом понимании – с завязкой, кульминацией и развязкой. Повествование представляет собой ряд импрессионистских сценок и зарисовок, объединённых общей сюжетной канвой – путешествием Егорушки.

Традиционным для чеховского повествования является и контраст между характером, духовной жизнью персонажа и внешними обстоятельствами его существования, его поведением. Часто этот контраст подчеркивается противопоставлением с союзом «но». Так, в рассказе «Дама с собачкой» мы наблюдаем подобные примеры: *Ему не было еще сорока, **но** у него была уже дочь двенадцати лет и два сына-гимназиста. ... он москвич, по образованию филолог, **но** служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, **но** бросил, имеет в Москве два дома... А от нее он узнал, что она выросла в Петербурге, **но** вышла замуж в С., где живет уже два года...* [17].

Противительные предложения с союзом «но» здесь также передают противоречия между возрастом и другими характеристиками героя и фактами его биографии.

Противоположность смыслового содержания частей в пределах одной фразы часто используется Чеховым и для усиления комического эффекта: *Он [Кукин] был счастлив, **но** так как в день свадьбы и потом ночью шел дождь, то с его лица не сходило выражение отчаяния* [18].

Важной особенностью чеховской ритмики является развертывание различных тем и планов, в том числе противопоставленных друг другу, и стройно-симметричное их распределение. Так, в рассказе «Степь» повествование о трагических событиях в жизни Егорушки сменяется унылым городским пейзажем: *Когда бабушка умерла, ее положили в длинный, узкий гроб и прикрыли двумя пятаками ее глаза, которые не хотели закрываться. До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики, посыпанные маком, теперь же она спит, спит... А за кладбищем дымились кирпичные заводы. Густой, черный дым большими клубами шел из-под длинных камышовых крыш, приплюснутых к земле, и лениво поднимался вверх. Небо над заводами и кладбищем было смугло, и большие тени от клубов дыма ползли по полю и через дорогу. В дыму около крыш двигались люди и лошади, покрытые красной пылью...* [20].

Еще одной характерной чертой, создающей особый ритм в рассказах Чехова, является повторяющаяся деталь. Так, в рассказе «Дама с собачкой» в описаниях интерьера, пейзажа и внешности героини преобладают предметы и детали серого цвета: *серый*

забор, серые глаза, серое платье, серое одеяло и др. Цвет подчеркивает скуку и безысходность жизни персонажей, помогает воссоздать монотонный и размеренный ритм их жизни: *Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, **серый**, длинный, с гвоздями. «От такого забора убежишь», – думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор* [\[17\]](#).

Повествованию А. П. Чехова свойствен и характерный способ представления героя читателю. При первом появлении персонажа автор постоянно прибегает к обособлению, часто применяет уточняющие или пояснительные обороты, в которых даются сведения о семье, статусе, профессии героя, его возрасте и внешности, деталях одежды и т.п. *Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, **невысокого роста блондинка, в берете**: за нею бежал белый шпиц... Это была женщина высокая, с **темными бровями, прямая, важная, солидная и**, как она сама себя называла, **мыслящая**... Вместе с Анной Сергеевной вошел и сел рядом молодой человек с небольшими бакенами, **очень высокий, сутулый**; он при каждом шаге покачивал головой и, казалось, постоянно кланялся* [\[17\]](#).

В рассказе «Душечка» самым ярким повторяющимся мотивом является мотив чаепития. Данный мотив всегда несет у Чехова дополнительную смысловую нагрузку. Когда его герои пьют чай, а жизнь их, пустая и никчемная, проходит, читатель понимает всю пошлость и бессмысленность существования этих людей.

С самого начала в рассказе возникает лирический мотив увеселительного сада «Тиволи», содержанием которого был Кукин, первый муж Оленьки Племянниковой. С помощью этого мотива автор передает внутреннее состояние героини, ее настроение в юности, до замужества и после смерти второго мужа и отъезда ветеринара: *... по вечерам и по ночам ей слышно было, как в саду играла музыка, как лопались с треском ракеты, и ей казалось, что это Кукин воюет со своей судьбой и берет приступом своего главного врага – равнодушную публику; сердце у нее сладко замирало, спать совсем не хотелось; ... очевидно, лучшие годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. По вечерам Оленька сидела на крылечке, и ей слышно было, как в «Тиволи» играла музыка и лопались ракеты, но это уже не вызывало никаких мыслей. Глядела она безучастно на свой пустой двор, ни о чем не думала, ничего не хотела, а потом, когда наступала ночь, шла спать и видела во сне свой пустой двор. Ела и пила она, точно поневоле* [\[18\]](#).

Еще одна повторяющаяся деталь рассказа – *ночная телеграмма* – придает особую значимость открытому финалу. Появляясь впервые в эпизоде, когда Оленька узнает о смерти первого мужа, эта деталь возвращается в финале рассказа: *Вдруг сильный стук в калитку. Оленька просыпается и не дышит от страха; сердце у нее сильно бьется. Проходит полминуты, и опять стук. «Это **телеграмма** из Харькова, – думает она, начиная дрожать всем телом. – Мать требует Сашу к себе в Харьков... О господи!» Она в отчаянии; у нее холодеют голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнее ее нет человека во всем свете. Но проходит еще минута, слышатся голоса: это ветеринар вернулся домой из клуба* [\[18\]](#).

Введение этой детали в финал позволяет сделать предположение, что жизнь героини еще далеко не окончена и все может повториться. Возможно, Душечка всю жизнь стремилась к своему архетипическому воплощению – роли женщины-матери, и любовь к чужому ребенку – самое сильное чувство в ее жизни.

Ритмические изменения и переходы в прозе А. П. Чехова зачастую вызваны

особенностями распределения, развертывания и соединения линий повествования. При этом в финале гармонично соединяются и логически разрешаются ритмообразующие мотивы, темы и планы. Так, три повторяющихся эпизода в рассказе «Душечка» (с мужьями и ветеринаром) логически ведут к четвертому. Внешне события в четвертом эпизоде идут по той же схеме, что и в предыдущих: встретила, полюбила, переняла речь, привычки и мнения и т.п. Но в четвертом эпизоде героиня обретает наконец свое истинное призвание – материнство. Лишь в финале раскрывается истинная сущность этой женщины, доброй, заботливой, не видящей недостатков своего чада. Авторская ирония здесь становится доброй: *Она останавливается и смотрит ему вслед, не мигая, пока он не скрывается в подъезде гимназии. Ах, как она его любит!* [18].

Если в предыдущих сюжетных повторах в авторском отношении было больше иронического, присутствовал даже сарказм, то ближе к финалу автор начинает более сочувственно относиться к своей героине, в финале же ирония исчезает совсем: *Из ее прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней всё более и более разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А кто ж его знает – почему?* [18].

Многие рассказы А. П. Чехова тяготеют к романизированной структуре. В одном коротком рассказе прослеживается бóльшая часть жизни героя. Значительная нагрузка ложится на организацию ассоциативного фона, особенно на создание подтекста, в котором большую роль играют ритмические изменения и повторы. Автор напрямую не выражает свое отношение к герою или событию, часто оно заметно только из подтекста.

Большую роль в создании ассоциативного фона играет соединение в рамках одной синтаксической конструкции имен прилагательных с противоположной, контрастирующей семантикой: *Приехала жена ветеринара, худая, некрасивая дама с короткими волосами и с капризным выражением, и с нею мальчик, Саша, маленький не по летам (ему шел уже десятый год), полный, с ясными голубыми глазами и с ямочками на щеках* [18].

Раздвигая временной диапазон сюжета, создавая ассоциативный фон и эффект недосказанности в финале, А. П. Чехов романизирует небольшую повесть или рассказ, выводит их значение и смысл за рамки конкретного сюжета. Развитие ритмико-событийной составляющей повествования чрезвычайно значимо для художественного мира чеховских рассказов.

Обсуждение и заключения. Таким образом, характерным для прозаических произведений А. П. Чехова является финальное разрешение сложного ритмико-речевого соединения во внутренне противоречивом повествовании с ровной, структурно выверенной внешней организацией текста.

В произведениях перед нами нередко оказывается бесконечное бессобытийное и бесперспективное существование, тем не менее ведущее к его осознанию героями, создающее напряженность и обостряющее понимание ими необходимости перемен. И в этой повторяемости тем, мотивов и каждодневных реалий А. П. Чехов передает тягостное однообразие жизни, нарастающую скорбь от уходящей жизни.

В результате анализа ритмических особенностей ряда рассказов Чехова мы пришли к заключению, что ритм в них тесно связан с описываемыми событиями, однако может

вступать во внутреннее противоречие с ними. Нужно также отметить, что важной особенностью прозы А. П. Чехова является тесная взаимосвязь ритма повествования и тем, мотивов, образов, сюжетных эпизодов в композиционном единстве произведения. Речь автора и персонажей, развитие сюжета и ритмическая организация текста неразрывно сплетены между собой, что является важной чертой художественного мира Чехова.

Библиография

1. Баранова О. И. Ритм как лингвистическая категория. Восточнославянская филология. Языкознание. 2023. № 16 (42). С. 116-123.
2. Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Советский писатель, 1989. 496 с.
3. Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 710 с.
4. Болдырева Э. Т. К вопросу о способах языковой репрезентации ритмической организации структуры текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2. С. 5-10.
5. Гареева Л.М. Средства экспрессивного синтаксиса в повести А. П. Чехова «Черный монах» // Litera. 2024. № 12. С. 224-232. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72787 EDN: RNZUOK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72787
6. Гареева Л. М., Тишина Е. В., Черкашина С. П. Ритмико-синтаксические особенности рассказа А. П. Чехова «Душечка» // Гуманитарные науки и образование. 2024. № 15. С. 133-137.
7. Гибайдуллина Ф. А. Ритмическая организация романа Д. Данилова "Саша, привет!" // Слово в зеркале истории языка. Набережные Челны, 2023. С. 63-71.
8. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Сов. писатель, 1982. 367 с.
9. Ефремова Е. М. Ритмическая и звуковая организация как принцип структурной целостности стихотворения И. Гоголева "Поляна поэзии". Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 7. С. 2233-2237.
10. Жирмунский В. М. Теория стиха. Советский писатель. Ленингр. отд-е, 1985. 664 с.
11. Кишалова Л. В. Экспериментальное исследование ритмической структуры текста // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии. Материалы I Международной электронной научной конференции БашГУ. 2015. С. 92-95.
12. Калашникова А. Р. Средства первичной ритмизации публицистических текстов (на материале газетной публицистики) // Lingva mobilis. 2013. № 5, 125-141.
13. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
14. Ритм прозы от Карамзина до Чехова. Монография под ред. Г. Н. Ивановой-Лукьяновой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 336 с.
15. Фортунатов Н. М. Музыкальность чеховской прозы // Филологические науки. 1971. № 3. С. 14-26.
16. Черкашина С. П. Женские образы сказки "Как Пенелопа" Л. Петрушевской в свете психоаналитической концепции человеческой личности К.Г. Юнга: художественно-антропологический аспект // Учитель в системе современного антропологического знания. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Ставрополь, "Бюро новостей", 2016. С. 501-508.
17. Чехов А. П. Дама с собачкой. <https://ilibrary.ru/text/976/p.2/index.html>.
18. Чехов А. П. Душечка. <https://ilibrary.ru/text/995/p.1/index.html>.
19. Чехов А. П. Смерть чиновника. <https://ilibrary.ru/text/987/p.1/I/index.html>.
20. Чехов А. П. Степь. <https://ilibrary.ru/text/1337/p.1/index.html>.
21. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 288 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает ритмическая организация прозы А. П. Чехова, актуальность изучения которой обусловлена тем, что ритм прозы русской литературы до сих пор остается одним из самых спорных вопросов языкознания: «ритму поэзии в отечественной филологии посвящено достаточное количество научных работ, однако до сих пор остаются нераскрытыми многие вопросы, связанные с ритмической организацией прозы». Труды современных лингвистов свидетельствуют о том, что «ритм напрямую связан с речью и влияет на нее, и это постоянно проявляется в выстраивании порядка слов в конструкциях, в определении места логического и фразового ударения. В художественном повествовании ритмическая организация выполняет уникальную эстетическую функцию, создавая неповторимый авторский стиль и звучание произведений». Материалом данного исследования послужили ритмообразующие сюжетные повторы, а также чередующиеся темы и мотивы, реплики героев рассказов «Смерть чиновника» (1883), «Дама с собачкой» (1898), «Душечка» (1899) и повести «Степь» (1888).

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды таких российских ученых, как А. М. Пешковский, Н. М. Фортунатов, Н. Я. Берковский, В. М. Жирмунский, А. П. Чудаков, Г. Н. Иванова-Лукьянова, О. И. Баранова, П. М. Бицилли, Л. М. Гареева, Л. В. Кишалова, Е. М. Ефремова, Э. Т. Болдырева и др., посвященные ритму как лингвистической категории, ритмической и звуковой организации структуры поэтического и прозаического текста, а также исследованиям творчества А. П. Чехова. Библиография насчитывает 21 источник, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание, что в рукописи отсутствуют ссылки на некоторые источники, хотя их авторы упоминаются. Данное замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение работы и носит рекомендательный характер.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачам: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного анализа, обобщения; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; типологический метод. В целях обоснования выдвинутых положений в практической части применяется прием сплошной выборки синтаксических конструкций, обладающих экспрессивностью; а также элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность экспрессивных построений и их дискурсивные функции.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно изучить ритмико-синтаксические особенности чеховского повествования и сформулировать ряд аргументированных выводов: ритм в рассказах Чехова «тесно связан с описываемыми событиями, однако может вступать во внутреннее противоречие с ними»; «важной особенностью прозы А. П. Чехова является тесная взаимосвязь ритма повествования и тем, мотивов, образов, сюжетных эпизодов в композиционном единстве произведения»; «речь автора и персонажей, развитие сюжета и ритмическая организация текста неразрывно сплетены между собой, что является важной чертой художественного мира Чехова».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие такого

научного направления, как ритмическая организация прозаических произведений русской литературы, в изучение специфики ритмической организации в идиостиле отдельного писателя. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по общему языкознанию, теории языка и дискурса, по лингвистическому анализу текста, в спецкурсах, посвященных творчеству А. П. Чехова.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дубаков Л.В., Чжан И. Принципы оборотничества и зооморфизации реальности в романе А. А. Старобинец «Лисьи Броды» // Litera. 2025. № 2. С.343-350. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.70111 EDN: EGDFFJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70111

Принципы оборотничества и зооморфизации реальности в романе А. А. Старобинец «Лисьи Броды»

Дубаков Леонид Викторович

ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Чжан Ихань

магистр, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ 1409280516@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.70111

EDN:

EGDFFJ

Дата направления статьи в редакцию:

12-03-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В статье производится анализ образа китайской лисы-оборотня, хули-цзин, и иных оборотней в контексте русско-китайского культурного пространства, созданного в романе Анны Старобинец «Лисьи Броды». Также осуществляется сравнение образов

героев этого произведения с другими вариантами образов китайских оборотней в русской литературе с точки зрения глубины и характера их русификации. Кроме того, в исследовании отмечается, что в основе художественной реальности романа Анны Старобинец лежат принципы оборотничества и зооморфизации. Эти принципы проецируются на различные составляющие текста прежде всего посредством звериных сравнений и метафор. Они касаются людей, природных объектов, предметов и абстрактных явлений. Анималистические и растительные мотивы проявляются в портретах и именах героев, в топонимической номинации, в пейзажах, в языке произведения. Принципы оборотничества и зооморфизации влияют в «Лисьих Бродях» на художественное время и пространство, которые в свою очередь, наряду с другими элементами текста, позволяют выявить многослойную природу героев и их нравственную суть. Представленная статья создана в рамках большого исследования, посвящённого т.н. "китайскому тексту" русской литературы, и в частности – литературы современной. В статье обозначены существующие прецедентные отечественные тексты, в которых важную роль играет хули-цзин, и сопоставлены с анализируемым романом. Актуальность статьи определяется высоким интересом отечественного литературоведения к исследованиям, затрагивающим образы, созданные под влиянием разных культур. Особенно актуальной данная статья представляется в свете расширяющего и углубляющегося в последние годы межкультурного сотрудничества между Россией и Китаем (в качестве материала работы используется произведение, в центре которого – один из характерных китайских культурных образов – лиса-оборотень). Кроме того, современное литературоведение проявляет повышенный интерес к пограничным явлениям в области литературных жанров («Лисьи Броды» – это роман, принадлежащий к «большой» литературе и одновременно к беллетристике). Новизна статьи обусловлена пониманием в ней оборотничества и зооморфизации не только в мистическом и физическом, биологическом смысле, но и как метафизических и философских явлений, способных охарактеризовать различные аспекты реальности и выявить их подлинную природу.

Ключевые слова:

Анна Старобинец, лиса-оборотень, хули-цзин, китайская традиция, бестиарность, оборотничество, зооморфизация, русификация, мистицизм, мифология

В романе Анны Старобинец «Лисьи Броды» в качестве центральных персонажей действуют в том числе лисы-оборотни. Краткая характеристика образа хули-цзин в этой книге дана в статьях Д. А. Погорелко «Мотивы китайской мифологии в романе А. А. Старобинец "Лисьи Броды"»^[9] и «К вопросу о рецепции китайских "рассказов о странном" в российской литературе» Д. Хань, О. Д. Тугуловой, З. Д. Бардахановой^[12]. Однако собственно филологическое рассмотрение образа лисы-оборотня в романе Анны Старобинец в указанных работах по разным причинам присутствует лишь в малой степени. В представленной статье восполняется этот пробел и производится анализ образа хули-цзин и иных оборотней с точки зрения проецирования явления оборотничества, бестиарности на различные составляющие художественного текста.

Лиса-оборотень (кит. упр. 狐狸精, пиньинь húlǐ jīng) в китайском бестиарии является преимущественно отрицательным персонажем: её суть – хищническая: она забирает жизненную энергию у очарованного ею человека. При том что, конечно, одновременно хули-цзин (в облике девятихвостой лисицы) имеет также и иное измерение: она может

выступать в качестве духовного искателя, устремляющегося в высшие миры. В этом отношении нужно отметить, что образ лисы-оборотня – это образ динамичный, меняющийся от эпохи к эпохе и приобретающий свои, индивидуальные черты у того или иного автора. Лиса-оборотень для китайской культуры – один из знаковых персонажей. В ней воплощается сложный комплекс смыслов (мировоззренческих, религиозно-мистических, художественных), отражающих одну из составляющих китайского менталитета (см.: [\[1; 2; 3; 4\]](#)).

Русская литература последних десятилетий, в отличие от современной китайской литературы, проявляет к этому персонажу активный интерес. Так, начиная с середины 1980-х годов, образ лисы-оборотня появляется в творчестве Елены Шварц (см.: [\[6\]](#)), Виктора Пелевина (см.: [\[5; 7\]](#)), Хольма ван Зайчика (псевдоним Игоря Алимова и Вячеслава Рыбакова), Юрия Мамлеева (см.: [\[8\]](#)), Анны Коростелёвой, Анны Старобинец. В 2010 году вышел сборник прозы «Лисья честность» (составитель Марта Кетро; один из авторов – известный поэт Дмитрий Воденников), в котором присутствуют мотивы, связанные с хули-цзин. Одной из причин такого интереса, вероятно, является общий интерес к китайской культуре, особенно в её экзотическом аспекте. С другой стороны, образ хули-цзин удивительно пластичен, он позволяет вкладывать в себя разное содержание, вызывает разные эмоции. Лиса-оборотень, помимо, собственно, оборотнической своей природы обнаруживает для русских писателей свою ярко выраженную женственность.

Образ главной героини романа лисы-оборотня Лизы у Анны Старобинец двойственен (по матери она оборотень, по отцу – человек) и при этом русифицирован (её мать – лиса-оборотень Аньли, отец – рижский немец, подданный Российской империи, а значит, так или иначе человек большой русской культуры – Вильгельм фон Юнгер). Русификация лисы-оборотня также осуществляется писательницей помещением её в русский национальный контекст: Лиза живёт среди русских на русской территории, говорит по-русски и т. д. Эта культурная двойственность зафиксирована и в имени героини – Елизавета Бо. Её дочь Настя, рождённая от русского отца и также обладающая оборотнической природой, таким образом оказывается уже практически полностью русской хули-цзин: «Настины волосы были русые, чуть волнистые, совсем не китайские; она надеялась, что эта русость, эта русскость ее защитит [\[11, с. 313\]](#). Иными словами, Анна Старобинец в своей русификации китайской лисы-оборотня идёт дальше других русских писателей, оставляя одной из хули-цзин лишь её китайское определение, и опосредованную включённость в китайскую семью (в романе обозначены семейные связи Насти с бабушкой и бабушкиными сёстрами, являющимися лисами-оборотнями).

О. А. Попова и Е. А. Григорова в статье «Организация времени и пространства в романе А. А. Старобинец "Лисьи Броды"» указывают на мистический характер хронотопа книги: «важны в произведении мистические, мифологические, характеризующие мир духов (в том числе, мертвых) и сновидений пространство и время» [\[10, с. 2\]](#); также, по их словам, пограничный «город становится средоточием разнообразных культурных кодов, замысловато переплетенных друг с другом и творчески осмысленных автором» [\[10, с. 3\]](#). Действительно, действие романа происходит в месте под названием Лисьи Броды, недалеко от КВЖД. И эта земля – территория, с которой оказываются связаны и Россия, и Китай; в этом месте они как бы оборачиваются друг другом: русские и китайцы живут вместе, представители советской власти порой неотличимы по своим поступкам от хунхузов, китайские оборотни для русских старообрядцев становятся воплощением представлений о нечисти и проч. Отдельно нужно отметить, что Лисьи Броды – это

звериный топоним, актуализирующий не только мотив, напрямую говорящий о лисе, но и вызывающий мысль о процессе «перехода», или «превращения», или «метаморфоза» оборотня: брод – это мелкое место, через которое можно переходить. Другие звериные топонимы и гидронимы романа – озеро Лисье, бухта Змеиная, сопка Чёрной лисы – также подчёркивают «переходный» характер пространства книги. Таким образом, явление оборотничества проявляется не только, собственно, в самих хули-цзин и иных оборотнях книги, но и в природе пространства, внутри которого они существуют.

Подобным же образом можно посмотреть на специфику организации времени в «Лисьих Бродах». О. А. Попова и Е. А. Григорова отмечают, что в книге имеются «два основных хронотопа – пути и кольца, сосуществование которых представляет собой единство и борьбу двух противоположностей, что явственно выражено в образе великого даоса Чжао, который есть и дорога (путь), и озеро (кольцо, круг)» [\[10, с. 3\]](#). Так, одно время романа – прошлое, – описывая круг, оборачивается настоящим. Медсестра Аглая оказывается перерождением Сифэн, которая вновь вступает в отношения со своим возлюбленным и убийцей Ламой, мастер Чжао, отвергнувший когда-то своего ученика Ламу за хищническое поведение, – рядовым Красной армии Павлом Овчаренко, вновь наблюдающим, как Лама в погоне за знанием и силой идёт по пути уничтожения других. Прошлое становится настоящим для Максима Кронина, вспоминающего, кто он такой; для полковника барона Антона фон Юнгера, сына Вильгельма фон Юнгера, отца Лизы, что желает власти над миром; для полковника Аристов, стремящегося вернуть своего ученика-менталиста Кронина, и т.д.

Лиса-оборотень Лиза (Елизавета Бо) и другие оборотни книги осуществляют свой «переход» по-разному. Анна Старобинец ищет свои варианты художественного объяснения оборотнической трансформации. Она предлагает китайские алхимические сравнения процесса «перекидывания» или описывает его как результат упражнения в духовной практике. Писательница, опираясь на китайские мифы и легенды о происхождении лис-оборотней, их связи с императором Цинь Шихуанди, с даосами и т. д., создаёт свою мифологию хули-цзин. В этой синтетической авторской мифологии хули-цзин – прежде всего дочь и мама. Лиса Лиза, оказавшись втянутой в борьбу за артефакт – красную киноварь, или живую воду, и за силу (терракотовую армию, ожидающую оживления, воскрешения), решает свои семейные проблемы: её дочь Настя не переживёт «перехода», поскольку проклята мастером Чжао, а корни этого проклятия в несправедливой, хищнической жизни всей семьи хули-цзин. Помимо хули-цзин, в «Лисьих Бродах» есть и другие оборотни: Лама, оборачивающийся тигром, Андрон, Никитка, Ояма, ставшие оборотнями в результате экспериментов японцев. Но Анна Старобинец представляет оборотничество шире: речь не только об оборотнях в буквальном смысле, но и о многообразных трансформациях героев. Так, например, главный герой Макс Кронин, убив Шутова, становится им, капитаном СМЕРШа, не только забрав его документы, но и по-актёрски переняв его личность. Сифэн через «одержание» приходит в сознание Аглаи. Лисы-оборотни, Антон фон Юнгер, полковник Аристов управляют людьми посредством гипноза или входя в сны, на это время одновременно делая людей своими куклами и воздействующими на мир через их тела, и как бы становясь ими. Мастер Чжао, как часто повторяется в романе, имеет тысячи лиц, и это свойство его развитой духовной природы. Отдельно можно сказать о мотиве куклы с нарисованными глазами в романе: живой человек превращается в мёртвого, обнаруживая свою иллюзорную природу на пути жизни. И имеет возможность какое-то время возвращаться в мир живых, влияя на него, – в частности, через сознание менталистов Максима Кронина и Аглаи. Терракотовая армия – тоже живые, но превращённые до времени в мёртвых: «барон покрылся – словно оброс второй кожей – слоем плотной коричневой

глины» [\[11, с. 339\]](#).

Помимо проецирования явления оборотничества на различные составляющие художественного текста, Анна Старобинец в «Лисьих Бродах» реализует принцип разнообразной зооморфизации реальности в целом, наделяет её трансформационным характером: таким образом, книга оказывается не романом об оборотнях, а романом именно об оборотничестве и бестиарности. Так, писательница, говоря о героях, о предметах, об абстрактных явлениях, активно использует звериные сравнения («Я дышу горячо и часто, как больная собака» [\[11, с. 5\]](#), Пика «начал нелепо отмахиваться руками», «как кот» [\[11, с. 19\]](#), стукач Родин «похож на слепня, прикидывающего, где удобнее присосаться» [\[11, с. 146\]](#), он «как мусорный голубь» [\[11, с. 197\]](#)), звериные метафоры (он смотрит на кровь, «тоненькой алой змейкой уползающую из уголка посиневших губ» [\[11, с. 109\]](#), «тоска поднялась, куснула его прямо в горло раздвоенным жалом и скользнула обратно под сердце, сворачиваясь привычной спиралью» [\[11, с. 116\]](#), он остался рядом «со змеиным клубком бикфордовых шнуров» [\[11, с. 454\]](#), «хоботок фонендоскопа потыкался в три белёвые горизонтальные линии» [\[11, с. 52\]](#)). Текст оборачивается живым существом («Две разлапистые, хищные многоножки японских иероглифов» [\[11, с. 41\]](#), «чернильные насекомые лапки чужих древних знаков» [\[11, с. 62\]](#), «столбцы змеящихся иероглифов» [\[11, с. 603\]](#)), растительный мир – текстом («Чёрное дерево на далеком холме – как иероглиф, значение которого я должен знать, но не знаю» [\[11, с. 68\]](#)).

В портретах персонажей («Её пушистые брови чуть вздрагивают – опалённым, беспомощным мотыльком» [\[11, с. 126\]](#), лысина Бо «напоминала панцирь крапчатой черепахи, а глубокие морщины на лбу – кольца времени на древесном срубе» [\[11, с. 135\]](#), у особиста Бусыгина глаза «как две навозные мухи» [\[11, с. 278\]](#)), в их костюмах (он «затравленно теребит на шее блестящую бабочку, как будто она впилась в него лапками» [\[11, с. 126\]](#)), а также в пейзажах часто проявляются звериные черты («Предрассветный туман заволакивает сопки пушистым коконом, будто готовя их к превращению» [\[11, с. 241\]](#), «трясина превращается в заливной луг, со всех сторон окруженный стеной тумана. Под лошадиными копытами хрустят головки мясистых белых цветов» [\[11, с. 237\]](#), исчезла речка, «змеёй скользившая со склона холма в пучину Лисьего озера» [\[11, с. 345\]](#)). У героев – «зоологические» фамилии (Овчаренко, Силовьев (Соловьев), Андрон Сыч, Алещенок).

В романе звучит инвективная лексика («А ты везучий, собака...» [\[11, с. 266\]](#), «Унизить, значит, хочешь майора Бойко, напугать, да, крыса?» [\[11, с. 89\]](#)) и фразеологизмы с упоминанием животных образов («Я шкуру свою спасаю...» [\[11, с. 667\]](#)).

Реальность «Лисьих Бродов» как будто раскладывается на составляющие и пересобирается заново: на страницах книги появляются животные, имеющие признаки других животных («Там такой есть зверь: сам бобёр, а клюв как у утки. А другой ещё – вроде волк, а на пузе сумка, будто у кенгуры» [\[11, с. 586\]](#)), в телах живых существ возможны перестановки внутренних органов (у тигра-оборотня сердце не с левой, а с правой стороны), деревья приобретают животные черты и т. д.

Итак, в романе «Лисьи Броды» Анны Старобинец важно не только то, что в центре сюжета оказываются оборотни и, в частности, китайские лисы-оборотни, но прежде

всего то, что писательницей осуществляется их русификация, а также то, что принципы оборотничества и зооморфизации реальности проецируются в книге на различные составляющие художественного текста. «Лисьи Броды» содержат значительное число звериных сравнений и метафор, касающихся людей, природных объектов, предметов и абстрактных явлений. Звериные мотивы проявляются в портретах и именах героев, в топонимической номинации, в пейзажах, в языке произведения. Принципы оборотничества и зооморфизации создают в «Лисьих Бродах» художественное время и пространство, обнаруживающее многослойную и вместе с тем подлинную природу героев. В зависимости от нравственной сути персонажа он может быть более человеком, чем животным, несмотря на свою оборотническую природу, и наоборот – более животным, нежели человеком, выбирая путь хищника, привязанного к удовлетворению собственных желаний.

Библиография

1. Александрова Е. А. Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 230-234.
2. Алексеев В. М. Предисловие переводчика // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. М.: Художественная литература, 1988. 559 с.
3. Алимов И. А. Китайский культ лисы // Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 282 с.
4. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.
5. Го Вэй. Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 341-343.
6. Дубаков, Л. В., Го Вэньцзин. Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц / Л. В. Дубаков, В. Го // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3(13). С. 81-94.
7. Дубаков Л. В., Го Вэньцзин. Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филология: научные исследования. 2023. № 8. С. 1-11.
8. Евтушенко Н. Ю. "Мифологичность" художественной картины мира: Образ оборотня-лисы в рассказе Ю. Мамлеева "Учитель" / Н. Ю. Евтушенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-1(1). С. 88-90.
9. Погорелко Д. А. Мотивы китайской мифологии в романе Анны Старобинец «Лисьи Броды» / Д. А. Погорелко // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения : Материалы XLVII научно-практической конференции, посвященной 250-летию со дня основания Миасса, Миасс, 21 апреля 2023 года / Под редакцией И. И. Валова. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. С. 321-326.
10. Попова О. А., Григорова Е. А. Организация времени и пространства в романе Анны Старобинец «Лисьи Броды» / О. А. Попова, Е. А. Григорова // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 5(41). С. 1-4.
11. Старобинец А. А. Лисьи Броды. М.: РИПОЛ классик, 2022. 720 с.
12. Хань Д., Тугулова О. Д., Бардаханова З. Д. К вопросу о рецепции китайских "рассказов о странном" в российской литературе / Д. Хань, О. Д. Тугулова, З. Д. Бардаханова // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 48-56.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом точечного анализа рецензируемой статьи являются принципы оборотничества и зооморфизации реальности в романе А. А. Старобинец «Лисьи Броды». Выбор исследования не случаен, «русская литература последних десятилетий, в отличие от современной китайской литературы, проявляет к этому персонажу активный интерес. Так, начиная с середины 1980-х годов, образ лисы-оборотня появляется в творчестве Елены Шварц, Виктора Пелевина, Хольма ван Зайчика (псевдоним Игоря Алимова и Вячеслава Рыбакова), Юрия Мамлеева, Анны Коростелёвой, Анны Старобинец. В 2010 году вышел сборник прозы «Лисья честность» (составитель Марта Кетро; один из авторов – известный поэт Дмитрий Воденников), в котором присутствуют мотивы, связанные с хули-цзин. Одной из причин такого интереса, вероятно, является общий интерес к китайской культуре, особенно в её экзотическом аспекте. С другой стороны, образ хули-цзин удивительно пластичен, он позволяет вкладывать в себя разное содержание, вызывает разные эмоции. Лиса-оборотень, помимо, собственно, оборотнической своей природы обнаруживает для русских писателей свою ярко выраженную женственность». Цель и задачи исследования прописаны верно, вопрос нов, подход автора системен: «филологическое рассмотрение образа лисы-оборотня в романе Анны Старобинец в имеющихся работах по разным причинам присутствует лишь в малой степени». В рецензируемой статье восполняется этот пробел и производится анализ образа хули-цзин и иных оборотней с точки зрения проецирования явления оборотничества, бестиарности на различные составляющие художественного текста. Работа интересна, содержательна, грейд требований издания выдержан, целевая составляющая достигается полновесно. Анализ романа осуществлен с учетом разных уровней художественного целого. Стиль / язык соотносится с собственно научным типом: например, «образ главной героини романа лисы-оборотня Лизы у Анны Старобинец двойственен (по матери она оборотень, по отцу – человек) и при этом русифицирован (её мать – лиса-оборотень Аньли, отец – рижский немец, подданный Российской империи, а значит, так или иначе человек большой русской культуры – Вильгельм фон Юнгер). Русификация лисы-оборотня также осуществляется писательницей помещением её в русский национальный контекст: Лиза живёт среди русских на русской территории, говорит по-русски и т. д. Эта культурная двойственность зафиксирована и в имени героини – Елизавета Бо», или «действие романа происходит в месте под названием Лисьи Броды, недалеко от КВЖД. И эта земля – территория, с которой оказываются связаны и Россия, и Китай; в этом месте они как бы оборачиваются друг другом: русские и китайцы живут вместе, представители советской власти порой неотличимы по своим поступкам от хунхузов, китайские оборотни для русских старообрядцев становятся воплощением представлений о нечисти и проч. Отдельно нужно отметить, что Лисьи Броды – это звериный топоним, актуализирующий не только мотив, напрямую говорящий о лисе, но и вызывающий мысль о процессе «перехода», или «превращения», или «метаморфоза» оборотня...» и т.д. На мой взгляд, ряд позиций работы целесообразно развить в новых исследованиях смежной тематической направленности. Например, «Лисы-оборотни, Антон фон Юнгер, полковник Аристов управляют людьми посредством гипноза или входя в сны, на это время одновременно делая людей своими куклами и воздействующими на мир через их тела, и как бы становясь ими. Мастер Чжао, как часто повторяется в романе, имеет тысячи лиц, и это свойство его развитой духовной природы. Отдельно можно сказать о мотиве куклы с нарисованными глазами в романе: живой человек превращается в мёртвого, обнаруживая свою иллюзорную природу на пути жизни...» и т.д. Ссылки цитации даются с учетом открытости данных, фактических нарушений не выявлено, текст не нуждается в серьезной правке. Методология исследования соответствует современным научным

наработкам, хотя и должная эмпирика не исключается. Наличного текста достаточно для полновесного раскрытия темы. Стоит отметить, что работа имеет интенсивно практический характер, материал можно использовать в русле изучения истории литературы. Выводы по тексту целесообразны. Автор отмечает, что «принципы оборотничества и зооморфизации создают в «Лисьих Бродах» художественное время и пространство, обнаруживающее многослойную и вместе с тем подлинную природу героев. В зависимости от нравственной сути персонажа он может быть более человеком, чем животным, несмотря на свою оборотническую природу, и наоборот – более животным, нежели человеком, выбирая путь хищника, привязанного к удовлетворению собственных желаний». С учетом сказанного, тезирую: статья «Принципы оборотничества и зооморфизации реальности в романе А. А. Старобинец «Лисьи Броды» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Найденова Р.Р. Тема смерти в прозе Маргарет Этвуд // Litera. 2025. № 2. С.351-362. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73003 EDN: DQLIJC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73003

Тема смерти в прозе Маргарет Этвуд

Найденова Роксана Романовна

ORCID: 0000-0002-6821-3470

соискатель, кафедра зарубежной литературы, Литературный институт имени А. М. Горького

107207, Россия, г. Москва, ул. Байкальская, 30/2

✉ roksa-moon@yandex.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.2.73003

EDN:

DQLIJC

Дата направления статьи в редакцию:

12-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является тема смерти в крупной и малой прозе известной современной канадской писательницы Маргарет Этвуд (р. 1939 г.). Объектом исследования являются романы и рассказы автора (романы "Слепой убийца", "Кошачий глаз", "Леди Оракул" "Ущерб тела", Пенелопида", "Невеста-разбойница", сборник "Советы по выживанию в дикой природе" и др.). Автор статьи уделяет особое внимание жизнеописательным нарративам канадской писательницы, в которых главный герой одновременно является и рассказчиком. Истории рассказчиков М. Этвуд, как правило, всегда разворачиваются ретроспективно – от настоящего к прошлому. В течение своего путешествия герои-рассказчики мысленно возвращаются в прошлое и проводят "переговоры с мёртвыми". Мир памяти, прошлого в произведениях М. Этвуд неразрывно связан с представлениями о загробном мире. Опираясь на наработки отечественных и зарубежных исследователей наследия М. Этвуд, а также на литературоведческие труды самой канадской писательницы, автор статьи описывает, какое место тема смерти

занимает в ее ретроспективных нарративах. Автор статьи приходит к следующим выводам. 1) Тема смерти является одной из ключевых в творчестве М. Этвуд, так как сам ретроспективный нарратив жизнеописания предполагает обращение к прошлому, к миру мертвых. Вспоминая, главный герой-рассказчик мысленно совершает путешествие в мир прошлого, который у М. Этвуд рифмуется с загробным миром. 2) Творческий процесс, создание истории в художественном мире писательницы происходит во время "переговоров с мертвыми", когда герой-рассказчик мысленно обращается к людям из своего прошлого. 3) Смерть в произведениях М. Этвуд часто выступает в образе реликта, археологической находки, потерянной и вновь обретенной вещи. Тяжелый процесс эксгумации, извлечения из земли созвучен с не менее трудным процессом препарирования героем-рассказчиком собственных комплексов и обид.

Ключевые слова:

Маргарет Этвуд, Канадская литература, смерть, загробный мир, нарратив, нарративная стратегия, переговоры с мертвыми, мономиф, ненадежный рассказчик, герой-рассказчик

Введение

Маргарет Этвуд (р. 1939 г.) — современная канадская писательница, поэтесса, критик и литературовед. На сегодняшний день она является одним из самых читаемых англоязычных авторов в мире и самым читаемым автором Канады. М. Этвуд — лауреат множества наград и премий, среди которых две Букеровские премии, премия генерал-губернатора Канады, премия Артура Кларка, премия Франца Кафки и др. Первая книга автора — сборник стихотворений «Двойная Персефона», увидевший свет в 1961 г. Однако наибольшую популярность автору принесла её крупная проза. Первый роман — «Съедобная женщина» — был опубликован в 1969 г. М. Этвуд также пишет и рассказы. Первый сборник малой прозы — «Танцующие девушки» — вышел в 1977 г. Самым известным произведением писательницы и сегодня остаётся опубликованный в 1985 г. «Рассказ Служанки», который недавно, в 2019 г., получил продолжение в «Заветах».

М. Этвуд в своём творчестве обращается к разным направлениям и жанрам: от романа воспитания (роман «Кошачий глаз») до исторического детектива (роман «Она же Грейс»). Но какую бы форму ни избрала писательница, её произведения — это всегда нарратив, история, в центре которой стоит главный герой-рассказчик ^[1]. Нарративы М. Этвуд, как правило, разворачиваются ретроспективно: от настоящего — к прошлому. Вместе с героем читатели совершают путешествие по воспоминаниям и прослеживают путь его становления ^[2]. А образ прошлого в художественном мире М. Этвуд неразрывно связан с темой смерти и загробного мира.

Подобное видение смерти как движения характерно для многих лингвокультур, включая и англоязычную. Однако специфическое канадское мышление накладывает свой отпечаток.

Цель данного исследования — провести анализ: как тема смерти раскрывается в прозаических произведениях М. Этвуд. Объектом исследования являются прозаические произведения (романы и рассказы) писательницы. Предметом данного исследования является тема смерти в прозе М. Этвуд. Научная новизна исследования заключается в том, что данная тема мало освещена в отечественном литературоведении. В исследовании используется культурно-исторический, культурно-социальный и

нарративный методы.

Основная часть

Как отмечают многие современные исследователи (О. С. Цыдендамбаева [\[3\]](#), О. А. Доржиева [\[3\]](#), Е. Середа [\[4, 6\]](#), А. Р. Гиоева [\[5\]](#), К. Э. Раевская [\[6\]](#)), в восприятии концепта «Смерть» в русском, английском, французском, немецком и многих других языках присутствует своеобразный парадокс. С одной стороны, категория «Смерть» является противоположностью категории «Жизнь», где вторая характеризуется движением, дыханием, деятельным сознанием, а первая — неподвижностью, отсутствием всех жизненных процессов и сном сознания. Однако при описании концепта «Смерть» в английской, как и в русской, лингвокультуре присутствует множество эвфемизмов с упоминанием движения: англ. to go — «уйти»; англ. to pass away — «проходить»; англ. exit — «выходить»; англ. cross the river — «пересечь реку» и др. То есть, несмотря на первоначальное представление о смерти как о чём-то неподвижном, сам процесс умирания часто ассоциируется с движением — как правило, путешествием.

У М. Этвуд смерть, умирание тоже сравнивается с путешествием. Но у писательницы это не просто путешествие, а именно нисхождение. Неслучайно в её произведениях особое место занимают аллюзии, отсылки на фольклорных и мифических персонажей, которые имели связи с потусторонним миром. Среди них: Персефона (древнегреческая мифология), Исида (древнеегипетская мифология), Синяя Борода (европейский фольклор), а также тысячикий герой из мономифа Дж. Кэмпбелла.

Однако сложность в анализе творчества М. Этвуд заключается в том, что в её произведениях традиционное для англоязычной лингвокультуры представление о концепте «Смерть» преломляется, модернизируется из-за особого канадского взгляда. И здесь встаёт вопрос о канадской идентичности.

М. В. Пименова в своих работах, посвящённых концептологии, делает акцент на том, что концепты, несмотря на то, что они являются универсальными единицами деятельности человеческого сознания (на что указывают исследования З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др. [\[7\]](#)), всё-таки имеют национальный окрас [\[8\]](#). А тема национальной идентичности всегда была и остаётся крайне острой в Канаде [\[9\]](#).

Во многом причина этому кроется в историческом прошлом государства. Канада — это очень молодая страна с ещё не вполне сформированным культурным кодом. Так, например, есть культура англоязычной Канады, к которой принадлежит М. Этвуд и другие крупные писатели: Робертсон Дэвис, Элис Манро (единственный лауреат Нобелевской премии по литературе от Канады). А есть культура франкоязычной Канады, чьим центром является территория Квебек со столицей в Монреале. А есть ещё культура индейцев Канады, которые говорят на языке инуктитут. Подобная мультикультурность сильно влияет на национальное сознание [\[10\]](#).

Англоязычную канадскую культуру часто характеризуют, как культуру «переселенцев», в которой смешались элементы европейской и местной индейской культур. М. Этвуд старается в своих книгах создавать из этих элементов нечто цельное. И при описании смерти она нередко обращается к индейским представлениям об этом концепте. Так в романе «Постижение» безымянная главная героиня (отсутствие имени уже указывает на универсальность образа) совершает путешествие из англоязычной части Канады в франкоязычный Квебек, а из франкоязычного Квебека — в канадскую глушь, где ещё сохранились наскальные рисунки древних индейцев. В этом путешествии можно

проследить историю становления Канады, только поданную ретроспективно: от настоящего — к прошлому. Достигнув «дна» истории, безымянная героиня находит под наскальными рисунками труп собственного отца. Эта встреча со смертью для героини становится поворотным событием в жизни и открывает для неё новый путь. Благодаря смерти героиня перерождается.

Так М. Этвуд, используя один из самых часто упоминаемых концептов — концепт «Смерть», — выражает особенности канадской идентичности и собственной авторской индивидуальности. Саму М. Этвуд на фоне её писателей-соотечественников особо выделяет сращивание концепта «Смерть» и концепта «Творчество».

Писательница в своём литературоведческом труде «Переговоры с мёртвыми: Писатель о писательстве» (2002) сравнивает работу памяти и творческий процесс с нисхождением в царство мёртвых на примере путешествий главного героя «Божественной комедии» Данте Алигьери и царя Урука из «Эпоса о Гильгамеше». Так, по мнению М. Этвуд, любой рассказчик, выстраивая свою историю, обращается к собственным воспоминаниям, то есть совершает мысленное путешествие на тот свет: «"Гильгамеш был первым писателем, — я сказала. — Он хотел узнать тайну жизни и смерти. Он спустился в ад и вернулся обратно. Но он не открыл секрет бессмертия. Всё, что он получил, это две истории — одна о путешествии, а другая о потопе. Так что единственное, что он принёс с собой — это пара историй."» [\[11\]](#) Это же правило работает и для героев-рассказчиков М. Этвуд.

Рассказчики М. Этвуд чаще всего люди творческих профессий: писатели (роман «Леди Оракул») художники (романы «Постижение», «Кошачий глаз»), преподаватели (роман «Невеста-разбойница»), журналисты (роман «Телесные повреждения»), сценаристы и постановщики (роман «Ведьино отродье»). И на момент начала своего рассказа каждый из них, как правило, находится в состоянии душевного кризиса. Все они — люди среднего или пожилого возраста, успевшие состояться как в профессиональной, так и в личной жизни. Однако, достигнув успеха, каждый из них сталкивается с неопределённостью, неуверенностью в будущем. Чтобы выйти из душевного кризиса и двигаться дальше, рассказчики М. Этвуд обращаются к собственному прошлому с целью найти причину своего кризиса и обрести свежие силы.

Так начинается путешествие героя-рассказчика в мир воспоминаний, который в некоторых случаях напрямую равняется загробному миру. Например, в «Пенолопии» главный герой и рассказчик — это легендарная царица Итаки и супруга Одиссея — Пенелопа. В начале произведения читатели обнаруживают Пенелопу в Аиде, где она проводит дни среди знакомых теней — Елены Прекрасной, Одиссея, Телемаха и др. Но, в отличие от мужа, сына и двоюродной сестры, Пенелопа отказывается перерождаться и снова возвращаться в мир живых. Что её удерживает в загробном? Пенелопа старается разобраться в этом, обращаясь к своим воспоминаниям. Мысленно Пенелопа, будучи уже тенью в Аиде, возвращается в годы своего детства и отрочества, переживая вновь старые обиды [\[12\]](#).

Подобным же образом стремится излечиться и главная героиня романа «Слепой убийца» — Айрис. Она начинает свою историю в глубокой старости, предчувствуя, что конец её близок. Совесть Айрис тяготит ранняя смерть её младшей сестры Лоры. И чтобы очиститься перед собой и перед своими дочерью и внучкой, героиня обращается к прошлому, стремясь разобраться в старых воспоминаниях [\[13\]](#).

Тем же путём следует успешная художница Элейн из романа «Кошачий глаз». Её душевный кризис начинается при подготовке к первой ретроспективной выставке.

Достигнув определённых высот в профессии, героиня начинает тяготиться своим успехом, чувствуя, что «бронзовеет», умирает, как личность. Выход из положения — рассказ о прошлом. И, в первую очередь, о подруге детства — Корделии.

Все три героини из перечисленных примеров за исцелением обращаются к прошлому и населяющих его теням родственников, друзей, врагов и др. Так, чтобы выйти из духовного тупика, каждый из рассказчиков М. Этвуд должен сначала успешно провести «переговоры с мёртвыми».

«Мёртвые» в художественном мире М. Этвуд — это необязательно буквально умершие люди. Часто под «мёртвыми» подразумеваются и живые. Например, в романе «Кошачий глаз» «мертвецом» выступает школьная подруга главной героини Корделии. Погружаясь в духовный кризис, Элейн начинает видеть её на улицах. Корделия мерещится ей в толпе прохожих. Настоящей Корделии на момент начала рассказа должно быть столько же, сколько и Элейн. Но Элейн мерещится Корделия именно в образе девочки-подростка, которой больше нет. То есть в данном случае подросток Корделия — «мертва». В настоящем времени её место заняла взрослая Корделия.

Также к «мертвецам» нередко причисляются люди, которые просто исчезли из жизни рассказчика. В романе «Леди Оракул» главная героиня Джоан, сбежав в Европу, всё своё бывшее окружение относит к миру мёртвых. В её воспоминаниях они предстают блуждающими на берегу моря, что отсылает к древнегреческому мифу о Хароне, перевозившем души умерших через воды Стикс.

Но бывает, когда «мёртвые» действительно оказываются мертвы, как в романе «Слепой убийца» или трилогии «Беззумный Аддам». В первом случае главная героиня обращается в своих воспоминаниях к покойной младшей сестре. Во втором — рассказчик Джимми вспоминает о погибшем друге-гении по прозвищу Коростель и своей возлюбленной по прозвищу Орикс.

Вспоминая, рассказчик интерпретируют прошлое с целью оправдать себя в глазах читателей и своих собственных. Поэтому все рассказчики М. Этвуд лгут. Иногда они делают это намеренно, сообщая неверные факты из собственной биографии, как Зения из романа «Невеста-разбойница», или специально умалчивая о некоторых обстоятельствах, как Айрис из романа «Слепой убийца». А иногда делают это случайно из-за несовершенства памяти.

Но все рассказчики М. Этвуд стремятся представить на суд читателей такую интерпретацию собственного прошлого, которая устроила бы их самих [\[14\]](#). А для этого им необходимо примириться с «мёртвыми» — теми реальными людьми, которые выступают в качестве второстепенных персонажей в их историях.

Сам процесс «переговоров с мёртвыми» напоминает детективное расследование: рассказчик, излагая свою историю, параллельно восстанавливает цепочку событий, произошедших с ним и его окружением.

Как правило, любая история рассказчика М. Этвуд — это история его отношений с каким-либо человеком, который в данном случае выступает своеобразной музой, вдохновителем и тёмным двойником рассказчика. Так Корделия в романе «Кошачий глаз» играет эту роль для Элейн, в романе «Слепой убийца» музой выступает младшая сестра главной героини — Лора. Само имя Лоры, отсылающее нас к имени Лауры, музы Петрарки, намекает на ту роль, что она играет в истории своей старшей сестры Айрис [\[15\]](#).

Задача рассказчика в данном случае воссоздать перед читателем образ своей музы, который одновременно сохранял бы черты реального человека из прошлого рассказчика и при этом не противоречил бы предложенной рассказчиком версии прошлого. Когда этот образ создан — миссию можно считать выполненной. Рассказчик, подобно герою мономифа Дж. Кэмпбелла, возвращается из мира воспоминаний, из мира мёртвых — в реальный мир с новыми силами. Окончив историю, рассказчик выходит из душевного кризиса.

Смерть в художественном мире М. Этвуд символизирует не только прошлое и мир памяти. Смерть присутствует и в настоящем героев-рассказчиков. Они так или иначе постоянно думают о потустороннем мире либо сталкиваются с ним напрямую.

В художественном мире М. Этвуд смерть — это лишь тонкая завеса, скрывающая мир теней от мира живых, и эта завеса в любой момент может быть прорвана [\[16\]](#). Так в произведениях автора очень часто встречается приём фальшивой смерти [\[15\]](#). Например, в романе «Невеста-разбойница» главный антагонист Зения умирает или исчезает несколько раз. Так в начале романа происходят очередные похороны Зении. Главные героини — трио подруг Тони, Харис и Роз — приходят с ней проститься. А после, беседуя в кафе, сталкиваются с Зенией, живой и здоровой.

В романе «Мадам Оракул» сама главная героиня-писательница разыгрывает собственную кончину, чтобы начать новую жизнь. А в своих книгах — любовных романах для женщин в духе «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте — Джоан описывает возвращение с того света жены главного героя и т. п.

Но наиболее яркий пример — это журналистка Ренни из романа «Телесные повреждения», которая лицом к лицу столкнулась со смертью — перенесла онкологию — и вернулась к жизни, но не целиком: в ходе спасительной операции рассказчица потеряла одну грудь. Это столкновение с миром мёртвых вгоняет Ренни в душевный кризис, выйти из которого помогает история о прошлом, благодаря которой героиня вновь обретает внутреннюю целостность и начинает вторую жизнь в своём «обновлённом» облике [\[17\]](#).

Смерть также часто предстаёт в произведениях М. Этвуд в образе враждебной природной стихии. Так в рассказе «Смерть от пейзажа» главная героиня Луис рассказывает историю из детства о своей подруге Люси, которая без вести пропала во время путешествия на каноэ. Люси исчезла внезапно и без следа, её словно забрала сама природа. С тех пор Луис заинтересовалась пейзажной живописью и начала коллекционировать картины канадских художников. В представлении Луис её подруга — «мёртвая муза» — теперь живёт в этих пейзажах.

Подобная связь дикой природы и смерти вообще характерна для канадских авторов. Этот вопрос М. Этвуд анализировала в одной из своих самых значимых научно-популярных книг — «Выживание: Тематический гид по канадской литературе» (1972), предположив, что канадский автор смотрит на мир глазами жертвы, в роли мучителя которой может выступать как живые существа, так и стихии [\[18\]](#).

Смерть также присутствует в художественном мире М. Этвуд в виде извлечения ископаемых останков, реликтов. Например, в романе «Жизнь до людей» драма трёх главных героев-рассказчиков разворачивается на фоне залов палеонтологического музея, в котором все трое работают. И извлечение на суд читателей переживаний и воспоминаний рассказчиков напоминает процесс извлечения из земли и изучения

окаменелостей.

В рассказе «Болотный человек» главная героиня Джули переживает кризис отношений с женатым мужчиной, вспоминая с чего начался их роман. Копание в неприятных воспоминаниях протекает на фоне рабочей командировки к месту извлечения болотного человека — мужчины, который был принесён в жертву некоему божеству в древнюю эпоху. Так тяжёлая и грязная работа археологов рифмуется со столь же сложным и трудным процессом самоанализа Джули [\[19\]](#).

Несмотря на такую разностороннюю репрезентацию концепта «Смерть» в творчестве М. Этвуд, эта тема до сих пор остаётся малоизученной. Исследователи её наследия (Е. П. Жаркова [\[20\]](#), М. И. Бабкина [\[21\]](#), Р. А. Файзуллина [\[22\]](#)), если и касаются данного вопроса, то только со стороны «правовой смерти», рассматривая фантастические романы писательницы — прежде всего, «Рассказ Служанки», «Заветы» и трилогию «Беззумный Аддам». В мире «Рассказа Служанки» главная героиня Фредова сталкивается со смертью «юридической»: она умирает как полноценный гражданин. Вслед за другими женщинами возникшего на территории США государства Галаад героиня постепенно лишается всех прав и свобод, становясь собственностью одного из командоров, представителя новой элиты. В трилогии «Беззумный Аддам» главные герои тоже медленно умирают, как граждане, носители цивилизации — их мир полностью разрушен после глобальной катастрофы.

Заключение

Смерть пронизывает произведения М. Этвуд на всех уровнях. Смерть, как путешествие в прошлое, играет структурообразующую функцию при построении ретроспективного нарратива, который включает в себя обязательные «переговоры с мёртвыми». Но также смерть, как загробный мир, является прибежищем некоторых персонажей (Пенелопа из «Пенелопиады», Зения из романа «Невеста-разбойница» и др.). Образ смерти у М. Этвуд неразрывно связан со страхом перед неизведанным, перед нетронутым миром природы. Но при этом смерть в произведениях автора часто выступает в образе реликтов, окаменелостей, как напоминание о том, что любое похороненное воспоминание рано или поздно приходится извлекать на поверхность.

Библиография

1. Goldblatt P. F. Reconstructing Margaret Atwood's Protagonists. *World Literature Today*, vol. 73, no. 2, 1999, pp. 275–82.
2. Найденова Р. Р. Нарративная стратегия жизнеописания в творчестве Маргарет Этвуд / Р. Р. Найденова // *Филология: научные исследования*. – 2024. – № 3. – С. 114–121. – DOI 10.7256/2454-0749.2024.3.70174.
3. Цыдендамбаева О. С. Концепт Смерть в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков / О. С. Цыдендамбаева, О. А. Доржиева // *Филология: научные исследования*. – 2020. – № 2. – С. 67–77. – DOI 10.7256/2454-0749.2020.2.32364.
4. Середа Е. Представление концепта "Death" в английской фразеологической картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Середа Елена; [Место защиты: С. – Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2016. – 184 с.
5. Гюева А. Р. Семантический диапазон английских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Смерть» / А. Р. Гюева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 5-1 (71). – С. 72–75.
6. Раевская К. Э. Концепт "смерть" в русской, английской и испанской фразеологии (на

- примере паремиологических единиц) / К. Э. Раевская, Е. Середа // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2020. – № 2(70). – С. 39-44.
7. Матюшина Н. В. Основные положения отечественных школ концептологии в актуальных исследованиях / Н. В. Матюшина // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 86-95.
8. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2-2(54). – С. 127-131.
9. Зазнаев О. И. Канадская национальная идентичность: проблемы формирования / О. И. Зазнаев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154, № 1. – С. 226-233.
10. Найденова Р. Р. Поиск Канадской идентичности в творчестве Маргарет Этвуд / Р. Р. Найденова // Научные труды молодых ученых-филологов : Материалы Международной конференции молодых ученых-филологов, Москва, 13–16 октября 2021 года. Том XXI. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Агентство "Литера", 2022. – С. 84-89.
11. Atwood M. Negotiating with the Dead : A Writer on Writing. 2003.
12. Найденова Р. Р. Мифологические герои, исторические личности и персонажи мировой литературы в творчестве Маргарет Этвуд / Р. Р. Найденова // Филология: научные исследования. – 2024. – № 3. – С. 89-95. – DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70207.
13. Комаровская Т. Е. Аксиологические и художественные аспекты романа М. Этвуд «Слепой убийца» / Т. Е. Комаровская // Аксиологический диапазон художественной литературы : Сборник научных статей / Под научной редакцией В.Ю. Боровко, Е.В. Крикливец. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2020. – С. 103-106.
14. Луканина М. В. Нарративное манипулирование / М. В. Луканина, Л. К. Салиева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 46. – С. 210-225.
15. Найденова Р. Р. Роль псевдоинтриги при построении нарратива у Маргарет Этвуд / Р. Р. Найденова // Воропановские чтения : материалы II Международной научно-практической конференции, Красноярск, 13 ноября 2021 года / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2021. – С. 77-79.
16. Копейкина Н. В. Некоторые аспекты универсальных концептов «Жизнь» и «Смерть» в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца» / Н. В. Копейкина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 4. – С. 80-86.
17. Drichel S. Regarding the Other: Postcolonial Violations and Ethical Resistance in Margaret Atwood's «Bodily Harm». *Modern Fiction Studies*, vol. 54, no. 1, The Johns Hopkins University Press, 2008, pp. 20–49.
18. Atwood M. After «Survival».... Excerpts from a speech delivered at Princeton University, April 29, 1985. *CEA Critic*, vol. 50, no. 1, 1987, pp. 35–40.
19. Кучмаренко Л. С. Хронотоп болотного тела и двуголосое слово в рассказе М. Этвуд «Болотный человек» / Л. С. Кучмаренко // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 20-28. – DOI: 10.46726/H.2021.4.2.
20. Жаркова Е. П. Антиутопии М. Этвуд «Рассказ Служанки» и «Трилогия Беззумного Адамма» в контексте традиции и новейших тенденций в развитии жанра: диссертация. ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Жаркова Евгения Петровна; [Место защиты:

Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2017. – 164 с.

21. Бабкина М. И. Романное творчество Олдоса Хаксли: интертекстуальный аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 5.9.2 / Бабкина Мария Игоревна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»]. – Екатеринбург, 2024. – 220 с.

22. Файзуллина Р. А. Трансгуманизм в английской литературе XXI века: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Файзуллина Рушана Альфредовна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»]. – Казань, 2022. – 197 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает тема смерти в прозе Маргарет Этвуд, одного из самых читаемых англоязычных авторов в мире и самого читаемого писателя Канады, лауреата множества наград и премий. Отмечается, что М. Этвуд в своём творчестве обращается к разным направлениям и жанрам: от романа воспитания до исторического детектива. Несмотря на такую мировую популярность и признание, идиостиль Маргарет Этвуд еще недостаточно изучен отечественными учеными, поэтому видится актуальным исследование особенностей творчества этой канадской писательницы.

Теоретической основой работы являются труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как М. В. Луканина, Л. К. Салиева, Н. В. Копейкина, Т. Е. Комаровская, Р. Р. Найденова, Л. С. Кучмаренко, P. F. Goldblatt, S. Drichel, посвященные разным аспектам творчества М. Этвуд (аксиологическим и художественным аспектам; нарративным стратегиям жизнеописания; концептам «жизнь» и «смерть»; мифологическим героям, историческим личностям и персонажам мировой литературы и др.). Библиография насчитывает 11 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллирует к фундаментальным трудам отечественных ученых по концептологии, к диссертационным работам в области изучаемой проблематики.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, интерпретативный анализ, методы дискурсивного и когнитивного анализа, психологический метод и др. В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) последовательно рассматривают творчество Маргарет Этвуд сквозь призму ее обращения к теме смерти, замечая, что «"мёртвые" в художественном мире М. Этвуд — это необязательно буквально умершие люди. Часто под "мёртвыми" подразумеваются и живые»; «к "мертвецам" нередко причисляются люди, которые просто исчезли из жизни рассказчика»; «...бывает, когда "мёртвые" действительно оказываются мертвы»; «в художественном мире М. Этвуд смерть — это лишь тонкая завеса, скрывающая мир теней от мира живых, и эта завеса в любой момент может быть прорвана», «смерть также часто предстаёт в произведениях М. Этвуд в образе враждебной природной стихии» и т. п. Формулируются обоснованные выводы о том, что тема смерть «пронизывает произведения М. Этвуд на всех уровнях. Смерть, как путешествие в прошлое, играет

структурообразующую функцию при построении ретроспективного нарратива, который включает в себя обязательные «переговоры с мёртвыми»... Образ смерти у М. Этвуд неразрывно связан со страхом перед неизведанным, перед нетронутым миром природы. Но при этом смерть в произведениях автора часто выступает в образе реликтов, окаменелостей, как напоминание о том, что любое похороненное воспоминание рано или поздно приходится извлекать на поверхность».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в исследование идиостиля Маргарет Этвуд, расширяя представление о ее авторской картине мира, о специфике обращения к теме смерти. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по зарубежной литературе, лингвистическому анализу текста и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы. Рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков.

Обращаем внимание на некорректное написание слова «также» в предложениях «М. Этвуд так же пишет и рассказы» и «Так же к «мертвецам» нередко причисляются люди, которые просто исчезли из жизни рассказчика». В тексте, на наш взгляд, часто употребляется конструкция «так или иначе».

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Тема смерти в прозе Маргарет Этвуд».

Предмет исследования – воплощение концепта «смерть» в прозаических произведениях Маргарет Этвуд.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что существует взаимосвязь языка и мышления языковой личности, структуры сознания автора и национальной языковой картины мира. Концепт «смерть» является фундаментальным, определяющим специфику языкового сознания, отражающим национальное мировосприятие и обладающим ценностным для лингвокультурной общности содержанием. Изучение системной организации компонентов художественного текста и исследование языковой репрезентации разного рода концептов важны для осознания идейного смысла художественного текста и для понимания менталитета данной литературной личности.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что репрезентация концепта «смерть» в творчестве Маргарет Этвуд остаётся малоизученной, исследователи её наследия рассматривают этот вопрос со стороны «правовой смерти» или же анализируют фантастические романы писательницы.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, приведена общая информация о творчестве Маргарет Этвуд); основная часть (выполнен комплексный анализ репрезентации концепта

«смерть» в произведениях Маргарет Этвуд; смерть и умирание в произведениях сравнивается с не просто путешествием, а с нисхождением, зачастую это предполагает путешествие героя-рассказчика в мир воспоминаний; смерть также часто представляется в произведениях в образе враждебной природной стихии или же в виде извлечения ископаемых останков, реликтов; автор отмечает, что концепт «смерть», как один из самых часто упоминаемых концептов, выражает особенности канадской идентичности и собственной авторской индивидуальности); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 22 источника).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием творчества Маргарет Этвуд. Кроме того, тема национальной идентичности остаётся крайне острой в Канаде, поскольку в этой относительно молодой стране ещё не вполне сформирован культурный код, а концепты, несмотря на то, что они являются универсальными единицами деятельности человеческого сознания, имеют национальный окрас. Таким образом, исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации на межнациональном уровне, проведенный анализ даёт актуальное представление об особенностях концептуализации окружающей действительности канадским народом через призму концепта «смерть».

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. В начале статьи следует уточнить, на каком материале базируется исследование, указать источники эмпирического материала в библиографии.
2. Стоит пересмотреть некоторые части статьи, привести теоретическую базу исследования во введении и расширить заключение выводами о своеобразии канадской лингвокультуры через призму отражения базовых концептов.
3. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
4. Было бы уместно привести иллюстративные примеры как подкрепление теоретических измышлений автора статьи.
5. Следуют упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.
6. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Тема смерти в прозе Маргарет Этвуд», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения творчества современной канадской писательницы, поэтессы и критика, так и обращения к вопросам рецепции мирового культурного наследия в ее художественных текстах. В исследовании автор ставит цель

изучить раскрытие темы смерти в прозаических произведениях М. Этвуд, что несомненно вносит определенный вклад в теорию литературы.

В статье автор на конкретных примерах рассматривает, какие именно мифологические, исторические и литературные образы фигурируют при раскрытии темы смерти в творчестве М. Этвуд и с какими собственными идеями она их связывает. Важным является учет автором канадской идентичности писательницы, что несомненно трансформирует традиционное англосаксонское понимание смерти.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения. Основными методами явились культурно-исторический, культурно-социальный и нарративный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Собственно говоря, заключение в научном понимании в рассматриваемой статье отсутствует. Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и иностранном языках. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях в области современной англоязычной литературы Северной Америки. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Тема смерти в прозе Маргарет Этвуд» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сапрыкина О.А., Хрипунова А.Г. Испанские мемориальные речи в аспекте прагмалингвистики // Litera. 2025.

№ 2. С.363-370. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73374 EDN: EDJUYQ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73374

Испанские мемориальные речи в аспекте прагмалингвистики

Сапрыкина Ольга Александровна

доктор филологических наук

профессор кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ olgasaprykina@mail.ru

Хрипунова Арина Геннадьевна

аспирант, кафедра иностранных языков; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

108802, Россия, г. Москва, р-н Коммунарка, Новомосковский округ, ул. Малое Понизовье, дом3, кв.319

✉ khripunova.ag@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73374

EDN:

EDJUYQ

Дата направления статьи в редакцию:

16-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В статье исследуется мемориальный дискурс Испании, та его часть, которая связана с жанром устной торжественной речи, произносимой по случаю даты рождения или смерти выдающегося исторического деятеля. Объектом работы являются речи, произнесенные испанским королем Филиппом VI по случаю 400-летию со дня смерти

Сервантеса и на так называемом акте памяти, посвященном 500-летию со дня смерти Антонио де Небрихи, великого испанского ученого и гуманиста. В качестве предмета исследования рассматриваются дискурсивные характеристики мемориальных речей, отличительной особенностью которых являются разные виды аргументации (доказательство, убеждение, воздействие), и роды речей – эпидейктический, совещательный и судебный (судительный). Наряду с логическими, несущими информацию аргументами, важную роль играют прагмалингвистические характеристики текстов – экспрессивные, эмоциональные и оценочные оттенки передаваемых в них в зависимости от интенций смыслов. Методология исследования имеет междисциплинарный характер с учетом общенаучных принципов синтеза и анализа, а также включает методы дискурсивного и когнитивного анализа, которые предполагают объединение собственно лингвистических методов изучения предмета с экстралингвистическими. Внесение памяти в качестве когнитивно-языкового феномена составляет инновационную часть работы. Прагмалингвистический подход к мемориальным речам основан на двух направлениях в прагмалингвистике – функциональном, учитывающим цели и задачи публичных выступлений (пафос), и скрытой, неявной прагмалингвистике, относящейся к речевому поведению автора речи, выражающего свое отношение к объектам публичных выступлений (этос). В мемориальных речах испанского монарха Филиппа VI сочетаются функции логосообщения и учитываются риторические компоненты убеждения и воздействия – пафоса и этоса. В мемориальном дискурсе кроме мемориальных устных речей возможны также жанры завещаний, некрологов, малоформатных текстов-обозначений мемориальных культурных или административных учреждений. Прагматическая интенция автора речи может иметь открытый и неявный характер.

Ключевые слова:

мемориальный дискурс, мемориальные речи, устная публичная речь, функциональная прагмалингвистика, скрытая прагмалингвистика, аргументация, воздействие, убеждение, доказательство, речевое поведение

Введение

Мемориальный дискурс – разновидность дискурса, для которого характерна связь институциональных целей с функционально-прагматическими персональными средствами выражения. В мемориальном дискурсе объединяются словесные тексты разных жанров – речи ораторов, произнесенные по случаю смерти выдающихся граждан (устная публичная речь), мемориальные надписи с целью эпиграфического увековечения памяти участников важных событий (на надгробиях и мемориальных досках), эпитафии – известный с античности поэтический жанр восхваления деяний и достоинств ушедшего в иной мир человека, юридические документы как памятники деловой письменности (свидетельства о смерти или различные нотариальные документы, касающиеся вступления в наследство скончавшегося человека), мемориальный топонимический ландшафт как совокупность наименований культурного пространства и некрологи – особый жанр современной периодической печати, соединяющий информацию о событии и его оценку.

Ц е л ь данной работы состоит в анализе особенностей ораторских выступлений испанского короля Филиппа VI, относящихся к сфере мемориального дискурса в современной Испании.

Задачи исследования:

1. Выявить дискурсивную и жанровую принадлежность речей испанского монарха, которые посвящены историческим деятелям.
2. Охарактеризовать прагмалингвистический аспект выступлений испанского короля, определить репертуар используемых им изобразительных и выразительных средств речи, способы создания эффектов пафоса и этоса.
3. Дать характеристику мемориальных речей, которые призваны побуждать или отвращать, обвинять или оправдывать, восхвалять или порицать [\[1, с 15-17\]](#), как особого жанра мемориального дискурса.

Объектом работы являются речи, произнесенные испанским королем Филиппом VI по случаю 400-летию со дня смерти Сервантеса и 500-летию со дня смерти Антонио де Небрихи, великого испанского ученого и гуманиста. Речи произносились на так называемых «актах памяти» и впоследствии были записаны.

Предметом исследования послужили прагмалингвистические характеристики речей короля, их особенности в связи с мемориальным характером сказанного для увековечения памяти выдающихся деятелей прошлого.

Материалом для анализа стали речи, произнесенные королем Испании Филиппом VI с начала его правления (19 октября 2014 г.) [\[2\]](#) по октябрь 2022 года [\[3\]](#), посвященные историческим деятелям и приуроченные к годовщине их рождения или смерти.

Актуальность данного исследования связана с разработкой проблем культурной памяти, одна из реализаций которой связана с языком. Сферой воплощений культурной памяти является мемориальный дискурс как речевая деятельность, предметом которой является память о прошлом. Мемориальный дискурс позволяет решать триединую задачу обращения к прошлому, а также к раскрытию культурно-политической идентичности (коллективной структуры), то есть выявлению культурного кода, языковой матрицы, присущей тому или иному народу, и определению посредством языка культурной преемственности (традиции) [\[4, с.36-38\]](#).

Новизна темы и ее разработки обусловлена новым аспектом изучения ораторских выступлений – с позиций функциональной прагмалингвистики, позволяющей определить способы и целеполагание в произносимой мемориальной речи.

Методология исследования связана с идентификацией осознаваемого, мотивированного, целенаправленного выбора языковых средств, направленных на создание образа исторического деятеля. Выбор средств продиктован открытой функционально-прагматической деятельностью автора речи. Между тем в выступлениях выявляются и скрытые речевые единицы, характеризующие речевое поведение автора произносимых высказываний.

Понятие дискурса в современной лингвистической науке является широко используемым, но, несмотря на это, не вполне однозначным. Существует несколько трактовок термина «дискурс», однако в данной работе было принято пользоваться определением, предложенным в Лингвистическом энциклопедическом словаре, где под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [\[5, с.136-137\]](#), [\[6\]](#).

В данной работе будут проанализированы тексты, которые можно отнести к **мемориальному** типу дискурса. Исходя из основной цели выступлений испанского монарха, анализируемым в работе, мы будем считать этот тип дискурса предназначенным для увековечения памяти исторического деятеля.

Несмотря на сложность и неоднозначность существующих классификаций дискурса, в данной работе выделяется обобщающий тип дискурса - мемориальный, основанный, прежде всего, на критерии сферы употребления и избираемых тем. Речи Филиппа VI, произнесенные устно и опубликованные в письменном виде в испанских средствах массовой информации, могут рассматриваться как тексты политического и публицистического дискурса соответственно. Однако в связи с главной темой данного исследования («увековечение памяти») и функционально-прагматической характеристикой речей [\[7\]](#),[\[8\]](#) рассмотрим их как образцы мемориального дискурса.

Свойства речи, направленные на убеждение, интересовали исследователей со времён Античности. Риторика как гуманитарная дисциплина, изучающая отношение прозаической речи к мысли, формировалась под влиянием софистов (Горгия), Платона, Аристотеля. Большое внимание ораторскому искусству уделяли и в Древнем Риме, в частности, Цицерон и Квинтилиан [\[9\]](#),[\[10\]](#),[\[11\]](#).

Ораторское искусство является важной областью риторики, разрабатываемой не один век. Античный риторический канон выделял пять этапов построения и произнесения речи: 1) инвенция – осмысление темы речи; 2) диспозиция – расположение идей в необходимом порядке; 3) элокуция – выражение мысли, отбор слов и словосочетаний; 4) меморио – запоминание речи и подготовка к её произнесению; 5) акцио гипокризис – собственно произнесение речи [\[9\]](#).

Риторический логос тесно связан с понятием аргументации. С точки зрения описания предмета, выделяются такие виды аргументации, как: доказательство, убеждение и воздействие. Им соположены модусы речи - эпидейктический («установление принципов и ценностей, на основе которых обсуждаются проблемы»), судебный (определение и оценка фактов) и совещательный (обсуждение предложений для принятия решений).

Мемориальные речи – важный жанр мемориального дискурса [\[13\]](#),[\[14\]](#) последовательно сочетающий содержание (логос) с модусами суждения (обвинения или оправдания, восхваления или порицания) и совета (целеполагания, определения перспективы, горизонта знания, вывода или заключения по проблеме).

Выступления Филиппа VI, посвященные историческим деятелям

Речи, посвященные 400-летию со дня смерти Сервантеса

30 января 2017 года король Испании Филипп VI выступил с речью на церемонии закрытия комплекса мероприятий, посвященных четырехсотлетию со дня смерти Мигеля де Сервантеса. Речь произнесена в Королевском дворце в Мадриде в рамках мероприятия «Cervantes vive: clausura de conmemoración del IV centenario de la muerte de Miguel de Cervantes» («Сервантес жив: завершение акта памяти IV столетия со дня смерти Мигеля де Сервантеса») [\[2\]](#).

Король строит свою речь на идее, которую называет «una doble paradoja» («двойной парадокс»). Так, во-первых, Филипп VI отмечает, что в действительности в годовщину смерти Сервантеса празднуется жизнь его культурного наследия: «Porque, en primer

lugar, considero que lo que de verdad celebramos —en la acepción más feliz de la palabra 'celebración'— no es el fallecimiento sino precisamente, como ha señalado Concha Velasco, todo lo contrario: es la vida de Miguel de Cervantes» («Потому что, прежде всего, я считаю, что то, что мы действительно отмечаем – в самом положительном смысле этого слова – это не смерть, а, как указала Конча Веласко, как раз наоборот: жизнь Мигеля де Сервантеса»). Парадокс основан на выразительном контрасте (антитезе) антонимов *fallecimiento* – *vida*. Если *fallecimiento* связано с уходом человека, одушевленного создания, то *vida* касается самого бытия. Скрытая стратегия речи короля состоит в том, что оратор не употребляет слово *muerte*, прагматически не совместимое с глаголом *celebrar*.

В речи Филиппа VI Сервантес изображается фигурой, объединяющей Испанию, важной составляющей национальной идентичности, символом единства страны: «Cervantes ha definido, como nadie, la esencia de lo que significa ser español» («Сервантес определил, как никто другой, суть того, что значит быть испанцем»). Плюралистический характер испанской идентичности подчеркнут в употреблении однородных членов предложения – перечислении составляющих Испанию земель, народов, языков. «Andariego como su creador, don Quijote recorrió muchos caminos de España — tierras castellanas, manchegas, andaluzas, aragonesas, catalanas –vertebrando su historia con dos ideas-madre: la libertad y el diálogo de las lenguas» («Странник, как и его создатель, Дон Кихот проехал много дорог Испании – кастильских, ламанских, андалузских, арагонских, каталонских земель — формируя свою историю двумя главными идеями: свободой и диалогом между языками»). В этосе короля лингвопрагматическим (неявным, подразумеваемым образом) обозначается приверженность единству и целостности страны.

Речи, посвященные 500-летию со дня смерти Антонио де Небрихи

Речь короля Филиппа VI, о которой пойдёт речь в данном разделе, была произнесена 21 февраля 2021 года в Королевском театре в Мадриде. Она посвящена пятистлетию со дня смерти Антонио де Небрихи (1444 – 2 июля 1522 гг.), испанского филолога и гуманиста.

Так же, как и речь, посвященная Сервантесу, это выступление начинается и заканчивается благодарностью слушателям.

Основная часть речи строится на перечислении и комментарии заслуг Антонио де Небрихи: «Su logro más conocido, la primera Gramática Castellana, de 1492, no ha de esconder, sin embargo, el trabajo que realizó en muchos otros ámbitos» («Его самая знаменитая работа, первая грамматика испанского языка, написанная в 1492 году, не должна скрыть, однако, работу, проделанную им в других направлениях») [\[3\]](#).

Среди других трудов Антонио де Небрихи король обращает внимание на «Апологию», которую называет примером актуальности идей мыслителя: «la libertad de pensamiento y de expresión, recogida en su libro Apología, que todavía resuena con fuerza hoy, en una sociedad que ha hecho de la democracia y del reconocimiento y la defensa de las libertades su razón de ser» («свобода мысли и выражения, отраженная в его книге «Апология», которая до сих пор находит мощный отклик в обществе, сделавшим демократию, признание и защиту свобод основой своего существования»). С помощью скрытого приема прагмалингвистики выявляется тип речевого поведения самого короля, признающего главными ценностями свободу мысли и выражения [\[15\]](#).

Примеры интертекстуальности в данной речи связаны с цитацией самого мыслителя: «"La

educación intelectual y moral debe anticiparse al uso de la razón”, dejó escrito» («“Интеллектуальное и нравственное воспитание должно предвосхищать использование разума”, — писал он»). Интересным кажется отметить, что Филипп VI использует слова Небрихи, чтобы подчеркнуть его значимость для развития педагогики, не упоминая, при этом, одну из самых известных, согласно Библиографическому словарю испанской Королевской академии истории, цитат мыслителя: «Siempre fue la lengua compañera del imperio» («Язык всегда был спутником империи»).

Продолжением использования скрытых форм речевого поведения автора, преследующего социально-политические цели единства страны может служить следующее высказывание короля: «Nuestra lengua, un patrimonio compartido por millones de hispanohablantes en todo el mundo, ha de ser ante todo un lugar de encuentro, integración, diálogo y acogida» («Наш язык, достояние миллионов испаноговорящих людей во всем мире, должен быть прежде всего местом встречи, интеграции, диалога и теплого приема»).

Для мемориального дискурса характерно разнообразие жанров - от выступлений на открытиях памятников или актах памяти, завещаний и свидетельств о смерти к мемориальному ландшафту городов (названия улиц, площадей, учреждений культуры, административных центров) [\[16\],\[17\]](#).

Заключение

Жанр мемориальной речи - устное выступление в память выдающегося деятеля культуры с обращением к присутствующим, последовательной положительной оценкой его деяний и выражением эмоций. Словесно-культурная практика мемориальных речей в Испании сосредоточена вокруг идеи памяти. В функциональном лингвопрагматическом аспекте выделены основные действующие лица, торжественно именуемые выдающимися деятелями истории и культуры, дается положительная оценка их идеологии и деяний, которые становятся образцами для счастливого будущего испанского народа.

Речи короля Филиппа VI, посвященные Сервантесу и Небрихе, относятся к мемориальному типу дискурса. Они произнесены с целью увековечения памяти лучших представителей испанской культуры.

Для речей характерна «внутренняя» и «внешняя» аргументация, построенная на логическом, рациональном доказательстве, экспрессивном убеждении и эмоциональном воздействии. Так, например, в речи, посвященной Антонио де Небрихе, для подтверждения значимости грамматиста использовано перечисление его достижений и трудов. Цели воздействия на слушателей служат эпитеты, убеждение производится посредством антитезы и повторов. Доказательство, убеждение и воздействие составляют эпидейктический, судительный и совещательный модусы содержания.

Выбор выразительных средств используется для неявной прагмалингвистической характеристики логоса, пафоса и этоса испанского короля - автора речи.

Библиография

1. Аристотель. Риторика. – М.: Лабиринт, 2005. – С. 15-17.
2. Ассман Я. Культурная память. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989. – 274 с.
5. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики. (Вступит.

- статья) // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
6. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса. Структура, семантика, прагматика. Курс лекций. – М.: Издательский дом ЯСК, 2020. – 312 с.
7. Ключев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). Пособие для высших учебных заведений. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 272 с.
8. Журавлёва Е. В. Стилистика испанского языка. – М.: МПГУ, 2019. – 148 с.
9. Михальская А. К. Основы риторики. – М.: Дрофа, 2001. – 496 с.
10. Волков А. А. Основы риторики. М.: Академический проспект, 2003. – 304 с.
11. Данилина В. В. Политическая риторика как научное направление // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2005. № 2. С. 88-104.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. – 440 с.
13. Котлова А. С. Персуазивный эффект тропов в политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – №. 12. – С. 162-166.
14. Меньшенина С. В. Классификация речей, жанры эпидейктической речи // Вестник ЮУрГУ, 2005, № 7 (47). С. 181-185.
15. Харламова Т. В. Динамика ритуализированных жанров в политическом дискурсе // Жанры речи, 2018, № 4 (20). С. 248-253.
16. Mata Ignacio Fernández de. In memoriam // Historia, antropología y fuentes orales, № 42, 2009. С. 93-127.
17. González Juan Jesús. Rodríguez Raquel. Castromil Antón R. A Case of Polarized Pluralism in a Mediterranean country. The Media and Politics in Spain // GMJ: Mediterranean Edition 5(1/2) Spring/Fall 2010. С. 1-9.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Испанские мемориальные речи в аспекте прагмалингвистики» интересна постановкой проблемы и эмпирическим материалом. Автор анализирует особенности ораторских выступлений испанского короля Филиппа VI, которые были произнесены им на памятных мероприятиях, посвященных юбилеям знаковых для испанской культуры деятелей – Сервантеса и Антонио де Небрихи. Актуальность данного исследования несомненна, причем не только в отношении испанской культуры, но и русской. Отечественные ученые, писатели, историки не раз указывали как на особый и непонятный всему остальному миру феномен «празднования» юбилеев смерти двух русских поэтов – Пушкина и Лермонтова, один из которых шумно отмечался в 1937 году, ко второму активно готовились в 1941 году, но финальных шумных торжеств не произошло из-за начавшейся летом войны. Данная статья свидетельствует, что наш опыт не уникален – в Испании также значимы юбилеи, связанные с годовщиной смерти писателя или ученого, когда кончина воспринимается как начало их жизни в вечности. Так что предмет исследования, цели и задачи, методика анализа перспективны, а само исследование обладает несомненной научной новизной, теоретической и практической значимостью. Оно выполнено на высоком научном уровне, имеет прочный теоретический фундамент. Безусловно, статья должна быть опубликована в журнале Litera, так как в основном поставленная цель достигнута, а анализ речей короля Филиппа VI создает объективную картину используемых им речевых стратегий и ораторских приемов. Кроме того, в работе охарактеризована специфика мемориального дискурса в целом. Однако многого в этой статье не хватило. Во-первых, всего лишь две речи короля – это все-таки

малый объем для анализа. Во-вторых, автор статьи оговаривает, что выступления были впоследствии опубликованы, при этом неясно – это была спонтанная речь монарха или же она произносилась по заранее написанному тексту. Если был письменный вариант, то кто его создавал – сам монарх или его спичрайтеры. Иными словами, какова степень его участия в поиске формы выступления, ораторских ходов. И что стало для автора статьи основой для анализа – письменный текст или устное выступление? Учитывались ли паралингвистические элементы выступления: интонация, жесты... В-третьих, целесообразно было бы сопоставить речи короля с выступлениями других ораторов. Почему из всех речей акцент сделан только на них? Как на них реагировала публика? В-четвертых, в статье хорошо проработана теория вопроса, но ее значительная часть никак не задействована в анализе эмпирического материала. Не уверена, что в данной статье был нужен экскурс в историю становления риторики как гуманитарной дисциплины (начиная с античности). Все высказанные выше соображения не влияют на общую оценку статьи. Добавлю, что она хорошо структурирована, читается с интересом, написана хорошим языком, достаточно фундирована. Материалы данного исследования будут интересны не только лингвистам, но и политологам, культурологам, специалистам по коммуникации.

Статья «Испанские мемориальные речи в аспекте прагмалингвистики» рекомендуется к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ярзада Б. Категории числа и рода и их текстовые функции в персидском и русском языках // Litera. 2025. № 2. С.371-391. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73277 EDN: ENVGKX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73277

Категории числа и рода и их текстовые функции в персидском и русском языках

Ярзада Биби Салиха

ORCID: 0009-0000-7342-4806

аспирант; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15

✉ salihayarzada07@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73277

EDN:

ENVGKX

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности грамматического рода и числа в персидском и русском языках с акцентом на их семантические и синтаксические характеристики. Особое внимание уделяется состоянию исследования рода в персидском языке, который до сих пор остается слабо изученным, особенно с учетом наличия множества диалектов с их уникальными признаками. В рамках работы анализируются различия в проявлении грамматического рода и числа в различных вариантах персидского диалекта, что позволяет выявить причины исчезновения этих категорий в некоторых из них. Исследование также нацелено на определение географических ареалов, где грамматический род сохраняется или утрачивается, что подчеркивает необходимость сравнительного анализа между языками. Таким образом, работа предоставляет широкий взгляд на взаимодействие лексических категорий и их

влияние друг на друга, создавая основу для дальнейшего изучения особенностей родовых и числовых признаков. Данная статья опирается на сравнительный анализ, когда оценка персидских единиц реализуется в сравнении с русскими категориальными показателями как в области функций, так и в сфере типологии единиц. Исследование категории рода и числа в русском и персидском языках проявляется в сравнительном аспекте, что позволяет выявить как сходства, так и фундаментальные различия. В частности, в русском языке категория рода имеет четкую лексико-грамматическую и семантическую составляющую, тогда как в персидском языке грамматический род игнорируется, а категории выражаются преимущественно семантически. Анализ показал, что, несмотря на значительные различия в синтаксическом функционале обоих языков, основные функции категорий рода и числа заключаются в уточнении и расширении значения языковых единиц. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе языковых систем с учетом их типологических особенностей и географических ареалов употребления. Впервые исследуются диалектные различия в проявлении грамматического рода в персидском языке и влияние географических факторов на его наличие или отсутствие. Кроме того, работа позволяет провести лексико-семантические параллели между языками и глубже понять различия в их структуре. Полученные выводы способствуют дальнейшему изучению эволюции грамматических категорий в языках разной типологической принадлежности.

Ключевые слова:

категория рода, категория числа, сравнение, категории, русский, персидский язык, числа, фарси, рода, язык

Введение

Сравнение категории рода и числа в персидском и русском языках представляет собой **актуальную** задачу, которая обусловлена как различием между языками, так и имеющимися сложностями в классификации языковых категорий, которые обнаруживаются в персидском языке. Причина возникновения этой проблемы преимущественно синтаксическая – сочетание существительного с прилагательными и числительными и в том, что в персидском языке фактически отсутствуют грамматические показатели рода. В современном мире растет актуальность переводческой деятельности, что приводит к необходимости сравнительного анализа между языками. Вместе с тем, категории различных по основанию языков, которыми являются фарси и русский язык порождают ряд трудностей, которые нуждаются в изучении.

Цель требует решения **следующих задач:**

1. Рассмотреть специфику категории числа в фарси.
2. Проанализировать особенности категории числа в русском языке.
3. Охарактеризовать категорию рода и числа в персидском языке.
4. Выявить сходства и различия в семантике, структуре и функционале данных категорий.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие **методы исследования:** методы теоретического анализа, используемые для систематизации фактического материала и выведения определённых закономерностей в процессе

описания; метод компонентного анализа, применявшийся для дифференциации категорий рода и числа от смежных категорий в обоих языках, когнитивно-прагматический метод, позволивший установить и описать когнитивные механизмы, лежащие в основе конструирования семантики, заключенной в категориях, а также сравнительно-сопоставительный метод, который позволяет говорить об общих и различных показателях категорий в русском и персидском языках.

Для того, чтобы получить необходимые данные, было проведено исследование на основе **материалов** Персидского речевого корпуса (Персидский речевой корпус <http://www.persianspeechcorpus.com/>) и Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>).

Теоретической базой исследования послужили труды российских и персидских авторов. Эта тема получила частичное отражение в ряде исследований сопоставительного характера [Всеволодова, Мадаени 1998], а также в лингвометодических работах [Прохорова 1980, Арифи 1985]. Способы выражения числа и рода в русском языке имеют яркую специфику, которая наиболее полно и ярко выявляется в зеркале другого языка. Также исследование грамматического очерка персидского языка содержится в работах Рубинчик Ю. А. "Грамматический очерк персидского языка" в "Персидско-русском словаре", а также Мошкало М. В. - сравнительный анализ содержится внутри раздела о персидском языке в издании "Языки мира: Иранские языки". Эти авторы предоставили важные материалы и исследования, которые были использованы для составления теоретической базы. Тем не менее, исследований, посвященных интересующему нас вопросу очень мало.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теоретическому, практическому, сравнительному языкознанию и при изучении морфологии языков. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по РКИ для иноязычных студентов.

Обсуждение и результаты

Данное исследование реализовывалось на основе Персидского речевого корпуса (Персидский речевой корпус <http://www.persianspeechcorpus.com/>) и Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>). В результате анализа было выделено 324 единицы, из которых 211 было на русском языке и 113 на персидском.

Первой категорией, которая подвергается анализу, стала категория рода. В ходе анализа было выяснено, что основная функция категорий – конкретизация информации о лексическом значении.

Персидский (фарси) является наряду с другими языками, такими как курдский, белуджский, талышский и др., языком индоиранской (точнее, западноиранской) ветви индоевропейской языковой семьи. Сегодня на нем говорят свыше 75 миллионов людей, и он является основным языком в Иране, Афганистане (наряду с пушту) и Таджикистане. В фарси применяется разновидность арабского алфавита в Иране и Афганистане, а также кириллица в Таджикистане. Одной из характеристик персидского языка является влияние арабского языка: фактически около 50% персидской лексики имеет арабское происхождение [\[11, с. 23\]](#).

Анализируя диалекты фарси, можно прийти к выводу о большом количестве его разновидностей. В персидском языке нет различия по полу (мужской или женский). Род обозначается лексическими средствами. Важно помнить о том, что и существительные, и местоимения не имеют грамматического выражения, а пришедшие из арабского языка суффиксы женского рода *ة* (произносится -а по-арабски) теряют свой указатель на род *ه* (произносится -е по-персидски). Несмотря на то, что многие единицы в персидском языке сохраняют заимствованную форму -at, она не имеет грамматического значения, а потому не указывает на род.

Так как в персидском языке нет понятий рода и падежа, он отличается своей аналитической структурой. Например, именные части речи в этом языке формируются с помощью послелогов, приставок или предлогов, а также изафета, поэтому для персидского языка синтаксический контекст имени прилагательного, его связи со служебными словами в словосочетании будет обладать существенной значимостью для лексико-семантического содержания соответствующего слова.

Также нет заметных формально-морфологических отличий между существительными и прилагательными. Одно и то же слово может относиться и к одной и к другой части речи, в зависимости от его семантического значения, так как у него отсутствуют формальные характеристики. Например, слово "скучный" может использоваться как прилагательное для описания чего-либо, что вызывает скуку. Например: "скучный фильм." [Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>]. Однако, в определенном контексте, оно также может быть использовано как существительное, обозначая человека, который скучен или скучает. Например: «Он – скучный». Однако в персидском языке "خوب" (khoub) – слово может служить как прилагательным, так и наречием. Например: "کتاب خوب" (хорошая книга). Также оно может использоваться как существительное, обозначая хорошего человека или добряка. Например: "او خوب است" (он - добрый). Из-за отсутствия явных морфологических признаков, которые бы указывали на принадлежность слов к определенной части речи, единственным методом определения части речи этих слов является анализ их семантического значения и синтаксических особенностей в контексте предложения [7].

С семантической точки зрения, некоторые единицы, которые передают качество, могут быть как прилагательными, так существительными. Эта неоднозначность связана с тем, что они могут одновременно обозначать как свойство, так и субъект. Это проявляется в морфологических свойствах этих слов, которые могут быть использованы в разных контекстах.

Рассмотрим несколько примеров:

1. "Учитель" (معلم - "mo'allem") данное существительное может также использоваться для описания качества. Например, معلم خوب است (malam khob) "Учитель хороший" может быть понято как معلم خوب "хороший учитель." Здесь слово "учитель" функционирует как существительное и прилагательное одновременно.
2. "Книга" (کتاب - "ketaab") это существительное может также указывать на свойство чего-либо. Например, "Книга интересная" может быть интерпретировано как "интересная книга." В данном случае, слово "книга" имеет двойное значение как существительное и прилагательное. Примерами может стать کتاب جالب интересная книга или کتاب خوب хорошая книга.

Таким образом, в персидском языке семантическая гибкость слов позволяет им

функционировать в качестве существительных и прилагательных, создавая некоторую неоднозначность, которая может быть разрешена контекстом предложения. Приведем несколько примеров: Прилагательное بزرگ [bozorg] - большой: کتاب بزرگ [ketab-e bozorg] - большая книга. Существительное: بزرگ [bozorg] - взрослый. Может быть реализовано в таком примере, как بزرگان [bozorgān] - взрослые [6].

Прилагательное: کوچک [koček] - маленький. Например: کتاب کوچک [ketab-e koček] - маленькая книга. Существительное: کوچک [koček] - ребенок, дитя. Например: کوچکان [kočekān] - дети. Прилагательное: خالی [xāli] - пустой. Например: قاب خالی [qāb-e xāli] - пустая коробка. Существительное: خالی [xāli] - вакансия: خالیات [xāliyāt] - вакансии.

Прилагательное: آزاد [āzād] - свободный. Например: مرد آزاد [mard-e āzād] - свободный человек. Существительное: آزادی [āzādi] - свобода. Прилагательное: مجازی [mojāzi] - виртуальный. Например: مجازیات [mojāziāt] - виртуальные объекты. Существительное: مجازی [mojāzi] - метафора. Эти примеры демонстрируют, как одно и то же слово может выполнять разные функции в предложении в зависимости от его использования и контекста.

Это делает персидский язык уникальным и интересным с точки зрения грамматических особенностей.

В персидском языке прилагательные обладают определенными характеристиками, которые отличаются от русского, что может влиять на восприятие и использование языка. Однако, для носителей персидского языка освоение русской грамматики представляет собой определенные трудности, связанные с необходимостью адаптации к различиям в грамматических структурах и функциях прилагательных [2].

Арабские прилагательные также теряют свой род в персидском языке. Но, проанализировав особенности представления рода в грамматике, мы приходим к выводу, что иногда существуют разные слова для существительных мужского и женского рода:

خروس xorus/ петух

مرغ morğ/курица

مادیان mâdiyân/кобыла

نوکړ powkar/камердинер, слуга, слуга

کلفت kolfat/горничная, горничная, служанка

Для животных пол может обозначаться прилагательными нар (мужской род) и мадде (женский род):

شیر šir/ лев, львица

شیر نر šir-e nar/лев (букв. самец льва)

شیر ماده šir-e mādde/львица (букв. самка льва)

Для людей род может обозначаться такими словами, как мард (мужчина), зан (женщина), пезар (мальчик) и докстар (девочка)

بازیگر bâzigar/актер, актриса

بازیگر مرد bâzigar-e mard/актер

بازیگر زن bâzigar-e zan актриса

پزشک pezešk/доктор, женщина-врач, врач

پزشک مرد pezešk-e mar/доктор

پزشک زن pezešk-e zan/докторская степень

دانشجو dânešju/студент, студентка

دانشجوی پسر dânešju-ye pesar/студент

دانشجوی دختر dânešju-ye doxtar/студентка

Расхожие сочетания вроде «наша врач» («دکتر ما») или «хорошая врач» («دکتر خوب») или во фразах: «Беседовал с врачом» («با دکتر ما صحبت کرد») говорят о том, что слово по семантике относится к женскому роду [14]. А притяжательное местоимение, которое к нему примыкает, выражено в фарси лексемой (наша) ما. Очевидно, что в приведенном примере категория рода реализована больше в семантическом аспекте, чем в грамматическом [16].

В русском языке отмечается три рода: мужской, женский и средний. Русские слова, обозначающие людей, распределяются как на основании грамматики, так и на основании семантики (например, дочь будет иметь семантику женского рода, а брат – мужского).

Род в русском языке, напротив, является очень важной категорией, которая отражает как семантику, так и грамматику [17].

Приведем следующие общие правила, которые позволяют выделить род значительной части слов в проанализированном нами корпусе:

1. В мужском роде существительные чаще всего оканчиваются на согласную
2. Имеющиеся окончания на -а или -я, либо на ь в женском роде
3. Средний род всегда обнаруживает окончание на -е, -е или -о.

Анализ позволяет отметить, что приведенные ниже правила не касаются имен и фамилий, которые относятся к тому же роду, что и человек, их носящий, независимо от их окончания.

4. Существительные, оканчивающиеся на согласную (без мягкого знака). Все выделенные нами существительные имеют мужской род. Например: бассейн, дом, котёнок, пылесос, лентяй.

5. Существительные в -а могут быть мужского или женского рода, существительные в -я могут быть любого рода. Но не паникуйте, это не так сложно, если мы знаем значение этого слова [18].

Среди выделенных нам примеров могут быть такие как книга, роса, аллергия, лампа, неделя, штука, женщина, девочка, муха, крыса.

Существительные мужского рода, оканчивающиеся на -а/я, относятся к людям мужского пола: мужчина, папа, дядя, дедушка, корпусный анализ позволил отнести к мужскому роду также имена и уменьшительные формы мужских имен, такие как Никита, Илья,

Мiша, Дiма и Алёша.

Отличительной особенностью русского языка становится также и наличие лексем общего рода, отнесенность к определенному полу которых относится в зависимости от семантики. В частности, в качестве примеров можно выделить такие лексемы как пьяница или сирота. Более того, правило это становится показательным и для многих форм имен: Саша (Александр или Александр), Жёня (Евгений или Евгения). В то же время слово жертва всегда женского рода [\[13\]](#).

Наконец, существительных в выделенных примерах, оканчивающихся на -я, настолько мало, что можно привести их исчерпывающий список (остальные слова — архаичные слова): бремя, время, вымя зная, имя, пламя, племя, семя, стреля, теля. Все эти слова относятся к среднему роду, а я в этих словах происходит от древней носовой гласной, отсюда и -н-, которые встречаются в склонении.

Слова, оканчивающиеся на о, е, ё, почти все являются словами среднего рода: озеро, слово, солнце, сердце, белье, сырье. Существительные на -ие, которые могут быть образованы от всех глаголов, являются существительными, которые образовались от глаголов – возмущение, устранение [\[3\]](#).

Исключение из правила составляют существительные с уничижительными или уменьшительными суффиксами в мужском роде, выделенные в корпусе русского языка составляют исключение из распределения по родам. Но эти слова встречаются в русском языке не так часто.

Слово кофе мужского рода. Однако так много людей используют его как существительное среднего рода, что сейчас кажется, что средний род принят нормой, даже если пуристы не принимают данную точку зрения. Напротив, кафе (кафе – заведение) очень нейтральное.

Самый сложный случай родового распределения, который был выделен в контексте - слова, оканчивающиеся при написании мягким знаком, могут быть мужского или женского рода, и не всегда можно угадать. Тем не менее, стоит выделить несколько правил [\[19\]](#).

Слова, обозначающие женщин, - женского рода (мама – мать, доча – дочь), слова, обозначающие мужчин, - мужского рода (начальник, гость – гость).

Наконец, остается случай с *pluralia tantum*, словами, существующими только во множественном числе, оканчивающимися на -и, -ы, -а, -я. Их род не всегда можно определить, поскольку прилагательные, местоимения и глаголы не имеют разных форм в зависимости от рода множественного числа, но род обычно определяет форму родительного падежа множественного числа. Примерами могут быть следующие слова: щипцы → щипцов (мужской род), деньги → денег (женский род), отруби → отрубей (мужской род), ворота → ворот (средний род).

Проанализируем также особенности представленности числа в персидском и русском языке. Так же, как и в русском языке, в персидском языке есть два числа: единственное и множественное. Но, в отличие от русского языка, в персидском часто добавляется еще так называемое общее число [\[4\]](#).

Как показывает Рисунок 1, общее число сочетается с единственным, что приводит к системе общее/единственное против множественного числа.

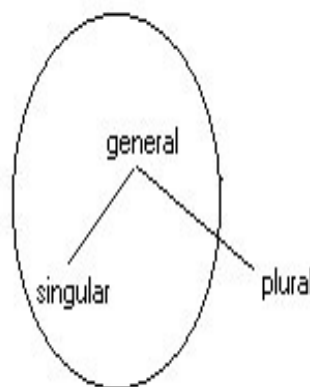

Рисунок 1: Персидская система с общим/единственным и множественным числом

Общее число обозначает число реальных с единственным склонением (нулевое склонение), чтобы указать семантически на единую категорию, которая является общей для лексем.

Таким образом, в фарси форма указывает на общность неких предметов, которые реализуются в контексте. Если в западных языках на это указывает артикль, в русском языке грамматика, то в фарси речь идет преимущественно о семантике, когда принадлежность к числу определяется, исходя из контекста.

اینجا یک گرگ است (**единственное число**) /здесь волк

اینجا یک/گرگ/گرگ است (**общее число**) /«Здесь есть волк/волки».

Для обозначения множественного числа фарси использует две схемы – указание на то, что мы имеем дело с именным образованием, с одной стороны, тогда как с другой тесно связан с совмещением предиката и аргумента. Единственное число не маркируется в фарси никак. Отнесенность к числу, таким образом, может быть восстановимо из контекста [5].

Что касается специфики маркировки множественного числа, то очевидно, что она мало определяется грамматически. Исключением из данного правила становится реальный контраст между суффиксами «-ha» и «-an», который встречается в формальном варианте литературного языка.

В приведенных примерах «-ha» реализуется со всеми именами, в то время как «-an» может употребляться только с одушевленными предметами. В разговорной речи суффикс «-an» реализован достаточно редко. В противовес ему реализуется суффикс «-ha» (обычно сокращенный до «-a»), который заменяет все приведенные ранее значения.

Таблица 1: Маркеры множественного числа для одушевленных и неодушевленных существ в формальном/литературном персидском языке

	Одушевленные	неодушевленные
-ха	мард х а (мужчины), зан х а (женщины), шир х а (львы), деракст х а (деревья)	дард х а (боли), тан х а (тела), т и р х а (стрелы), ракст х а (одежда)

-ан	Мард <i>ан</i> , зан <i>ан</i> , ширан , деракст <i>ан</i>	* дард <i>ан</i> , *тан <i>ан</i> , *тир <i>ан</i> , *ракст <i>ан</i>

Семантические категории упорядочены в импликационной иерархии, так что если элемент, например, реализован суффикс множественного числа " -*ha* ", который указывает на положение живого существа в иерархии (примером могут стать единицы, которые принадлежат к иерархии категории *человек*), суффиксы в таких словах косвенно указывают на *человека* (например, *род*), но не обязательно говорят только о человеке, отражая и другие качества, например, *одушевленный*.

Прилагательные в персидском языке семантически соотносятся с одушевленными и неодушевленными функциями. С помощью этих форм они выражают значение рода, числа и падежа в тексте определяемого ими существительного, т.е. прилагательные всегда согласуются с данным существительным по роду (и продолжительности), числу и падежу.

Прилагательные могут быть прилагательными, предикатами или дополнениями в предложении. Прилагательные имеют иные формы в сказуемом, а также в его развивающем причастии и в дополнении, чем в случае прилагательного. Это формы так называемые именные. Существуют также субстантивные прилагательные иногда прилагательное используется вместо существительного, и в этом случае оно имеет те же грамматические значения, что и существительное, может быть подлежащим или дополнением в предложении, а также может развиваться прилагательным.

Так называемые субстантивные формы имеют окончания твердых субстантивных типов склонения (всех родов), т.е. господин, замок, женщина, город. В настоящее время они употребляются не очень часто, в основном исключительно в именительном падеже или в архаической стилизации и в винительном падеже они скорее являются признаком более высокого стиля. Другие падежи им не нужны, так как их нельзя использовать в составе прилагательных. Иногда существительная форма прилагательного семантически отходит от сложных форм, обычно приобретая модальное значение и валентность. Например, приданое как форма существительного, образованного от прилагательного.

Именные формы имеют только некоторые прилагательные твердого склонения, а именно некоторые прилагательные без суффикса, например - جوان، مهربانی، سالم، جوان - مرده، پیری - پیر راضی، موظف، خوشحال، مرد، مهربان و т. д., а также некоторые прилагательные, здоровый, красивый, доброта - добрый, смерть - мертвый, старость - старый и т. д., редко формируется иначе, как بزرگ، گرم، کامل، عمومی، مرد، فلزی / توانا / سلامت / Большой, маленький, черный, горячий, полный, общий, мужской, металлический и т. д.

Притяжательные прилагательные в некоторых случаях имеют только именные формы.

Именительные формы употребляются чаще всего в мужском роде единственного числа; например, можно сказать, что *آنها سالم هستند*, *او سالم است*, но *او فقط پیر است* / *آنها پیر هستند*. Они мертвы, а он просто старый. Кроме того, в предложениях с инфинитивом или придаточным предложением обычно встречаются лишь некоторые формы существительного среднего рода, например возможно, ясно, трудно и т. д. (например, трудно так быстро решить, наверняка, что ты ошибся); исключение лишь кажущееся, потому что эти формы можно понимать как наречия» [\[6\]](#).

По своим семантическим, морфологическим и синтаксическим свойствам все слова языка группируются в категории, называемые частями речи. С композиционной

(функциональной) точки зрения для отдельных частей речи важно, могут ли они выполнять в предложении функцию придаточного предложения.

Функцию предложения могут выполнять только части речи, имеющие полное лексическое значение. Таким образом, предложения обычно можно определить как функции автосемантических слов в предложении.

Синтаксические функции отдельных частей речи определяются их общим значением. Так, например, общее значение прилагательных предполагает, что в предложении они могут выполнять прежде всего функцию придаточного, определяющего существительное. Это в первую очередь прилагательное» [12].

Прилагательное имеет определительную функцию и выполняет функцию атрибута.

Мы знаем, что базисные предложения — это те, которые являются непосредственными участниками выражения предикатного действия. В одночленном предложении имеется один член, который является основным членом одночленного предложения. Поскольку мы анализируем прилагательное, то в данном случае основной член одночленного предложения выражается просто существительным (без союза, который даже добавлять нельзя) - Особый. Красивый *آنها مردند* *او سالم است*, *آنها سالم هستند*.

Именительная часть сказуемого в том числе образована прилагательным. Прилагательное всегда стоит в именительном падеже с союзом быть. Если у прилагательных сохранились формы существительных, то они употребляются рядом со сложными формами: *غمگین* - *خانم غمگین بود*; *متاهل* // *مجرد* // *از موفقیت مطمئن بود*. *کهنه است* / Он был уверен в успехе. Холост // Женат; Дама была грустная — грусть старит.

В некоторых прилагательных номинальные формы используются для обозначения действующего в данный момент переходного состояния. В отличие от этого, при сложных формах оно выражает главным образом постоянное, постоянное свойство, не привязанное к времени предикации, но они могут употребляться и вместо именных форм:

من سالم هستم

من از این خوشحالم.

او همیشه خوشحال است.

او گناهی ندارد

او تصمیم گرفت آن روز آپارتمان را ترک نکند.

همه آنها از این موضوع شگفت زده شدند

او برای این نگرانی ناآماده نبود

نشست و جایی پنهان شد

و در اینجا اشکال پیچیده گسترش می یابد:

آنها از اینکه به آنها اجازه ورود به اتاق (گلازاروف) داده شد بسیار شگفت زده شدند.

آنها به خوبی برای امتحان آماده شده بودند.

Я здоров.

Я рад этому.

Он всегда счастлив.

Он не виновен.

В тот день он решил не выходить из квартиры.

Все были этим удивлены.

Он не был не готов к такому беспокойству.

Он сел и где-то спрятался.

Прилагательное — это гибкий тип слова, который обычно указывает на признак (объект, человека, предмет) и семантически и грамматически связан с существительным или местоимением, значения или характеристики которых:

خانه جدید، بزرگ، چوبی، جادار، زیبا، دنج، آبی است.

...اتاق روشن، بزرگ، جادار، کودخانه، کوچک، آبی

...دریا گرم، شور، عظیم، عمیق، سیاه، زیبا، آبی

Дом новый, большой, деревянный, просторный, красивый, уютный, синего цвета.

Светлая, большая, просторная, детская, маленькая, голубая комната...

Море теплое, соленое, огромное, глубокое, черное, красивое, синее...

Обычно форма прилагательного является существительным или существительными и словосочетаниями типа согласования (конгруэнтности), что означает, что одно слово является так называемым главным и определяет грамматическую категорию слов второго, подчинённого, и поэтому все грамматические категории прилагательных зависят от категорий существительных или местоимений.

Грамматическая зависимость прилагательных от существительных является полной (см. примеры выше), таким образом, прилагательные согласуются с существительными по роду, числу и падежу, только во множественном числе род становится нечётким, и для всех прилагательных возможны семантические примеры: خانه های جدید/اتاق/دریا، خانه های بزرگ/اتاق/دریاها.

С точки зрения словообразования прилагательные чаще всего образуются суффиксальным (شیشه ای، چوبی، بارانی، کودخانه)، префиксальным (فوق مدرن، غیربهداشتی)، суффиксально-префиксальным способом (کنار دریا، رومیزی) (قطبی، زیبا) или суффиксально-префиксальным способом (راه آهن، روسیه-چک، قهوه ای روشن)، неморфологическим путём соединения двух слов: افراد امضا شده در زیر = امضا شده، آدرس بالا = به عنوان مثال، موفقیت های برجسته، چشم های خندان. С точки зрения синтаксиса прилагательные чаще всего выполняют функцию определения или именной части сказуемого.

Приведенные суффиксы, таким образом, реализуются не столько как отражение числа, но, скорее становятся семантическим маркером, который характеризует особенности одушевленности или неодушевленности участников контекста.

Глаголы отмечены как важные как для единственного, так и для множественного числа. В Таблице 2 приведены примеры верного употребления суффикса, который определяется

особенностями признака подлежащего. Что касается третьего лица единственного числа, то тут логичнее говорить о форме.

Таблица 2. Особенности реализации лица в русском языке и фарси

	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Единственное число	"Я пошел" من رفتم	"ты пошел" تو رفتی	"он/она пошла" او رفت
Множественное число	"мы пошли" ما رفتیم	"ты пошел" تو رفتی	"они пошли" آنها رفتند

Подобно маркировке имени в литературном персидском языке, глагол также указывает семантически на число. В случае употребления с подлежащими множественного числа, глагол также будет указывать на множественное число.

С другой стороны, для множественного числа неодушевленных подлежащих глагол может быть единственным числом. В русском языке такие реалии не могут быть реализованы:

مردان به خانه می برگشتند «Мужчины вернулись домой».

کتاب ها فروش ضعیفی داشتند Книги продавались плохо.

Стоит учесть также и случаи исключения. Например, употребленный в фарси с неодушевленным существительным глагол с окончанием единственного числа говорит о том, говорит о том, что лексемы распределены как по виду и времени.

کولباسی سوخته (نه لوبیا) Колбаски сгорели (не фасоль).

کولباسی ها سوخته اند Колбаски сгорели.

Содержание высказывания говорит о том, что сосиски сгорели все вместе при жарке на одной сковороде и готовятся они в одно и то же время, что позволяет их рассматривать как единое образование.

Такие характеристики говорят о том, что восприятие числа в фарси достаточно субъективно. Именно говорящий на фарси решает, какие единицы относятся к единственному или множественному числу.

Реализация в персидском языке системы — вопрос не из легких. История коллективной/дистрибутивной интерпретации через единственное и множественное число представляет еще большую трудность.

Тексты, выбранные из иранского корпуса языка, открыто используют глагольную флексию единственного числа для неодушевленных существительных:

مغازه ها باز شده و بازارها فعالیت عادی خود را از سر گرفته اند. Магазины открылись, а рынки снова начали свою обычную работу.

مذاکرات به مرحله روشنی رسیده است. Переговоры достигли ясной стадии.

Несмотря на это, для тех неодушевленных объектов, которые обычно ассоциируются с людьми, например, автомобили, автобусы и правительства, предпочтение отдается постоянно используемой языковой конструкции.

اتوبوس ها در خیابان های شهر حرکت کردند. Автобусы ездили по улицам города.

Все транспортные средства должны немедленно переместиться на правую сторону дороги и остановиться.

...همه دولت هایی که با ایران روابط (دیپلماتیک) دارند. Все правительства, имеющие (дипломатические) отношения с Ираном...

Кинотеатры также открыты. سینماها نیز باز هستند.

Очевидно, что такие неодушевленные предметы ассоциируются здесь с людьми как волевые/автономные сущности, что делает необходимым склонение множественного числа. Хотя неодушевленные предметы не персонифицированы, как у А. Руми ^[2], теперь они возведены в статус (человеческих) одушевленных предметов посредством вмешательства людей, осуществляющих контроль.

Данные о согласовании чисел и рода взяты из двух эпох в истории языка, которые отличаются своими лексическими, синтаксическими и стилистическими предпочтениями, а именно: персидская классическая проза, датируемая XI - XIV веками н. э., включая перевод Монши с арабского «Келиле ва Демнех» (XI век), которая реализуется как произведение о животных, написанное изначально на санскрите. Отдельно следует отметить также произведение Руми «Фих-е Ма Фих» (XIII век), которое характеризуется как произведение по мистицизму и «Асас аль-Эгтебас» Туси (XIV век) – основное произведение по логике. Дополнительно также добавлены примеры из иранской современной журналистике.

Логика выбора этих эпох заключается в том, что маркировка числа и рода в персидском языке, по-видимому, радикально не изменилась за этот период продолжительностью около 1000 лет. Ожидается, что анализ прольет свет на вопрос ассоциации числа с такими семантическими характеристиками, как одушевленность в персидском языке. Обратимся к анализу результатов.

Там водилось много дичи, и охотники часто спорили из-за этого места. Такие предложения были отброшены при анализе, поскольку они маркировали множественное число только в качестве имен подлежащих.

За исключением трех конечных предложений, все остальные предложения как в классических, так и в современных прозаических корпусах последовательно склоняются с помощью множественного числа, если субъект множественного числа является одушевленным существом. Исключительные случаи приведены ниже, причем субъект множественного числа выделен жирным шрифтом, а соответствующий глагол — курсивом:

سه ماهی در استخر بود. В бассейне было три рыбы.

Среди ворон было пять, известных своей высшей мудростью. در میان کلاغ‌ها پنج نفر به حکمت عالی معروف بودند

این دو اردک که پشت سر شاه پرواز می‌کنند و در مقابل او فرود می‌آیند دو اسب هستند که به عنوان هدیه به پادشاه کلنجر آورده شده‌اند. Эти две утки, летящие за королем и приземляющиеся перед ним, — две лошади, принесенные королю Календжара в дар

Мы можем отметить последовательное использование единственного числа для всех глаголов, пока подлежащее было неодушевленным существом множественного числа:

Двери пропитания были открыты для меня. درهای روزی بر من باز بود

Дожди стали частыми. باران‌ها مکرر شد

Прошло несколько дней. چند روز گذشت

Одни значения включены в другие. برخی از مقادیر در برخی دیگر گنجانده شده است

Вещи бывают только четырех видов. فقط چهار نوع چیز وجود دارد

Его глаза, волосы и зубы исчезнут. چشم‌ها، موها و دندان‌هایش ناپدید می‌شوند

Данные характеристики говорят о том, что распределение по числам реализуется на основании категорий одушевленности и неодушевленности.

Интересно, что для множества неодушевленных предметов также показательным становится употребление глагола в единственном числе.

Если таких окон нет... اگر چنین ویندوزی وجود نداشته باشد

Небеса не смогли взять на себя такую ответственность. بهشت نمی‌توانست چنین مسئولیتی را به عهده بگیرد

Горы предлагают различные рудники. کوه‌ها معادن مختلفی را ارائه می‌دهند

С другой стороны, мы также можем обнаружить случаи явной аномалии, когда словоизменение множественного числа используется для множественного числа неодушевленных существительных:

Небо и земля покорены Его словом. آسمان و زمین تحت فرمان او

Открыты рудники золота и серебра, а также рубина и топаза. معادن طلا و نقره و همچنین یاقوت و توپاز کشف شده است

Мысли (подобны) птицам в небе. افکار (مانند) پرندگان در آسمان هستند

Ваши качества — любители истины. صفات شما دوستداران حقیقت هستند

Как только призраки улетают, истины открывают свое лицо. هنگامی که ارواح دور می‌شوند، حقایق چهره آنها را آشکار می‌کند

Однако даже здесь числа вообще не находятся в свободном варьировании. Как и во многих других случаях с множественным числом неодушевленных и глагольным словоизменением множественным числом в этом корпусе, подлежащее предложения является конъюнкцией некоторых других множественных имен. Поскольку любой из этих соединенных элементов является множественным числом неодушевленных, рассматриваемых изолированно как единое целое, например, "небо", آسمان, можно с

уверенностью сказать, что множественное число в таких случаях отражает статус подлежащего как конъюнкцию двух или более имен, слишком разнородных, чтобы воспринимать их как единое целое; отсюда и маркировка множественного числа.

Это делает единственное число нерелевантным, и преобладает множественное число. Что касается иерархии одушевленности, линия разделения между числами уже начала смещаться вправо в область неодушевленных. Кажется, что сейчас в языке присутствует раскол, обусловленный осознанной автономией/волей, а не просто одушевленностью.

Аналогичным образом, более поздние прозаические тексты, случайно выбранные из ежедневной газеты Ettela'at, продолжают использовать единственное число для неодушевленных существительных во множественном числе, которое очень близко по форме к русскому языку, пока они рассматриваются как коллективные сущности, не обладающие собственной автономией:

سیاست های اساسی کشور پس از انتخاب رئیس جمهور جدید تغییر نمی کند. Основная политика страны не меняется после избрания нового президента.

تهدیدها و توطئه های قدرت های جهانی هیچ اثری نخواهد داشت. Угрозы и заговоры мировых держав не дадут никакого эффекта.

کارت های بانکی برای همه گروه های سنی در نظر گرفته شده است. Банковские карты предназначены для использования всеми возрастными группами.

С другой стороны, как только неодушевленные предметы рассматриваются как автономные сущности — независимо от того, связаны ли они с людьми, контролирующими их, или нет — глагол может реализовываться во множественном числе:

محلہ های بان برز، بان بور، سبزی آباد، ...، محلہ های واقع در حاشیہ شهر، 540 هکتار وسعت دارند. Бан Барз, Бан Бур, Сабзиабад, ..., кварталы, расположенные на окраинах города, занимают площадь в 540 гектаров.

رسانه ها نقش مهمی در گسترش بی اخلاقی داشته اند. Средства массовой информации сыграли важную роль в распространении безнравственности.

را می دهند TM سایر کارت های بانکی به شما امکان برداشت حداکثر تا 200000. Другие банковские карты позволяют снимать деньги максимум на сумму 200 000 TM.

Если сущность одушевленная, она неизбежно исчисляема, но не обязательно человеческая. Склонение персидского глагола единственного и множественного числа служит маркером этой семантической иерархии.

Данные показывают, что для имен как в классической, так и в современной прозе персидского языка применяется в корне иерархия, так что, если сущность исчисляемая, она может быть отмечена как множественное число. Для глаголов в классической прозе язык, как правило, разделен на одушевленность, так что если одушевленный субъект имеет множественное число, то следующий за ним глагол также будет иметь множественное число. Напротив, если субъект множественного числа неодушевленный, то глагол будет отмечен как единственное число.

Такие концептуализации неодушевленных сущностей нередко близки для персидского языка, как использование психоглаголов для сущностей в языке Алисы в Стране чудес. В более умеренных случаях это может быть ограничено использованием глагольных окончаний для множественного числа неодушевленных существительных в персидском

множественное число подчеркивает личную индивидуальность внутри группы» [\[15\]](#).

دولت در حال کاهش خسارات خود است. Правительство сокращает свою потерю.

Здесь снова «единственное число собирательных существительных имеет согласование с глаголом во множественном числе в тех случаях, когда говорящий думает о группе как о состоящей из отдельных индивидов» [\[4\]](#).

Иконическая ассоциация любой из форм с соответствующим способом ментального переживания события также является привлекательным объяснением семантических различий между единственным и множественным в английском языке:

تیم ما برنده می شود. Наша команда побеждает.

ورزشکاران ما برنده می شوند. Наши спортсмены побеждают

تیم ما وارد میدان می شود. Наша команда выходит на поле.

Иконичность, по-видимому, является правильным ответом на этот вопрос. И единственное число, и коллективность имеют общее свойство единства. Аналогично, множественное число и дистрибутивность разделяют понятие множественности. Различие между единственным и множественным числом, отмеченное в имени, не оставляет места для таких маневров, как те, что обсуждались ранее, потому что они уже нужны нам для обозначения субъекта как единственного или множественного числа.

Заключение

Таким образом, хотя существует большое различие в функционале персидского и русского числа и рода, мы можем говорить о том, что основная функция – расширять значение существительного и уточнять его, все же соблюдается. В то же время категория числа и рода в фарси отличается именно семантической определенностью, а не морфологией.

В персидском языке основными грамматическими категориями, выражающими субстантивность существительных, являются категория числа и выделенности. Система склонения существительных и категория рода отсутствуют. В русском языке существительные характеризуются категориями рода, падежа и числа.

В персидском языке при неодушевлённом подлежащем во множественном числе сказуемое не уподобляется ему по форме и может выступать в единственном числе. Определяющим фактором соответствия форм числа двух главных составов в предложении является характеристика подлежащего в плане одушевлённости/неодушевлённости.

Категории рода в русском и персидском языках также отличаются. В русском языке грамматический род выражается морфологическими и синтаксическими средствами. Все существительные делятся в основном на три группы: слова мужского, женского и среднего рода. В персидском же языке для выражения родовых различий используются лексемы и специальные термины: лексические единицы, обозначающие мужчин и обозначающие женщин, которые прибавляются к началу или к концу слова. Кроме того, в русском языке прилагательные могут служить средством обозначения пола некоторых несклоняемых существительных, а также слов общего рода, а в персидском языке за неимением категории рода прилагательные не способны выполнять подобной функции.

Работа имеет перспективы исследования. В первую очередь следует осуществить сравнение категорий на современном этапе. Можно провести сравнение также в диахронии, отследив, как происходило развитие категорий в обоих случаях.

Библиография

1. Biook B., Robabeh M. Z. A contrastive Critical Analysis of Iranian and British Newspaper Reports on the Iran Nuclear Power Program. – Systemic Functional Linguistics in Use, OWPLC 29. – 2008. – P. 42-52.
2. Talmy, L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms./ L. Talmy // Shopen (ed.) 2023. – 411 p.
3. Болдырев, А.В. Персидская хрестоматия. Ч. 1. / А. В. Болдырев – Москва: В университетской типографии, 2022. – 400 с.
4. Ким, Г.Ф., Шастико П.М. История отечественного востоковедения до середины XIX века. / Г. Ф. Ким, П. М. Шастико – Москва: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. – 435 с.
5. Пейсигов, Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка / Л.С. Пейсигов. – Москва: Либроком, Едиториал УРСС, 2016. – 200 с.
6. Расторгуева, В. С. Этимологический словарь иранских языков = Etymological dictionary of the Iranian languages – Москва.: Восточная лит., 2000 – Т. 2: В – Д. – 2003. – 501 с.
7. Рубинчик, Ю.А. Современный персидский язык / Ю. А. Рубинчик. – 2024. – 142 с.
8. Щеглова, О. П. Литографское книгоиздание на персидском языке в Туркестане и Бухаре / О.П. Щеглова. – Москва: Нестор-История, 2016. – 246 с.
9. Эдельман, Дж.И. Иранские и славянские языки: исторические отношения. – Изд. 2-е, доп. – Москва: URSS: Ленанд., 2018 (cop. 2017). – 229 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают категории числа и рода и их текстовые функции в персидском и русском языках. Несмотря на то, что на сегодняшний день формальные и семантические парадигмы именных грамматических категорий достаточно полно описаны и многие вопросы функциональной грамматики уже утратили научную перспективу, данное исследование видится актуальным в силу его сравнительно-сопоставительного характера (изучаются и сравниваются грамматические категории рода и числа существительных в двух разноструктурных языках: русском и персидском), а также дискуссионности (в традиционных грамматиках персидского языка отсутствует категория рода; родовые понятия выражаются лексическим путем).

Теоретическую основу исследования составили работы таких российских и зарубежных ученых, как А. В. Болдырев, Е. Э. Бертельс, Г. Ф. Ким, П. М. Шастико, В. А. Плунгян, Ю. А. Рубинчик, О. П. Щеглова, Л. С. Пейсигов, А. К. Усмонов, Дж. И. Эдельман, Леонард Талми, В. Biook, М. Z. Robabeh и др. Библиография статьи включает 20 источников, однако только 7 из них носят собственно научный характер, остальные представляют собой учебники, хрестоматии, грамматики, словари, что является недостаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике (что и наблюдается в представленном материале). Обращаем внимание, что в рукописи отсутствуют ссылки на большинство источников, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые !упоминаются! в тексте статьи». Также

автору(ам) следует изучить требования редакции в части оформления ссылок на библиографический список и привести их в соответствие («ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]»).

Эмпирическим материалом послужили Персидский речевой корпус и Национальный корпус русского языка. В результате анализа выделено 324 единицы, из которых 211 было на русском языке и 113 на персидском. Для достижения поставленной цели (провести «сравнение категорий рода и числа в персидских и русских единицах как с точки зрения семантики, так и с точки зрения структуры и функций, которые выполняются единицами в текстах») использовалась комплексная методика, включающая наблюдение, обобщение, системный анализ, описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили рассмотреть специфику категории числа в фарси; разобрать особенности категории числа в русском языке; выявить сходства и различия в семантике, структуре и функционале данных категорий.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как лексикология, функциональная и практическая стилистика, переводоведение, а также в изучение категорий рода и числа в разноструктурных языках.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения материала тяготеет к научному типу. Однако в рукописи встречаются стилистические и прочие недочеты: «И снова иерархия одушевленности соблюдается, поскольку разделение на основании категории одушевленности в иерархии», «Коллективный анализ события показывает, что...», «В то же время в неформальных вариантах суффикс «- an» реализован достаточно редко», «Поставленная цель требует решения следующих задачи», «Сегодня на нем говорят свыше 75 миллионов людей и он является основным языком в Иране, Афганистане (наряду с пушту) и Таджикистане» и др.

В целом, статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна и оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Работы по лингвистике в рамках сопоставления являются, пожалуй, самыми интересными и конструктивными. Безусловно, компаративный принцип позволяет установить приметы того или иного языкового явления более точно. Собственно в этом режиме и выполнена рецензируемая статья. Стоит признать, что «сравнение категории рода и числа в персидском и русском языках представляет собой актуальную задачу, которая обусловлена как различием между языками, так и имеющимися сложностями в классификации языковых категорий, которые обнаруживаются в персидском языке». Как отмечает в начале труда автор, «причина возникновения этой проблемы преимущественно синтаксическая – сочетание существительного с прилагательными и числительными и в том, что в персидском языке фактически отсутствуют грамматические показатели рода». Материал, представленный к публикации, имеет практико-ориентированный характер, так как «в современном мире растет актуальность переводческой деятельности, что приводит к необходимости сравнительного анализа

между языками. Вместе с тем, категории различных по основанию языков, которыми являются фарси и русский язык порождают ряд трудностей, которые нуждаются в изучении». Цель, задачи, методы, которые обозначены не вызывают нареканий, данный массив задает выверенную логику рассмотрения намеченного вопроса. Верна и языковая база: «для того, чтобы получить необходимые данные, было проведено исследование на основе материалов Персидского речевого корпуса (Персидский речевой корпус <http://www.persianspeechcorpus.com/>) и Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>)». Сильна теоретическая база исследования, автор старается объективировать проблему полновесно и целостно. Во вводящей части отмечено, что «исследование реализовывалось на основе Персидского речевого корпуса (Персидский речевой корпус <http://www.persianspeechcorpus.com/>) и Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>). В результате анализа было выделено 324 единицы, из которых 211 было на русском языке и 113 на персидском». На мой взгляд, объема достаточно, фактические уточнения в этих рамках могут быть сделаны выверено. В статью введены должные информационные блоки, читатель будет правильно введен в суть вопроса, а также решение поставленных задач. Например, при общем описании персидского языка: «персидский (фарси) является наряду с другими языками, такими как курдский, белуджский, талышский и др., языком индоиранской (точнее, западноиранской) ветви индоевропейской языковой семьи. Сегодня на нем говорят свыше 75 миллионов людей, и он является основным языком в Иране, Афганистане (наряду с пушту) и Таджикистане. В фарси применяется разновидность арабского алфавита в Иране и Афганистане, а также кириллица в Таджикистане. Одной из характеристик персидского языка является влияние арабского языка: фактически около 50% персидской лексики имеет арабское происхождение...» и т.д. Примеры, которые рассматривает автор, универсальны, да и ситуативно распространены: например, «1. "Учитель" (معلم - "mo'alleme") данное существительное может также использоваться для описания качества. Например, معلم خوب است (malam khob) "Учитель хороший" может быть понято как معلم خوب "хороший учитель." Здесь слово "учитель" функционирует как существительное и прилагательное одновременно. 2. "Книга" (کتاب - "ketaab") это существительное может также указывать на свойство чего-либо. Например, "Книга интересная" может быть интерпретировано как "интересная книга". В данном случае, слово "книга" имеет двойное значение как существительное и прилагательное. Примерами может стать کتاب جالب интересная книга или کتاب خوب хорошая книга», или «Для животных пол может обозначаться прилагательными нар (мужской род) и мадде (женский род): شیر šir/ лев, львица, شیر نر šir-e nar/лев (букв. самец льва), شیر ماده šir-e mādde/львица (букв. самка льва). Для людей род может обозначаться такими словами, как мард (мужчина), зан (женщина), пезар (мальчик) и доктар (девочка): بازیگر bâzigar/актер, актриса, بازیگر مرد bâzigar-e mard/актер, بازیگر زن bâzigar-e zan актриса, پزشک pezešk/доктор, женщина-врач, врач, پزشک مرد pezešk-e mar/доктор, پزشک زن pezešk-e zan/докторская степень, دانشجو dânešju/студент, студентка, دانشجوی پسر dânešju-ye pesar/студент, دانشجوی دختر dânešju-ye doxtar/студентка» и т.д. Работа грамотно построена, стиль сочинения соотносится с научным типом; серьезных разночтений, ошибок, неточностей не выявлено. Использование т.н. промежуточных выводов позволяет читателю двигаться равнонаправлено, автору же поддерживать общую логику разверстки темы: например, «таким образом, в персидском языке семантическая гибкость слов позволяет им функционировать в качестве существительных и прилагательных, создавая некоторую неоднозначность, которая может быть разрешена контекстом предложения. Приведем несколько примеров: Прилагательное بزرگ [bozorg] - большой: کتاب بزرگ [ketab-e bozorg] - большая книга. Существительное: بزرگ [bozorg] -

взрослый. Может быть реализовано в таком примере, как بزرگان [bozorgān] – взрослые ...». Комментарий / информация относительно русского языка (как сопоставительного) тоже дана грамотно: например, «в русском языке отмечается три рода: мужской, женский и средний. Русские слова, обозначающие людей, распределяются как на основании грамматики, так и на основании семантики (например, дочь будет иметь семантику женского рода, а брат – мужского)», или «отличительной особенностью русского языка становится также и наличие лексем общего рода, отнесенность к определенному полу которых относится в зависимости от семантики. В частности, в качестве примеров можно выделить такие лексемы как пьяница или сирота. Более того, правило это становится показательным и для многих форм имен: Саша (Алексáндр или Алексáндра), Жéня (Евгéний или Евгéния). В то же время слово жертва всегда женского рода». Примеры также введены верно, объема достаточно. Статья имеет явные приметы аналитики, суждения автора точны, аргументированы, структура текста правильная. Максимально автор использует типы / формы обобщений – это таблицы, схемы и т.д. Визуальный стандарт интересен при написании статей лингвистического толка. Заключительный блок соотносится с основной частью, автор в финале тезизирует, что «категории рода в русском и персидском языках также отличаются. В русском языке грамматический род выражается морфологическими и синтаксическими средствами. Все существительные делятся в основном на три группы: слова мужского, женского и среднего рода. В персидском же языке для выражения родовых различий используются лексемы и специальные термины: лексические единицы, обозначающие мужчин и обозначающие женщин, которые прибавляются к началу или к концу слова. Кроме того, в русском языке прилагательные могут служить средством обозначения пола некоторых несклоняемых существительных, а также слов общего рода, а в персидском языке за неимением категории рода прилагательные не способны выполнять подобной функции». На мой взгляд, материал самостоятелен, конструктивен, по-своему оригинален; тема работы может быть рассмотрена далее, о чем пишет автор в самом конце исследования. Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке или доработке. Список библиографических источников достаточен, ссылки на литературу даны правильно. Рекомендую рецензируемую статью «Категории числа и рода и их текстовые функции в персидском и русском языках» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Т., Ван Ш. Нейминг продуктов питания: семиотический аспект // Litera. 2025. № 2. С.392-404. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.72612 EDN: EKKKYA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72612

Нейминг продуктов питания: семиотический аспект

Ван Тянью

кандидат филологических наук

аспирант; филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

119571, Россия, г. Москва, Ленийский пр-т, 148

✉ 291028743@qq.COM

Ван Шихао

кандидат филологических наук

аспирант; Филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

119571, Россия, г. Москва, ул. Ленийский, 148, оф. 205

✉ wsh1533951634@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.72612

EDN:

EKKKYA

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию семиотических аспектов нейминга продуктов питания и их влиянию на восприятие и выбор потребителей. В условиях современного рынка, насыщенного разнообразием предложений, название продукта выполняет не только функцию идентификации, но и создает эмоциональный контекст, пробуждающий чувства и вызывающий ассоциации. Автор анализирует, как названия могут активировать эмоциональные реакции, формировать идентичность продукта и

создавать новые культурные нарративы. Роль семиотики в этом процессе проявляется в том, что каждое название становится знаком, несущим не только информацию о продукте, но и множество культурных значений. В статье также рассматриваются примеры успешного нейминга, показывается, как использование метафорических и ассоциативных элементов может повысить привлекательность и конкурентоспособность продуктов на рынке. В статье использованы следующие методы исследования: - дескриптивный анализ слов и выражений и названий, связанных с продуктами питания, с точки зрения их семантических свойств, морфологической структуры и семиотического употребления; - описательный метод, сбор, первичный анализ и изложение лексики по теме исследования и их характеристикам. Настоящая работа представляет собой комплексный анализ семиотических аспектов нейминга продуктов питания в условиях современного потребительского общества. Уникальность исследования заключается в следующих аспектах: 1. Подчёркивается роль нейминга как инструмента, формирующего не только идентичность продукта, но и создающего новые культурные нарративы, что до настоящего времени исследовалось фрагментарно. 2. Приведён детализированный анализ использования метафорических и ассоциативных элементов в нейминге, который демонстрирует их влияние на восприятие и выбор потребителей, что расширяет существующие представления о семиотике продуктов питания. 3. Впервые акцентировано внимание на межкультурных различиях в восприятии названий продуктов, иллюстрируется, как культурные коды трансформируют отношение к одним и тем же продуктам. 4. Исследование интегрирует подходы классической семиотики, культурологии и маркетинга, что позволяет по-новому рассмотреть взаимодействие между знаковыми системами и потребительским поведением.

Ключевые слова:

нейминг, культурные значения, семиотика, восприятие, лингвокультура, эмоциональные реакции, идентичность продукта, культурные нарративы, маркетинг, метафоры

С момента возникновения концепции нейминга, особенно в контексте маркетинга и брендинга, ученые и практики начали активно изучать данное явление. Ранние исследователи, такие как Котлер, Капферер и Мартин, а также более поздние авторы, включая Грейвса и Тейлора, отмечают, что название продукта является не просто идентификатором; оно формирует сложное семантическое поле, которое существенно влияет на восприятие и выбор потребителей [\[14\]](#).

С точки зрения лингвистики проблема номинации нашла отражение в теориях языковой номинации, которые активно разрабатывались в советской лингвистике в 70-80-е гг. Н.А. Арутюновой, В.Н. Телия, Ю.С. Степановым, Е.С. Кубряковой, Ю.Д. Апресяном, В.Г. Гаком, Д.Н. Шмелевым.

Настоящая статья направлена на анализ семиотических аспектов, оказывающих влияние на восприятие и процесс принятия решений потребителями. В условиях современного рынка, насыщенного разнообразием предложений, название продукта выполняет не только функцию идентификации; оно создает эмоциональный контекст, пробуждающий чувства и вызывающий ассоциации, что, в свою очередь, оказывает значительное воздействие на выбор потребителя.

Номинация определяется в общем смысле как процесс именования: «называние как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом» [\[1, с. 270\]](#), а также

«назывная функция или сторона слова, семантический аспект слова как употребляемого (возникающего) в данной речевой ситуации или контексте». В данных определениях важным является то, что номинация является как процессом, так и результатом называния (нейм, наименование) [3]. Сущность процесса номинации состоит в том, что конкретный референт соотносится с конкретным словом.

Механизмы соотнесения референта со словом, или неймом, различны и многочисленны. По структурному фактору коммерческая номинация, или нейминг подразделяется на однословную и многословную (или составную) номинацию, то есть такую, которая выражена словосочетанием или предложением.

Номинация также классифицируется по степени «прозрачности» на прямую и косвенную. В случае с прямой номинацией реципиент сразу понимает, какой товар продается, для чего он используется, каковы его основные особенности. В случае с косвенной номинацией название либо никак не связано с предлагаемым товаром, либо связано с ним только ассоциативно. Например, название мороженого «Вкус детства» - это косвенная номинация, основанная на ассоциативном механизме. В основном для товаров применяется косвенная номинация, так как было бы странно называть товар молоко «Молоко» или памперсы для детей «Памперсы». Прямая номинация, как правило, применяется для названий учреждений, магазинов - когда необходимо сразу и четко сообщить реципиенту о том, что он найдет в этом магазине - например, магазин «Автозапчасти», «Ткани», «Стройматериалы». И как раз в случае с наименованием магазинов косвенная номинация может быть не совсем выгодной, хотя и возможной. Так, название сети магазинов продуктов питания «Перекресток» - это косвенное название, однако оно популярно и уже прижилось в сознании потребителей.

Лингвистические аспекты нейминга рассматривают В.С. Елистратов, П.А. Пименов. Авторы выделяют несколько основных тенденций нейминг-моделирования в русском языке [5]:

1. Использование внутренних моделей - такие модели подходят только для товаров / услуг, которые не будут выходить на международный рынок, потому что внутренние языковые модели понятны только носителям языка. Например, название кафе-бара «Зайди попробуй» может быть прочитано с ироничным подтекстом, и это может сделать только носитель русского языка.
2. Псевдоэстетизация (и одновременно псевдоэкзотизация) с использованием заимствованных слов и инокультурных моделей. Такая модель используется для того, чтобы придать названию особенно высокие, по мнению владельца компании, ноты, звучание и таким образом - более высокий имидж в глаза потребителей. Например, по экзотическим шаблонам созданы такие названия, как «Клеопатра», «Лотос», «Фламинго», «Меланж», «Версаль», «Классик», «Сан-Марино», «Колибри», «Дракон», «Орфей», «Чили», «Палас» и т.д.
3. Использование англицизмов и американизмов.

М.Е. Новичихина провела исследование современной коммерческой номинации товаров, услуг, торговых учреждений, магазинов и выявила следующие тенденции нейминга [10]:

1. Употребление сложных и сложносокращенных слов (например, «Пивовар», «Садовод» и др.).
2. Употребление скрытых сокращений, употребление стилистически сниженной лексики

в неймах («У Михалыча»).

3. Использование латинской графики и комбинированной графики («Non stop», «Canta»).
4. Использование уменьшительно-ласкательной лексики («Башмачок»).
5. Преимущественное использование однословных номинаций, употребление абстрактной лексики («Дружба», «Бодрость»).
6. Использование многозначных слов и слов-омонимов («Весы», «Детали»).
7. Частеречное разнообразие – использование имен прилагательных, появление глаголов и других частей речи в неймах, таких как междометия, наречия («Плати меньше», «Ах...», «Воронежские», «Браво»).
8. Наименования с указанием адресата, своеобразная ориентированность на покупателя («Ваш уют», «Ваш дом», «Твой выбор», «Все для Вас» и др.).
9. Употребление наименований-предписаний («Плати меньше», «Сделай сам» и др.).
10. Актуализация арифметической тематики («3 + 2», «666», «33» и др.).
11. Употребление звукоподражательных названий («Ням-ням», «Тик Так» и др.).
12. Употребление элементов гиперболизации («Для всей семьи», «Все для дома», «Все для животных и рыбалки»).

Нейминг продуктов питания относится к виду коммерческой номинации и представляет собой специфическую форму коммуникации, в которой переплетаются элементы культуры, истории и маркетинга [9]. Наименования могут обладать метафорическим, ассоциативным или игривым характером, создавая многослойные значения, интерпретируемые потребителями в зависимости от их личного опыта и культурного контекста. К примеру, термин «чизбургер» не только обозначает состав продукта, но и вызывает ассоциации с американской культурой, повседневной жизнью и образом жизни, отражая тем самым сложные семиотические связи между продуктом и его культурным окружением.

Отличительным аспектом нейминга является его способность формировать идентичность продукта на рынке. Как отмечает Т. П. Слесарева, название может трансформироваться в знаковый символ, интегрируясь в структуру потребления и взаимодействуя с различными другими знаками [13]. Оно обладает способностью вызывать эмоциональные реакции, активировать воспоминания и даже создавать новые культурные нарративы. Нейминг продуктов питания часто включает в себя элементы игры слов, благодаря чему названия становятся более привлекательным и запоминаемым для целевой аудитории.

Нейминг продуктов питания, как правило, носит национальный характер, то есть в названии товара отражаются ментальные, культурные отличия того народа, который производит этот продукт, даже если в названии присутствуют иноязычные вкрапления.

О неразрывности мысли и языка, присутствия человека в языке говорили немецкие философы – И.Г. Гердер, В. Гумбольдт, Х.-Г. Гадамер, заложившие основы антропоцентрической лингвистики. В языке выражается «здоровый смысл» народа и происходит символическая репрезентация его коллективного опыта, т.е. всех форм существования (религии, мифов, обычаев, институтов). С другой стороны, сам язык задает «видение мира», определяет мировоззрение народа-носителя данного языка [4].

Именно поэтому неймы продуктов питания часто исходят из истории, специфики самого народа – они отражают окружающую действительность, «дух» народа, его коллективный опыт. Иными словами, сама действительность и коллективный опыт народа подсказывают нейм для товара. Например, название мороженого «Советская классика» может

возникнуть только в России или на территории стран бывшего СССР.

Название товара должно запустить определенную цепочку психологических реакций и ассоциаций в потребителе. Поэтому названия товаров часто основаны на том, что вызывают у потребителя какие-либо вкусовые, вербальные, осязательные и иные ассоциации, впечатления и воспоминания. Например, названия мороженого, отсылающие к впечатлениям и воспоминаниям: «Вкус детства», «Советская классика», «20 копеек», «Пломбир» и др. Данные названия ориентированы на взрослую аудиторию, которая помнит советское мороженое, особенно пломбир, который приобрел популярность именно в СССР.

Аллюзия – еще один механизм, который широко используется в нейминге продуктов питания. Аллюзия – это отсылка к какому-либо прецедентному культурному источнику (фильму, мультфильму, произведению художественной и народной литературы, музыкальному произведению и т.д.). Например, названия мороженого «Белый полюс», «Почемучка», «Фиксики», «Смешарики», «101 долматинец» ориентированы на детскую целевую аудиторию, которая знакома с соответствующими мультфильмами и их героями. Приятные эмоции, возникающие при виде этих названий, переносят (проецируют) эмоции детей на сам товар. Следовательно, можно выделить такой механизм действия нейминга, при котором определенные положительные эмоции переносятся со вторичного объекта на первичный объект – сам товар [\[2\]](#).

Метафоризация – еще один лингвистический и психологический феномен, широко применяемый в коммерческой номинации. Само мышление человека, как доказали лингвисты, метафорично по своей природе. Люди мыслят метафорами, поэтому метафоры хорошо воспринимаются реципиентами и позволяют выделить товар среди других.

Для разных категорий товаров питания нейминг может быть связан со спецификой их производства. Так, неймы молочных продуктов основаны на месте производства этого продукта питания. Например, «Кошкинское» - молоко, которое производится на Кошкинском маслосырзаводе. «Кубанская буренка» - кубанское молоко, «Вологжанка» - молоко Вологодского молочного комбината, «Угличе Поле» - по названию села Углич, которое раньше называлось именно Угличе Поле и где производится молоко этого бренда.

В других неймах применяются отсылки к культурным феноменам. Например, молочные товары «Простоквашино» - название вымышленной деревни в Можайском районе Подмосковья, места действия повести-сказки Э. Успенского «Дядя Федор, пес и кот».

Таким образом, название продукта представляет собой не просто ярлык, а значительное отражение окружающей действительности. Неймы могут отражать не только культурные, исторические особенности страны производства продукта питания, но и те тенденции, которые существуют в обществе на данный момент. В качестве примера можно привести растущую популярность терминов «органический» и «натуральный». Эти слова резонируют с увеличением интереса общества к здоровью и экологической устойчивости. Они не только информируют потребителей о содержимом упаковки, но и иллюстрируют более широкий тренд к осознанному образу жизни и экологически обоснованным выборам. Следовательно, когда потребитель принимает решение о выборе продукта, он не просто решает, что употребить в пищу, а становится частью культурного сдвига, который акцентирует внимание на здоровье и охране окружающей среды.

Особенности нейминга продуктов питания определяются тем, что это коммерческая номинация, а следовательно ее основная цель – продажи. Товар должен быть

конкурентоспособным на рынке, его название должно быть запоминаемым и привлекать внимание, а также это название должно создавать имидж и воздействовать на покупателя [10]. Так, названия чая российских производителей часто основаны на использовании английских слов или отсылок к индийской культуре – Англия и Индия считаются одними из экспертов в чае. Так, бренды чая «Принцесса Нури», «Принцесса Ява», «Принцесса Гита» выпущены российской компанией «Орими Трейд», в портфеле которой также бренды Greenfield и Tess.

Таким образом, анализируя нейминг продуктов питания, можно заметить, что он представляет собой сложный процесс семиозиса. Как утверждал Пирс, каждое название становится знаком, который несёт в себе не только информацию о продукте, но и множество культурных значений [8].

Необходимо осознать, что пища представляет собой не только элементарную необходимость для выживания, но и является неотъемлемой частью человеческого существования. В культурном контексте пища выходит за пределы простого удовлетворения потребностей, трансформируясь в сложную семиотическую систему, насыщенную множеством смыслов. Многообразие продуктов питания, а также методы их приготовления и употребления отражают глубокие исторические и культурные ценности и служат мощным символом этнокультурной идентичности.

В этом контексте пища может рассматриваться как язык, как это предположил Фердинанд де Соссюр, представляя собой систему символов, которые вместе образуют осмысленный код [15]. Ритуалы, связанные с приёмом пищи, функционируют как способ выражения, позволяя взаимодействовать с этим кодом и создавать коллективные переживания.

В качестве примера можно привести хлеб. Выражения, такие как «хлеб насущный» или «зарабатывать на хлеб», находят глубокий отклик, поскольку во многих культурах хлеб бессознательно воспринимается как символ жизни. Эта связь унаследована из культурных традиций и религиозных практик. Как справедливо утверждает Е. Н. Панов, хлеб позволяет вернуться к основополагающим аспектам ранних религиозных ритуалов, подчеркивая, что «пища так же тесно вплетена в ткань нашей жизни, как и вера» [11]. Таким образом, еда становится не просто объектом потребления, но и глубоким отражением человеческой сущности.

Когда рассматривается концепция термина «кухня», подразумевается не только пространство, предназначенное для приготовления пищи, но и сообщества, которые формируются вокруг определённых кулинарных блюд и техник, а также ценности, которые определяют эти практики. Кухня предстает как сложное переплетение оценочных кодов как внутри культур, так и между ними, что тесно связано с коллективным чувством идентичности, аналогично языковым системам [6]. Данный кулинарный код часто функционирует как оптическая линза, через которую осуществляется восприятие других, что иногда приводит к формированию стереотипов и поспешных суждений [9].

Клод Леви-Стросс справедливо указал на то, что настоящая культура возникает благодаря тому, что он обозначил как «кулинарная технология», являющаяся преобразующей силой в истории человечества [17]. Он выделил три ключевых процесса: жарку, приготовление на огне и копчение. Жарка, будучи наиболее примитивным процессом, предполагает непосредственное воздействие огня на пищу. В противоположность этому, приготовление пищи представляет собой более сложный шаг,

осуществляющийся в пределах кастрюли и часто являющийся коллективной деятельностью, способствующей объединению людей.

С помощью своего метода Леви-Стросс выявил фундаментальный семиотический принцип — различие между сырой и приготовленной пищей. В сыром состоянии пища существует лишь как средство для выживания. Однако по мере её приготовления она трансформируется в нечто более значимое: семиотическую субстанцию, насыщенную смыслом. Это понятие перекликается с концепцией Барта о «семиологической системе второго порядка», в рамках которой пища выходит за пределы своей базовой формы и становится носителем культурно закодированных смыслов, проецируя себя на более широкий символический ландшафт культуры.

Когда древние люди нашли постоянные источники пищи, они начали оседать на одном месте, что стало основой для формирования постоянных поселений. Этот процесс ознаменовал начало одомашнивания растений и животных, что позволило не только обеспечить продовольственные потребности, но и использовать их для транспорта, одежды и других нужд. С увеличением численности населения и развитием устойчивых общин возникли культурные институты, объединенные общими ритуалами и кулинарными традициями. Пища стала незаменимым элементом различных ритуалов и символов, пронизывающих человеческую жизнь.

В современном обществе накрытый стол продолжает занимать центральное место во множестве церемоний — от ярких праздников, таких как свадьба, до простых социальных встреч, например, дней рождения. Люди планируют «завтрак», «обед» и «ужин» каждый день, чтобы отметить течение времени и удовлетворить биологические потребности. Однако каждое из этих событий обретает особый символический смысл благодаря культурным традициям, приводящим к изменению выбора пищи в соответствии с определенными обычаями. Даже на романтическом свидании пища часто становится частью ритуала ухаживания.

Съедобность пищи представляет собой скорее отражение культурных норм и традиций, нежели вопрос природных свойств. При исключении продуктов, которые безусловно вредны для человеческого организма, становится очевидным, что классификация продуктов как съедобных или несъедобных в значительной степени определяется историческим контекстом и культурными практиками. Например, потребление коры деревьев, травы или соломы не обеспечит необходимыми питательными веществами, тогда как существует множество других, вполне питательных источников калорий — лягушки, муравьи, дождевые черви и улитки. Но в рамках современной русской культуры предложение попробовать такие продукты вызовет негативную реакцию. В противоположность этому, во многих других культурах указанные продукты употребляются не только для удовлетворения физиологических потребностей, но и рассматриваются как неотъемлемая часть кулинарного наследия. Концепция «привития вкуса» к незнакомым продуктам подчеркивает тесную взаимосвязь между кулинарией и культурным восприятием. К сожалению, в некоторых случаях кулинарные различия воспринимаются как четкое разделение на «своих» и «чужих». Однако стоит отметить, что при повышении интереса к другой кухне, не только с точки зрения вкусовых качеств, но и с точки зрения ее изысканности, искусство приготовления пищи приобретает большее значение.

Тот факт, что определённые виды пищи вызывают интерпретации и реакции (даже физиологические), подтверждается известной историей о учёном Альфреде Коржибски, основателе общей семантики [\[16\]](#). Однажды, когда ученый Коржибски проводил лекцию

для группы студентов, он неожиданно остановился, чтобы достать из своей сумки упаковку печенья. «Я очень голоден», — сказал он, — «не хотите ли немного?» Несколько студентов из первого ряда охотно взяли печенье и начали его есть. Коржибски с улыбкой спросил: «Вкусное печенье, не так ли?» Затем он разорвал упаковку и показал на этикетку с изображением собачьей головы и надписью «Собачье печенье». Студенты мгновенно изменили выражения лиц: некоторые прикрыли рот рукой и поспешили в туалет, явно расстроенные открытием. Коржибски, наблюдая за реакцией студентов, заметил: «Вот видите, я только что продемонстрировал, что люди едят не только еду, но и слова. Вкус одного может быть затмён вкусом другого». Этот эксперимент стал ярким примером того, как семиотика влияет на восприятие и выбор людей, подчеркивая важность понимания значений, которые мы придаём не только пище, но и языковым знакам в нашей жизни.

Когда мы слышим слово «паста», мы можем подумать об итальянцах, «баварские сосиски» — о немцах, а «онигири» — о японцах. Это не просто произвольные названия продуктов питания; они также кодируют социальные и этнические коннотации, а также вкусовые реакции посредством внушения. Кроме того, использование иностранных слов или культурных отсылок в нейминге также является эффективной маркетинговой стратегией [7]. Название «тайский карри» демонстрирует, как иностранные термины могут создать уникальный имидж продукта, ассоциируясь с экзотикой и аутентичностью. Данная практика позволяет производителям выделиться на фоне конкурентов, привлекая внимание потребителей, стремящихся к новым гастрономическим впечатлениям. Культурные отсылки не только обогащают название, но и создают у потребителей ощущение принадлежности к более широкой культурной традиции, что может способствовать формированию лояльности к бренду [12].

Одним из ярких примеров удачного нейминга в современном маркетинге является использование названий, которые формируют у потребителя позитивные образы и эмоции. Название «Здоровое утро» иллюстрирует данную концепцию, поскольку оно не только подчеркивает полезные свойства продукта, но и ассоциируется с началом дня, наполненным энергией и бодростью; такие названия, как «Традиционный домашний», создают ассоциации с уютом и комфортом, или продукты под названием «Эко-суперфуд» акцентируют внимание на здоровье и устойчивом развитии. Такой подход к неймингу способствует формированию у потребителей положительного имиджа продукта, что в свою очередь может повысить его конкурентоспособность на рынке.

Таким образом, семиотика еды исследует, как пищевые продукты становятся знаковыми артефактами в контексте потребительского общества. Нейминг продуктов питания значительно влияет на формирование их семиотической идентичности, превращая их в символы определённых культурных и социальных значений. В будущем нейминг будет продолжать эволюционировать, адаптируясь к новым социальным реалиям и потребительским ожиданиям.

Библиография

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
2. Барыкин А.Н. С чего начинается нейминг?: основы управления проектом по разработке названия компании / продукта / услуги / Барыкин А. Н., Икрянников В. О., Сиротина Ю. С. – Москва : Изд. дом "Гребенников", 2011. – 172 с.
3. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – 230-294 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1957.

5. Елистратов В.С. Нейминг: искусство называть / В.С. Елистратов, П.А. Пименов. – М.: Издательство «Омега-Л», 2014. – 293 с.
6. Казакова К. А. Анализ семиотических моделей рекламы как способа повышения эффективности коммуникативного взаимодействия между брендом и покупателем //Человек. Культура. Образование. 2012. № 3 (5).
7. Клет М. П. Маркетинговое управление клиентским опытом в брендинге ресторанов быстрого питания //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2024. № 2 (340). С. 49-55.
8. Максименко, О. И. Новые реалии нейминга (на примере названий компаний по доставке продуктов) / О. И. Максименко // Дискурсивные практики в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 ноября 2020 года. Москва: Московский государственный областной университет, 2021. С. 117-122.
9. Максименко О.И. Глобальный нейминг как лингвистическая проблема // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. 2018. № 2018. С. 188-199.
10. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003 (ЗАО ТЭФА). – 192 с.
11. Панов Е. Н. Эволюция социальной организации // Этология человека на пороге XXI века / Под ред. МЛ Бутовской. М. 1999. С. 322-372.
12. Путинцева, Т. Е. Развитие теоретического содержания понятия "бренд" / Т. Е. Путинцева // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2022. № 1(150). С. 46-52.
13. Слесарева Т.П. Семиотика и философия языка. Том Часть 1. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2021. – 95 с. – ISBN 978-985-517-803-4. – EDN EBPXAL.
14. M. Danesi The Semiotics of Fast and Junk Food [Текст] / M. Danesi // Signata. – 2024. – № 15. – С. 1-37.
15. De Saussure F. et al. Nature of the linguistic sign //Course in general linguistics. – 1916. – Т. 1. – С. 65-70.
16. Korzybski A. General semantics, psychiatry, psychotherapy and prevention //American Journal of Psychiatry. – 1941. – Т. 98. – № 2. – С. 203-214.
17. Lévi-Strauss C. Jean-Jacques Rousseau, fondateur des sciences de l'homme //Anthropologie structurale deux. – 1973. – С. 45-56.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступает семиотический аспект нейминга продуктов питания. Отмечается, что «нейминг продуктов питания представляет собой специфическую форму коммуникации, в которой переплетаются элементы культуры, истории и маркетинга», «название продукта является не просто идентификатором; оно формирует сложное семантическое поле, которое существенно влияет на восприятие и выбор потребителей». Актуальность работы обусловлена повышенным вниманием ученых к лингвистическому анализу различного рода наименований: активно изучается нейминг предприятий торговли и общепита, бизнес-учреждений, жилых комплексов, военной техники, кондитерских и других пищевых изделий и т.д. Тщательно исследуются теоретические аспекты нейминга – его

психологическая, культурологическая, лингвистическая и другие составляющие. Как верно подмечено, «наименования могут обладать метафорическим, ассоциативным или игровым характером, создавая многослойные значения, интерпретируемые потребителями в зависимости от их личного опыта и культурного контекста».

Теоретической базой научной работы послужили труды таких российских и зарубежных исследователей, как Е. Н. Панов, О. И. Максименко, К. А. Казакова, М. П. Клет, Т. П. Слесарева, Марсель Данези, Альфред Коржибски, Клод Леви-Стросс и др. На наш взгляд, автору(ам) следовало бы обратиться и к трудам таких авторитетных лингвистов в области теории номинации, как В. Г. Гак, ономастики (ономатологии) – В. Д. Бондалетов, В. И. Супрун; Т. В. Шмелева. Данное замечание носит рекомендательный характер. Библиография статьи составляет 11 источников, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Однако в рукописи нет ссылок на источники 6, 10 и некорректно указана ссылка на источник: вместо источника 10 (Korzybski A. General semantics, psychiatry, psychotherapy and prevention //American Journal of Psychiatry. – 1941. – Т. 98. – №. 2. – С. 203-214) дана ссылка на источник 9 (De Saussure F. et al. Nature of the linguistic sign //Course in general linguistics. – 1916. – Т. 1. – С. 65-70.): см «Тот факт, что определённые виды пищи вызывают интерпретации и реакции (даже физиологические), подтверждается известной историей о учёном Альфреде Коржибски, основателе общей семантики [9]». Также автору(ам) необходимо определиться с вариантом фамилии этого польского лингвиста: Коржибски или Коржибский.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, интерпретативный анализ, контекстуальный и компонентный анализ языковых единиц. В результате анализа теоретического материала и его практического обоснования сделан вывод о том, что «семиотика еды исследует, как пищевые продукты становятся знаковыми артефактами в контексте потребительского общества. Нейминг продуктов питания значительно влияет на формирование их семиотической идентичности, превращая их в символы определённых культурных и социальных значений. В будущем нейминг будет продолжать эволюционировать, адаптируясь к новым социальным реалиям и потребительским ожиданиям».

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в разработку общей теории ономастики и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, а также применяться в курсах по теории языка, лексикологии, стилистики и лингвокультурологии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы. Обращаем внимание, что рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Нейминг продуктов питания: семиотический аспект».

Предмет исследования – особенности нейминга в современном маркетинге.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена тем, что нейминг является одной из важнейших стратегий в маркетинге, которая направлена на повышение покупательской способности людей. Названия товаров отражают культурное своеобразие народа, который или для которого производится продукт, следовательно, нейминг носит национальный характер.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой исследования нейминга продуктов питания с точки зрения семиотики.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы, автор приводит теоретическую базу исследования); основная часть (рассмотрены основные тенденции нейминг-моделирования в русском языке; отмечено, что нейминг продуктов питания относится к виду коммерческой номинации и является специфической формой коммуникации, в которой переплетаются элементы культуры, истории и маркетинга; приведённые примеры подтверждают, что нейминг носит национальный характер и нейминг продуктов питания представляет собой сложный процесс семиозиса; охарактеризованы такие стилистические приемы, как метафора и аллюзия; автор приводит примеры удачного нейминга, когда используются названия, формирующие у потребителя позитивные образы и эмоции); заключение (общие выводы о том, что нейминг продуктов питания значительно влияет на формирование их семиотической идентичности, превращая их в символы определённых культурных и социальных значений); библиография (включает 11 источников отечественных и зарубежных авторов).

Выводы, интерес читательской аудитории

Полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием нейминга в условиях современного рынка, поскольку название продукта выполняет не только функцию идентификации, оно создает эмоциональный контекст, пробуждающий чувства и вызывающий ассоциации, что оказывает значительное воздействие на выбор потребителя и влияет на уровень продаж.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. В начале статьи следует уточнить, на каком материале базируется исследование, указать источники эмпирического материала и его объём.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным. Возможно, стоит ввести подзаголовки, что облегчит восприятие материала.
3. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи (в пункте «Использование англицизмов и американизмов» нет примеров). Необходимо также дать пояснения некоторым примерам, в частности, в случае с названием сети магазинов продуктов питания «Перекресток».
4. Следуют перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. Необходимо пересмотреть типографику статьи (п-тире и m-тире), а также проверить корректность отображения текста в плане единого шрифта.
5. Нужно унифицировать упоминания имен собственных в статье. Кроме того,

необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.

6. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья направлена на анализ семиотических аспектов, оказывающих влияние на восприятие и процесс принятия решений потребителями. Данный вопрос вполне актуален, его исследование целесообразно, так как «в условиях современного рынка, насыщенного разнообразием предложений, название продукта выполняет не только функцию идентификации; оно создает эмоциональный контекст, пробуждающий чувства и вызывающий ассоциации, что, в свою очередь, оказывает значительное воздействие на выбор потребителя». На мой взгляд, работы методологически точны, выверены, точка зрения автора убедительна и аргументирована. Базис работы выверен и авторитетен: «с точки зрения лингвистики проблема номинации нашла отражение в теориях языковой номинации, которые активно разрабатывались в советской лингвистике в 70-80-е гг. Н.А. Арутюновой, В.Н. Телия, Ю.С. Степановым, Е.С. Кубряковой, Ю.Д. Апресяном, В.Г. Гаком, Д.Н. Шмелевым». Стиль исследования соотносится с научным типом, разночтений в использовании терминов и понятий нет: например, «механизмы соотнесения референта со словом, или неймом, различны и многочисленны. По структурному фактору коммерческая номинация, или нейминг подразделяется на однословную и многословную (или составную) номинацию, то есть такую, которая выражена словосочетанием или предложением» и т.д. Информационная составляющая работы полновесна, удачно в работе сочетается теоретический и практический блоки. Цитаты даются в соответствии с требованиями: «О неразрывности мысли и языка, присутствия человека в языке говорили немецкие философы – И.Г. Гердер, В. Гумбольдт, Х.-Г. Гадамер, заложившие основы антропоцентрической лингвистики. В языке выражается «здоровый смысл» народа и происходит символическая репрезентация его коллективного опыта, т.е. всех форм существования (религии, мифов, обычаев, институтов). С другой стороны, сам язык задает «видение мира», определяет мировоззрение народа-носителя данного языка [4]». Тема раскрывается последовательно, цель исследования достигнута; материала можно продуктивно использовать в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Примеры, которые используются автором в качестве иллюстраций, достаточно актуальны, открытость их также можно оценить только положительно: «например, названия мороженого «Белый полюс», «Почемучка», «Фиксики», «Смешарики», «101 долматинец» ориентированы на детскую целевую аудиторию, которая знакома с соответствующими мультфильмами и их героями. Приятные эмоции, возникающие при виде этих названий, переносят (проецируют) эмоции детей на сам товар. Следовательно, можно выделить такой механизм действия нейминга, при котором определенные положительные эмоции переносятся со вторичного объекта на первичный объект – сам товар...», или «Одним из ярких примеров удачного нейминга в современном маркетинге является использование

названий, которые формируют у потребителя позитивные образы и эмоции. Название «Здоровое утро» иллюстрирует данную концепцию, поскольку оно не только подчеркивает полезные свойства продукта, но и ассоциируется с началом дня, наполненным энергией и бодростью; такие названия, как «Традиционный домашний» и т.д. Выводы соотносятся с основной частью, автор тезисует, что «семиотика еды исследует, как пищевые продукты становятся знаковыми артефактами в контексте потребительского общества. Нейминг продуктов питания значительно влияет на формирование их семиотической идентичности, превращая их в символы определённых культурных и социальных значений. В будущем нейминг будет продолжать эволюционировать, адаптируясь к новым социальным реалиям и потребительским ожиданиям». Библиографический список объёмен, все источники введены в основной текстовый массив. Рекомендую статью «Нейминг продуктов питания: семиотический аспект» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Александрикова Л.Г. О словарном представлении фразеологизмов в русской и китайской лексикографии // Litera. 2025. № 2. С.405-418. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73211 EDN: ЕНТАКР URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73211

О словарном представлении фразеологизмов в русской и китайской лексикографии

Александрикова Лина Геннадьевна

аспирант; высшая школа перевода (факультет); Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

✉ alexandrikova.lina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73211

EDN:

ЕНТАКР

Дата направления статьи в редакцию:

31-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению истории развития представления фразеологизмов в русских и китайских лингвистических словарях. Предметом исследования в данной статье являются русские словари фразеологизмов и китайские словари чэньюев (成语词典). Целью исследования является выявление сходства и различия в представлении фразеологизмов / чэньюев (成语 – букв. "готовое выражение") в русской и китайской лексикографии. Рассматриваются основные лексикографические труды каждого из приведенных этапов в России и в Китае, в том числе Словарь Академии Российской (1783–1794) и словарь «Фразеологизмов шести ведомств» (六部成语词典, 1742), а также труды китайских и российских исследователей в области лексикографии и фразеологии. Основным методом проведенного исследования является сравнительно-сопоставительный метод. В основе сопоставления лежат

материалы русского языка. В результате сопоставления были сделаны следующие выводы: 1) чэньюи стали фиксироваться в словарях раньше, чем фразеологизмы в русских словарях; 2) аспектные фразеологические словари появились в Китае раньше, чем в России; 3) если в России развитие фразеологии связано с развитием лингвистической науки, то в Китае развитие фразеологии скорее обусловлено давней культурной традицией. Новизна исследования состоит, во-первых, в том, что в Китае первые аспектные фразеологические словари появились задолго до подобных словарей в России, и, во-вторых, в том, что развитие фразеологии в России связано с прогрессом в лингвистической науке, а в Китае – с культурной традицией. Полученные результаты применимы в учебных пособиях по русской и китайской лексикографии и могут быть использованы в лекциях для русских, изучающих китайский язык, и носителей китайского языка, овладевающих русским языком.

Ключевые слова:

лексикография, фразеология, китайский, русский, фразеологизм, чэньюй, словари, фразеология, китайские словари, русские словари

Введение

Статья посвящена сопоставлению истории развития представления фразеологизмов в русских и китайских лингвистических словарях, причем основой сопоставления является материал русского языка.

В современном русском языке под фразеологизмом понимается «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [\[1, с. 48\]](#). В китайском языке наиболее известным типом фразеологизмов являются чэньюи (成语): «Чэньюй – букв. "готовое выражение" – представляет собой явление в китайской фразеологии, под которым понимаются обработанные, сведенные к определённой количественной форме, семантически обновленные, имеющие обобщенное переносное значение идиоматические выражения, исходным материалом для создания которых служат свободные обороты речи – цитаты из классических книг, пословицы, исторические факты, притчи, легенды и т.д.» [\[2, с. 28\]](#).

Как известно, китайская лексикография имеет более долгую историю, чем русская лексикография, это же касается и фразеологии. Исторический аспект данного исследования обусловил то, что автору статьи пришлось говорить не только о собственно фразеологизмах в современном смысле слова и китайских чэньюях, но и необходимость упоминания пословиц и поговорок в российских словарях и идиом (成语), пословиц (谚语), недоговорок-иносказаний (歇后语), фразеологических сочетаний (惯用语) и поговорок (俗语) в китайских словарях. В связи с этим необходимо отметить, что разграничение собственно фразеологизмов и афоризмов (пословиц, поговорок и крылатых слов) произошло лишь в конце 1970-х гг.

Предметом исследования в данной статье являются русские словари фразеологизмов и китайские словари чэньюев (成语词典). Исследование проведено с целью выявления

сходства и различия в представлении фразеологизмов / чэньюев в русской и китайской лексикографии. Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный метод. Новизна исследования состоит, во-первых, в том, что в Китае первые аспектные фразеологические словари появились задолго до подобных словарей в России, и, во-вторых, в том, что развитие фразеологии в России связано с прогрессом в лингвистической науке, а в Китае – с культурной традицией.

Фразеологическая традиция в России

Как известно, в 1773 г. в Москве вышел «Церковный словарь или истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах» П. А. Алексеева, в котором о каждом слове были приведены подробные сведения о том, где оно было найдено и иллюстративные примеры. В словарную статью автор словаря включил короткие рассказы и анекдоты, при некоторых словах были приведены фразеологические сочетания, причем иногда заголовочные слова выражались фразеологическими единицами, например: *плоть и кровь, отрясти прахъ отъ ногъ*, таких сочетаний в словаре приведено около 700 [3]. Необходимо отметить, что по мнению современных исследователей «подобные библейские сочетания П. А. Алексеевым не воспринимались как устойчивые (в полном смысле этого слова), поскольку к этому времени традиция «домашнего чтения» Священного Писания в России только зарождалась. Фразеологический же характер они приобретают в более поздний период (в т. ч. и под влиянием «Церковного словаря»). По крайней мере, П. А. Алексеев не делает в отношении этих сочетаний особых примечаний, указывающих на их фразеологическую природу» [4, с. 80-81].

В научной литературе указывается, что в XVIII-XIX вв. появился новый подход к языковым реалиям, что нашло отражение и в трудах лексикографов. Так, с 1783 г. по 1794 г. велась работа над Словарем Академии Российской (далее Словарь), этот труд считается одним из важнейших этапов развития отечественной фразеологии, так как фразеологии в Словаре была посвящена отдельная лексикографическая разработка, в результате в Словарь было включено более двух тысяч фразеологизмов [5, с. 260]. При этом в предисловии к Словарю указывалось, что его задача – это «изъяснение слов, речений, речей и разного образа вещаний в языке славенороссийском употребительных» [6, с. 3]. В Словаре есть то, что позже получит название фразеологическая единица, например: *что Бог послал* – квалифицировано как «речение» *вопросительное у промышленников, а особливо рыбных и звериных, о пойманном звере или рыбе* [6, с. 252], *висеть на нитке, на ниточке* квалифицировано как «вещание» или «образ вещания», *употребляемого к означению приближающегося падения, несчастья* [6, с. 723], *распустить глотку, налить глотку, заткнуть глотку* квалифицировано как «выражение» [7, с. 87], *а даровому коню в зубы не смотрят* квалифицировано как «присловица» [7, с. 466].

В «Словаре церковно-славянского и русского языка», составленном Вторым Отделением Императорской Академии наук и выпущенным в 1847 г., в предисловии указывается, что необходимо «слова объяснять как в собственном, так и в переносном смысле; переносный смысл означать звездочкою, причем присовокуплять все особенные выражения, напр. При слове Бог: с Богом! Бог с тобой! Выражения, составляющие особенности языка, от определений и примеров отделять чертою» [8, с. 13]. Все «особенные выражения», под которыми понимались в том числе и фразеологизмы, например: *выиграть время, не выносить из избы сору* помещались в конец словарной

статьи и не были никак разграничены [\[9, с. 4\]](#).

В 1880 г. вышел «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, в котором есть объяснение слову «фразеология», оно расположено под словом «Фраза», и имеет следующее толкование – «особенность оборотов речи языка, и учение об этом» [\[10, с. 554\]](#).

В 1873 г. была опубликована статья И. И. Срезневского «Замечания об образовании слов из выражений», в ней ученый писал о том, что «выражения в большей части случаев есть связь слов, соединенных в одно целое по требованию мысли и грамматического строя языка; так на пример: добро пожаловать, век вековать, удалый добрый молодец, красная девица, милостивый государь, по добру по здорову, что за стать, ума палата, ни капли, без сомнения, на худой конец, под спудом, и пр.» [\[11, с. 5\]](#). В сноске к приведенному определению языковед выражал свои сомнения в правильности употребления термина «выражение» и писал, что «может быть, и не совершенно пригодно называть эти связи слов выражениями; может быть, можно найти другое слово, удобно заменяющее слово выражение в этом случае: употребляю его по старой привычке» [\[11, с. 5\]](#). И. И. Срезневский классифицировал «выражения», исходя из их грамматических характеристик, например: глагольные – *дело делать, воду толочь*, прилагательные – *рад радешенек, день деньской, тьма тьмущая*, существительные – *веки веков, ни зги, ни свет ни заря* и др. Ученый отметил, что многие «выражения» остаются всегда в одном значении, а другие со временем принимают совсем иное значение, отличное от первоначального, например: *умирать со смеху, биться об заклад* и др. [\[11, с. 5-6\]](#). Помимо этого, И. И. Срезневский обратил внимание на то, что существуют «выражения», которые никогда не меняют свою форму, например: *не весть что, на босую ногу, того и гляди*, а некоторые меняются «по надобности», например: *помянуть и помянуть лихом, не помяните лихом, кто лихом помянет тому глаз вон* [\[11, с. 6\]](#). В его «Материалах для словаря древнерусского языка» 1893 г. «выражения» приводятся в словарных статьях после толкования и указания источников, например, в словарной статье к слову *Бог* приведены такие «выражения», как *Бог весть, Бог ведает: — Один Бог ведает. Новг. 1л. 6717г. Бог весть. Откуда придет нам за грехи наши. т.ж. 6902г.* [\[12, с. 138\]](#). Современные российские исследователи также отмечают, что в работе Срезневского «были впервые разработаны приёмы отбора и лексикографирования известных в языке прошлых эпох устойчивых сочетаний; позднее эти приемы были использованы в исторических словарях русского языка разных типов <...>, "Материалы для словаря древнерусского языка" Срезневского можно по праву назвать началом славяно-русской исторической фразеологии» [\[13, с. 678\]](#).

В 1902–1904-х гг. был издан сборник М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний». В предисловии к труду ученый подчеркнул, что «фразеология» – это совокупность слов и выражений, которым свойственна иносказательность, выделяющая их на фоне остального словарного состава языка: «Существует двоякий способ выражения мыслей: мы определяем понятие или облекаем мысль словами в прямом их смысле, или же иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями с подходящими по смыслу образными словами, или, даже, целыми изречениями, в виде отдельных фраз, пословичных выражений, поговорок, пословиц и общеизвестных цитат» [\[14, с. 7\]](#). В сборнике М. И. Михельсона встречаются такие «выражения», как: *Бог дал, Бог и взял – (иноск.) о покорности Св. Промыслу* [\[14, с. 50\]](#), *Бог тебе судья – (иноск.) за недобрые*

дела свои ответишь Богу [\[14, с. 51\]](#). Многие «выражения» в сборнике сопровождались отсылочными пометами «ср.» и «см.», которые позволяли читателям получить наиболее полное представление о «выражении», например: *Бочка Данаид – (иноск.) непроизводительный труд <...> См. Бездонную кадку водою не наполнишь. См. Бездонная бочка* [\[14, с. 56\]](#). В сборнике также встречаются пометы, указывающие на окраску «выражения», например, «бранн.», «шутл.»: *неотесанный (болван) – (иноск., бранн.) грубый, невоспитанный, с шероховатыми ухватками* [\[14, с. 511\]](#).

Как пишет В. Н. Телия, расцвет фразеологии в отечественном языкознании пришёлся на конец 1940-х гг. и начало 1960-х гг. XX в., и во многом связан с идеями В. В. Виноградова, чьи идеи были приняты и продолжены его последователями, к середине 1960-х гг. фразеология в отечественной лингвистике начала оформляться в отдельную самостоятельную дисциплину, этот период считается классическим [\[15, с. 11-12\]](#).

Развитие теории фразеологии способствовало пересмотру подхода к лексикографированию фразеологизмов. В 1967 г. вышел «Фразеологический словарь русского языка» А. И. Молоткова, корпус словаря состоит из 4 тыс. словарных статей, каждая словарная статья снабжена значением фразеологизма, его грамматической характеристикой, способом употребления компонентов, входящих в его состав, для некоторых фразеологизмов приведены этимологические сведения и стилистические пометы, например, «неодобр.»: *Балалайка. Бесструнная балалайка. Неодобр. Очень болтливый человек, пустомеля.* [\[16, с. 32\]](#). «Фразеологический словарь русского языка» считается первым собственно фразеологическим словарем русского языка и имеет несколько существенных отличий от предшествующих фразеологических словарей [\[17, с. 299\]](#). В нем впервые была предпринята попытка показать различные формы употребления фразеологизмов, истолкованы их различные значения и в качестве примеров использованы цитаты из произведений русской художественной литературы XIX-XX веков. Небезынтересно отметить, что материалы для составления этого словаря начали собирать еще в дореволюционной России [\[16, с. 6\]](#).

В последующие годы, в период постклассического периода развития фразеологии в 1970–1980-х гг. ученые начали рассматривать фразеологию в функционально-семантическом ключе, а разграничение фразеологических выражений и афоризмов (пословицы, поговорки и крылатые слова) привело к созданию ряда разных словарей. Одними из наиболее известных работ, вышедших в этот период, стали: «700 фразеологических оборотов русского языка» Н. М. Шанского и Е. А. Быстровой (1977), «Учебный фразеологический словарь русского языка для национальных школ» Н. М. Шанского и Е. А. Быстровой (1979), «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь» В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (1979), «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. П. Жукова (1980), «Словарь-справочник по русской фразеологии» Р. И. Яранцева (1980) и др. [\[18, с. 4-5\]](#)

XXI век в отечественной лексикографии ознаменовался появлением фразеологических словарей нового поколения. Одним из таких словарей стал выпущенный в 2006 г. словарь В. Н. Телии, основательницы Московской фразеологической школы, «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий». В корпусе словарных статей приведено и описано около 1500 фразеологических единиц, которые впервые в лексикографической практике сгруппированы по смысловым «гнёздам». В предисловии к словарю В. Н. Телия указала,

что это – «первый в мировой практике фразеологический словарь, который ставит своей целью описать в лексикографической форме наиболее употребительные фразеологизмы русского языка, исходя из общепризнанного мнения о том, что фразеологизмы – наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, способные выполнять роль знаков «языка» культуры – иной знаковой системы, нежели естественный язык» [\[19, с. 7\]](#). Одним из главных нововведений в этом словаре стал новый способ толкования фразеологизмов, при котором словарная статья стала состоять из трех дополняющих друг друга частей: 1) Значение («зона»). Эта часть представляет собой описание фразеологизма и его соотнесенность с обозначаемой фразеологизмом ситуацией, участниками ситуации, их социально-речевыми намерениями и эмоционально-окрашенным отношением к ситуации, также есть «зона» грамматических особенностей фразеологизмов. 2) Употребление. В этой части подробно раскрывается речевое употребление фразеологизма, содержатся иллюстрации (примеры употребления из различных по жанру письменных источников, присущих современному русскому языку). 3) Культурологический комментарий. Этот раздел посвящен «культурно-знаковой» составляющей, описаны знаковые смыслы «языка» культуры как особой сферы осознания мира, непосредственно связанной с представлениями человека о себе, морально-нравственных ценностях. Культурологический комментарий в мировой фразеографической практике появился впервые [\[19, с. 7\]](#).

В заключение можно сделать вывод, что развитие отечественной фразеографической традиции шло параллельно с развитием фразеологии как науки и имеет следующие этапы: 1) 1770–1880-е гг. – на этом этапе появились предпосылки развития фразеологии как науки, составители словарей обратили внимание на пословицы и поговорки, издавна бывшие частью жизни людей, ввиду отличия их внутренней формы, появилась потребность в создании собственно фразеологического словаря. Во второй половине XIX в. фразеологизмы получили первую обширную лексикографическую разработку в Словаре Академии Российской; 2) 1900–1940-е гг. – этап постепенного становления фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины со своей лексикографической разработкой, в то же время начали появляться первые прототипы фразеологических словарей, разрабатываться принципы описания фразеологизмов в словарных статьях; 3) 1950–1960-е гг. – классический для фразеологии этап, который привел к развитию науки и прорыву в области лексикографирования фразеологизмов – созданию самого первого фразеологического словаря «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молоткова; 4) 1970–1980-е гг. – постклассический этап фразеологии, который отмечен выходом значительного количества фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок, учебных фразеологических словарей; 5) 1990 г. – последний этап, который продолжается и по сей день, ознаменовался выходом нового типа фразеологических словарей, начало которым положил «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» В. Н. Телии.

Фразеографическая традиция в Китае

Количество научных работ, посвященных вопросам фразеологии, существенно выросло после 1949-го г., работы известных лингвистов, в частности, Ма Гофаня, Сюй Гоцина, Сунь Чансюя, Суй Вэйчжана и др. вышли уже после 1950-х гг., став основой дальнейшего развития китайской фразеологии. Китайский исследователь Лу Чжоцзюнь, например, отмечает, что «汉语成语词典中对“成语”的收录, 取决于人们对“成语”的认识. 从历时角度看, 我们可以把人们对成语的认识分为三个时期——前期(1911年以前)、中期 (1912—1949)、近期(1950—目前)» [\[20, с. 141\]](#) 'Включение «чэньюев» в словарь китайских идиом обусловлено пониманием людей о том, что такое «чэньюй». С диахронической точки зрения, можно

разделить понимание людьми «чэньюев» на три периода – ранний (до 1911 г.), промежуточный (1912–1949 гг.), современный (1950 – наши дни) '. Обозначенные ученым этапы отражают годы, на которые пришлось крупнейшие исторические потрясения для Китая (1911 г. – Синьхайская революция, 1949 г. – провозглашение Китайской Народной Республики), эти даты не совсем совпадают с периодизацией развития китайской фразеологии, представленной современными учеными.

Китайские исследователи выделяют в развитии китайской фразеологии четыре периода: 1) 1742–1948 гг. – начальный этап; 2) 1949–1980 гг. – этап углубленного изучения фразеологизмов и идиом в Китае; 3) 1981–2000 гг. – период активного издания фразеологических словарей, усложнение их классификации; 4) XXI в. – этап расцвета китайской фразеологии [\[21, с. 68-76\]](#). Необходимо отметить, что, как и в случае с отечественной фразеологической традицией, прототипы первых словарей чэньюев появились в Китае задолго до упомянутых дат.

Упоминания о первых сборниках пословиц и поговорок в Китае относятся к эпохе Сун (X–XIII вв.), первое собрание пословиц называлось «Древние и современные пословицы», его составителя звали Чжоу Шоу-чжун, сам сборник был утерян, но сведения о нем остались в исторических записях. В дальнейшем количество таких сборников росло, с XV в. собраний пословиц и поговорок стало гораздо больше, одним из таких известных трудов, сведения о котором сохранились до наших дней, стало собрание Ду Вэнь-ланя «Древние песни и пословицы», в основу его собрания легли «афористические произведения из всех известных исторических, философских, поэтических, медицинских, агрономических и других сочинений» [\[22, с. 105\]](#).

Считается, что первым официальным лексикографическим источником, который посвящен систематизации чэньюев был справочник «Фразеологизмы шести ведомств» (六部成语, 1742 г.). Шесть ведомств – общее название для центральных административных органов Китая, существовавших со времен правления династий Суй и Тан по конец правления династии Цин. Эти ведомства были следующими: ведомство чинов, ведомство налогов, ведомство ритуалов, ведомство военных дел, судебное ведомство и ведомство общественных работ. Чэньюи в этом словаре были также распределены по ведомствам, согласно подсчетам, «раздел ведомства чинов содержит 420 слов и выражений, раздел ведомства налогов – 801 слово и выражение, раздел ведомства ритуалов – 156 слов и выражений, раздел ведомства военных дел – 308 слов и выражений, раздел судебного ведомства – 568 слов и выражений, раздел ведомства общественных работ – 319 слов и выражений. Итого – 2572 слова и выражения» [\[23, с. 2\]](#). Несмотря на то, что в названии словаря и указано, что это словарь чэньюев, значительная часть приведенных там выражений являются обычными словами, состоящими из двух иероглифов, а не четырехкомпонентными чэньюями, обладающими переносными значениями, например, 记录 (jì lù) – метод поощрения чиновников во времена династии Цин (запись) [\[23, с. 13\]](#), 签筒 (qiān tǒng) – бамбуковая трубка, в которой находились бамбуковые палочки, использующиеся для жеребьевки чиновников в династию Цин [\[23, с. 16\]](#). Тем не менее некоторые из чэньюев в этом словаре дошли и до наших дней, например чэньюй: 出陈易新 (chū chén yì xīn) – досл. «избавиться от старого и ввести новое», образно эта идиома употреблялась для описания нововведений. Более подробное рассмотрение этого труда позволяет сделать вывод, что содержащиеся в нем иероглифы были не теми чэньюями, к которым привыкли мы, однако, значимость этого словаря заключается в том, что, это была первая попытка по систематизации фразеологизмов китайского языка и созданию соответствующих словарей [\[24, с. 49-55\]](#).

Последовавшие за «Фразеологизмами шести ведомств» лексикографические работы по китайской фразеологии стали более объемными по содержанию, однако, оставались относительно простыми, большая часть содержащегося в них материала относилась не к чэньюям, а к простым словам и разного рода обозначениям, как и в предыдущих словарях. Небезынтересно отметить, что во времена династии Цин создавались «сборники пословиц отдельных местностей Китая; например "Сборник пословиц местности Юэ" (современная провинция Чжэцзян). Но только в 1927 г. Ши Сян-цзай составляет первое большое собрание – "Море китайских пословиц" (более 12 тыс. номеров). Этот сборник остаётся самым большим и по сей день» [22, с. 105]. «Море китайских пословиц» можно назвать исключением из правил, так как, как правило, выпущенные словари того времени насчитывали менее пяти тысяч единиц. Например, в выпущенном в 1937 г. «Практическом фразеологическом словаре чэньюев» (实用成语词典), было включено более двух тысяч часто встречающихся чэньюев. Большая часть из них состояла из двух или четырех частей, но двусложные конструкции были, в основном, простыми словами, а не чэньюями. Словари, изданные в этот период, не обладали той системностью и стройностью в изложении материала, которую мы привыкли видеть в современных словарях, многие чэньюи были ограничены одним лишь толкованием [21, с. 68-76].

На следующем этапе развития китайской фразеографии (с 1949 г. по 1980 г.) было опубликовано три больших словаря чэньюев, в которых изменилась структура подачи материала, так, толкование в них стало более полным, детальным. В изданном в 1952 г. «Кратком словаре чэньюев» (简明成语词典) у каждого приведенного чэньюя было не только толкование, но и чтение, и примеры употребления, у некоторых из чэньюев была указана история их происхождения. Небезынтересно отметить, что в китайском языке миф (история происхождения чэньюя) часто является самим чэньюем, как, например, в случае с идиомой: 画蛇添足 (*huà shé tiān zú*) – досл. «пририсовать змее ноги», обр. «сделать лишнее, перестараться». Многие из идиом, указанных в словарях в то время, сохраняют свою актуальность и используются в повседневной речи китайцев и сейчас [21, с. 68-76].

С 1967 г. по 1977 г. в Китае происходила Культурная революция, затронувшая все сферы жизни людей. Словари также претерпели некоторые изменения: «В этот период общее количество научных публикаций было небольшим, и большая часть должна была объяснять ФЕ, встречающиеся в произведениях председателя Мао Цзэдуна. К ним относятся, например, "Избранные заметки по фразеологизмам"» [24, с. 49-55]. Со временем появился новый тип фразеологических словарей, он создавался для определённой группы пользователей, а именно для обучающихся. В 1980 г. Гао Гуанле выпустил «Словарь общих фразеологизмов для учащихся средних школ», в нем содержалось более тысячи единиц, словарная статья каждого чэньюя имела не только толкование, но еще и чтение, и примеры использования. [24, с. 49-55].

После 1980 г. количество работ по фразеографии значительно увеличилось, структура словарных статей претерпела изменения. Современные российские ученые относят к наиболее выдающимся фразеологическим словарям следующие труды: «"Большой словарь китайских фразеологизмов" (汉语成语大词典, 1985), "Большой словарь классификации китайских фразеологизмов" (汉语成语分类大词典, 1987), "Классификационный словарь фразеологизмов" (成语 应用分类词典, 1987) под редакцией Цзянь Чжи (踐之), "Словарь классификации китайских фразеологизмов" (汉语成语分类词典, 1987) под редакцией Е Цзысюн (叶子雄), "Большой словарь классификации китайских

фразеологизмов" (中国 成语分类大词典, 1989) под редакцией Хань Шэнчжи (韩省之). При составлении обозначенных выше словарей были использованы новые методы индексации и расположения, так, например, в "Словаре классификации китайских фразеологизмов" фразеологические единицы уже систематизированы в соответствии с их значениями, содержанием и привычками использования, в словаре также приведен указатель количества черт иероглифа, указатель толкования фразеологизмов» [\[24, с. 49-55\]](#).

Говоря о последнем этапе развития китайских фразеологических словарей, который продолжается и сейчас, следует отметить, что за последние годы было выпущено большое количество словарей чэньюев. Это связано с активной языковой политикой государства и развитием всех направлений жизни общества. В 2015 г. в Пекине был издан «Словарь десяти тысяч чэньюев», в него вошло около двадцати тысяч словарных статей, как современных, так и древних чэньюев, в словарных статьях приводится чтение, микроструктура, толкование, примеры употребления, синонимы и антонимы, а также область применения [\[21, с. 68-76\]](#).

Среди современных словарей, популярность среди читателей приобрел изданный в 2012 г. «Большой словарь чэньюев». Это издание, являющееся дополненной версией первого издания, увидевшего свет в 2004 г., содержит еще больше чэньюев. Как отмечается современными исследователями-лексикографами: «В общей сложности в "Большом словаре чэньюев" содержится восемнадцать тысяч фразеологизмов и двадцать шесть тысяч иероглифов. В статьях словаря теперь представлены семантические, стилистические и грамматические характеристики идиом, а также культурологические и этимологические комментарии. В качестве примеров использованы фразеологизмы, найденные в наиболее авторитетных изданиях последних лет» [\[21, с. 68-76\]](#).

В заключение можно сделать вывод о том, что фразеографическая традиция Китая уходит корнями в X в., когда прототипами современных, известных нам фразеологических словарей уже были сборники, состоящие не только из чэньюев с переносным значением, но и из обычных слов и выражений. В Китае издавна существовала традиция составления тематических, предметных словарей чэньюев, как, например, сборник «Фразеологизмы шести ведомств», в котором корпус словарных статей поделен на разделы в соответствии с ведомствами. В развитии фразеографии в Китае разные ученые выделяют различные периоды, однако, выделение этапов в развитии обусловлено скорее не развитием лингвистической науки, как в России, а давней культурной традицией.

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) Чэньюи стали фиксироваться в китайских словарях раньше, чем фразеологизмы в русских словарях. Первый сборник собственно пословиц в Китае датирован X в., в то время как в отечественном языкознании первый словарь, в котором появились фразеологические сочетания датируется лишь концом XVIII в.
- 2) Аспектные фразеологические словари появились в Китае раньше, чем в России. В то время как в России фразеологизмы только получили первую лексикографическую разработку в Словаре Академии Российской (1783-1794), в Китае уже существовал полноценный тематический сборник фразеологизмов – «Фразеологизмы шести ведомств» (1742), приведённые в нём слова и чэньюи были сгруппированы по темам, в

соответствии с ведомствами (ведомства чинов, налогов, ритуалов, военных дел, судейское ведомство и ведомство общественных работ), в России первые аспектные фразеологические словари появились только через несколько веков, ближе к концу XX в.

3) Если в России развитие фразеологии связано с развитием лингвистической науки, то в Китае развитие фразеологии скорее обусловлено давней культурной традицией.

Библиография

1. Телия В. Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. М.: Международные отношения, 1981.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007.
3. Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М.: Изд-во Учпедгиз, 1958.
4. Феликсов С. В. «Церковный словарь» протоиерея П. А. Алексеева как лексикографический учебник духовно-нравственной культуры эпохи Русского Просвещения // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2011. № 2 (21). С. 76-85.
5. Биржакова Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 251-271.
6. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1789–1794; Т. I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/slovar_akademii_rossijskoj_tom1_1789.pdf (дата обращения: 15.11.2024)
7. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1789–1794; Т. II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/slovar_akademii_rossijskoj_tom2_1790.pdf (дата обращения: 15.11.2024)
8. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: в 4 т. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847; Т. I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/slovar_cerkovno-slavjanskago_jazyka_tom_1.pdf (дата обращения: 14.12.2024)
9. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. СПб. – М.: Изд-во Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882; Т. IV.
11. Срезневский И. И. Замечания об образовании слов из выражений. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1873.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Изд-во Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912; Т. I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/sreznevsky_slovar_drevnerusskogo_jazyka_tom1_a-k.pdf (дата обращения: 23.12.2024)
13. Генералова Е. В. К началам исторической фразеологии: устойчивые сверхсловные комплексы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. 20 (4). С. 662-683.
14. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1912.
15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и

лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

16. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: «Советская энциклопедия», 1968.

17. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008.

18. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии: Ок. 800 фразеологизмов. М.: «Русский язык», 1985.

19. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-Пресс 2006.

20. Лу Чжоюн. Исследование чэньюев и составление словаря чэньюев // Журнал Университета Хубэя, 1991. С. 141-152. (卢卓群. 成语研究和成语词典的编纂. 湖北大学学报, 1991.)

21. Су Мюань. О старых и новых китайских словарях фразеологизмов чэньюев // Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение. 2020. С. 68-76.

22. Рифтин Б. И. Китайские пословицы как материал для изучения народного мировоззрения // Советская этнография. № 4. М., 1960. С. 105-120.

23. Ли Пэннян. Словарь фразеологизмов шести ведомств династии Цин. Тяньцзин: Тяньцзинское народное издательств, 1990. (李鹏年. 清代六部成语词典. 天津:天津人民出版社, 1990.)

24. Костева В. М., Сыфань Ч. Основные характеристики китайской и русской фразеологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №7 (862). С. 49-55.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «О словарном представлении фразеологизмов в русской и китайской лексикографии».

Предмет исследования – национально-культурные особенности развития фразеологических традиций России и Китая.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением следующих методов: анализ, сопоставление, обобщение и синтез.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения словарного представления фразеологизмов в лексикографии: многие вопросы, касающиеся принципов составления фразеологических словарей, методов анализа и демонстрации принципов этого типа словарей в рамках общей теории лексикографии и переводческой лексикографии требуют уточнения и систематизации. Сравнительный характер исследования позволяет выявить сходства и различия в словарных представлениях фразеологизмов в русских и китайских лингвистических словарях, а также сделать общие выводы об эволюции фразеологических традиций России и Китая.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой сопоставительного анализа эволюции словарных представлений фразеологизмов в русских и китайских лингвистических словарях, причем основой сопоставления является материал русского языка.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, уточнено значение термина «фразеологизм» в русской

и китайской лексикографии); фразеографическая традиция в России (автор рассматривает развитие отечественной лексикографии через призму фразеологической традиции; дана характеристика фразеологических словарей; приведены иллюстративные примеры; автор делает вывод, что развитие отечественной фразеографической традиции шло параллельно с развитием фразеологии как науки и в её истории можно выделить 5 этапов); фразеографическая традиция в Китае (автор рассматривает развитие китайской фразеологической традиции; дана характеристика фразеологических словарей и справочников; приведены иллюстративные примеры; указано, что в развитии китайской фразеографической традиции можно выделить 4 периода); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, что аспектные фразеологические словари появились в Китае раньше, чем в России); библиография (включает 22 источника отечественных и зарубежных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья будет интересна тем, кто занимается исследованием русской и китайской фразеографических традиций. Приставленные результаты могут стать основой для сопоставительных исследований фразеографических традиций других стран.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. Следует уделить бóльшее внимание описанию эмпирического материала, источники эмпирического материала следует включить в библиографию.
2. Необходимо уделить бóльшее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным.
3. Необходимо унифицировать формат иллюстративных примеров, было хорошо привести примеры словарных статей. Было также бы интересно выполнить сравнительный анализ современных русского и китайского фразеологических словарей, проанализировать их макро- и микроструктуры.
4. Следуют упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.
5. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года. Необходимо также перепроверить валидность ссылок на электронные ресурсы и обновить дату обращения.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа посвящена сопоставлению истории развития представления фразеологизмов в русских и китайских лингвистических словарях. Автор в начале статьи отмечает, что «предметом исследования являются русские словари фразеологизмов и китайские словари чэньюев (成语词典)». В целом же исследование проведено с целью выявления сходства и различия в представлении фразеологизмов / чэньюев в русской и

китайской лексикографии. Считаю, что точность позиция налицо, формат научного изыскания оправдан, тема актуальна и нет так объемно представлена в массе критических источников. Основной метод – сравнительно-сопоставительный, он наиболее продуктивен для лингвистических исследований. Соглашусь с автором, что новизна данного труда состоит, «во-первых, в том, что в Китае первые аспектные фразеологические словари появились задолго до подобных словарей в России, и, во-вторых, в том, что развитие фразеологии в России связано с прогрессом в лингвистической науке, а в Китае – с культурной традицией». Текст дробится на т.н. смысловые блоки, дифференциация вполне оправдана; однако режим компаративизма выдержан на протяжении всей статьи. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «В «Словаре церковно-славянского и русского языка», составленном Вторым Отделением Императорской Академии наук и выпущенным в 1847 г., в предисловии указывается, что необходимо «слова объяснять как в собственном, так и в переносном смысле; переносный смысл означать звездочкою, причем присовокуплять все особенные выражения, напр. При слове Бог: с Богом! Бог с тобой! Выражения, составляющие особенности языка, от определений и примеров отделять чертою» [8, с. 13]. Все «особенные выражения», под которыми понимались в том числе и фразеологизмы, например: выиграть время, не выносить из избы сору помещались в конец словарной статьи и не были никак разграничены [9, с. 4]». Как видим цитаты выведены верно, серьезная правка излишня. История вопроса рассмотрена объемно, должный вариант отсылки к оппонентам сделан: «В 1873 г. была опубликована статья И. И. Срезневского «Замечания об образовании слов из выражений», в ней ученый писал о том, что «выражения в большей части случаев есть связь слов, соединенных в одно целое по требованию мысли и грамматического строя языка; так на пример: добро пожаловать, век вековать, удалый добрый молодец, красная девица, милостивый государь, по добру по здорову, что за статья, ума палата, ни капли, без сомнения, на худой конец, под спудом, и пр.» [11, с. 5]», или «Как пишет В. Н. Телия, расцвет фразеологии в отечественном языкознании пришёлся на конец 1940-х гг. и начало 1960-х гг. XX в., и во многом связан с идеями В. В. Виноградова, чьи идеи были приняты и продолжены его последователями, к середине 1960-х гг. фразеология в отечественной лингвистике начала оформляться в отдельную самостоятельную дисциплину, этот период считается классическим [15, с. 11-12]» и т.д. Термины и понятия, которые используются в работе, унифицированы. Материал информативен, содержателен; принцип хронологии, на мой взгляд, автором выбран не случайно, это дает возможность верно раскрыть тему, а также достичь поставленной цели. Не исключает автор и введение т.н. промежуточных выводов, они, думается, вполне уместны. Фактические данные, которые вносятся в текст статьи, верифицированы: «китайские исследователи выделяют в развитии китайской фразеологии четыре периода: 1) 1742–1948 гг. – начальный этап; 2) 1949–1980 гг. – этап углубленного изучения фразеологизмов и идиом в Китае; 3) 1981–2000 гг. – период активного издания фразеологических словарей, усложнение их классификации; 4) XXI в. – этап расцвета китайской фразеологии [21, с. 68-76]. Необходимо отметить, что, как и в случае с отечественной фразеологической традицией, прототипы первых словарей чэньюев появились в Китае задолго до упомянутых дат». Выводы по работе соотносятся с основной частью. Автор тезисует, что «аспектные фразеологические словари появились в Китае раньше, чем в России. В то время как в России фразеологизмы только получили первую лексикографическую разработку в Словаре Академии Российской (1783-1794), в Китае уже существовал полноценный тематический сборник фразеологизмов – «Фразеологизмы шести ведомств» (1742), приведённые в нём слова и чэньюи были сгруппированы по темам, в соответствии с ведомствами (ведомства чинов, налогов, ритуалов, военных дел, судебское ведомство и ведомство

общественных работ), в России первые аспектные фразеологические словари появились только через несколько веков, ближе к концу XX в.». Библиография объемна, полновесна, однако не помешает унифицировать оформление (включить полное описание источников, указать общее количество страниц у монографических изданий). Материалы работы можно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «О словарном представлении фразеологизмов в русской и китайской лексикографии» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Sychev, R.V. (2025). The Colonial Kaqchikel verb *ux* and its role in non-verbal predication. *Litera*, 2, 419–434 DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.70057

The Colonial Kaqchikel verb *ux* and its role in non-verbal predication / Глагол *ux* в какчикельском языке Колониального периода и его роль в неглагольной предикации

Сычев Роман Владимирович

ORCID: 0000-0002-5446-6872

аспирант, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, каб. 953

✉ r-sychev@inbox.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.70057

EDN:

EICKLY

Дата направления статьи в редакцию:

05-03-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Объектом исследования являются особенности какчикельского языка Колониального периода (семья майя), предметом – свойства неглагольных клауз. Особое внимание уделяется глаголу *ux*, его морфосинтаксическим и семантическим характеристикам, а также его роли в неглагольной предикации. В современном какчикельском языке этот глагол отсутствует (хотя сохранился в родственных какчикельскому языках киче и кекчи, однако в них он является лексическим, а не служебным глаголом). В протомайянском языке глагол *ux* не реконструируется. Цель работы – описать морфосинтаксические и семантические особенности глагола *ux* в какчикельском языке Колониального периода. Материалом для исследования послужил корпус текстов на какчикельском языке Колониального периода, грамматические

описания и словари периода с XVI по XIX век. Основой корпусного анализа послужил текст *Анналов какчикелей* (манускрипт XVI века, опубликованный Дэниэлем Бринтоном в 1885 г.). Основным методом является морфосинтаксический анализ. Выявлена связь семантического типа неглагольного предиката и структурной конфигурации клаузы. Описаны особенности копульных и бескопульных конструкций какчикельского языка Колониального периода. Показана служебная функция глагола *их*, которая состоит в установлении предикативной связи, а также в выражении времени, аспекта, модальности неглагольных предикатов. Предпринята попытка этимологического анализа глагола *их*, отмечаются его когнаты в близкородственных языках: *киче* и *кекчи*. Анализ показал, что *их* может модифицировать все семантические типы неглагольных предикатов и заменять экзистенциальный копульный элемент *k'o*. Вместе с тем, глагол *их* никогда не помещается в каноническую (левую) позицию предиката. Приводятся функциональные отличия аспектуальных форм глагола *их*. Выявлено сокращение стратегий выражения времени, аспекта, модальности неглагольных предикатов в истории какчикельского языка.

Ключевые слова:

неглагольные предикаты, копула, копульная предикация, бескопульная предикация, семантика неглагольной предикации, языки майя, какчикель, колониальный какчикель, история какчикельского языка, ТАМ

1. Introduction

In natural languages, two generalized structural types of non-verbal clauses can be identified (*i.e.*, the predicate is a lexeme other than a verb, denoting a property or relation [1]): copular and non-copular constructions. The latter can be represented by juxtaposition constructions or constructions with predicative flexion (Type A – personal agreement affix on the predicate or Type B – case marker on the referential noun phrase) [2].

In [3], 7 semantic types of non-verbal predicates are distinguished: classificational (1), equative (2), attributive (3), appertentive (4), predlocative (5), existential (6), and predpossessive (7). In modern Kaqchikel, non-verbal predicates are represented by non-copular constructions (Type A). Only three types of constructions (5, 6, 7) require the auxiliary element *k'o*, which, however, is not a true copula since it introduces an essential component of meaning into the construction, possesses its own valency, and always occupies the predicate position – characteristics that a true copula usually does not have (see [1],[4]).

(1) *in tijonel*

1sg.abs teacher

'I am a teacher.' [5, p. 14]

(2) *ru-tata' B'eleje' Ey*

3sg.pos-father B'eleje' Ey

'His father is B'eleje' Ey.' [5, p. 63]

(3) *pim-ø ru-koton*

thick-3sg.abs 3sg.pos-jacket

'His jacket is thick.' [5, p. 27]

(4) *la su't la' r-ichin nu-xib'al*

def sweater dem 3sg.pos-rn 1sg.pos-brother

'That sweater is my brother's.' [5, p. 44]

(5) *akuchi k'o wi ri wayb'äl-jay*

where exs part def restaurant

'Where is the restaurant?' [5, p. 67]

(6) *jampe ch'atal e k'o pa qa-tijob'al*

how.many table 3pl.abs exs pre 1pl.pos-classroom

'How many tables are there in our classroom?' [5, p. 20]

(7) *k'o jun ru-koton pim*

exs indef 3sg.pos-jacket thick

'He has a thick jacket.' [5, p. 27]

For the Proto-Mayan language, a copula is not reconstructed (e.g., [6] and [7]). However, in texts in the Kaqchikel language from the Colonial period (XVI-XIX centuries), as well as in descriptions of the language from the same era, the verb *ux* is encountered, apparently serving as an equative copula in specific contexts (8).

(8) *ki-tzih nim a q'ih t-ø-ux*

intens-speak big 2sg.pos wealth pot-3sg.abs-cop

'Truly great must be your wealth.' [8, p. 74]

The aim of this study is to describe the morphosyntactic and semantic properties of the verb *ux*.

The research is based on texts from the colonial period Kaqchikel, including *The Annals of the Kaqchikels* (a manuscript from the XVI century, published in Philadelphia, USA, in 1885 [8]), the *Chronicles of B'oko'* (*Títulos de B'oko'*, XVII-century text [9]), grammatical descriptions, and dictionaries of the Kaqchikel language from the XVI to the XIX century (*Theologia indorum*, known as Manuscript *Américain 42* in Bibliothèque Nationale de France [10]), works of Franciscan missionaries Betanzos, Parra [11], Solano [12], Ximénez [13], Flores [14], Torresano [15], Brasseur de Bourbourg [16], Brinton [17] and [8]), as well as texts from grammars and dictionaries from the 16th century attributed to de Villacañas. Works from the 20th century by Schoembs [18] and Diaz Barrios, Herbruger [19] were used to document grammatical changes.

2. The Kaqchikel Colonial grammars and vocabularies

Kaqchikel, belonging to the K'iche'an (Eastern Mayan) language family alongside K'iche', Achi, Tzutujil, Sacapultec, and Sipacapense forms the Proper K'iche'an subgroup, exhibiting close linguistic ties. Presently, it boasts around 411,000 native speakers, with diverse dialects such as Southwestern, Eastern, Northern, Santa María de Jesús, Santo Domingo Xenacoj, Central, Southern, Western, and Yepocapa. Geographically, these dialects are distributed across the departments of Chimaltenango, Escuintla, Quiché, Sacatepéquez, Sololá, and the Department of Guatemala in the Republic of Guatemala.

During the Spanish Conquest, the Kaqchikel people, governed by two branches of the same reigning house, witnessed the founding of Guatemala City in their lands. Consequently, the Kaqchikel language gained prominence among missionaries. Francisco Marroquín, appointed as the first bishop of Guatemala in 1534, marked a significant juncture as Catholic doctrinal documents began to be published in Kaqchikel. In 1676, the University of Guatemala was established, and in 1678, it featured a dedicated department for the Kaqchikel language, led by Dominican fray, Father José Senoyo [\[17, p. 347\]](#).

All existing grammars and dictionaries of the Kaqchikel language, as well as those of other Mesoamerican languages, were authored by Catholic missionaries, with the majority attributed to Franciscans. The earliest surviving work is the 16th-century Spanish-Kaqchikel dictionary (*Vocabulario hispano-cakchiquel chi*) by fray Juan Alonso [\[20, p. 141\]](#). Another contemporaneous document, *Vocabulario cakchiquel, con quiché y zutujil, y castellano* attributed to fray Domingo de Vico, is also recognized. Additionally, the title of a work printed in Mexico in 1556, *Arte, Vocabulario y Doctrina Christiana en Lengua de Guatemala* is acknowledged. While fray Perdo de Betanzos and fray Juan de Torres are identified as two potential authors, the exact authorship remains uncertain. This work serves as an exposition of the foundations of the Catholic faith in the Kaqchikel language. The Introduction outlines a dispute between Franciscans and Dominicans regarding the use of the Kaqchikel word *cabovil* ('god') to denote the Christian God. Despite advocating for the use of the Spanish word *Dios*, the work encompasses not only catechism and reasoning but also a grammatical section and a dictionary.

The pioneering efforts in developing the Kaqchikel alphabet are attributed to these missionaries, a contribution enduring through the mid-XX century. In the latter half of the XVI century, Father Félix Solano's work, *Vocabulario en lengua castellana y guatemalteca que se llama Cak chi quel chi*, emerged. Another work from the same period is *Vocabulario copioso de las lenguas cakchikel, y jiche*. While it is speculated to be a copy of a work by Dominican fray Benito de Villacañas, who began his mission in Guatemala in 1568, René Acuña posits an alternative theory. Acuña suggests that this work was not composed by Benito de Villacañas and did not originate in Guatemala. Instead, he proposes that it was authored by an anonymous Franciscan friar in the first half of the XVIII century and published in Zapotitlán, Mexico.

In the XVII century, a notable work is *Thesaurus verborum, Vocabulario de la lengua cakchiquel, vel Guatimalteca Nuevamente hecho y recopilado con summo estudio, trabajo y erudición* by fray Tomás de Coto. The surviving copy is incomplete, leaving room for speculation as to whether the author lacked the time to finalize his work or if only a portion has been preserved. Notably, the text frequently alludes to appendices, yet no appendices associated with the work have been identified. During the latter half of the XVII century, the Dominican fray Francisco Ximénez produced the dictionary *Bocabulario de la Lengua Cakchiquel*. Additionally, another work by fray Ximénez, *Arte de las tres lenguas*

Q'aq'chiquel, Quiche y Tz'utuhil, was published in 1701.

In 1743, Guatemala attained the status of an Archbishopric, and the Kaqchikel language was elevated to the position of "the metropolitan tongue" [17, p. 347]. Exactly a decade later, in 1753, the renowned work *Arte de la lengua metropolitana del Reyno Cakchikel o Guatemalico, con un paralelo de las lenguas de los Reynos Kiche, Cakchikel y Tz'utuhil, que hoy integran el Reyno de Guatemala* by Fray Ildefonso Joseph Flores was published. In 1794, Father Estevan Torresano's work *Arte de la lengua Cakchiquel* also made its appearance.

In the latter half of the XIX century, the *Grammaire de la langue quiché* by French abbot Etienne-Charles Brasseur de Bourbourg was published. This work was dedicated to the description of three closely related languages: K'iche', Kaqchikel, and Tzutujil. It includes translations of *Rabinal Achi* and *Vocabulario de las principales raíces o fuentes de que salen los tres dialectos guatemalanos, quiché, cakchiquel y tzutuhil, con una traducción española y francesa y comparación etimológica de unos vocablos con las lenguas germánicas*. Towards the end of the 19th century, Daniel Brinton's *A Grammar of the Cakchiquel Language of Guatemala* was published. This work is a translation of a collection of previously unknown manuscripts that delve into the description of the Kaqchikel language dating back to the XVII century. These manuscripts were presented to the Library of the American Philosophical Society in 1836 by Señor Mariano Galvez, then the Governor of Guatemala [17, p. 349].

3. Lexical meaning of *ux* and its traces in modern Kaqchikel

3.1. *Ux* in Colonial dictionaries

Fray Ximénez in his *Arte de las tres lenguas...* says: "Este verbo [it means *sum, es, fui*] no tiene propia voz en esta lengua, como en la latina..." ("This verb has not the proper word in this language as [it has] in Latin") [13, p. 17]. The author says that previous grammars considered *ux* as 'ser' ('to be' in Spanish) and *q'o* as 'estar' ('to be located, stand' in Spanish).

In the part '*Del verbo substantivo. Sum, es, fui*' fray Flores says that there isn't a special word for the idea of *sum, es, fui* [Flores 1753: 59]. But still indicates that it is either null either expressed by two means. First, different meanings are expressed by different forms: *vx* 'ser', *k'oh* or *k'ohe* 'estar'. Second, one form for different meanings: *k'oh* for 'haver, estar, tener' [14, p. 59]. However, the author does not explain why the predicate *k'oh* can have the form *k'ohe* for 'estar' in the first way to express the Latin notion of *sum, es, fui* but it has only one form *k'oh* in the second way. Moreover, the difference between 'haver' and 'tener' among meanings of *k'oh* remains unclear. One can figure out that 'haver' can mean the grammatical use of 'to have' and 'tener' is for the lexical possession verb.

In [21, p. 263], it is noted that the form *ux* can be complex. The author thinks that it is a passivization of another verb *uh* with a passive marker -x. Professor Stoll suggests the hypothesis that the verb *uh* denotes 'to generate.' However, precisely this form has not been found in the dictionaries of the Colonial period.

The only form that can be found in [12], [13], [14], and [15], is *ux*. The dictionaries provide its definition as 'grinding stone, sharpening stone' or 'ser.'

An interesting fact is that in all the examined dictionaries, there is a lexeme with exactly

the same set of meanings: *ca* (or *ka*).

3.2. Possible etymology and meaning of *ux*

The Colonial K'iche' (the closest related language to Kaqchikel) text Popol Vuh also contains non-verbal clauses with *ux* that can be translated as 'become' (9). The Missionary orthographic tradition has some specific symbols: 4 for *k'* in modern OKMA orthography; 4, – for *tz'*, 4c for *ch'* and *£* for *q'*. But for the purposes of simplicity, I replaced them with new characters.

(9) a. *jusuk' nima'q juyub' x-ux-ik*

at_once big mountain compl-**become**-ss

'Straightaway great mountains came to be.' [22, p. 230]

b. *ta ch-ux-oq xa lab'e*

irr pot-**become**-ss only mistake

'Then let it become merely mistake.' [22, p. 480]

The modern K'iche' verb *uxik* (*ux* and status suffix *-ik*) 'become' and Q'eqchi' verb *uxk* 'happen, be realized, become' (10) seem to be related with Colonial Kaqchikel *ux*. They are not used as a copula but as an independent lexeme with its own semantics.

(10) *na'-ux-k len tijok sa' k'iche'*

inc-**happen**-ss quot prayer pre mountain

'They say that ceremonies are held in the mountains.' [23, p. 185]

Also, the modern interrogative word *atux* meaning 'what' is derived from the verb *ux* (2sg.abs *at* and *ux*).

So, the possible meaning of *ux* can be interpreted as 'become, happen.'

4. The Colonial Kaqchikel non-verbal predication

4.1. Structural and semantic types

Two primary structural types of non-verbal clauses exist in Colonial Kaqchikel: copulaless (11) and copular constructions (12). Copulaless constructions consist of two N(ominal)P(hrases) (or a pronoun and an NP), where one functions as a referent NP and the other as a predicative NP. They are linked through juxtaposition. On the other hand, copular clauses are more intricate, with the two NPs connected through a copular element.

(11) *yn utz*

I good

'I am good' [17, p. 373]

(12) *k'a ruyon ok umul tz'iquin k'oh*

pst only part rabbit bird **exs**

'then only rabbits and birds were here' [17, p. 66]

A correlation between the semantic type of the non-verbal predicate and the structural type of the clause can be identified. Non-verbal clauses with an existential (13), locative (14), and possessive (15) nature incorporate the *k'oh/k'o* copular element.

(13) *k'oh chiri e mulan conohel*

exs there 3pl.abs together all

amaq' ahlabal chi palouh

village warrior pre sea

'There were gathered together the warriors of all the seven villages at the sea.' [\[17, p. 78\]](#)

(14) *xae chay chi chicop etam-ayon k'o vi*

only obsidian pre animal know-ptp **exs** part

ri echa pam Paxil

def food pre Pashil

'Only the Obsidian Beast knew that there was food in a place called Pashil (Guatemala).' [\[17, p. 68\]](#)

(15) *chinak k'oh u cheen*

who **exs** 3sg.pos power

'Who has the power (who can)?' [\[17, p. 78\]](#)

In contrast, other semantic types of non-verbal predications [Haspelmath 2022], such as classificational (16), equational (17), attributional (18), and appertentive clauses (19), typically do not employ any copular element.

(16) *yn yn ah-pop*

1sg.abs 1sg.abs agt-king

'I am a king.' [\[8, p. 107\]](#)

(17) *yn y-lab, qu-ix-cam*

1sg.abs 2pl.pos-harbinger opt-2pl.abs-die

'I am your harbinger [of your death], you shall die.' [\[8, p. 77\]](#)

(18) *in vtz*

1sg.abs good

'I am good.' [\[13, p. 17\]](#)

(19) *hun nabey-al hun k'a ch'ipil-al ch-iv-ichin*

one first-nmlz one and youngest_son-nmlz pre-2pl.pos-m

'One chief and one junior are yours.' [\[8, p. 76\]](#)

4.2. Tense/aspect/mood marking

The copula serves a dual purpose. On the one hand, it is intended to establish relations of predication between the subject and the non-verbal predicate, in cases where the latter cannot do so independently. On the other hand, the copula provides means of tense/aspect/mood (TAM) contextualization for the non-verbal predicate. Since in Colonial Kaqchikel, non-verbal predicates (excluding existential, locative, and possessive) could directly enter predicative relations with the subject, they had a limited set of contextualization means available.

In the history of the Kaqchikel language, four methods of TAM-contextualization can be identified. A morphological mean, direct verbalization (when NVP can incorporate aspectual morphology); two syntactical means, the copula *ux* and special particles, and a lexical mean – adverbs.

It should be noted that the direct verbalization of positional predicates is still encountered today, representing a common means of TAM-contextualization (20), just because positional roots can form all types of stems, including verbal stems. They constitute a distinct lexical class in Mayanist descriptive tradition. Positional predicates are formed by a special type of roots – positional roots. The latter cannot be used in free form; to create a lexeme, they must undergo derivation. According to [\[24, p. 223\]](#), positional roots can describe the position in space, the shape or state of an object, and also indicate the absence of movement. In [\[25, p. 116\]](#), it is pointed out that transitive bases formed by positional roots denote the creation of an object in the shape specified by the semantics of the positional root or the action of placing an object of the specified shape in space. Intransitive bases formed by positional roots indicate that something acquires the specified shape. Substantive bases derived from positional roots denote objects of the specified shape or occupying the specified position. Adjective bases formed from positional roots indicate that the object is in a state described by the positional root.

In addition to TAM-morphology, the stem also takes the suffix *-e'*. This derivation means that the object takes the position indicated by the positional root. However, non-verbal predicates derived from other lexical classes have lost this capability. Presumably, it was possible in the 16th century, but it is not found in later sources.

(20) a. *in raq'-ar-ik*

1sg.abs lean-adj-nmlz

'I am leaning.' [\[26, p. 79\]](#)

b. *x-raq'-e'*

compl-lean-der

'He/she/it leaned.' [\[26, p. 79\]](#)

According to our observations, direct verbalization of non-positional predicates is found in only one source from the 16th century [\[10\]](#) (and only for adjectives) (21).

(21) *x-utz-in kaj x-utz-in ulew r-umal*

compl-good-vrblz sky compl-good-vrblz earth 1sg.pos-rn

x-utz-in q'ij

compl-good-vrblz light/day

'{God} made the sky, he made the earth, and he made the light.' [\[10, f. 3, 1st line on the left site\]](#)

In (21) F. Vico used the verbalized form of the adjective *utz* 'good' with the verbalizer *-in* to make a transitive form (the 3rd sg ergative marker is omitted in (21) due to phonological reasons and the 3rd absolutive is always null). The resulting meaning of *utzin* can be interpreted as 'make good, make perfect.'

It is also important to highlight that in some languages related to Kaqchikel, such as Q'eqchi', this method of contextualization remains productive even today (22).

(22) *naq t-in-nim-an-q laa'in-aq aj b'olotz oq*

when **pot**-1sg.abs-big-ap-ss 1sg.pro-ss clf football_player

'When I grow up I will become a football player.' [\[23, p. 17\]](#)

The particles are primarily placed between the absolutive clitic and the non-verbal predicate (23). Adverbs, as a rule, typically follow the non-verbal predicate (24).

(23) *at naek vtz*

2sg.abs part good

'You were good.' [\[13, p. 17\]](#)

(24) a. *in vtz oher*

1sg.abs good yesterday

'I was good yesterday.' [\[13, p. 18\]](#)

b. *in vtz chuac/cabih*

1sg.abs good tomorrow/day_after_tomorrow

'I will be good tomorrow/the day after tomorrow.' [\[13, p. 18\]](#)

Adverbs and particles as means of contextualization have been present throughout the history of the Kaqchikel language from the Colonial period to the present day. The verb *ux* disappears, presumably, in the XVIII-XIX centuries. Moreover, grammars from the second half of the XIX century that mention it reproduce earlier texts (e.g., [\[16\]](#), [\[8\]](#), and [\[17\]](#)). By the early XX century, the verb *ux* is no longer encountered (e.g., [\[18\]](#) and [\[19\]](#)) (Table 1).

Table 1. Means of TAM-marking in the history of Kaqchikel language

	<i>XVI century</i>	<i>XVII -XIX centuries</i>	<i>XX -XXI century</i>
<i>Direct verbalization</i>	+	-	-
<i>Conjunct ux</i>	,	,	

<i>Copula ux</i>	+	+	-
<i>Adverbs-modifiers</i>	+	+	+
<i>Particles-modifiers</i>	+	+	+

4.3. *Ux as a non-verbal construction modifier*

The non-verbal predicates can employ the verb *ux* to introduce aspectual and/or modal nuances to the predication. This verb has the capability to modify various types of non-verbal clauses, including existential (25), possessive (26), classificational (27), equational (28), attributional (29), and appertentive (30). However, in the examined corpus, there were no examples found where the verb *ux* modifies locative non-verbal constructions. This could indicate either that the verb *ux* cannot modify locative constructions in principle, or simply that there are no such examples in the corpus. In any case, further investigation is needed.

(25) *oxlahuh achij, cahlahuh*

thirteen men fourteen

k'a ixok x-ux

so women compl-cop

'So, there were thirteen men, fourteen women.' [\[8, p. 68\]](#)

(26) *x-e-k'uluk'u he k'a cay*

compl-3pl.abs-merry 3pl.pro so two

ri xhayil hun x-ux

def wife one compl-cop

'And they got married, and each had two wives.' [\[8, p. 68\]](#)

(27) *mani k'a r-u quiquel*

neg so 3sg.pos-rn blood

r-u tiohil x-ux

3sg.pos-rn body compl-cop

'And he was not [made] of flesh and blood.' [\[8, p. 68\]](#)

(28) *xa at r-et al çaq'ih t-ux*

only 2sg.abs 3sg.pos-sign spring pot-cop

'You are just a sign of spring.' [\[8, p. 76\]](#)

(29) *ki-tzih nim a q'ih t-ø-ux*

intens-speak big 2sg.pos wealth pot-3sg.abs-cop

'Truly great must be your wealth.' [\[8, p. 74\]](#)

(30) *vuetah m-ix-vikah ree xit,*

if inc-2pl.abs-pay_tribute dem jade

puak, q'uq'uraxom, bix y-e-q'etah,

silver feather_items song inc-3pl.abs-curse

r-uma xavi k'a yv-ichin t-ux

3sg.pos-rn only so 2pl.pos-rn pot-cop

'If you give jade, silver, feather items as tribute, you will only receive songs of hatred (then the songs of hatred will be yours).' [\[8, p. 77\]](#)

The first thing we should pay attention to is that the verb *ux* always takes the final position. In existential and possessive clauses, it replaces *k'o*, but still occurs in the right position. Even though *ux* is a verb, it never occupies the prototypical predicate position (left). It is obviously an intransitive verb since it has no ergative markers. Moreover, it seems that *ux* has no special lexical meaning.

There are 5 forms of the verb *ux* in the entire text of *The Annals of the Kaqchikels* [\[8\]](#) with 3 aspectual/mood markers: completive (3rd singular *xux* and 3rd plural *xeux*), potential (3rd singular *tux*), and incomplete (1st singular intransitive *quinux* and 2nd singular intransitive *catux*). In the text, all these forms occur with different frequencies. The entire text under study contains about 14,800 words. The verb *ux* occurs 46 times. The most frequent is its completive use (22 forms), then goes the potential use (14 forms), and the less frequent is the incomplete use (10 forms) (Table 2).

Table 2. Frequency of use of *ux* forms

completive	22	xux	19
		xeux	3
incomplete	10	quinux	1
		catux	9
potential	14	tux	13
		naktux 'why'	1

It seems that the "most equative" is the incomplete use (31, 32, 33).

(31) *yn ah-queh, yn ah-cab qu-in-ux*

1sg.abs agt-venison 1sg.abs agt-honey inc-1sg.abs-cop

{O thou lord, I will give thee the venison and the honey, [because]} 'I am the owner of venison and the owner of honey.' [\[8, p. 92\]](#)

(32) *maquian at nu hay*

neg 2sg.abs 1sg.pos house

nu chinamit c-at-ux

1sg.pos tribe inc-2sg.abs-cop

'You are not of my house, not of my tribe.' [\[8, p. 86\]](#)

(33) *chinak c-at-ux*

who inc-2sg.abs-cop

'Who are you?' [8, p. 86]

The affirmative forms use double absolutive: one is a clitic used with a non-verbal, other is a prefix used with *ux* (31, 32). The interrogative forms do not repeat the absolutive (33). The difference between copulaless non-verbal clauses and clauses with incomplete *ux* is that the verb *ux* appears to make the non-verbal predicate more communicatively emphasized. The difference between (31, 32, 33) and (34) lies in the use of different means of emphasis: syntactical (31, 32, 33) and lexical (34).

(34) *ki-tzih vi chi at nu-chaq', nu-nimal*

intens-speak part pre 2sg.abs 1sg.pos-brother 1sg.pos-elder

'Truly you are my brother, my elder.' [8, p. 86]

The completive forms of *ux* are intended mainly to help the non-verbal predicate express tense(past)/aspectual meanings (25). The potential forms are means to express tense(future)/modal meanings (30).

5. Conclusion

The verb *ux* functions as a true copula since it has no inherent valency, does not contribute lexical meaning to the clause, and does not occupy a structural predicate position (instead, it "advances" the non-verbal element to a predicative position).

The use of the verb *ux* with non-verbal predicates is limited to certain contexts: it imparts aspectual and/or modal (*i.e.*, grammatical) meaning to the non-verbal clause.

The verb *ux* can modify all semantic types of non-verbal clauses (maybe with exception of locative). In existential and possessive clauses, it replaces *k'o/k'oh* while taking the final (right) position.

A decrease in the amount of TAM-marking means was revealed in the history of Kaqchikel language. Starting from four non-verbal predicates TAM-marking strategies in XVI century, to three in XVII-XIX with no direct verbalization, to only adverbs and particles in XX-XXI with no more copula *ux*.

In all examined colonial-period dictionaries, the verb *ux* is defined as 'grinding stone, sharpening stone' or 'to be.' However, the lexeme *ca* (*ka*) also carries the same set of meanings. In contemporary Kaqchikel, the lexeme *ka'* also means 'grinding stone, sharpening stone.'

The verb *ux* is present in modern Kaqchikel, as part of other lexemes (*e.g.*, interrogative word *atux* 'what').

List of abbreviations:

1, 2, 3 – first, second, third person

abs – absolutive

adj – adjectivizer

agt – agentive
clf – classifier
compl – completive
cop – copula
def – definite article
dem – demonstrative
der – derivation
exs – existential
inc – incomplete
indef – indefinite article
intens – intensifier
irr – irrealis
neg – negation
nmlz – nominalizer
opt – optative
part – particle
pl – plural
pos – possessive
pot – potential
pre – preposition
pro – pronoun
pst – past
ptp – participle
quot – quotative
rn – relational noun
sg – singular
ss – status suffix
vrbz – verbalizer

Библиография

1. Hengeveld K. *Non-Verbal Predication: Theory, Typology, Diachrony*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1992.
2. Bertinetto P., Ciucci L., Farina M. Two types of morphologically expressed non-verbal

predication // *13th Conference of the Association for Linguistic Typology*. Pavia (Italy), 4-6 September 2019.

3. Haspelmath M. *Nonverbal clause constructions*. Draft. April 2022.
4. Pustet R. *Copulas: Universals in the Categorization of the Lexicon*. Studies in Language. 31. Oxford: Oxford University Press, 2003.
5. Maxwell J., Little W. *Kaqchikel Tijonik Oxlajuj Aj = Curso de idioma y cultura maya kaqchikel*. Guatemala: Editorial Junajpu, 2006.
6. Kaufman T., Justeson J. *A preliminary Mayan etymological dictionary*. Unpublished manuscript, 2003.
7. Kaufman T. *Mayan comparative studies*. Unpublished manuscript, 2003.
8. Brinton D. *The Annals of Cakchiquels*. Philadelphia: Library of Aboriginal American Literature. No. VI, 1885.
9. Maxwell J., Hill R. Títulos de B'oko': Escrituras de tierras maya kaqchikeles del siglo XVII // *Mesoamérica* 52, 2010, pp. 111-141.
10. Vico Domingo de. *Theologia indorum*. Bibliothèque nationale de France. Manuscript Américain 42. Unpublished manuscript, 1553. Gift of Mariano Gálvez, Governor of Guatemala, from the Academia de Ciencias de Guatemala to the APS in 1836.
11. Betanzos P., Parra F. *Arte, Vocabulario y Doctrina Christiana en Lengua de Guatemala*. Mexico, 1556.
12. Solano F. *Vocabulario en lengua castellana y guatemalteca que se llama Cak chi quel chi*. Guatemala, 1680.
13. Ximénez F. *Arte de las tres lenguas Q'aq'chiquel, quiché y Tz'utuhil*. Guatemala, 1701.
14. Flores I. *Arte de la lengua metropolitana del Reyno Cakchikel o Guatemalico, con un paralelo de las lenguas de los Reynos Kiche, Cakchikel y Q,utuhil, que hoy integran el Reyno de Guatemala*. Guatemala, 1753.
15. Torresano E. *Arte de la lengua Cakchiquel*. Guatemala. 1794.
16. Brasseur de Bourbourg E-C. *Grammaire de la langue quiché. Rabinal Achi. Vocabulario de las principales raíces o fuentes de que salen los tres dialectos guatemalanos, quiché, cakchiquel y tzutuhil, con una traducción española y francesa y comparación etimológica de unos vocablos con las lenguas germánicas*. Paris, 1862.
17. Brinton D. A Grammar of the Cakchiquel Language of Guatemala // *Proceedings of the American Philosophical Society*, Apr., 1884, Vol. 21, No. 115, pp. 345-412.
18. Schoembs J. *Material zur Sprache von Comalapa in Guatemala*. Dortmund: Druck und Verlag, 1905.
19. Díaz Barrios E., Herbruger J. *Método para aprender a hablar, leer y escribir la lengua cakchiquel*. Guatemala: C.A, 1956.
20. Hernández E. Vocabularios hispano-mayas del siglo XVI // *Selected Papers of Vth International Conference on Missionary Linguistics*, Mérida-Yucatán, 8-11 de marzo 2007, eds. Otto Zwartjes y Ramón Arzápalo. Amsterdam, John Benjamins: pp. 129-149.
21. Stoll O. Supplementary Remarks to the Grammar of the Cakchiquel Language of Guatemala // *Proceedings of the American Philosophical Society*, Oct., 1885, Vol. 22, No. 120, Part IV, pp. 255-268.
22. Christenson, A. J. *Popol Vuh, Volume II: Literal Poetic Version, Translation, and Transcription*. New York: O Books, 2004.
23. ALMG (Academia de Lenguas Mayas de Guatemala). *Vocabulario del idioma q'eqchi'*. Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística, 2004.
24. England N. C. *Mam grammar in outline*. Ph.D. dis. USA: University of Florida, 1975.
25. Stewart S. O. *Nueva gramática q'eqchi'*. Anthropology graduate contributions. Vol. 1. CO, USA: University of Colorado – Boulder, 2016.
26. ALMG (Academia de las Lenguas Mayas de Guatemala). *Gramática descriptiva del*

idioma kaqchikel. Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística, 2004.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Глагол *ix* в какчикельском языке Колониального периода и его роль в неглагольной предикации», предлагаемая к публикации на английском языке в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения грамматических особенностей одного из индейских языков Гватемалы, относящийся к киче-мамской надветви майяской языковой семьи. У языка имеется около полумиллиона носителей, что делает какчикель одним из наиболее распространённых майяских языков. С другой стороны это делает более актуальной задачу их изучения и сохранения. Работа имеет междисциплинарную направленность. Целью данного исследования является описание морфосинтаксических и семантических свойств глагола *ix*.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: методы полевой лингвистики, метод дескриптивного описания, а также общенаучные методы. Отметим скрупулёзный труд автора по проведению выборки иллюстративного материала.

Исследование основано на текстах колониального периода Какчикеля, включая "Анналы Какчикелей" (рукопись XVI века, опубликованная в Филадельфии, США, в 1885 году), "Хроники Бо'коко" ("Титулос де Бо'коко", текст XVII века), грамматические описания и словари языка какчикель с XVI по XIX век (*Theologia indorum*, известная как рукопись *Americain 42* в Национальной библиотеке Франции), труды францисканских миссионеров Бетансоса, Парры, Солано, Хименеса, Флореса, Торресано, Брассер де Бурбург, Бринтон), а также тексты из грамматик и словарей XVI века, приписываемые де Вильяканьясу. Работы 20-го века Шембса и Диаса Барриоса, Хербругера были использованы для документирования грамматических изменений.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Библиография статьи насчитывает 26 источников, среди которых теоретические работы исключительно на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что обращение к русскоязычным работам по данной и смежной тематике усилили бы теоретическую составляющую работы в русле отечественной школы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая

значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теоретической грамматике и языкознанию. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Глагол их в какчикельском языке Колониального периода и его роль в неглагольной предикации» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ptukyan, A.R. (2025). Motivational discourse and its place in the discursive knowledge system. *Litera*, 2, 435–441 DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.70180

Motivational discourse and its place in the discursive knowledge system / Мотивационный дискурс и его место в системе дискурсивного знания

Птукян Армен Рубенович

ORCID: 0000-0002-1969-5362

аспирант, кафедра Теории и практики иностранных языков; Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9

✉ armen.ptukyan@gmail.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.70180

EDN:

EJZLOY

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является мотивационный дискурс, его характеристики и особенности. Цель исследования заключается в определении специфики мотивационного дискурса и его отличительных черт от других видов дискурса. Анализируются ключевые особенности мотивационного дискурса, отражающие его детерминирующие признаки, которые позволяют сформулировать ряд присущих этому виду дискурса свойств. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как эмотивность и речевое воздействие на реципиента. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к личностным тренингам и мотивационным выступлениям, которые направлены на оказание некоторого влияния на слушающих. Особое внимание уделяется таким понятием как: мотивационный дискурс, мотивация, речевое воздействие и коммуникация. В статье автор рассматривает мотивационный

дискурс с позиции его влияния на коммуникантов и его иллокутивной силы. Для написания статьи был использован описательный метод, предполагающий сопоставление и классификацию языковых фактов, а также их анализ, а также сравнительный и контрастивный методы. Новизна настоящего исследования заключается в определении мотивационного дискурса как отдельного вида дискурса. Автором было сформулировано определение мотивационного дискурса и выявлены его отличительные черты. Проведенное исследование позволило сделать вывод о некоторых специфических признаках присущих мотивационному дискурсу. В частности, было выявлено, что данный вид дискурса формируется с определенной целью изменить привычную для коммуникантов картину мира или оказать определенное влияние на реципиента. Особым вкладом автора в исследование темы является определение ключевых особенностей мотивационного дискурса, позволяющих сформулировать его как отдельный вид дискурса. Результаты этого исследования могут быть применены для выработки методик речевого воздействия, пособий по ораторскому искусству, а также оказание поддержки при психологических травмах.

Ключевые слова:

дискурс, мотивационный дискурс, контекст, иллокутивная сила, речевое воздействие, коммуникативная стратегия, мотивация, речевая интенция, коммуникация, дискурсивный акт

To analyze and understand motivational discourse, it is important to take into account concepts such as motive and motivation, which explain the characteristics of discourse: encouraging an individual to take certain actions, changing behavior through speech [\[1, p. 42\]](#). Motivational speech and, in particular, motivational discourse have such characteristics as expressiveness and emotionality, and high focus on the recipient. Motivational discourse is aimed at changing aspects of the recipient's worldview and forming a new attitude towards reality events. Thus, motivational discourse is a discourse of influence. Considering discourse in this way, we can find that motivational discourse is a specific construct consisting of linguistic and non-linguistic phenomena. It is especially important to take into account the personal properties of the speaker and the recipient, in the context of the social mechanisms that generate and construct motivational discourse as such. J. Sullivan introduces the concept of a special so-called "motivational language" [\[2\]](#). In his opinion, motivational language is the language used by supervisors or managers when managing a team. It is worth emphasizing that the utterance is at the center of the discourse. Its main quality as a unit of communication in this case is its communicative relevance, its role in a specific communicative situation.

The communicative process depends on many factors, including the participants in communication, the context of communication, the psychological and physical characteristics of the communicants, as well as their value systems, etc. Within the same communicative situation, the expression of thoughts and ideas can take different forms, which is determined by specific conditions - context of communication. [\[3, p. 51\]](#). Each person has their own special set of communication practices, based on previous communication experience and applied in certain situations. The institutional nature of communication is one of the main criteria for classifying types of discourse. This classification is characterized by a certain set of communication situations typical for a given sphere, typical models of speech behavior of performers of certain social roles, certain topics of communication,

intentions and speech strategies [\[4\]](#). It should be noted that a certain topic or focus of communication can become the main dominant element of the discourse. This may give rise to temporary or periodic discourses related to the topic, depending on the degree and duration of interest in it in the society where the discourse takes place. Usually, such discourses are expressed within the framework of other types of discourse and are called thematic discourses. Motivational discourse includes such genres as a motivating speech by a leader at a corporate event, parting speeches, a speech by a captain or coach before a responsible event or competition, religious sermons, as well as speeches by political and motivational speakers.

Speech genres that are included in motivational discourse can be divided into two categories: institutional and personal types. The first type includes motivational speeches, within the academic (commencement speech at the graduation ceremony), administrative (motivational speech by the head of an organization/group or structural unit), political (speeches by politicians), religious (sermon) types of discourses. The second type includes speeches of various motivational speakers - coaches and tutors, whose communicative activities are aimed at developing the personal growth of the addressee. In special motivational literature on the topic of self-improvement, as well as the development of personal and professional qualities, an important place is occupied by the stories of people, which are presented to the reader as evidence of the thoughts and messages of the author. A similar method, based on cases - cases from practice, has gained wide popularity and has become a characteristic feature of the professional work of coaches, as well as in the literature devoted to this area. It can be noted that motivational discourse is increasingly taking the form of a narrative, where meaning is conveyed through a story and sequential presentation.

Everyday oral communication most often takes place within the framework of dialogue. Participants in communication can change the communicative roles of speaker and recipient, and can ask again, clarify, and comment on each other's statements in the process. Dialogue often takes place in typical, frequently repeated communication situations. And the rules of behavior and communication means can be determined by speech etiquette, which is considered in linguistics as a particularly significant characteristic of a certain linguistic culture. A special group includes situationally determined expressions, which, according to I. Kecskes, are highly conventional (stereotypical) stable (ready-made) pragmatic units, whose use is tied to standard communicative situations and is closely related to the actual situational context [\[5- 8\]](#). This expression as a unit of speech correlates with a certain fragment of foreign language reality and is expressed at the moment of a certain speech situation.

A. N. Prikhodko identifies a discursive act, defining it as a unit of speech action, which is part of the interaction and represents a chain of speech acts united by a common teleological setting into a single speech block. In this block, different illocutionary forces with different (primary and secondary) pragmatic meanings are combined, change, intersect and interact [\[9, p. 103\]](#). In determining the pragmasemantic properties of discursive acts, an important role is played by such characteristics as place, goals, tasks of the communicant, time, etc. This is primarily due to the fact that the pragmatic potential of discursive acts consists of both intralinguistic and extralinguistic factors. Speech and discourse acts are similar in many ways, since they have the same cognitive-communicative nature. They allow you to transmit information and regulate the communication process. However, there are also differences between them, which makes it possible to distinguish them into a separate

class of speech units. Thus, discursive acts can either coincide with speech acts or include several speech acts, while speech acts, being the minimum unit of speech activity, are indivisible in their structure. A speech act has one goal; a discursive act can have several goals. They can also intersect and combine with each other. In addition, a speech act is realized by verbal means of communication; in a discursive act, along with verbal means, non-verbal ones are also used, namely gestures, facial expressions, sounds, etc. Considering a discursive act as a separate category, several types can be distinguished. Offeratives (requests, demands, proposals, persuasion) are used when the speaker wants to induce the recipient to take some active action for the benefit of him or himself. Conformatives and nonconformatives (agreement, approval, praise, disagreement, refusal, disapproval) are used as a reaction to the offerative and are used in conflict or benevolent communication. Accusatives (accusation, condemnation, claim, indignation, reproach) are used to accuse the interlocutor of something. Apologetics (justification, apology, repentance, forgiveness) are a response to accusatives. Apologetics can be used in cases of admission or non-admission of guilt. Didactives (advice, teaching, moralizing, hint) are aimed at inducing the recipient to take some action to improve a certain situation. It is worth emphasizing that any discursive acts consist of several speech blocks, illocutionary goals and illocutionary forces. We can highlight that offeratives have the greatest illocutionary power. This is especially important because it allows you to tune the recipient to a positive response [\[10, p. 117\]](#). Addressing the audience directly and using verbs in an indicative form also increases motivational power and emotional response.

The analysis of speech means, which have a pronounced situational and sociocultural characteristic in the English and Russian languages, seems to be one of the most important components of the study of motivational discourse. Political discourse, for example, is formulated as institutional communication, which, in contrast to personality-oriented communication, uses a certain system of professionally oriented signs. The main distinguishing feature of motivational discourse, which allows us to define it as a separate type of discourse, is its focus on the audience. It is important to emphasize that the speaker's intentionality is directly dependent on the addressee. Motivational discourse refers to a person-oriented type of discourse, which is aimed not at an abstract, abstract addressee, as for example in political discourse, but at a specific person taking part in communication [\[11, p. 5\]](#). The goal that the speaker seeks to achieve is expressed in the desire to transform the addressee's attitude towards the phenomena of reality and, as a result, will affect his behavior [\[12, p. 126\]](#). It is worth noting that motivational discourse differs in its ability to be formed in various professional fields [\[13\]](#). Considering motivational discourse from the point of view of the content plan, we can define it as a certain type of influence, the process of instilling ideas in the addressee, emotional and/or rational motivation to perform certain actions or motivation for activity. The plane of expression can be represented by a number of speech genres, for example, various kinds of motivational speeches and sermons and incentive speech acts, in particular, suggestives.

Common to rhetorical discourses and motivational discourse, in particular, the communicative strategy is aimed at encouraging the recipient to perform some action through persuasion. Speech utterances, where the author seeks to influence the recipient, are traditionally classified as persuasive utterances. The persuasive communicative strategy is determined by the pragmatic intention of the speaker and represents the dominant functional characteristic of the discourse, its main conceptual and thematic setting with a focus on the perlocutionary effect that the speaker strives to achieve. It is possible to simultaneously divide speech influence into persuasive and suggestive. In the second case,

there is some lack of control on the part of consciousness when receiving and processing information by the recipient in the second case [\[14, p. 25-26\]](#). Thus, persuasiveness is achieved by influencing logical thinking, while suggestion activates the emotional and sensory perception of the recipient. Variability of influence in one direction or the other is found in specific examples of discourse. It can be noted that in scientific discourse the dominant mechanism is persuasiveness. In motivational discourse, influence prevails not so much through logic as through emotional and personal appeal. It is important to emphasize that the suggestions used by motivational speakers are introduced into their speech covertly, however, logical arguments do not disappear completely. They are used as an additional means in organizing and structuring irrational images, connections and associations. In motivational discourse, we can find such statements, the purpose of which demonstrates the speaker's desire to inspire the addressee, to encourage him to perform a certain activity. The success of this depends on many factors, which determines the effectiveness of the persuasion and is reflected in the potential response of the recipient. It is worth noting that in his address the speaker seeks to convey not so much information as to influence the personality of the interlocutor. The use of language in this context appears as an implicit desire to convey and instill one's interpretation of the world. For example, the power of persuasion in motivational discourse comes down to argumentation skills along with mastery of speech techniques and methods of influence, determined by a certain functional style. However, it is worth emphasizing that there may be difficulties associated with the interpretation of the message by its recipient, who is capable, ready or willing to perceive this message in order to change personal ideas and values.

We can conclude that persuasion is not only the transfer of certain meanings using influence techniques on the part of the speaker, but also the voluntary agreement on the part of the recipient to accept the proposed picture of the world. It is important to note that the common intention for all rhetorical texts, including motivational ones, implies the presence of a unified communicative strategy of text formation in rhetorical metadiscourse. The presence of this communicative strategy is confirmed by the identification of common communicative-pragmatic features in rhetorical texts at different levels of mental-communicative organization (cognitive, functional-communicative, pragmatic, linguistic) [\[15, p. 114\]](#). At the practical level, persuasive strategy is considered as a process of selection and combination operations, thematic design and textual coding of communicative actions under the control of a corresponding strategic goal, which are carried out by the speaker to realize the communicative goal. To do this, speakers use a variety of speech means to enhance the motivational potential of their speech.

Motivational discourse is located at the intersection of disciplines, which adds versatility to this concept. It also implies some complexity in defining the term. However, we can define motivational discourse as a speech statement of a persuasive nature, created by a person in the process of interaction and containing motivational constructs (implicit and explicit). At the moment, a methodology for identifying and constructing a universal model of subgenres of motivational discourse has not been developed, nor has a general theory been established for determining the communicative-pragmatic functions that are reflected by stylistic varieties of discourse and their textual representations [\[16, p. 70\]](#). Thus, identifying a non-universal interpretation of the term "motivational discourse," as well as developing a typology of this type of discourse, is a difficult task. In a broad sense, a person's motivational discourse can be related to the subject's motivational language, the way a person uses a particular language to express what motivates him and to try to understand what motivates others. The key specificity of motivational discourse is determined by its

goal, namely to motivate the recipient. This is due to the desire of the speaker to exert some influence on the listener, influence decision-making and change his vector of thinking.

Библиография

1. Букина Ю. В. Подходы к пониманию мотивационного дискурса в современной гуманитарной парадигме // Международный журнал экономики и образования. 2022. № 1. С. 42-58.
2. Sallivan J. Three roles of language in motivation theory // Academy of Management Review. 1988. No.13 (1). Pp. 104-113.
3. Иванова Ю. В. Понятие дискурса // МНИЖ. 2015. № 1-3. С. 51.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
5. Kecskes I. A cognitive-pragmatic approach to situation-bound utterances // Journal of Pragmatics. 2000. No. 6. Pp. 605-625.
6. Kecskes I. Situation-Bound Utterances as Pragmatic Acts // Journal of Pragmatics. 2010. No. 11. Pp. 2889-2897.
7. Kecskes I. The evaluative function of situation-bound utterances in intercultural interaction // ED. by G. Thompson, L. Alba-Juez. The Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2014.
8. Kecskes I. Situation-Bound Utterances in L1 and L2. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2003.
9. Приходько А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология // Когниция, коммуникация, дискурс. 2010. № 1. С. 101-122.
10. Завьялова Л. А. Особенности мотивационного дискурса международных журналов о моде // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 68. С. 106-120.
11. Панченко Н. Н. Мотивационный дискурс: проблемы и перспективы исследования // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2. С. 4-8.
12. Хутиз И. П. Особенности реализации сконструированного диалога в мотивационном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2022. № 1. С. 121-136.
13. Kiemer K., Gröschner A., Kunter M., Seidel T. Instructional and motivational classroom discourse and their relationship with teacher autonomy and competence support – Findings from teacher professional development // European Journal of Psychology of Education. 2018. No. 33. Pp. 377-402.
14. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, Наука, 2006.
15. Голоднов А. В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 4-2. С. 113-125.
16. Гилясев Ю.В. Прагматика англоязычного мотивационного дискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5. С. 70-76.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мотивационный дискурс и его место в системе дискурсивного знания», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представлена на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса

к изучению различных видов дискурса и их языковых особенностей, в в данном случае мотивационный дискурс. В данном исследовании автор обращается к изучению мотивационный дискурс, включающим в себя такие жанры, как мотивирующая речь руководителя на корпоративном мероприятии, напутственные речи, речь капитана или тренера перед ответственным мероприятием или соревнованием, религиозные проповеди, а также выступления политических и мотивационных спикеров.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мотивационный дискурс и его место в системе дискурсивного знания» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Уразаева Н.Р., Уразаева С.И., Весна В.М. Категория эмотивности как отражение отношения человека к миру в молитвенных текстах (на материале немецкого языка) // Litera. 2025. № 2. С.442-454. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73353 EDN: ERYPGY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73353

Категория эмотивности как отражение отношения человека к миру в молитвенных текстах (на материале немецкого языка)

Уразаева Наиля Радифовна

ORCID: 0000-0002-8461-4020

кандидат филологических наук

доцент; кафедра лингвистики и перевода; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 26, ауд. 224

✉ nailja-urasaewa@yandex.ru

Уразаева Суфия Ильгамовна

студент; кафедра лингвистики и перевода; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455027, Россия, Челябинская обл, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 26, оф. А16

✉ nailja-urasaewa@yandex.ru

Весна Владислава Марсовна

студент; кафедра лингвистики и перевода; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455027, Россия, Челябинская обл, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 26, оф. А16

✉ nailja-urasaewa@yandex.ru

[Статья из рубрики "Риторика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73353

EDN:

ERYPGY

Дата направления статьи в редакцию:

13-02-2025

дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является репрезентация религиозной картины мира человека, выраженная в текстах молитв и рассматриваемая через призму категории эмотивности. Исследование сосредоточено на изучении языковых средств и приёмов, используемых в молитвах для выражения эмоций, чувств, оценок и субъективного отношения молящегося к Богу, миру и самому себе. Особое внимание уделяется анализу того, как эти эмотивные проявления отражают и конструируют религиозные представления, ценности и убеждения, формирующие религиозную картину мира. В частности, исследование направлено на выявление и классификацию основных типов эмотивных единиц (эмоционально окрашенной лексики, стилистических фигур, риторических приёмов), выявление взаимосвязей между различными типами эмоций. Конечная цель — продемонстрировать, каким образом категория эмотивности служит инструментом для понимания религиозной картины мира. Методология включает: определение понятий категории эмотивности, эмоций и экспрессивности, значимости изучения картины мира с точки зрения лингвистики; обзор теоретической литературы. Эмпирически анализируются протестантские молитвы на немецком языке. Методы анализа: лексико-семантический (выявление эмотивной лексики), стилистический (анализ стилистических приемов), контекстуальный (учет религиозного контекста). Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе репрезентации религиозной картины мира через призму категории эмотивности в текстах молитв. Предлагается интерпретация эмотивных проявлений в молитвенных текстах как отражения субъективного религиозного опыта и индивидуальной картины мира верующего. Результаты исследования вносят вклад в развитие лингвистической концептологии, религиозной лингвистики и теории дискурса. Исследование подтверждает, что категория эмотивности играет центральную роль в формировании и выражении религиозной картины мира в текстах молитв. Молитвы не просто передают информацию, но и выражают глубокие чувства, переживания и отношение верующего к Богу, миру и самому себе. В молитвах обнаружено большое разнообразие эмотивных средств (лексических, стилистических, риторических), используемых для выражения различных эмоций: благодарности, любви, надежды, страха, вины, скорби и других. Эмоции отражают религиозные ценности. Полученные данные могут быть использованы в межкультурной коммуникации, религиоведении и при разработке образовательных программ, направленных на повышение религиозной грамотности и толерантности.

Ключевые слова:

категория эмотивности, картина мира, эмоция, экспрессивность, молитва, немецкий язык, языковые средства, эмотивная лексика, синтаксические средства, ценностные ориентации

Крайне актуальными и востребованными в современном мире остаются исследования, посвящённые изучению картины мира. Они помогают понять сложные социальные, культурные и когнитивные процессы, происходящие в обществе, и способствуют разработке эффективных стратегий коммуникации, образования и развития. В условиях глобализации понимание картины мира человека и социума является ключевым

фактором успешной адаптации и взаимодействия в многообразном и быстро меняющемся мире. Исследования картины мира позволяют анализировать, как те или иные факторы (образование, телевидение, интернет, социальные сети, религия) влияют на формирование представлений о мире, ценностей и убеждений людей. Современные когнитивные исследования позволяют глубже понять, как работает человеческий разум и как он конструирует представления о мире.

Неотъемлемую часть субъективного опыта и интерпретации действительности формируют эмоции и их языковое выражение. Поэтому исследование категории эмотивности в лингвистике и ее связи с изучением картины мира является многогранным и важным направлением. Оно позволяет углубить понимание человеческого языка, мышления, эмоций и их взаимодействия. Картина мира человека представляет собой систему знаний, ценностей, убеждений и представлений, которые формируют субъективное восприятие мира. А эмоции являются неотъемлемой частью картины мира, они отражают отношение человека к различным объектам, событиям и явлениям, формируя его систему ценностей и жизненные установки.

Анализ эмотивности дает ключ к пониманию того, как люди воспринимают мир, как формируют свои ценности и как взаимодействуют друг с другом. Язык является основным инструментом, с помощью которого человек выражает и конструирует свою картину мира. Воспринимая эмоционально окрашенную информацию, человек формирует свое отношение к различным явлениям и принимает решения, основанные на этих ценностях. Эмотивность показывает, что язык не просто передает информацию, но и выражает отношение к ней, что критически важно для коммуникации и социального взаимодействия.

Выражение эмоций варьируется в зависимости от языка, культуры, социального контекста и индивидуальных особенностей говорящих. Исследование эмотивности позволяет выявить эти вариации, понять, как разные языки кодируют эмоции и как культурные нормы влияют на языковое поведение [\[9\]](#).

Представляя мотивационную сферу психической деятельности человека, эмоции участвуют в формировании смыслов, структурируя их и обеспечивая выбор средств для их репрезентации.

Следует отметить существование смежных понятий, таких как «эмоциональность» и «экспрессивность», которые широко изучались в лингвистике [\[2, 19, 22, 23, 24, 27, 29 и др.\]](#), однако ряд лингвистов отказывается от попыток их четкого разграничения, признавая сложность и многогранность этих понятий.

Выступая в качестве семантической составляющей текста, эмоциональное включается в языковое содержание [\[1, 11\]](#). На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность [\[10\]](#). Эмотивность строится, в первую очередь, на явной или скрытой обращенности текста к адресату. Однако помимо воздействия на адресата она подразумевает самовыражение говорящего, выражение состояния, в котором он находится, и силы его эмоционального возбуждения.

Вслед за Т. А. Графовой под эмотивностью мы будем понимать «выраженное языковыми средствами эмотивно-оценочное отношение... автора речи к описываемым предметам или явлениям, важную семантическую составляющую текста...» [\[21, с. 43\]](#).

В последнее десятилетие значительно вырос интерес к религиозному дискурсу и

исследованию картины мира верующего человека [\[6, 12, 17, 20\]](#).

Для понимания культуры, религии, психологии и философии человека, для описания картины мира религиозного человека ценным материалом могут послужить тексты молитв. Они раскрывают его самые сокровенные мысли, чувства, убеждения и ценности. Анализ молитв (их содержания, формы, языка, символики) позволяет получить важную информацию о том, как человек воспринимает мир и свое место в нем.

Молитва всегда отражает эмоциональную жизнь человека. Категория эмотивности является одной из наиболее значимых для молитв, поскольку при отсутствии ее индикаторов текст мог бы быть интерпретирован как обычная просьба, а не мольба.

Помимо того, что функция эмотивных средств языка состоит в самовыражении молящегося, эмотивность молитвы в то же время возникает во многом как следствие складывающегося в тексте диалогического эмоционального напряжения. Эмотивность изначально присуща текстам молитв в силу их антропоцентричности и функционально-прагматических особенностей.

В основе эмоций всегда лежат оценки, базой для формирования которых служит система ценностей, установок и стандартов. Эмоциональные оценки [\[7, 15, 18, 25\]](#) выражаются в двух противопоставленных понятиях: «хорошо» и «плохо». В текстах молитв находят отражение практически все человеческие эмоции: от крайне отрицательных до ярко выраженных положительных.

По мнению В. П. Беянина, в текстах могут быть выделены эмоционально-смысловые доминанты, под которыми автор понимает «систему когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [\[16, с. 74\]](#). Согласно психолингвистической типологии текстов по эмоционально-смысловой доминанте, представленной в работе В. Беянина, молитвы можно отнести к «светлым» текстам.

Молитвы выражают высшие духовные ценности, обладают огромным гуманистическим содержанием. Молящийся постоянно обращается к этическим и моральным ценностям. Семантика «светлых» текстов определяет и их стиль – эмоционально-приподнятый, возвышенный, соответствующий описанию благородных целей, преследуемых создателями текстов. Однако, другая сторона молитвы – это изложение молящимся своей неудовлетворенности жизнью, описание грехов, проступков и гнев, направленный на врагов. Выражая глубоко личные внутренние состояния, молитвы охватывают широкий спектр человеческих эмоций. Конкретный набор эмоций в молитве зависит от личности молящегося, религиозной традиции, ситуации и цели молитвы. В молитве представлены различные фрагменты эмоциональной концептосферы: любовь, надежда, восторг, радость, благоговение, благодарность, спокойствие, сожаление, печаль, страх, отчаяние, смирение, гнев. Эти эмоции часто переплетаются и смешиваются в молитвах, создавая сложную эмоциональную картину.

В качестве эмпирического материала для данной статьи были взяты тексты псалмов из протестантской Библии, а также неканонические тексты молитв современных священников и писателей.

Содержание каждого молитвенного текста было оценено по четырем параметрам:

1) удовлетворенности, например:

Herr, unser Gott, wir danken dir für die Ruhe der Nacht

und für das Licht dieses neuen Tages [\[3\]](#).

2) неудовлетворенности, например:

Viele trauern. Viele sind verletzt. Viele hungern. Viele wissen nicht, wie es nun weiter gehen soll [\[4, с. 52\]](#).

3) оптимизму:

Herr Jesus Christus, am Abend vor Karfreitag schenkst du mit dem Abendmahl deiner Kirche ein Zeichen der Hoffnung und der Zukunft. Nicht Karfreitag wird das letzte Wort haben, sondern das Osterfest. Nicht der Tod siegt, sondern das Leben [\[4, с. 60\]](#).

4) пессимизму:

Mein Gott, Tag und Nacht rufe ich um Hilfe,

doch du antwortest nicht und schenkst mir keine Ruhe (Psalm 22) [\[3\]](#).

Методом сплошной выборки было проанализировано 600 эмоционально-оценочных высказываний. Если, например, на 100 эмоционально-оценочных высказываний приходится 70 высказываний неудовлетворенности, то коэффициент неудовлетворенности составит 70/100, т.е. 0,7. Коэффициент удовлетворенности составил 0,28, неудовлетворенности – 0,72, оптимизма – 0,92, пессимизма – 0,01. Проанализировав соотношение положительных и отрицательных эмоциональных состояний молящегося по параметрам «удовлетворенность/неудовлетворенность» и «оптимизм/пессимизм» в канонических и неканонических текстах молитв, можно сделать вывод о преобладании в рассматриваемых текстах неудовлетворенности своим положением, но при этом оптимизма в отношении своего будущего, надежды на помощь Бога.

Молящийся обычно жалуется на болезни, усталость, преследования врагов, нищету и т. п., в современных молитвах авторы больше выражают недовольство своим внутренним состоянием души: отсутствием веры, неумением понять близких, неспособностью прощать и др.

Оптимистические настроения характерны для большинства молитв. Лишь в редких случаях в молитвах звучит отчаяние.

В молитве используются самые разнообразные языковые средства повышенной эмоциональности. Основным способом реализации эмотивности в текстах молитв является наличие эмотивного слоя лексики, т. е. называющего различные эмоции:

In meiner Verzweiflung schrie ich zum Herrn... (Psalm 18) [\[3\]](#).

Am Anfang eines neuen Jahres stehen wir aber auch hier als die, die wir sind, die wir gestern schon waren:

- kleinmütig

- träge

- zweifelnd

- sorgenvoll
- ängstlich [\[4, c. 21\]](#).

Bei dir können wir alles an Schmerz, Wut, Trauer und Leid abladen [\[4, c. 110\]](#).

Jung und Alt haben dir zugejubelt. Freude über Freude herrschte in der Stadt [\[4, c. 57\]](#).

Erfülle sie mit Freude, Zuversicht und Hoffnung [\[4, c. 8\]](#).

Hinter uns liegt ein Tag, der zu den ganz besonderen gehört im Laufe des Jahres. Du weißt, wie wir ihn erlebt haben, ob es ein Tag voller Atemlosigkeit und Geschäftigkeit oder ob es ein Tag voll Ruhe und Ausgeglichenheit gewesen ist [\[4, c. 11\]](#).

Barmherziger Gott, wir bitten dich nicht weniger für die Menschen bei uns: für die Traurigen, dass sie wieder Freude finden, für die Trauernden, dass sie deinen Trost erfahren, für die Kranken, dass sie nicht an ihrer Krankheit verzweifeln [\[4, c. 52\]](#).

Manchmal sind wir glücklich und zufrieden, manchmal fällt uns die Decke auf den Kopf und wir wissen nicht, wohin mit uns. Manchmal können wir unseren Nächsten lieben wie uns selbst, manchmal können wir andere kaum oder gar nicht ertragen [\[4, c. 103\]](#).

Лексическими средствами передается само состояние молящегося. Взывая к Богу, молящийся «кричит» (ich schreie zu Gott, so laut ich kann; in meiner Not schreie ich zu dir; Wir rufen: Gott erbarme dich; mein Schreien dringe zu dir); плачет, стонет (ich weine Tag und Nacht, ich bin müde vom Stöhnen); не просто просит, а молит, умоляет, осыпает просьбами (jeden Morgen bestürme ich dich mit Bitten).

Набор лексики, называющий состояния молящегося, сигнализирует о наивысшей степени эмоционального напряжения молящегося. Экспрессия выражается с помощью оценочных эпитетов:

... diese eingebildeten Lügner,

die den Schuldlosen frech verleumden (Psalm 31) [\[3\]](#).

Du – Gekommener und Kommender, schmerzlich vermisst und sehnlich erwartet [\[4, c. 4\]](#).

Aber wir vertrauen darauf, dass du mächtiger bist als alle finsternen Mächte [\[4, c. 32\]](#).

Du bist der gute Hirte, der sein Leben für uns Menschen lässt, damit wir nicht verloren gehen. Du bist die Quelle des Lebens, die uns Menschen Kraft schenkt für ein Leben in deiner Nachfolge [\[4, c. 70\]](#).

В качестве лексического средства для выражения эмоционального характера текста применяются междометия:

Ach Gott,

Du Geheimnis der Welt [\[5, c. 90\]](#).

O Herr, ich habe Angst

hart und bitter zu werden [\[8, c. 31\]](#).

В текстах молитв употребляются частицы и наречия типа: doch, ja, endlich, которые выступают в качестве эмоциональных интенсификаторов воздействия, например:

Komm endlich, Herr, zeige dich! (Psalm 94) [\[3\]](#).

Hör mich doch jetzt... (Psalm 102) [\[3\]](#).

На уровне синтаксиса эмотивность в молитве достигается с помощью обратного порядка слов, вынесения на первое место наиболее важного компонента, несущего повышенное эмоциональное содержание. Такими компонентами, как правило, являются прямое дополнение, предикатив, инфинитив:

Den Herrn will ich preisen für seine Treue (Psalm 7) [\[3\]](#).

Gewaltig ist die Macht des Herrn! (Psalm 138) [\[3\]](#).

Lobpreisen will ich dich

für alle Treue [\[8, с. 72\]](#).

Jubeln soll die ganze Erde (Psalm 97) [\[3\]](#).

Выделение наиболее значимых, важных, актуальных компонентов может достигаться с помощью нарушения рамочной конструкции и обособления:

Glücklich das Volk, das den Herrn zum Gott

hat,

das er erwählt hat als sein Eigentum (Psalm 33) [\[3\]](#).

Er hüllte sich ein in Finsternis,

in Regendunkel und schwarzes Gewölk (Psalm 18) [\[3\]](#).

Инверсии встречаются в основном «на участках эмоционально насыщенной лирической медитации, меньше там, где повествование эмоционально сдержанно» [\[28, с. 247\]](#).

Особое место занимают эмоционально окрашенные предложения с вопросительным словом „wie“:

Wie glücklich ist,

wer Freude findet an den Weisungen des

Herrn... (Psalm 1) [\[3\]](#).

Wie wohltuend, wie schön,

wenn Brüder beieinander bleiben... (Psalm 133) [\[3\]](#).

В подобных конструкциях содержится имплицитная отсылка ко всем верующим. Транспозиция от фигурального третьего лица тесно связана с призывом и поучением.

Одним из самых распространенных средств передачи эмотивной информации являются восклицательные предложения. Восклицательность вытекает из содержания текста.

Некоторые молитвы состоят исключительно из восклицательных предложений, которые способствуют передаче особого эмоционального напряжения (восторга, радости, испуга и т. д.).

Preist alle den Herrn!..

Lobt ihn mit klingenden Zimbeln,

lobt ihn mit schallenden Becken!

Alles, was atmet, soll den Herrn rühmen!

Preist den Herrn – Halleluja! (Psalm 150) [\[3\]](#).

Кроме того, риторические вопросы могут создавать определенную степень эмоциональной напряженности. Например, в следующем тексте вопросы передают отчаяние и безысходность:

Warum?

Warum musste dies geschehen?

Warum, großer Gott, nahmst du unser Kind von uns? [\[4, с. 160\]](#)

Распространенным средством выражения эмотивности являются повторы как отдельных слов, так и целых синтаксических структур (параллелизм).

Für die Menschen, denen heute nicht nach Singen zumute ist, bitten wir:

- für alle, deren Herz voller Trauer ist
- für alle, die krank sind und Schmerzen haben
- für alle, die sorgenvoll in die Zukunft blicken und nicht wissen, wie es weitergehen soll
- für alle, deren Kräfte schwinden und die darunter leiden
- für alle, die Ungerechtigkeit erfahren
- für alle, deren Zweifel größer sind als der Glaube an dich [\[4, с. 74\]](#).

Насыщение молитвенных текстов этими средствами передает нарастание эмоционального возбуждения, усиливает воздействие текста.

Wir bitten dich für alle Christen in dieser Welt, die heute mit uns gemeinsam die Auferstehung deines Sohnes feiern: stärke uns alle im Glauben an dich.

Wir bitten dich für alle Menschen auf deiner Erde, die unter der Gewalt von Diktatoren und Despoten leiden: zeige unserer Welt, dass du allein der Herr des Lebens bist.

Wir bitten dich für alle Menschen auf deiner Erde, die in Not und Elend leben: stehe ihnen tröstend und helfend zur Seite.

Wir bitten dich für alle Menschen, die verzweifelt sind und mit Tod und Trauer ringen: nimm du dich ihrer gnädig an und lass sie deine barmherzige Nähe spüren [\[4, с. 64\]](#).

Zeichen der Not, Zeichen des Unrechts, Zeichen der Gewalt. Und doch: kein Ende deines Weges, sondern Zeichen der Hoffnung, Zeichen der Liebe, Zeichen der Ewigkeit [\[4, с. 62\]](#).

В последнем примере эмоциональное наполнение усиливается также за счет антитезы.

В большинстве случаев эмоциональная конструкция не требует дополнительных пояснений, подкрепления коммуникативной интенции. Но иногда характер эмоции получает дополнительное пояснение. Функцию пояснения, уточнения эмоции, выражаемой в эмоциональной конструкции, выполняют так называемые эмоциональные перформативы. Эмоциональные перформативы, по Л. М. Михайлову, – это дополнительные пояснения, дающие возможность более точно идентифицировать ту или иную эмоцию, наиболее четко обозначающие интенцию коммуникативной формы высказывания. Таким образом, функция эмоционального перформатива – пояснение, уточнение эмоции, выражаемой в эмоциональной конструкции. Лишь часть из них однозначно называет эмоцию, во многих определяется лишь положительная или отрицательная эмоция [\[26\]](#).

Это может быть элементарное предложение в составе сложноподчиненного, в котором взаимодействуют эмоциональный перформатив и сама эмоциональная конструкция (при этом эмоциональный перформатив может стоять как в препозиции, так и в постпозиции):

Was du entscheidest, das ist gut und recht (Psalm 119) [\[3\]](#).

Wie schlimm für mich,

daß ich unter Fremden leben muß... (Psalm 120) [\[3\]](#).

Как показывают примеры, эмоциональные перформативы через номинацию соответствующего прилагательного (glücklich, gut, recht, schlimm и т.д.) не всегда дают однозначную информацию о характере выражаемой эмоции, а иногда лишь называют две полярные области – положительное и отрицательное чувства, а более конкретная эмоция может быть установлена из коммуникативной ситуации.

Эмотивность в неканонических молитвах иногда выражается с помощью средств пунктуации. Индивидуально-авторская расстановка знаков препинания зависит от экспрессивно-смысловой структуры текста. Иногда авторы молитв вообще отказываются от знаков препинания, давая возможность молящимся самим расставить необходимые акценты. При этом молящийся, читая или произнося молитву, как бы выступает в роли соавтора. Например:

Ist es wirklich würdig und recht

Dich zu loben

Ist es nicht höchste Zeit

Dich Gott

Konkret werden zu lassen

Im Einsatz für echte Würde aller Menschen

Für mehr Recht der Entrechteten

Dies allein ist würdig und recht [\[13, с. 112\]](#).

Важную роль в молитве играет ритм. Ритмические особенности текста способствуют

возникновению эмоционального фона. Кроме того, ритм дает возможность достижения той сжатости, которая характерна для молитв.

Ритм в текстах молитв обусловлен в большей степени синтаксическим параллелизмом. Наиболее часто используются в молитвах:

– синонимический параллелизм (или однозначный):

Der Herr ist mein Licht,

er befreit mich und hilft mir;

darum habe ich keine Angst.

Bei ihm bin ich sicher wie in einer Burg;

darum zittere ich vor niemand (Psalm 27) [\[3\]](#).

– антитетический параллелизм (противоположный):

Sie alle sinken in die Knie und fallen hin,

wir aber stehen und halten stand (Psalm 20) [\[3\]](#).

Хотя о рифме в поэзии молитв говорить не приходится (за исключением некоторых авторских молитв), в них можно наблюдать созвучия в окончаниях «отрезков», благодаря чему текст получает особую ритмичность, распевность, поддается легкому запоминанию, а устное воспроизведение ритмически организованного текста производит сильное эмоциональное воздействие.

Выражению эмоционального состояния молящегося способствуют жесты и положения, принятые в религиозной практике при произнесении молитвы (Stehen, Niederknien und -werfen, Handgesten), вербально зафиксированные в молитвенных текстах:

Werft euch nieder vor ihm (Psalm 29) [\[3\]](#).

Höre mich, wenn ich dich rufe,

wenn ich zu dir um Hilfe schreie,

dir betend meine Hände entgegenstrecke

zum innersten Raum deines Heiligtums hin (Psalm 28) [\[3\]](#).

Ich beuge meine Knie vor dem Vater [\[14, с. 37\]](#).

... ich erhebe meine Augen zu dir [\[14, с. 45\]](#).

Ich breite die Hände aus [\[13, с. 155\]](#).

Таким образом, категория эмотивности играет центральную роль в формировании и выражении религиозной картины мира в текстах молитв. Молитвы не просто передают информацию, но и выражают глубокие чувства, переживания и отношение верующего к Богу, миру и самому себе. В молитвах обнаруживается большое разнообразие эмотивных средств (лексических, стилистических, риторических), используемых для выражения различных эмоций: благодарности, любви, надежды, страха, вины, скорби и других.

Эмоции, выраженные в молитвах, тесно связаны с основными религиозными ценностями, догмами и представлениями. Использование определенных эмоциональных средств и выражений в молитвах способствует формированию и поддержанию религиозной идентичности верующего, отражению ценностных ориентаций религиозного социума.

Эмотивный характер молитв варьируется в зависимости от их жанра (благодарственные, покаянные, просительные и др.). Каждый жанр характеризуется преобладанием определенных эмоций и специфическими способами их выражения.

Исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения религиозной картины мира на материале молитв и других типов текстов религиозной сферы коммуникации, включая сравнительный анализ эмоциональности в разных религиозных традициях, анализ влияния социальных и культурных факторов на выражение эмоций в молитвах, а также изучение динамики эмотивного содержания молитв во времени. В заключение отметим, что молитвы являются богатым источником информации об эмоциональном мире человека. Анализ эмоций, выраженных в молитвах, позволяет лучше понять человеческую природу, религиозные верования и ценности.

Библиография

1. Abdul-Kadhim I. A. Emotions Effects and Interpretation of Language: Semantic Observation // *European Journal of English Language and Literature Studies*. 2024. Vol. 12. No. 6. Pp. 54-69.
2. Abduraimova A. Aspects of the study of emotions in linguistics. // *Western European Journal of Linguistics and Education*. 2024. 2(4). Pp. 82-87.
3. Die Bibel in heutigem Deutsch. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1995.
4. Gebete für Gottesdienste. Leer, 2013. 160 s.
5. Giesen T. Gebete der Zuversicht. Stuttgart: Radius-Verl., 1993. 100 s.
6. Kulmanova Z. Bekbulatovna, Zhirenov S. Amanzholuly , Mashinbayeva G. Abenovna , Orynbayeva D. Gabitovna, Abitova Z. Sabetkhanovna and Babaeva K. Sabetovna. Reflection of the Religious Worldview in Language // *International Journal of Society, Culture & Language*. 2022. 10(3). Pp. 31-43.
7. Language and Emotion. Volume 1 / Hrsg.von Gesine Lenore Schiewer, Jeanette Altarriba, Bee Chin Ng. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2022. 703 p.
8. Naegeli S. Du hast mein Dunkel geteilt: Gebete an unerträglichen Tagen. Verlag Herder Freiburg – Basel – Wien, 1996. 112 s.
9. Okhrimenko V., Okhrimenko M., Gevorgian K., Uriadova V., & Shevchenko I. Psycholinguistic mechanisms of expression emotion to denote disgust in phraseological pictures of the world in different languages // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2022. 18(Special Issue 2). Pp. 1088-1095.
10. Pérez-García E., & Sánchez M. J. Emotions as a linguistic category: perception and expression of emotions by Spanish EFL students // *Language, Culture and Curriculum*. 2019. № 33(3). Pp. 274-289.
11. Ponsonnet M. Emotional language: A brief history of recent research // Völkel S. & Nassenstein N. eds. *Approaches to Language and Culture (Handbook)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2022. Pp. 307-335.
12. Schuppener G. Religiöse Sprache in reichsbürgerlichen Texten // *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi. Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2023. 10.26650/sdsl2022-1186964. Pp. 21-53.
13. Stutz P. Du hast mir Raum geschaffen: Psalmengebete. München: Claudius – Verlag, 1997. 164 s.
14. Zink J. Wie wir beten können. Kreuz Verlag Stuttgart. 1991. 254 s.

15. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. М.: Наука, 1984. С. 5-23.
16. Белянин В. П. Введение в психиатрическое литературоведение. Мюнхен, 1996. 281 с.
17. Би Цзиньэ. Религиозная картина мира и ее отражение во фразеологии национального языка: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2004. 140 с.
18. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. трудов. Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 103-114.
19. Владимирова А. В. Эмотивность как самостоятельная лингвистическая категория // NovaInfo: Филологические науки. 2019. № 96. С. 156-159.
20. Галиева М. Р. Религиозное сознание в языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 5(716). С. 36-46.
21. Графова Т. А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1987. 250 с.
22. Жангуразова Л. К. Категория эмотивности в тексте как лингвистический феномен // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 03 (101). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/kategoriya-emotivnosti-v-tekste-kak-lingvisticheskij-fenomen.html> (Дата обращения: 28.03.2024).
23. Жиренов С. А., Кулманова З. Б. Отражение языка в религиозной картине мира // Tiltanym. 2023. № 89(1). С. 125-132.
24. Кожевникова Э. В. Понятие «эмотивность» и подходы к его рассмотрению в современной лингвистике // Вестник науки. 2024. № 1 (70). Том 2. С. 626-632.
25. Миронова Н. Н. Структура оценочного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1998. 355 с.
26. Михайлов Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка: Учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1994. 256 с.
27. Сажина Е. В., Семак Д. С. «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий // Эпоха науки. 2019. № 20. С. 565-568.
28. Тарасов Л. Ф. Роль инверсии в стихотворной речи // Риторика и синтаксические структуры: Тез. Краевой науч.-практич. конф. Краснояр. ун-т Красноярск, 1988. С. 245-248.
29. Шаховский В. И., Карасик В. И. Эмотивно-модальные компоненты семантической структуры текста // Семантика целого текста: Тезисы выступлений на совещании. М.: Наука, 1987. С. 158-159.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Категория эмотивности как отражение отношения человека к миру в молитвенных текстах (на материале немецкого языка)» является несомненно актуальной. В 21 веке наблюдается подъем интереса к религии, в том числе в нашей стране, что способствует активному изучению религиозного функционального стиля. Более того, актуальными и востребованными в современном мире остаются исследования, посвящённые изучению картины мира.

Отметим, что немецкоязычные страны характеризуются большой религиозностью среди населения, поэтому исследование картины мира позволяет анализировать, как те или иные факторы (к примеру, религия) влияют на формирование представлений о мире,

ценностей и убеждений людей. Библия и другие религиозные тексты, несомненно, исследованы лингвистами, но с течением времени открываются иные стороны, которые были опущены исследователями. Так, рецензируемая работа восполняет лакуны в области анализа молитв (их содержания, формы, языка, символики), что позволяет получить важную информацию о том, как человек воспринимает мир и свое место в нем. В качестве эмпирического материала для данной статьи были взяты тексты псалмов из протестантской Библии, а также неканонические тексты молитв современных священников и писателей. Методом сплошной выборки автором было проанализировано 600 эмоционально-оценочных высказываний.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Постулируемое автором иллюстрируется практическим материалом. Автор подводит свое исследование под научный базис, ссылаясь на работы предшественников, что позволяет в полной мере оценить степень разработанности проблемы и выявить лакуны. Статья структурирована, состоит из введения, основной части, описания результатов исследования и представления выводов. Следует отметить библиографию, содержащую 29 позиций, которые являются как авторитетными отечественными источниками, в том числе диссертациями, так и трудами зарубежных исследователей.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана научным языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Категория эмотивности как отражение отношения человека к миру в молитвенных текстах (на материале немецкого языка)» положительное, работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Токарева М.С. Тексты Зинаиды Волконской сквозь призму концепции Kunstreligion // Litera. 2025. № 2. С.455-463. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.70108 EDN: ESAGRD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70108

Тексты Зинаиды Волконской сквозь призму концепции Kunstreligion

Токарева Марина Сергеевна

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кафедра истории русской литературы

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов

✉ marinatok97@gmail.com

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.70108

EDN:

ESAGRD

Дата направления статьи в редакцию:

11-03-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом данной работы является отражение философско-эстетической концепции немецких романтиков Kunstreligion в текстах княгини Зинаиды Александровны Волконской. Автор искал следы влияния этого течения романтизма в путевых заметках и эссе о живописи княгини. В качестве материала для изучения были избраны тексты, созданные во время поездки княгини из Москвы в Рим в 1829-м году: они выпущены под общим названием «Отрывки из путевых воспоминаний» (1865). На предмет влияния Kunstreligion были изучены части «Веймар. Бавария. Тироль» и «Саксония. Итальянский Тироль. Северная Италия». Кроме того, проанализированы малоизвестные эссе Волконской на французском языке - «La Madonne de Raphael à Dresde» и «La Madeleine du Corrège». Задачи исследования – интерпретировать тексты З. А. Волконской с точки зрения Kunstreligion, выявить авторскую специфику, обозначить разницу в отражении

Kunstreligion у В.-Г. Вакенродера, Ф. Шлегеля и З. А. Волконской. В работе использовался сравнительно-исторический метод, а методологическая база основана на трудах И. Тэна и А. Н. Веселовского. Основными выводами проведенного исследования является обнаружение новых «следов влияния» Kunstreligion в русской литературе. Выяснялось, что З. А. Волконская, будучи человеком религиозного и романтического склада, в своих эссе и путевых заметках частично опиралась на постулаты этой концепции. Однако неизвестно, насколько княгиня осознавала влияние Kunstreligion на своё творчество. Идеи этой концепции предположительно были ей известны благодаря Степану Шевыреву, который участвовал в публикации перевода труда В.-Г. Вакенродера «Фантазии об искусстве. Сердечные излияния отшельника – любителя искусств» – одного из наиболее значимых текстов Kunstreligion. Научная новизна работы заключается в анализе ранее не подвергавшихся доскональному исследованию текстов З. А. Волконской, а именно эссе «La Madonne de Raphael à Dresde» и «La Madeleine du Corrège».

Ключевые слова:

Kunstreligion, немецкий романтизм, путевые заметки, Зинаида Волконская, Вакенродер, Шлегель, эссе, живопись в литературе, компаративистика, история восприятия

Введение

Зинаида Александровна Волконская (1789/1792–1862) являлась женой Никиты Волконского, брата декабриста Сергея Волконского. Она была литератором, композитором и музыкантом: писала новеллы «Славянская картина V столетия», «Лаура» и «Сказание об Ольге», сочиняла поэзию и музыкальные кантаты. Зинаида Александровна зарекомендовала себя как хозяйка литературно-музыкальных салонов и приближенная ко двору Александра I: во второй половине 1820-х годов её московский салон посещали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, А. Б. Мицкевич, Д. В. Веневитинов и другие. После переезда в Рим в 1829-м году Волконская на своей вилле принимала Н. В. Гоголя, Ф. А. Бруни, В. Камуччини, Г. Верне, В. Скотта [\[1, с. 17; 2, с. 950-951\]](#), создав единое пространство для взаимодействия русской и европейской творческой элиты. Она оставила недостаточно изученное литературное наследие, которое является одним из самых известных образцов женского дворянского творчества. Её эссе, новеллы и путевые заметки сочетают русские и европейские литературные традиции.

Феномен Kunstreligion в основном изучался немецкоязычными и англоязычными исследователями преимущественно на музыкальном материале в философском ключе, но не как художественное средство [\[3-8\]](#). Крайне мало исследований Kunstreligion в контексте русской словесности. Некоторые её аспекты затронуты в работах Е. Е. Дмитриевой (в основном о творчестве Н. В. Гоголя) [\[9-10\]](#), которая предположила, что под влиянием немецкого романтизма в целом и Kunstreligion в частности некоторые представители русской аристократии меняли свои религиозные воззрения в сторону иных конфессий или мистических учений [\[8, с. 81\]](#). Представляется возможным развить эту тему учитывая тот факт, что З. А. Волконская в 1830-е гг. приняла католицизм [\[1, с. 331\]](#). Следовательно, можно предположить, что Kunstreligion действительно оказало влияние на её духовную жизнь и отразилось в её творчестве, что мы и попытались проследить в данной статье.

Обстоятельная статья о путевых заметках З. А. Волконской принадлежит Н. В. Чуприновой. В ней рассматривается художественное своеобразие путевых заметок княгини об Италии и Германии, сделанных во время путешествия из Москвы в Рим. Их наиболее характерной чертой исследователь считает отсутствие противопоставления «свой-чужой». Жанр путевой заметки в классическом варианте подразумевает, что автор движется от родной земли (категория «свой») в другие, незнакомые страны (категория «чужой») [\[11, с. 117\]](#). Однако отец Волконской был дипломатом, княгиня родилась и выросла в Европе, для неё это пространство ощущается как нечто более близкое, нежели точка отсчёта путешествия. Н. В. Чупринова отмечает, что для записок Волконской характерна философская рефлексия, литературные и живописные аллюзии: кажется необходимым продолжить анализировать эти особенности в контексте течений немецкого романтизма.

Kunstreligion – истоки понятия и философское обоснование

Kunstreligion (с нем. Kunst – искусство, Religion – религия) – философско-эстетическая концепция, которая образовалась на рубеже XVIII и XIX веков в рамках немецкого романтизма. Идеями вдохновителями Kunstreligion считаются братья Шлегель, Новалис и В.-Г. Вакенродер. Согласно принципам классического романтизма, человек стремится к бесконечному и целостному, а философия, этика, религия и искусство приобщают его к истине. Идеологи Kunstreligion предполагали, что именно созерцание природы и благочестивого искусства наиболее полно ведёт к пониманию трансцендентного. В статье «О философии. К Доротее» Ф. Шлегель писал, что искусство наравне с природой воспринимается как способ познания абсолюта, как символ, посредством которого достигается единение с божественной сущностью. Кроме того, он считал, что женщинам необходимо познавать абсолют именно посредством визуальных форм религии [\[12, с. 339-342\]](#).

Для Kunstreligion характерна идеализация Средневековья как возврата к национальному. Средневековый человек по определению религиозен, а религиозное сознание позволяет видеть в конечном бесконечное, для такой личности даже повседневные вещи – часть великого замысла. Во многообразии окружающего мира религиозный человек замечает творческую неисчерпаемость божественной жизни, способной порождать явления, необъяснимые логикой природных или социальных законов. Такой расклад допускает возможность необычайных феноменов. Так, Ф. Шлейермахер видит божественное не в законосообразности явлений, а в творческом процессе, который допускает отступление от законов в пользу уникальности [\[13, с.158\]](#).

Ещё один постулат Kunstreligion заключается в том, что переход человечества на стадию религиозного блаженства возможен только посредством искусства. Ярче всего эти идеи проявились в тексте В.-Г. Вакенродера «Фантазии об искусстве. Сердечные излияния отшельника – любителя искусств» («Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders», 1797). Вакенродер в России XIX века был известен в кругу Любомудров, с которым была близка Зинаида Волконская [\[14, с. 9; 15, с. 229\]](#). В 1826 г. на русском языке вышел перевод труда Вакенродера под названием «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного». В его издании принял участие литератор С. П. Шевырёв – учитель сына Волконской в Риме [\[14, с. 9\]](#). Следовательно, есть основания полагать, что Волконской был известен образ мыслей Вакенродера.

В «Фантазиях об искусстве» повествование ведётся от лица монаха Йозефа Берлингера. Представляется неслучайным, что автором рассуждений об эстетике предстаёт человек с

религиозным сознанием. В эссе «Собор святого Петра» Берлингер утверждает, что этот монумент построен «на благо миру и во славу человеческого достоинства» [16, с. 140]. В Kunstreligion человек лишь умелый посредник, через которого божественные силы воплощают себя в искусстве: шедевры заключают стремление смертных к бессмертному [16, с. 141]. В другом отрывке монах рассуждает о двух языках – природе и искусстве. Искусство, особенно религиозное, преподносит истину в осязаемой форме. В этом оно равносильно природе. Оно сильнее моральных поучений и философских систем, которые действуют исключительно на разум. Настоящее искусство возвеличивает человека: если природа настолько необъятна, что познать её полностью невозможно, то искусство в концентрированном и доступном образе преподносит божественные истины [16, с.68-69].

Kunstreligion в путевых заметках Волконской о Германии и Италии

В русском собрании сочинений З. А. Волконской есть «Отрывки из путевых воспоминаний», датированные 1829-м годом – время её путешествия из Москвы в Рим [1, с. 30]. Их часть «Веймар. Бавария. Тироль» полна восхищения архитектурой Германии и её выдающимися поэтами: всеобъемлемость и универсальность Гёте Волконская сравнивает с городом, где греческие храмы гармонируют с готическими церквями. Как и Вакенродер, Волконская соединяет рукотворное и нерукотворное: описывая город Бад-Бернек, княгиня объединяет впечатление от средневекового замка и окружающих его реки и лесов. Природу Волконская осмысляла через религиозные образы: «Рыцари Святой Марии теперь на коленях, окаменелые, над гробницами своими. Не от них уже зависит прекратить моления; но разве человеческая рука или гром небесный разобьёт образ их и прервёт молитву?» [16, с. 4]. Подобным образом мысль о том, что искусство равносильно природе в познании божественного актуализировалась и в «Фантазиях об искусстве».

В записках «Саксония. Итальянский Тироль. Северная Италия» Волконская высказывает мысль, что природа страны влияет на её искусство: на Севере пластические искусства более сдержанные и даже грубые, на Юге – легкие и изящные. Разница между «северным» и «южным» искусством наиболее очевидна в религиозных образах: «Сельские церкви, распятия в полях, образа Богоматери и святых становятся изящнее; пестрота и неловкость произведений грубых изменяются в простые и приятные формы» [17, с. 12]. Италию Волконская называет «родиной прекрасных линий», где природа – наставник грации [17, с.13]. Искусство и природа для романтиков равнозначны в силу их однородности. Природа – результат божественного вмешательства, а великое искусство создаётся человеком, но с помощью высших сил: «Как богата мысль Божия, распределившая климаты на земле! Какая пространная лаборатория, которой Бог есть душа, и попечитель, и художник!» [17, с. 9].

Как и немецким романтикам, княгине интересно народное начало в качестве выражения национального – она пытается постичь «дух» тирольцев. В «Путевых заметках» присутствуют средневековые легендарные образы, в особенности рыцарские. Волконская описывает легенду о турнире с таинственным чёрным рыцарем. В русском переводе этого отрывка встречаются анахронизмы: например, рыцарей называют ратниками [17, с. 5]. Помимо этого, автор упоминает Андреаса Гофера – народного тирольского героя, руководителя партизанской войны против французских и немецких оккупантов. Он также важен для тирольцев, как и император Максимилиан или императрица Мария Терезия, при этом образы последних вызывают «рыцарское

поклонение» [17, с. 6]. Как и Вакенродер, чувственное познание княгиня ставит выше умственного. Рассуждая о судьбе Петрарки, она призывает оставить холодные изыскания историку, а художнику не чуждаться легенд как формы выражения народного сознания: «Учёные! Не разоряйте народного богатства, когда ничем не можете заменить его; о том вас просит и отечество, и поэзия» [16, с. 15]. Острота ума не всегда способна выразить истину, которая, согласно как романтическому, так и религиозному подходу, требует веры и безусловного принятия.

Kunstreligion в эссе 3. А. Волконской о живописи

Наиболее полно концептуальная связь с «Фантазиями» Вакенродера прослеживается в эссе Волконской о живописи «Мадонна Рафаэля в Дрездене» («La Madonne de Raphael à Dresde») и «Магдалина Корреджо» («La Madeleine du Corrège»). Эти тексты написаны на французском языке и не попали в русское собрание избранных сочинений княгини, время их создания также неизвестно.

«Мадонна Рафаэля в Дрездене» представляет подробное описание персонажей этой картины, где особое внимание уделяется взглядам. Автор начинает с Мадонны и младенца: каждый из них погружен в собственные переживания, однако между героями чувствуется связь. Взгляд младенца проникает сквозь время – он будто бы предвидит свои страдания и человеческую злобу [18, с. 243].

Вуаль Мадонны *semble cacher mystérieusement l'épanchement muet du fils avec la mère; ils ne se regardent pas ; ils semblent pourtant s'entendre* [18, с. 244] / «будто мистически скрывает излияние сына и матери ; они друг на друга не смотрят, однако кажется, что они всё же общаются».

Внутреннее состояние героев картины образует её сюжет, однако он замечен только зрителю, настроенному на мистическое познание.

Интересна интерпретация Волконской поз и выражений лиц святых, которые окружают Мадонну: княгиня видит в них религиозный экстаз. Экстаз святого Сикста имеет внешнюю направленность – его взгляд обращен к Деве, в то время как святая Варвара погружена в тихое внутреннее созерцание [18, с. 244-245]. Картина производит столь сильное впечатление на княгиню, что она впадает в возвышенное расположение духа, видя трансцендентную сущность изображаемого:

En entrant c'est le premier tableau que j'ai vu: je sentis mes genoux presque flechir sous le poids de mon admiration [18, с. 243] / Войдя, это была первая картина, которую я увидела. Я почувствовала, как ноги практически подкосились под весом моего восхищения!

Другое короткое эссе, «Магдалина Корреджо», посвящено картине «Мария Магдалина в пустыне» (другой вариант названия - «Читающая Магдалина»). Согласно базе данных «Utpictura18» междисциплинарного центра изучения литературы Университета Экс-Марсель [Madeleine lisant - d'après la Madeleine perdue du Corrège à Dresde // Base des données «Utpictura18». <https://utpictura18.univ-amu.fr/notice/11274-madeleine-lisant-dapres-madeleine-perdue-correge-a-dresde>], вплоть до XX века работа приписывалась Корреджо, однако сегодня эта точка зрения оспаривается. Авторство картины не установлено, так как оригинал был утерян после 1945 года. Работа находилась в Дрездене, где Волконская могла её видеть вместе с «Мадонной» Рафаэля.

В эссе княгиня сосредотачивается на описании игры света и тени, а именно на

освещении фигуры Магдалины. Фигура будто бы подсвечивается изнутри, демонстрируя спокойствие и благоговение. Этот способ распределения света заставляет Волконскую размышлять об авторских намерениях:

Elle n'a plus l'air de la pécheresse; le repentir a lavé ses fautes, ses larmes ont rendu à sa physionomie la candeur de l'adolescence : elle se repose de ses fautes passées et se repose en Dieu [18, с. 247] / Она больше не похожа на грешницу; раскаяние смыло ее проступки, слезы вернули ее лицу отроческую откровенность: она отдыхает от прошлых ошибок и отдыхает в Боге.

Таким образом, созерцание картины у Волконской связано не только с эстетическим наслаждением: произведение искусства становится источником духовных наставлений. Изображаемый персонаж выступает как некий ориентир и пример для вдохновения, что несколько сближает портрет с иконой.

Что объединяет эти размышления с Вакенродером? Во-первых, немецкий мыслитель сам посещал Дрезденскую галерею, возможно, именно она вдохновила его на написание «Фантазий» [16, с.247]. Во-вторых, в его сборнике есть несколько эссе об авторе «Сикстинской Мадонны» – «Видение Рафаэля», «Ученик и Рафаэль», «Изображение Рафаэля» и «О детских фигурах на картинах Рафаэля». В «Видении Рафаэля» рассказчик описывает старинную рукопись, где рассказывается, как Рафаэлю удавалось настолько выразительно передать религиозные образы. Источником вдохновения для итальянского мастера стало «особенно священное чувство к Матери Божьей» [16, с.30]. Однажды ночью, когда художник искал наиболее точного ее изображения, начатый им образ Девы вдруг преобразился и стал ровно таким, каким он его воображал [16, с.30]. В этом же тексте автор спорит с теми, кто уверен, что вдохновение гениев можно рационально объяснить. Он называет их «неверующими»: такой подход отрицает божественное происхождение искусства. Для героя Вакенродера вдохновение и талант – дары свыше, поэтому они достойны почти религиозного поклонения.

Выводы

Итак, выделим основные проявления Kunstreligion в текстах Зинаиды Волконской. Во-первых, княгиня выражала религиозное чувство через прозу, поэзию и музыку, представляя их как некий синтез. Княгиня придает особое значение чувственным и эстетическим аспектам познания, что вписывается в рамки романтического мировидения. Это прослеживается по интересу к национальным легендам, средневековым образам, а также по обожествлению природы и искусства. Превосходство чувственного познания и даже некое пренебрежение к умствованию заметно как у Ф. Шлегеля и Вакенродера, так и у Волконской. Неизвестно, насколько княгиня осознавала влияние немецких романтиков: трудно не утверждать, что многообразие языков её творчества (писала на русском, французском и итальянском), связь с европейской культурой и широкий круг общения с художниками делали её поиски открытыми разным течениям.

Искусство и религия предлагают зрителю тайну, а любой человек романтического склада к ней стремится. В таком подходе ощущается веяние времени: для начала XIX века характерен отказ от рациональности в пользу иррационального познания и мистики. Присутствовал интерес к индивидуальному и независимому религиозному восприятию, что создавало почву для разных синкретических форм религиозности. Суть Kunstreligion в текстах Волконской заключается в использовании индивидуального художественного языка для создания некоего универсума и образного типа мышления. Этот язык

«авторских» религиозных образов позволяет выразить основные философские категории и ответить на «вечные» вопросы.

Библиография

1. Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты. СПб.: Некоммерческое партнёрство «Русская культура», 2017.
2. Гаррис М.А. Зинаида Волконская и её время. М.: К.Ф. Некрасов, 1916.
3. Thums B. Kunstreligion: Romantische An- und Umbildungen religiösen // Wissens Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2018. No. 48, Pp. 147-166.
4. Kramer E. A. The idea of Kunstreligion in German musical aesthetics of the early nineteenth century. Chapel Hill, NC: University of North Carolina at Chapel Hill, 2005.
5. Spencer T. Revelation and Kunstreligion in W.H. Wackenroder and Ludwig Tieck // Monatshefte. 2015. No. 107 (1), Pp. 26-45.
6. Leistra-Jones K. Hans von Bülow and the Confessionalization of Kunstreligion // The Journal of Musicology. 2018. No. 35(1). Pp. 42-75.
7. Echevarria R. Parsing Parsifal: Wagner's Erotic Kunstreligion // Sydney Undergraduate Journal of Musicology. 2019. No. 9. Pp. 4-22.
8. Petrov A. Listening to music in' holy'space: the role of 19th-century public concert in the construction of Kunstreligion // Musicological Annual. 2014. V. 50. No. 2. Pp. 223-230.
9. Дмитриева Е.Е. Религия от искусства и «католический соблазн» в русском обществе 1830-1840-х гг. // Россия – Запад – Восток. Литературные и культурные связи. 2013. Вып. 1. С. 80-90.
10. Дмитриева Е.Е. Н.В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
11. Чупринова Н.В. Художественное своеобразие путевых записок княгини З.А. Волконской // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 8. С. 116-119.
12. Шлегель Ф. О философии. К Доротее // Эстетика. Философия. Критика / Пер. с нем. Ю.Н. Попова. Т. 1. М.: Искусство, 1983. С. 336-357.
13. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. 2-е изд. СПб.: Аксиома, 1996.
14. Дмитриев А.С. В.-Г. Вакенродер и ранние немецкие романтики // Фантазии об искусстве. М.: Искусство, 1977. С. 9-24.
15. Пушкарева Ю.Е., Гаврилов Д.Ю. Зинаида Волконская как вдохновительница итальянского текста в поэзии Любомудров // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов I (XVI) Международной конференции молодых ученых (9-11 апреля 2015). Вып. 16. Томск: Издательство Томского университета, 2015. С. 229-231.
16. Вакенродер В.Г. Фантазии об искусстве / Пер. с нем. С.С. Белокриницкой. М.: Искусство, 1977.
17. Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской. Париж: Париж и Карлсруэ, 1865.
18. Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky née princesse Beloselsky. Paris, Carlsruhe, 1865.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации текст имеет компилятивный характер, так как автор обращает внимание на тексты Зинаиды Волконской сквозь призму концепции Kunstreligion. Фактор философии, теории искусства, литературного творчества объединены в единый эмпирический вариант. Отмечу, что серьезных, фундаментальных работ по данной теме как в плане теории, так и практики нет. Самое понятие Kunstreligion более связывают с музыкой, нежели с литературой. Но тема исследования соотносится с одной из рубрик журнала, предметное соответствие налично. В начале статьи отмечен статус З.А. Волконской, дана характеристика деятельности: «Зинаида Александровна Волконская (1789–1862) являлась женой Никиты Волконского, брата декабриста Сергея Волконского. Она была литератором, композитором и музыкантом: писала новеллы «Славянская картина V столетия», «Лаура» и «Сказание об Ольге», сочиняла поэзию и музыкальные кантаты. Зинаида Александровна зарекомендовала себя как хозяйка литературно-музыкальных салонов и приближенная ко двору Александра I: во второй половине 1820-х годов её московский салон посещали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, А. Б. Мицкевич, Д. В. Веневитинов и другие. После переезда в Рим в 1829-м году Волконская на своей вилле принимала Н. В. Гоголя, Ф. А. Бруни, В. Камуччини, Г. Верне, В. Скотта, создав единое пространство для взаимодействия русской и европейской творческой элиты». Считаю, что некоторые фактические номинации введены в текст сверх открыто, дискуссионно, что может являться подозрительным. Однако это определяет и научную новизну, неким предположением. Эффект диалога сложен грамотно: например, «крайне мало исследований Kunstreligion в контексте русской словесности. Некоторые её аспекты затронуты в работах Е. Е. Дмитриевой (в основном посвященных Н. В. Гоголю), которая предположила, что под влиянием немецкого романтизма в целом и Kunstreligion в частности некоторые представители русской аристократии меняли свои религиозные воззрения в сторону иных конфессий или мистики...», или «в многообразии окружающего мира религиозный человек замечает творческую неисчерпаемость божественной жизни, способной породить явления, необъяснимые логикой природных или социальных законов. Такой расклад допускает возможность необычайных феноменов. Так, Ф. Шлейермахер видит божественное не в законосообразности явлений, а в творческом процессе, который допускает отступление от законов в пользу уникальности» и т.д. Считаю, что текст нужно вычитать, есть опечатки: «их наиболее характерно чертой...» и т.д. Работа дробится на составные части, логика деления вполне понятна. Оценка динамики концепции Kunstreligion в текстах Л. Волковской раскрывается на протяжении всего сочинения, следовательно, цель планомерно достигается: «в русском собрании сочинений З. А. Волконской есть «Отрывки из путевых воспоминаний», датированные 1829-м годом – время её путешествия из Москвы в Рим. Их часть «Веймар. Бавария. Тироль» полна восхищения архитектурой Германии и её выдающимися поэтами: всеобъемлемость и универсальность Гёте Волконская сравнивает с городом, где греческие храмы гармонируют с готическими церквями. Как и Вакенродер, Волконская соединяет рукотворное и нерукотворное: описывая город Бад-Бернек, княгиня объединяет впечатление от средневекового замка и окружающих его реки и лесов...». Выводы по тексту соотнесены с основной частью: «искусство и религия предлагают зрителю тайну, а любой человек романтического склада к ней стремится. В таком подходе ощущается веяние времени: для начала XIX века характерен отказ от рациональности в пользу иррационального познания и мистики. Присутствовал интерес к индивидуальному и независимому религиозному восприятию, что создавало почву для возрождения разных синкретических форм религиозности. Суть Kunstreligion в текстах Волконской заключается в использовании индивидуального художественного языка для создания некоего универсума и образного типа мышления. Этот язык «авторских»

религиозных образов позволяет выразить основные философские категории и ответить на «вечные» вопросы». Стиль работы соотносится с собственно научным типом, библиография к статье полновесна. Думаю, что материал будет полезным при изучении культуры, литературы XVII-XIX веков. Рекомендую статью «Тексты Зинаиды Волконской сквозь призму концепции Kunstreligion» к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Тексты Зинаиды Волконской сквозь призму концепции Kunstreligion», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения творчества русской интеллигенции первой п. 19 в. Отметим, что Зинаида Волконская оставила недостаточно изученное литературное наследие, которое является одним из самых известных образцов женского дворянского творчества: эссе, новеллы и путевые заметки.

Кроме того, автор обращается к феномену «Kunstreligion», который в основном изучался немецкоязычными и англоязычными исследователями преимущественно на музыкальном материале в философском ключе, но не как художественное средство. Крайне мало исследований «Kunstreligion» в контексте русской словесности.

Работа является теоретической, вносит определенный вклад в теорию литературы. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Собственно говоря, заключение в научном понимании в рассматриваемой статье отсутствует.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Тексты Зинаиды Волконской сквозь призму концепции Kunstreligion» может быть

рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Харченко М.А. Межкультурная компетенция и множественные идентичности в контексте использования английского языка в институциональной среде // Litera. 2025. № 2. С.464-474. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73161 EDN: EPKYRA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73161

Межкультурная компетенция и множественные идентичности в контексте использования английского языка в институциональной среде

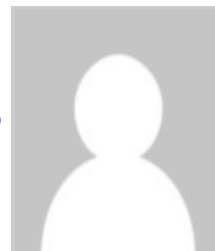
Харченко Мария Александровна

ORCID: 0000-0002-4363-2388

старший преподаватель; кафедра иностранных языков №3, Институт филологии; ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского"

295048, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Трубоченко, 14Е

✉ kharchenkomariia88@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73161

EDN:

EPKYRA

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Цель — исследовать связь между культурным содержанием английского языка как средством международной коммуникации и формированием идентичности его носителей в условиях межкультурного взаимодействия в институциональной среде. Предлагается переосмыслить перспективу использования английского языка, акцентируя внимание не на общении с носителями языка, а на развитии навыков взаимодействия в многоязычной среде. Практическая значимость исследования заключается в его потенциале для содействия развитию межкультурной коммуникации и улучшению взаимодействия в многоязычных и мультикультурных контекстах, что способствует лучшему пониманию и принятию различных культурных идентичностей в глобализированном мире. Исследование также подчеркивает важность адаптации

образовательных программ, направленных на подготовку к профессиональному взаимодействию в условиях культурного разнообразия, что особенно актуально в эпоху глобальной взаимозависимости. В исследовании используются методы теоретического анализа и синтеза, социолингвистический и социально-конструктивистский подходы, а также компаративный анализ, направленные на переосмысление роли английского языка как лингва франка и его связи с многоязычной коммуникативной практикой. Научная ценность работы состоит в предложении новой концепции англоязычной культурной компетенции как явления, которое выходит за рамки одной культуры и охватывает различные контексты. Выводы исследования подтверждают, что акцент должен быть сделан на развитии ресурсов межкультурной компетенции, а не на изучении отдельных лингвокультур. Анализ показывает, что использование английского языка в глобальном контексте способствует формированию гибкости мышления, что крайне важно для успешного взаимодействия в межкультурной среде. Кроме того, исследование подчеркивает необходимость переосмысления традиционных подходов к обучению английскому языку, чтобы они учитывали многогранность культурных контекстов. Выводы подчеркивают, что межкультурная компетенция требует акцента на взаимодействии, которое способствует развитию толерантности, эмпатии и культурного взаимопонимания, укрепляя глобальные связи.

Ключевые слова:

лингва франка, межкультурная коммуникация, формирование культурной идентичности, многоязычные практики, социолингвистика, межкультурная компетенция, поликодовость, глобализация, мультикультурное взаимодействие, институциональная среда

Актуальность темы исследования связана с тем, что традиционные представления о межкультурной компетенции и идентичности больше не соответствуют современным условиям, определяемым новыми явлениями и тенденциями глобализации. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, обосновать новые соотношения языка и культуры в условиях, когда изучаемый английский язык связан не с однородной «целевой культурой», а с контекстами нескольких культур в «третьем пространстве», то есть в промежутке между родным языком и культурой разнообразных пользователей изучаемого языка. Во-вторых, реконструировать понятие идентичности пользователя АЯ как динамичную социальную практику. В-третьих, аргументировать необходимость перехода от традиционной модели использования английского как иностранного языка к модели, отражающей его роль в межкультурной коммуникации.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных и зарубежных авторов в области культуры, межкультурной коммуникации и лингвокультурной идентичности. Практическая значимость работы заключается в том, что на ее основе может быть реконструирована модель использования английского как средства межкультурного взаимодействия в институциональной среде.

В рамках данного исследования применены методы теоретического анализа и синтеза, социолингвистический и социально-конструктивистский подходы, а также компаративный анализ, позволяющие рассмотреть роль английского языка как лингва франка через призму многоязычной коммуникативной практики и межкультурного взаимодействия.

Язык, культура и идентичность в межкультурной коммуникации — это ключевые

элементы, которые формируют социальную жизнь, самобытность и взаимодействие человека с окружающим миром. Культура представляет собой динамичный, творческий континуум, включающий общие модели поведения, ценности и смыслы, определяющие нашу жизнь [9]. В условиях глобализации английский язык больше не ассоциируется с территорией конкретного государства или его историей, а выступает как динамическое пространство дискурсов, которые конструируются и реконструируются в зависимости от различных контекстов.

С этой точки зрения идентичность следует понимать не как фиксированное и неизменное явление, а как динамическое, сложное и многослойное. Она изменяется во времени и пространстве, отражая разнообразие взаимодействий и влияний. В научной литературе выделяются три концепции идентичности, опираясь на разные основания этого феномена: первое — это концепция, единого субъекта, центром которой является фиксированная идентичность индивидуума; второе состоит в концепции идентичности социологического субъекта, который формируются во взаимодействии личности и общества. Наконец, третья концепция — это концепция субъекта, который принимает иные идентичности, сталкиваясь с различными ситуациями и культурными репрезентациями [2, с. 46-48]; [3, с. 31]; [15, p. 11].

Идентичность больше не воспринимается как монолитное и неизменное явление. В вышеупомянутых терминах на формирование идентичности индивидуума влияет согласование смысла и взаимодействия с участниками социальной, культурной и исторической общности.

Таким образом, взаимодействие между собеседниками должно происходить с учетом их сложности как человеческих существ, обладающих множественными идентичностями и уникальной индивидуальностью. Они должны восприниматься как личности, чьи особенности следует выявлять и понимать, а не как носители стереотипов, связанных с культурами, которые они представляют [17].

Эта идея особенно актуальна в контексте межкультурной коммуникации на английском языке, культурная составляющая которого требует переосмысления. Для адекватного отражения разнообразия языковых и социокультурных аспектов важно учитывать межкультурную перспективу, которая становится эффективным подходом к взаимодействию в условиях глобального мира.

Геополитические изменения и развитие технологий существенно повлияли на характер и роль культуры в контексте глобальной коммуникации. Однако подходы к представлению культурной составляющей зачастую продолжают опираться на модели, доминирующие в определенных странах, предлагая содержание, которое мало связано с локальными контекстами. К. Крамш отмечает, что в образовательной среде процессе взаимодействия часто акцентируется внимание только на стандартных языковых и коммуникативных моделях, которые могут повторяться без учета культурного разнообразия.

Подобные гомогенизирующие подходы требуют переосмысления, поскольку они перестают соответствовать современной глобальной динамике, в которой английский язык стал инструментом межкультурного взаимодействия, выходящего за рамки единых, унифицированных представлений о культуре.

Культурные аспекты, связанные с использованием английского языка, усложнились по следующим причинам [19, p. 58]:

- а) в странах, где английский является родным языком, он играет значимую роль как компонент национальной культуры;
- б) будучи денационализированным языком, современный английский во многом утратил связь с культурами стран происхождения;
- в) на глобальном уровне одной из ключевых функций английского языка стало обеспечение межкультурной коммуникации, что подразумевает диалог и взаимодействие между представителями разных культур.

Сложности, связанные с культурными аспектами, заключаются в необходимости содействовать эффективному взаимодействию между коммуникантами в институциональной среде. Они включают развитие навыков общения с людьми, представляющими разные культуры и традиции, а также обладающими различными способами мышления и моделями поведения [\[21\]](#).

К. Крамш подчеркивает важность установления межкультурных ценностей, которые позволяют человеку осмысливать взаимосвязь между собственной культурой и культурами других. Этот процесс выходит за рамки простого обмена информацией между культурами, побуждая к глубокому осмыслению как другой культуры, так и собственной. Другой подход касается изучения культуры как аспекта идентичности. Это понимание акцентирует внимание на том, что национальная идентичность не является статичным или однородным явлением, особенно с учетом возрастающей полиэтничности и поликультурности современного общества [\[19, p. 59\]](#).

Эффективное сотрудничество в аутентичных коммуникативных ситуациях требует понимания коммуникативных стратегий, которые помогают компенсировать недостаточное знание целевой культуры. В таких взаимодействиях носители языка играют ключевую роль как источники культурного и социального контекста.

Успешное использование таких стратегий предполагает не только знание норм и правил языка, но и понимание их применения в конкретных социальных ситуациях. Например, в контексте изучения английского языка важно учитывать не только культурные особенности Великобритании, но и осознавать культурное многообразие этой страны, одновременно опираясь на использование стандартного варианта языка.

Коммуникативная компетенция, основанная на стандартизированных нормах носителей языка, является утопией. Это связано не только с тем, что сам образ носителя языка представляет собой лингвистический миф, но и с тем, что он воплощает упрощенное, монолитное восприятие языка и культуры, отражающее преимущественно традиционные способы мышления и поведения.

В результате понятие культуры, охватывающее обычаи, традиции и образ жизни носителей языка, стало интегрироваться в языковой код англоязычной практики. Однако, несмотря на то, что повседневные культурные практики столь же разнообразны, как и само использование языка, в институциональных средах основное внимание по-прежнему сосредоточено на таких аспектах, как поведение, еда, праздники и обычаи, которые часто являются характерными, а порой и стереотипными, для доминирующей группы носителей языка и более заметны для внешних наблюдателей.

Коммуникативная компетенция носит ограничительный характер, поскольку она снижает гибкость и автономию участников взаимодействия в институциональной среде. Для достижения эффективности язык должен быть адаптирован к реальному миру участников

общения в этой среде, способствуя созданию более естественных условий взаимодействия.

Модель межкультурной коммуникативной компетенции (МКК), с акцентом на соблюдение норм и культуры носителей языка, стала широко применяться в контексте использования английского языка как средства общения в институциональной среде. Однако такой подход часто приводит к ошибочным представлениям о культуре и идентичности участников коммуникации. Развитие этой компетенции требует сосредоточения на способности быть понятым в межкультурных ситуациях, а не на следовании строгим стандартам общения с носителями языка. Полное овладение знаниями, необходимыми для взаимодействия с представителями различных культур, невозможно. Однако осознание важности адаптации, принятия и понимания других людей в разнообразных социокультурных контекстах становится ключевым элементом эффективной межкультурной коммуникации.

Фундаментальный аспект межкультурной коммуникативной компетенции заключается в способности говорящего или посредника децентрировать и релятивизировать собственные ценности, убеждения и ожидания. Это подразумевает умение критически оценивать как свою культуру, так и культуру другого человека [\[17\]](#).

Очевидно, что до сих пор существует неопределенность относительно того, как интегрировать межкультурное сознание, которое является ключевым аспектом МКК в институциональную среду, поскольку оно выходит за рамки ограниченной коммуникативной компетенции, доминирующей в практике взаимодействия на английском языке. Как отмечает У. Бейкер, ни один собеседник не следует идеальной модели, которой другой должен соответствовать; однако участники межкультурной коммуникации должны быть способны понимать культурные нормы и проявлять готовность справляться с неудачами в общении [\[16, p. 139\]](#).

В этом контексте важно учитывать, что английский может быть воспринимаем как иностранный язык (АИЯ) или как средство межкультурной коммуникации — английский как лингва франка (АЛФ). Выбор подхода и содержание программ обучения в институциональной среде остаются в значительной степени традиционными, несмотря на то что Б. Зайдльхофер, Дж. Дженкинс и другие [\[18\]](#); [\[20\]](#) продемонстрировали необходимость пересмотра подходов к использованию английского. Они подчеркивают, что как носители языка, так и изучающие его понимают маргинализацию локальных вариантов английского языка. В то же время, с увеличением глобальной роли английского растет интерес к интеграции локальных вариантов, что требует дальнейшего исследования различий между английским как иностранным и английским как лингва франка [\[18, p. 969\]](#); [\[20, p. 13\]](#).

В отличие от модели АЛФ, традиционная модель АИЯ ориентирована на общение с носителями английского языка в англоязычных странах. Она строится на лингвистических и социокультурных нормах этих стран, что делает акцент на их культуре. В рамках этой модели общение оценивается с точки зрения соответствия британским или американским стандартам, а также того, насколько хорошо участники усваивают грамматические правила и лексику, присущие этим стандартам.

Модель АЛФ, напротив, ориентирована на общение с неносителями английского языка со всего мира. Она нейтральна по отношению к культурным традициям собеседников, и в процессе длительного общения участники устанавливают общую межкультурную основу. В отличие от АИЯ, общение на АЛФ не требует соблюдения конкретного национального

лингвистического стандарта, поскольку нормы носителей языка не всегда обеспечивают успешное взаимодействие. Использование сложных грамматических структур и продвинутого словарного запаса может даже мешать эффективной коммуникации, особенно если собеседники не обладают одинаковым языковым репертуаром.

В своей оценке АИЯ Б. Зайдльхофер отмечает, что в процессе обучения поощряется «подражание носителю английского языка», что подразумевает признание его авторитета как образца, к которому следует стремиться и с которым нужно идентифицировать себя. Это особенно актуально для тех, кто стремится учиться в стране, где английский является основным языком, или эмигрировать в такую страну. Для этих людей лингвокультурные нормы носителей английского языка могут служить соответствующей моделью, и они будут стремиться соблюдать эти нормы, чтобы стать частью данного сообщества [20, p. 17]. Это также касается многих других иностранных языков, которые изучаются в основном для общения с носителями этого языка. Различия между АИЯ и АЛФ представлены в таблице 1.

Б. Зайдльхофер в своей оценке АИЯ отмечает, что в образовательной среде подражание носителю английского языка считается важным ориентиром. В этом контексте английский воспринимается как образец, с которым необходимо идентифицировать себя, и люди стремятся соответствовать культурным и языковым нормам стран, где этот язык является официальным. Для таких людей лингвокультурные нормы носителей языка становятся важной моделью, и они пытаются соответствовать этим нормам, чтобы интегрироваться в соответствующие сообщества в дальнейшем [20, p. 17]. Подобный подход также применим и к другим иностранным языкам, которые часто изучаются для общения с носителями. Различия между АИЯ и АЛФ подытожены в таблице 1.

Таблица 1. Концептуальные различия между АИЯ и АЛФ [20, p. 18].

	АИЯ	АЛФ
Лингвокультурные нормы	Стандартные лингвокультурные нормы	Согласованные лингвокультурные нормы
Цели	Интеграция в сообществе носителей языка	Коммуникации среди неносителей или в смешанном сообществе неносителей — носителей языка
Процессы	Имитация, ассимиляция	Аккомодация, адаптация

Теперь обратимся к различиям, которые предлагает Дж. Дженкинс между АЛФ и АИЯ, перечисленным в Таблице 2. Она ссылается на сложившуюся тенденцию следовать нормам носителей языка и предлагает 5 отличий его АЛФ и АИЯ.

Таблица 2. Различия между английским как лингва франка (АЛФ) и английским как иностранным языком (АИЯ) [18, p. 926].

АЛФ	АИЯ
1. Принадлежит к категории	1. Принадлежит к категории

1. Принадлежит к категории английских языков мира	1. Принадлежит к категории иностранных языков
2. Отличия от АЯ носителей как норма	2. Отличия от АЯ носителей как недостатки
3. Метафорически это — контакт и изменение	3. Метафорически это — интерференция и фоссилизация
4. Переключение кодов считается билингвальным ресурсом	4. Переключение кодов считается ошибками в результате недостаточных знаний
5. Цель: успешная межкультурная коммуникация	5. Цель: успешная коммуникация с носителями языка

Во-первых, Дж. Дженкинс помещает АЛФ в парадигму Global Englishes, которая признает, что большинство говорящих на английском языке в мире не являются носителями языка, и принимает социолингвистические последствия этого факта, а именно то, что большинство имеет право определять тип английского языка, который они хотят использовать [\[18, p. 926\]](#). Следовательно, АЛФ рассматривается с точки зрения различия в том смысле, что отклонения от норм языка носителей становятся различиями, а не недостатками.

Как видно из таблицы 2, АИЯ помещен в парадигму современных иностранных языков, что означает, что люди, которые изучают английский язык как иностранный, делают это для того, чтобы иметь возможность общаться с носителями английского языка, и все отличия рассматриваются как ошибки. Дж. Дженкинс подчеркивает еще одно различие, касающееся метафор, лежащих в основе парадигм АЛФ и АИЯ: в то время как первая основана на метафорах языкового контакта и изменения, вторая имеет свои корни в метафорах интерференции и фоссилизации. Двуязычные пользователи АЛФ могут прибегнуть к переключению кода, что воспринимается как практический ресурс, используемый для демонстрации идентичности, укрепления солидарности и участия в творческих действиях, а не для компенсации пробелов в знаниях. В случае говорящих на английском как иностранном языке переключение кода не одобряется и обычно считается ошибкой — признаком вышеупомянутых пробелов в знаниях, т. е. эти две концепции преследуют различные цели.

Сопоставление лингвокультурных норм, целей и процессов обучения АИЯ и АЛФ убеждает, что требуется пересмотр подходов к обучению иностранным языкам в целом: АЛФ нужно изучать не как иностранный, а как второй язык, нацеленный на международное общение, т. к. он используется в социальной практике коммуникации мирового сообщества, а не представляет культуру национального варианта Великобритании или США [\[12, с. 21\]](#).

Взаимодействие между участниками коммуникации на английском языке в институциональной среде можно рассматривать как социальную практику, направленную на развитие способности эффективно осуществлять коммуникацию в билингвальной и/или мультилингвальной среде, понимать и принимать межкультурные ценности сообщества, а также передавать, получать и обрабатывать специализированную и общенаучную информацию на английском языке. Согласно трактовке социальной практики, предложенной Н. В. Смирновой [\[11, с. 12\]](#), выделяются четыре аспекта, которые проявляются в данном контексте: ценностно-смысловой, когнитивный, мотивационный и поведенческий. Ценностно-смысловой аспект связан с формированием идентичности

участников через осознание ими ценностей и установок определенного сообщества практики. Когнитивный аспект предполагает развитие навыков критического мышления, необходимых для решения проблемных ситуаций в межкультурной коммуникации. Мотивационный аспект отражает, что успешность межкультурного взаимодействия зависит от субъектно-субъектного взаимодействия между участниками и от их личностно значимых целей. Наконец, поведенческий аспект заключается в способности осуществлять межкультурную коммуникацию на основе сформированных знаний, самостоятельности и рефлексии.

Таким образом, содержание социальной практики, связанной с использованием английского языка, охватывает категории социального взаимодействия и поведения всех участников в определенных социальных контекстах. Как отмечает М. А. Ядова, это можно рассматривать как своего рода фоновые практики – «систематически совершаемые социальные действия, которые становятся неформальным образцом, нормой социального поведения» [\[13, с. 9\]](#).

Если ценностно-смысловой, когнитивный, мотивационный и поведенческий аспекты определяют содержание социальной практики взаимодействия на английском языке, то для описания ее формы целесообразно использовать такие понятия, как мультимодальность, поликодовость и интерсемиотичность. Эти категории, лежащие в основе междисциплинарного мультимодального подхода в изучении языка и культуры, отражают сложную многомерную реальность, которая постоянно расширяется за счет новых вербальных и невербальных средств передачи информации. Кроме того, они обозначают тенденцию к формированию новой научной парадигмы, связанной с поликодовостью (или мультимодальностью, мультимедиаальностью) коммуникации [\[5, с. 13\]](#); [\[10, с. 17\]](#).

В рамках социально-конструктивистского подхода к современному английскому языку отмечается тенденция к формированию новой парадигмы, характерной для АЛФ, которая основывается на поликодовости (или мультимодальности, мультимедиаальности) коммуникации, особенно в межкультурном контексте. По определению Г. Г. Молчановой, «поликодовость понимается как оформленность смысла, его привязанность к определенному формату, способу семиотического выражения» [\[5, с. 14\]](#). Взаимодействие между когницией (процессом создания знания) и медиумом (материальной формой его воплощения) выходит за рамки исключительно технических средств: увеличение числа и разнообразие таких средств расширяют сферу коммуникации. Важно учитывать роль различных семиотических элементов, которые используют участники коммуникации, включая как вербальные, так и менее изученные невербальные средства (жесты, интонации, цвет, масштаб, телодвижения и др.), а также учитывать их неодинаковый вклад в процесс коммуникации [\[5, с. 14\]](#).

Согласно взглядам С. Канагараджи, связи между АЛФ, культурой его многоязычных пользователей и их сообществами настолько многообразны, что позволяют понять, как английский язык может быть децентрализованным и адаптированным к ценностям и идентичностям, не связанным с историей Великобритании [\[14, с. 116\]](#). Социально-конструктивистский подход освещает пути трансформации АЛФ в сторону мультикультурности и преодоления лингвоцентристских стереотипов. Укрепление роли английского языка как средства международного общения актуализирует необходимость пересмотра его традиционного статуса в российском контексте, где он часто воспринимается исключительно как иностранный или второй язык.

В условиях современной глобализации социальной и экономической деятельности английский язык перестает восприниматься исключительно как «инструмент общения». Он становится неотъемлемой частью культуры, отражающей не столько исторический и культурный контекст стран его происхождения, сколько современные мировоззрение и образ жизни. Межкультурная природа АЛФ играет ключевую роль в формировании межкультурных коммуникантов, способных эффективно взаимодействовать в условиях сложных и множественных идентичностей. Сегодня культурная принадлежность становится все более персонализированной, а идентичности пересекаются и взаимодействуют друг с другом в различных контекстах межкультурной коммуникации. Такое взаимодействие требует развития навыков межкультурной компетенции, которая занимает центральное место в процессе общения и сотрудничества между людьми с разным культурным бэкграундом.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с реконцептуализацией понимания АЛФ как явления, не привязанного к какой-либо национальной общности английского языка. С социолингвистической точки зрения, АЛФ не может быть классифицирован как одна из разновидностей английского языка. Вместо этого он представляет собой широкий спектр языковых ресурсов, используемых в многоязычной коммуникативной практике. Эти разнообразные ресурсы объединяются под зонтичным понятием «английский как лингва франка», что подчеркивает его функциональную природу и межкультурный характер.

Библиография

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике: Языковые контакты / Под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. – С. 25-60.
2. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации : [учеб. пособие] / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Издво Урал. ун-та, 2015. – 124 с.
3. Зудилина, Н. В. Формирование идентичности в интернет-сообществах. – Дисс. ... канд. филос. наук. – Симферополь, 2012. – 230 с.
4. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации –In English about Russia and the whole world: учебное пособие / В.В. Кабакчи. – Изд. 3-е, стер. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 505 с. – Текст: электронный.
5. Молчанова, Г. Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – М., 2014. – С. 13-30.
6. Молчанова, Г. Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. – М.: Олма-Пресс, 2014. – 208 с.
7. Михальченко, В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2015. – С. 14-31.
8. Новицкая А.В. Формирование межкультурной компетенции в различных видах межкультурных контактов // Сб. науч. тр. СевКавГТУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 6.
9. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М.: Высш. шк., 2005. – 310 с.
10. Сергаева, Ю. В. Мультимодальный текст как предмет искусства // Традиционное и новое в лингвистике, переводе, лингвокультурологии и лингводидактике: сборник статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. – 148 с. – С. 16-21.
11. Смирнова, Н. В. Обучение иноязычной письменной речи как социальной практике в

- условиях билингвального образования (социоэкономические специальности) (на материале английского языка). – Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2018. – 23 с.
12. Смокотин, В. М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: Автореф. дисс. д-ра филос. наук. 24.00.01. – Томск, 2011. – 39 с.
13. Ядова, М. А. Социальные практики и повседневная жизнь в фокусе социологии // Новые социальные практики в зеркале социологии: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. М.А. Ядова. – М., 2019. – С. 8-11.
14. Canagarajah, S. Postmodernism and Intercultural Discourse: World Englishes // Paulston, C. B., Kiesling, S. F., & Rangel, E. S. (Eds.). The Handbook of Intercultural Discourse and Communication (Vol. 29). – John Wiley & Sons, 2012 – Hoboken, NJ. – P. 110-132.
15. Chen, D., Tigelaar, D., Verloop, N. The Intercultural Identities of Nonnative English Teachers: An Overview of Research Worldwide // Asian Education Studies. – Vol. 1, No. 2, 2016. – P. 9-25.
16. Baker, W. Research into practice: Cultural and intercultural awareness // Language Teaching. – 2015. – 48 (1). – P. 130-141.
17. Byram, M., Gribkova, B., & Starkey, H. Developing the intercultural dimension in language teaching: A practical introduction for teachers. http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Guide_dimintercult_En.pdf
18. Jenkins, J. Accommodating (to) ELF in the international university. – Journal of Pragmatics. – 2011. – 43(4). – P. 926-936.
19. Kramsch, C. Culture in Foreign Language Teaching // Iranian Journal of Language Teaching Research. – 2013. – V. 1, N. 1. – P. 57-78.
20. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca. – Oxford University Press, 2011. – 244 p.
21. Yazan, B. Teaching English as an International Language. – TESOL International Association, 2013, Alexandria, VA. – 9 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе являются межкультурная компетенция и множественные идентичности в контексте использования английского языка в институциональной среде. Актуальность работы аргументируется тем, что «традиционные представления о межкультурной компетенции и идентичности больше не соответствуют современным условиям, определяемым новыми явлениями и тенденциями глобализации». Отмечается, что в современных реалиях необходимо «обосновать новые соотношения языка и культуры в условиях, когда изучаемый английский язык связан не с однородной «целевой культурой», а с контекстами нескольких культур в «третьем пространстве», то есть в промежутке между родным языком и культурой разнообразных пользователей изучаемого языка», «реконструировать понятие идентичности пользователя английского языка как динамичную социальную практик», «аргументировать необходимость перехода от традиционной модели использования английского как иностранного языка к модели, отражающей его роль в межкультурной коммуникации».

Теоретическую основу работы обоснованно составили труды таких российских и зарубежных исследователей, как А. П. Садохин, Ю. В. Сергаева, Н. В. Смирнова, В. М. Смокотин, Н. В. Зудилина, М. А. Ядова, Г. Г. Молчанова, С. Канагараджи, К. Крамш, Б. Зайдльхофер, Дж. Дженкинс, В. Бейкер и др., охватывающие широкий круг вопросов по проблемам культуры и межкультурной коммуникации, идентичности и лингвокультурной идентичности. Библиография насчитывает 21 источник, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание на то, что в тексте рукописи отсутствуют ссылки на некоторые источники. Также автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

С учётом специфики предмета, объекта и цели работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, абстрагирования; социолингвистический и социально-конструктивистский подходы, а также компаративный анализ, позволяющие рассмотреть роль английского языка как лингва франка через призму многоязычной коммуникативной практики и межкультурного взаимодействия.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) решить обозначенные задачи и прийти к выводу о том, что «в условиях современной глобализации социальной и экономической деятельности английский язык перестаёт восприниматься исключительно как «инструмент общения»; он становится неотъемлемой частью культуры, отражающей не столько исторический и культурный контекст стран его происхождения, сколько современные мировоззрение и образ жизни», «сегодня культурная принадлежность становится все более персонализированной, а идентичности пересекаются и взаимодействуют друг с другом в различных контекстах межкультурной коммуникации; такое взаимодействие требует развития навыков межкультурной компетенции, которая занимает центральное место в процессе общения и сотрудничества между людьми с разным культурным бэкграундом». Обозначены перспективы дальнейшего исследования, связанные с реконцептуализацией понимания английского как лингва франка как явления, не привязанного к какой-либо национальной общности английского языка.

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как теория лингвокультурной идентичности, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, а также на их основе может быть реконструирована модель использования английского как средства межкультурного взаимодействия в институциональной среде.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Михеев Н.А. Структурно-семантические типы английских паремий тематики «финансовое положение» // Litera. 2025. № 2. С.475-484. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.70049 EDN: EQBNSR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70049

Структурно-семантические типы английских паремий тематики «финансовое положение»

Михеев Никита Александрович

ORCID: 0009-0002-1957-2618

аспирант, Кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ mikheev.nikita.a@gmail.com

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.70049

EDN:

EQBNSR

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Цель статьи – изучить структурно-семантические особенности паремий английского языка, использующихся для характеристики финансового положения человека. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: изучить особенности структурно-семантического анализа паремий с применением фреймового метода, составить структурно-семантическую классификацию паремий, при помощи которых можно охарактеризовать финансовое положение человека. Предмет исследования – паремии, обозначающие финансовое положение человека, в английском языке, и их русские эквиваленты. Объект исследования – структурно-семантические особенности паремий, обозначающих финансовое положение человека, в современном английском языке. Материалом исследования послужили 200 паремий английского языка, обозначающих финансовое положение человека, полученные

методом сплошной выборки из «Большого англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина, «Oxford Dictionary of Idioms» и «Cambridge Idioms Dictionary». В ходе исследования использовались такие методы общенаучного исследования, как анализ теоретической литературы, синтез, классификация. Использовался также такой научный лингвистический метод, как дефиниционный анализ, данный метод был использован для выделения групп семантических эквивалентов. Проведенное исследование позволило сделать выводы о том, что паремии английского языка, обозначающие финансовое положение человека, могут быть разделены на несколько семантических групп: «богатство», «бедность», «разбогатеть», «обеднеть», «быть богатым», «быть бедным». На основании структурно-семантического анализа данных паремий можно сформулировать ряд различий в англоязычной и русскоязычной языковой картине мира, основанных на разном отношении к деньгам и финансам у англичан и русских. 1. Если у англичан человек сам отвечает за собственное финансовое положение (сам виноват в собственной бедности или сам достигает богатства), то у русских человек становится богатым или бедным в соответствии с волей судьбы (человека нельзя обвинять в бедности). 2. У англичан человек, имеющий достаток и добившийся его сам, всегда заслуживает уважения, вне зависимости от того, как именно было нажито состояние. У русских к человеку, имеющему много денег, уважение может быть не только уважительным, но и презрительным, потому что богатство часто ассоциируется с отсутствием честности и доброты.

Ключевые слова:

семантика, паремии, английский язык, русский язык, структурно-семантический, финансовое положение, лингвистика, фреймовый метод, дефиниционный анализ, языковая картина мира

Введение. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что паремии, характеризующие финансовое положение человека, широко используются в современном английском языке, при этом большинство из них имеет частичные или полные семантические эквиваленты в русском языке. Изучение данных паремий способствует пониманию англоязычной языковой картины мира и менталитета англоговорящего населения. Цель данного исследования – изучить структурно-семантические особенности паремий английского языка, использующихся для характеристики финансового положения человека. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: изучить особенности структурно-семантического анализа паремий с применением фреймового метода, составить структурно-семантическую классификацию паремий, при помощи которых можно охарактеризовать финансовое положение человека. Предмет исследования – паремии, обозначающие финансовое положение человека, в английском языке, и их русские эквиваленты. Объект исследования – структурно-семантические особенности паремий, обозначающих финансовое положение человека, в современном английском языке. Материалом исследования послужили 200 паремий английского языка, обозначающих финансовое положение человека, полученные методом сплошной выборки из «Большого англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина [\[1\]](#), «Oxford Dictionary of Idioms» [\[2\]](#) и Cambridge Idioms Dictionary [\[3\]](#).

В ходе исследования использовались такие методы общенаучного исследования, как анализ теоретической литературы, синтез, классификация. Использовался также такой

научный лингвистический метод, как дефиниционный анализ, данный метод был использован для выделения групп семантических эквивалентов. Метод дефиниционного анализа основан на том, что словарные дефиниции из толковых словарей используются для того, чтобы получить представление о семантике тех или иных языковых единиц, в данном случае – паремий, имеющих различную структуру.

Основная часть

Группы слов, которые объединяются общей тематикой, взаимно определяются и структурируются при помощи специфических унифицированных конструкций, основанных на знании или опыте, и для данных конструкций в современной лингвистике принято использовать термин «фрейм». Фрейм – это общая база образа, который в то же время может быть представлен любым отдельным словом, входящим в состав данного фрейма [\[4\]](#).

Понятие «фрейм» в современной лингвистике используется для того, чтобы использовать тематические группы слов, таким образом, фреймом принято называть средство структуризации подсистемы лексики. Многоаспектный фрейм, исследуемый в контексте пространства коммуникации, имеет иерархическую структуру, которая состоит из трех уровней. Верхний уровень – это культурный контекст коммуникации. Второй уровень – это дискурсивный контекст. В него входят общие знания, которые имеются у коммуникантов. Третий уровень – это социальный контекст, в него входит такой аспект, как нюансы межличностной коммуникации, включая интенцию и тип речевой деятельности, а также социальный статус коммуникантов. Данные ярусы имеют иерархическую организацию и расположены на пересечении двух плоскостей, первая плоскость имеет когнитивно-психологический характер, а вторая является социально обусловленной. Фреймовый анализ используется для выделения тех или иных тематических групп лексических единиц в составе конкретного языка, а также данный анализ применяется для структурно-семантического анализа лексических единиц, связанных с конкретной темой, например, с финансовым положением человека [\[5\]](#).

С когнитивной точки зрения все паремии английского языка, обозначающие финансовое положение человека, можно структурировать в качестве поуровневого фрейма. При этом концепты, которые, принимая иерархическую форму, выстраиваются в виде фрейма, номинируются не в случайном порядке, а на основе представлений, которые складываются у людей в ходе их жизни и практической деятельности, а также на основе оценок и мнений, которые у людей возникают.

Таким образом, представляется необходимым определить концептуальную организацию английских паремий, обозначающих финансовое положение человека, и представить комплекс данных паремий в форме фрейма, а также необходимо выполнить сопоставительный анализ рассматриваемой тематической группы паремий. Для этого, в частности, представляется необходимым использовать языковые средства объективации тех групп, которые используются для структурирования рассматриваемого фрейма [\[6\]](#).

В настоящем исследовании представляется необходимым представить семантическую группы «финансовое положение человека» в форме фрейма. Фрейм в данном случае интерпретируется как когнитивная лингвистическая модель, в которой отражена информация об объекте в языковой форме [\[7\]](#).

На основе данного подхода к семантической группе «финансовое положение человека» во фреймовой иерархии исследуемой нами тематической группы фразеологических

единиц английского языка были выделены несколько групп. Первая группа условно обозначена знаком «+», вторая группа условно обозначена знаком «-», третья группа условно обозначена знаком «+!», поскольку финансовые ресурсы человека могут интерпретироваться как достаточные (знак «+») или недостаточные (знак «-»). Группа концептов, обозначаемых знаком «+!», используется в том случае, если выполнить однозначную оценку количества финансовых ресурсов, имеющихся у человека, невозможно. В данном случае речь идет о ситуации, когда у человека имеется достаточно финансовых ресурсов для удовлетворения одних потребностей, но в то же время недостаточно финансовых ресурсов для удовлетворения других потребностей.

На основании принятой нами дефиниции финансового положения человека в рамках выше обозначенных групп представляется необходимым выделить подгруппы. В первую очередь, это подгруппы постоянного хорошего/плохого/двоякого финансового положения человека, которые противопоставляются подгруппам финансового положения человека, которое временно ухудшается или улучшается, а также противопоставляется подгруппам финансового положения, которое временно (не постоянно) является хорошим/плохим/двояким.

В исследуемом материале были выделены группы структурно-семантических эквивалентов, имеющие значения «иметь низкий уровень дохода, жить бедно», «потерять состояние, разориться, лишиться финансового благополучия», «обогатиться, улучшить уровень материального положения», «иметь высокий уровень дохода, жить богато», «богатство, богатый», «бедность, бедный». В группе «обогатиться, улучшить уровень материального положения» объектом является действие (приобретение материального достатка) + цель действия (состояние достатка) + характеристика итогового состояния (статус богатого с финансовой позиции).

В качестве примеров можно привести следующие поговорки английского языка:

Coin it (in) «быстро получить высокую прибыль», аналогичный фразеологизм в русском языке отсутствует;

Golden handshake «крупная прибыль кому-либо при увольнении с работы», аналогичный фразеологизм в русском языке отсутствует;

Rake in the dough «заработать много денег», аналогичные фразеологизмы в русском языке: «грести деньги лопатой», «нажиться», «сорвать куш», «рубить капусту»;

Make money hand over fist «зарабатывать большие деньги без труда, легко, ничего не делая», аналогичные фразеологизмы в русском языке «грести деньги лопатой», «зашибать деньги»;

To line one's pockets «наживаться, эксплуатировать, делать деньги нечестным путем», аналогичный фразеологизм в русском языке «набить карманы».

Всего к данной структурно-семантической группе принадлежит 25% от всех исследованных поговорок, среди них преобладают поговорки с положительной коннотацией, при этом положительная коннотация связана с легкостью получения денег: человек, который легко зарабатывает большие деньги, представляется как расчетливый хозяин, достойный уважения. Если в русскоязычной картине мира человек, зарабатывающий большие деньги, чаще представляется нечестным (мошенник, заработавший деньги обманом), то в англоязычной картине мира зарабатывать большие деньги не стыдно, а человек, быстро заработавший большие деньги, обладает высоким социальным статусом

и является уважаемым в обществе.

Группа структурно-семантических эквивалентов с общим значением «потерять состояние, разориться» составляет в общей сложности 20% от всех исследуемых паремий. В качестве примера можно привести следующие паремии английского языка:

To break the bank «разориться, потратить все деньги», аналогичный фразеологизм в русском языке отсутствует;

To go to the wall «разориться, остаться без денег», аналогичный фразеологизм в русском языке отсутствует;

To be flat broke «быть вконец разоренным», аналогичный фразеологизм в русском языке «остаться на мели»;

To feel the pinch «испытывать финансовые трудности из-за уменьшения дохода», аналогичные фразеологизмы в русском языке «положить зубы на полку», «затянуть потуже пояса»;

To lose one's shirt «полностью разориться», аналогичный фразеологизм в русском языке «остаться без штанов».

Паремии, вошедшие в данную группу, имеют отрицательную коннотацию: как в русском, так и в английском языке потеря денежных средств рассматривается как угрозу здоровью и жизни человека, а также потеря денежных средств ассоциируется с неблагонадежностью и неразумностью человека, поэтому в некоторых паремиях данной группы потеря денег или дохода ассоциируется с потерей одежды - атрибута, который отличает разумного человека от животных. При этом большинство английских паремий, относящихся к данной группе, содержат глаголы, обозначающие активные движения и действия (*to go* "идти", *to lose* "потерять", *to break* "сломать"), то есть подчеркивается то, что человек сам отвечает за собственное финансовое положение, в отличие от русских паремий с аналогичной семантикой, преимущественно содержащих глаголы «остаться», «очутиться». Иными словами, для англичан бедность – состояние, к которому человек приводит себя сам, а для русских бедность – это состояние, к которому человек приходит волей судьбы, потому английская картина мира воспринимают бедность как нечто постыдное, а русская – как нормальное состояние человека, от которого не застрахован никто.

Третья структурно-семантическая группа, составляющая 15% от всех исследуемых паремий – это паремии с семантикой «жить богато, иметь высокий уровень дохода». В качестве примеров можно привести следующие фразеологические единицы:

To be (to live) in clover «жить безбедно», аналогичный фразеологизм в русском языке «как сыр в масле кататься»;

To have deep pockets «иметь хорошее финансовое положение», аналогичный фразеологизм в русском языке «иметь толстые карманы»;

To have money to burn «иметь очень много денег», аналогичные фразеологизмы в русском языке «денег куры не клюют», «денег как грязи»;

To live off the fat of the land «жить в роскоши», аналогичный фразеологизм в русском языке «как сыр в масле кататься»;

In the lap of luxury «в роскоши», аналогичный фразеологизм в русском языке «как у

Христа за пазухой».

В рассматриваемой группе преобладают паремии с положительной коннотацией. Немногочисленные паремии с отрицательной коннотацией основаны на том, что человек, имеющий много денег, может много и неразумно тратить, при этом в английских паремиях деньги в данном случае представляются как эфемерная субстанция, которая внезапно появляется и может также внезапно исчезнуть (деньги «сгорают»), а в русских паремиях с аналогичной семантикой деньги представляются как субстанция, вызывающая отвращение и неприятие («денег куры не клюют», «денег как грязи»). В английских паремиях, в отличие от русских, отсутствует ярко выраженное презрение к деньгам, несмотря на то, что человек, бездумно тратящий деньги, в обоих языках характеризуется отрицательно.

Четвертую группу составили паремии семантической группы «жить бедно, иметь низкий уровень дохода», паремии данной группы составили 20% от общего количества исследуемых паремий. В качестве примера можно привести следующие паремии:

To live from hand to mouth «жить впроголодь, сводить концы с концами», аналогичный фразеологизм в русском языке «жить от зарплаты до зарплаты»;

To make both ends meet «едва укладываться в сумму заработка, жить бедно», аналогичный фразеологизм в русском языке, являющийся практически буквальным переводом «сводить концы с концами»;

To be on the breadline «иметь крайне низкий доход», аналогичный фразеологизм в русском языке «быть за чертой бедности»;

To be hard up «испытывать финансовые трудности, нуждаться», аналогичный фразеологизм в русском языке «быть на мели»;

To be in dire straits «быть в ужасном финансовом положении, в бедственной ситуации», аналогичный фразеологизм в русском языке «дыра в кармане, да мышь на аркане»;

Паремии, которые относятся к данной группе, практически все имеют отрицательную коннотацию, при этом в большинстве случаев семантика ограниченности в денежных средствах выражается при помощи границы, линии, рамок, в которые вынужден укладываться человек с низким уровнем дохода. Аналогичной семантикой и коннотацией обладают русские эквиваленты рассматриваемой группы паремий. Человек, испытывающий значительные финансовые трудности, интерпретируется как человек, вынужденный вписываться в определенные узкие рамки (*breadline* «черта бедности», *ends* «концы», *straits* «проливы») и не пересекать установленных границ.

К пятой структурно-семантической группе относятся паремии, которые имеют семантику «богатство, высокий уровень дохода», «богатый, с высоким уровнем дохода». Данная группа составляет 10% от всех изученных нами паремий английского языка. В качестве примера можно привести следующие паремии:

In the chips «богатый», русский аналог данного фразеологизма «в шоколаде»;

Born with a silver spoon «родиться в богатой семье», русский аналог данного фразеологизма, являющийся почти полным структурно-семантическим эквивалентом: «родиться с золотой ложкой во рту»;

Laugh all the way to the bank «легко зарабатывать деньги, особенно за счет других», русские аналоги данного фразеологизма «ковать деньги», «грести деньги лопатой»;

To have a nose for money «иметь естественную возможность аккумулировать богатство», русский аналог данного фразеологизма «иметь нюх на деньги».

В данной группе преобладают английские паремии с положительной коннотацией, богатство интерпретируется как признак высокого социального статуса, а богатый человек – как человек, который заслуживает уважение, при этом не учитывается то, каким образом человек нажил свое состояние – честным или нечестным путем. Что касается русских паремий с аналогичной семантикой, то человек, который заработал деньги легким или нечестным путем, описывается паремиями с отрицательной коннотацией, при этом деньги интерпретируются как неприятная субстанция, похожая на землю или грязь («грести деньги лопатой» - «зарабатывать деньги без тяжелого труда»).

Как в английских, так и в русских паремиях, имеющих данную семантику, богатство ассоциируется с атрибутами материального достатка – пищей (*хлеб, шоколад, сыр, масло, bread, chips*) и драгоценными металлами (*золото, серебро, gold, silver*).

К шестой структурно-семантической группе относятся паремии, которые обладают семантикой «бедный, с низким уровнем дохода», «бедность, низкий уровень достатка». Данная группа составляет 10% от общего количества всех исследованных нами паремий. К данной структурно-семантической группе можно отнести, например, следующие паремии:

Short of cash «не при деньгах», аналогичный фразеологизм в русском языке отсутствует;

On the rocks «бедственное финансовое положение», аналогичный фразеологизм в русском языке «на мели»;

On one's uppers «иметь очень маленький доход, не способный покрыть нужды», аналогичный фразеологизм в русском языке «быть за чертой»;

Skating on thin ice «рискованная или сложная финансовая ситуация», аналогичный фразеологизм в русском языке «игра с огнем»;

Getting by on a shoestring «сложная финансовая ситуация», аналогичный фразеологизм в русском языке «сводить концы с концами».

Английские паремии, которые принадлежат к данной структурно-семантической группе, имеют отрицательную коннотацию, при этом бедность трактуется как состояние, когда человек ограничен узким пространством – финансовыми рамками, при этом данные рамки имеют жесткий характер (*on the rocks, on thin ice*). Русские паремии, имеющие аналогичную семантику, также имеют преимущественно отрицательную коннотацию.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать выводы о том, что паремии английского языка, обозначающие финансовое положение человека, могут быть разделены на несколько семантических групп: «богатство», «бедность», «разбогатеть», «обеднеть», «быть богатым», «быть бедным». На основании структурно-семантического анализа данных паремий можно сформулировать ряд различий в англоязычной и русскоязычной языковой картине мира, основанных на разном отношении к деньгам и финансам у англичан и русских.

1. Если у англичан человек сам отвечает за собственное финансовое положение (сам виноват в собственной бедности или сам достигает богатства), то у русских человек

становится богатым или бедным в соответствии с волей судьбы (человека нельзя обвинять в бедности).

2. У англичан человек, имеющий достаток и добившийся его сам, всегда заслуживает уважения, вне зависимости от того, как именно было нажито состояние. У русских к человеку, имеющему много денег, уважение может быть не только уважительным, но и презрительным, потому что богатство часто ассоциируется с отсутствием честности и доброты.

Можно также выявить ряд сходств в отношении русских и англичан к богатству и бедности.

1. Универсальным для английской и русской картин мира является тот факт, что богатство, прежде всего, ассоциируется с материальным достатком – обилием пищи и драгоценных металлов, при этом богатый человек не позиционируется как человек, имеющий какие-либо духовные добродетели, а материальная бедность не ассоциируется с духовной бедностью.

2. В английской и русской картинах мира материальный достаток воспринимается как нечто преходящее, чаще всего непостоянное. Богатство – это временный статус человека, который может резко измениться в одночасье. При этом стать богатым сложнее, чем бедным.

3. Как в английских, так и в русских поговорках, имеющих данную семантику, богатство ассоциируется с атрибутами материального достатка – пищей и драгоценными металлами.

С учетом вышесказанного, структурно-семантический анализ поговорок английского языка, обозначающих финансовое положение человека, позволил нам выявить ряд особенностей, характерных для английского менталитета, и сравнить данные особенности с менталитетом русскоязычного человека. В связи с этим, данная тема является актуальной и важной для дальнейшего изучения.

Библиография

1. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – Изд. 4-е, переработанное и дополненное. – М., 2021.
2. Айто, Дж. Оксфордский словарь идиом. – Изд. 4-е. – Оксфорд, 2020. – 448 с.
3. Уолтер, Э. Кембриджский словарь идиом. Изд. Кембриджского университета, 2006. – 522 с.
4. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания. Изд. 3-е. – СПб, 2001. – 288 с.
5. Апресян, Ю. Д. К вопросу о значении фразеологических единиц / Ю. Д. Апресян // Иностранные языки в школе. – 2019. – № 6. – С. 12.
6. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 2020. – 312 с.
7. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка. – М., 1959.
8. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М.: Эксмо, 2019. – С. 3-42.
9. Гуревич, А. Я. Избранное. История – нескончаемый спор. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 464 с.
10. Гальперин, И. Р. Очерки о стилистике английского языка. – М., 2020.
11. Колиберская, И. О. О фразеологических кальках с английского в русском языке. // Русский язык в школе. – 2020. – № 6.
12. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и

фак. иностр. яз.– 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр "Феникс", 2021. 381 с.

13. Леонтьев, А. А. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16-21.

14. Разина, А. С. Методы изучения фразеологических единиц // Филология и лингвистика. – № 3. – 2019. – С. 21-23.

15. Узнадзе, Д. Н. Внутренняя форма языка // Психология установки. – СПб, 2021. – С. 381-414.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования являются паремии, обозначающие финансовое положение человека, в английском языке, и их русские эквиваленты. Автор достаточно точен и конкретен в определении цели, задач, объекта исследования, это не может не радовать. В частности отмечено, что «объект исследования – структурно-семантические особенности паремий, обозначающих финансовое положение человека, в современном английском языке», «материалом исследования послужили 200 паремий английского языка, обозначающих финансовое положение человека, полученные методом сплошной выборки из «Большого англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина, «Oxford Dictionary of Idioms» и Cambridge Idioms Dictionary». Предельность и объективность полученных данных не вызывает сомнений. «Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что паремии, характеризующие финансовое положение человека, широко используются в современном английском языке, при этом большинство из них имеет частичные или полные семантические эквиваленты в русском языке. Изучение данных паремий способствует пониманию англоязычной языковой картины мира и менталитета англоговорящего населения». Целевая составляющая работы сводится к изучению структурно-семантических особенностей паремий английского языка, использующихся для характеристики «финансового положения» человека. На мой взгляд, работа грамотно структурирована; дробность на т.н. смысловые блоки оправдана. Методология также прокомментирована автором, стоит согласиться с выбором тактик: «использовался также такой научный лингвистический метод, как дефиниционный анализ, данный метод был использован для выделения групп семантических эквивалентов. Метод дефиниционного анализа основан на том, что словарные дефиниции из толковых словарей используются для того, чтобы получить представление о семантике тех или иных языковых единиц, в данном случае – паремий, имеющих различную структуру». Отмечу, что материал синкретичен, база теоретического порядка совмещается с собственно практическими наработками. Информационно-теоретический блок вполне наукоемок: «понятие «фрейм» в современной лингвистике используется для того, чтобы использовать тематические группы слов, таким образом, фреймом принято называть средство структуризации подсистемы лексики. Многоаспектный фрейм, исследуемый в контексте пространства коммуникации, имеет иерархическую структуру, которая состоит из трех уровней. Верхний уровень - это культурный контекст коммуникации. Второй уровень – это дискурсивный контекст. В него входят общие знания, которые имеются у коммуникантов. Третий уровень – это социальный контекст, в него входит такой аспект, как нюансы межличностной коммуникации, включая интенцию и тип речевой деятельности, а также социальный статус коммуникантов». Таким образом, стиль работы соотносится с собственно научным

типом, фактические нарушения не выявлены. Работу отличает выверенная аналитика, автор следит за точностью и достоверностью данных: «В исследуемом материале были выделены группы структурно-семантических эквивалентов, имеющие значения «иметь низкий уровень дохода, жить бедно», «потерять состояние, разориться, лишиться финансового благополучия», «обогатиться, улучшить уровень материального положения», «иметь высокий уровень дохода, жить богато», «богатство, богатый», «бедность, бедный». В группе «обогатиться, улучшить уровень материального положения» объектом является действие (приобретение материального достатка) + цель действия (состояние достатка) + характеристика итогового состояния (статус богатого с финансовой позиции)». Примеры иллюстративного порядка достаточны: «To break the bank «разориться, потратить все деньги», аналогичный фразеологизм в русском языке отсутствует; To go to the wall «разориться, остаться без денег», аналогичный фразеологизм в русском языке отсутствует; To be flat broke «быть вконец разоренным», аналогичный фразеологизм в русском языке «остаться на мели»; To feel the pinch «испытывать финансовые трудности из-за уменьшения дохода», аналогичные фразеологизмы в русском языке «положить зубы на полку», «затянуть потуже пояса»; To lose one's shirt «полностью разориться», аналогичный фразеологизм в русском языке «остаться без штанов». Материал удобен для чтения, считаю, что даже неподготовленный читатель сможет выйти на детерминацию авторской логики. Выводы по тексту объективны, разночтений с основной частью нет: «проведенное исследование позволило сделать выводы о том, что паремии английского языка, обозначающие финансовое положение человека, могут быть разделены на несколько семантических групп: «богатство», «бедность», «разбогатеть», «обеднеть», «быть богатым», «быть бедным». На основании структурно-семантического анализа данных паремий можно сформулировать ряд различий в англоязычной и русскоязычной языковой картине мира, основанных на разном отношении к деньгам и финансам у англичан и русских», «С учетом вышесказанного, структурно-семантический анализ паремий английского языка, обозначающих финансовое положение человека, позволил нам выявить ряд особенностей, характерных для английского менталитета, и сравнить данные особенности с менталитетом русскоязычного человека. В связи с этим, данная тема является актуальной и важной для дальнейшего изучения». Считаю, что основная цель исследования достигнута, задачи решены; темы раскрыта предельно точно и объективно. Общие требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Рекомендую статью «Структурно-семантические типы английских паремий тематики «финансовое положение» к открытой публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Англоязычные метаданные

The concept of "pride" in Russian and Chinese languages: linguocultural aspect

Wan Guangfu

Postgraduate student; Faculty of Philology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, office 700, Moscow, 117198, Russia

✉ 157723746@qq.com

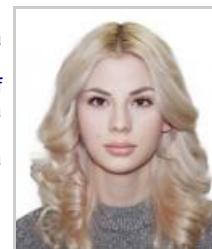

Shabelskaya Nika Kirillovna

Postgraduate student; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ shabelskya.nk@mail.ru

Shchepetov Pavel Andreevich

Postgraduate student; Department of International Economic Relations; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ pavel_shchepetov@mail.ru

Abstract. The concept of "pride" has one of the central places in the system of moral and ethical concepts. The article provides a comparative analysis of the concept of "pride" from the point of view of linguacultural studies. The authors consider the features of the perception of "pride" in the linguistic picture of the world of two cultures, and also analyze the similarities and differences in the understanding of this concept. The authors draw attention to the historical context of the formation of ideas, which makes it possible to see the dynamics of changes in the perception of the context of "pride" over time. The study is based on the analysis of Russian and Chinese phraseological units, including proverbs and sayings. The paper includes descriptive, componential (analysis of lexical meaning) and comparative analysis. The authors come to the conclusion that the concept of "pride" has polar meanings, ranging from the shade of "positive pride" to the semantic connotation of "negative arrogance". When the concept of "pride" is expressed in a neutral or positive sense, it is perceived positively in both cultures. The analysis of phraseological units from the point of diachronic comparison showed that the perception of the concept in the Chinese language is characterized by relative "stability" over time, while in the Russian language this concept has experienced significant changes under the influence of extralinguistic factors. The conducted analysis opens up new prospects for further research in the field of intercultural communication and cognitive linguistics. Future research can focus on a more detailed study of other concepts, their evolution, influence on intercultural interaction, as well as on a comparative analysis of concepts in other languages.

Keywords: meanings, perception, linguoculturology, value paradigm, semantics, extralinguistic factors, comparative analysis, values, pride, concept

References (transliterated)

1. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Voronezh, 2006.
2. Rudakova A.V. Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika. Voronezh: Istoki, 2004. 80 s.
3. Sayakhova L.G. Metodologiya i metodologicheskaya sistema formirovaniya lingvokul'turologicheskoi kompetentsii tyurkoyazychnykh uchashchikhsya na urokakh russkogo yazyka. Ufa: RITs BashGU, 2010. 294 s.
4. Fasmer, M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / M. Fasmer. 4-e izd., stereotip. M.: Astrel', 2004. T. 1. 588 s.
5. Stefanskii E. E. Kontsept «Gordost'» v vostochnoslavjanskikh i pol'skoi lingvokul'turakh // Yazyk i kul'tura, 2021. S. 59-69.
6. Shkurko Yu.S. Razvitie evolyutsionnoi neirosotsiologii: povedencheskie biogrammy i biologicheskaya predispolozhennost' k sotsial'nomu neravenstvu // Sotsiologicheskie issledovaniya, 2018. № 9. S. 23-29.
7. Tolkovyi slovar' Efremovoi. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (data obrashcheniya: 14.01.2025).
8. Kuznetsova O.A. Motivatsionnaya struktura leksiko-semanticheskogo polya «gordost'» v drevnerusskom yazyke // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. № 375. S. 26-29.
9. Poslanie Iakova, glava 4 // Bibliya onlain. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://only.bible/bible/rst-jbl/jas-4.6-10/> (data obrashcheniya: 14.01.2025).
10. Polyakova, E. I. Assotsiativno-verbal'noe pole kontsepta gordost' / E. I. Polyakova // Tavricheskie filologicheskie chteniya: materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Melitopol', 30 marta 2024 goda. – Melitopol': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Melitopol'skii gosudarstvennyi universitet, 2024. – S. 78-83.
11. Medvedeva, D. I. Kontseptualizatsiya gordosti v russkoi i serbskoi lingvokul'turakh (na materiale leksicheskikh i frazeologicheskikh edinits) / D. I. Medvedeva // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2021. – T. 7, № 1. – S. 133-143. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_133_143.
12. Shuowen5. [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.shuowen5.com/%E5%B9%B3_zi (data obrashcheniya: 15.10.2023).
13. Min V., Tyan'i L. Ispol'zovanie klyuchevogo znacheniya dlya analiza sinonimov: primery i issledovanie znachenii – na primere «素», «质», «骄», «傲» // Zhurnal Universiteta Kaifena, 2022. № 36(04). S. 42-45.
14. Lun' yui. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lunyu.5000yan.com/> (data obrashcheniya: 15.10.2023).
15. Shanshu. [Elektronnyi resurs]. URL: https://m.gushiwen.cn/mingju/juv_e5b944a5f0ed.aspx (data obrashcheniya: 15.10.2023).
16. Chun'chen Chzh. Ponimanie skromnosti Kommunisticheskoi partii Kitaya v trekh izmereniyakh // Vestnik Kitaiskogo neftyanogo universiteta (izdanie po obshchestvennym naukam). – 2024. – T. 40, № 03. – S. 67-76. <https://doi.org/10.13216/j.cnki.upcjess.2024.03.0009>.
17. Chzhan Iu. «Natsional'noe chuvstvo gordosti» u kitaitsev krepcoe i chistoe // Vestnik Kitaiskogo narodnogo politicheskogo konsul'tativnogo soveta. – 2018. – № 16. – S. 36-37.
18. Shifei Chzh. Patriotizm, vznikayushchii v trudnastyakh i ispytaniyakh // Narodnyi

forum, 2020. № 9. S. 32-35.

19. Pochueva N.N. Frazeologicheskii kontsept: sushchnost' i struktura (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) // European Science, 2018. № 8(30). S. 46-49.
20. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 288 s.
21. Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. Poslovitsy kak razryad frazeologizmov (novyi podkhod k staroi kategorii) // Russkii yazyk: Istoricheskie sud'by i sovremennost'. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2010. S. 736.

Insect vocabulary reflecting effects on objects of the surrounding world: lexical interpretation

Xu Linlin

Postgraduate student; Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Studies; UrFU

51 Lenin St., Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620078, Russia

✉ 792680883@qq.com

Abstract. This article is devoted to the component and comparative analysis of the semes of vocabulary denoting insects, which contains a differential feature of the aspect of insect impact on objects of the surrounding world in Russian and Chinese. The purpose of the article is a comparative analysis of the vocabulary denoting insects in Russian and Chinese, containing a differential feature of the aspect of insect impact on objects of the surrounding world. The subject of this article is the vocabulary that designates insects and reflects their impact on objects in the world around them in Russian and Chinese. The object of the study is 28 lexemes that indicate a differential feature of the aspect of insect impact on objects of the surrounding world in Russian and 42 lexemes in Chinese, which were selected in dictionaries. The following methods are used in this study: classification, semantic analysis, component analysis and comparative analysis. This aspect of vocabulary related to insects has not been studied. The analysis revealed differential semes in the differential features of the aspect "insect impact on objects of the surrounding world" in Russian and Chinese, as well as differences and similarities in the representation of these features in the two languages. The article notes that in Russian, 20.58% of lexemes refer to the general characteristics of insect exposure to someone and something, while in Chinese this figure reaches 46.15% (in accordance with the selected corpus of entonyms). It was found that in the Russian language, the lexemes and the effects of insects on objects in the surrounding world are mostly characterized in a negative way. The definitions focus on the harmful nature of the effects of insects on flora, including agriculture, fauna and humans, as well as on human household items. In Russian cases, there is a beneficial effect of insects on objects of the surrounding world. In Chinese, insects are also divided into harmful and beneficial, depending on their role in the ecosystem. In their definitions, a clear juxtaposition of beneficial and harmful insects is carried out, the different nature of the impact of insects on the ecosystem during their metamorphosis and depending on external conditions is recorded.

Keywords: objects of the surrounding world, impact of insects, semantic analysis, differential feature, differential seme, aspect, entonyms, insect, Russian language, Chinese language

References (transliterated)

1. Popova, Z.D., Sternin, I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike. Voronezh, 2001. 191 s.

2. Babenko, L.G. Uchebno-metodicheskii kompleks distsipliny «Leksikologiya russkogo yazyka» : uchebnoe posobie. Ekaterinburg, 2008. 126 s.
3. Mussi, V. Russkie i ital'yanskije entomologicheskie metafory v sopostavlenii s zoomorfnymi: otlichitel'nye cherty. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 419. S. 45–53.
4. Zakhvatkin, Yu.A. Kurs obshchei entomologii. M. : Kolos, 2001. S. 20–22.
5. Sternin, I. A. Metody opisaniya semantiki slova. Yaroslavl' : Istoki, 2013. 34 s.
6. Babenko, L.G. Interpretatsiya kategorizatsii mira v ideograficheskom slovare kak sposob vyyavleniya skrytykh smyslov // Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov Baltiiskii federal'nyi universitet imeni Immanuila Kanta, 2006. S. 8–21.
7. Ufimtseva, A.A. Leksicheskoe znachenie: printsip semasiologicheskogo opisaniya leksiki. M.: Nauka, 1986. 240 s.
8. Shmelev, D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka). M.: Nauka, 1973. 279 s.
9. Belevtsova, T.B. Entomologicheskaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii vnutrennego mira cheloveka. Filologiya i kul'tura. 2019. № 3 (57). S. 32–37.
10. Kuznetsova, E.V. Leksikologiya russkogo yazyka : ucheb. posobie dlya filol. fak. un-tov. M.: Vysshaya shkola, 1982. 152 s.
11. Maklakova, E.A., Sternin, I. A. Teoreticheskie problemy semnoi semasiologii. Voronezh: Istoki, 2013. 277 s.
12. Cruse, D. A. Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. [Elektronnyi resurs]. <https://philarchive.org/rec/CRUMIL-2> (data obrashcheniya: 17.12.2024).
13. Li, Ts., Van, Kh., Chzhan, M. Vliyanie vreditelei na risovyie kul'tury. Pekin: Izdatel'stvo sel'skogo khozyaistva, 2021. s. 526.
14. Chzhan Chzhii, Chzhan Tsinyun'. Leksicheskaya semantika / Chzhii Chzhan, Tsinyun' Chzhan. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2012. 386 s.
15. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh : svyshe 15 000 imen sushchestv., ideograf. opisanie, sinonimy, antonimy / pod obshch. red. L.G. Babenko. Moskva: AST-Press Kniga, 2005. 862 c.
16. Bol'shoi slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka / pod red. Gun Syueshen. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2015. 2012 s.
17. Kuznetsov, S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
18. Efremova, T.F. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. <https://www.efremova.info/> (data obrashcheniya: 17.09.2023).
19. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashcheniya: 17.09.2023).
20. Lyui Shusyan, Din Shenshu. Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2017. 1800 s.

S. Maslukh's dissertation «Acoustic...» as evidence for the persistence of ideas about the harf structure of language in Arabic linguistics

Butakova Daria Dmitrievna

Postgraduate student; Institute of Asian and African Countries; Lomonosov Moscow State University

Abstract. Although modern science operates with terms accepted in general linguistics to describe the phonetics and phonology of Arabic, not all scholars agree with this approach. Saad Maslukh's dissertation «Acoustic Characterization of Arabic Consonantism and Vocalism and the Norms of Poetic Rhyming» can be considered a striking example of the fact that Arabic linguistics continues, albeit not always explicitly, to rely on harf as the basis of its prosodic structure, which is directly related to phonetics and phonology. This becomes evident when comparing the text of the thesis with treatises on grammar from the classical period, which are based on the harf structure of Arabic prosody, and with the works of modern scholars who have adopted the terminological basis of Western linguistics. Maslukh bases his conclusions on experimental data. He is convinced that the ratio of the long vowel to the short vowel in Arabic is 4:1, which differs considerably from the common opinion that the long element is obtained from the juxtaposition of two short ones. When the shortening is severe, speakers cease to recognize words they are familiar with. In some cases there was a qualitative change of sounds. On the basis of these data, the scholar argues that prosodic and phonemic length in Arabic are of a different nature, which never allowed long and short vowels to appear together within a single rhyme. This can also be considered as a confirmation of the theory that the short vowel is an integral part of the harf with a realized consonantal component, while the long vowel is an independent unit. It can be said that the study of prosodic phenomena of Arabic language with the help of experimental phonetics and based on the harf theory can give the most complete view of this level of the language.

Keywords: arud verse, pausal form of the word, mora, Arabic linguistic tradition, syllabe, sound, harf, Ibrahim Anis, Saad Maslukh, vowel length

References (transliterated)

1. Carter M.G. Sibawayhi. Oxford Centre for Islamic Studies. London-NY: Bloomsbury Academic, 2004.
2. Elementary Modern Standard Arabic: Volume 1, Pronunciation and Writing; Lessons 1-30. Z.N. Abdel-Malek, W.M. Erwin, G.N. Saad. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
3. Owens J. A Linguistic History of Arabic. Oxford: Oxford University Press, 2006.
4. Ibn al-Jazari. An-Nashr fi l-Qiraat al-'Ashr. Beirut: al-Matra'a al-tarikhiyya al-kubra, 2009.
5. Ibn Jinni. Al-Hasais. Cairo: Dar al-Hadith, 2008.
6. Ibn Jinni. Sirr sina'at al-I'rab. Cairo: Dar al-kutub al-'ilmiyya, 2009.
7. Al-Zamakhshari Ibn al-Qasim Mahmud ibn 'Umar. Al-Mufasssal fi 'ilm al-luga. Amman: Dar 'Ammar li-n-nashr wa-t-tawzi', 2003.
8. Sibawayhi. Kitab. Cairo: Al-Khaniji, 2009.
9. Al-Gallayini M. Jam' ad-durus al-'Arabiyyah. Beirut: Dar al-kutub al-'ilmiyya, 2005.
10. Al-Mubarrad. Al-Muqtadab. Cairo: Matabi' al-ahram al-tijariyyah, 1994.
11. Ibrahim Anis. Al-Asuat al-Lughawiyah. Cairo: Maktaba nahda Misr wa-matb'atuha bi-Misr, 1975.
12. Aganina G.R. Lingvisticheskie osnovy orfoepii retsitatsii Korana // Sbornik posobii po islamovedeniyu i koranovedeniyu. M.: Vostochnaya kniga. 2012. S. 63-179.

13. Butakova D.D. Pauzal'naya forma slova v arabskom literaturnom yazyke i ee otrazhenie v sisteme pis'ma. // Zerkala. Sovremennye napravleniya issledovanii arabskoi filologii v Rossii. Moskva: IV RAN, 2021. S. 211-233.
14. Gerasimova A.A. Sovremennye arabskie lingvisty ob udarenii // Litera. 2023. № 8. S. 262-280. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.39828 EDN: VNRNYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39828
15. Maslukh S.A. al'-Aziz. Akusticheskaya kharakteristika arabskogo konsonantizma i vokalizma i normy poeticheskoi rifmovki: dis.... kand. filol. nauk / S.A. el'-Aziz Maslukh; Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. In-t stran Azii i Afriki. M., 1975.
16. Sanches A.A. K voprosu o sushchnosti sistemy arabskoi metriki. // Arabskaya filologiya. M.: Izd. Mosk. un-ta, 1968. C. 86-95.
17. Sibavaikhi Abu Bishr 'Amr. Kitab. Vvedenie (glavy 1-7). Perevod i kommentarii / pod obshch. red. D.V. Frolova. M.: Izdatel'skii dom VKN, 2018.
18. Trubetskoi N.S. Osnovy fonologii. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1960.
19. Frolov D.V. Arabskaya filologiya. Grammatika. Stikhoslozhenie. Koranovedenie: Stat'i raznykh let. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006.
20. Frolov D.V. Klassicheskii arabskii stikh. Istoriya i teoriya aruda. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1991.

Educational design of the course "Business interpretation in the Russian-Chinese language combination" in the era of artificial intelligence (using the example of ChatGPT)

Yue Ruiying

PhD in Philology

Lecturer; Institute of Foreign Languages; Liaoning University of International Business and Economics

116052, China, Liaoning Province, Dalian, Shunle St., 33, office 5003

✉ alina_yueruiying@mail.ru

Abstract. The advent of ChatGPT opens up new opportunities for improving the teaching methods of business interpretation, especially in such a complex language combination as Russian-Chinese. Despite significant progress in the field of machine translation, the role of a human translator remains indispensable, especially in the field of business interpretation, where a deep understanding of the cultural context and features of intercultural communication is required. In this regard, there is a need to develop new approaches to training translators that will effectively integrate the capabilities of artificial intelligence into the educational process while maintaining the focus on developing students' professional competencies. In the context of the rapid development of artificial intelligence technologies and their integration into the educational process, the issue of effective use of modern digital tools in the training of professional translators is becoming particularly relevant. The subject of the research is the method of integrating artificial intelligence into the process of teaching business interpretation. The research methodology is based on the integrated application of qualitative and quantitative methods, including longitudinal observation, in-depth interviews with experts, and statistical analysis of learning outcomes. The scientific novelty of the research is the development of an innovative teaching methodology for business interpretation in a Russian-Chinese language combination with the integration of artificial intelligence technologies. For the first time, a comprehensive approach to using ChatGPT as a

multifunctional tool in the educational process has been proposed, including a system of specially designed exercises and methods for assessing translation competencies. An original modular course structure has been developed that combines traditional teaching methods with artificial intelligence capabilities to create authentic business communication situations. A unique method of designing educational assignments using ChatGPT has been created, based on the principle of gradual complication of the material and taking into account the specifics of Russian-Chinese business communication. The effectiveness of the developed approach has been empirically proven through a system of longitudinal observation and statistical analysis of learning outcomes. The results of the study demonstrate a significant increase in the effectiveness of the educational process when using the developed methodology, which is confirmed by statistical data and positive feedback from participants in the educational process.

Keywords: machine translation, cross-cultural communication, modular training, translation competencies, methods of teaching translation, artificial intelligence, ChatGPT, Russian-Chinese combination, interpretation services, business sphere

References (transliterated)

1. Bakulev, G. P. Novye tipy zadaniy po perevodu v epokhu iskusstvennogo intellekta / G. P. Bakulev, N. G. Grigor'eva // Inostrannyi yazyk v professional'noi sfere: pedagogika, lingvistika, mezhkul'turnaya kommunikatsiya : Sbornik materialov Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 3-kh chastyakh, Moskva, 18–20 oktyabrya 2021 goda / Pod redaktsiei E.V. Nikolaevoi. Tom Chast' 1. – Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni A.N. Kosygina (Tekhnologii. Dizain. Iskustvo)", 2022. – S. 12-18.
2. Van, T. Razrabotka zanyatiya «ustnyi perevod» v kontekste razvitiya iskusstvennogo intellekta (na primere Lan'chzhouskogo universiteta) / T. Van, Ya. Syao // Russkii yazyk v sovremennom Kitae : Materialy Kh Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Chita, 21 aprelya 2023 goda. – Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2023. – S. 100-104.
3. Ionina, A. A. Iskustvennyi intellekt (chatgpt): problemy i vyzovy / A. A. Ionina // Tri "L" v paradigme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: lingvistika, literaturovedenie, lingvodidaktika : Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 23 noyabrya 2023 goda. – Moskva: OOO "Yazyki Narodov Mira", 2024. – S. 39-44.
4. Loseva, S. A. Perevod i iskusstvennyi intellekt: problemy i puti razvitiya / S. A. Loseva // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam = Mizhkul'turnaya kamunikatsyya i prafesiina aryentavanae navuchanne zamezhnym movam : Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 101-i godovshchine obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, Minsk, 27 oktyabrya 2022 goda. – Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – S. 162-168.
5. Lyu, Ts. Proshloe, nastoyashchee i budushchee mashinnogo perevoda v Kitae / Ts. Lyu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda. – 2020. – № 3. – S. 47-59.
6. Saenko, E. S. ChatGPT kak innovatsionnyi instrument obucheniya inostrannomu yazyku / E. S. Saenko // Dialog yazykov i kul'tur v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve : materialy VI natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 27 maya

- 2024 goda. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet im. Imperatora Petra I, 2024. – S. 62-64.
7. Smirnykh, O. D. Ispol'zovanie programm mashinnogo perevoda v obuchenii inostrannym yazykam / O. D. Smirnykh, V. B. Kolycheva, N. V. Kazachenkova // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2024. – № 107-2. – S. 55-60. – DOI: 10.18411/trnio-03-2024-70.
 8. Snezhitskaya, D. I. Ustnyi perevod v tsifrovuyu epokhu / D. I. Snezhitskaya // Gumanitarnoe znanie i sovremennye tekhnologii: strategii, praktiki, perspektivy : 7-i molodezhnyi konvent UrFU : materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Ekaterinburg, 23–25 marta 2023 goda. – Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2023. – S. 127-129.
 9. Stefanova, E. V. Obuchenie sinkhronnomu perevodu: zadeistvovanie superstruktury v ii-instrumente chatgpt / E. V. Stefanova // Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya. – 2023. – № 24. – S. 346-354.
 10. Sya, M. K voprosu o formirovanii kompetentsii budushchikh perevodchikov v epokhu iskusstvennogo intellekta / M. Sya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda. – 2021. – № 2. – S. 127-137.

The importance of the voice in Alessandro Baricco's novels «Silk» and «Sea-Ocean»

Kuchina Natalia

Postgraduate student, The Maxim Gorky Literature Institute

123104, Russia, Moscow, blvd. Tverskaya street, 25

✉ nataliek@mail.ru

Abstract. The article dedicated to the importance of the human voice and its opposition to silence, the author's attitude through the prism of the sound of the voices in Alessandro Baricco's novels.

The subject is the literary techniques which Alessandro Baricco adds to express the sound in the written text. The object of the research is the original Italian texts "Silk" and "Sea - Ocean", published by the Rizzolli, which are compared with the Russian translation by Gennady Kiselyov.

By analyzing original texts is possible to show the author's intention to make voices of the heroes not only the defining features of the character, but also an independent unit of a literary work. The article identifies the literary techniques which help Baricco to transmit a sound to a written text, shows the innovation of Alessandro Baricco's poetics, the syncretism of his literary works with music and theater, cinema and television. The author uses a textual analysis, compares the semantics and pragmatics of the original texts in Italian with their reflection in the translation into Russian. Semantic analysis reveals unique stylistic features and interrelationships with various types of art. The biographical method helps to understand the writer's desire to convey the sound of his voice in the written text most accurately. In conclusion of article the author stresses the importance of the opposition of speaker and listener, sound and silence. The author gives special philosophical meanings to the human voice. The sound of the voice in the written text is conveyed using a literary trope. The scientific novelty of the work is due to the intention to examine the little-studied aspects of Baricco's literary works related to his activities in the world of art and culture, going beyond literature. Purpose of the article's is to increase interest in the Baricco's works in various fields of art and culture, to identify the uniqueness of his novels.

Keywords: postmodernism, Alessandro Baricco, Italian literature, synecdoche, metonymy, syncretism, character of the heroes, sound, voice, opposition

References (transliterated)

1. Barikko A. Shelk i drugie istorii. M.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2017. S. 5–232.
2. Petrovskii M. Sinekdokha // Literaturnaya entsiklopediya: slovar' literaturnykh terminov: v 2-kh t., M., L.: Izd-vo L.D. Frenkel', 1925. T. 2. S. 786.
3. Eko U. Poetiki Dzhoisa / per. s ital. A. Kovalya. SPb.: Simpozium, 2006. 496 c.
4. Baricco A. «Il Manifesto». Roma, *Pickwick, del leggere e dello scrivere*, 27.12.1994.
5. Baricco, A., Oceano mare, Milano: Rizzoli, 1993, 226 p.
6. Baricco, A., Seta, Milano: Rizzoli, 1996, 100 p.
7. Ferme V. Travel and repetition in the work of Alessandro Baricco: reconfiguring the real through the myth of the "eternal" return. *Italian Culture*, 2000. Vol. 18, N 1. pp. 49–69.
8. Tarantino E. Alessandro Baricco e la totemizzazione della letteratura». *Il Romanzo Contemporaneo. Voci Italiane*, ed. by F. Pellegrini, E. Tarantino. Leicester: Troubador Publishing, 2006, pp. 79–92.
9. Zinato E. Baricco e il mare della banalità. *Allegoria*, 1993, N 15, pp. 153–154.

Ideas about the structure of the firmament in the worldview of an Orthodox Christian of the X–XVII centuries (based on canonical and apocryphal texts)

Franchuk Oksana Valer'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication;
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin ave., 26, office 206

✉ oxana.franchuk@mail.ru

Derevskaya Elena Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication;
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin ave., 26, office 206

✉ august1667@mail.ru

Podgorskaya Anna Vyacheslavovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication;
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin ave., 26, office 206

✉ podgorsky_a@mail.ru

Abstract. The author analyzes a fragment of the religious worldview of the Eastern and southern Slavs associated with the perception of celestial space. The research was conducted on the basis of canonical biblical texts and works popular in Ancient Russia of the X–XVII

centuries containing information about the world order (Severian Gabalsky "Six speeches about the universe / Shestodnev"; John Damascene "Theology"; "Palea the Sensible"). The study of the field of verbalizers of the concept of "Heaven" in the texts of the Holy Scriptures revealed the presence of several meanings of the noun "heaven". The biblical texts contain references to the components of the firmament: the firmament of heaven, created on the second day of Creation, and the spiritual invisible sky – the place of God's presence. However, an analysis of exclusively classical biblical texts and their commentaries did not make it possible to build the structure of the concept of "Heaven" in the Christian worldview. To this day, interpretations of the semantics and etymology of the name "firmament" for the designation of the firmament are controversial. In non-canonical Christian texts, ideas about the heterogeneity of the aboveground space are concretized and illustrated with examples that are understandable to the reader. The sky is interpreted as a plane that exists parallel to the earth's surface; as a dome resting on the earth; as a sphere that has no support and is held only by the power of divine design. The differentiation of the sky into "existing, visible" and "heaven – the upper sky" is complemented by the concept of a boundary separating the material world from the higher ideal world. The overlap was associated with masses of water that turned into ice and looked like crystal. The verbalizers of these representations were the linguistic units "firmament", "firmament of heaven", "condensation of ice". Consequently, in the ancient Russian worldview of the X–XVII centuries, the first level of the sky could act as the very "solid" boundary that separated the material world from the higher ideal world. The scientific novelty of the research is determined by an attempt to recreate the concept of "Heaven" in the worldview of an Orthodox Christian of the X–XVII centuries.

Keywords: non-canonical texts, The Holy Scriptures, the sky is above, Heaven of heavens, The sky is visible, The firmament of heaven, the structure of the firmament, The Sky concept, religious worldview, The picture of the world

References (transliterated)

1. Starob"lgarski rechnik: v 2 t. T.1 / B"lgarska akademiya na naukite; otg. red. D. Ivanova-Mircheva. Sofiya: Izd-vo «Valentin Trayanov», 1999. 1028 s.
2. Staroslavianskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) : ok. 10 000 slov / pod red. R. M. Tseitlin, R. Vecherki i E. Blagovoi. M.: Rus. yaz., 1994. 842 s.
3. Suprasl'skaya rukopis' / trud" S. Sever'yanova // Pamyatniki staroslavianskogo yazyka. T. II. Vyp. 1. SPb.: Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1904. 570 s.
4. Mariinskoe chetveroevangelie / Pamyatnik glagolicheskoi pis'mennosti / trud" I. V. Yagicha. SPb.: Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1883. 607 s.
5. Polnyi tserkovnoslavianskii slovar' (s vneseniem v nego vazhneishikh drevnerusskikh slov i vyrazhenii): v 2 t. / sost. svyashchennik magistr G. D'yachenko. M.: TERRA–Knizhnyi klub, 1998.
6. Sorokin, A. Tverd' nebesnaya pomogaet nam provesti tverduyu granitsu mezhdubrom i zlom / A. Sorokin // Grad Petrov. Radio Sankt-Peterburgskoi mitropolii URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/tverd-nebesnaya-pomogaet-nam-proves/>
7. Posypkin, R. Pochemu nebo – eto tverd'? / R. Posypkin // Zhurnal «Foma». 11.11.2019. URL: <https://foma.ru/pochemu-nebo-eto-tverd.html>
8. Churilina, L. N. Sovremenniy pravoslavnyi diskurs: problemy leksikograficheskogo predstavleniya / L. N. Churilina // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2009. № 2 (24). S. 377–383
9. Churilina, L. N. Zaimstvovannaya metaforika na nachal'nom etape formirovaniya

- russskoi pravoslavnoi kontseptosfery / L. N. Churilina // Formirovanie kontseptosfery vostochnoslavlyanskogo etnosa na rannikh etapakh stanovleniya gosudarstvennosti: koll. monografiya / gl. red. S. G. Shulezhkova. M.: Flinta: Nauka, 2013. S. 175-186.
10. Starob''lgarski rechnik: v 2 t. T.2 / B''lgarska akademiya na naukite; otg. red. D. Ivanova-Mircheva. Sofiya: Izd-vo «Valentin Trayanov», 2009. 1327 s.
 11. Slovar' staroslavlyanskogo yazyka. Reprint. izd.: v 4 t. T. 4. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2006. 1054 s.
 12. Frazheologicheskii slovar' staroslavlyanskogo yazyka / pod red. S. G. Shulezhkovoi. M.: Flinta: Nauka, 2011. 424 s.
 13. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. T. 4. M.: Rus. yaz., 1991. 704 s.
 14. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4 / pod red. D. N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1940. 1502 stb.
 15. Frazheologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka / sost. A. I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka, 1995. 780 s.
 16. Frazheologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 2 t. T. 2 / sost. A. N. Tikhonov. M.: Nauka, 2004. 832 s.
 17. Chto takoe Nebo i Tsarstvo Nebesnoe. O nebe i nebesakh // Pravmir. URL: <https://www.pravmir.ru/nebo/>
 18. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' staroslavlyanskogo yazyka / pod red. S. G. Shulezhkovoi. T. 1. M.: Flinta, 2020. 552 s.
 19. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' staroslavlyanskogo yazyka / pod red S. G. Shulezhkovoi. T. 4. M.: Flinta, 2024. 680 s.
 20. Sushchestvuyut li razlichnye urovni nebes? // Bibliya Onlain. URL: <https://only.bible/qa/327-levels-heaven/>
 21. Mil'kov, V. V. Drevnerusskie apokrif. Pamyatniki drevnerusskoi mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. I. / V. V. Mil'kov. SPb.: Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. 893 s.
 22. Kosmologicheskie proizvedeniya v knizhnosti Drevnei Rusi: v 2 Ch. Ch. 2. Teksty ploskostno-komarnoi i drugikh kosmologicheskikh traditsii / pod red. V. V. Mil'kova, S. M. Polyanskogo. SPb: Izdatel'skii dom «Mir''», 2009. 624 s.
 23. Kosmologicheskie proizvedeniya v knizhnosti Drevnei Rusi: v 2 Ch. Ch. 1. Teksty geotsentricheskoi traditsii / pod red V. V. Mil'kova, S. M. Polyanskogo. SPb: Izdatel'skii dom «Mir''», 2008. 650 s.
 24. Fasmer, M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 / M. Fasmer. Per.s nem. i dop. O. N. Trubacheva. 3-e izd. SPb.: Terra-Azbuka, 1996. 833 s.
 25. Mil'kov, V. V. Kartina mira v Palee Tolkovoi // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2016. T. 41. № 3. S. 7–23.

Artificial intelligence technologies in digital HR communications: prospects and risks

Shlyapov Ivan Viktorovich

Graduate student, Institute of Industrial Management, Economics and Trade; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

194021, Russia, Saint Petersburg, Novorossiysk str., 50, room 2702

✉ 7505427@mail.ru

Titovna Elizaveta Il'ichna

Master's degree; Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9, room 709

✉ titovna@toagentstvo.ru

Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor; Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Abstract. The author discusses artificial intelligence (AI) technologies in the field of digital HR communications, their prospects and risks. The object of the research is digital HR communications, and the subject is the use of AI technologies in personnel management and optimization of HR processes. The impact of digitalization on the processes of recruitment, adaptation, training and retention of employees is investigated, as well as the advantages and disadvantages of implementing AI in HR are analyzed. Examples of domestic and foreign platforms using machine learning algorithms to automate recruiting, predict staff turnover, and personalize corporate training are given. Barriers that slow down the integration of AI have been identified, such as high cost, the need for adaptation, and the complexity of working with big data. The strategic importance of HR digital transformation for improving business efficiency is pointed out. The prospects for the development of Russian HR solutions in the context of technological competition and government support are considered. The author uses methods of analysis, comparison, forecasting, generalization, as well as the study of statistical data. The scientific novelty of the article lies in a comprehensive analysis of the opportunities and risks of introducing artificial intelligence (AI) technologies into the field of digital HR communications. The study examines current trends in the use of AI in personnel management, analyzes domestic and foreign platforms for automating HR processes, and identifies key barriers to digitalization of HR departments in Russian companies. It is concluded that the introduction of AI can significantly improve the efficiency of HR processes, reducing time and financial costs. Western companies are more actively using AI in recruiting, employee training, and data analysis, while Russian enterprises are just beginning to adapt such technologies. The main barriers to HR digital transformation in Russia remain the high cost of development, the need to adapt foreign solutions, and insufficient digital maturity of companies. However, government support for domestic IT products can help accelerate the digitalization of HR processes. In the future, the successful integration of AI into HR communications will provide companies with competitive advantages by optimizing work processes and increasing employee motivation.

Keywords: Information technology, Machine learning, Mediatization, Automatization, Artificial intelligence, Digital communication, Mediacommunication, Communication management, Communication, HR

References (transliterated)

1. Ali O., Kallach L. Artificial Intelligence Enabled Human Resources Recruitment Functionalities: A Scoping Review // Procedia Computer Science. 2024. No. 232. Pp. 3268-3277.

2. Martins J. What is Change management? Six Steps to Build a Successful Change Management Process [Elektronnyi resurs] // Asana. URL: <https://asana.com/ru/resources/change-management-process> (data obrashcheniya: 27.01.2025)
3. Rosenbaum E. IBM artificial intelligence can predict with 95% accuracy which workers are about to quit their jobs [Elektronnyi resurs] // CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2019/04/03/ibm-ai-can-predict-with-95-percent-accuracy-which-employees-will-quit.html> (data obrashcheniya: 20.01.2025).
4. Tsifrovaya ekonomika RF [Elektronnyi resurs] // Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (data obrashcheniya: 20.01.2025).
5. Chto takoe metodologiya PDCA? [Elektronnyi resurs] // Dropbox. URL: <https://experience.dropbox.com/ru-ru/resources/pdca> (data obrashcheniya: 21.01.2025).
6. ECM-Journal. Tsifrovye tekhnologii v HR: kakie resheniya vnedryayut v Rossii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ecmjournals.ru/docs/Cifrovye-tekhnologii-v-HR-kakie-reshenijavnedrjajut-v-Rossii.aspx> (data obrashcheniya: 19.01.2025).
7. Gartner: [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.gartner.com/> (data obrashcheniya: 17.01.2025).
8. Ilyukhina L. A., Bogatyreva I. V., Makhmudova I. N., Ermakova J. D. The Corporate personnel training system development: the experience of Russian enterprises // International Scientific Conference on Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development (GCPMED 2018). Samara, 2019. P. 654-665. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.65.
9. Proglib. 10 instrumentov iskusstvennogo intellekta Google, dostupnykh kazhdomu [Elektronnyi resurs]. URL: <https://proglib.io/p/10-instrumentov-iskusstvennogo-intellekta-google-dostupnykh-kazhdomu-2020-03-03> (data obrashcheniya: 19.01.2025).
10. Proglib. Iskusstvennyi intellekt i vse, o chem vy boyalis' sprositi' [Elektronnyi resurs]. URL: <https://proglib.io/p/everything-about-ai> (data obrashcheniya: 19.01.2025).
11. Chumak L. Samye aktual'nye HR-servisy: rekomendatsii ot rekruterov [Elektronnyi resurs] // RB.RU. URL: <https://rb.ru/list/true-hr/> (data obrashcheniya: 12.01.2025).
12. Retail Navigator. O kompanii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://retail-navigator.ru/o-kompanii/> (data obrashcheniya: 20.01.2025).
13. Sucipto H. The Impact of Artificial Intelligence (AI) on Human Resource Management Practices // Management Studies and Business Journal (PRODUCTIVITY). 2024. № 1. Pp. 138-145.
14. Selivestrov A. Iskusstvennyi intellekt: osnovnye zadachi i metody na primerakh iz zhizni [Elektronnyi resurs] // TProger. URL: <https://tproger.ru/articles/ai-is-not-neural-network/> (data obrashcheniya: 18.01.2025).
15. Ul'rikh D., Brokbenk U. HR v bor'be za konkurentnoe preimushchestvo. M.: Al'pina Publisher, 2020.
16. Averkin A. N., Gaaze-Rapoport M. G., Pospelov D. A. Tolkovyi slovar' po iskusstvennomu intellektu. M.: Radio i svyaz', 1992.
17. Armstrong M. Glavnyi uchebnik HR v mire. M.: Eksmo, 2019.
18. Armstrong M. Strategicheskoe upravlenie chelovecheskimi resursami. M.: INFRA-M, 2002.
19. Baboyan M. Etapy formirovaniya strategii upravleniya chelovecheskimi resursami //

- Molodoi uchenyi. 2020. № 14(304). S. 241-244.
20. Golubeva T. V., Konovalova V. V. Iskusstvennyi intellekt v HR-menedzhmente i opyt primeneniya v Rossiiskoi Federatsii // Strukturnaya modernizatsiya nauki kak osnova ustoichivogo razvitiya obshchestva. Ufa: Aeterna, 2024. S. 23-25.
 21. Ilyukhina L. A., Bogatyreva I. V. Kontseptsiya upravleniya personalom v usloviyakh tsifrovoy transformatsii // Kreativnaya ekonomika. 2022. № 6. S. 2445-2462.
 22. Isaeva E. S. Psikhologiya upravleniya chelovecheskimi resursami: kurs lektsii. Minsk: MGEU im. A. D. Sakharova, 2009.
 23. Upravlenie chelovecheskimi resursami kak osnovnaya zadacha gramotnogo rukovoditelya [Elektronnyi resurs] // Kommercheskii direktor. URL: <https://www.kom-dir.ru/article/1990-upravlenie-chelovecheskimi-resursami/> (data obrashcheniya: 18.01.2025).
 24. Kochnev A. Strategiya kompanii: vidy, primery, algoritm [Elektronnyi resurs]. URL: <https://blog.iteam.ru/strategiya-kompanii-vidy-primery-algoritm/> (data obrashcheniya: 18.01.2025).
 25. Rozin M. Voskhozhdenie po spirali. Teoriya i praktika reformirovaniya organizatsii. M.: Al'pina Publisher, 2022.
 26. Simchenko N. A., Sevast'yanova O. V., Yanovskaya A. A. i dr. Upravlenie personalom organizatsii v usloviyakh tsifrovizatsii. Simferopol': Arial, 2020.
 27. Fomichev A. N. Strategicheskii menedzhment: uchebnik dlya vuzov. M.: Dashkov i K, 2012.

Linguistic Analysis of Political Media Discourse in China: Evolution, Current Problems and Trends

SUN WENXIN

Postgraduate Student; Department of Theory and Practice of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 9, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042235259@pfur.ru

Abstract. The subject of the article is the history of discourse development, the current situation, the characteristics of language at different stages, and its problems. The object of the study includes various practices of political media discourse in Chinese and foreign communication space, including traditional media, documentaries, virtual space and other media. We accomplished the following tasks in the research : 1) Described the history of the development of political discourse in China and the characteristics of each stage of its development in both Chinese and international dimensions. 2) Identified the problems and challenges facing the development of Chinese political discourse at present. 3) Attempt to find ways to solve the problems of discourse development and look into the future. The paper uses the methods of case analysis, comparative and descriptive analysis, as well as generalization and outline. Critical discourse analysis, multimodal discourse analysis, cognitive linguistics, narrative theory and intercultural communication methodology served as the theoretical basis. The scientific novelty of the study lies in the fact that it presents a comprehensive picture of the development and transformation of Chinese political media discourse in recent years from a macroscopic perspective, and summarizes the features and new trends in Chinese political communication. The results of the study show that Chinese political media discourse has achieved the transition from unidirectional ideological output to diversification of content and form. From a linguistic perspective, it can be determined that

Chinese political media discourse at this stage faces developmental challenges such as monotonous vocabulary, limited narrative, lack of audience adaptation and cultural differences. In the context of the new era, Chinese political media discourse should enrich vocabulary and sentences, utilize different linguistic styles of speech, change narrative perspective and adapt to cultural differences.

Keywords: strategy, problems, evolution, lexis and syntax, cultural adaptation, narrative prospect, language styles, international communication discourse, political media discourse, China

References (transliterated)

1. Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity / Ed. by Gilbert Weiss and Ruth Wodak. London: Palgrave Macmillan, 2003.
2. Fairclough N. Analyzing Discourse: Text Analysis for Social Research. UK, Oxon: Routledge, 2003.
3. Foucault M., Sheridan A. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. USA, NY: Vintage Books, 1995.
4. Van Tszyalin', Lyu Rumen, Dai Fenshan'. Analiz vzaimodeistviya diskursa na osnove «dvukhsloinnoi pyatistupenchatoi» struktury // Issledovaniya diskursa. – Tyan'tszin', 2022. – № 1. – S. 120-132. 王加林,刘如梦,戴凤霜. 基于“双层—五步”框架的话语互动分析 // 话语研究论丛. – 天津, 2022. – № 1. – S. 120-132.
5. Van Chao. Ot monologa k dialogu: sdvig v myshlenii o kitaiskom literaturnom izdanii vykhodyashchem na mirovoi uroven' // Kitaiskoe izdatel'stvo. – Pekin, 2018. – № 7. – S. 14-17. 王超. 从独白到对话:中国文学出版走出去的思维转向. // 中国出版. – 北京, 2018. – № 7. – S. 14-17.
6. Van Yasin', Lyu Yan'chen, Chzhan Shii. Vneshnyaya tsifrovaya kommunikatsiya novykh analiticheskikh tsentrov s kitaiskoi spetsifikoi: sostoyanie razvitiya i prakticheskie strategii // Media. – Pekin, 2024. – № 6. – S. 62-65. 王亚莘,刘彦成,张诗奕. 中国特色新型智库对外数字传播:发展现状与实践策略 // 传媒. – 北京, 2024. – № 6. – S. 62-65.
7. Go Ke. Sostoyanie i tendentsii razvitiya zarubezhnykh sredstv kommunikatsii Kitaya za poslednie 30 let reform i otkrytosti // Vneshnyaya kommunikatsiya. – Pekin, 2008. – № 11. – S. 34-36. 郭可. 改革开放30年来中国对外传播媒体的发展现状及趋势 // 对外传播. – 北京, 2008. – № 11. – S. 34-36.
8. Krasina E. A. Diskurs, vyskazyvanie i rechevoi akt // Vestnik RUDN. – Moskva, 2016. – № 4. – S. 91-102.
9. Lobanova T. N. Lingvisticheskii analiz kitaiskogo politicheskogo mediadiskursa: struktura, kharakteristiki i diskursivnye praktiki. // Diss. [Moskov. gos. obl. un-t], – 2020.
10. Malakhova V. L. Spetsifika diskursa v perspektive lingvisticheskikh issledovaniy // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. – Moskva, 2022. – № 1(41). – S. 143-142.
11. Paksina E.B. Kontseptsiya dialoga v rabotakh M. Bakhtina i V. Biblera // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – Moskva, 2015. – № 1. – S. 214-221.
12. Rusakova O. F., Gribovod E. G. Politicheskii mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak kontsepty politicheskoi komunikativistiki // Antinomii. – Ekaterinburg, 2014. – № 4. – S. 65-77.
13. Syui Nuo. Istoricheskaya transmutatsiya politicheskogo diskursa v mediazhizni Kitaya // Front novostei. – Pekin, 2016. – № 5. – S. 107-110. 许诺. 中国媒体生活政治话语的历史嬗

- 变 // 新闻战线. – 北京, 2016. – № 5. – S. 107-110.
14. Tun Dechzhi. Izmenenie i rasprostranenie sistemy politicheskogo diskursa Kitaya // Sovremennaya kommunikatsiya (Vestnik Kommunikatsionnogo universiteta Kitaya) – Pekin, 2015. – № 9. – S. 81-82. 佟德志. 中国政治话语体系的变迁与传播 // 现代传播(中国传媒大学学报) – 北京, 2015. – № 9. – S. 81-82.
 15. Tyan' Khailun. Kriticheskie perspektivy v issledovaniyakh diskursa: ot kriticheskoi lingvistiki k kriticheskomu diskurs-analizu // Obuchenie inostrannym yazykam Shan'duna. – Tszinan', 2006. – № 2. – S. 40-47. 田海龙. 语篇研究的批评视角:从批评语言学到批评话语分析 // 山东外语教学. – 济南, 2006. – № 2. – S. 40-47.
 16. Khu An'tszyan. Issledovanie perevoda i rasprostraneniya sistemy inostrannogo diskursa s kitaiskoi spetsifikoi // Kitaiskii perevod. – Pekin, 2020. – № 02(41). – S. 44-51+188. 胡安江. 中国特色对外话语体系的译介与传播研究 // 中国翻译. – 北京, 2020. – № 02(41). – S. 44-51+188.
 17. Khu Zhuntyao. Evolyutsiya ideologicheskogo diskursa Kommunisticheskoi partii Kitaya za poslednie sto let i ego realistichnoe raskrytie // Vestnik Khebeiskogo molodezhnogo upravlencheskogo kadetskogo kolledzha. – Shitszyachzhuan, 2022. – № 6(34). – S. 100-106. 胡荣涛. 百年来中国共产党意识形态话语权演进及其现实启示 // 河北青年管理干部学院学报. – 石家庄, 2022. – № 6(34). – S. 100-106.
 18. Khun Shise. Konstruirovaniye diskursa i innovatsii povestvovaniya v mezhdunarodnoi kommunikatsii «Kitaiskoi istorii» // Media. – Pekin, 2024. – № 23. – S. 53-55. 洪诗谐. 中国故事国际传播的话语建构与叙事创新. 传媒. – 北京, 2024. – № 23. – S. 53-55.
 19. Khe Tszuyan'. Issledovanie postroeniya sistemy inostrannogo diskursa s kitaiskoi spetsifikoi. // Diss. [Guichzhou. ped. un-t], – 2022. 何娟. 中国特色对外话语体系的构建研究. // 博士论文. [贵州师范], – 2022.
 20. Tszin Syuemin, Chzhao Tsze. Ot sliyaniya perspektiv k stanovleniyu distsiplin: akademicheskii obzor i teoreticheskie razmyshleniya o 40 godakh issledovaniy politicheskoi kommunikatsii v Kitae // Sovremennaya publikatsiya. – Pekin, 2022. – № 4. – S. 14-26. 荆学民, 赵洁. 从视界融合到学科建制:中国政治传播研究40年学术检视与理论思考. // 现代出版. – 北京, 2022. – № 4. – S. 14-26.
 21. Tszu Khao. Politicheskaya mediatizatsiya: osnovnoe znachenie, klyuchevye ponyatiya i teoreticheskie ramki // Vestnik universiteta Kitaiskoi akademii obshchestvennykh nauk. 2022. – Pekin, 2022. – № 9(42). – S. 91-105+147. 祖昊. 政治媒介化:基本意涵、关键概念和理论框架. 中国社会科学院大学学报. – 北京, 2022. – № 9(42). – S. 91-105+147.
 22. Chzhan Guanchzhao. Sozdanie kontseptov v mezhdunarodnoi kommunikatsii: analiz politicheskogo diskursa rechevykh tekstov Si Tszin'pina v zarubezhnykh stranakh (2012-2021 gg.) // Zhurnalistika i kommunikatsionnye issledovaniya. – Pekin, 2022. – № 3 (29). – S. 5-18+126. 张广昭. 国际传播中的概念创造:基于习近平涉外演讲文本的政治话语分析 (2012-2021). // 新闻与传播研究. – 北京, 2022. – № 3 (29). – S. 5-18+126.
 23. Chzhan Leibao. Obzor zarubezhnykh issledovaniy narodnoi demokratii v tselom protsesse // Issledovaniya po sovremennoi istorii Kitaya. 2024. № 1(31). S. 8-11. 张镭宝. 海外关于全过程人民民主的研究评述 // 当代中国史研究. 2024. № 1(31). S. 8-11.
 24. Chzhan Yan', Lin' Yalun. Empiricheskoe issledovanie effekta mezhdunarodnoi kommunikatsii modeli ACGT: na primere «RT» // Sovremennaya kommunikatsiya (Vestnik Kommunikatsionnogo universiteta Kitaya). – Pekin, 2023. – № 5(45). – S. 52-59. 张燕, 林亚龙. ACGT模式国际传播效果的实证研究:以B站RT今日俄罗斯为例. // 现代传播(中国传媒大学学报). – 北京, 2023. – № 5(45). – S. 52-59.
 25. Shukurov D. L. Diskurs M.M. Bakhtina i teoriya intertekstual'nosti // Izvestiya vuzov. Seriya «Gumanitarnye nauki». – Ivanovo, 2012. – № 2 (3). – S. 105-109.

26. Yui Tsyuan'yun. Konstruirovaniye vlasti v sisteme diskursa i mezhdunarodnoi kommunikatsii: na primere narrativnoi logiki kitaiskoi modernizatsii // Front teoreticheskoi mysli. – Taiyuan', 2024. – № 3 (05). – S. 10-18+140. 于涌泉. 话语体系的权力建构与国际传播: 以中国式现代化的叙事逻辑为例. // 思想理论战线. – Shankhai, 2024. – № 3 (05). – S. 10-18+140.
27. Yui Shutszin, Tszin Syuemin. Chetyrekhkratnye resursy politicheskogo diskursa kitaiskoi modernizatsii i ego kommunikativnyi vyzov // Zhurnal Drug redaktora. – Taiyuan', 2024. – № 6. – S. 14-22. 于淑婧, 荆学民. 中国式现代化政治话语的四重资源及其传播调用. // 编辑之友. – 太原, 2024. – № 6. – S. 14-22.

Features of fake news in Chinese social networks

Yang Yihua

Postgraduate Student; Faculty of Philology; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ woshiyana120@gmail.com

Abstract. Fake news is a global media security challenge. In China, the scale of this problem is growing with the development of social networks as an element of information resources – fake materials are actively distributed in parallel with the introduction and popularization of digital technologies in the public Internet infrastructure. The competitiveness of the People's Republic of China in the international market and its political power force hostile organizations and countries to destabilize the harmonious development of the country through such information warfare tools as fake news and psychological pressure on the audience by exaggerating the danger of certain incidents or suppressing their positive correlates, as well as hoaxes of events. The result of the publication of false data on healthcare, politics, history, economics, international relations and other important areas of human activity is mass riots, popular unrest, sabotage and intimidation of users. The fake news phenomenon is complicated by the fact that artificial intelligence makes it possible to create and distribute fake content, including deepfakes, among thousands of users. Moreover, the material generated by the neural network disorients the audience – most people are unable to determine the reliability and relevance of the news. The results of this study suggest that the specificity of fake news representation lies in the generation of textual and audiovisual false material through artificial intelligence, the product of which is almost similar in all its characteristics and parameters to a reliable source (the website of a reputable professional publishing house) and a person (a renowned journalist or expert) covering media content. The article used such methods as theoretical analysis of scientific literature on the identified issues, descriptive method, data aggregation (tabular method), component analysis, as well as systematization and interpretation of the obtained material.

Keywords: fake news, content consumers, representation, China, media, mass media, digital media, social media, false news, news

References (transliterated)

1. Voronin I.A., Gavra D.P. Dipfeiki: sovremennoe ponimanie, podkhody k opredeleniyu, kharakteristiki, problemy i perspektivy // Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu. 2024. № 33. S. 28-47. DOI: <https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-28-47>.

2. Il'icheva L.E., Kondrashov A.O. Fal'shivye novosti kak instrument informatsionnogo protivoborstva // Gosudarstvennaya sluzhba. 2018. № 6 (116). S. 77-81. DOI: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-6-77-81>.
3. Murav'eva A. Dipfeiki, repetitory i zapreshchennye slova: kak Kitai planiruet regulirovat' II // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/492571-dipfejki-repetitory-i-zapreshchennye-slova-kak-kitaj-planiruet-regulirovat-ii> (date obrashcheniya: 26.12.2024).
4. Tret'yakov A.O., Filatova O.G., Zhuk D.V., Gorlushkina N.N., Puchkovskaya A.A. Metod opredeleniya russkoyazychnykh feikovykh novostei s ispol'zovaniem elementov iskusstvennogo intellekta // International Journal of Open Information Technologies. 2018. № 12. S. 99-105.
5. Apuke O. D., Omar B. Fake news and COVID-19: modelling the predictors of fake news sharing among social media users // Telematics and Informatics. 2021. Vol. 56. R. 101475.
6. Global Times, 60 Percent 'Fake' News First Found on Weibo Sites // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/928817.shtml> (date of application: 24.12.2024).
7. Luo D., Nor N.H.M., Bai K.G., Adzmi A.M., Rais S.S.A. Fake News Sharing Among Weibo Users in China // Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication. 2023. № 39 (4). Rr. 284-305. DOI: <https://doi.org/10.17576/JKMJC-2023-3904-15>.
8. Mitchell A., Simmons, K., Matsa, K.E., Silver, L. Publics globally want unbiased news coverage, but are divided on whether their news media deliver // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2018/01/11/publics-globally-want-unbiased-news-coverage-but-are-divided-on-whether-their-news-media-deliver/> (date of application: 24.12.2024).
9. Orr B., Baptista E. China shuts 100,000 fake news social media accounts, ramps up content cleanup // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/> (date of application: 24.12.2024).
10. Pang H., Liu J., Lu J. Tackling fake news in socially mediated public spheres: A comparison of Weibo and WeChat // Technology in Society. 2022. № 70(6). Rr. 102004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102004>.
11. Petrosyan A. Global number of internet users 2005–2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/273018/number-of-internet-users-worldwide/> (date of application: 24.12.2024).
12. Sheng Q., Cao J., Bernard H.R., Shu K., Lia J., Liu H. Characterizing Multi-Domain False News and Underlying User Effects on Chinese Weibo // Information Processing and Management. 2022. Vol. 59. № 4. URL: <https://arxiv.org/pdf/2205.03068>. DOI:10.48550/arXiv.2205.03068.
13. Smith C. Weibo Statistics and User Count for 2024 // DMR Publisher. URL: <https://expandedramblings.com/index.php/weibo-user-statistics/> (date of application: 24.12.2024).
14. Tang X., Huang, C., Wu, X. Annual Report on Development of New Media in China. Social Sciences Academic Press, 2020. 222 r. ISBN: 978-7-5201-6744-4.
15. Thomala L.L. Average number of daily active users of Weibo Corporation from 2nd quarter 2018 to 2nd quarter 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1058070/china-sina-weibo-dau/> (date of application: 24.12.2024).
16. Thomala L.L. Internet usage in China – statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/1179/internet-usage-in-china/#topicOverview> (date of

application: 24.12.2024).

17. Thomala L.L. Number of monthly active QQ users from 1st quarter 2018 to 3rd quarter 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1318070/china-tencent-number-of-monthly-active-accounts-of-qq/> (date of application: 24.12.2024).
18. Thomala L.L. Number of monthly active WeChat users from 3rd quarter 2014 to 3rd quarter 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/255778/number-of-active-wechat-messenger-accounts/> (date of application: 24.12.2024).
19. Watson A. False news worldwide – statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/6341/fake-news-worldwide/#topicOverview> (date of application: 24.12.2024).
20. Watson A. Share of adults who use social media as a source of news in selected countries worldwide as of February 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/718019/social-media-news-source/> (date of application: 24.12.2024).
21. Weibo (Sina Weibo) // Shina internet watch. URL: <https://www.chinainternetwatch.com/tag/weibo/> (date of application: 24.12.2024).

Crisis and conflict communication in the political sphere: general and special

Enikeeva Ekaterina

Assistant, Department of Social and Political Sciences, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications

193232, Russia, Saint Petersburg, 22 Bolshhevik Ave., room 1, room 331/1

✉ enikeeva_em@mail.ru

Abstract. The article analyzes the correlation of the key concepts of "crisis", "conflict" and "risk" in the context of the political sphere in order to identify common and special characteristics of crisis and conflict communication. Special attention is paid to the communicative aspects of such social phenomena as crisis and conflict. The author considers different approaches to determining the correlation of key concepts. The article was based on the ratio of "conflict" and "crisis" as phases increasing in their negative consequences, accompanied by a multiplication of risks that can accelerate the process of transition from one stage to another. The main focus is on the use of crisis and conflict communications in the field of politics. Significant differences between crisis and conflict communications are highlighted in terms of audience, goals, channels, etc. Common features are also described, including in the field of using technologies to reduce social tension. The methodological basis of the research is the work of domestic and foreign authors who consider conflict and crisis phenomena in the context of the political sphere. Based on the work of modern researchers, the limitations of classical approaches (R. Darnfort, L. Kozler) in relation to the political processes taking place in the 21st century are noted.

The expansion of the strategic tasks of crisis communications of the state is noted in connection with the increase in risks leading to the destabilization of society. The general characteristics of conflict and crisis communication are highlighted, among which are similar principles of communicative interaction between the state and society (information openness, the operational nature of communication, the use of a wide range of channels), as well as features of two types of communications: scale, different levels of risks, opportunities for rapid localization of a conflict situation, etc. One of the conclusions of the study is to determine the need to review the anti-crisis management system in the political sphere,

where it is important to clearly define the boundaries of crisis or conflict communications, since the choice of technologies and tools will depend on this.

Keywords: Political risks, Risks, Political crisis, Political conflict, The political sphere, Crisis communications, Conflict communications, Communications, Political communications, Social tension

References (transliterated)

1. Roux-Dufort C., Gérer et décider en situation de crise. P., 2000. P. 12.
2. Adygezalova G.E. Osnovy yuridicheskoi konfliktologii i sotsiologii prava: uchebnoe posobie / G. E. Adygezalova. Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2020. S. 222.
3. Achkasova V.A. Politologiya: uchebnik i praktikum dlya vuzov / V. A. Achkasova [i dr.]; pod redaktsiei V. A. Achkasova, V. A. Gutorova. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2023. – 404 s.
4. Barsamov V. A. Struktura obshchestvenno-politicheskogo krizisa (teoreticheskii i prikladnoi analiz). – M., 2002. S. 168.
5. Baturenko S.A. Sotsial'naya stratifikatsiya v sotsiologicheskoi teorii Ral'fa Darendorfa // Sotsiologiya. 2019. № 4.
6. Belyaev S.O. Klassifikatsiya riskov: klassicheskii i neklassicheskii podkhody // Filosofiya prava. 2008. № 1.
7. Borodavina M.K., Rybakova S.V., Savina A.V., Khakhulina A.P. K voprosu o finansovoi neopredelennosti // Pravoprimerenie. 2020. № 1.
8. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / Per. s frants.; otv. red. perevoda N. A. Shmatko-M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii. SPb.: Aleteiya, 2007. – 288 s.
9. Burd'e P. Struktura, gabitus, praktika // ZhSSA. 1998. № 2.
10. Vatutin A.N. Protivorechivaya priroda ponyatii «Konflikt» i «Krizis»: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2012. № 3.
11. Vil'danov I.E. K voprosu o tipologizatsii obshchestvennykh krizisov v transformiruyushchemsya sotsiume // VEPS. 2016. № 4.
12. Gavra D.P. Krizisnye kommunikatsii. Smena paradigmy. Doklad na studencheskom Baltic Weekend, 2015.
13. Glukhova A.V., Kol'ba A.I., Sokolov A.V. Politiko-konfliktnye vzaimodeistviya gorodskikh soobshchestv: setevye aspekty // Polit. nauka. 2021. № 4.
14. Glukhova A.V., Timofeeva L.N. Rossiiskaya politicheskaya konfliktologiya: sostoyanie i problemy // Polit. nauka. 2016. № 2.
15. Golub O. Yu. Krizisnye kommunikatsii: metodologiya i metody upravleniya // Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii. 2012. № 2.
16. Golub O.Yu., Sergeeva E.V. Krizisnaya kommunikatsiya vlasti i obshchestva v sotsial'nykh media: opredelenie problemnykh zon // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya. 2020. № 3.
17. Zaprudskii Yu.G. Sotsial'nyi konflikt: politologicheskii analiz. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1992. – 120 s.
18. Ignat'eva M.V. Krizis v prave: osnovnye problemy i puti ikh resheniya // Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatel'stve. 2021. № 2. S. 13–15.
19. Kozler L. Funktsii sotsial'nogo konflikta. M.: Ideya-press: Dom intellektual. kn., 2000. – 205 s. M., 2000.

20. Kondrat'eva A.A., Votyakova V.N. Risk kak ponyatie i kak yavlenie // Vestnik RUK. 2015. № 1 (19).
21. Korobitsyn M.V. Antikrizisnoe upravlenie predpriyatiem: tipologiya krizisov i ikh vliyaniye na predpriyatie // Moskovskii ekonomicheskii zhurnal. 2019. № 1.
22. Kravchenko A. I. Kratkii sotsiologicheskii slovar'. – M.: Prospekt, 2013. – S. 184.
23. Lebedeva M.M. Politicheskoe uregulirovaniye konfliktov: Ucheb. posobie. – M.: Aspekt Press, 1999. – 271 s.
24. Makushev P.V., Khridochkin A.V. Mezhdunarodnoye pravo. Slovar'-spravochnik. M.: Prometei, 2017. – 570 s.
25. Mikhailov O. V. K voprosu o konfliktologicheskoi paradigme // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2009. № 3.
26. Nechkin D.A. Evolyutsiya ponyatiya "politicheskii risk": klassicheskie i sovremennyye kontseptsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2018. № 4.
27. Nikulina M.A., Dzhamalova B.B., Kolodiev M.Yu., Shulova E.Yu. Sotsial'nye riski v sovremennom rossiiskom obshchestve: filosofskaya refleksiya // SISP. 2018. № 2-1.
28. Ovcharov A.O., Ovcharova T.N. Sotsial'nyi krizis v kontekste gosudarstvennogo upravleniya: kontseptual'no-terminologicheskii analiz // Voprosy upravleniya. 2021. № 3 (70).
29. Panin I.S. Krizis i konflikt: ikh vzaimosvyaz', sushchnost' i istoriya izucheniya // Osnovy EUP. 2020. № 3 (22).
30. Petrenko O.V. Politicheskii krizis kak nauchnoye ponyatie // Armiya i obshchestvo. 2009. № 2.
31. Petrenko O.V. Politicheskii krizis: genezis i evolyutsiya teorii / avtoreferat... M., 2009, 21 s.
32. Pogorelyi D.E., Fesenko V.Yu., Filippov K.F. (sost.) Noveishii politologicheskii slovar'. Rostov na Donu: Feniks, 2010. – 318 s.
33. Pustovalova E.V., Nagaitsev V.V. Formy kommunikatsii v dinamike sotsial'nogo konflikta // Vestnik NGUEU. 2021. № 1.
34. Rasskazov L.D., Badmaeva M.V. Krizisnoye soznanie rossiiskogo sotsiuma v usloviyakh obshchestva perekhodnogo perioda // Vestnik BGU. 2018. № 3.
35. Ryzhov O. A. Politicheskie konflikty sovremennosti: dis.... d-ra filos. nauk. – M., 2000. S. 115.
36. Solov'ev A.I. "Gosudarstvennoye upravlenie" i "upravlenie gosudarstvom": konflikty kontseptov i praktik // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2022. № 2.
37. Spiridonova L.Yu. Budushchee skvoz' prizmu strakha v sovremennoi kul'ture: istoki i osnovnyye teorii // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. №2 (106).
38. Tishkevich E.V. Sotsial'nyi konflikt v kontekste nauchnogo analiza // Kant. 2020. № 3 (36).
39. Fedorova M.Yu. Sootnosheniye sotsial'noi zashchity i sotsial'nogo obespecheniya v kontekste upravleniya sotsial'nymi riskami: pravovye aspekty // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. № 4 (45). S. 122–129.
40. Chumikov A.N. Konfliktnye kommunikatsii v mediinom pole // Kommunikologiya. 2021. № 2.
41. Chumikov A.N. Sotsial'no-politicheskii konflikt: osobennosti diagnostiki i upravleniya : dissertatsiya ... kandidata filosofskikh nauk : 23.00.03 / Ros. akad. upravleniya. –

Moskva, 1991. – 177 s.

42. Chumikov A.N. Upravlenie informatsiei v usloviyakh krizisa / [Elektronnyi resurs] // URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/091.htm> (data obrashcheniya 12.08.2023)
43. Shchepan'skii Ya. Elementarnye ponyatiya sotsiologii. / Yan Shchepan'skii ; Obshch. red. i poslesl. akad. A. M. Rumyantseva. – Moskva: Progress, 1999. – 237 s.
44. Elektronnyi slovar' «Merriam-Vebster»/ [Elektronnyi resurs] // URL: www.merriamwebster.com/dictionary/crisis (data obrashcheniya 04.09.2023)
45. Yakovleva Yu.N. Effektivnoe upravlenie antikrizisnymi kommunikatsiyami // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2012. № 31.

A study of the intertextuality of news headlines based on Chinese sources

Liu Bo

Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia
Associate Professor, School of Foreign Languages, Hubei Minzu University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042228094@pfur.ru

Perfilieva Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ perfilieva_nv@pfur.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of research on the intertextuality of news headlines in Chinese linguistics. The purpose of the study is to present various methodological approaches to the study of intertextuality, current trends in the consideration of the intertextuality of news headlines in Chinese scientific literature. The subject of the research is the concepts of intertextuality implemented in news headlines in Chinese. The material is provided by Chinese scientific publications devoted to the study of the intertextuality of news headlines from 2006 to 2024, the analysis of which made it possible to identify relevant areas of her research. The sources of scientific literature are key Chinese scientific platforms: China National Knowledge Infrastructure (CNKI), Wanfang Database, VIP Database, China Social Science Library, etc., on the basis of which a detailed and representative data analysis was conducted. The research methods combine quantitative, qualitative and interpretative analysis, linguistic description, transdisciplinary comparison, corpus method and bibliometric tools that allow us to present the current state of research on the intertextuality of news headlines in Chinese. The scientific novelty lies in the fact that for the first time a review of studies on the intertextuality of news headlines based on Chinese scientific literature has been conducted. The results of the study indicate that approaches to studying the intertextuality of news headlines have changed significantly. At the first stage (until 2006), research on news headlines was conducted within the framework of traditional linguistic and textual analysis. At the second stage (2006-2015), the field of research shifted to the field of discursive analysis. At the third stage (2016-2024), the intertextuality of news headlines becomes the object of transdisciplinary research in linguistics, journalism, sociolinguistics, communication, political science, history, and others. The obtained research results can serve

as a basis for further research in this field. As conclusion the author provides an intertextual analysis of news headlines in the new media environment of the Internet, which is interwoven into the context of theoretical discussions. With the development of digital technologies, the intertextuality of online media news headlines is becoming the focus of transdisciplinary research.

Keywords: critical discourse analysis, discursive analysis, multimodal intertextuality, intermedia integration, cross-cultural communication, cross-theoretical research, transdisciplinary research, digital media, news headline, intertextuality

References (transliterated)

1. Kosikov G. K. Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s frants., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000.
2. Barthes R. Image-Music-Text. Ed. and trans. by S. Heath. New York: Hill and Wang, 1977.
3. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.
4. Fiske J. Television Culture. London: Routledge, 2011.
5. Qu J. The Digital Intertextuality in the Context of Post-truth: PhD dissertation / J. Qu. Guangzhou: Jinan University. 2020. doi: 10.27167/d.cnki.gjinu.2020.002288.
6. Peng C. Types and functions of news headlines // Journalism and Talent. 1994. No.11. Pp. 16–17.
7. Qian S. The rhetorical art of news headlines // Rhetoric Studies. 1997. No. 6. Pp. 18–19. doi:10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.1997.06.009.
8. Cheng X. A summary of intertextuality theory // Foreign Literature. 1996. No. 1. Pp. 72–78. doi:10.16430/j.cnki.fl.1996.01.013.
9. Qin H. The Origin and Evolution of Intertextuality Theory // Foreign Literature Review. 2004. No. 3. Pp. 19–30.
10. Zhang L. Ten Essays on Chinese and Western Culture. Shanghai: Fudan University Press, 2006.
11. Liu C. A study on Intertextuality of the Headline of News // Journal of Northwest Minzu University (Philosophy and Social Sciences). 2006. No. 03. Pp. 85–89.
12. Lai Y. Interpretation of Discourse Intertextuality in News Headlines: A CDA Perspective // Journal of Sichuan International Studies University. 2009. No. 25 (S1). Pp. 78–82.
13. Chen Z., Mao H. Cross-section Intertextual Analysis of Japanese Anti-corruption News Headlines Based on the News Headline Corpus of Asahi Shimbun // Journal of Fujian Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). 2019. No. 03. Pp. 126–133+155+171.
14. Lai Y. Textual analysis and interpretation of dialogicity in news discourse: PhD dissertation / Y. Lai. Nanjing Normal University. 2011.
15. Liu C. A Contrastive Study of Generic Intertextuality on the Disputes Over South China Sea between Chinese and American Media – Take People's Daily and New York Times for Example: PhD dissertation / C. Liu. Jiangsu: Nanjing Normal University. 2018.
16. Xin B., Gao X. A Comparative Study of the Textual and Pragmatic Functions of Reported Speech in Chinese and American Newspapers. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2019.
17. Huang X. The Art of Language in Intertextual Contexts. Beijing: China Social Sciences Press, 2019.

18. Lin G. A Study of Online News Texts on Both Sides of the Strait. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences Press, 2023.
19. Gu J. A Study on Intertextuality of News Headlines in Chinese and English Newspapers // China Publishing Journal. 2011. No. 20. Pp. 49–52.
20. Deng Y. The Intertextual Relations in Expository News Articles – On the Linguistic Turn of the Concept of Intertextuality // Contemporary Rhetoric. 2011. No. 05. Pp. 42–55. doi: 10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.2011.05.007.
21. Sun T. A Comparative Study of Critical Discourse in Chinese, American and British News Articles – Taking “Renminbi Exchange Rate” as an Example // Journal of Changchun Normal University, 2023. No. 42(11). Pp. 86–90. doi: 10.3969/j.issn.1008-178X.2023.11.019.
22. Ning H., Chang Y. Analysis of International Communication Discourse on “Chinese-style Modernization” in Mainstream Chinese and American Media – Based on Reports in China Daily and The New York Times // Modern Communication (Journal of China University of Communications. 2024. No. 46(05). Pp. 51–60. doi: 10.19997/j.cnki.xdcb.2024.05.009.
23. Jia L. A Study of Japanese Newspapers’ Reporting on the “Belt and Road Initiative” under the Lens of Critical Discourse Analysis: PhD dissertation / L. Jia. Shanghai: Shanghai International Studies University. 2023.
24. Kang X. The Intertextuality of Chinese Modern and Contemporary Newspaper Fiction and Newspaper News. Beijing: China Social Sciences Press, 2023.
25. Zheng Q., Xiang Q., Zhang C. A Study on Intertextuality in Chinese New Media Discourse. Guangzhou: Jinan University Press, 2021.
26. Ren H., Lu G. The US “Discourse Offensive” on China's Mekong Policy: A Critical Discourse Analysis Perspective // Southeast Asian Studies. 2022. No. 01. Pp. 86–108+154–155
27. Zhang Q., Li X. Discourse Analysis of Brand “Tagged” Phenomenon in Government Social Media News Narrative // Journalism & Communication. 2023. No. 76 (03). Pp. 42–52.
28. Li C. A Study of Intertextual Mediation on American Media Coverage of the Obama Administration’s South China Sea Policy: PhD dissertation / C. Li. Nanjing Normal University. 2021.
29. Yang N., Wu P. A Corpus-based News Discourse Analysis: A Case Study of Chinese Women in New York Times // Chinese Journal of Journalism & Communication. 2012. No. 34(09). Pp. 48–58. doi:10.13495/j.cnki.cjjc.2012.09.001.
30. Mao H., Xu J. Intertextuality analysis in monomedia and multimedia discourses: A case study of news headlines on the “Deng Yujiao Incident”// Contemporary Rhetoric. 2010. No. 5. Pp. 13–20. doi:10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.2010.05.012.
31. Xin B., Li W. An Intertextual Analysis of News Texts on Facebook As a Social Networking Platform // Contemporary Rhetoric. 2019. No. 05. Pp. 26–34. doi:10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.2019.05.004.
32. Dou W. A Comparative Study of Governmental Discourse between the People’s Republic of China and the United States of America: PhD dissertation / W. Dou. Shanghai: Shanghai International Studies University, 2011.
33. Sun C. Discursive Construction of Contemporary Social Phenomena in Japan. Beijing: China Social Sciences Press, 2021.

Repetition in the essay "The Tragic Feeling of Life" by M. de

Unamuno and its reflection in the translation by E.V. Garaggi from Spanish into Russian

Bakhturina Irina

Lecturer; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
Lecturer; Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies; Russian State University for the Humanities

7 3rd Likhachevsky Lane, Moscow, 125438, Russia

✉ irusich@yandex.ru

Abstract. The article examines the cases of the use of different types of repetition in the essay "The tragic sense of life among people and nations" by the Spanish writer of the 19th generation Miguel de Unamuno and the importance of this stylistic means for the reader's perception of the text of the work, as well as the great importance it has for the analysis of the writer's individual authorial style. In addition, the paper considers various options for transferring repetitions in the translation of an essay from Spanish into Russian. The material for this study is the original text of Miguel de Unamuno's essay "The tragic sense of life among people and nations", as well as the translation of the above-mentioned essay into Russian by E.V. Garaggi in the 1997 edition. In the process of analyzing repetitions in the work of Unamuno, we used the linguostylistic method, which is most suitable for studying the functional of repetition in the text of the essay. The basis for the structure of the work was the classification of repetitions by N. T. Golovkina. The novelty of the research lies in the fact that repetition in the author's works has never been the subject of independent scientific research before, and also in the fact that the translation considered in the work has never been considered in the context of translation theory before. In the course of the research, we were able to draw the following conclusions: in M. de Unamuno's work, repetition is one of the key stylistic means, and repetitions occur in the text at several linguistic levels – morphological, lexical and syntactic. In addition, we drew attention to the fact that since the translation of the work was part of a philosophical study, more attention was paid to the substantive part of the essay text, which led to the loss of some repetitions in the work and could affect the reader's perception of the text.

Keywords: Spanish literature, linguostylistic analysis, Spanish, stylistic repetition, tragic sense of life, Unamuno, translation studies, translation, stylistics, essays by Unamuno

References (transliterated)

1. O'Kuinghttons Rodriguez J. L. Sobre el estilo de Unamuno. Entre Caminos vol. 1. San Paulo, 2015. p. 68.
2. Ustinova, I. V. Migel' de Unamuno glazami russkogo chitatel'ya. – Vestnik MGUL – Lesnoi vestnik. №3. – M., 1999. S. 135.
3. Garadzha E.V. Filosofiya «tragicheskogo chuvstva zhizni» Migelya de Unamuno : dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk M., 1986. S. 13.
4. De Unamuno, M. O tragicheskom chuvstve zhizni u lyudei i narodov. Kiev, 1997.
5. Pronkevich, A. V. Osobennosti postroeniya dialoga v romanakh Migelya de Unamuno: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk. – Kiev, 1991. S. 76.
6. Bucurenciu Birsan I. Apuntes sobre el estilo de Unamuno en «Vida de Don Quixote y Sancho». AIH. Actas V. Madrid, 1974. p. 235.
7. Golovkina N.T. Povtor kak stilisticheskoe sredstvo v razlichnykh vidakh i zhanrakh rechi (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka). M., 1964. S. 53.

8. Kvintilian M. F. Dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavlenii. Ch. 2. Spb, 1834. S. 124-125.
9. Gal'perin I. R. Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka. M., 1958. S. 258.
10. Kuznets M.D., Skrebnev Yu.M. Stilistika angliiskogo yazyka. L., 1960.
11. Moren M.K., Teterevnikova N.N. Stilistika sovremennogo frantsuzskogo yazyka. M., 1960.
12. Tayupova O. I. Povtory i ikh rol' v tekstakh razlichnykh diskursov. Filologiya i iskusstvovedenie. Vestnik Bashkirskogo universiteta. T. 24. № 1. Ufa, 2019.
13. Rizel' E.G. Stilistika nemetskogo yazyka. M., 1959. S. 409-418.
14. Rizel' E.G. O tak nazyvaemoi arkhitektonicheskoi funktsii yazykovo-stilisticheskikh sredstv. Uch. zap. MGPIIYa. T. X, 1956, S. 155.
15. Unamuno, M. «Del sentimiento trágico de la vida en los hombres y en pueblos». Madrid, 1912.

Russian Spiritual Verse as a part of the cultural and linguistic heritage of Russian and Serbian Spiritual Vocabulary

Maryanovich Daliborka

Senior Lecturer; Institute of the Russian Language; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ daliborka.maryanovich@mail.ru

Galoyan Nare Gareginovna

PhD in History

Assistant Professor; Institute of the Russian Language; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ galoyan_ng@pfur.ru

Abstract. The subject of the research is the analysis of specific linguistic, cultural and literary features that reflect the spiritual and moral values of the two peoples. Spiritual verse, which is a poetic form used in Russian and Serbian spiritual literature and, being part of national folklore, not only reflects cultural and spiritual values, but also serves as a link between language, faith and the national aspect. The texts of the main types of spiritual poems (lyrical, epic, lyric-epic) are taken as the material of the research. As a result of the research, it was found that spiritual verse has unique properties, which include religious and national-heroic themes, its textual and musical form, emotionality, subjectivity, and educational orientation, which make it possible to create a whole phenomenon of a special genre in culture. The research is conducted with an emphasis on the culture and worldview of the Russian and Serbian peoples. A historical and etymological method was applied, which highlights the study of the origin of words and their changes over time, which shows how the vocabulary of spiritual verse developed and what cultural influences could have influenced it. The novelty of the research is determined by the cultural content of folklore and the corresponding use of vocabulary with a national cultural component in speech, as well as knowledge of the specifics of linguistic and cultural interactions that have been formed over the centuries. The study of the peculiarities of this vocabulary in the context of Serbian linguoculture can reveal unique aspects such as the use of metaphors, symbols and archaisms, which makes this analysis especially valuable for understanding historical and cultural

evolution. This study aims to identify the importance of spiritual verse in the context of Russian and Serbian cultures, its impact on the formation of the linguistic environment and the preservation of spiritual heritage. Studying the vocabulary of Russian spiritual verse against the background of Serbian culture enriches not only philology, but also the general cultural discourse, contributing to dialogue between peoples. The conducted research allows us to draw a conclusion that spiritual verse is one of the most relevant topics in modern Slavic folklore. From a linguistic point of view, this is a little-studied material.

Keywords: spiritual values, spiritual heritage, Christianity, religion, culture, educational function, preservation of spiritual vocabulary, vocabulary of spiritual verse, spiritual verse, Russia and Serbia

References (transliterated)

1. Bugaeva I.V. Yazyk religioznoi sfery. [Yazyk religioznoi sfery]: avtoref. dis.vrach. Filol. nauk. Moskva, 2010, str. 3.
2. Brazhnikov M. V. Drevnerusskaya teoriya muzyki (po motivam rukopisei XV–XVIII vekov). Leningrad: Muzyka, 1972, 423 s.
3. Ristović N. Antiquitas, Ancilla Universalis: The Many Faces of Classicism in the Serbian Culture of Enlightenment // Yearbook of the Society for 18th Century Studies on South Eastern Europe: Antiquity in Southeastern Europe during the long Eighteenth Century. – 2024. – T. 7. – №. 1. – S. 151-165.
4. Beilinson O. Bosnian, Croatian, and Serbian Studies: Language, Linguistics, and Literature // The Year's Work in Modern Language Studies. – 2024. – T. 84. – №. 1. – S. 655-668.
5. Buslaev F.Ya. Russkie dukhovnye stikhi // Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. Uchebnik fol'klora] / Pod redaktsiei Yu. G. Kruglov. Moskva: Vysshaya shkola, 2003. 710 s.
6. Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki po russkoi narodnoi literature i iskusstvu: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. SPb.: 1-e izd., 1861. 643 s.
7. Kireeva, E. V. Dukhovnye stikhi. Iz istorii publikatsii i izucheniya / E. V. Kireeva // Mezhregional'nye Pimenovskie chteniya. – 2024. – № 21. – S. 26-30. – EDN TJRZQL.
8. Pozhidaeva, G. A. Cherty Predvozhdeniya v tserkovno-pevcheskom iskusstve Rusi XIV-XVI vv / G. A. Pozhidaeva // Germenevtika drevnerusskoi literatury. – 2024. – № 23. – S. 569-598. – DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-569-59. – EDN HXMYPR.
9. Kostić Tmushih, A. (2022). Molitvena i pesnichka rech monakhije Jefimije kroz prizmu eskhatologije (99–113). U: Oktoikh: Chasopis Odjela za srpski jezik i književnost Matice srpske – Drustva chlanova u Tsrnoj Gori XII/13.
10. Brazhnikov M. V. Drevnerusskaya teoriya muzyki (po motivam rukopisei XV–XVIII vekov). Leningrad: Muzyka, 1972, 423 s.
11. Kirpichnikov A.I. Istochniki nekotorykh dukhovnykh stikhov // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1877. № 10, s. 133-150.
12. Novikov Yu. A. K voprosu ob evolyutsii dukhovnykh stikhov. Russkii fol'klor: Iz istorii russkoi narodnoi poezii. Leningrad: Nauka (Leningradskii filial), 1971. Vyp. 12. S. 208-220.
13. Novakovich Stoyan. Serbskaya bibliografiya sovremennoi literatury. Belgradskaya gosudarstvennaya tipografiya. 1869, 644 s.

14. Antipov, E. V. *Nravouchenie russkogo naroda po dukhovnym stikham* / E. V. Antipov. – Samara : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «INSOMA-PRESS», 2024. – 123 s. – ISBN 978-5-4317-0547-2. – EDN BQGTJS.
15. Fedotov G. P. *Dukhovnye stikhi. (Russkaya dukhovnaya vera glasno dukhovnym stikham) [Dukhovnaya poeziya. (Russkaya dukhovnaya vera, osnovannaya na dukhovnykh stikhakh).* M.: Moskva: Progress, Gnozis 1991, 192 s.
16. Kotov, A. A. *Epitety v russkikh dukhovnykh stikhakh* / A. A. Kotov, E. A. Mukhina // *Nauchnyi dialog*. – 2023. – T. 12, № 6. – S. 245-266. – DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266. – EDN GFOZNS.
17. Milojević, S. (2022). *Kolektivno stradanje (Kosovski boj) kao trenutak preseleńa u Tsarstvo nebesko – medievistichko gledište*. U: *Philologia Serbica. Kategorija prostora i prostorni odnosi u srpskom jeziku, književnosti u kulturi*. (331–346). Zbornik naučnih radova broj 2. Вања Лука: Filoloshki fakultet.
18. Pejčić, J. (2022). *Srpski pesnik. Milan Rakić i Kosovo*. Novi Sad: Fondatsija Grupa sever.
19. Kostić Tmurić, A. (2023). *Nauchna misao o Svetom Savi (1895–1945)*. Kosovska Mitrovitsa: Filozofski fakultet. Nish: Međunarodni tsentar za pravoslavne studije.
20. Gapska D. *Unofficial Cults of Women in the Serbian Orthodox Church. The Example of the Nun Stefanida of Skadar, Bitola and Dečani* // *Studi Slavistici*. – 2024. – S. 33-44.
21. Kartseva, A. A. *Sotsial'no-filosofskaya i kul'turologicheskaya mysl' vo vzaimootnosheniyakh Rossii i Serbii* / A. A. Kartseva // *Idei i idealy*. – 2023. – T. 15, № 1-2. – S. 427-443. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-427-443. – EDN ZZRWQM

The Study of the Phraseological and Paremiological Corpus of the Spanish Language: Main Stages

Kurinnaia Anna Andreevna

PhD student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
Specialist in educational and methodological work; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ anya.kurinnaya@gmail.com

Bakanova Anna Valentinovna

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ asia_sim@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the phraseological and paremiological heritage of the Spanish language in diachronic and synchronic aspects. The aim of the work is to analyze the evolution of scholarly views on phraseological units and paremias, as well as to identify the key stages of their study within the Spanish linguistic tradition: from the first collections of proverbs and sayings in the Middle Ages to systematic, properly scientific research in the 20th–21st centuries. During the Middle Ages and the Renaissance, phraseological units were collected and commented on within the framework of the humanistic tradition, which contributed to the formation of a national corpus of paremias. In the 19th century, a descriptive approach prevailed, while in the 20th century, phraseology and paremiology became the subject of scientific analysis, incorporating linguistic, cultural, and

anthropological methods. The article employs methods of historical-linguistic analysis, comparative study of sources, and systematization of scholarly approaches. Particular attention is paid to the evolution of terminology in the field of phraseology and paremiology, as well as the role of stable units in reflecting the cultural and historical peculiarities of the Spanish language. The results of the research have interdisciplinary significance and can be applied in linguistics, lexicography, and the teaching of Spanish. The article provides a comprehensive analysis of the history of phraseology and paremiology studies, encompassing both classical and modern approaches. It is emphasized that phraseological units, paremias, and the national-cultural component they contain represent an important source for studying the linguistic worldview. The research demonstrates that phraseological studies contribute to understanding cultural identity and linguistic consciousness, making them key elements in the process of preserving and transmitting cultural heritage. The findings can be used to develop educational materials, create dictionaries, and further research in the field of intercultural communication.

Keywords: proverb, paroemia, paremiology, phraseology, folkloristics, Spanish folklore, Spanish language, saying, idiom, linguistic view of the world

References (transliterated)

1. Baranov, A. N. Aspekty teorii frazeologii / A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skii. – M.: Znak, 2008. – 312 s.
2. Valdes, Kh. de. Dialog o yazyke / Khuan de Valdes. – Madrid: Cervantes Virtual, 1976. – URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/dialogo-de-lalengua--0/html/fede437e-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html (data obrashcheniya: 10.09.2024).
3. Vinogradov, V. S. Leksikologiya ispanskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1994. – 192 s.
4. Zueva T.V., Kirdan B.P. Russkii fol'klor: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. – M.: Flinta: Nauka, 2002. – 400 s.
5. Levintova, E. I., Vol'f, E. M. Ispansko-russkii frazeologicheskii slovar': 30 000 frazeologicheskikh edinits. M.: Russkii yazyk, 1985. – 1080 s.
6. Med, N. G. Otsenoch'naya kartina mira v ispanskoi leksike i frazeologii / N. G. Med. – SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2007. – 254 s.
7. Obolenskaya, Yu. L. Mitos y leyendas de España. Legendy i predaniya Ispanii: s obshirnymi lingvokul'turologicheskimi, istoricheskimi, grammaticheskimi kommentariyami. – M.: URSS, 2023. – 240 s.
8. Petrosyan, I. V. Istoriya izucheniya frazeologizmov i idiom / I. V. Petrosyan. – URL: <https://bookonlime.ru/system/files/node/lecture/59-75.pdf> (data obrashcheniya: 04.10.2024).
9. Raevskaya, M. M. Ispanskoe yazykovoe soznanie Zolotogo veka (XVI–XVII vv.) / M. M. Raevskaya. – M.: Izdatel'stvo MGU, 2007. – 280 s.
10. Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya: semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokul'turnye aspekty / V. N. Teliya. – M.: Nauka, 1996. – 238 s.
11. Trazanova, N. Yu. Paremiologiya kak osoboe semioticheskoe prostranstvo / N. Yu. Trazanova. – URL: <https://gotlib.ru/wp-content/uploads/2022/08.pdf> (data obrashcheniya: 16.01.2024)
12. Anales de Filología Francesa. No 26. – 2018. – URL: <https://doi.org/10.6018/analesf.26.1.352411> (data obrashcheniya: 18.08.2024)

13. Casares, J. Introducción a la lexicografía moderna / J. Casares. – Madrid: Espasa Calpe, 1950. – 356 p.
14. Cejador y Frauca, J. Fraseología, o estilística castellana / J. Cejador y Frauca. – Madrid: Tipografía de la Revista de Archivos, 1921. – 404 p.
15. Diccionario de la Lengua Española, Real Academia Española. – URL: www.rae.es (data obrashcheniya: 12.02.2024).
16. Folklore y costumbres de España. T. 1 / Ed. Barcelona. – Barcelona: Editorial Labor, 1944. – 380 p.
17. Iribarren, J. M. El porqué de los dichos / José María Iribarren. – Pamplona: Editorial Gómez, 1955. – 412 p.
18. Refranes que dizen las viejas tras el fuego. Los refranes recopilados por el Marqués de Santillana. – 2018. – URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/biblioteca_fraseologica/r3_cantera/refranes_recopilados_marques_santillana.pdf (data obrashcheniya: 10.08.2024).
19. Seco, M., Andrés, O. de, Ramos, G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. – 2004. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/61897659.pdf> (data obrashcheniya: 19.09.2024)
20. Sevilla Muñoz, J., Crida Álvarez, C.A. – 2013.– URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/022/009_sevilla-crida.pdf (data obrashcheniya: 15.07.2024)
21. Sevilla Muñoz, J., Zurdo Ruiz-Ayúcar, T. Refranero multilingüe / J. Sevilla Muñoz, T. Zurdo Ruiz-Ayúcar. – Madrid: Instituto Cervantes, 2009. – URL: <http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/> (data obrashcheniya: 01.09.2024).

Reflection of the author's Religious Views in fantastic images and folk demonology in N. V. Gogol's Early Prose and Pu Songling's Short stories: typological aspect of description

Sun' Ven'tsyzun'

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ sunventszyun@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to a typological analysis of the reflection of the author's religious views in fantastic images and folk demonology in the early prose of the Russian writer N. V. Gogol "Evenings on a farm near Dikanka" and the classic work of Chinese literature by the short story writer Pu Songling "Strange Tales from a Chinese Studio". The article focuses on the moral and religious pursuits of both authors, as well as the artistic functions of their religious and ethical beliefs in the early fantasy cycle of Gogol's novels and the collection of short stories by Pu Songling. The analysis revealed common features and fundamental differences in their artistic worlds due to cultural and religious traditions. The research presents a historical and theoretical overview of the methodology of typological analysis of literary texts, revealing the dynamics of the development of the concept of "typological connection" in comparative literary studies. This approach is used to study the influence of Orthodox concepts on the early work of Nikolai Gogol and Buddhist and Taoist ideas on the work of Pu Songling. The article concludes that the reflection of the author's religious views in the depiction of fantastic images and folk demonology in the early prose of N. V. Gogol and Pu Songling's stories is possible within the framework of a typological approach. The religious

views of the writers in question were shaped by their family and social environment. Unlike Gogol's linear Orthodox model of the dichotomy of good and evil, Pu Songling's otherworld, inspired by the Taoist concept of the "immortality of the soul" and the Buddhist "circular" way of thinking about karma and reincarnation, is ambivalent. In addition, religious concepts determine the differences in the depiction of infernal characters.: In Gogol, they appear as antagonists and tempters, while in Pu Songling they serve as helpers and comforters.

Keywords: typological analysis, Taoism, Buddhism, orthodoxy, Pu Songling, N. V. Gogol, folk demonology, fantasy images, Russian literature, Chinese literature

References (transliterated)

1. Auerbakh E. Filologiya mirovoi literatury // Voprosy literatury. 2004. № 5. С. 123–139.
2. Veselovskii A. N. Istoricheskaya poetika. L.: Khudozh. lit., 1940. 649 s.
3. Vinogradov I. A. Gogol' khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniya. M.: Nasledie, 2000. 450 s.
4. Voropaev V. A. Nikolai Gogol': Opyt dukhovnoi biografii. 2-e izd. M.: Palomnik, 2014. 336 s.
5. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 23 t. T. 1. M.: Nauka, IMLI RAN, 2003. 922 s.
6. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. T. 12. M.: Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii, 2009. 698 s.
7. Goncharov S. A. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1997. 340 s.
8. Krivonos V. Sh. Motivy khudozhestvennoi prozy Gogolya. SPb.: EGPI, 1999. 251 s.
9. Markovich V. M. Dykhanie fantazii // Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820–1840 gg.): Sb. proizvedenii. L.: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1991. S. 5–47.
10. Pu Sunlin. Rasskazy Lyao Chzhaya o neobychainom. M.: Khudozh. lit., 1988. 559 s.
11. Pu Sunlin. Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Lyao Chzhai Chzhi I). SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 784 s.
12. Toporov V. N. Mandala // Mifologicheskii slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 332–333.
13. Shaitanov I. O. Zachem sravnivat'? Komparativistika i / ili poetika // Filologicheskaya regionalistika. 2009. № 1–2. S. 99–107.
14. Damrosch D. Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p. (Na angl. yaz.).
15. Posnett H. M. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, & Co., 1886. 472 p. (Na angl. yaz.).
16. Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven; London: Yale University Press, 1976. 402 p. (Na angl. yaz.).
17. 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译 (一至四). 北京, 中华书局. 2015. [Pu Sunlin. Lyao Chzhai Chzhi I / Kommentarii Lyu Tyan'chi, perevod Sun' Khaituna i Lyu Tyan'chi). Pekin: Chzhunkhua shutszyui, 2015. T. 1–4.] (Na kit. yaz.).

Manipulative techniques in the US Political media discourse on the example of the election debates by D. Vance and T. Waltz

Abstract. The article highlights the problems of political discourse, saturated with manipulative techniques that prevail especially in the media space and vividly illustrate the various manipulations of public consciousness in pre-election debates. The purpose of the study is to identify the means of manipulative techniques implemented in the US political media discourse. The material of the analysis is the debates of D. Vance and T. Waltz, which were held in the summer of 2024 and which are an actual example of the clash of two different positions on current and important issues related to US domestic and foreign policy. The real debate caused a great resonance among political scientists and the public due to the expertise and experience of D. Vance and T. Waltz, who, representing different points of view, stimulated a keen discussion of the debate in the media space. The methodological basis is the work of A. P. Chudinov, E. I. Sheigal, J. S. Altynbekova in the field of political discourse, as well as the ideas of A. N. Glushchenko, E. L. Dotsenko, O. C. Issers on issues of manipulative techniques in media discourse. It has been established that in American media discourse, speech manipulation often uses means of expression, such as political metaphors, hyperbole, allusions and comparisons, as well as various types of comic, which indicates the importance in the socio-cultural space of the linguistic aspect, which embodies the ideological objectives of political leaders. The novelty of the research lies in the results obtained, which give an idea of modern strategies and tactics of political communication used to achieve an effective translocative effect. Conclusions are drawn about the patterns of language development and change, and its dynamics in political rhetoric, which are a multifaceted process that includes various aspects of linguistics, sociology, and political science. In addition, language, as a means of communication, is a powerful tool of influence in the political media space.

Keywords: explicitness, metaphor, implicitness, verbal manipulations, manipulative technique, the USA, election debate, manipulation, political discourse, media discourse

References (transliterated)

1. Sait <https://www.cbsnews.com>. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/full-vp-debate-transcript-walz-vance-2024/> (data obrashcheniya: 23/01/2025). – Tekst : elektronnyi. BIBLIOGRAFIChESKII SPISOK
2. Veber, M. Politika kak prizvanie i professiya / Perevod s nemetskogo i vstupitel'naya stat'ya A. F. Filippova; redaktor A. A. Ryndin. – M.: Ripolklassik, 2018. – 292 s.
3. Zheltukhina, M. R. Spetsifika rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI: dis. ... dokt. filol. nauk. M. – 2004. – 691 s.
4. Issers, O. S. Implitsitnost' kak sposob rechevogo manevrirovaniya v publichnoi kommunikatsii / O. S. Issers, A. V. Zhurova // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. – 2022. – № 1(34). – S. 82-86. – DOI 10.36809/2309-9380-2022-34-82-86. – EDN KMFVNH.
5. Klyuev, E. V. O dekorativnoi funktsii yazyka / E. V. Klyuev // Russkii yazyk za rubezhom. – 2006. – № 1(195). – S. 68-76. – EDN HTIDTX.
6. Kozhemyakin, E. A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii

- issledovaniya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. – № 2 (83). – S. 13-21.
7. Menshchikova, G. A. Osobennosti yazykovykh sredstv i rechevykh priemov manipulirovaniya v amerikanskom politicheskom diskursu (na primere predvybornykh debatov D. Trampa i D. Baidena) // Filologiya i chelovek. –2022. – № 1. – S. 67-75.
 8. Ryabova, M. E. Yazyk i kul'tura: dinamika sootnosheniya / M. E. Ryabova, I. V. Vashunina // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. – 2017. – № 3. – S. 45-51. – EDN YQEEUL.
 9. Ryabova, M. E. Funktsionirovanie zritel'nykh obrazov v sredstvakh massovoi kommunikatsii / M. E. Ryabova, I. V. Vashunina // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. – 2016. – № 2. – S. 50-54. – EDN YGSGBJ.
 10. Shei'gal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. – M.: RGB. – 2005. – 434 c.
 11. Uvarova, E. A. Mediatekst i mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatii / E. A. Uvarova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2015. – № 5. – S. 47-54. – DOI 10.18384/2310-712X-2015-5-47-54. – EDN VCQGFJ.
 12. El'yasov, A. Metaforizatsiya kontsepta kak protsess i rezul'tat: stilisticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki / A. El'yasov // Original'nye issledovaniya. – 2022. – T. 12, № 7. – S. 262-273. – EDN DIZJRW.
 13. Littlemore, J. Cognitive Approaches to Communicative Strategies// Linguistic Strategies. –2012. – DOI 10.1002/9781405198431.WBEAL0144
 14. Milkovich, M., Sitarica, A. Epistemic modality in political discourse // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya. – 2017. – № 1.
 15. Vildanova, K. I. The Language of Political Advertising as a Tool of Political Influence / K. I. Vildanova, E. M. Vildanova // Reports Scientific Society. – 2024. – No. 4(48). – P. 81-86. – EDN PBOAED.

Information confrontations in the Russian football industry: the case of Alexei Matyunin

Dorskii Andrei Yur'evich

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Mass Communications Management; St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ dorski@yandex.ru

Dorskii Aleksandr Andreevich

Senior Editor of the football department; "Sports.ru" LLC

9 Banny Lane, Moscow, 129110, Russia

✉ dorskiy-a@yandex.ru

Abstract. This research focuses on information confrontations, typically analyzed as a political processes or phenomena. Concurrently, the struggle for influence, though inherently political, on another subject renders information confrontations prevalent even beyond the confines of strictly political domains. This article analyzes the information confrontation within the Russian football industry, in which the football federation is a participant. Such cases are

relatively rare. A detailed examination of confrontation between the football federation and an individual (a football referee) reveals key patterns of such a confrontation and explains the relative scarcity of information about football federations confrontations compared to those occurring between football clubs. The authors develop the hypotheses about rare participation of football federations in these confrontations. The authors performed a content analysis of some media publications pertaining to the Matyunin's case. As such, Championat.com, the most popular online media outlet in Russia during the unfolding of the confrontation under study, and Sport-Express, the most cited newspaper in the sports industry, were chosen. Analysis of a specific case, first and foremost, indicates that confronting the football federation is not a viable strategy, primarily due to the pre-existing inequality of involved parties' capabilities. Those lower in the hierarchy have limited options for opposing their superiors. This principle extends to the application of information confrontation techniques; those in more advantageous positions typically command greater access to and proficiency in utilizing communication channels. The analysis crucially reveals that subjective factors, most notably, but not limited to, the personalities of the participants, significantly influence information confrontations. Participants are required to conduct a preliminary analysis of the circumstances before initiating this type of confrontation.

Keywords: the tasks of information confrontation, addressees of the information confrontation, factors of information confrontation, content analysis, case study, subjects of football, Russian Premier League, Russian Football Union, The football industry, information confrontations

References (transliterated)

1. Tsyganov V. V., Bukharin S. N. *Informatsionnye voyny v biznese i politike. Teoriya i metodologiya*. Moskva: Akademicheskii Proekt, 2009. 336 s.
2. Mel'nichenko D. N., Gushchina L. V. O nekotorykh sredstvakh informatsionnoi voyny v reklamnom biznese // *Molodezhnyi nauchnyi forum: gumanitarnye nauki*. 2016. № 4(32). S. 39-44.
3. Kuper S., Shimanski S. *Futbolonomika: Pochemu Angliya Proigryvaet, Germaniya i Braziliya vyigryvayut, a SShA, Yaponiya, Avstraliya, Turtsiya i dazhe Irak vykhodyat na pervyi plan*. Moskva: Al'pina Publisher, 2017. 514 s.
4. Platonov V. V., Kuzyaev D. A. Ekonomicheskii limit na sportivnyi uspek: kak mozhetsya razvitat'sya industriya futbola? // *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*. 2023. T. 14. № 2. S. 224-241.
5. Vykhodets R. S., Pantserov K. A. Sravnitel'nyi analiz sovremennykh kontseptsii informatsionnogo protivoborstva // *Evrasiiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2022. T. 16. № 4(42). S. 139-148.
6. Gavra D. P. Informatsionnoe protivoborstvo: sovremennoe ponimanie, kharakteristiki, podkhody k mezhdistsiplinarnomu poznaniyu // *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu*. 2023. № 29. S. 10-26.
7. Demus A. et al. *Rivalry in the Information Sphere: Russian Conceptions of Information Confrontation*. Los Angeles County: RAND Corporation. 2022. 154 p.
8. Kollars N. A., Petersen M. B. Feed the Bears, Starve the Trolls: Demystifying Russia's Cybered Information Confrontation Strategy // *The Cyber Defense Review. Special Edition: International Conference on Cyber Conflict (CYCON U.S.)*, November 14-15, 2018. *Cyber Conflict During Competition*. 2019. Pp. 145-160.
9. Medovkina L. Yu. Sootnoshenie ponyatii «informatsionnaya voyna» i «informatsionnoe

- protivostoyanie» // Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. Vserossiiskii sbornik nauchnykh trudov. № 23. Krasnodar: Krasnodarskii tsentr nauchno-tekhnikeskoi informatsii, 2018. S. 61-65.
10. Cheravitch J. From Leaflets to «Likes»: The Digitalization and Rising Prominence of Psychological Operations in Russia's Military // Improvisation and Adaptability in the Russian Military. 2020. Apr. 1. Pp. 22-28.
 11. Shilina A. G. Informatsionnoe protivostoyanie v massmediinoi kommunikatsii: diagnostika, tipologiya, prognoz // Medialingvistika. Vyp. 9. Yazyk v koordinatakh massmedia: mat-ly VI Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunya – 2 iyulya 2022 g.). SPb.: Mediapapir, 2022. S. 781-785.
 12. Dorskii A. A. «Informatsionnoe protivostoyanie» kak problema nauk ob obshchestvennykh kommunikatsiyakh // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2024. 1, 1(43), 52-60.
 13. Bason T., Senaux B. The football industry // Research Handbook on the Law of Professional Football Clubs. Ed. Robby Houben. Edward Elgar Publishing Ltd., 2023. P. 7-28.
 14. Xue H., Watanabe N. M., Chen R., Newman J. I., & Yan G. Football (as) Guanxi: A relational analysis of actor reciprocity, state capitalism, and the Chinese football industry. Sport in Society. 2020. № 23(12). R. 2005-2030.
 15. Marin B., Lee C. Exploring new trends of sport business: Japanese companies' investment in ownership of foreign football clubs. Sport in Society. 2020. № 23(12). Pp. 2031-2054.
 16. Sauer T., Anagnostopoulos C., Zülch H., Werthmann L. Creating value in football: unveiling business activities and strategies of financial investors, Managing Sport and Leisure. 2024. P. 1.
 17. Kościółek S. Heterogeneity of motivations among crowdinvestors: Evidence from the football industry // Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation. 2022. № 4. Pp. 157-183.
 18. Yiapanas G., Thrassou A., Vrontis D. A holistic strategic perspective of football industry stakeholders // Journal for International Business and Entrepreneurship Development. 2022. Vol. 14, № 3. Pp. 349-377.
 19. Rincón A. G., Barbosa R. L. C., Mateus M. A., Saavedra N. O. Symbolic consumption as a non-traditional predictor of brand loyalty in the sports industry, football club segment // Helion. 2023. V. 9, I. 4. URL: [https://www.cell.com/helion/fulltext/S2405-8440\(23\)02681-6](https://www.cell.com/helion/fulltext/S2405-8440(23)02681-6).
 20. Aleksunin V. A., Baskakov V. A. Marketingovy podkhod k upravleniyu sportivnoi industrii // Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2016. № 3(5). S. 92-101.
 21. Ramazanov Sh. M. Sravnitel'nyi analiz modelei upravleniya razvitiem sporta na primere futbol'noi industrii: mirovoi opyt i rossiiskie osobennosti // Upravlenie. 2018. № 1(19). S. 12-19.

On the issue of the thematic specifics of the channels of the Communist Party deputies in Telegram

Plotnikov Ivan Pavlovich

Postgraduate Student; Department of Theory and History of Journalism; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 101000, Russia

✉ plotnikov.iv2014@gmail.com

Parhit'ko Nikolai Petrovich

PhD in History

Associate Professor; Department of Theory and History of Journalism; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 101000, Russia

✉ schamchorst@mail.ru

Abstract. This paper examines the experience of using Telegram by the Communist Party of the Russian Federation (CPRF), which is one of the oldest and most influential parties in modern Russia. The subject of the study is the specifics of the content of the CPRF deputies' channels in Telegram. The object of our study is the political channels "Mikhail Matveyev comment", "News with Ostanina", "Red. Parfenov" and others. And the goal of this work is to identify the most popular thematic areas in the content of Telegram channels of CPRF deputies and the compliance of these online resources with the interests of the electorate. The methodology of the scientific work includes an integrated approach and combines content analysis, comparative analysis, and statistical methods. The study covers messages published on party resources in October 2024. The scientific novelty of our research lies in the analysis of the content of the deputy channels, since they are designed for different target audiences, and accordingly their content may differ from the content broadcast through the central party media. Based on the results of our study, we found that two typological directions have formed in the system of deputy channels: general-theme channels oriented towards the online resource of the party leader G. Zyuganov, and specialized channels. Moreover, whereas the first type of channels use ideological lexemes and focus on economic topics, the second type of channels almost do not contain the lexemes related to ideology. The study showed that the most popular topics are demography, migration and issues of the domestic economy. In the future, the results of the scientific work can be used to study the current political agenda of the CPRF, as well as for a systematic study of Russian party media.

Keywords: parliamentary channels, communist party, social media, internet communication, Telegram, political communication, political channels, party social networks, CPRF, social networks

References (transliterated)

1. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31, № 2. Pp. 211–236.
2. Arugute N., Calvo E., Ventura T. Network activated frames: content sharing and perceived polarization in social media // Journal of Communication. 2023. Vol. 73, № 1. Pp. 14–24.
3. Barclay F.P., Chinnasamy P., Pichandy P. Political Opinion Expressed in Social Media and Election Outcomes-US Presidential Elections 2012 // GSTF Journal on Mobile Communications, Networking and Applications (JMC). 2014. Vol. 1, № 2. Pp. 19–26.
4. Biju P.R., Gayathri O. Self-breeding Fake News // The International Journal of Information, Diversity, & Inclusion (IJIDI). 2023. Vol. 7, № 1/2. Pp. 1–25.
5. Cahyanti R. et al. Twitter Sentiment Analysis Towards Candidates of the 2024 Indonesian Presidential Election // Jurnal RESTI (Rekayasa Sistem dan Teknologi

- Informasi). 2024. Vol. 8, № 4. Pp. 516–524.
6. Calvo E., Clerici P. Después de La #Consolidación Democrática: Redes Sociales, Polarización y Fake News // Desarrollo Económico. Revista de Ciencias Sociales. 2023. Vol. 63, № 240. Pp. 195–202.
 7. Cantarella M., Fraccaroli N., Volpe R. Does fake news affect voting behaviour? // Res Policy. 2023. Vol. 52, № 1. Pp. 104628.
 8. Gibson R., Römmele A. Changing Campaign Communications: A Party-Centered Theory of Professionalized Campaigning // Harvard International Journal of Press/Politics. 2001. Vol. 6, № 4. Pp. 31–43.
 9. Limbu L., Nastain M., Mutiara M. The Phenomenon of Post Truth Political Campaigns on Facebook Social Media // Indonesian Journal of Advanced Research. 2024. Vol. 3, № 9. Pp. 1429–1440.
 10. Marković A., Vlajnić J., Spasojević Đ. Direct democracy and social networks: Perspectives for elections for European Parliament // Employment, Education and Entrepreneurship 2024-zbornik radova. Faculty of Business Economics and Entrepreneurship, 2024. Pp. 747–756.
 11. Pratama A.S.S. et al. A roadmap for the successful use of social media in electoral campaigns // Bulletin of Social Informatics Theory and Application. 2021. Vol. 5, № 1. Pp. 28–37.
 12. Vergeer M., Hermans L., Sams S. Online social networks and micro-blogging in political campaigning // Party Politics. 2013. Vol. 19, № 3. Pp. 477–501.
 13. Azimova A.T. Analiz uspešnykh predvybornykh kampanii v sotsial'nykh setyakh // Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk. 2023. № 10-4(85). S. 6–9.
 14. Ananishnev V.M., Pugachev N.M., Gavrilov D.V., Lagutina E.I. Sovremennye politicheskie tekhnologii, primenyaemye na vyborakh mera Moskvy 2023 // Sotsiologiya. 2023. № 6. S. 101–109.
 15. Anishchenko A.V. Osobennosti politicheskogo uchastiya rossiiskoi molodezhi v usloviyakh tsifrovizatsii // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2024. T. 30, № 3. S. 130–141.
 16. Anishchenko A.V. Fenomen tsifrovogo politicheskogo uchastiya: formy, modeli i sushchnostnye aspekty // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2023. T. 29, № 4. S. 18–27.
 17. Beshkarev A.A., Pystina O.V. Mediaobraz lidera politicheskoi partii v setevom fol'klore (na primere internet-memov Respubliki Komi) // Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriya humanitarnykh nauk. 2023. № 1-2(25-26). S. 104–110.
 18. Brodovskaya E.V., Kravchuk I.D., Polyushko E.D., Gaival' A.I. Otsenka tsifrovogo menedzhmenta partii KPRF v Moskve v elektoral'nom tsikle 2023 goda // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 4. S. 9–18.
 19. Evpak E.V. Osobennosti regional'noi politicheskoi kommunikatsii v sotssetyakh: sravnitel'nyi analiz // SibSkript. 2023. T. 25, № 4(98). S. 556–566.
 20. Zakharova M.V. Media i politika vo Frantsii v prezidentskoi kampanii 2017 g.: protivostoyanie i vzaimozavisimost' // Medi@l'manakh. 2019. № 2(91). S. 54–65.
 21. Zimova N.S., Sokolova K.M. Sotsial'nye seti kak instrument konstruirovaniya imidzha politika // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. № 3. S. 85–102.
 22. Korzheneva O.V. Mediaobrazy v massovoi politicheskoi kommunikatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2013. № 1. S. 218–226.

23. Makhurin A.V. Imidzh politicheskikh partii v tsifrovuyu epokhu razvitiya rossiiskogo obshchestva // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. № 3. S. 114–128.
24. Nikulin E.R., Arkhipova K.S. Mediinyi menedzhment KPRF v preddverii vyborov v Gosudarstvennuyu Dumu 2021 goda: kompleksnyi analiz kanalov kommunikatsii // Vremya nauki. 2021. № 1. S. 38–46.
25. Rodionov G.A. Formirovanie imidzha politika s pomoshch'yu sotsial'nykh setei v sovremennom informatsionnom prostranstve // Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2023. T. 8, № 4. S. 51–58.
26. Smorgunov L.V. Setevye politicheskie partii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014. № 4. S. 21–37.
27. Tantsura M.S., Gritsenko R.A., Prokopchuk D.D. Sravnitel'nyi analiz ispol'zovaniya internet-tekhnologii dlya politicheskoi agitatsii v Rossii v izbiratel'nykh tsiklakh 2011 i 2016 gg. // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2018. № 1. S. 9–14.
28. Titov V.V. Mediaaktivnost' rossiiskikh parlamentskikh partii v sotsial'nykh setyakh Runeta // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2021. № 3(92). S. 25–29.
29. Chizhov D.V. Formirovanie imidzha rossiiskikh politicheskikh partii v seti Internet // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2016. № 1(131). S. 313–338.
30. Chirkin D.Yu., Kolmakov A.D. Osobennosti ispol'zovaniya lichnykh stranits kandidatov v predvybornoi agitatsii na vyborakh v gorodskuyu dumu Ekaterinburga v 2023 godu // KANT: Social Sciences & Humanities. 2024. № 1(17). S. 82–96.

The effectiveness of information support for remote electronic voting in Russia

Morozova Galina Viktorovna

Doctor of Economics

Professor; Graduate School of Journalism and Media Communications; Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Professor Nuzhin str., 1/37

✉ galina.morozova@kpfu.ru

Yakupov Bulat Ildarovich

Senior Lecturer; Graduate School of Journalism and Media Communications; Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Professor Nuzhin str., 1/37

✉ bulatj@inbox.ru

Gavrilov Artur Romanovich

Senior Lecturer; Graduate School of Journalism and Media Communications; Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Professor Nuzhin str., 1/37

✉ ARGavrilov@kpfu.ru

Akimov Andrei Anatol'evich

Assistant Professor; Graduate School of Journalism and Media Communications; Kazan (Volga Region) Federal University

1/37 Professora Nuzhina str., office 102, Kazan, 420111, Russia, Republic of Tatarstan

Abstract. The article presents the results of studying the effectiveness of information technologies for providing remote electronic voting according to the criteria of awareness and trust in this voting format among Russian youth.

The object of the research is the practice of electronic voting in the youth segment of the Russian electorate. The subject of the research is information technologies for providing remote electronic voting for the youth electorate. The identification of the level of awareness and confidence of young people in remote electronic voting is due not only to its scientific significance, but also to the practical and political interest of federal and regional authorities in involving this group of the population in the electoral process. Young people, distinguished by their socio-demographic characteristics, which mark a transitional period of development, are in the stage of civic formation, and require the creation of conditions for equal access of this population group to sources of information about government elections, taking into account its characteristics, values and interests during election campaigns. The main research method was a comparative analysis of the results of studying the level of awareness and trust of young people in remote electronic voting, which made it possible to measure the effectiveness of information support for the electorate during electronic voting, identify and substantiate the degree of their awareness of the possibility of using electronic voting, the level of trust in this system and the willingness to use it by the youth electorate. The results obtained allow us to assert the success of information support for the possibility of young people to participate in elections through remote electronic voting. According to the data obtained, only slightly more than half of the young people surveyed trust this method of voting. The current level of trust, in turn, cannot but influence youth decision-making on remote voting. It is possible to note a decrease in the number of young people willing to vote remotely in the elections. Undoubtedly, these results require a deeper study of the issues related to the level of confidence of young people in the election procedure and voting format, but it is obvious that it is necessary to reformat the content of publications and messages about remote electronic voting for the youth segment of the electorate, and highlight the key message about the safety of such a voting format and the convenience of its use.

Keywords: electoral process, voting procedure, youth, youth electorate, informing voters, information technologies, election information support, remote electronic voting, online voting, elections

References (transliterated)

1. Hepp, A. Deep mediatization. London & New York: Routledge, 2020.
2. Mediapotreblenie «tsifrovoy molodezhi» v Rossii: monografiya / pod red. D. V. Dunasa. – Moskva: Fakul'tet zhurnalistiki MGU: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. – S. 406.
3. Kuz'min A.M. Kategoriya «mediasreda» i ee sodержanie na sovremennom etape razvitiya obshchestva // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Mediascope». 2011. № 1. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://mediascope.ru/node/765> (data obrashcheniya 17.03.24).
4. Poluekhtova, I. A. Praktiki mediapotrebleniya rossiiskoi molodezhi v tsifrovom obshchestve (po rezul'tatam empiricheskogo issledovaniya) / I. A. Poluekhtova // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2022. № 3. S. 90-107.
5. Kon'kova V.S. Mediakul'tura i mediapotreblenie v sovremennom rossiiskom obshchestve // Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2022. Tom 7. № 4. S.

21-32. (Data obrashcheniya: 08.02.24)

6. Osnovnye tendentsii mediapotrebleniya studencheskoi molodezhi g. Kazani: po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya / Morozova G.V., Myuller D.G., Laptev V.V., Gusev S.N.; pod red. G.V. Morozovoi. – Kazan': Kazan. un-t, 2023. – 141 s.
7. Selezneva A.V., Zinenko V.E. Politicheskaya aktivnost' rossiiskoi molodezhi: sovremennye tendentsii razvitiya. // Vestnik MGOU. 2020. № 2. S. 192-208 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/47> (data obrashcheniya 27.01.2023).
8. Dobrynina, M. V., Rastimeshina, T. V. Politicheskaya aktivnost' molodezhi: tendentsii, problemy, protivorechiya. // Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal. 2023. № 4. S. 36-47.
9. Vinogradova, I. M. Tekhnologiya distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii: Opyt realizatsii i dal'neishie perspektivy. // PolitBook. 2024. № 2. S. 51-76.
10. Dudochnikov, A. I. Masshtabirovanie distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii. //Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2023. № 7. S. 40-45.

Technology for evaluating the effectiveness of public relations activities

Usova Ekaterina Vladimirovna

PhD in Politics

Associate Professor; Department of Constitutional and International Law; Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

414056, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Tatishcheva str., 20, office a

✉ sevruga81@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is ways to evaluate the effectiveness of public relations activities. The object of research is the set of theoretical foundations for the application of technologies for evaluating the effectiveness of PR activities. At the current stage of scientific development, there is no unified approach to understanding technology for evaluating the effectiveness of PR activities. The conceptual content of the concepts of "technology" and "efficiency assessment" is revealed in various fields of science. The study of the categorical apparatus is of particular importance in understanding the specifics of the effectiveness of PR activities, as it allows us to develop an unambiguous understanding of the technology of evaluating effectiveness in a professional PR environment. Due to the lack of research on the content of the concept of "technology for evaluating effectiveness in PR", the author considers modern approaches that define the specifics of the category "technology for evaluating effectiveness", which is directly dependent on the areas of PR activity. The variety of PR activities complicates the choice of procedures for evaluating effectiveness and building universal technologies. The research was carried out using general scientific methods. The analysis and synthesis allowed us to comprehend the specific features of the elements of the technology for evaluating effectiveness. The analogy method allowed us to compare the categories under study, the system analysis method allowed us to present technology as a systemic phenomenon. The method of structural and functional analysis, which determined the content and social orientation of the phenomenon under study, allowed us to understand the social significance of efficiency assessment technology. The main conclusions of the study are: PR activities as communication activities can be evaluated in terms of the effectiveness of information and communication processes; PR activities are designed to influence different

groups of the public, the definition of criteria for evaluating effectiveness should be considered in terms of the degree of public impact of PR tools; for each communication program, its own evaluation criteria are developed. A special contribution of the author to the research of the topic is the formulation of the definition of "technology for evaluating effectiveness in PR" as a set of methods, procedures and tools consistently integrated into a system aimed at determining the degree of influence of PR activities on public groups and the conformity of the results obtained with the set goal. The novelty of the study lies in the fact that it presents the author's vision of evaluating the effectiveness of communication campaigns.

Keywords: technologies, PR strategy, communication activities, performance, public groups, public opinion, criteria for evaluating effectiveness, PR campaign, information and communication campaign, internal corporate communications

References (transliterated)

1. Filippov V.N. K diskussii ob evolyutsii kriteriev otsenki effektivnosti kommunikatsionnykh strategii biznesa v usloviyakh novoi real'nosti // Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu. 2021. № 23. S. 23-45.
2. Makarova T.P., Savchenko E.A. PR i PR-tehnologii: sushchnost', tseli, zadachi, funktsii // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2019. № 3. S. 178-180.
3. Belentsov V.N. Ponyatie rezul'tativnosti i effektivnosti v kontekste upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami // Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy. 2020. № 1(17). S. 32-39.
4. Ueiner M. i dr. Rukovodstvo dlya spetsialistov po kommunikatsiyam. Issledovanie, analiz i otsenka. Per. M. Kakimzhanovoi. 2021. S. 13-15. URL: <https://instituteforpr.org/wp-content/uploads/The-Communicators-Guide-to-Research-Analysis-and-Evaluation-Russian.pdf> (data obrashcheniya: 08.02.2025)
5. Yakunina E.V. Ponyatie effektivnosti deyatel'nosti organizatsii // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2021. № 11-1(81). S. 251-254.
6. Kalishuk V.O. Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya v kontekste politicheskoi kommunikatsii s ispol'zovaniem sotsial'nykh media // Vestsi BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filosofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya. 2024. № 1(119). S. 5-12.
7. Basko I.M. O probleme otsenki effektivnosti svyazei s obshchestvennost'yu // Ekonomicheskii rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoichivost'. Minsk: BGEU, 2013. T. 2. S. 129-130.
8. Muratshina Yu.R. Rol' sotsial'nykh kommunikatsii v formirovanii polozhitel'nogo obraza institutov pravoporyadka Rossii // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2023. № 1 (74). S. 122-127.
9. Ushakov E.V. Ponyatie effektivnosti v sovremennoi filosofii tekhnologii // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 84-6. S. 98-101.
10. Menovshchikova A.N. Sushchnost' i ponyatie effektivnosti deyatel'nosti organizatsii // Interaktivnaya nauka. 2022. № 9(74). S. 22-23.
11. Abramov R.A., Temnikova Yu.Yu. Otsenka effektivnosti kommunikatsii Departamenta transporta i razvitiya dorozhno-transportnoi infrastruktury g. Moskvy s naseleniem v ramkakh realizatsii strategicheskikh proektov // Upravlencheskie nauki = Management Sciences. 2024. № 14(4). S. 53-66.
12. Brodovskaya E.V., Lukushin V.A., Kravchuk I.D. Otsenka effektivnosti tekhnologii

- tsifrovyykh kommunikatsii dlya integratsii zhitelei LNR i DNR v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2024. № 14(1). S. 22-31.
13. Kurochkin A.V. Problema otsenki effektivnosti politicheskikh kommunikatsii v sotsial'nykh media // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2023. T. 19. № 1. S. 49-57.
 14. Kheivud R. Vse o Public Relations: Kak dobit'sya uspekha v biznese, ispol'zuya svyazi s obshchestvennost'yu. Per. s angl. pod obshch. red. Yu.V. Shlenova. M.: Lab. Bazovyykh Znanii, 1999.
 15. N'yusom D., Terk Dzh., Krukeberg D. Vse o PR: Teoriya i praktika pablik rileishnz. Per. s angl. O.V. Dubitskoi i dr. M.: Imidzh-Kontakt: Infora-M, 2001.
 16. Otsenka effektivnosti PR-deyatel'nosti kompanii: problemy i podkhody. Rossiiskaya i mezhdunarodnaya praktika. Ekspertno-analiticheskii doklad. M.: Assotsiatsiya Menedzherov, 2008.
 17. Anan'eva N.V. Sredstva realizatsii PR – proekta i otsenka ego effektivnosti // Strategiya predpriyatiya v kontekste povysheniya ego konkurentosposobnosti. 2020. № 9. S. 9-12.
 18. Galiulin V.R. Key Performance Indicators dlya otдела po svyazyam s obshchestvennost'yu // Sotsial'nye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiya. 2017. № 17. S. 98-103.
 19. Mukhina A.A. Effektivnaya kommunikatsionnaya strategiya PR-formirovanie imidzha i delovoi reputatsii organizatsii // Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2022. № 7(1). S. 40-49.
 20. Sitnikov A.P. PR segodnya: novye podkhody, issledovaniya, mezhdunarodnaya praktika / A.P. Sitnikov, M.P. Bocharov, V.A. Lisov. M.: Konsaltingovaya gruppa «IMIDZh-Kontakt»; INFRA-M, 2002.

A micro-path of spreading China's core socialist values from the perspective of new media

Bulgarova Bella Akhmedovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Mass Communications; RUDN University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Li Yan'

Postgraduate student; Faculty of Philology; RUDN University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ liyanemi000@gmail.com

Han Chaochao

Postgraduate student; Faculty of Philology; RUDN University named after P. Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042225273@pfur.ru

An Xiaoyu

Graduate student; Faculty of Philology; RUDN University named after P. Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ an.xiaoyu1205@gmail.com

Abstract. The subject of this research is the issues of preserving and spreading China's ideological values through the prism of new media. The object of the study is the socialist values conveyed through new media, taking into account the trajectory of changes in China's political and economic life. The article analyzes the role of China's new media in the process of forming and spreading the values of socialism, as well as effective methods of their presentation to the masses. The authors explore the features of the symbiosis of traditional and new media as a way to strengthen national identity and ideological work. The objectives of the research are: to understand ways and means of introducing and consolidating traditional values through new media; to develop effective strategies for spreading socialist values through new media (presentation format, optimal channels of communication and interaction with the audience); to identify shortcomings in old approaches and consider ways to overcome them. The descriptive method, the method of comparative analysis and theoretical analysis used by the authors of the research. The main concepts of new media are considered, and the traditional ones are analyzed. The novelty of the research lies in a comprehensive approach to considering the symbiosis of new and traditional media as a tool for preserving China's traditional ideological values. This will make it possible to create recommendations, evaluate the effectiveness of the proposed measures. The authors of the study come to the following conclusions: the key role of new media in modern society as a tool for spreading China's traditional values remains; new media provide a large audience reach, flexibility and interactivity of the information flow.

Keywords: maintenance, audience, national, identity, value, traditional, China, new media, socialism, distribution

References (transliterated)

1. Chen Yu. Issledovanie o tom, kak krasnaya kul'tura integriruetsya s osnovnymi tsennostyami kitaiskogo sotsializma v kolledzhakh i universitetakh // Otkrytyi zhurnal sotsial'nykh nauk. 2020. № 08 (1). S. 295-302.
2. Long Kh. Kul'tivirovanie i praktika osnovnykh sotsialisticheskikh tsennostei v ramkakh bazovoi sotsialisticheskoi ekonomicheskoi sistemy s kitaiskoi spetsifikoi // Mezhekul'turnaya kommunikatsiya. 2014. № 10 (6). S. 38-41.
3. Ven'tsin L., Vei Z. Obzor issledovaniy v oblasti ekologicheskogo upravleniya, provedennykh posle 18-go Natsional'nogo kongressa KPK, na osnove bibliometricheskogo analiza // Sovremennye sotsial'nye nauki. 2021. № 6 (5). S. 42-54.
4. Savin'i Kh. Obshchestvennoe mnenie, politicheskaya kommunikatsiya i Internet // Politika. 2022. № 22. S. 1-8.
5. Chzhan Kh. Transformatsiya politicheskoi kommunikatsii v Kitae // Elektronnoe izdanie po sotsial'nym naukam. 2011. № 29. S. 248.
6. Pokorniy M., Sedzhvik Dzh. Warner Bros. v mezhvoennye gody: strategicheskie mery reagirovaniya na riskovannuyu sredu kinoproizvodstva // Dyna. 2004. № 76 (159). S. 227-236.
7. Dogra P. Ochen' sovremennyyi mediamagnat // Televidenie. 2022. № 59 (8). S. 15-17.

8. Stobbert L., Murta M. Dzh. Repli, T. Meditsina i SMI: My videli, kak vzryvalis' lyudi – morskije svinki // Britanskii meditsinskii zhurnal Bmj. 2007. № 334 (7593). S. 566.
9. Deniel, Bennett. Issleduem vliyanie razvivayushcheisya blogosfery o voine i terrore na osveshchenie konfliktov traditsionnymi sredstvami massovoi informatsii // Media, War & Conflict. 2013. № 6 (1). S. 37-53.
10. Makhombu, Kingo. Rasprostranenie informatsii v tselyakh razvitiya: issledovanie vozdeistviya // Informatsionnoe razvitie. 2003. № 19 (2). S. 111-126.
11. Diproz R., Kurniavan N.I., Makdonal'd K. Vliyanie transnatsional'noi politiki i politika legitimatsii //Upravlenie. 2019. № 32. S. 223-240.
12. Bolin A., Gruber Kh., Kutrumpis P. Rasprostranenie novykh pokolenii tekhnologii v mobil'noi svyazi // Informatsionnaya ekonomika i politika. № 22 (1). S. 51-60.
13. Li U., Bai G. Sistema Interneta veshchei, osnovannaya na seti mobil'noi svyazi // Mezhdunarodnyi zhurnal onlain-inzhiniringa. 2018. № 14 (11). S. 64.
14. Don, Yuifen. Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya industrii radioveshchaniya v Kitae // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalistics. 2019. № 8 (4). S. 816-828. [https://doi.org/ 10.17150/2308-6203](https://doi.org/10.17150/2308-6203).
15. Tszya Fan'. Novye media: pozitsionirovanie i spetsifika kitaiskogo fenomena // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta // Seriya: Gumanitarnye nauki. 2019. № 38 (2). S. 286-294. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-2-286-294.
16. Khuan, Chzhunlyan'. Izuchenie imidzha strany v Kitae // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 5 (101). S. 218-226.

Russian-to-English interpreting and translation of constructions with the predicative nado (надо)

Koptev Daniil Alekseevich

Graduate student, Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University

4 2nd Agricultural Ave., building 1, Moscow, 129226, Russia

✉ koptevdanbusiness@outlook.com

Abstract. This article is devoted to the analysis of strategies for translating constructions with the predicative nado (надо) into English. The object of this work is the predicative nado (надо). The subject of the study is analysis of the features of Russian-English interpreting of constructions with the studied lexical unit. The purpose of this article is to highlight recommendations for improving the quality of translation of constructions with the word nado (надо) by presenting the most frequent and adequate interpreting strategies for constructions with the studied predicative. The study provides a detailed comparison of translation options for constructions with the studied word, analyzes and discusses the distinctive aspects of various strategies in interpreting and written translation, pays special attention to the lack of a unified translation tactic, and also highlights some imperfections of the existing options. The methodology includes a continuous sampling method to form a corpus of examples of constructions with the studied lexical unit and their translations from transcripts of Russian-English interpreting and written translations of public political speeches, and corpus analysis techniques for processing and outputting the results. The study identifies the main strategies for translating constructions with the studied word and presents their refined descriptions. The novelty of the study is that this work is the first to examine Russian-English interpreting of constructions with the predicative nado (надо), and also to compare it with written

translation. The results of the study allow to analyze the identified translation strategies and come to certain conclusions. In addition, the results obtained may be of interest both for writing scientific papers on related topics, and for beginning and practicing translators, including courses for teaching theoretical and practical translation, textbooks on practical aspects of the language.

Keywords: public speaking, omission, imperfect translation, written translation, corpus research, political discourse, necessity, modality, predicative, interpreting

References (transliterated)

1. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: [https://ruscorpora.ru/corpus/main/frequency-dictionary?pageSize=100&page=2&pos=\(data obrashcheniya 02.02.2024\).](https://ruscorpora.ru/corpus/main/frequency-dictionary?pageSize=100&page=2&pos=(data obrashcheniya 02.02.2024).)
2. Plenarnoe zasedanie Vostochnogo ekonomicheskogo foruma, 2021. URL (stenogramma): <http://kremlin.ru/events/president/news/66586> (data obrashcheniya 02.02.2024). URL (ustnyi perevod): https://youtu.be/bwVei_fEM0Y?si=7tAikVUeKrrLNdUI data obrashcheniya 02.02.2024).
3. Suleimanova O. A. Puti verifikatsii lingvisticheskikh gipotez: pro et contra // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie". Moskva: MGPU, 2013. № 2 (12). S. 60-68.
4. Suleimanova O. A. Eksplanatornyi potentsial teorii klassov dlya lingvisticheskogo issledovaniya: poryadok sledovaniya opredelenii // Filologiya: nauchnye issledovaniya. Moskva: NB-Media, 2018. № 3. S. 52-64.
5. Petrova I. M., Ivanova A. M., Nikitina V. V. Sovremennye tsifrovye tekhnologii v lingvisticheskikh issledovaniyakh: Uchebnoe posobie dlya obuchayushchikhsya po napravleniyu «Lingvistika». M.: Yazyki Narodov Mira, 2022. 259 s.
6. Epifantseva N. G. Modal'nost' i sredstva ee vyrazheniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. Moskva: MGPU, 2012. № 1(9). S. 38-44.
7. Tseitlin S. N. Neobkhodimost' / A. V. Bondarenko, E. I. Belyaeva, L. A. Biryulin i dr. // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: 1990. S. 142-156.
8. Palmer F. R. Mood and Modality // Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 236 p.
9. Holmes J. Doubt and certainty in ESL textbooks // Applied Linguistics. 1988. 9/1. P. 21-44.
10. Lariokhina N. M. Uchet sootnositel'nosti predlozhenii s modal'nymi modifikatorami dolzhenstvovaniya i infinitivnykh predlozhenii v prepodavanii RKI // Slovo. Grammatika. Rech'. M.: 2003. Vyp. 5. S. 59-64.
11. Turovskaya S. N. O semanticheskoi zone modal'nosti neobkhodimosti v russkom yazyke // Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Tartu: 1990. Vyp. 896. Funktsional'nye i semanticheskie problemy opisaniya russkogo yazyka. S. 4-21.
12. Odintsova I. V. Upotreblenie slov dolzhen i / ili nado dlya vyrazheniya kategorii neobkhodimosti i predpolozhitel'nosti v praktike prepodavaniya RKI // Russkii yazyk za rubezhom. M.: 2010. № 1. S. 40-48.
13. Merzlyakova N. P. Sistema neprototipicheskikh sredstv vyrazheniya sub"ektnykh modal'nykh znachenii: dis. ... kand. filol. nauk // Izhevsk: 2010. 174 s.

14. Khannanova D. M. Modal'nye kategorii dolzhenstvovaniya i neobkhodimosti v lingvistike: tozhdestvennoe, razlichnoe ili vkluchaemoe // Vestnik KemGU. Kemerovo: 2020. №2 (82). S. 558-564.
15. Glazkova. S. N. Pragmaticheskaya universal'nost' sintaksemny tipa nado+infinitiv v russkoi kommunikatsii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie. Chelyabinsk: 2012. № 6 (260). S. 58-61.
16. Vystuplenie na rabochem zasedanii glav gosudarstv i pravitel'stv stran – uchastnits Forumu stran – eksporterov gaza, 2013. URL (stenogramma): <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/18430> (data obrashcheniya 02.02.2024). URL (ustnyi perevod): https://youtu.be/cPI7MA_zquE?si=enuRVGBjkSs5snZp (data obrashcheniya 02.02.2024).
17. Bol'shaya press-konferentsiya Vladimira Putina, 2016. URL (stenogramma): <http://kremlin.ru/events/president/news/53573> (data obrashcheniya 02.02.2024). URL (ustnyi perevod): https://youtu.be/iS8XwGk2dq0?si=ff9RIT2_AOtROP76 (data obrashcheniya 02.02.2024).
18. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu, 2018. URL (stenogramma): <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (data obrashcheniya 02.02.2024). URL (ustnyi perevod): <http://en.kremlin.ru/events/president/news/59863/videos> (data obrashcheniya 02.02.2024).
19. Zasedanie diskussionnogo kluba «Valdai», 2021. URL (stenogramma): <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (data obrashcheniya 02.02.2024). URL (pis'mennyi perevod): <http://en.kremlin.ru/events/president/news/66975> (data obrashcheniya 02.02.2024).
20. Investitsionnyi forum «Rossiya zovet!», 2020. URL (stenogramma): <http://kremlin.ru/events/president/news/64296> (data obrashcheniya 02.02.2024). URL (pis'mennyi perevod): <http://en.kremlin.ru/events/president/news/64296> (data obrashcheniya 02.02.2024)

Dichotomies in Translation Studies and Translator Training

Kuraleva Tatiana Vladimirovna

PhD in Philology

Senior Lecturer; Department of English Philology and Translation; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 11

✉ t.kuraleva@spbu.ru

Lekomtseva Irina Alekseevna

PhD in Philology

Assistant professor, Department of English philology and translation studies, St. Petersburg University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 11

✉ i.lekomtseva@spbu.ru

Abstract. Translation theory, although a young science, has deep roots dating back centuries, with the dichotomy between literal and free translation evident since the time of St. Jerome. This paper examines the evolution of this basic translational dichotomy across different theoretical frameworks, including formal equivalence, dynamic equivalence, communicative and semantic translation, foreignization, domestication, etc. The authors also highlight the

differences between the theoretical concepts. Furthermore, the paper focuses on how the translation dichotomies may be applied in practice. To this end, the study delves into how the dichotomy manifests in student English-Russian translations, specifically focusing on achieving functional equivalence. The point of departure for the analysis is J. Houses's definition of covert translation. Analyzing translations of a scientific text by first-year master's students, the paper reveals challenges in achieving covert translation. The methods employed in the paper are the following: a componential analysis; a translation analysis, a corpus-based analysis; literature review, and retrospection and interviews. Scientific novelty is related to the application of basic theoretical concepts in practice, namely, in the practice of teaching translation. Moreover, the paper provides a comprehensive overview of existing theoretical approaches to describe the opposing translation strategies: word-for-word and sense-for-sense translation. In addition, the authors argue that translation errors are caused by an incorrect approach to the translation process itself. The interviews revealed that students often view translation as a replacement of source text units with translated text units, ignoring the overall translation strategy. The results highlight recurring collocational errors, indicating a source language-dependent tendency. The conclusion emphasizes the need for a pedagogical shift toward functional perspectives in translation training, suggesting avenues for future research on translator training.

Keywords: cross-linguistic correspondences, collocational errors, equivalence, student translations, word-for-word translation, free translation, functional equivalence, translation dichotomy, translation theory, source-language dependence

References (transliterated)

1. Beiker, M. (2018). *Drugimi slovami. Uchebnik po perevodu*. London, N'yu-Iork: Rautledzh.
2. Basnett, S. (2002). *Teoriya perevoda*. London, N'yu-Iork: Rautledzh.
3. Keimbridzhskii slovar'. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
4. Ketford, Dzh. (1965). *Lingvisticheskaya teoriya perevoda*. London: OYuP.
5. Chan, Leo Tak-khung (2019) Sovremennye vzglyady na perevod v Kitae. V: I. Gamb'e, U. Stekkoni (red.). *A World Atlas of Translation* (str. 81-103). Amsterdam, Filadel'fiya: Dzhon Bendzhamins.
6. Chesterman, A. (1998). *Kontrastivnyi funktsional'nyi analiz*. Amsterdam, Filadel'fiya: Dzhon Bendzhamins.
7. Demirsioglu, S. (2019). Altaiskaya traditsiya: Turtsiya V: I. Gamb'e, U. Stekkoni (red.). *A World Atlas of Translation* (str. 215-241). Amsterdam, Filadel'fiya: Dzhon Bendzhamins.
8. Firt, Dzh. (1957). Kratkii obzor lingvisticheskoi teorii 1930–1955. *Studies in Linguistic Analysis (special volume of Philological Society)*, str. 1-32.
9. Khatim, B., Meison, I. (1990). *Diskurs i perevodchik*. London: Printer Pabliherz.
10. Khaus, Dzh. (2018). *Osnovy perevoda*. London, N'yu-Iork: Rautledzh.
11. Mandei, Dzh. (2016). *Vvedenie v teoriyu perevoda*. London, N'yu-Iork: Rautledzh.
12. Misk'ya, K. (2013). Forenizatsiya i soprotivlenie. Lorens Venuti i ego kritiki. *Nordic Journal of English Studies*. № 12(2). str. 1-23.
13. N'yumark, P. (1981). *Podkhody k perevodu*. Oksford, N'yu-Iork: Pergamon.
14. N'yumark, P. (1988). *Posobie po perevodu*. N'yu-Iork: Prentis Khol.
15. Naida, Yu. (1981). Printsipy sootvetstviya. V: L. Venuti (izd.), *The Translation Studies*

- Reader (str. 126-140). London, N'yu-Iork: Rautledzh.
16. Naida Yu., Taber, Ch. (1982) *Teoriya i praktika perevoda*. Leiden.
 17. Nord, K. (2018). *Perevod kak tselenapravlenaya deyatel'nost'*. London, N'yu-Iork: Rautledzh.
 18. Rosa, A.A. Deskriptivnaya teoriya perevoda i polisistemnaya teoriya. V: F. Zanettin, K. Randl (red.). *The Routledge Handbook of Translation and Methodology*. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315158945-4>
 19. Shleiermakher F. O raznykh metodakh perevoda URL: <https://open.unive.it/hitrade/books/SchleiermacherMethods.pdf>
 20. Turi, G. (2012). *Deskriptivnye teorii perevoda*. Amsterdam, Filadel'fiya: Dzhon Bendzhamins.
 21. Venuti, L. (1995). *Nevidimost' perevodchika*. London, N'yu-Iork: Rautledzh.
 22. Internet-sistema dvuyazychnykh slovarei. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/>
 23. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. 2003–2023. URL: www.ruscorpora.ru
 24. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; pod red. A. P. Evgen'evoi. M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy – 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

The representation of the semantics of the lexemes "sweetness" and 甜/甘 by cross-linguistic and cross-cultural comparison

LIXUE

Assistant; Engineering Academy; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
PhD Candidate; Institute of Russian Language; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Mikukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ lingxinlx@yandex.com

Abstract. There is a growing scholarly interest in the comparative and contrastive study of culture as reflected in language in linguistics. This approach involves examining and describing national and cultural characteristics as expressed through linguistic units. The study of the linguistic worldview is considered one of the key areas in modern linguistics, bringing together diverse approaches and methods. Through comparative analysis, it becomes possible to capture the unique forms of symbolic memory inherent in each linguoculture. The study of word meanings, their potential connections with other words and structures in language, and conducting linguistic comparisons based on lexical research is an important philological task. This article presents a comparative analysis of the Russian lexeme "сладость" (sweetness) and the Chinese words "甜" (Tián) and "甘" (Gān). The research aims to identify similarities and differences in the meanings and usage of these words, focusing on examples of taste perception, emotional connotation, and linguistic-cultural features. The study employs the method of comparative analysis based on authoritative Russian and Chinese dictionaries to illustrate the core meanings and figurative uses of the words. The results convincingly demonstrate that the Russian lexeme "сладость" and the Chinese lexemes "甜" and "甘" exhibit significant similarities in denoting taste perception. However, differences become evident in the emotional context and social functions of the words. Notably, in Chinese, the word "甜" can also signify work or profit, a nuance absent in the Russian usage of "сладость". This analysis highlights both commonalities and unique aspects, revealing linguistic-cultural and emotional distinctions between the two languages.

Keywords: emotion, national-cultural peculiarity, Chinese language, Russian language, Taste, Comparative analysis, Semantics, culture, Linguacultural, Sweetness

References (transliterated)

1. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: ucheb. posobie / N. F. Alefirenko. – 5-e izd., ster. – M.: FLINTA, 2016. – 288 s.
2. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya: [monografiya] / V. V. Vorob'ev. – Moskva: Izd-vo RUDN, 2008. – 336 s.
3. Dvizova A. V., Kryukova L. B. Yazykovye osobennosti reprezentatsii semantiki vkusa v stikhotvoreniyakh B. Pasternaka // Vestnik TGPU. 2014. № 2 (143). S. 76-79.
4. Kuznetsov S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Tekst] / Gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb.: Norint, 2000. – 1535 s.
5. Lotman Yu. M. Ponyatie kul'tury // Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). – SPB.: Iskusstvo – SPB, 1994. – 399 s.
6. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2001. – 208 s.
7. Morkovkin V. V. Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnye resursy]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=sladkii&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=sladkii&mode=slovari&dicts[]=48) (Data obrashcheniya: 10.08.2024)
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka 80000 slov i frazeol. vyrazhenii / S. I. Ozhegov i N. Yu. Shvedova; Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V. B. Vinogradova. – 4-e izd., dop. – M.: OOO «A TEMP», 2006. – 944 str.
9. Polyakova A. A., Yurina E. A. Metaforizatsiya vkusovykh priznakov v russkom yazyke i kartine mira // Vestnik TGPU. 2020. №2 (208). S. 76-84.
10. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: V 2 t. T. 1: A–N / ILI RAN; pod red. A. P. Evgen'evoi. – M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2003. – 680s.
11. Syui Idan'. Lingvokul'turnye osobennosti kontsepta sladost' v russkoi, angliiskoi i kitaiskoi kartinakh mira // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2019. № 4. S. 61-68.
12. Ushakov D. N. Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka, D. N. Ushakov. M.: "Adelant", 2013. 800 s.
13. Yurina E. A., Baldova A. V. Pishchevaya metafora v russkom lingvokul'turnom diskurse // Yazyk i kul'tura. 2020. № 50. S. 152-159.
14. Yarovaya E. Yu. Lingvokul'turologicheskie osobennosti kontsepta «vkus» v russkoi, frantsuzskoi i angliiskoi kontseptosferakh // Vestnik IGLU. 2013. № 3 (24). S. 184-191.
15. Kroeber, A. L., Kluckhohn C. (1952). Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, MA: Peabody Museum.
16. Sapir, E. (1929). The status of linguistics as a science. Language, 5(4), 207-214.
17. Tylor, E. B. (1871). Primitive Culture. Vol. 1, p. 1.
18. Whorf, B. L. (1956). Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. MIT Press.
19. -50000词现代汉语词典/汉语大字典编纂处编著. –2版. –成都:四川辞书出版社, 2016
20. 陈华文. 民俗文化学 – 浙江:浙江工商大学出版社, 2014.
21. 范氏秋红, 冯学锋. 汉越味觉词语情感隐喻体验基础认知对比[J]. 湖北民族学院学报(哲学社会科学版), 2015, 33(04):104-108.

22. 胡柯晴. 概念隐喻视角下味觉词的研究--以《白鹿原》中的“甜”“苦”“辣”为例[J]. 芒种, 2024, (06):78-80.
23. 姜晓. 汉语味觉词研究综述[J]. 社会科学家, 2010, (03):158-161.
24. 蒋绍愚. 五味之名及其引申义[J]. 江苏大学学报(社会科学版), 2008, (03):55-61.
25. 李金兰. 味觉隐喻化的认知结构及语义特征[J]. 修辞学习, 2005, (03):56-58.
26. 廖正刚, 林正军. 《黄帝内经》中基本味觉词的隐喻和转喻[J]. 东北师大学报(哲学社会科学版), 2017, (02):7-12.
27. 刘一双. 浅析中韩味觉词意义对比--以“苦”为主[J]. 西南民族大学学报(人文社科版), 2009, 30(S1):228-230.
28. 刘一双. 中韩味觉词对比研究[J]. 西南民族大学学报(人文社会科学版), 2011, 32(S2):278-281.
29. 莫丽红, 白解红. 汉语味觉词多义性的认识解研究[J]. 湖南社会科学, 2015, (04):212-214.
30. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编.- 7版. - 北京: 商务印书馆, 2016
31. 新华字典(大字本) -10版. -北京: 商务印书馆, 2004
32. 许慎. 说文解字 [Elektronnye resursy]. URL:
<https://qvk.bnu.edu.cn/#/danziDetail/49c12ccb-35cc-437b-af4a-3fe126df8fca/甜/22d3af76-1ffe-46da-8c28-40e7dfe6b8d2/0> (汉字全息资源应用系统) (Data obrashcheniya: 10.08.2024)
33. 张韶岩. 日汉语基本味觉词引申义之比较[J]. 解放军外国语学院学报, 1999, (06):35-38.
34. 赵青青, 熊佳娟, 黄居仁. 通感、隐喻与认知--通感现象在汉语中的系统性表现与语言学价值[J]. 中国语文, 2019, (02):240-253+256.
35. 中华大字典/《现代汉语工具书书库》编委会主编.- 北京: 光明日报出版社, 2002
36. 钟敬文. 民俗学概论 - 上海: 上海文艺出版社, 1998.

Lexico-Stylistic Means of Creating Images of Galicia and Galicians in «Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians» by Martin Sarmiento

Snetkova Marina Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Ibero-Romance Linguistics; Lomonosov Moscow State University; Associate Professor; Department of Romano-Germanic Languages; Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russian Federation

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p.51, room 1058

✉ marina_snet@inbox.ru

Abstract. The paper examines the lexical and stylistic means of creating the images of Galicia and the Galicians in the «Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians» by Martin Sarmiento, the Benedictine monk of the Enlightenment era. Created in 1746, the text combines the features of lexicographic description and fiction and is considered the first modern text written entirely in Galician. Methods of linguistic, stylistic and contextual text analysis, as well as descriptive and cultural-historical methods are used in the paper. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in Russian science, «Colloquium...» becomes the object of philological study. Also, the analysis of the means of creating the image of Galicia fits into the current cultural problems of analyzing the process of formation of the Spanish national character. The study reveals the following characteristics: the image of Galicia contains features that will further form a stereotypical idea of the autonomous community (it is a beautiful traditional agricultural region, rich in natural resources); Galicians, even when living in a foreign land, recognize themselves as a special

community, they are deeply embedded in folk culture with its holidays, superstitions and linguistic richness, while tension is felt between them and the rest of the inhabitants of Spain; noble Galicians are practically idealized, while the peasants, despite their harsh assessments, are nice in their own way and have a sense of humor. The following lexical and stylistic means play an important role in the text: Galician realia (both well-known and rare lexemes); homogeneous parts of the sentence combining words according to semantic fields; comparison, wordplay, irony, vulgarization of images.

Keywords: wordplay, superstition, culture-specific item, semantic field, Galician literature, Martín Sarmiento, Galician language, Galicia, irony, vulgarization of images

References (transliterated)

1. Grinina E. A., Evdokimova A. A. Galisiiskii yazyk: istoriya i sovremennoe sostoyanie. M., 2022. 232 s.
2. Ignat'eva (Oganis'yan) M. Yu. Peterburg – Parizh – Gettingen – Madrid: syuzhet iz istorii Istorii ispanskoi literatury // Studia Litterarum. 2020. T. 5, № 2. S. 102–123. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-102-123
3. Narumov B. P. Formirovanie romanskikh literaturnykh yazykov. Sovremennyyi galisiiskii yazyk. Izd. 2-e, dop. M., 2008. 168 s.
4. Obolenskaya Yu. L. Mir ispanskogo yazyka i kul'tury. Ocherki, issledovaniya, slovar' sueverii i simvolov. M., 2018. 256 s.
5. Poeziya Galisii / Sost. E. S. Zernova. SPb., 2013. 422 s.
6. Snetkova M. S. O predposylkakh vyrabotki normy sovremennogo galisiiskogo yazyka // Voprosy ibero-romanistiki. Vypusk 17. M., 2019. S. 278–292.
7. Alonso Montero X. O nome e a obra do padre Sarmiento no Franquismo // Boletín da Real Academia Galega. N. 363. A Coruña, 2002. P. 9–24.
8. DdD: Dicionario de dicionarios // [El. resurs]. URL: <https://ilg.usc.gal/ddd/index.php> (data obrashcheniya: 09.08.2024).
9. Del Mar Llinares M. Mouros, ánimas, demonios. El imaginario popular galego. Madrid, 1990. 208 p.
10. Dicionario de fraseoloxía galega / C. López Taboada, M. R. Soto Arias. Vigo, 2008. 650 p.
11. DRAG: Dicionario da Real Academia Galega // [El. resurs]. URL: <https://academia.gal/dicionario> (data obrashcheniya: 08.08.2024).
12. Fernández Rei F. Sarmiento e a lingua galega // Boletín da Real Academia Galega. N. 363. A Coruña, 2002. P. 211–216.
13. Ferro Ruibal X. (1) Lingua, vida cotiá e corridas de touros. Miscelánea inédita de Fr. Martín Sarmiento // Boletín da Real Academia Galega. N. 363. A Coruña, 2002. P. 63–93.
14. Ferro Ruibal X. (2) Sarmiento, o eclesiástico creador do galeguismo // Boletín da Real Academia Galega. N. 363. A Coruña, 2002. P. 217–232.
15. Frei Martín Sarmiento. Ano 2002. Real Academia Galega // [El. resurs]. URL: <https://academia.gal/letras-galegas/2002/frei-martin-sarmiento> (data obrashcheniya: 23.07.2024).
16. López Peláez A. El gran gallego (Fr. Martín Sarmiento). La Coruña, 1895. 270 p.
17. Monteagudo H. Tradición manuscrita e divulgación impresa do Coloquio en coplas galegas. Consideracións á luz do autógrafo orixinal // Boletín da Real Academia

- Galega. N. 363. A Coruña, 2002. P. 95–122.
18. Murado M. A. Outra idea de Galicia. Debate, 2013. Libro electrónico. Kindle edition.
 19. Pensado J. L. Sarmiento entre dos centenarios // Estudos adicados a Fr. Martín Sarmiento. Artigos tirados dos «Cuadernos de estudios gallegos (1945–1982)». Betanzos, 1995. P. XIII–XIX.
 20. Rodríguez López, J. Supersticiones de Galicia y preocupaciones vulgares. Lugo, 1970. 204 r.
 21. Sarmiento M. Catálogo de voces y frases de la lengua gallega / Ed. de J. L. Pensado. Salamanca, 1973. 620 p.
 22. Sarmiento M. Colección de voces y frases gallegas / Ed. de J. L. Pensado. Salamanca, 1970. 578 p.
 23. Sarmiento M. Coloquio de vintecatro galegos rústicos / Ed. de R. Mariño Paz. Pontevedra, 1995. 354 p.
 24. Sarmiento M. Coloquio de vinte e catro galegos rústicos / Ed. de R. Álvarez, E. González Seoane // Gondomar. Corpus dixital de textos galegos da Idade Moderna // [El. resurs]. URL: https://ilg.usc.gal/teitok/gondomar/index.php?action=file&id=xmlfiles/GOND049_1.xml&headers=full, https://ilg.usc.es/gondomar/es/index.php?action=file&id=xmlfiles/GOND049_2.xml&headers=full (data obrashcheniya: 08.08.2024).
 25. Sarmiento M. (1) Coloquio en mil duascentas coplas galegas. Facsímile do orixinal autógrafo. Vigo, 2002. 88 p.
 26. Sarmiento M. (2) Sobre a lingua galega. Antoloxía. Vigo, 2002. 428 p.
 27. Temprano E. La selva de los tópicos. Madrid, 1988. 242 r.
 28. Vaqueiro V. Guía de Galicia máxica. Vigo, 2003. 540 p.
 29. Vilavedra D. Historia da literatura galega. Vigo, Galaxia, 1999. 377 p.

Phytonyms in British folklore (linguistic and cultural approach)

Leonovich Evgeniya Olegovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Theory and Practice of Translation; Pyatigorsk State University

357532, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Panagurishte str., 6, sq. 103

✉ Leonovitch2003@yahoo.com

Lyashenko Igor' Vladimirovich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of English Philology and Cross-cultural Communication, Belgorod State National Research University,

308004, Russia, Belgorod region, Belgorod, Yesenina str., 8, sq. 91

✉ rattle-snake@mail.ru

Drygina Yuliya Anatol'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of English Philology and Intercultural Communication; Belgorod State National Research University

Associate Professor; Department of General Humanitarian Sciences and Mass Communications ; Mbscow

Abstract. The subject of the study is phytonyms in the British linguistic culture. The authors consider phytonyms in folklore in detail, namely in love spells, beliefs, magic formulas, conspiracies, predictions, and folk medicine. Phytonyms in this work mean all names of plants and their parts. When classifying phytonyms, the authors rely on a naive picture of the world and divide phytonyms into dendronyms (names of trees and bushes), floronyms (names of flowers) and herbonyms (names of herbs). The purpose of the study is to consider the problem of using phytonymic vocabulary and the peculiarities of the existence of forms of its representation in the field of folk culture of the English-speaking community of Britain from the standpoint of everyday linguistics. The objectives of the study include identifying the specifics of the representation of phytonomic vocabulary in British folklore, as well as systematization and description of its functions. The work uses methods of complex analysis based on the methods of various sciences (history, cultural studies), among which the following approaches are considered important: a systematic approach, a semiotic approach, a cultural-anthropological approach. The novelty of the research lies, firstly, in the consideration of phytonyms in British folklore from the standpoint of the linguistics of everyday life, complementing the linguistic picture of the world, the modeling of which is gaining popularity in modern language science. In linguistics of recent decades, there has been an obvious trend towards shifting the emphasis to everyday life and everyday human consciousness. Phytonyms have previously been widely studied, but within the framework of other linguistic paradigms. As a result of the research, it was found that the essence of the socio-philosophical concept of everyday life lies in the fact that it is the closest, familiar reality to a person. For modern linguistics, which has turned its attention to the everyday consciousness and daily life of an individual, everyday discourse, including folklore, is valuable. Also, in the course of the study, the functional features of phytonyms in British folklore were considered, which allowed us to draw the following conclusions. In folk art and medicine, phytonyms perform an expressive function that helps to increase expression and, of course, cognitive, since poetry-spells, sayings carry knowledge and wisdom contained in the memory of generations.

Keywords: Phytonyms, Onomastics, folklife culture, linguocultural studies, Linguistics of everyday life, dendronym, British linguoculture, Floronyms, folklore, Functions of phytonyms

References (transliterated)

1. Ponton D., Ozyumenko V., Larina T. *Lingua-Cultural Identity in Translation: 'We' vs 'I' Cultures*. // *Journal of Language and Education*. 2023. № 9 (4). P. 73-84. URL: <https://doi.org/10.17323/jle.2023.17832>
2. Anan'eva N. E. *Fitonimy i nekotorye mikrotoponimy okrestnostei Vidz* // *Isledovaniya po slavyanskoi dialektologii*. Vypusk 23. Pamyati Lyudmily Eduardovny Kalnyn', Moskva. Institut slavyanovedeniya RAN 2021. S. 115-120.
3. Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. Per. s fr. L. E. Kubbelya*. 2-e izd. Moskva: Ves' mir, 2011. 624 s.
4. Smirnov A. V. *Kontseptualizatsiya povsednevnosti: istoricheskii i metodologicheskii aspekty: dissertatsiya ... doktora filosofskikh nauk: 24.00.01 Sankt-Peterburg*, 2013. 365 s.
5. Tulina E. V., Koz'ko N. A. *Lingvistika povsednevnosti skvoz' prizmu pretsedentnosti* //

- Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 3 (45): v 3-kh ch. Ch. II. C. 196-199.
6. Antonova M. Modelling the Linguistic Worldview: Subject Field Scoping Review / Antonova M., Baranovskaya T., Zakharova A., Li S. // Journal of Language and Education. 2022. № 8 (3). P. 150-166. URL: <https://doi.org/10.17323/jle.2022.14433>
 7. Kasavin I. T., Shchavalev S. P. Analiz povsednevnosti. Moskva: Kanon+, 2004. 430 s.
 8. Le Goff Zh. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 55 s.
 9. Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2021. 764 s.
 10. Krepkogorskaya E. V. Sopostavitel'nyi analiz frazeologicheskikh edinits s komponentom fitonimom v angliiskom i russkom yazykakh: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20. Kazan', 2012. 233 s.
 11. Gadzhieva Z. M. Kognitivnye osnovy imenovaniya fitonimov v avarskom i angliiskom yazykakh: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20. Makhachkala: Tip. DNTs RAN, 2009. 182 s.
 12. Boyarkina L. M. Reprezentatsiya kontsepta «chelovek / lichnost'» sredstvami raznykh yazykovykh urovnei v sovremennom angliiskom yazyke: na materiale zoonimov i fitonimov: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04. Saransk, 2010. 218 s.
 13. Ryabko O. P. Slozhnostrukturnye floronimy v angliiskom yazyke: kognitivno-freimovaya i motivatsionno-nominativnaya interpretatsiya: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.04. Pyatigorsk, 2003. 406 s.
 14. Zhenevskaya E. V. Lingvokul'turnye modeli simvolooobrazovaniya v avstraliiskoi i novozelandskoi kartinakh mira: na materiale kontseptov flory i fauny: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20. Vladivostok, 2016. 195 s.
 15. Papsheva A. V. Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye kharakteristiki angliiskogo lingvokul'turnogo koda «Priroda»: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04. Samara, 2010. 178 s.
 16. Kireeva I. I. Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki angliiskogo lingvokul'turnogo koda «Flora»: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04. Samara. 2008. 192 s.
 17. Dekhnich O. V. Antropotsentricheskii kharakter metaforicheskikh reprezentatsii (na primere metafor dereva) // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. 2009. № 2. S. 39-43.
 18. Kunin A. V. Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar' = Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary: okolo 20 000 frazeologicheskikh edinits. 5-e izd., ster. Moskva: Prosveshchenie, 2021. 1210 s.
 19. The Oxford Dictionary of Phrase and Fable. Edited by Elizabeth Knowles. Oxford University Press. 2016. 816 p.
 20. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023) CamD.
 21. Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (Accessed 23 November 2023) CoID.
 22. DICTIONARY.COM URL: <https://www.dictionary.com/> DICT (Accessed 23 November 2023).
 23. Longman Dictionary of Contemporary English Online URL:

- <https://www.ldoceonline.com/dictionary/LDOCE> (Accessed 23 November 2023).
24. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (Accessed 23 November 2023) MD.
 25. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 23 November 2023) MW.
 26. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (Accessed 23 November 2023) OLD.
 27. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed 23 November 2023) UD.
 28. Baker M. Discovering the Folklore of Plants. 3rd Revised Edition. Shire Publications, 2008. 168 p.
 29. Berns R. Prazdnik vsekh svyatykh. per. S. Aleksandrovskogo. Angliiskaya poeziya. URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=6030> (accessed 11 June 2023)
 30. Plant Lore, Legends, and Lyrics by Richard Folkard. Project Gutenberg <https://www.gutenberg.org/ebooks/44638> (accessed 18 October 2023).

Mentality and national character in Russian and Chinese parodies

Li Lusi

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow region, 117198, Russia

✉ lllss19@gmail.com

Lazareva Olesya Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

✉ lazareva-ov@rudn.ru

Abstract. This research paper analyzes the unique characteristics of national character and mentality found in the proverbs of Russian and Chinese languages, aiming to understand how linguistic expressions mirror the cultural and social traits of these societies. Through content and component analysis of proverbs, along with the author's innovative method of creating paremic portraits using a petal diagram for visualization, the study illustrates how proverbs act as a reflection of national and cultural identity. By examining Russian and Chinese proverbs, the research uncovers both positive and negative aspects of national characters, highlighting the distinctive yet shared worldviews of Russians and Chinese. It particularly emphasizes how proverbs encapsulate key facets of daily life, social connections, and national culture, revealing differences and similarities in the mentalities of these two peoples. The research employed content and component analysis of proverbs, visualization through a petal diagram, and the author's unique approach to constructing paremic portraits. The study's scientific novelty lies in its author's methodology for comparative analysis, which involves developing paremiological portraits of Russian and Chinese national characters using visual aids like the petal diagram. This approach significantly contributes to comparative cultural

studies and linguistics, offering a novel perspective on national character through proverbs and facilitating a deeper understanding of national identities. The study underscores that proverbs serve as a valuable source of insight into national character, highlighting shared traits such as diligence, honesty, and collectivism, as well as distinct features like the fear of losing face in Chinese culture and the depth of soul in Russian culture. This underscores the importance of proverbs as a tool for exploring and comprehending cultural diversities and similarities among different peoples.

Keywords: human character, specific, Chinese language, Russian language, yanyu, proverb, paremic portrait, national character, paremya, mentality

References (transliterated)

1. Baranov, A.N. Aspekty teorii frazeologii / A.N. Baranov, D.O. Dobrovol'skii. – M.: Znak, 2008. – 656 s.
2. Bredis, M.A. Paremy v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial / M.A. Bredis, M.S. Dimoglo, O.V. Lomakina // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2020. – T. 11. – № 2. S. 265–284.
3. Bredis, M.A. Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie / M.A. Bredis, O.V. Lomakina, V.M. Mokienko // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2019. – № 3. – S. 34–43.
4. Van, In'yi. O sravnenii kitaiskikh i uigurskikh poslovits / Van In'yi, Lyu Khuei (=王颖意, 柳慧. 试论汉维谚语对比) // Sravnitel'noe issledovanie kul'turnykh innovatsii (=文化创新比较研究). – 2022. – № 6 (18). – S. 37–40.
5. Van, Khun'yan'. Analiz sintaksicheskikh osobennostei kitaiskikh poslovits (=王鸿雁. 汉语谚语的句法形式特点分析) // Obshchestvennye nauki Guansi (=广西社会科学). – 2005. – № 8. – S. 152–154.
6. Gorelov, V.I. Stilistika sovremennogo kitaiskogo yazyka / V.I. Gorelov. – M.: Prosveshchenie, 1979. – 192 s.
7. Dai, Chzhaomin. Vvedenie v lingvokul'turologiyu. Pekin: Izdatel'stvo kitaiskogo yazyka, 1996. (戴昭铭. 文化语言学导论. 北京: 语文出版社, 1996)
8. Dvoryanova, A.A. Mentalitet natsional'nykh kul'tur i yazykovaya kartina mira // Aktual'nye problemy yazyka i kul'tury: traditsii i innovatsii. Sb. statei uchastnikov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya studentov, magistrantov, pedagogov i molodykh uchenykh. Nauch. redaktor L.N. Nabilkina, otv. redaktor D.L. Morozov. – Arzamas, 2020. – S. 166–169.
9. Dechzhi, M. Otrazhenie natsional'nogo kharaktera v russkikh i kitaiskikh poslovitsakh / M. Dechzhi, T.A. Kyrgy // Mezhdunarodnaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «V mire russkogo yazyka i russkoi kul'tury». – Moskva, 2017. – S. 118–121.
10. Ivanov, E.E. Natsional'naya spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye ponyatiya i metodika vyvavleniya // E.E. Ivanov, O.V. Lomakina, Yu.A. Petrushevskaya // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2021. – № 4. – S. 996–1035.
11. Iosifova, V.E. Russkie i kitaiskie poslovitsy kak sostavnaya chast' sotsiokul'turnogo fenomena narodov / V.E. Iosifova, Ni Ts. // Problemy lingvisticheskoi pragmatiki /

- Doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Otv. red. A.N. Eremin. – Kaluga, 2021. – S. 86–75.
12. Kalinina, E.E. Otrazhenie natsional'nogo kharaktera v yazykovoi kartine mira chuvashskogo i kitaiskogo narodov / Lyu Ts., E.E. Kalinina // Ashmarinskie chteniya. – 2020. – S. 68–69.
 13. Li, Vei. Nravstvennoe znachenie i logicheskaya sistema narodnykh poslovits / Li Tsyushen, Li Vei (=李渭,李秋生. 民族谚语的德育价值及逻辑体系) // Literaturnoe obrazovanie (Chast' 1)(=文学教育(上)). – 2023. – № 1. – S. 164–168.
 14. Li, Chun'khun. Novye puti mezhkul'turnoi kommunikatsii i prepodavaniya kitaiskikh idiom (=李春红. 汉语熟语跨文化传播与教学新路径) // Zhurnal Veifanskogo universiteta(=潍坊学院学报). – 2023. – № 23 (4). – S. 6–8.
 15. Lyu, Li. Issledovanie regressionnoi modeli na osnove kitaiskikh idiom / Chzhou Khunsia, Lyu Li (=周红霞,刘莉. 基于汉语熟语的趋返模式研究) // Zhurnal Khubeiskogo vtorogo pedagogicheskogo universiteta(=湖北第二师范学院学报). – 2020. – № 37 (11). – S. 15–19.
 16. Nelyubova, N.Yu. Otrazhenie etnokul'turnykh tsennostei v poslovitsakh frankoyazychnykh stran // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2019. – T. 10. – № 1. – S. 323–335.
 17. Seliverstova, E.I. Prostranstvo russkoi poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost'. – SPb.: OOO «Mirs», 2009. – 269 s.
 18. Sun', In. Sravnitel'noe perevodovedenie kitaiskoi i russkoi pogovorochnoi kul'tur / Khuan Tszyanin, Chzhou Tszin, Sun' In (=黄佳宁,周晶,孙莹. 汉俄谚语文化对比翻译研究) // Sovremennaya i drevnyaya kul'tura i tvorchestvo(=今古文创). – 2022. – № 15. – S. 104–107.
 19. Syun, Chzhen'. Sravnitel'noe issledovanie semantiki kitaiskikh i russkikh poslovits (=熊珍. 中俄谚语语义的比较研究) // Literaturnoe obrazovanie (Chast' 1)(=文学教育(上)). – 2021. – № 2. – S. 161–163.
 20. Khu, Ts. Yazykovaya kartina mira. Nekotorye osobennosti otrazheniya mentaliteta naroda v russkoi i kitaiskoi frazeologii // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty. Materialy Kh Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. – Chita, 2017. – S. 219–221.
 21. Mikhaylenko, A.Y. Image of a Woman in Chinese and Russian Paroemias / Novospasskaya N.V., Yang X., Mikhaylenko A.Y. // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2023. – T. 14. – № 3. – C. 633–646.

Linguistic and cultural specifics of the semantics of the word "happiness" in the Russian and Armenian languages

Hovsepyan Siranush

Postgraduate student; Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ siran.hovsepyan.97@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the semantics of the word «happiness» in the Russian and Armenian languages. The authors show what the concept of happiness is in the Russian and Armenian linguistic consciousness represent, what value and meaning it carries and compare them. The purpose of this article is to show that «happiness» is not just a universal concept, but that it is capable of reflecting the national-specific traits of the

language. The object of the study is the concept of «happiness» in the Russian and Armenian languages. The subject of the study is the national-cultural specificity of the concept of «happiness» in these languages. The following methods were used: the method of directed sampling, the classification method, the analysis of dictionary definitions, observation, the descriptive method, the comparative method, the field method, the definitional-component analysis used to describe the semantic content of nominative units representing interest. Scientific novelty is determined by the fact that thanks to the complex analysis it becomes possible to identify the national-specific features of the semantic content of the word «happiness». This research is a significant step for further comparative research of the lexical-semantic field «happiness». The bibliography consists of 30 sources - 8 dictionaries, including 6 Armenian ones. We identified 24 cognate words to the word «երջանկություն» [erjankutyun] and 30 to the word «բախտ» [bakht]. The word «երջանկություն» [erjankutyun] in Armenian has 8 synonyms, as well as 3 synonyms in a figurative sense. In Russian, we also found 8 synonyms.

Keywords: linguistics, national specifics, linguoculturology, semantic field, Russian, the Armenian language, semantic content, happiness, semantic, culture

References (transliterated)

1. Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii[✓]. M.: Russkie slovari, 1999.
2. Van Ts. Frazeologicheskie edinitsy s semantikoi «kharakter cheloveka» v russkom i kitaiskom yazykakh // Litera. 2024. № 3. S. 11-20. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70072 EDN: ZBBEOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70072
3. Van' G., Shabel'skaya N.K. Otrazhenie kontsepta «Spravedlivost'» v soznanii russkogo i kitaiskogo narodov // Litera. 2025. № 1. S. 51-60. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.1.72990 EDN: CGYJQJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72990
4. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov / per. s angl. A. D. Shmeleva. M.: Yazyki slavyanskoi[✓] kul'tury, 2001.
5. Vorkachev S.G. Kontsept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza. Krasnodar: Tekhn. Un-t Kuban. Gos. Un-ta, 2002.
6. Gasparyan N.K. Kontsept «den'gi» v russkoi i armyanskoi lingvokul'turakh // XKhIV KIRILLO-MEFODIEVSKIE ChTENIYa. Moskva: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, 2023. S. 140-145. EDN: DTKJBT <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54636811&pff=1>
7. Grdzelyan R. Leksikograficheskii analiz russkikh i armyanskikh sinonimicheskikh ryadov s semanticheskim komponentom «vysokii» // Vestnik Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. Russkaya filologiya. 2024. № 1(24). S. 19-28. <https://doi.org/10.46991/BYSU.H/2024.10.1.019> URL: https://journals.yasu.am/index.php/bulletin-ysu-rus-phil/issue/view/vol10_no1_2024/143
8. Dal' V.I. Tolkovi[✓] slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh t. T. 4. M.: Rus. yaz., 1980.
9. Dmitrieva E.G., Kravtsova S.V. Etnokul'turnyi[✓] komponent kontsepta «schast'e» v anglii[✓] skoi[✓], nemetsko[✓], russko[✓] i frantsuzsko[✓] frazeologii // II Vserossi[✓] skaya nauchnaya konferentsiya «Dostizheniya nauki i tekhnologii[✓] -DNI T-II-2023». 2023. № 7.

- <https://www.doi.org/10.47813/dnit-II.2023.7.275-280> EDN JOLMWF URL:h // http://ru-conf.domnit.ru/media/filer_public/8f/b4/8fb4c950-0591-4902-89c4-3575de3def54/2009-dnit-ii-2023-doi.pdf]
10. Idzibagandova U.I. Sravnenie kontsepta «Schast'e» v russkom i darginskom yazykakh // Neofilologiya. 2022. № 8(1). S. 91-97. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-91-97
 11. Karaulov Yu.N. Obshchaya i russkaya ideografiya / Otv. red. S.G. Barkhudarov. M.: Knizhnyi dom «LIBRIKOM», 2010.
 12. Li Yu. Leksema «schast'e» v yazykovom soznanii russkikh i kitai'skikh studentov // Vestnik Permskogo universiteta. Rossii'skaya i zarubezhnaya filologiya. 2023. T. 15, vyp. 3. S. 44-53. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-44-53
 13. Nikogosyan A.A. Reprezentatsiya kontsepta «mama» (մայրիկ) v russkom i armyanskom yazykakh (na materiale perevodov romana V. Saroyana «Mama, ya lyublyu tebya») // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2022. № 5. S. 322-324.
 14. Nosenko N.V., Savina M.A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika leksem s semantikoi «lyubopytstvo/lyuboznatel'nost'» v russkom, angliiskom i ital'yanskom yazykakh // Litera. 2024. № 12. S. 215-223. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72469 EDN: PSXNLP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72469
 15. Oganessian G. Semanticheskoe pole gneva v povesti L. N. Tolstogo «Otets Sergii» // Vestnik Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. Russkaya filologiya. 2024. № 1(24). S. 29-38. <https://doi.org/10.46991/BYSU.H/2024.10.1.038>
 16. Safaraliev L. A., Perfil'eva N. V. Modelirovanie mnogomernogo lingvokul'turnogo kontsepta na materiale kontsepta STAROST' // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14. № 4. S. 1217-1234.
 17. Spalek O.N. Lingvokul'turnye obrazy Moskvy i Varshavy v paremiyakh russkogo i pol'skogo yazykov // Litera. 2024. № 6. S. 188-198. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71056 EDN: LQFFRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71056
 18. Sun' S., Chzhan Ch. Russkaya i kitaiskaya natsional'nye lichnosti: na materiale frazeologizmov, poslovits i pogovorok s kontseptom «sem'ya» // Litera. 2023. № 12. S. 315-327. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69220 EDN: LCRWHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69220
 19. Sun' S. Russkaya i kitaiskaya natsional'nye lichnosti: na materiale frazeologizmov i poslovits s kontseptom «religiya» // Litera. 2024. № 1. S. 192-201. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69478 EDN: CBXQZV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69478
 20. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / Per. i dop. O.N. Trubacheva. M. Astrel', 2004.
 21. Tsertsvadze M.G., Kukhalashvili M.N. Yazykovye sredstva reprezentatsii kontsepta «gostepriimstvo» v russkoi i gruzinskoi lingvokul'turakh // Russkii yazyk v Armenii: Vyzovy i perspektivy. 2023. № 4. S. 166-172.
 22. Shatiryan A. M. Blizost' i razlichiya v vyrazhenii negativnykh emotsii v russkoi i armyanskoi lingvokul'turakh // Problemy sovremennoi rusistiki. 2019. № 4(8). S. 99-107. URL: https://msu.am/wp-content/uploads/2020/01/Al'manakh-VIII_01_12_2019.pdf?ysclid=m6o1kzzv37922162539
 23. Shafikov S.G. Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoi semantiki ego edinit / Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 1999. URL:https://sagit.ucoz.com/Resource/Research/Teoriya_sem_polya.pdf

24. Trier, J. Sprachliche Felder [Tekst] / J.Trier // Zeitschrift für deutsche Bildung. – 1932. – S. 417. Trir, Ya. Lingvisticheskie polya [T] / Ya.Trir // Zhurnal nemetskogo obrazovaniya. – 1932. – s. 417.
25. Աղայան Է.Բ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=24&query=բախտ&l=hy_LB (data obrashcheniya: 02.02.2025).
26. Արևելահայերեն ազգային կորպուս URL: http://web-corpora.net/EANC_dialects/search/?interface_language=ru&ysclid=m6nyatnfjy200227456 (data obrashcheniya 02.02.2025).
27. Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=29&query=բախտ&l=hy_LB (data obrashcheniya 02.02.2025).
28. Ջահուկյան Գ. Հայերեն ստուգաբանական բառարան. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=51&dt=HY_HY&pageNumber=2 (data obrashcheniya 02.02.2025).
29. Սեկոյան Ա. Հ. Ռուս-հայերեն ուսումնական բառարան. URL:<http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=71> (data obrashcheniya: 02.02.2.2025).
30. Սուքիասյան Ա.Ս. Հայոց լեզվի հոմանիշների բացատրական բառարան. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=47&query=բախտ&l=hy_LB (data obrashcheniya: 02.02.2025).

Rhythmic organisation of A. P. Chekhov's prose

Gareeva Liliya Mahmutovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Philology, Moscow Financial and Industrial University 'Synergy'

Novogireevskaya str., 19/2, sq. 26, Moscow, 111397, Russia

✉ liliyagareeva@yandex.ru

Kravchuk Tatyana Vitalievna

Lecturer; Department of Philology, Moscow Financial and Industrial University 'Synergy'

141591, Russia, Moscow region, village Novaya, Lesnaya St., 39

✉ kravts012596@gmail.com

Touahar Angelina Olegovna

Lecturer; Department of Philology, Moscow Financial and Industrial University 'Synergy'

142718, Russia, Leninsky city district, Autonomous Okrug, Butovo, Butovo Park residential complex, 19, sq. 119

✉ a1999god@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the specificity of rhythm in A. P. Chekhov's prose works: "Death of an Official", "Lady with a Dog", "Dushechka" and the novella "Steppe" were used as material. In the course of the study we analyzed syntactic constructions. The analyzed texts have specific features of the rhythm of prose, characterized by semantic content, rhythmic and syntactic peculiarities of the characters' speech, structure and uniformity of syntactic units, and often contrasting meanings of phrase fragments. In the theoretical part of the work were applied general scientific methods - analysis and synthesis, induction and deduction, system

analysis, generalization; typological and descriptive methods. In the practical part of the study we applied the method of solid sampling from four selected works. The scientific novelty of the study lies in the identification of rhythmic structures characteristic of A. P. Chekhov's prose. P. Chekhov's prose rhythmic features, the close relationship between the rhythm of the narrative and the themes, episodes, speech characteristics of the characters. As a result: a) the speech of the author and characters, the development of the plot and the rhythmic organization of the text are inextricably linked in the artistic unity of the work; b) the most productive in the prose of A. P. Chekhov is the rhythm of the narrative; b) the most productive rhythmic means in Chekhov's prose is syntactic parallelism, based on the coincidence of the composition and order of sentence members in adjacent constructions or syntagmas; c) the rhythmic development of plot repetitions is often connected with the movement of the characters' speech; d) especially common in Chekhov's narrative are constructions with the conjunction "but", which create a contrast between the character's spiritual life and the external circumstances of his existence, his behavior.

Keywords: syntax, parallelism, rhythmic organisation, rhythm, composition, subtext, repetition, motif, detail, syntactic construction

References (transliterated)

1. Baranova O. I. Ritm kak lingvisticheskaya kategoriya. Vostochnoslavianskaya filologiya. Yazykoznanie. 2023. № 16 (42). S. 116-123.
2. Berkovskii N. Ya. Mir, sozdavaemyi literaturoi. M.: Sovetskii pisatel', 1989. 496 s.
3. Bitsilli P. M. Izbrannye trudy po filologii. M.: Nasledie, 1996. 710 s.
4. Boldyreva E. T. K voprosu o sposobakh yazykovoi reprezentatsii ritmicheskoi organizatsii struktury teksta // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 2. S. 5-10.
5. Gareeva L.M. Sredstva ekspressivnogo sintaksisa v povesti A. P. Chekhova «Chernyi monakh» // Litera. 2024. № 12. S. 224-232. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72787 EDN: PHZUOK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72787
6. Gareeva L. M., Tishina E. V., Cherkashina S. P. Ritmiko-sintaksicheskie osobennosti rasskaza A. P. Chekhova «Dushechka» // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2024. № 15. S. 133-137.
7. Gibaidullina F. A. Ritmicheskaya organizatsiya romana D. Danilova "Sasha, privet!" // Slovo v zerkale istorii yazyka. Naberezhnye Chelny, 2023. S. 63-71.
8. Girshman M. M. Ritm khudozhestvennoi prozy. M.: Sov. pisatel', 1982. 367 s.
9. Efremova E. M. Ritmicheskaya i zvukovaya organizatsiya kak printsip strukturnoi tselostnosti stikhotvoreniya I. Gogoleva "Polyana poezii". Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. № 7. S. 2233-2237.
10. Zhirmunskii V. M. Teoriya stikha. Sovetskii pisatel'. Leningr. otd-e, 1985. 664 s.
11. Kishalova L. V. Eksperimental'noe issledovanie ritmicheskoi struktury teksta // Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi filologii. Materialy I Mezhdunarodnoi elektronnoi nauchnoi konferentsii BashGU. 2015. S. 92-95.
12. Kalashnikova A. R. Sredstva pervichnoi ritmizatsii publitsisticheskikh tekstov (na materiale gazetnoi publitsistiki) // Lingva mobilis. 2013. № 5, 125-141.
13. Peshkovskii A. M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 544 s.
14. Ritm prozy ot Karamzina do Chekhova. Monografiya pod red. G. N. Ivanovoi-

- Luk'yanovoi. M.: FGBOU VO MGLU, 2017. 336 s.
15. Fortunatov N. M. Muzykal'nost' chekhovskoi prozy // Filologicheskie nauki. 1971. № 3. S. 14-26.
 16. Cherkashina S. P. Zhenskie obrazy skazki "Kak Penelopa" L. Petrushevskoi v svete psikhoanaliticheskoi kontseptsii chelovecheskoi lichnosti K.G. Yunga: khudozhestvenno-antropologicheskii aspekt // Uchitel' v sisteme sovremennogo antropologicheskogo znaniya. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Stavropol', "Byuro novostei", 2016. S. 501-508.
 17. Chekhov A. P. Dama s sobachkoi. <https://ilibrary.ru/text/976/p.2/index.html>.
 18. Chekhov A. P. Dushechka. <https://ilibrary.ru/text/995/p.1/index.html>.
 19. Chekhov A. P. Smert' chinovnika. <https://ilibrary.ru/text/987/p.1/I/index.html>.
 20. Chekhov A. P. Step'. <https://ilibrary.ru/text/1337/p.1/index.html>.
 21. Chudakov A. P. Poetika Chekhova. M.: Nauka, 1971. 288 s.

The principles of werewolfism and zoomorphization of reality in the novel by A. A. Starobinets «Fox Fords»

Dubakov Leonid

PhD in Philology

Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Zhang Yihan

Graduate student, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ 1409280516@qq.com

Abstract. The article analyses the image of the Chinese fox-werewolf, huli-jing, and other werewolves in the context of the Russian-Chinese cultural space created in Anna Starobinets' novel "Fox Fords". It also compares the images of the heroes of this work with other variants of the images of Chinese werewolves in Russian literature in terms of the depth and nature of their Russification. In addition, the study notes that the artistic reality of Anna Starobinets' novel is based on the principles of werewolfism and zoomorphisation. These principles are projected onto various components of the text primarily through animal comparisons and metaphors. They refer to people, natural objects, objects and abstract phenomena. Animalistic and plant motifs are manifested in the portraits and names of characters, in toponymic nomination, in landscapes, and in the language of the work. The principles of werewolfism and zoomorphisation influence the artistic time and space in "Fox Fords", which in turn, along with other elements of the text, make it possible to reveal the multilayered nature of the characters and their moral essence. The relevance of the article is determined by the high interest of domestic literary studies in the research involving images created under the influence of different cultures. In addition, modern literary studies show an increased interest in borderline phenomena in the field of literary genres ("Fox Fords" is a novel belonging to "big" literature and at the same time to fiction). The novelty of the article is due to its understanding of werewolfism and zoomorphisation not only in the mystical and physical, biological sense, but also as metaphysical and philosophical phenomena capable of

characterising various aspects of reality and revealing their true nature.

Keywords: Russification, zoomorphization, werewolfism, bestiality, Chinese tradition, Huli-jing, werewolf fox, Anna Starobinets, mysticism, mythology

References (transliterated)

1. Aleksandrova E. A. Izuchenie traditsionnoi etnicheskoi kul'tury cherez semioticheskii analiz skazochnykh personazhei (obraz lisy v russkoi i kitaiskoi traditsiyakh) // Analitika kul'turologii. 2011. № 19. S. 230-234.
2. Alekseev V. M. Predislovie perevodchika // Pu Sunlin. Rasskazy Lyao Chzhaya o neobychainom. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 559 s.
3. Alimov I. A. Kitaiskii kul't lisy // Alimov I. A. Besy, lisy, dukhi v tekstakh sunskogo Kitaya. SPb.: Izd-vo «Nauka», 2008. 282 s.
4. Vasil'ev L. S. Kul'ty, religii, traditsii v Kitae. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. 488 s.
5. Go Vei. Lisy-oborotni v kitaiskoi literature i iskusstve i v tvorchestve V. Pelevina // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 3 (82). S. 341-343.
6. Dubakov, L. V., Go Ven'tszin. Kul'turnyi obraz lisy-oborotnya v poezii Eleny Shvarts / L. V. Dubakov, V. Go // Mir russkogovoryashchikh stran. 2022. № 3(13). S. 81-94.
7. Dubakov L. V., Go Ven'tszin. Modernizatsiya obraza khuli-tszin i transformatsionnyi kharakter real'nosti v romane V. O. Pelevina «Svyashchennaya kniga oborotnya» // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. № 8. S. 1-11.
8. Evtushenko N. Yu. "Mifologichnost'" khudozhestvennoi kartiny mira: Obraz oborotnya-lisy v rasskaze Yu. Mamleeva "Uchitel'" / N. Yu. Evtushenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2008. № 1-1(1). S. 88-90.
9. Pogorelko D. A. Motivy kitaiskoi mifologii v romane Anny Starobinets «Lis'i Brody» / D. A. Pogorelko // Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya : Materialy XLVII nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 250-letiyu so dnya osnovaniya Miassa, Miass, 21 aprelya 2023 goda / Pod redaktsiei I. I. Valova. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 2023. S. 321-326.
10. Popova O. A., Grigorova E. A. Organizatsiya vremeni i prostranstva v romane Anny Starobinets «Lis'i Brody» / O. A. Popova, E. A. Grigorova // Russkii lingvisticheskii byulleten'. 2023. № 5(41). S. 1-4.
11. Starobinets A. A. Lis'i Brody. M.: RIPOL klassik, 2022. 720 s.
12. Khan' D., Tugulova O. D., Bardakhanova Z. D. K voprosu o retseptsii kitaiskikh "rasskazov o strannom" v rossiiskoi literature / D. Khan', O. D. Tugulova, Z. D. Bardakhanova // Gumanitarnyi vektor. 2023. T. 18, № 3. S. 48-56.

The theme of death in prose by Margaret Atwood

Naydenova Roksana Romanovna

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Literature Institute

30/2 Baikalskaya str., Moscow, 107207, Russia

✉ rokso-moon@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the death in prose by the famous modern Canadian writer Margaret Atwood (b. 1939). The object of the research are the novels and short stories

of the author (novels "The Blind Assassin", "Cat's Eye", "Lady Oracle" etc.). The author of the article pays special attention to the biographical narratives of the Canadian writer, in which the main character is also the narrator. Stories of storytellers by M. Atwood, as a rule, always unfolds retrospectively – from the present to the past. During their journey, the narrating characters mentally return to the past and conduct "negotiations with the dead." Based on the researches of M. Atwood's legacy, as well as on the literary works of the Canadian writer herself, the author of the article describes the place of the theme of death in her retrospective narratives. The author of the article comes to the following conclusions. 1) The theme of death is one of the key themes in her work. Atwood, since the retrospective narrative of the biography itself involves an appeal to the past, to the world of the dead. Remembering, the main character, the narrator, mentally makes a journey into the world of the past, which M. Atwood rhymes with the afterlife. 2) The creative process, the creation of a story in the writer's artistic world, takes place during "negotiations with the dead", when the hero-narrator mentally addresses people from his past. 3) Death in the works of M. Atwood often appears in the form of a relic, an archaeological find, a lost and rediscovered thing. The difficult process of exhumation and extraction from the ground is consonant with the equally difficult process of dissecting the narrator's own complexes and resentments.

Keywords: hero-storyteller, monomyth, unreliable storyteller, negotiating with the dead, narrative strategy, narrative, otherworld, death, Canadian literature, Margaret Atwood

References (transliterated)

1. Goldblatt P. F. Reconstructing Margaret Atwood's Protagonists. *World Literature Today*, vol. 73, no. 2, 1999, pp. 275–82.
2. Naidenova R. R. Narrativnaya strategiya zhizneopisaniya v tvorchestve Margaret Etvud / R. R. Naidenova // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. – 2024. – № 3. – S. 114-121. – DOI 10.7256/2454-0749.2024.3.70174.
3. Tsydendambaeva O. S. Kontsept Smert' v evfemisticheskoi kartine mira na materiale angliiskogo, nemetskogo, russkogo, buryatskogo yazykov / O. S. Tsydendambaeva, O. A. Dorzheeva // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. – 2020. – № 2. – S. 67-77. – DOI 10.7256/2454-0749.2020.2.32364.
4. Sereda E. Predstavlenie kontsepta "Death" v angliiskoi frazeologicheskoi kartine mira : dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.04 / Sereda Elena; [Mesto zashchity: S. – Peterb. gos. un-t]. – Sankt-Peterburg, 2016. – 184 s.
5. Gioeva A. R. Semanticheskii diapazon angliiskikh frazeologicheskikh edinit, reprezentiruyushchikh kontsept «Smert'» / A. R. Gioeva // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2017. – №5-1 (71). – S. 72-75.
6. Raevskaya K. E. Kontsept "smert'" v russkoi, angliiskoi i ispanskoi frazeologii (na primere paremiologicheskikh edinit) / K. E. Raevskaya, E. Sereda // *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki*. – 2020. – № 2(70). – S. 39-44.
7. Matyushina N. V. Osnovnye polozheniya otechestvennykh shkol kontseptologii v aktual'nykh issledovaniyakh / N. V. Matyushina // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. – 2023. – №3. – S. 86-95.
8. Pimenova M. V. Tipy kontseptov i etapy kontseptual'nogo issledovaniya / M. V. Pimenova // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2013. – № 2-2(54). – S. 127-131.
9. Zaznaev O. I. Kanadskaya natsional'naya identichnost': problemy formirovaniya / O. I.

- Zaznaev // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2012. – T. 154, № 1. – S. 226-233.
10. Naidenova R. R. Poisk Kanadskoi identichnosti v tvorchestve Margaret Etvud / R. R. Naidenova // Nauchnye trudy molodykh uchenykh-filologov : Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh-filologov, Moskva, 13-16 oktyabrya 2021 goda. Tom XXI. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu Agentstvo "Litera", 2022. – S. 84-89.
 11. Atwood M. Negotiating with the Dead : A Writer on Writing. 2003.
 12. Naidenova R. R. Mifologicheskie geroi, istoricheskie lichnosti i personazhi mirovoi literatury v tvorchestve Margaret Etvud / R. R. Naidenova // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2024. – № 3. – S. 89-95. – DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70207.
 13. Komarovskaya T. E. Aksiologicheskie i khudozhestvennye aspekty romana M. Etvud «Slepoi ubiitsa» / T. E. Komarovskaya // Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoi literatury : Sbornik nauchnykh statei / Pod nauchnoi redaktsiei V.Yu. Borovko, E.V. Kriklivets. – Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P.M. Masherova, 2020. – S. 103-106.
 14. Lukanina M. V. Narrativnoe manipulirovanie / M. V. Lukanina, L. K. Salieva // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. – 2014. – № 46. – S. 210-225.
 15. Naidenova R. R. Rol' psevdointrigi pri postroenii narrativa u Margaret Etvud / R. R. Naidenova // Voropanovskie chteniya : materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 13 noyabrya 2021 goda / Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva. – Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 2021. – S. 77-79.
 16. Kopeikina N. V. Nekotorye aspekty universal'nykh kontseptov «Zhizn'» i «Smert'» v romane Margaret Etvud «Slepoi ubiitsa» / N. V. Kopeikina // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. – 2014. – № 4. – S. 80-86.
 17. Drichel S. Regarding the Other: Postcolonial Violations and Ethical Resistance in Margaret Atwood's «Bodily Harm». Modern Fiction Studies, vol. 54, no. 1, The Johns Hopkins University Press, 2008, pp. 20–49.
 18. Atwood M. After «Survival».... Excerpts from a speech delivered at Princeton University, April 29, 1985. CEA Critic, vol. 50, no. 1, 1987, pp. 35–40.
 19. Kuchmarenko L. S. Khronotop bolotnogo tela i dvugolosoe slovo v rasskaze M. Etvud «Bolotnyi chelovek» / L. S. Kuchmarenko // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2021. – № 4. – S. 20-28. – DOI: 10.46726/H.2021.4.2.
 20. Zharkova E. P. Antiutopii M. Etvud «Rasskaz Sluzhanki» i «Trilogiya Bezzumnogo Addama» v kontekste traditsii i noveishikh tendentsii v razvitii zhanra: dissertatsiya. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03 / Zharkova Evgeniya Petrovna; [Mesto zashchity: Voronezh. gos. un-t]. – Voronezh, 2017. – 164 s.
 21. Babkina M. I. Romannoe tvorchestvo Oldosa Khaksl'i: intertekstual'nyi aspekt: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 5.9.2 / Babkina Mariya Igorevna; [Mesto zashchity: FGBOU VO «Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet»]. – Ekaterinburg, 2024. – 220 s.
 22. Faizullina R. A. Transgumanizm v angliiskoi literature XXI veka: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.03 / Faizullina Rushana Al'fredovna; [Mesto zashchity: FGAOU VO «Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet»]. – Kazan', 2022. – 197 s.

Spanish memorial speeches in the aspect of pragmalinguistics

Saprykina Olga Aleksandrovna

Doctor of Philology

Professor at the Department of Iberian Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51

✉ olgasaprykina@mail.ru

Khripunova Arina Gennadevna

Postgraduate student; Department of Foreign Languages; Lomonosov Moscow State University

108802, Russia, Moscow, Kommunarka district, Novomoskovsky district, Maloe Ponomarevo str., house 3, sq.319

✉ khripunova.ag@gmail.com

Abstract. The article examines the Spanish memorial discourse, the part of it that is associated with the genre of oral solemn speech delivered on the occasion of the date of birth or death of an outstanding historical figure. The object of the work is the speeches delivered by the Spanish King Philip VI on the occasion of the 400th anniversary of the death of Cervantes and at the so-called memorial act dedicated to the 500th anniversary of the death of Antonio de Nebrija, the great Spanish scientist and humanitarian. The subject of the study is the discursive characteristics of memorial speeches, the distinctive feature of which are different types of argumentation (proof, persuasion, impact), and the types of speeches – epideictic, advisory, and judgmental. Along with logical, informative arguments, an important role is played by the pragmalinguistic characteristics of texts – expressive, emotional and evaluative shades of the meanings conveyed in them, depending on the intentions of the meanings. The research methodology is interdisciplinary in nature, taking into account the general scientific principles of synthesis and analysis, and also includes methods of discursive and cognitive analysis, which involve combining linguistic methods of studying the subject with extralinguistic ones. The introduction of memory as a cognitive-linguistic phenomenon is an innovative part of the work. The pragmalinguistic approach to memorial speeches is based on two directions in pragmalinguistics: functional, which takes into account the goals and objectives of public speaking (pathos), and hidden, implicit pragmalinguistics, which refers to the speech behavior of the author of the speech expressing his attitude to the objects of public speaking (ethos). The memorial speeches of the Spanish monarch Philip VI combine the functions of a logos message and take into account the rhetorical components of persuasion and influence – pathos and ethos. In memorial discourse, in addition to memorial oral speeches, the genres of wills, obituaries, and small-format texts are also possible – designations of memorial cultural or administrative institutions. The pragmatic intention of the author of the speech may be open or implicit.

Keywords: proof, persuasion, impact, argumentation, hidden pragmalinguistics, functional pragmalinguistics, oral public speech, memorial speeches, memorial discourse, speech behavior

References (transliterated)

1. Aristotel'. Ritorika. – M.: Labirint, 2005. – S. 15-17.
2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 368 s.

3. Arutyunova N. D. Diskurs. // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
4. Van Deik T. A. Yazyk, poznanie, kommunikatsiya. M., 1989. – 274 s.
5. Arutyunova N. D., Paducheva E. V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki. (Vstupit. stat'ya) // *NZL. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika*. – M.: Progress, 1985. – S. 3-42.
6. Skrebtsova T. G. Lingvistika diskursa. Struktura, semantika, pragmatika. Kurs lektsii. – M.: Izdatel'skii dom YaSK, 2020. – 312 s.
7. Klyuev E. V. Ritorika (Inventsiiya. Dispozitsiya. Elokutsiya). Posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. – M.: «Izdatel'stvo PRIOR», 2001. – 272 s.
8. Zhuravleva E. V. Stilistika ispanskogo yazyka. – M.: MPGU, 2019. – 148 s.
9. Mikhal'skaya A. K. Osnovy ritoriki. – M.: Drofa, 2001. – 496 s.
10. Volkov A. A. Osnovy ritoriki. M.: Akademicheskii prospekt, 2003. – 304 s.
11. Danilina V. V. Politicheskaya ritorika kak nauchnoe napravlenie // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2005. № 2. S. 88-104.
12. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis, 2004. – 440 c.
13. Kotlova A. S. Persuazivnyi effekt tropov v politicheskom diskurse // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. – 2020. – №. 12. – S. 162-166.
14. Men'shenina S. V. Klassifikatsiya rechei, zhanry epideikticheskoi rechi // *Vestnik YuUrGU*, 2005, № 7 (47). S. 181-185.
15. Kharlamova T. V. Dinamika ritualizirovannykh zhanrov v politicheskom diskurse // *Zhanry rechi*, 2018, № 4 (20). S. 248-253.
16. Mata Ignacio Fernández de. In memoriam // *Historia, antropología y fuentes orales*, № 42, 2009. S. 93-127.
17. González Juan Jesús. Rodríguez Raquel. Castromil Antón R. A Case of Polarized Pluralism in a Mediterranean country. The Media and Politics in Spain // *GMJ: Mediterranean Edition* 5(1/2) Spring/Fall 2010. S. 1-9.

Categories of number and gender and their textual functions in Persian and Russian

Yarzada Bibi Saliha

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mikukho-Maklaya str., 15, Moscow, 117198, Russia

✉ salihayarzada07@gmail.com

Abstract. This article examines the features of grammatical gender and number in Persian and Russian, with an emphasis on their semantic and syntactic characteristics. Special attention is paid to the state of gender research in the Persian language, which is still poorly understood, especially given the presence of many dialects with their unique characteristics. The author analyzes the differences in the manifestation of grammatical gender and number in various variants of the Persian dialect, which allowed to identify the reasons for the disappearance of these categories in some of them. The study also aims to identify geographical areas where grammatical gender is preserved or lost, which highlights the need for comparative analysis between languages. Thus, the work provides a broad view of the interaction of lexical categories and their influence on each other, creating the basis for

further study of the features of generic and numerical features. This article is based on a comparative analysis, when the assessment of Persian units is implemented in comparison with Russian categorical indicators both in the field of functions and in the field of unit typology. The study of the category of gender and number in Russian and Persian is manifested in a comparative aspect, which allowed to identify both similarities and fundamental differences. In particular, in Russian the gender category has a clear lexico-grammatical and semantic component, whereas in Persian the grammatical gender is ignored, and the categories are expressed mainly semantically. The analysis showed that, despite significant differences in the syntactic functionality of both languages, the main functions of the gender and number categories clarify and expand the meaning of linguistic units. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of language systems, taking into account their typological features and geographical areas of use. For the first time, dialectal differences in the manifestation of grammatical gender in the Persian language and the influence of geographical factors on its presence or absence are investigated. In addition, the work allowed to draw lexico-semantic parallels between languages and to better understand the differences in their structure. The obtained conclusions contribute to the further study of the evolution of grammatical categories in languages of different typological affiliation.

Keywords: Farsi, gender, numbers, The Persian language, Russian, categories, comparison, number category, gender category, language

References (transliterated)

1. Biook B., Robabeh M. Z. A contrastive Critical Analysis of Iranian and British Newspaper Reports on the Iran Nuclear Power Program. – Systemic Functional Linguistics in Use, OWPLC 29. – 2008. – R. 42-52.
2. Talmy, L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms./ L. Talmy // Shopen (ed.) 2023. – 411 p.
3. Boldyrev, A.V. Persidskaya khrestomatiya. Ch. 1. / A. V. Boldyrev – Moskva: V universitetskoi tipografii, 2022. – 400 s.
4. Kim, G.F., Shastiko P.M. Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny KhIX veka. / G. F. Kim, P. M. Shastiko – Moskva: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990. – 435 s.
5. Peisikov, L. S. Ocherki po slovoobrazovaniyu persidskogo yazyka / L.S. Peisikov. – Moskva: Librokom, Editorial URSS, 2016. – 200 c.
6. Rastorgueva, V. S. Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov = Etymological dictionary of the Iranian languages – Moskva.: Vostochnaya lit., 2000 – T. 2: B – D. – 2003. – 501 s.
7. Rubinchik, Yu.A. Sovremennyi persidskii yazyk / Yu. A. Rubinchik. – 2024. – 142 s.
8. Shcheglova, O. P. Litografskoe knigoizdanie na persidskom yazyke v Turkestane i Bukhare / O.P. Shcheglova. – Moskva: Nestor-Istoriya, 2016. – 246 c.
9. Edel'man, Dzh.I. Iranskie i slavyanskije yazyki: istoricheskie otnosheniya. – Izd. 2-e, dop. – Moskva: URSS: Lenand., 2018 (cop. 2017). – 229 s.

Food product naming: semiotic aspect

Wang Tianyou

PhD in Philology

Postgraduate student; Faculty of Philology; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

148 Leninsky Ave., Moscow, 119571, Russia

✉ 291028743@qq.COM

Wan Shihao

PhD in Philology

Postgraduate student; Faculty of Philology; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

148 Leninsky str., office 205, Moscow, 119571, Russia

✉ wsh1533951634@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of semiotic aspects of food product naming and their influence on consumers' perception and choice. In a modern market saturated with a variety of offers, the product name fulfill not only the function of identification, but also creates an emotional context that awakens feelings, evokes associations. The author analyses how names can activate emotional responses, shape product identity, create new cultural narratives. The role of semiotics in this process is demonstrated by the fact that each name becomes a sign that carries not only information about the product, but also a multitude of cultural meanings. The article also looks at examples of successful naming, emphasizing how the use of metaphorical, associative elements can increase the attractiveness, competitiveness of products in the market. The authors used the following research methods: - descriptive analysis of words and expressions of food-related names in terms of their semantic properties, morphological structure and semiotic usage. - descriptive method, collection, primary analysis and presentation of vocabulary on the topic of research and their characteristics. Scientific novelty of the study: 1. The role of naming as a tool that forms not only the identity of the product, but also creates new cultural narratives, which has been studied fragmentarily so far, is emphasized. 2. A detailed analysis of the use of metaphorical and associative elements in naming is presented, which demonstrates their influence on consumers' perceptions and choices, thus expanding the existing understanding of the semiotics of food products. 3. For the first time, cross-cultural differences in the perception of product names are emphasised, illustrating how cultural codes transform attitudes towards the same products. 4 The study integrates approaches from classical semiotics, cultural studies and marketing to provide a new perspective on the interaction between sign systems, consumer behaviour.

Keywords: marketing, cultural narratives, perception, linguoculture, emotional reactions, product identity, semiotics, cultural values, naming, metaphors

References (transliterated)

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Editorial URSS, 2004. 576 s.
2. Barykin A.N. S chego nachinaetsya neiming?: osnovy upravleniya proektom po razrabotke nazvaniya kompanii / produkta / usluga / Barykin A. N., Ikryannikov V. O., Sirotina Yu. S. – Moskva : Izd. dom "Grebennikov", 2011. – 172 s.
3. Gak V.G. K tipologii lingvisticheskikh nominatsii // Yazykovaya nominatsiya. Obshchie voprosy. – M.: Nauka, 1977. – 230-294 c.
4. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. M., 1957.
5. Elistratov V.S. Neiming: iskusstvo nazyvat' / V.S. Elistratov, P.A. Pimenov. – M.: Izdatel'stvo «Omega-L», 2014. – 293 s.

6. Kazakova K. A. Analiz semioticheskikh modelei reklamy kak sposoba povysheniya effektivnosti kommunikativnogo vzaimodeistviya mezhdu brendom i pokupatelem //Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2012. № 3 (5).
7. Klet M. P. Marketingovoe upravlenie klientskim opytom v brendinge restoranov bystrogo pitaniya //Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika. 2024. № 2 (340). S. 49-55.
8. Maksimenko, O. I. Novye realii neiminga (na primere nazvanii kompanii po dostavke produktov) / O. I. Maksimenko // Diskursivnye praktiki v sovremennom mire: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 27 noyabrya 2020 goda. Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2021. S. 117-122.
9. Maksimenko O.I. Global'nyi neiming kak lingvisticheskaya problema // Yazyk v global'nom kontekste: sovremennaya yazykovaya situatsiya kak sledstvie protsessa globalizatsii. 2018. № 2018. S. 188-199.
10. Novichikhina M.E. Kommercheskaya nominatsiya: monografiya. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2003 (ZAO TEFA). – 192 s.
11. Panov E. N. Evolyutsiya sotsial'noi organizatsii // Etologiya cheloveka na poroge XXI veka / Pod red. ML Butovskoi. M. 1999. S. 322-372.
12. Putintseva, T. E. Razvitie teoreticheskogo sodержaniya ponyatiya "brend" / T. E. Putintseva // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2022. № 1(150). S. 46-52.
13. Slesareva T.P. Semiotika i filosofiya yazyka. Tom Chast' 1. – Vitebsk : Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P.M. Masherova, 2021. – 95 s. – ISBN 978-985-517-803-4. – EDN EBPXAL.
14. M. Danesi The Semiotics of Fast and Junk Food [Tekst] / M. Danesi // Signata. – 2024. – № 15. – S. 1-37.
15. De Saussure F. et al. Nature of the linguistic sign //Course in general linguistics. – 1916. – T. 1. – S. 65-70.
16. Korzybski A. General semantics, psychiatry, psychotherapy and prevention //American Journal of Psychiatry. – 1941. – T. 98. – № 2. – S. 203-214.
17. Lévi-Strauss C. Jean-Jacques Rousseau, fondateur des sciences de l'homme //Anthropologie structurale deux. – 1973. – S. 45-56.

On the dictionary representation of phraseological units in Russian and Chinese lexicography

Aleksandrikova Lina

Postgraduate student; Graduate School of Translation (Faculty); Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ alexandrikova.lina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the comparison of the history of the representation of phraseological units in Russian and Chinese linguistic dictionaries. The subject of research is Russian dictionaries of phraseological units and Chinese dictionaries of Chengyu. The purpose of the study is to identify similarities and differences in the representation of phraseological units / chengyu (literally "ready expression") in Russian and Chinese lexicography. The main lexicographic works of each of these stages in Russia and China are considered, including the Dictionary of the Russian Academy of Sciences (1783-1794) and the dictionary of

"Phraseological Units of six departments" (1742), as well as the works of Chinese and Russian researchers in the field of lexicography and phraseology. As a result of the research, the following conclusions were drawn: 1) chengyu began to be recorded in dictionaries earlier than phraseological units in Russian dictionaries; 2) aspect phraseological dictionaries appeared in China earlier than in Russia; 3) if in Russia the development of phraseography is associated with the development of linguistic science, then in China the development of phraseography is rather due to a long cultural tradition. The novelty of the research consists, firstly, in the fact that in China the first aspect phraseological dictionaries appeared long before similar dictionaries in Russia, and, secondly, in the fact that the development of phraseography in Russia is associated with progress in linguistic science, whereas in China with cultural tradition. Russian and Chinese lexicography textbooks can be used in lectures for Russian students of Chinese and native Chinese speakers who are learning Russian.

Keywords: phraseology, chinese, Russian, phraseologism, Chengyu, dictionaries, phraseography, Chinese dictionaries, Russian dictionaries, lexicography

References (transliterated)

1. Teliya V. N. Tipy yazykovykh znachenii: svyazannoe znachenie slova v yazyke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1981.
2. Voitsekhovich I. V. Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitaiskogo yazyka. Uchebnik. M.: AST: Vostok–Zapad, 2007.
3. Tseitlin R. M. Kratkii ocherk istorii russkoi leksikografii. M.: Izd-vo Uchpedgiz, 1958.
4. Feliksov S. V. «Tserkovnyi slovar'» protoiereya P. A. Alekseeva kak leksikograficheskii uchebnik dukhovno-nravstvennoi kul'tury epokhi Russkogo Prosveshcheniya // Vestnik PSTGU. IV: Pedagogika. Psikhologiya. 2011. № 2 (21). S. 76-85.
5. Birzhakova E. E. Opisanie frazeologicheskogo sostava russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka v «Slovarе Akademii Rossiiskoi» 1789–1794 gg. // Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka. M.; L.: Nauka, 1965. S. 251-271.
6. Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 t. SPb.: Pri Imp. Akad. Nauk, 1789–1794; T. I. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://imwerden.de/pdf/slovar_akademii_rossijskoj_tom1_1789.pdf (data obrashcheniya: 15.11.2024)
7. Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 t. SPb.: Pri Imp. Akad. Nauk, 1789–1794; T. II. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://imwerden.de/pdf/slovar_akademii_rossijskoj_tom2_1790.pdf (data obrashcheniya: 15.11.2024)
8. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk: v 4 t. SPb.: Tip. Imperat. Akad. Nauk, 1847; T. I. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://imwerden.de/pdf/slovar_cerkovno-slavyanskogo_jazyka_tom_1.pdf (data obrashcheniya: 14.12.2024)
9. Babkin A. M. Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1970.
10. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dal'a: v 4 t. SPb. – M.: Izd-vo Tip. M.O. Vol'fa, 1880–1882; T. IV.
11. Sreznevskii I. I. Zamechaniya ob obrazovanii slov iz vyrazhenii. SPb.: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1873.
12. Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovara drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3 t. SPb: Izd-vo Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoi akad.

nauk, 1890–1912; T. I. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa:

https://imwerden.de/pdf/sreznevsky_slovar_drevnerusskogo_jazyka_tom1_a-k.pdf
(data obrashcheniya: 23.12.2024)

13. Generalova E. V. K nachalam istoricheskoi frazeografii: ustoichivye sverkhslonnye komplekсы v «Materialakh dlya slovary drevnerusskogo yazyka» I. I. Sreznevskogo. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2023. 20 (4). S. 662-683.
14. Mikhel'son M. I. Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii. Posmertnoe izdanie. SPb.: Tip. AO «Brokgauz-Efron», 1912.
15. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996.
16. Molotkov A. I. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1968.
17. Dubichinskii V. V. Leksikografiya russkogo yazyka: ucheb. posobie. M.: Nauka: Flinta, 2008.
18. Yarantsev R. I. Slovar'-spravochnik po russkoi frazeologii: Ok. 800 frazeologizmov. M.: «Russkii yazyk», 1985.
19. Teliya V. N. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii. M.: AST-Press 2006.
20. Lu Chzhotsyun. Issledovanie chen'yuev i sostavlenie slovary chen'yuev // Zhurnal Universiteta Khubeya, 1991. S. 141-152. (卢卓群. 成语研究和成语词典的编纂. 湖北大学学报, 1991.)
21. Su Muyuan'. O starykh i novykh kitaiskikh slovaryakh frazeologizmov chen'yuev // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2020. S. 68-76.
22. Riftin B. I. Kitaiskie poslovitsy kak material dlya izucheniya narodnogo mirovozzreniya // Sovetskaya etnografiya. № 4. M., 1960. S. 105-120.
23. Li Penyan. Slovar' frazeologizmov shesti vedomstv dinastii Tsin. Tyan'tszin: Tyan'tszinskoe narodnoe izdatel'stv, 1990. (李鹏年. 清代六部成语词典. 天津:天津人民出版社, 1990.)
24. Kosteva V. M., Syfan' Ch. Osnovnye kharakteristiki kitaiskoi i russkoi frazeografii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. №7 (862). S. 49-55.

The Colonial Kaqchikel verb ux and its role in non-verbal predication

Sychev Roman Vladimirovich

Postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1st building of the Humanities faculties, room 953

✉ r-sychev@inbox.ru

Abstract. The object of the study is the peculiarities of the Colonial Kaqchikel language (Mayan family), focusing on non-verbal clauses. Special attention is given to the verb "ux," its morphosyntactic and semantic characteristics, as well as its role in non-verbal predication. In modern Kaqchikel, this verb is absent (although it is preserved in related languages, where it functions lexically rather than as an auxiliary verb). The verb "ux" is not reconstructed in Proto-Mayan. The research material consists of a corpus of texts in the Kaqchikel language

from the Colonial period, grammatical descriptions, and dictionaries from the XVI to the XIX century. The corpus analysis is primarily based on the text "Annals of the Kaqchikels" (a XVI century manuscript published by Daniel Brinton in 1885). The main method employed is morphosyntactic analysis. A connection between the semantic type of the non-verbal predicate and the structural configuration of the clause is identified. The features of copular and non-copular constructions in the Kaqchikel language of the Colonial period are described. The auxiliary function of the verb "ux" is demonstrated, which involves establishing a predicative link as well as expressing tense, aspect, and modality of non-verbal predicates. An attempt at etymological analysis of the verb "ux" is made, noting its cognates in closely related languages. The analysis shows that "ux" can modify all semantic types of non-verbal predicates and replace the existential copular element "k'o". However, the verb "ux" is never placed in the canonical (left) position of the predicate. Functional differences in aspectual forms of the verb "ux" are presented. Reduction in strategies for expressing tense, aspect, and modality of non-verbal predicates throughout the history of the Kaqchikel language is identified.

Keywords: Colonial Kaqchikel, Mayan languages, Kaqchikel, non-verbal predication semantics, non-copular predication, copular predication, copula, non-verbal predicates, history of Kaqchikel language, TAM

References (transliterated)

1. Hengeveld K. *Non-Verbal Predication: Theory, Typology, Diachrony*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1992.
2. Bertinetto P., Ciucci L., Farina M. Two types of morphologically expressed non-verbal predication // *13th Conference of the Association for Linguistic Typology*. Pavia (Italy), 4-6 September 2019.
3. Haspelmath M. *Nonverbal clause constructions*. Draft. April 2022.
4. Pustet R. *Copulas: Universals in the Categorization of the Lexicon*. Studies in Language. 31. Oxford: Oxford University Press, 2003.
5. Maxwell J., Little W. *Kaqchikel Tijonik Oxlaju Aj = Curso de idioma y cultura maya kaqchikel*. Guatemala: Editorial Junajpu, 2006.
6. Kaufman T., Justeson J. *A preliminary Mayan etymological dictionary*. Unpublished manuscript, 2003.
7. Kaufman T. *Mayan comparative studies*. Unpublished manuscript, 2003.
8. Brinton D. *The Annals of Cakchiquels*. Philadelphia: Library of Aboriginal American Literature. No. VI, 1885.
9. Maxwell J., Hill R. Títulos de B'oko': Escrituras de tierras maya kaqchikeles del siglo XVII // *Mesoamérica* 52, 2010, pp. 111-141.
10. Vico Domingo de. *Theologia indorum*. Bibliothèque nationale de France. Manuscript Américain 42. Unpublished manuscript, 1553. Gift of Mariano Gálvez, Governor of Guatemala, from the Academia de Ciencias de Guatemala to the APS in 1836.
11. Betanzos P., Parra F. *Arte, Vocabulario y Doctrina Christiana en Lengua de Guatemala*. Mexico, 1556.
12. Solano F. *Vocabulario en lengua castellana y guatemalteca que se llama Cak chi quel chi*. Guatemala, 1680.
13. Ximénez F. *Arte de las tres lenguas Q'aq'chiquel, quiche y Tz'utuhil*. Guatemala, 1701.
14. Flores I. *Arte de la lengua metropolitana del Reyno Cakchikel o Guatemalico, con un*

paralelo de las lenguas de los Reynos Kiche, Cakchikel y Q'utuhil, que hoy integran el Reyno de Guatemala. Guatemala, 1753.

15. Torresano E. *Arte de la lengua Cakchiquel.* Guatemala. 1794.
16. Brasseur de Bourbourg E-C. *Grammaire de la langue quiché. Rabinal Achi. Vocabulario de las principales raíces o fuentes de que salen los tres dialectos guatemalanos, quiché, cakchiquel y tzutuhil, con una traducción española y francesa y comparación etimológica de unos vocablos con las lenguas germánicas.* Paris, 1862.
17. Brinton D. A Grammar of the Cakchiquel Language of Guatemala // *Proceedings of the American Philosophical Society*, Apr., 1884, Vol. 21, No. 115, pp. 345-412.
18. Schoembs J. *Material zur Sprache von Comalapa in Guatemala.* Dortmund: Druck und Verlag, 1905.
19. Diaz Barrios E., Herbruger J. *Método para aprender a hablar, leer y escribir la lengua cakchiquel.* Guatemala: C.A, 1956.
20. Hernández E. Vocabularios hispano-mayas del siglo XVI // *Selected Papers of Vth International Conference on Missionary Linguistics*, Mérida-Yucatán, 8-11 de marzo 2007, eds. Otto Zwartjes y Ramón Arzápalo. Amsterdam, John Benjamins: pp. 129-149.
21. Stoll O. Supplementary Remarks to the Grammar of the Cakchiquel Language of Guatemala // *Proceedings of the American Philosophical Society*, Oct., 1885, Vol. 22, No. 120, Part IV, pp. 255-268.
22. Christenson, A. J. *Popol Vuh, Volume II: Literal Poetic Version, Translation, and Transcription.* New York: O Books, 2004.
23. ALMG (Academia de Lenguas Mayas de Guatemala). *Vocabulario del idioma q'eqchi'.* Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística, 2004.
24. England N. C. *Mam grammar in outline.* Ph.D. dis. USA: University of Florida, 1975.
25. Stewart S. O. *Nueva gramática q'eqchi'.* Anthropology graduate contributions. Vol. 1. CO, USA: University of Colorado – Boulder, 2016.
26. ALMG (Academia de las Lenguas Mayas de Guatemala). *Gramática descriptiva del idioma kaqchikel.* Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística, 2004.

Motivational discourse and its place in the discursive knowledge system

Ptukyan Armen Rubenovich

Postgraduate student; Department of Theory and Practice of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 9

✉ armen.ptukyan@gmail.com

Abstract. The subject of the study is motivational discourse, its characteristics and features. The purpose of the study is to determine the motivational discourse specifics and its distinctive features from other types of discourse. The key features of motivational discourse are analyzed, reflecting its determining features, which allows to formulate a number of properties inherent in this type of discourse. The author examines in detail such aspects of the topic as emotiveness and speech impact on the recipient. The relevance of the study is due to the increased interest in personal training and motivational speeches, which are aimed at exerting some influence on recipient. Particular attention is paid to such concepts as:

motivational discourse, motivation, speech influence and communication. In the article, the author examines motivational discourse from the perspective of its influence on communicants and its illocutionary power. The novelty of this study lies in the definition of motivational discourse as a separate type of discourse. The author formulated a definition of motivational discourse and identified its distinctive features. The conducted research revealed some specific features inherent in motivational discourse. In particular, motivational discourse is formed with a specific goal to change the picture of the world that is familiar to communicants or to have a certain influence on the recipient. The author's special contribution to the study of the topic is the identification of the key features of motivational discourse, allowing it to be formulated as a separate type of discourse. The results of this study can be used to develop methods of speech influence, manuals on public speaking, as well as providing support for psychological trauma.

Keywords: speech intention, motivation, communication strategy, speech influence, illocutionary force, context, motivational discourse, communication, discourse, discursive act

References (transliterated)

1. Bukina Yu. V. Podkhody k ponimaniyu motivatsionnogo diskursa v sovremennoi gumanitarnoi paradigme // Mezhdunarodnyi zhurnal ekonomiki i obrazovaniya. 2022. № 1. S. 42-58.
2. Sallivan J. Three roles of language in motivation theory // Academy of Management Review. 1988. No.13 (1). Pp. 104-113.
3. Ivanova Yu. V. Ponyatie diskursa // MNIZh. 2015. № 1-3. S. 51.
4. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis, 2004.
5. Kecskes I. A cognitive-pragmatic approach to situation-bound utterances // Journal of Pragmatics. 2000. No. 6. Pp. 605-625.
6. Kecskes I. Situation-Bound Utterances as Pragmatic Acts // Journal of Pragmatics. 2010. No. 11. Pp. 2889-2897.
7. Kecskes I. The evaluative function of situation-bound utterances in intercultural interaction // ED. by G. Thompson, L. Alba-Juez. The Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2014.
8. Kecskes I. Situation-Bound Utterances in L1 and L2. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2003.
9. Prikhod'ko A. N. Diskursivnye akty: pragmasemantika i pragmatipologiya // Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs. 2010. № 1. S. 101-122.
10. Zav'yalova L. A. Osobennosti motivatsionnogo diskursa mezhdunarodnykh zhurnalov o mode // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2022. № 68. S. 106-120.
11. Panchenko N. N. Motivatsionnyi diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2. S. 4-8.
12. Khutyk I. P. Osobennosti realizatsii skonstruirovannogo dialoga v motivatsionnom diskurse // Kommunikativnye issledovaniya. 2022. № 1. S. 121-136.
13. Kiemer K., Gröschner A., Kunter M., Seidel T. Instructional and motivational classroom discourse and their relationship with teacher autonomy and competence support – Findings from teacher professional development // European Journal of Psychology of Education. 2018. No. 33. Pp. 377-402.

14. Chernyavskaya, V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya. M.: Flinta, Nauka, 2006.
15. Golodnov A. V. Persuazivnaya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2008. № 4-2. S. 113-125.
16. Gilyasev Yu.V. Pragmatika angloyazychnogo motivatsionnogo diskursa // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 5. C. 70-76.

The category of emotivity as a reflection of a person's attitude to the world in prayer texts (based on the German language)

Urazaeva Nailya Radifovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Linguistics and Translation; Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin Ave., 26, room 224

✉ nailja-urasaewa@yandex.ru

Urazaeva Sufiya Il'gamovna

Student; Department of Linguistics and Translation; Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Magnitogorsk region, ave. Lenin, 26, office 16A

✉ nailja-urasaewa@yandex.ru

Vesna Vladislava Marsova

Student; Department of Linguistics and Translation; Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

455000, Russia, Magnitogorsk region, ave. Lenin, 26, office 16A

✉ nailja-urasaewa@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the representation of the religious picture of the human world, expressed in prayer texts and viewed through the prism of the category of emotivity. The research focuses on the study of linguistic means and techniques used in prayers to express emotions, feelings, assessments and the worshipper's subjective attitude towards God, the world and himself. Special attention is paid to the analysis of how these emotive manifestations reflect and construct religious beliefs, values, and beliefs that shape the religious worldview. In particular, the research is aimed at identifying and classifying the main types of emotive units (emotionally colored vocabulary, stylistic figures, rhetorical techniques), identifying the relationships between different types of emotions. The ultimate goal is to demonstrate how the category of emotivity serves as a tool for understanding the religious worldview. The methodology includes: definition of the concepts of emotivity, emotion and expressivity, the importance of studying the worldview from the point of view of linguistics; review of theoretical literature. Protestant prayers in German are empirically analyzed. Methods of analysis: lexico-semantic (identification of emotive vocabulary), stylistic (analysis of stylistic techniques), contextual (taking into account the religious context). The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the representation of the religious picture of the world through the prism of the category of emotivity in prayer texts. The interpretation of emotive manifestations in prayer texts is proposed as a reflection of the subjective religious experience and the individual picture of the believer's world. The research

results contribute to the development of linguistic conceptology, religious linguistics, and discourse theory. The study confirms that the emotivity category plays a central role in shaping and expressing the religious worldview in prayer texts. Prayers do not just convey information, but also express a believer's deep feelings, experiences, and attitudes toward God, the world, and himself. Prayers have revealed a wide variety of emotive means (lexical, stylistic, rhetorical) used to express various emotions: gratitude, love, hope, fear, guilt, sorrow, and others. The data obtained can be used in intercultural communication, religious studies, and in the development of educational programs aimed at improving religious literacy and tolerance.

Keywords: emotive vocabulary, language tools, German language, prayer, expressiveness, emotion, world view, category of emotiveness, syntactic means, value orientations

References (transliterated)

1. Abdul-Kadhim I. A. Emotions Effects and Interpretation of Language: Semantic Observation // European Journal of English Language and Literature Studies. 2024. Vol. 12. No. 6. Pp. 54-69.
2. Abduraimova A. Aspects of the study of emotions in linguistics. // Western European Journal of Linguistics and Education. 2024. 2(4). Pp. 82-87.
3. Die Bibel in heutigem Deutsch. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1995.
4. Gebete für Gottesdienste. Leer, 2013. 160 s.
5. Giesen T. Gebete der Zuversicht. Stuttgart: Radius-Verl., 1993. 100 s.
6. Kulmanova Z. Bekbulatovna, Zhirenov S. Amanzholuly , Mashinbayeva G. Abenovna , Orynbayeva D. Gabitovna, Abitova Z. Sabetkhanovna and Babaeva K. Sabetovna. Reflection of the Religious Worldview in Language // International Journal of Society, Culture & Language. 2022. 10(3). Pp. 31-43.
7. Language and Emotion. Volume 1 / Hrsg.von Gesine Lenore Schiewer, Jeanette Altarriba, Bee Chin Ng. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2022. 703 p.
8. Naegeli S. Du hast mein Dunkel geteilt: Gebete an unerträglichen Tagen. Verlag Herder Freiburg – Basel – Wien, 1996. 112 s.
9. Okhrimenko V., Okhrimenko M., Gevorgian K., Uriadova V., & Shevchenko I. Psycholinguistic mechanisms of expression emotion to denote disgust in phraseological pictures of the world in different languages // Journal of Language and Linguistic Studies. 2022. 18(Special Issue 2). Pp. 1088-1095.
10. Pérez-García E., & Sánchez M. J. Emotions as a linguistic category: perception and expression of emotions by Spanish EFL students // Language, Culture and Curriculum. 2019. № 33(3). Pp. 274-289.
11. Ponsonnet M. Emotional language: A brief history of recent research // Völkel S. & Nassenstein N. eds. Approaches to Language and Culture (Handbook). Berlin: Mouton de Gruyter, 2022. Pp. 307-335.
12. Schuppener G. Religiöse Sprache in reichsbürgerlichen Texten //Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi. Studien zur deutschen Sprache und Literatur. 2023. 10.26650/sdsI2022-1186964. Pp. 21-53.
13. Stutz P. Du hast mir Raum geschaffen: Psalmengebete. München: Claudius – Verlag, 1997. 164 s.
14. Zink J. Wie wir beten können. Kreuz Verlag Stuttgart. 1991. 254 s.
15. Arutyunova N. D. Aksiologiya v mekhanizmax zhizni i yazyka // Problemy strukturnoi

- lingvistiki 1982. M.: Nauka, 1984. S. 5-23.
16. Belyanin V. P. Vvedenie v psikiatricheskoe literaturovedenie. Myunkhen, 1996. 281 s.
 17. Bi Tszin'e. Religioznaya kartina mira i ee otrazhenie vo frazeologii natsional'nogo yazyka: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13. Chita, 2004. 140 s.
 18. Boldyrev N. N. Struktura i printsipy formirovaniya otsennochnykh kategorii // S lyubov'yu k yazyku: sb. nauch. trudov. Moskva – Voronezh: IYa RAN, Voronezhskii gos. un-t, 2002. S. 103-114.
 19. Vladimirova A. V. Emotivnost' kak samostoyatel'naya lingvisticheskaya kategoriya // NovaInfo: Filologicheskie nauki. 2019. № 96. S. 156-159.
 20. Galieva M. R. Religioznoe soznanie v yazykovoii kartine mira // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 5(716). S. 36-46.
 21. Grafova T. A. Rol' emotivnoi konnotatsii v semantike slova: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 1987. 250 s.
 22. Zhanguzova L. K. Kategoriya emotivnosti v tekste kak lingvisticheskii fenomen // Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal. 2024. № 03 (101). Rezhim dostupa: <https://scipress.ru/philology/articles/kategoriya-emotivnosti-v-tekste-kak-lingvisticheskij-fenomen.html> (Data obrashcheniya: 28.03.2024).
 23. Zhirenov S. A., Kulmanova Z. B. Otrazhenie yazyka v religioznoi kartine mira // Tiltanym. 2023. № 89(1). S. 125-132.
 24. Kozhevnikova E. V. Ponyatie «emotivnost'» i podkhody k ego rassmotreniyu v sovremennoi lingvistike // Vestnik nauki. 2024. № 1 (70). Tom 2. S. 626-632.
 25. Mironova N. N. Struktura otsennochnogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. M., 1998. 355 s.
 26. Mikhailov L. M. Kommunikativnaya grammatika nemetskogo yazyka: Ucheb. dlya in-tov i fak-tov inostr. yaz. M.: Vysshaya shkola, 1994. 256 s.
 27. Sazhina E. V., Semak D. S. «Emotsional'nost'» i «emotivnost'» v lingvistike: k razgranicheniyu ponyatii // Epokha nauki. 2019. № 20. S. 565-568.
 28. Tarasov L. F. Rol' inversii v stikhotvornoii rechi // Ritorika i sintaksicheskie struktury: Tez. Kraevoi nauch.-praktich. konf. Krasnoyar. un-t Krasnoyarsk, 1988. S. 245-248.
 29. Shakhovskii V. I., Karasik V. I. Emotivno-modal'nye komponenty semanticheskoi struktury teksta // Semantika tselogo teksta: Tezisy vystuplenii na soveshchanii. M.: Nauka, 1987. S. 158-159.

Texts by Zinaida Volkonskaya through the prism of the Kunstreligion concept

Tokareva Marina Sergeevna

Department of history of Russian literature, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1st building of the Humanities faculties

✉ marinatok97@gmail.com

Abstract. The subject of this work is the reflection of the philosophical and aesthetic romantic concept Kunstreligion in the texts of Princess Zinaida Volkonskaya. The author searched for traces of the influence of this trend of Romanticism in travel notes and essays on the painting of the Princess. The texts created during the Princess's trip from Moscow to Rome in 1829 were chosen as the material: they were published in «Excerpts from travel memoirs» (1865). In addition, little-known essays by Volkonskaya – «La Madonna de Raphael à Dresde»

and «La Madeleine du Corrège» are analyzed. The objectives of the study are to interpret the texts of Z. A. Volkonskaya from the point of view of Kunstreligion, to identify the author's specifics, to clarify the difference in the reflection of Kunstreligion in W.-H. Wackenroder, F. Schlegel and Z. A. Volkonskaya. The comparative historical method was used in the work, and the methodology is based on the works of H. Taine and A. N. Veselovsky. The main conclusions are the discovery of new «traces of influence» of Kunstreligion in Russian literature. It turned out that Z. A. Volkonskaya, being a woman of a religious and romantic conscience, partially relied on the postulates of this concept in her texts. However, it is not known how much the princess was aware of the influence of Kunstreligion on her creativity. The ideas of this concept were presumably known to her thanks to Stepan Shevyrev, who participated in the publication of the translation of W.-H. Wackenroder's work «Fantasies on Art» (1797).

The scientific novelty of the research lies in the analysis of texts by Z. A. Volkonskaya that had not previously been thoroughly studied, namely the essays «La Madonna de Raphael à Dresde» and «La Madeleine du Corrège».

Keywords: travel notes, Zinaida Volkonskaya, Wackenroder, Schlegel, essay, painting in literature, comparative studies, German Romanticism, Kunstreligion, history of perception

References (transliterated)

1. Arutyunova-Manusevich B.A. Zhizn' v pis'makh. Knyaginya Zinaida Volkonskaya i ee korrespondenty. SPb.: Nekommercheskoe partnerstvo «Russkaya kul'tura», 2017.
2. Garris M.A. Zinaida Volkonskaya i ee vremya. M.: K.F. Nekrasov, 1916.
3. Thums B. Kunstreligion: Romantische An- und Umbildungen religiösen // Wissens Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2018. No. 48, Pp. 147-166.
4. Kramer E. A. The idea of Kunstreligion in German musical aesthetics of the early nineteenth century. Chapel Hill, NC: University of North Carolina at Chapel Hill, 2005.
5. Spencer T. Revelation and Kunstreligion in W.H. Wackenroder and Ludwig Tieck // Monatshefte. 2015. No. 107 (1), Pp. 26-45.
6. Leistra-Jones K. Hans von Bülow and the Confessionalization of Kunstreligion // The Journal of Musicology. 2018. No. 35(1). Pp. 42-75.
7. Echevarria R. Parsing Parsifal: Wagner's Erotic Kunstreligion // Sydney Undergraduate Journal of Musicology. 2019. No. 9. Pp. 4-22.
8. Petrov A. Listening to music in' holy'space: the role of 19th-century public concert in the construction of Kunstreligion // Musicological Annual. 2014. V. 50. No. 2. Pp. 223-230.
9. Dmitrieva E.E. Religiya ot iskusstva i «katolicheskii soblazn» v russkom obshchestve 1830-1840-kh gg. // Rossiya – Zapad – Vostok. Literaturnye i kul'turnye svyazi. 2013. Vyp. 1. S. 80-90.
10. Dmitrieva E.E. N.V. Gogol' v zapadnoevropeiskom kontekste: mezhdru yazykami i kul'turami. M.: IMLI RAN, 2011.
11. Chuprinova N.V. Khudozhestvennoe svoeobrazie putevykh zapisok knyagini Z.A. Volkonskoi // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2016. № 8. S. 116-119.
12. Shlegel' F. O filosofii. K Dorotee // Estetika. Filosofiya. Kritika / Per. s nem. Yu.N. Popova. T. 1. M.: Iskusstvo, 1983. S. 336-357.
13. Zhirmunskii V.M. Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika. 2-e izd. SPb.: Aksioma, 1996.

14. Dmitriev A.S. V.-G. Vakenroder i rannie nemetskie romantiki // Fantazii ob iskusstve. M.: Iskusstvo, 1977. S. 9-24.
15. Pushkareva Yu.E., Gavrilov D.Yu. Zinaida Volkonskaya kak vdokhnovitel'nitsa ital'yanskogo teksta v poezii lyubomudrov // Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sbornik materialov I (XVI) Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh (9-11 aprelya 2015). Vyp. 16. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2015. S. 229-231.
16. Vakenroder V.G. Fantazii ob iskusstve / Per. s nem. S.S. Belokrinitskoi. M.: Iskusstvo, 1977.
17. Sochineniya knyagini Zinaidy Aleksandrovny Volkonskoi. Parizh: Parizh i Karlsrue, 1865.
18. Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky née princesse Beloselsky. Paris, Karlsruhe, 1865.

Intercultural Competence and Multiple Identities in the Context of English Language Use in an Institutional Setting

Kharchenko Maria Aleksandrovna

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages No. 3, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

14E Trubachenko str., Simferopol, Republic of Crimea, 295048, Russia

✉ kharchenkomariia88@gmail.com

Abstract. The aim of this study is to explore the connection between the cultural content of the English language as a means of international communication and the formation of the identity of its speakers within the context of intercultural interaction in institutional settings. The study proposes to rethink the perspective of using English, focusing not on communication with native speakers, but on developing skills for interaction in a multilingual environment. The practical significance of the research lies in its potential to promote the development of intercultural communication and improve interaction in multilingual and multicultural contexts, fostering better understanding and acceptance of diverse cultural identities in a globalized world. The study also emphasizes the importance of adapting educational programs aimed at preparing individuals for professional interaction in a culturally diverse environment, which is particularly relevant in an era of global interdependence. The scientific significance of the research lies in introducing a new concept of English cultural competence as a phenomenon that transcends individual cultures and embraces diverse contexts. The study employs methods of theoretical analysis and synthesis, sociolinguistic and socio-constructivist approaches, as well as comparative analysis, to reinterpret the role of English as a lingua franca and its connection to multilingual communicative practices. The practical significance of the research lies in its potential to advance intercultural communication and improve interactions in multilingual and multicultural contexts, fostering greater understanding and acceptance of diverse cultural identities in a globalized world. The findings underline that the focus should be on developing intercultural competence resources rather than on studying isolated linguistic and cultural traditions.

Keywords: institutional environment., globalization, multicultural interaction, polycodality, intercultural competence, sociolinguistics, multilingual practices, cultural identity formation, intercultural communication, Lingua Franca

References (transliterated)

1. Vainraikh U. Odnoyazychie i mnogoyazychie // *Novoe v lingvistike: Yazykovye kontakty / Pod red. V.Yu. Rozentsveiga.* – M.: Progress, 1972. Vyp. 6. – S. 25-60.
2. Guzikova, M. O. Osnovy teorii mezhkul'turnoi kommunikatsii : [ucheb. posobie] / M. O. Guzikova, P. Yu. Fofanova ; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg: Izdvo Ural. un-ta, 2015. – 124 s.
3. Zudilina, N. V. Formirovanie identichnosti v internet-soobshchestvakh. – Diss. ... kand. filos. nauk. – Simferopol', 2012. – 230 s.
4. Kabakchi V.V. Praktika angloyazychnoi mezhkul'turnoi kommunikatsii –In English about Russia and the whole world: uchebnoe posobie / V.V. Kabakchi. – Izd. 3-e, ster. – Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2021. – 505 s. – Tekst: elektronnyi.
5. Molchanova, G. G. Kognitivnaya neverbalika kak polikodovoe sredstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii: kinesika // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* – 2014. – № 2. – M., 2014. – S. 13-30.
6. Molchanova, G. G. Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii: verbalika i neverbalika. – M.: Olma-Press, 2014. – 208 s.
7. Mikhail'chenko, V.Yu. Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v sovremennoi Rossii // *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka: Sb. obzorov / RAN. INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya.* – M., 2015. – S. 14-31.
8. Novitskaya A.V. Formirovanie mezhkul'turnoi kompetentsii v razlichnykh vidakh mezhkul'turnykh kontaktov // *Sb. nauch. tr. SevKavGTU. Ser. Gumanitarnye nauki.* – 2008. – № 6.
9. Sadokhin, A. P. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii / A. P. Sadokhin. – M.: Vyssh. shk., 2005. – 310 s.
10. Sergaeva, Yu. V. Mul'timodal'nyi tekst kak predmet iskusstva // *Traditsionnoe i novoe v lingvistike, perevodovedenii, lingvokul'turologii i lingvodidaktike: sbornik statei.* – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2017. – 148 s. – S. 16-21.
11. Smirnova, N. V. Obuchenie inoyazychnoi pis'mennoi rechi kak sotsial'noi praktike v usloviyakh bilingval'nogo obrazovaniya (sotsioekonomicheskie spetsial'nosti) (na materiale angliiskogo yazyka). – Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. – Sankt-Peterburg, 2018. – 23 s.
12. Smokotin, V. M. Yazyk vseirnogo obshcheniya i etnokul'turnaya identichnost': komplementarnost' v usloviyakh globalizatsii: Avtoref. diss. d-ra filos. nauk. 24.00.01. – Tomsk, 2011. – 39 s.
13. Yadova, M. A. Sotsial'nye praktiki i povsednevnyaya zhizn' v fokuse sotsiologii // *Novye sotsial'nye praktiki v zerkale sotsiologii: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; Otv. red. M.A. Yadova.* – M., 2019. – S. 8-11.
14. Canagarajah, S. Postmodernism and Intercultural Discourse: World Englishes // *Paulston, C. B., Kiesling, S. F., & Rangel, E. S. (Eds.). The Handbook of Intercultural Discourse and Communication (Vol. 29).* – John Wiley & Sons, 2012 – Hoboken, NJ. – R. 110-132.
15. Chen, D., Tigelaar, D., Verloop, N. The Intercultural Identities of Nonnative English Teachers: An Overview of Research Worldwide // *Asian Education Studies.* – Vol. 1, No. 2, 2016. – P. 9-25.
16. Baker, W. Research into practice: Cultural and intercultural awareness // *Language Teaching.* – 2015. – 48 (1). – P. 130-141.
17. Byram, M., Gribkova, B., & Starkey, H. Developing the intercultural dimension in

language teaching: A practical introduction for teachers.

http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Guide_dimintercult_En.pdf

18. Jenkins, J. Accommodating (to) ELF in the international university. – Journal of Pragmatics. – 2011. – 43(4). – R. 926-936.
19. Kramsch, C. Culture in Foreign Language Teaching // Iranian Journal of Language Teaching Research. – 2013. – V. 1, N. 1. – P. 57-78.
20. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca. – Oxford University Press, 2011. – 244 p.
21. Yazan, B. Teaching English as an International Language. – TESOL International Association, 2013, Alexandria, VA. – 9 p.

Structural and semantic types of English paremias on the subject of "financial situation"

Mikheev Nikita Aleksandrovich

post-graduate student, Department of general and Russian linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ mikheev.nikita.a@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to study the structural and semantic features of the English language paremias used to characterize a person's financial situation. To achieve this goal, the following tasks were set: to study the features of the structural and semantic analysis of paremias using the frame method, to compile a structural and semantic classification of paremias, with which one can characterize a person's financial situation. The subject of the study is paremias denoting a person's financial situation in English, and their Russian equivalents. The object of the study is the structural and semantic features of paremias denoting a person's financial situation in modern English. The research material is 200 paremias of the English language denoting a person's financial situation, obtained by a continuous sampling method from the "Great English-Russian Phraseological Dictionary" by A.V. Kunin, "Oxford Dictionary of Idioms" and "Cambridge Dictionary". In the course of the study, such methods of general scientific research as the analysis of theoretical literature, synthesis, and classification were used. A scientific linguistic method such as definitional analysis was also used, this method was used to identify groups of semantic equivalents. The conducted research allowed us to conclude that the English language parodies denoting a person's financial situation can be divided into several semantic groups: "wealth", "poverty", "get rich", "impoverish", "be rich", "be poor". Based on the structural and semantic analysis of these paremias, it is possible to formulate a number of differences in the English-speaking and Russian-speaking linguistic picture of the world, based on the different attitudes towards money and finance among the British and Russians.

1. If the British have a person who is responsible for his own financial situation (he is to blame for his own poverty or he achieves wealth), the Russians understand a person who becomes rich or poor as the will of fate (a person cannot be accused of poverty).
2. Among the British, a person who has wealth always deserves respect, regardless of how his fortune was made. Among Russians, respect for a person with a lot of money can be not only respectful, but also contemptuous, because wealth is often associated with a lack of honesty and kindness.

Keywords: language world picture, definitional analysis, frame method, linguistics, financial standing, the Russian language, structural-semantic, the English language, paremias,

semantic

References (transliterated)

1. Kunin, A. V. Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'. – Izd. 4-e, pererabotannoe i dopolnennoe. – M., 2021.
2. Aito, Dzh. Oksfordskii slovar' idiom. – Izd. 4-e. – Oksford, 2020. – 448 s.
3. Uolter, E. Kembridzhskii slovar' idiom. Izd. Kembridzhskogo universiteta, 2006. – 522 s.
4. Anan'ev, B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. Izd. 3-e. – SPb, 2001. – 288 s.
5. Apresyan, Yu. D. K voprosu o znachenii frazeologicheskikh edinit / Yu. D. Apresyan // Inostrannye yazyki v shkole. – 2019. – № 6. – S. 12.
6. Vinogradov, V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. – M.: Nauka, 2020. – 312 s.
7. Arnol'd, I. V. Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka. – M., 1959.
8. Vitgenshtein, L. Logiko-filosofskii traktat. – M.: Eksmo, 2019. – S. 3-42.
9. Gurevich, A. Ya. Izbrannoe. Istoriya – neskonchaemyi spor. – M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. – 464 s.
10. Gal'perin, I. R. Ocherki o stilistike angliiskogo yazyka. – M., 2020.
11. Koliberskaya, I. O. O frazeologicheskikh kal'kakh s angliiskogo v russkom yazyke. // Russkii yazyk v shkole. – 2020. – № 6.
12. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.– 2-e izd., pererab. – M.: Vyssh. shk., Dubna: Izd. Tsentr "Feniks", 2021. 381 s.
13. Leont'ev, A. A. Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'. – M.: Institut yazykoznaniiya RAN, 1993. – S. 16-21.
14. Razina, A. S. Metody izucheniya frazeologicheskikh edinit // Filologiya i lingvistika. – № 3. – 2019. – S. 21-23.
15. Uznadze, D. N. Vnutrennyaya forma yazyka // Psikhologiya ustanovki. – SPb, 2021. – S. 381-414.